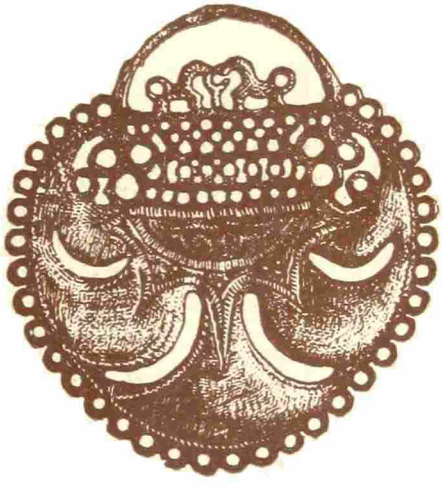
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4

1986

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4
1986

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, *В. И. Козенкова* (отв. секретарь),

Г. А. Кошеленко, *В. В. Кропоткин*, *Л. Р. Кызласов*,

В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*,

Р. М. Мунчаев, *Б. Б. Пиотровский*,

С. А. Плетнева (зам. главного редактора),

А. А. Формозов, *В. И. Шилов*

СОДЕРЖАНИЕ

Смирнов А. С. (Москва). Белевская культура (проблемы неолита верхней Оки) 5

Блаватская Т. В. (Москва). Известия Геродота о будинском граде Гелоне и его обитателях 22

Алексеева Е. М. (Москва). Культы Горгиппии 34

Амброз А. К. (Москва). Кинжалы VI—VIII вв. с двумя выступами на ножнах 53

Войтов В. Е. (Москва). Древнетюркские памятники на Хануе 74

Русанова И. П., Тимощук Б. А. (Москва). Збручское святилище (предварительное сообщение) 90

Иерусалимская А. А. (Ленинград). Древняя латунь на торговых путях Кавказа (по материалам Мощевой Балки) 100

Винников А. З., Пряхин А. Д. (Воронеж). А. Н. Москаленко — ученый и педагог 112

Публикации

Сидоров В. В. (Москва). Маслово Болото 7 — поселение льяловской культуры 116

Костылева Е. Л. (Иваново). Ранненеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII 138

Лисицын Н. Ф. (Ленинград). Озерные стоянки Хакасии (к вопросу о времени освоения степной зоны) 152

Бессонова С. С., Скорый С. А. (Киев). Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму 158

Романчук А. П. (Свердловск). Граффити на средневековой керамике из Херсонеса 171

Сымонович Э. А. (Москва). Раннесредневековое поселение Тазово под Курском 183

Ртвеладзе Э. В. (Ташкент). Средневековый могильник Бит-Тепе в Чаганиане 194

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1986 г.

Бердимурадов А. Э. (Самарканд). Винодельная мастерская в северо-западной Уструшане 210
Трусов О. А., Чернявский И. М., Кравцевич А. К. (Минск). Архитектурно-археологические исследования Мирского замка и городского поселка Мир Гродненской области 216
Шашкина Т. Б., Галибин В. А. (Ленинград). Памятники древнерусского колокольного литья (результаты химико-аналитического исследования) . . . 236

Заметки

Супруненко А. Б. (Полтава). Сосуды срубной культуры из окрестностей села Орлик 243
Аптекарев А. З. (Краснодар). Комплекс вещей V в. до н. э. из станицы Старокорсунской 245
Чубова А. П. (Ленинград). Херсонесские саркофаги с гирляндами и поддерживающими фигурами 250
Ахунбабаев Х. Г. (Самарканд). Об одной группе согдийских монет 254
Чурилова Л. Н. (Днепропетровск). Погребение с серебряной маской у села Манвеловки на Днепропетровщине 261
Логвин Н. Г. (Киев). Михайловская церковь на Выдубичах в Киеве 266

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 10 лет (1977—1986 гг.) 273

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 4 1986

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Smirnov A. S. (Moscow). The Belevo Culture (the Neolithic of the Upper Oka) . . 5
Blavatskaya T. V. (Moscow). Herodotus on the Budini Gelonus and its Inhabitants . . . 22
Alexeyeva E. M. (Moscow). Religious Cults in Gorgippia . . . 34
Ambroz A. K. (Moscow). 6th to 8th Century Daggers with Scabbards Having Two Suspension Fittings . . . 53
Voitov V. E. (Moscow). The Earliest Turkic Memorials on the River Khanui . . 74
Rusanova I. P., Timoshchuk B. A. (Moscow). The Zbruch Sanctuary. (A preliminary report) . . . 90
Jerusalimskaya A. A. (Leningrad). Finds of Ancient Brass Along the Caucasian Trade Routes (On the materials of the Moshchevaya Balka burials) . . . 100
Vinnikov A. Z., Pryakhin A. D. (Voronezh). Anna Moskalenko, a Scholar and a Teacher . . . 112

Publications

Sidorov V. V. (Moscow). Maslovo Boloto 7—a Settlement of the Lyalovo Culture 116
Kostyleva E. L. (Ivanovo). Sakhtysh VIII, an Early Palaeolithic Camp in the Upper Volga . . . 138
Lisitsyn N. F. (Leningrad). Lake Camps of Khakassia . . . 152
Bessonova S. S., Skory S. A. (Kiev). A Burial of a Scythian Warrior from the Akhtash Burial Ground in the Eastern Crimea . . . 158
Romanchuk A. I. (Sverdlovsk). Grafitti on Mediaeval Pottery from Chersonesus 171
Symonovich E. A. (Moscow). Tazovo, an Early Mediaeval Settlement Near Kursk . . . 183
Rtveladze E. V. (Tashkent). Bit-Tepe, a Mediaeval Burial Ground in Chaganian 194
Berdimuradov A. E. (Samarkand). Vinery in North-Western Ustrushan . . . 210
Trusov O. A., Chernyavsky I. M., Kravtsevich A. K. (Minsk). Architectural and Archaeological Studies of the Mir Castle and the Mir Urban Settllement in the Grodno Region . . . 216
Shashkina T. B., Galibin V. A. (Leningrad). Early Russian Bell Casting (chemical analysis) . . . 236

Notes

Suprunenko A. B. (Poltava). Vessels of the Timber-Grave Culture in the Vicinities of the Orlik Village . . . 243
Aptekarev A. Z. (Krasnodar). A Set of Finds of the 5th Century B. C. from the Village of Starokorsunskaya . . . 245
Chubova A. P. (Leningrad). Chersonesus Sarcophagi with Garlands and Figured Supports . . . 250
Akhunbabaev Kh. G. (Samarkand). Concerning a Group of Sogdian Coins . . . 254
Churilova L. N. (Dnepropetrovsk). A Burial with a Silver Mask at the Village of Manvelovka near Dnepropetrovsk . . . 261
Logvin N. G. (Kiev). St. Michael's Church in Kiev . . . 266

Index of Articles Published in Sovetskaya arkheologia Between 1977 and 1986 . . 273

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ — Античная древность и средние века. Свердловск
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Москва
ВГУ — Воронежский гос. университет
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВИА — Всеобщая история архитектуры в 12-ти томах. Ленинград — Москва
ВЦНИЛКР — Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория консервации и реставрации. Москва
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры. Ленинград — Москва
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГЭ — Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ИАИ — Известия на Археологическия институт на Българска Академия на науките. София
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.
ИМКУз— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КБН — Корпус боспорских надписей / Под ред. акад. Струве В. В. М.— Л.: Наука, 1965
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Инстиута археологии АН СССР
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе
МАЭ —Музей антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР. Ленинград
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Ленинград — Москва
НАА — Народы Азии и Африки. Москва
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ПГКБ — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск
ПГУ — Пермский гос. университет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
СА — Советская археология. Москва
САГУ — Среднеазиатский гос. университет. Ташкент
САИ — Свод археологических источников. Ленинград —Москва
СНВ — Страны и народы Востока. Москва
СНРПМ — Специальные научно-реставрационные производственные мастерские Министерства культуры БССР. Минск
СТАКЭ — Согдийско-Таджикская археологическая комплексная экспедиция
СЭ — Советская этнография. Москва
ТС — Тюркологический сборник. Москва
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЧИНИИ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт. Грозный
ЭВ— Эпиграфика Востока. Ленинград
AA — Archäologisher Anzeiger. Berlin
AAASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AH — Archaeologia Hungarica. Budapeşt
AJA — American J. of Archaeology. New York
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
CRAI — Académie des inscriptions et belles-letters. Comptesrendus. Paris
EFR — École française de Rome
ÉTAM — Études et travaux d'archéologie Marocaine. Rabat
FA — Folia archaeologica. Budapeşt
IOSPE — Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. V. I (2 ed.). Petropoli, 1916.
JA — Journal Asiatique. Paris
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society. London
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique francaise en Afghanistan. Paris
RA — Révue archéologique. Paris
SA — Studia archaeologica. Budapeşt
SMYA — Suomen muinaismuista yhdistyksen aikaukauskirja. Helsinki
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti

А. С. СМИРНОВ

БЕЛЕВСКАЯ КУЛЬТУРА
(проблемы неолита верхней Оки)

Белевская культура, самая западная из выделенных А. Я. Брюсовым окских неолитических культур [1, с. 57, 58], остается до сих пор наименее изученной. Раскопки производились на верхнеокских стоянках лишь однажды — В. А. Городцовым в конце прошлого века [2, 3]. Большинство материалов белевской культуры составляют сборы, чаще дореволюционные.

Основанием для выделения белевской культуры послужили находки керамики с орнаментом из ромбических ямок, а также присутствие ряда орудий, характерных, по мнению А. Я. Брюсова, исключительно для белевского неолита. Это кремневые кинжалы, крупные рубящие орудия, изделия из массивных ножевидных пластин [4]. Кроме того, А. Я. Брюсов полагал, что для белевской культуры характерно длительное существование древних типов орудий [5, с. 51]. Однако мнение о своеобразии кремневого инвентаря белевской культуры впоследствии не раз оспаривалось [6—9]. Согласно А. Я. Брюсову, сосуды белевской культуры изготовлялись из глины с примесью дресвы, а в наиболее поздние периоды — из чистой глины. Для орнамента характерно применение длинноовального и ромбического штампов, нередко зубчатых; позднее узор упрощается, исчезает зубчатость ямок, сами эти вдавления и даже оттиски зубчатого штампа выходят из употребления. Сосуды украшаются по верху беспорядочно разбросанными мелкими неправильными ямками [5, с. 51].

Характеристика белевской культуры по сравнению с первоначальной, данной А. Я. Брюсовым, претерпела существенные изменения. В основном это касается кремневого инвентаря, в меньшей степени керамического материала.

Кроме немногочисленных статей А. Я. Брюсова, посвященных непосредственно белевской культуре [4, 5], можно назвать только две работы Г. Ф. Поляковой, касающиеся конкретных вопросов верхнеокского неолита [9, 10]. Обычно белевскую культуру упоминают в обобщающих трудах, посвященных проблемам льяловской культуры, а в ряде случаев и более обширных регионов.

В то же время, несмотря на неразработанность вопросов периодизации, хронологии, а также инвентаря белевской культуры, с ней часто связывают различные этапы развития неолитических культур от Подесенья до Карелии. Термин «белевская культура» (под последней обычно понимаются материалы с неолитической керамикой, украшенной ромбоямочным орнаментом) прочно укоренился в литературе. Существование белевской культуры и правомерность ее выделения до сих пор не вызывали серьезных сомнений.

Между тем в последние годы произошло резкое увеличение источниковедческой базы для изучения неолита лесной полосы Восточной Европы. Материалы с ромбоямочной керамикой обнаружены далеко за пределами верхнеокского бассейна. Особенно следует отметить исследования и раскопки многочисленных стоянок верхней и средней Десны. Проведенные Деснинской экспедицией ИА АН СССР обследования верхнего течения р. Оки в пределах Орловской, Калужской и Тульской областей, анализ музейных коллекций, их сопоставление с имеющимися в настоящее время данными о неолите сопредельных территорий, вынуждают по-новому взглянуть на происхождение, историю и значение белевской культуры.

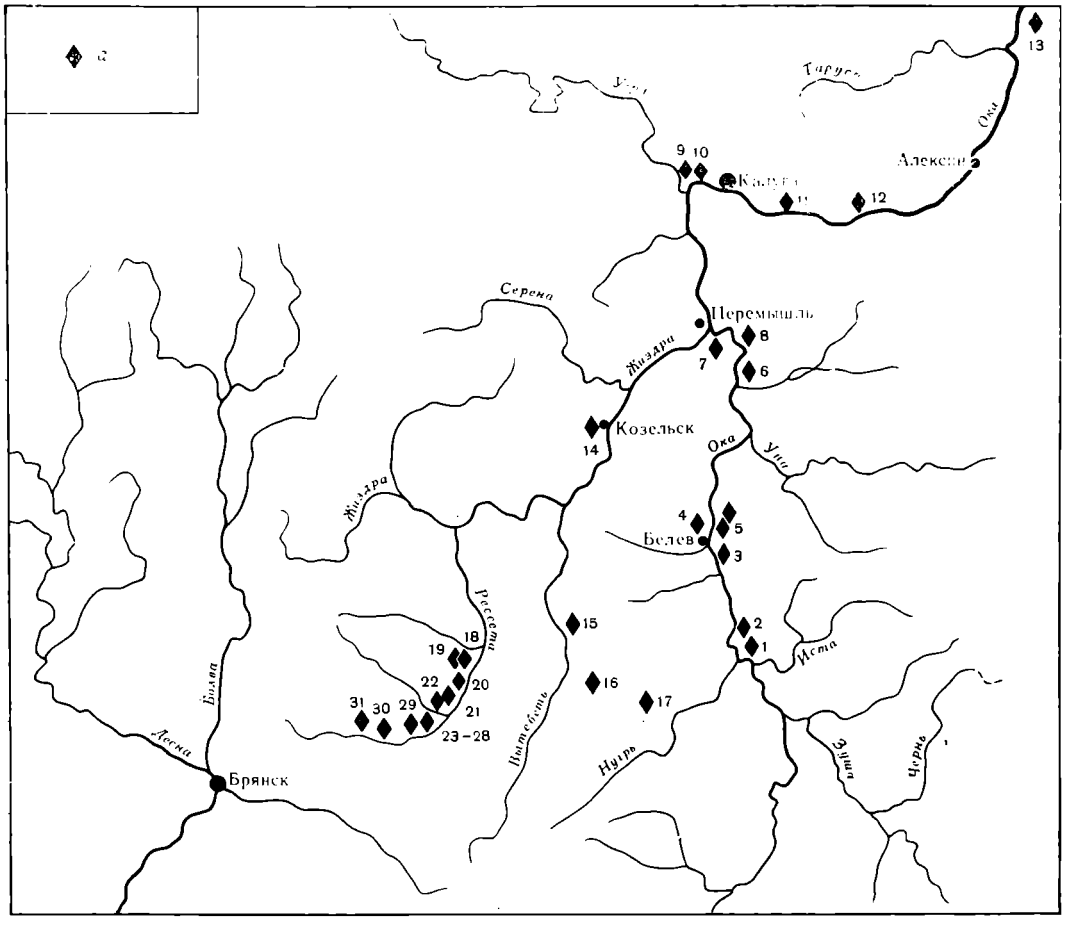


Рис. 1. Неолитические памятники верхней Оки. *а* – стоянка. Пункт с находками керамики: *1* – Воронец; *2* – Федяшево; *3* – Сестринский Хрящ; *4* – Белев; *5* – Жабынь; *6* – Доброе; *7* – Вяльцевские Выселки; *8* – Гремячее; *9* – Плетневка; *10* – Аннепки; *11* – Криуши; *12* – Воронино; *13* – Бехово; *14* – Козельск; *15* – Ржавка; *16* – Городок; *17* – Шумово; *18* – Рессета I; *19* – Рессета III; *20* – Устье Дубны I; *21* – Красное III; *22* – Красное IV; *23* – Красное V; *24* – Красное VI; *25* – Красное VII; *26* – Красное VIII; *27* – Красное IX; *28* – Красное X; *29* – Стайки II; *30* – Кургап; *31* – Ивановский

Выделяя белевскую неолитическую культуру, А. Я. Брюсов писал о многочисленных, близко расположенных стоянках, их относительно большой величине и насыщенности культурного слоя. К этой культуре, по его мнению, относятся более 80 памятников, расположенных по р. Оке и ее правобережным притокам от г. Белева до г. Серпухова, из чего делается вывод о достаточной плотности населения и возможностях его расселения. В то же время А. Я. Брюсов отмечает, что племена, характеризуемые этой культурой, занимали очень небольшую территорию [5, с. 55].

Однако при характеристике белевской культуры он привлекает лишь стоянку Гремячее, датируемую в настоящее время мезолитом, стоянки Воронец, Жабынь и несколько серпуховских поселений. Достаточно полно представлены лишь Воронец и Жабынь.

Г. Ф. Полякова, анализируя коллекции белевской культуры, крайне незначительно пополнившиеся за прошедшее двадцатилетие, отмечает 95 памятников. Но лишь на 17 из них встречены фрагменты неолитической керамики (702 экз.). Имеются и такие памятники, где весь материал представлен единственным черепком [9, 10]. Основная масса материала происходит с пяти стоянок: Воронец, Сестринский Хрящ, Воронино, Бехово и Жабынь. Кремневые орудия, общим числом 277 экз., происходят с большего количества памятников, однако не всегда составляют значительные серии и могут с должной уверенностью датироваться неолитическим временем. Таким образом, и в этом случае автор вынужден свести

характеристику белевской культуры к описанию нескольких памятников, представленных сборами.

В отмеченных работах А. Я. Брюсова, Г. Ф. Поляковой и прочих авторов белевская культура рассматривается лишь с точки зрения инвентаря памятников. Ни разу не было сделано попытки проследить закономерности расположения поселений, причины их локализации в определенных районах и многие другие вопросы, обычно затрагиваемые при характеристике какой-либо группы памятников и тем более культуры.

При картографировании известных к настоящему времени верхнеокских неолитических памятников выявляется следующая картина (рис. 1). Основная масса поселений концентрируется по берегам р. Оки в пределах современного Белевского р-на Тульской обл. Выше по течению Оки, в Орловщине, неолитические памятники до настоящего времени неизвестны. Ниже, по мере приближения к Калуге, количество памятников по берегам сокращается. Ниже Калуги они единичны, лишь на участке Таруса — Серпухов выявлено несколько стоянок. Особняком стоит так называемая тульская группа памятников в верховьях рек Упа, Осетр и Беспута. Однако они представлены лишь кремневыми изделиями и отходами, которые часто малоинформативны (местонахождения отщепов), а в ряде случаев относятся не к эпохе неолита, а к более позднему времени. Связь этих материалов с неолитом вообще, а тем более с белевской культурой проблематична [1].

Неравнозначны памятники и по количеству полученного с них материала. Если в окрестностях г. Белева имеются такие поселения, как Воронец, Федяшево, Сестринский Хрящ, Жабынь, давшие значительное количество находок, то в районе калужского течения Оки и ниже отмечены лишь отдельные местонахождения с единичными орудиями и очень редко фрагментами керамики. При повторных обследованиях эти пункты часто уже не дают находок.

Подобный анализ приводит к мысли, что основное количество известных стоянок локализуется в районе белевского течения Оки. С этой точки зрения интересны закономерности поступления находок неолитического времени в местные музеи. В Орловском музее материалов нет, в Калужском археологические коллекции эпохи неолита немногочисленны, насчитывают, как правило, всего несколько единиц хранения и связаны с деятельностью краеведов в дореволюционное время. Несколько местонахождений, обнаруженных два десятилетия назад и представленных одним-двумя отщепами, редко фрагментами керамики, не меняют общего впечатления.

В то же время фонды Белевского музея продолжают постоянно пополняться путем сбора подъемного материала, представленного кремневыми и костяными орудиями, многочисленными фрагментами керамики, составляющими значительные серии; находки происходят из определенного места. Неолитические материалы — поступления последних лет — имеются и в Козельском музее.

Деснинская экспедиция в течение нескольких полевых сезонов проводила разведки в бассейне верхней Оки с целью уточнения имеющихся данных о неолитических памятниках этого региона и поиска новых. Осмотр русла Оки от г. Орла до г. Алексина не принес ничего существенного. Новых памятников не обнаружено, за исключением единичных слабонасыщенных местонахождений. Стоянки с сохранившимся культурным слоем отсутствуют.

Гораздо интереснее оказались результаты обследования р. Жиздры, впадающей в Оку ниже г. Белева. На правом ее притоке, р. Рессете, обнаружено около полутора десятков неолитических памятников с хорошим культурным слоем (рис. 1, *18—31*), а также ряд местонахождений. Поселения занимают останцы и возвышенности в пойме, невысокие мысы и склоны боровой террасы. На четырех стоянках проведены раскопки. Эти

---

[1] Коллекция ГИМ, сборы С. Стрекаловой. Инв. № 78561–78582.

первые научно документированные исследования верхнеокских неолитических памятников дали материал, превышающий все ранее известные коллекции [2].

Все это говорит за то, что основной регион распространения неолитических памятников находится в пределах белевского участка верхней Оки и в бассейнах ее левобережных притоков. Объяснить подобное тяготение стоянок к определенному участку поречья Оки, по всей видимости, следует определенными географическими условиями, особенностями строения долины верхней Оки. Долина Оки, начинающаяся на Среднерусской возвышенности, в верхней части бассейна узкая и глубокая (40—65 м) [11, с. 87]. В пределах Орловской обл. русло Оки прорезает известняковый слой девонской системы [12, с. 79]. Ниже, в районе городов Белева — Перемышля, долина расширяется, появляется обширная пойма (4—5 км) [13, с. 112]. Далее, на отрезке от г. Калуги до г. Алексина, река вновь течет в узкой каньонообразной долине, практически без поймы, что является следствием залегания здесь известняков [14, с. 145].

Второй важной особенностью географии данного региона является наличие на левобережье верхней Оки полосы полесий. Брянско-жиздринское полесье, являющееся составной частью зандровых равнин у края московского оледенения [15, с. 69], расположено в бассейнах рек Болвы (приток Десны) и Жиздры (приток Оки). На юго-западе оно сливается с полесскими ландшафтами Деснинской низменности [16, с. 69]. Здесь преобладают плоские равнины и пологоволнистые зандровые равнины, относительно слабое расчлененные неглубоко врезанной гидрографической сетью [17, с. 35]. Брянско-Жиздринское полесье представляет собой как бы коридор, соединяющий бассейны Десны и Оки. Он образовался в ледниковый период, когда Ока со всеми притоками была подпружена в районе г. Лихвина. Скопившиеся здесь воды образовали обширный водоем, из которого наметился сток вдоль кромки льда на северо-запад, затем на юг. Таким стоком, вероятнее всего, была Жиздра: Ока от своих истоков текла до устья Жиздры и через нее впадала в Десну [18, с. 27]. На севере и востоке Брянско-Жиздринское полесье четко ограничено эрродированными склонами Среднерусской возвышенности. Следовательно, наиболее удобным для расположения неолитических стоянок является территория Брянско-Жиздринского полесья и Белевско-Перемышльского течения р. Оки. Этим и объясняется концентрация неолитических памятников по течению Оки в районе современного г. Белева и ее левобережного притока — р. Жиздры.

Естественно, возникают вопросы: являлось ли население, оставившее памятники верхнего, точнее, белевского течения р. Оки, автохтонным; относятся ли памятники к самостоятельной культуре или же здесь имеет место сочетание разнокультурных материалов? Наконец, насколько правомерно связывать с этим кругом памятников в лесной полосе европейской части СССР такие явления, как возникновение и распространение ромбоямочной керамики и ряда иных черт, традиционно приписываемых белевской культуре?

А. Я. Брюсов, намечая в своих работах периодизацию и хронологию белевской культуры, считал ее автохтонной и наиболее ранней керамикой назвал ромбоямочную. Г. Ф. Полякова пишет, что культура племен, населявших верховья Оки в эпоху неолита, сложилась на общей для всех неолитических культур Волго-Окского междуречья основе. Наиболее ранним типом керамики она считает ромбо- и круглоямочную. В настоящее время, после открытия верхневолжской ранненеолитической культуры, вопрос об этнокультурной истории верхней Оки еще более осложнился.

Обратимся к материалам раскопок верхнеокских неолитических памятников, произведенных Деснинской экспедицией. В 2 км южнее с. Красное Хвастовичского р-на Калужской обл. на левом берегу р. Рессеты нахо-

[2] По подсчетам Г. Ф. Поляковой, коллекции белевской культуры насчитывают 1635 ед. В результате раскопок на р. Рессете получены материалы общей численностью около 12 тыс. ед.

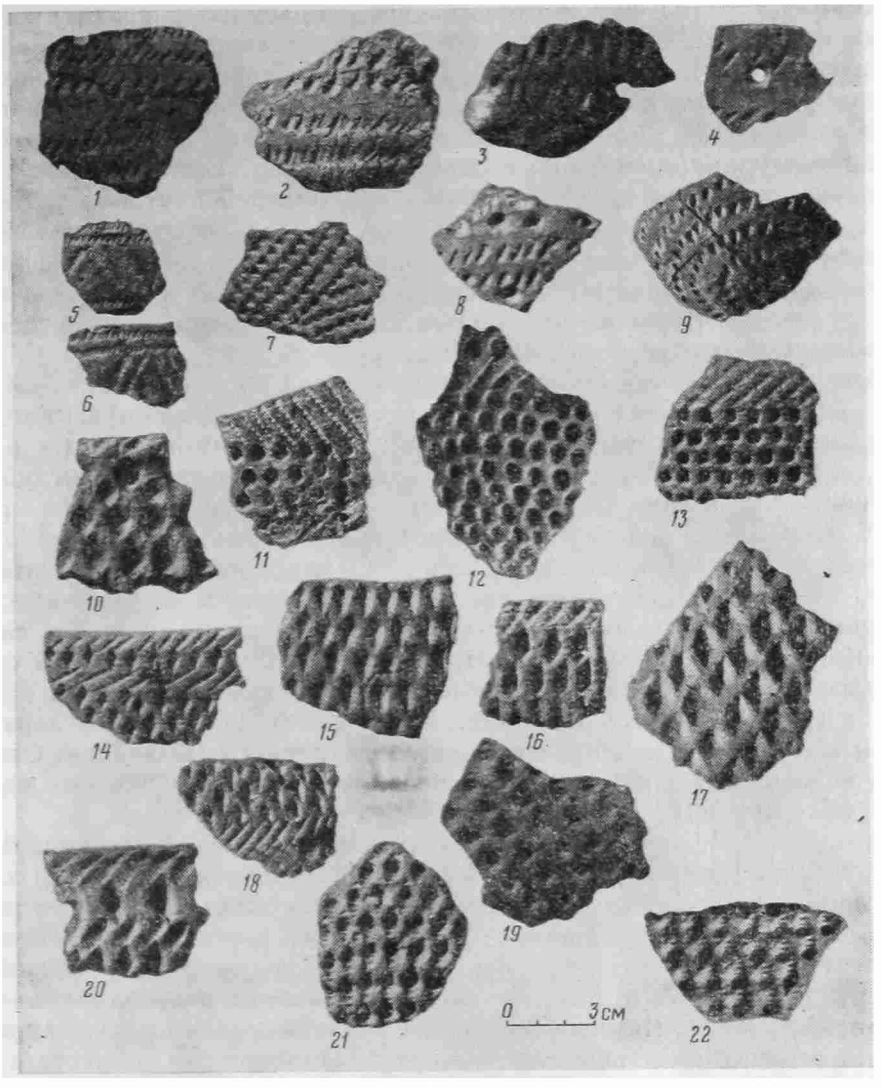


Рис. 2. Керамика стоянки Красное VI

дится обширное дюнное всхолмление, вытянутое по направлению ЮЗ — СВ на 700 м при максимальной ширине немногим более 100 м. В разных частях возвышенности были обнаружены шесть стоянок эпохи неолита. Три из них подверглись раскопкам.

Стоянка Красное VI занимает юго-восточную часть всхолмления. Превышение площади памятника над уровнем воды около 2 м. Вскрыто 102 м². В раскопе обнаружено 4758 находок, в том числе 1133 фрагмента керамики и 3625 кремней.

Типологически наиболее ранней представляется коллекция черепков с гребенчато-накольчатой орнаментацией (268 экз.). Они украшены различными вариантами накольчато-отступающего орнамента и гребенчатого штампа (рис. 2, *1—9*). Есть неорнаментированные фрагменты. Сосуды изготовлены как из рыхлого теста с растительной примесью, так и из плотного теста с примесью песка. Удалось восстановить сосуд слегка закрытой формы, с невыделенным округлым венчиком. Внешняя поверхность заглажена; изнутри гребенчатые расчесы. Тесто рыхлое, с примесью шамота. Сосуд орнаментирован рядами отступающей палочки, составляющими горизонтальный зигзаг, разделенный горизонтальными лентами (рис. 2, *5, 6*). В целом комплекс накольчато-гребенчатой керамики близок к верхневолжским материалам, однако обладает определенными особенностями — частым употреблением растительной примеси в тесте, наличием округлых, а не приостренных днищ и т. д.

Насчитывается 189 фрагментов сосудов, украшенных различными вариантами круглоямочного штампа (как самостоятельного, так и в сочетании с другими элементами) (рис. 2, *11—13*). По характеру орнаментации их можно разделить на четыре вида. Первый представлен гребенчато-ямочной керамикой (13 экз.), украшенной поясками наклонной гребенки в сочетании с одинарными конусовидными ямками. Тесто рыхлое, с примесью песка и растительных остатков. Ямочно-гребенчатая керамика в количестве 51 экз. орнаментирована глубокой конической ямкой белемнитного типа в сочетании с гребенчатыми отпечатками. Тесто плотное, с примесью песка и дресвы. Чисто круглоямочная керамика встречена в 125 экз., украшена коническими белемнитными ямками. Вся круглоямочная керамика относится к льяловским древностям.

Керамика с ромбоямочной орнаментацией представлена 469 экз. (рис. 2, *14—18*), подразделяется на две группы: украшенную ромбом с гладким, нередко пирамидальным дном и ромбическими ямками с рубчатым дном. Первая группа насчитывает 224 экз., вдавления глубокие, расположены в шахматном порядке, сочетания с гребенкой редки (9 экз.). Керамика, орнаментированная ромбическими ямками с рубчатым дном, насчитывает 245 экз. Ямки обычно нанесены в шахматном порядке, очертания достаточно четкие, но встречены и подовальные. Дно ямки чаще округлое. Сочетания с гребенкой редки (5 экз.). Все сосуды с ромбоямочным орнаментом закрытой формы выполнены из теста с примесью дресвы, песка, шамота, органических включений. Изнутри прослеживается гребенчатое сглаживание. Комплекс ромбоямочной керамики близок к материалам неолитических стоянок лесного Подесенья. Отличительной особенностью является большое количество ромбических вдавлений с рубчатым дном.

Обломки сосудов, украшенных отпечатками лапчатого штампа, насчитывают 92 экз. (рис. 2, *20—22*). Орнамент разнообразный как по характеру самого штампа, так и по приемам его нанесения. Вдавления располагаются в строчечном и шахматном порядке, составляют простейшие геометрические композиции (20 экз.), иногда в сочетании с гребенкой. На 5 экз. поверх лапчатого штампа нанесен орнамент из цилиндрических ямок (рис. 2, *21, 22*). Немногочисленные венчики принадлежат закрытым сосудам с отпечатками гребенки по верху, выполненным из теста с примесью песка, реже дресвы. Выделяется 20 экз., принадлежащих толстостенным сосудам (1,1 см), орнаментированным крупным лапчатым штампом с перевитым шнуром (рис. 3, *16*, *18*, *19*). Вдавления глубокие, до негативов. Напоминают материалы «дубровичских» стоянок бассейна Средней Оки [19].

Среди прочих приемов украшения неолитической керамики следует отметить мелкие подквадратные углубления (30 экз.) и различные варианты крупнозубчатого гребенчатого штампа, близкие к протоволосовским материалам Волго-Окского междуречья (85 экз.).

Предложенная схема разделения керамики подтверждается и ее распределением на площади раскопа. Так, гребенчато-накольчатая керамика явно тяготеет к восточной части раскопа, керамика с отпечатками лапчатого штампа концентрируется в западной части. Фрагменты с ромбо- и круглоямочной орнаментацией рассеяны достаточно равномерно по всей вскрытой площади.

Орудийный комплекс стоянки Красное VI насчитывает 416 изделий из камня и кремня, включая пластины и отщепы с ретушью. Для изготовления орудий использовался темно-серый пятнистый кремень, весьма напоминающий деснинский. Реже употреблялись цветные сорта кремня красноватого и желтоватого оттенков. В орудийном инвентаре выделяются два комплекса, различающихся приемами расщепления кремня и вторичной обработки. Первый представлен пластинами и изделиями на них без следов двусторонней обработки. Его следует датировать ранним неолитом. Во втором случае превалирующую роль играет отщеповая техника, много двусторонних орудий. Этот комплекс относится к развитому и позднему неолиту.

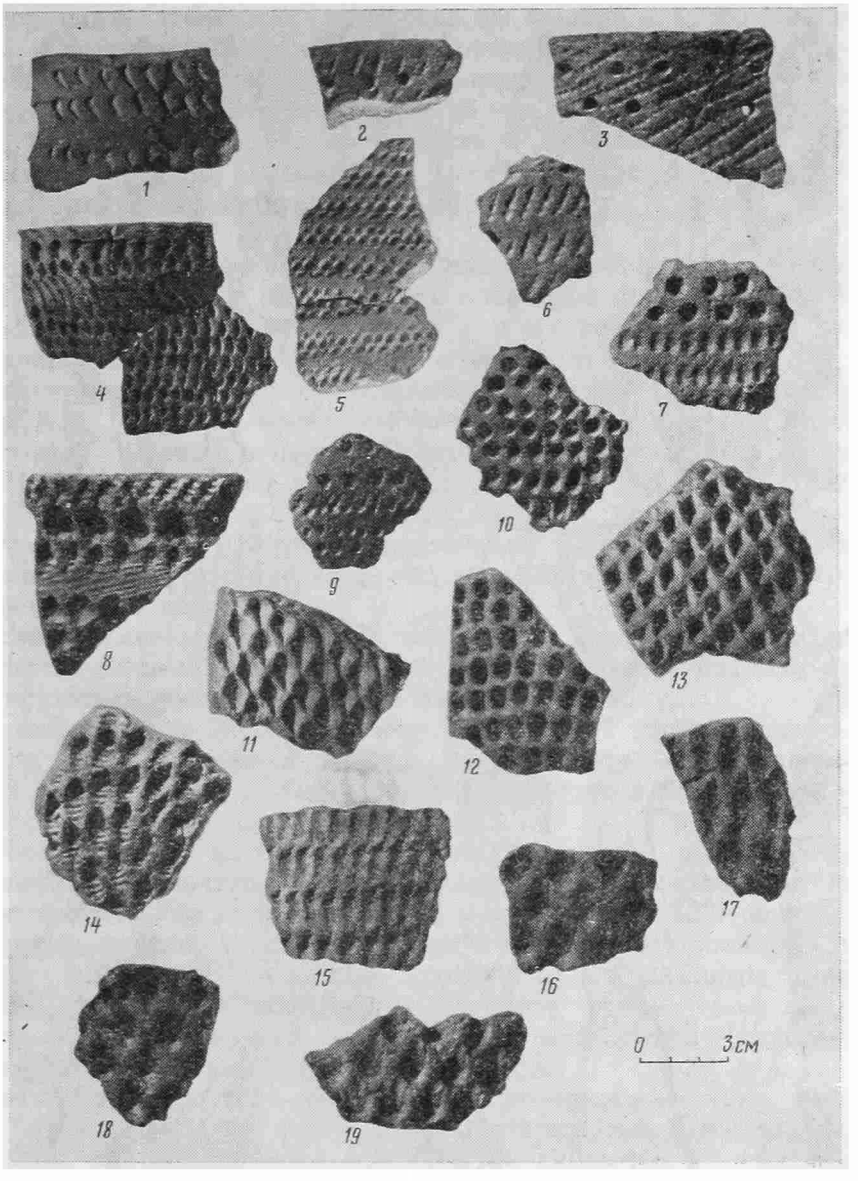


Рис. 3. Керамика стоянки Красное VI (*16, 18, 19*) и Красное X (*1–15, 17*)

Наконечников стрел и дротиков 35 экз., большинство двустороннеобработанные (рис. 4, *1–9, 11–13*). Среди наконечников дротиков (14 экз.) присутствуют иволистные, которые обработаны плоской струйчатой ретушью (6 экз.), два ромбовидных наконечника и шесть листовидных. Наконечники стрел (15 экз.) представлены ромбочерешковыми (5 экз.), двумя листовидными, двумя иволистными и одним грубым ромбовидным. Среди наконечников четко выделяется группа орудий мезолитоидного облика (рис. 4. *15–19*). Среди них три наконечника на пластинах листовидной и черешковой форм, обработанных со стороны спинки по черешку крутой ретушью (рис. 4, *17, 18*). Здесь же следует упомянуть о высокой трапеции (рис. 4, *16*) на пластине и острие на пластине с косо срезанным ретушью концом (рис. 4, *15*). К раннему неолиту следует отнести игловидное острие на высокой треугольной в сечении пластине, обработанной со стороны спинки ретушью по всей поверхности и с подправкой плоской ретушью с брюшка (рис. 4, *10*).

Скребки составляют на стоянке наиболее многочисленную серию — 95 орудий (рис. 4, *20, 21, 27, 28, 30–32*). Округлых скребков один, подокруглых — четыре; все на отщепах. Остальные представлены различными вариантами концевых скребков: 24 экз. с округлой рабочей частью

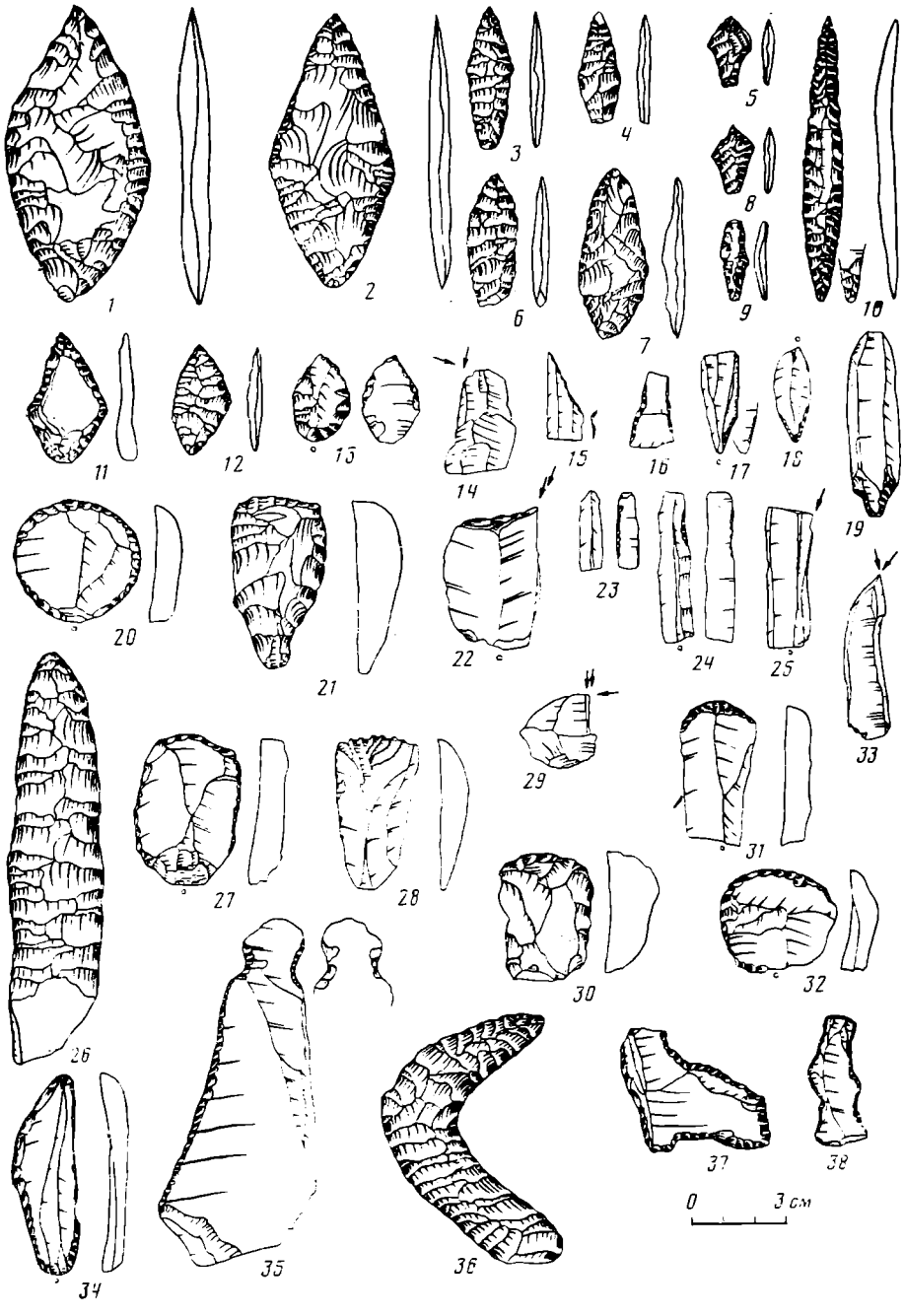


Рис. 4. Кремневые орудия стоянки Красное VI

(8 экз. на пластинах), 34 экз. с прямой рабочей частью (9 экз. на пластинах), 8 экз. с прямоскошенным рабочим краем (3 экз. на пластинах), 8 экз. двоякоскошенных (3 экз. на пластинах). Три скребущих орудия выполнены на сломанных наконечниках стрел и дротиков.

Скобели представлены 26 экз. (6 экз. на пластинах). Скребел 4 экз., все на отщепах. В коллекции 73 ножа (32 на пластинах), как правило, с ретушью лишь по рабочим краям. Особенно следует отметить четыре орудия с выемками (рис. 4, *35*). Имеются двусторонне обработанные орудия, в том числе так называемый «кривой нож» (рис. 4, *36*). Резцы достаточно многочисленны — 53 орудия (рис. 4, *14, 22, 25, 29, 33*). Из них боковых — 4 (один на пластине), срединных — 21 (3 на пластине), нуклевидных — 7, угловых — 28 (10 на пластинах). Рубящих орудий — 15, обычно тесла (9 экз.) с прямым и округлым (3 экз.) рабочим краем. Орудия как двусторонние, так и на отщепах с ретушью со стороны спин-

ки. Топор один, небольших размеров, на отщепе с округлым рабочим краем и суженным обушком, с двусторонней ретушью по периметру, с брюшка по лезвию заполирован. Перфораторов 10 экз.

Имеется небольшая серия изделий (3 экз.) типа «фигурных кремней» (рис. 4, *37,38*). Два из них могут быть и многолезвийными скобелями на пластинах, но одно, обработанное крутой притупляющей ретушью, несомненно является фигурным изображением (изделие обломано) (рис. 4, *37*).

Среди орудий можно упомянуть микропластинки со следами использования (3 экз.) (рис. 4, *23*), сечения пластинок со следами сработанности (4 экз.). Обнаружено 386 пластин и их сечений, в том числе 10 микропластин и сечений, 54 хорошо ограненные пластины и 322 грубые пластины с неправильным ограненнем. Нуклеусов 139, почти половина их аморфные (55 экз.), много конических (47 экз.), в том числе косоплощадочных (35 экз.) и прямоплощадочных (12 экз.), есть призматические (21 экз.), торцевые (13 экз.) и округлые (3 экз.). Изделий из камня 14 экз. Среди них терочник из крупного камня овальной формы 20×15 см с вогнутой рабочей поверхностью; 4 полировальные плитки из песчаника; 8 отбойников из овальных или округлых галек и кусок кремня с приостренными краями.

Анализ кремневого комплекса памятника Красное VI подтверждает его существование в период раннего и развитого неолита. Не исключается присутствие населения и в мезолитическую эпоху.

Стоянка Красное X расположена в восточной части дюнной возвышенности, на пониженном мысу с превышением над уровнем поймы 1,5 м. Вскрыто 128 м², обнаружено 913 фрагментов неолитической керамики, 5386 кремневых находок и 4 камня.

Наиболее ранней на стоянке является керамика, орнаментированная в гребенчато-накольчатой технике. Она украшена оттисками двузубого штампа, нанесенного в отступающей манере (28 экз.) (рис. 3, *5*), отступающими наколами (рис. 3, *1*) либо гребенчатым штампом на боку (75 экз.) (рис. 3, *6*), а также прочерченными линиями, мелкозубой гребенкой, тычками (20 экз.).

Керамика, украшенная различными вариантами круглоямочного штампа, представлена 125 фрагментами (рис. 3, *7, 9, 10, 12*). Среди них обломки сосудов закрытой формы без выделенного венчика, изготовленные из теста с примесью песка, дресвы и покрытые гребенчато-ямочным орнаментом (30 экз.). Ямочно-гребенчатой керамики 25 фрагментов. Ее характерной чертой является отсутствие белемнитной ямки. Чисто ямочная орнаментация обнаружена на 70 экз., вдавления глубокие, до негативов, но белемнитной ямки практически нет. Она обычно подквадратная, реже овальная.

Обломки сосудов с ромбоямочной орнаментацией представлены 347 экз. (рис. 3, *11, 13*). Черепков, украшенных ромбическими вдавлениями с гладким дном, 270 экз., часто в сочетании с гребенчатым штампом (50 экз.). Фрагментов с нанесенными на них ромбическими ямками с рубчатым дном 70. Незначительное количество (7 экз.) украшено неправильными ромбами подквадратных очертаний. Сосуды закрытой формы с невыделенным венчиком, округлодонные.

Горшки, украшенные лапчатым штампом, представлены 305 фрагментами (рис. 3, *8, 14*). Сам штамп весьма разнообразен, расположение как строчечное, так и шахматное. Сосуды закрытые, обычно без выделенного венчика. Тесто плотное, с примесью песка, реже дресвы. Среди прочих приемов орнаментации превалируют неглубокие ямчатые уплощенные вдавления (120 фрагментов).

В раскопе обнаружено 488 орудий, включая пластины и отщепы с ретушью. В кремневом инвентаре, как и на стоянке Красное VI, прослеживаются два комплекса — с пластинчатой техникой расщепления и отщеповой, с применением двусторонней обработки.

Наконечники метательных орудий представлены 29 экз. (рис. 5, *1—13, 15*). Среди них четко выделяются несколько наконечников стрел

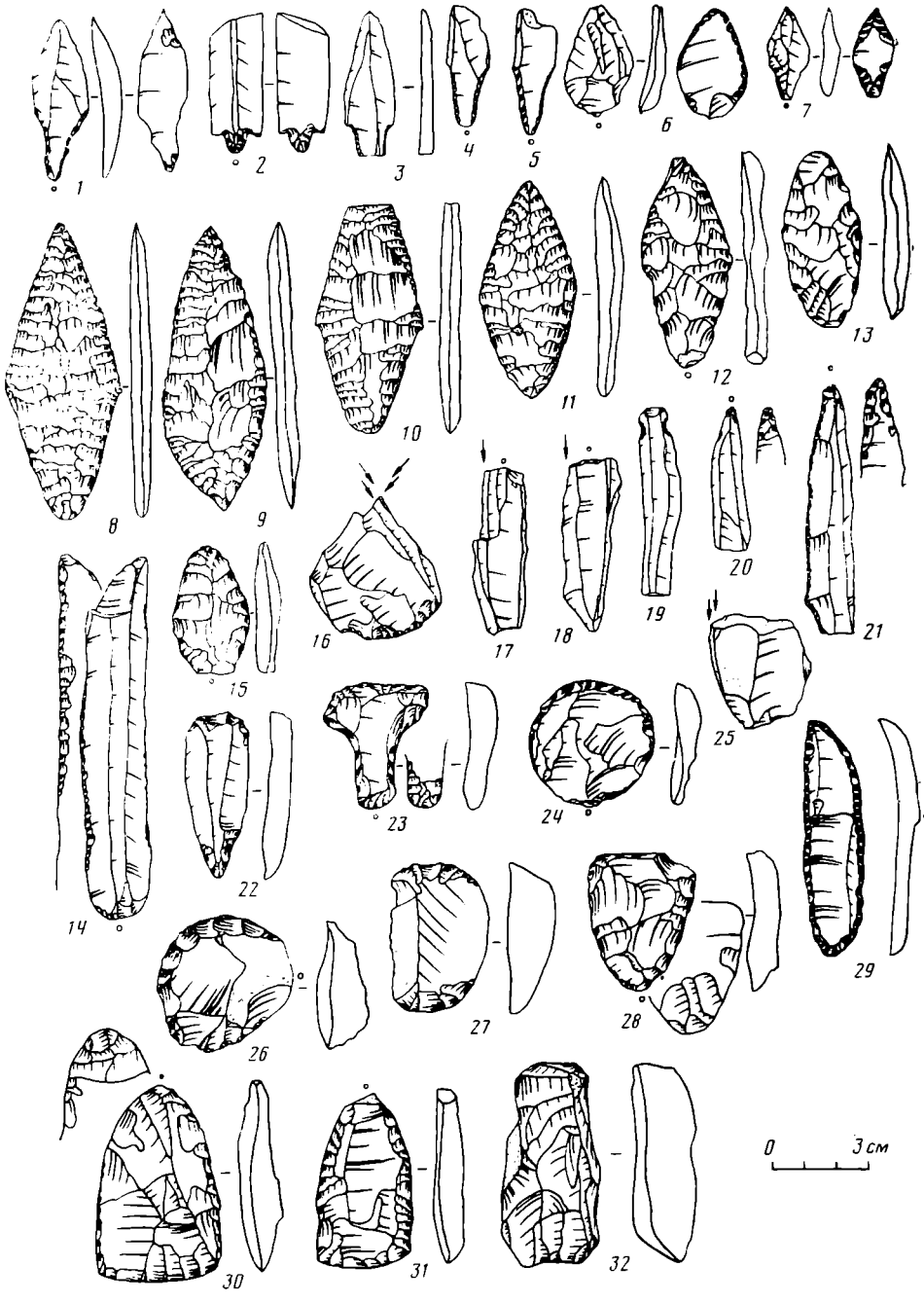


Рис. 5. Кремневые орудия стоянки Красное X

архаического облика — пять постаренсбургского типа (рис. 5, *1, 3—5*) и один постсвидерского (рис. 5, *2*). Неолитических наконечников 12 — восемь листовидных (из них семь двусторонних), три ромбочерешковых двусторонних и один маленький на отщепе с подработкой по перу и черешку. Наконечников дротиков восемь, все двусторонние — два листовидных, два иволистных, две черешковые части с прямосрезанным насадом, две треугольно-черешковые с округлым насадом. Встречено 12 обломков различных наконечников. Скребков более всего — 172 экз. (рис. 5, *22—24, 26—29*), в том числе 24 обломка и отщепа с нерегулярной ретушью. Довольно много орудий типа «ложкарей» (11 экз.) (рис. 5, *29*), округлых скребков (5 экз. на отщепах) (рис. 5, *24*), подокруглых 19 (2 экз. нуклевидных) (рис. 5, *26*). Остальные скребки относятся к типу концевых, среди них один скребок с «головкой» и четыре угловых на отщепах. Наиболее широко представлены скребки с округлой (70 экз.— 27 на пластинах) и с

прямой рабочей частью (10 экз.— 5 на пластинах), прямоскошенных (15 экз.— 4 на пластинах), округлоскошенных (4 экз. на отщепах), двоякоскошенных (8 экз.— один на пластине). Скобелей 23 (13 на пластинах). Резцов 56 (рис. 5, *16—18, 25*) — 12 угловых (пять на пластинах), боковых восемь (один на пластине), срединных 35 (пять на пластинах). Найдено 43 ножа (28 на пластинах) (рис. 5, *14*), 6 перфораторов (рис. 5, *20, 21*). Рубящих орудий 29 (рис. 5, *30—32*), в том числе 10 тесел (пять желобчатых), пять топоров (два на отщепах), три заготовки и 10 обломков. Встречено одно двустороннее долото и одна стамеска на отщепе. Острия представлены четырьмя орудиями на трапециевидных пластинах. Кроме этого, имеются обломки и отщепы с ретушью. Нуклеусов 369, чаще всего они аморфные (179 экз.), подконических 65, подпризматических 56, торцевых 31, с многосторонним снятием 19, уплощенных 12. Пластин без следов вторичной обработки 423 (56 хорошо ограненных). Из каменного инвентаря встречены одна полировальная плитка и четыре оббитых камня.

Из анализа кремневого и керамического инвентаря памятника Красное X следует, что первоначально здесь существовала позднемезолитическая стоянка, а затем поселение периода раннего неолита. Однако основная масса материала относится ко времени развитого и даже позднего неолита.

На поселении Красное VIII, расположенном в 200 м к северо-востоку от Красное X, вскрыто 137 м². Наряду с материалами эпохи мезолита и ранней бронзы обнаружено около полусотни фрагментов сосудов, украшенных оттисками лапчатого штампа.

Стоянка Рессета III находится в 15 км ниже по течению р. Рессеты, на небольшом дюнном всхолмлении на левобережной боровой террасе. Вскрыто 400 м². Основная масса находок относится к мезолитическому времени. Однако в северной части раскопа было обнаружено 130 фрагментов сосудов ранненеолитического облика. Они принадлежат округлодонным горшкам закрытой формы с невыделенным, слегка уплощенным венчиком. Орнамент покрывает всю поверхность и представляет собой горизонтальные ряды, составленные из чуть наклонных оттисков гребенчатого штампа в положении «на боку». Под венчиком ряд конических ямок. Внешняя поверхность заглажена, изнутри видны следы расчесов, выполненных щепой. В тесте примесь песка, дресвы и кровавика.

Анализ и сравнительная характеристика вышеописанных памятников позволяют сделать следующие выводы. Ранненеолитические материалы характеризуются накольчато-гребенчатой керамикой. В материалах со стоянки Красное VI представлены примерно в равных количествах фрагменты, орнаментированные тычковым, накольчато-отступающим и гребенчатым орнаментом. В первом случае это в основном черепки, украшенные отступающими насечками, во втором — нанесенными в той же отступающей манере гребенчатыми отпечатками «на боку». В качестве отощителей широко использовалась органика, особенно в первом случае, во втором наряду с ней употреблялись песок, дресва, иногда шамот. Судя по обнаруженным фрагментам, горшки имели цилиндрическую верхнюю часть, прямые венчики, чаще с округлым верхом. Донья округлые. Ранненеолитические материалы со стоянки Красное X несколько отличны от вышеописанных. Большинство фрагментов орнаментировано различными вариантами гребенчатого штампа, чаще всего в положении «на боку»; они сходны с орнаментацией подобной керамики на стоянке Красное VI, но грубее. Отличается и сам характер черепков — они более толстостенные, часто с примесью песка, дресвы, шамота. Незначительная часть черепков украшена мелкозубчатым штампом. На стоянке наряду с сосудами с прямым венчиком появляются обломки горшков с выраженной шейкой, верх срезан прямо. Донья округлые, на одном из них имеется небольшая приостренная шишечка. На стоянке Рессета III ранненеолитическая керамика представлена исключительно сосудами с гребенчатой орнаментацией.

Ранненеолитические материалы стоянок р. Рессеты напоминают памятники верхневолжской культуры. В то же время следует указать ряд

своеобразных черт: более широкое употребление органических отощителей, присутствие сосудов исключительно с круглыми донышками. Для районов Верхней Волги и Волго-Окского междуречья характерно преимущественное употребление в качестве отощителей шамота, дресвы, раковины, песка. Органические отощители использовались редко. В этом регионе сосуды с округлыми донышками сочетаются с приостренными коническими. В бассейне Десны также имеются материалы, близкие к верхневолжским [20, рис. 2, *18*, *19*]. Ряд отличий можно отметить и в этом случае. Так, на Десне в приемах орнаментации ранненеолитической посуды часто употреблялись треугольные наколы как нанесенные отдельно, так и выполненные в отступающей манере.

Ранненеолитические материалы верхней Оки и Десны, типа верхневолжских, достаточно отличаются от инвентаря синхронных памятников Верхнего Поднепровья. Для последних типична отщеповая техника и керамика, украшенная подтреугольными поверхностными вдавлениями с неровным дном («псевдорубчатыми»), реже чуть изогнутым мелкозубчатым штампом [21, с. 33—34]. Верхнеднепровские материалы более всего напоминают стоянки Понеманья и в какой-то степени Припяти. Для памятников раннего этапа днепро-донецкой культуры характерна орнаментация мелкозубчатой гребенкой и прочерченными линиями. Лишь изредка встречаются отдельные наколы [22, рис. 47—54]. На Оке и Десне прочерченный орнамент практически отсутствует, зато широко распространен накольчатый. В последние годы на левобережье Днепра в бассейнах Сулы, Сейма и Десны выделена ранненеолитическая лисогубовская культура [23, 24]. Правомочность ее существования не всеми исследователями принимается безоговорочно [25; 26, с. 117, 118]. Не исключено, что в коллекции лисогубовской культуры искусственно объединены разновременные материалы. Однако следует упомянуть об известном сходстве части керамического инвентаря Десны и Оки ранненеолитического времени с некоторыми типами лисогубовских сосудов, украшенных мелкозубчатым и накольчатым орнаментом.

Своеобразие ранненеолитических материалов верхней Оки и Десны, при общей близости верхневолжским древностям, по-видимому, во многом объясняется близостью различных, ранненеолитических культур, оказавших определенное влияние на их облик.

Комплекс льяловской керамики представлен в материалах стоянок Красное VI и X, в каждом случае с определенным своеобразием. На стоянке Красное VI практически нет гребенчато-ямочной керамики, ямочно-гребенчатая немногочисленна. Основную массу составляет чисто ямочная керамика, причем практически в равных количествах представлена как круглоямочная керамика, так и керамика, украшенная овальными ямками. Сосуды изготовлены из теста с примесью дресвы и песка. Внутренняя поверхность часто покрыта гребенчатыми расчесами. На стоянке Красное X встречено немного (30 экз.), но достаточно выразительных фрагментов гребенчато-ямочной керамики. Зато в коллекции широко представлена неправильная ямка — овальная, подквадратная, подтреугольная.

Можно сказать, что на стоянках р. Рессеты весьма малое количество сосудов льяловского типа украшено орнаментом с преобладанием гребенчатых отпечатков. На стоянке Волго-Окского междуречья подобная керамика часто располагается непосредственно над слоями с верхневолжской керамикой [27, с. 59]. Основная масса льяловской керамики на описываемых нами стоянках представлена сосудами, украшенными ямочно-гребенчатым орнаментом, а в большинстве чисто ямочным. В Верхнем Поволжье слои с подобной керамикой датируются концом IV — началом III тыс. до н. э. [27, с. 60; 28, с. 65]. Причем если на стоянке Красное VI она выполнена в традиционно льяловских традициях, с применением белемнита в качестве штампа, то на стоянке Красное X она украшена исключительно неправильной формы ямками. В Волго-Окском междуречье подобная орнаментация характерна для наиболее поздних льяловских и волосовских памятников.

Ромбоямочная керамика на стоянках представлена материалами, в целом уже известными по находкам на поселениях лесного Подесенья. Наиболее характерной чертой керамики стоянок р. Рессеты является большое количество (до 50%) фрагментов, украшенных отпечатками ромбических штампов с рубчатым дном. На памятниках Деснинского бассейна последний прием распространен гораздо меньше. К настоящему времени можно говорить о синхронизации льяловской ямочно-гребенчатой и деснинской ромбической керамики. Совместное залегание этих двух типов отмечено на стоянке Лунево II в Верхнем Подесенье [20]. В Волго-Окском междуречье ромбоямочная керамика в слоях льяловской культуры найдена на стоянках Маслово Болото [29, с. 88], Никольская Правая [30, с. 88], Полецкое озеро [20, с. 154]. Подобное явление отмечено на Льяловской стоянке [31] и стоянке Захарьино [32, с. 193, 194] на Верхней Волге. В Волго-Окском междуречье ромбоямочная керамика встречается в слоях льяловской культуры вплоть до появления сосудов с редкоямочной орнаментацией [33, с. 140].

Комплекс керамики, покрытой оттисками лапчатого штампа, также в основной массе находит аналогии в памятниках неолита Десны. Однако следует указать на наличие фрагментов с крупной лапчатой ямкой «дубровичского» типа, не характерной для Подесенья, взаимосочетание лапчатого и крупнозубого гребенчатого штампа, нанесение круглоямочного орнамента поверх лапчатого. В тесте чаще по сравнению с деснинскими стоянками используются неорганические отощители. В лесном Подесенье керамика с орнаментацией лапчатым штампом синхронна волосовской керамике Волго-Окского междуречья. На Десне классическая волосовская керамика отсутствует. Однако в Волго-Окском междуречье отмечено совместное залегание керамики с лапчатым орнаментом как с ранне-, так и с поздневолосовскими материалами. На стоянке Языково 1 в верхнем, поздневолосовском слое отмечена примесь лапчатой керамики [34, с. 89]. На стоянке Маслово Болото IV лапчатая керамика отмечена в слое 1 — поздневолосовском и в слое 7, датируемом ранневолосовским временем. Та же ситуация отмечена на стоянке Маслово Болото V [29, с. 88]. Б. А. Фоломеев отмечает на керамике «дубровичских» стоянок следы воздействия волосовских традиций [19, с. 40].

На основании керамического инвентаря памятников можно сделать ряд выводов. Первоначально в этом регионе существовали племена раннеенеолитической культуры, близкой к верхневолжской. В период бытования льяловской культуры в верховья Оки ее носители проникали главным образом в конце IV — начале III тыс. до н. э. В это же время сюда продвигаются и племена с более южных территорий. Причем последние — носители культуры с ромбоямочными приемами орнаментации керамики — начинают играть здесь превалирующую роль. Последующий этап древней истории этого региона связан с населением, изготовлявшим керамику, орнаментированную лапчатым штампом. Подобные приемы украшения сосудов также не являются автохтонными, а характерны для юго-западных и западных территорий (бассейна верхнего и частично среднего Днепра).

Эти выводы подтверждает и анализ кремневого инвентаря. Орудия, связываемые с материалами верхневолжского типа, не обладают какими-либо характерными особенностями по сравнению с основным регионом. В материалах льяловского времени стоянки Красное VI наряду с кремневыми изделиями, широко распространенными как в Волго-Окском междуречье, так и в поречье Десны, имеются ножи с выемками, двусторонне обработанные плоской ретушью ножи, скребки с зубчатым краем и другие орудия, встречающиеся в материалах среднеокской рязанской культуры. В Деснинском бассейне подобные орудия неизвестны. В кремневом инвентаре, связываемом с поздненеолитическим временем, вместе с такими своеобразными орудиями, как «кривые ножи», характерными, однако, и для Волго-Окского междуречья и для бассейна Десны, имеются изделия типа «фигурных кремней». Подобная черта, свойственная материалам волосовской культуры, ни разу не отмечалась в Деснинском бассейне.

Таким образом, в период раннего, а возможно, и развитого неолита местное население развивалось в круге традиций верхневолжской, а затем льяловской культуры. Позднее ведущую роль в этом регионе стали играть пришельцы из Деснинского бассейна — племена, изготовлявшие ромбоямочную керамику. Превалирующее положение занимали переселенцы и на этапах позднего неолита, в период существования керамики с «лапчатой» орнаментацией. Однако в инвентаре и в это время отмечается известное воздействие племен Волго-Окского междуречья.

Стоянки р. Рессеты характеризуют группу памятников западного региона бассейна верхней Оки. Поселения, непосредственно расположенные по течению Оки, составляют восточную группу. Их материалы, как мы видели, обычно использовались при характеристике верхнеокских стоянок. Мы рассмотрим их в комплексе, останавливаясь по мере необходимости на наиболее характерных чертах какой-либо из стоянок.

Ранненеолитические материалы представлены чрезвычайно фрагментарно. Больше всего их обнаружено на стоянке Воронец. В сборах Н. Преображенского имеются фрагменты сосудов, украшенных накольчатым орнаментом, выполненным треугольными наколами. Имеется венчик с подобной орнаментацией, принадлежащий открытому сосуду с прямосрезанным верхом. Отмечено присутствие единичных черепков с поверхностными оттисками гребенчатого штампа [3]. Кроме того, в коллекции стоянки Федяшево есть несколько черепков, орнаментированных отступающей палочкой и прочерченными линиями. Сосуды изготовлялись из плотного теста с добавлением песка, дресвы, реже иных отощителей [35, с. 231]. В целом ранненеолитические материалы поречья Оки весьма малочисленны. В то же время в верховьях ее левобережных притоков (стоянки р. Рессеты) они представлены неплохими сериями. Возможно, что на верхнюю Оку носители ранненеолитической культуры Волго-Окского междуречья проникали лишь спорадически. В верховья Жиздры, Рессеты, связанные с Десной легкопроходимым Брянско-Жиздринским полесьем, могли проникать деснинские ранненеолитические племена, имевшие близкую верхневолжской материальную культуру.

Льяловская керамика представлена в коллекциях в основном в своих чисто ямочных вариантах. Наиболее показательной в этом отношении является Воронецкая стоянка. В ней присутствует ямочная льяловская и ромбоямочная керамика примерно в равных количествах [4]. Фрагментов сосудов с иной орнаментацией единицы. Следует подчеркнуть, что на стоянках поречья Оки льяловские материалы представлены достаточно многочисленными коллекциями. Они равны или даже несколько превышают по численности ромбоямочную. Скорее всего это явление следует объяснять большей близостью данного района к Волго-Окскому междуречью, населенному в это время носителями льяловской культуры, по сравнению со стоянками р. Рессеты.

Второй характерной чертой керамического инвентаря окских стоянок является весьма малое количество или же полное отсутствие ««лапчатого» штампа. Должно быть, сказалась удаленность от Деснинского бассейна. Несколько особняком, с данной точки зрения, стоят памятники района Бехово. Эти стоянки, традиционно относимые к белевскому региону, находятся уже в серпуховском течении Оки. Они вполне могли испытывать воздействие населения Волго-Окского междуречья, куда «лапчатые» приемы орнаментации проникали скорее всего непосредственно с верхнего Днепра в районы современного западного Подмосковья. Могло сказаться и воздействие неолитических племен рязанского течения Оки. Эти поселения оторваны от основной массы верхнеокских неолитических стоянок не только в географическом плане, но и в культурном, находясь на границе волго-окских, рязанских и в меньшей степени верхнеокских племен.

В заключение следует подчеркнуть еще одну характерную черту неолитических материалов поречья Оки: здесь практически не встречены

[3] Коллекция ГИМ. Сборы Н. Преображенского, инв. № 42688, оп. 880.
[4] Коллекция ГИМ, инв. № 42688, оп. 256; инв. № 42686, оп. 257.

материалы волосовской культуры. Лишь в некоторых фрагментах со стоянки Бехово можно отметить протоволосовские черты. Однако, как было сказано, серпуховские стоянки стоят особняком среди верхнеокских памятников и во многом близки рязанским и волго-окским поселениям.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Мы не имеем оснований выделять самостоятельную белевскую неолитическую культуру. В материальной культуре этого региона нет ни одной оригинальной черты, которая бы определяла его культурное своеобразие. Не удается проследить и единой линии развития. В ранненеолитическое время здесь существовало население, имевшее материальную культуру, близкую верхневолжской. Подобная керамика распространена и в бассейне лесного течения Десны. Таким образом, верхняя Ока лишь один из районов распространения ранненеолитической культуры с гребенчато-накольчатой керамикой типа верхневолжской. Для периода развитого неолита описываемого региона характерно сочетание льяловской ямочной и ромбоямочной деснинской керамики. На верхней Волге и в Волго-Окском междуречье хорошо известны стоянки льяловской культуры, одной из наиболее характерных черт которой является ямочно-гребенчатая керамика. Ни один исследователь в настоящее время не ставит под сомнение факт ее существования. Присутствие в бассейне верхней Оки ямочно-гребенчатой и ямочной керамики можно связывать только с льяловской культурой. Сам по себе этот факт также никем не оспаривался.

Диаметрально противоположный взгляд до сих пор существует на ромбоямочную керамику [6]. В публикациях она впервые стала широко известна именно в материалах «белевской» культуры. Факты находок подобной керамики в других местах традиционно связывались с Окой. Однако в последнее время в бассейне Десны открыто более сотни неолитических памятников с сохранившимся культурным слоем и большое число местонахождений. Более чем на 20 из них проведены раскопки. Наиболее яркой чертой деснинских стоянок является наличие на них сосудов с ромбоямочной орнаментацией. Известны стоянки с чистым комплексом ромбоямочной керамики или с его явным преобладанием. Льяловская керамика для Подесенья не характерна и встречается лишь в ее северной части, наиболее приближенной к Волжскому бассейну. Ни по количеству памятников, ни по территории их распространения стоянки верхней Оки не идут ни в какое сравнение со стоянками Подесенья, выделенными еще в 1947 г. М. В. Воеводским в самостоятельную культуру. Появление ромбоямочной керамики на верхней Оке можно объяснить лишь проникновением неолитического населения из бассейна Десны.

Материалы позднего неолита на верхней Оке представлены керамикой, орнаментированной лапчатым штампом. Появление подобной керамики справедливо связывается с влиянием верхнеднепровского неолитического населения. Для верхнеднепровской неолитической культуры лапчатая орнаментация исключительно характерна. Традиции украшения керамики «лапчатым» штампом появляются здесь достаточно рано и бытуют до конца существования этой культуры, придавая ей яркое своеобразие [21, 36, 37]. В поречье верхней Оки керамика с лапчатой орнаментацией попала скорее всего опять же с Подесенья, где она широко распространена в позднем неолите. Подобные приемы орнаментации проникают и в Волго-Окское междуречье и далее на верхнюю Волгу.

Таким образом, концентрация верхнеокских неолитических памятников в белевском течении р. Оки и в бассейне ее левобережных притоков объясняется географическими условиями: строением окской долины и присутствием полосы Брянско-Жиздринского полесья, как бы соединяющего Днепровский и Волжский бассейны. Это обстоятельство определило и существование двух групп верхнеокских стоянок белевской на востоке и жиздринской на западе. Каждая из этих групп обладает известным своеобразием, объясняемым скорее всего их географическим положением.

Бассейн верхней Оки, т. е. территория так называемой белевской культуры, представляет собой район контакта неолитических культур,

расположенных в Днепровском и Волжском бассейнах. В первом случае это верхнеднепровская неолитическая культура и стоянки лесного течения р. Десны, во втором — верхневолжская, льяловская и частично волосовская и рязанская культуры Волго-Окского междуречья. Характерные черты этих культур прослеживаются как в керамическом, так и в кремневом инвентаре верхнеокских памятников. Ромбоямочная керамика, которая считалась наиболее яркой чертой «белевской» культуры и часто интерпретировалась как автохтонная для верхней Оки, не является исконно местной. Ее появление здесь объясняется влиянием неолитического населения лесного Подесенья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение истории и философии. М.: 1947.
2. *Городцов В. А.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г.— Древности, 1900, т. XVII.
3. *Городцов В. А.* Материалы для археологической карты долины р. Оки.— Тр. XII АС, т. 1. М., 1905.
4. *Брюсов А. Я.* Белевская неолитическая культура.— КСИИМК, 1947, вып. XVI.
5. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Наука, 1952.
6. *Розенфельдт И. Г.* К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тыс. до н. э.— КСИИМК, 1959, вып. 75.
7. *Третьяков В. П.* К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья.— МИА, 1965, № 131.
8. *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л.: Наука, 1972.
9. *Полякова Г. Ф.* Племена белевской культуры.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
10. *Полякова Г. Ф.* Неолитические племена верхнего течения р. Оки.— МИА, 1973, № 172.
11. Очерки по гидрографии рек СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
12. *Алексин А. А.* Ихтиофауна бассейна Верхней Оки.— Природа Орловского края. Орел, 1983.
13. *Любушкина С. Г.* Ландшафтная характеристика пойм реки Оки и Жиздры для целей их рационального использования.— В кн.: Третья краеведческая конференция Калужской области. Калуга — Обнинск, 1971.
14. *Гаррис М. А., Кригер Н. И., Лебедев В. С.* Заметки о возрасте долины р. Оки между Калугой и Алексиным.— БКИЧП, 1940, № 6—7.
15. *Любушкина С. Г.* Ландшафтная характеристика Брянско-Жиздринского полесья и опыт его оценки для сельского хозяйства. Автореф. канд. дис. М., 1967.
16. *Любушкина С. Г.* Брянско-Жиздринское полесье.— Вестн. МГУ, сер. V, география, 1961, № 3.
17. *Дрябезгов А. Н.* Некоторые особенности рельефа Калужской области и их значение для сельского хозяйства.— Вторая краеведческая конференция Калужской области. Калуга — Обнинск, 1970.
18. *Мешков А. Р.* Физико-географические районы Среднерусской возвышенности.— Изв. Ворон. пединститута, 1948, т. 10, вып. 2.
19. *Фоломеев Б. А.* К вопросу о памятниках «дубровичского» типа в бассейне Средней Оки.— КСИА, 1975, вып. 141.
20. *Смирнов А. С.* Неолитическая стоянка Лунево II.— СА, 1978, № 2.
21. *Смирнов А. С.* Ранний неолит Верхнего Поднепровья.— СА, 1986, № 1.
22. *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ: Наук. думка, 1968.
23. *Неприна В. И., Беляев А. С.* Поселение и могильник новой неолитической культуры на Северной Украине.— СА, 1974, № 2.
24. *Непріна В. І.* До вивчення неолітичної доби на території Північно — Східної України.— Археологія, 1982, вып. 41.
25. *Третьяков В. П.* Рец. на кн.: Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине.— СА, 1978, № 3.
26. *Смирнов А. С.* Неолитические стоянки Жеренских озер.— СА, 1982, № 3.
27. *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья.— КСИА, 1978, вып. 153.
28. *Хотинский Н. А., Гуман М. А., Романова Е. И., Мешкова Н. С., Свеженцев Ю. С.* Палинологические и радиоуглеродные датировки языковских стоянок в Калининской области.— КСИА, 1978, вып. 153.
29. *Сидоров В. В.* Стоянки Маслова Болота.— АО — 1981. М., 1983.
30. *Сидоров В. В., Балинский И. М.* Работы Московского отряда Окской экспедиции.— АО — 1975. М., 1976.
31. *Брюсов А. Я.* Льяловская стоянка на р. Клязьме в Московской области.— СА, 1960, № 3.
32. *Крайнов Д. А.* Отчет о результатах работ Верхневолжской экспедиции за 1967 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3567.
33. *Сидоров В. В., Трусов А. В.* Стоянка Луково озеро 1 — стоянка льяловской культуры.— СА, 1980, № 2.

34. *Сидоров В. Б., Урбан А. Н.* Раскопки Языковской стоянки.— АО — 1978. М.. 1979.
35. *Грехова Л. В., Полякова Г. Ф., Раушенбах В. М., Цветкова И. К.* Карта памятников палеолита, мезолита и неолита в Окском бассейне.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
36. *Тюрина И. М.* Неолит верхнего Поднепровья.— СА, 1970, № 3.
37. *Тюрина И. М.* Некоторые данные о неолитических поселениях Верхнего Поднепровья.— МИА, 1973, № 172.

A. S. Smirnov

THE BELEVO CULTURE
(The Neolithic of the Upper Oka)

Summary

In the opinion of the present author the Belevo culture should not be identified as an independent entity. The upper reaches of the Oka and its basin was the contact zone of Neolithic cultures of the Dnieper and Volga basins. During the early and partly the developed Neolithic the local population followed first the Upper Volga and then the Lyalovo cultural patterns. In a later period, as in the Late Neolithic, people who had come from the Desna basin dominated this region. Scholars think that people preferred to settle in the Belevo region of the Oka basin and on the left bank of the river due to some geographical reasons. This also explains the presence of two groups (the western and the eastern) of camps in the upper reaches of the Oka.

Т. В. БЛАВАТСКАЯ

ИЗВЕСТИЯ ГЕРОДОТА О БУДИНСКОМ ГРАДЕ ГЕЛОНЕ И ЕГО ОБИТАТЕЛЯХ

Как бы мы ни оценивали то или иное сообщение Геродота о населении Северного Причерноморья [1], несомненно одно: каждое сведение приведено в «Истории» или в силу его принципиальной важности для всех эллинов или потому, что оно заинтересовало самого Геродота, или вследствие того, что автор стремился учесть интересы определенной группы своих читателей [2]. Даже субъективное отношение Геродота к отдельным явлениям в жизни северопонтийских греков заслуживает пристального внимания [3]. Эллины, живо интересовавшиеся поражением Дария в скифских степях между 515 и 513 гг. до н. э. [6, с. 15—24], сохранили много рассказов об этом событии. Эту традицию Геродот дополнил данными о Северном Причерноморье, собранными греками к середине V в. до н. э. Такая разнохарактерность источников труда историка делает необходимым детальное изучение даже беглых сведений, им сообщенных. С этой точки зрения полезно вновь перечитать единичное [4], но содержательное сообщение «Отца истории» о Гелоне, находившемся в земле будинов (Her., IV, 108, 109).

Данный текст в последние десятилетия послужил предметом дискуссии относительно локализации упомянутого города. В среде скифоведов — Б. Н. Гракова, А. И. Тереножкина, П. Д. Либерова, К. Ф. Смирнова, В. А. Ильинской и Б. А. Шрамко — остро дебатируется вопрос, можно ли отождествить Бельское городище на Ворскле с Гелоном [2, с. 352—359]. Сложность этой проблемы ясно раскрыта Б. А. Рыбаковым [7, с. 152—168]. Но, как нам кажется, вопрос о местоположении Гелона заслонил от исследователей некоторые важные сведения о самом будинском граде и его обитателях.

Прежде всего отметим, что Геродот не сомневался в полученном им от понтийских эллинов известии о наличии города у будинов: дважды называет он Гелон городом. Если бы характер будинского центра не отвечал тогдашним представлениям самих греков о городе, то в богатом языке Геродота нашлись бы иные термины для поселения, служившего варварам важной крепостью и религиозным центром. Сам факт возведения будинами монументальных деревянных укреплений, защищавших большую территорию [5], показывает, что их город славился своими богатствами и нуждался в крепких стенах. Здесь, конечно, имела значение и

[1] В русской историографии после яркой статьи Ф. Г. Мищенко [1, с. I—LXX] проблему достоверности ряда известий «Отца истории» рассматривали ученые разных направлений, например В. Миллер, М. И. Ростовцев, Б. Н. Граков, М. И. Артамонов, А. П. Смирнов, К. Ф. Смирнов, В. И. Абаев, Б. А. Рыбаков. Исчерпывающую библиографию см. в [2].

[2] Последняя мысль, высказанная еще Ф. Г. Мищенко [1, с. LV], вновь повторена недавно [3, с. 508].

[3] Например, молчание Геродота об эллинских городах на берегах Боспора Киммерийского является веским аргументом в пользу предположения о неприязни Афин к Боспорскому государству в 440—430-х годах до н. э. [4, с. 58—64]. Аналогичный взгляд высказал и М. И. Артамонов [5, с. 119].

[4] Исключительное внимание Геродота к Гелону (Her., IV, 108) заставляет нас отказаться от отождествления упомянутого города с «деревянным укреплением», оставленным будинами и сожженным персами (Her., IV, 123). Правда, эта мысль Г. Роулинсона и ныне общепринята [2, с. 149, 376], хотя сомнительно, чтобы Геродот не упомянул о страшной катастрофе, происшедшей со столь известным ему Гелоном в раннее время.

[5] Б. Н. Граков подсчитал, что стены Гелона достигали в окружности 23,76 км [8, с. 163].

его экономическая роль: Б. А. Рыбаков справедливо указал, что Гелон был большим межплеменным центром, городом, посещаемым греческими купцами, которые могли постоянно проживать в нем [7, с. 60, 74, 102, 105]. Геродот счел необходимым подробно описать святыни будинского града, принадлежавшие двум религиозным системам. Столь пристальное внимание к сакральной жизни этого центра указывает на то, что историк придавал ей особое значение. Одно из объяснений тому нужно искать в названии самого города. Не вызывает сомнения, что его эпоним почитался как родоначальник всего племени гелонов. Этногонические предания гелонов, несомненно, были немаловажной частью мифологической традиции ряда близких им племен Северного Причерноморья. Недаром Геродот, изложив легенду, которую сами скифы рассказывали о своем происхождении [6] (Her., IV, 5—7) и которая хранила мифологическую версию еще эпохи бронзы [7, с. 215 сл.], сразу же передает иную, эллинизованную версию о происхождении агафирсов, гелонов и скифов (Her., IV, 8—10) [8, с. 85]. Сам Геродот дважды подчеркивает, четко противопоставляя обе версии, что скифы рассказывают одно, а эллины, живущие на Понте,— другое. Очевидно, различие этих вариантов древней северопонтийской мифологемы имело значение в системе межплеменных отношений.

Миф об общем пращуре трех племен, видимо, следует отнести к «старшему» этногоническому пласту, который особенно бережно хранили гелоны и другие нескифские племена. Общавшиеся с ними эллины постарались протянуть нити от гелонского мифа к своим преданиям о Геракле.

Легенда о Геракле в Скифии и о его брачном союзе со змееногой владычицей Гилеи, родившей гераклидов Агафирса, Гелона и Скифа, детально изучалась исследователями [2, с. 103, 213, 214], признавшими, что упомянутое сказание представляет в основе местную легенду, подвергшуюся эллинской обработке. Но следует особо выделить мысль И. И. Толстого о том, что в рассказе Геродота содержатся, бесспорно, очень древние сказочные мотивы [9, с. 238]. Исследователь убедительно сопоставил требование змееногой девы о супружестве с Гераклом с аналогичными ситуациями в ранних мифах греков об аргонавтах (Медея — Ясон) и в «Одиссее» (Кирка — Одиссей) и сделал вывод, что этот мотив отражает брачные обычаи, предшествующие системе патриархата и чуждые последней [9, с. 248]. Как известно, почитание Геракла восходит ко временам варварского быта самих греков [10, с. 187—220], что обусловило сохранение многих примитивных черт в образе этого героя [7]. Несомненно, архаизм легенд о Геракле мог способствовать раннему, возможно стихийному, возникновению аналогий между сказаниями о родоначальнике трех крупных припонтийских племен и об эллинском герое. Но когда-то произошли изменения: скифы перестали поддерживать общую древнейшую легенду, заменив ее сказаниями о своем собственном скифском родоначальнике. Напротив, гелоны и, возможно, их союзники продолжали бережно хранить древнее предание (Her., IV, 8—10). Поэтому общавшиеся с ними греки и передали его Геродоту.

Допустимо поставить вопрос о том, во имя чего и когда было осуществлено такое слияние автохтонной и пришлой легенд в Северном Причерноморье [8]. И хотя прямых данных для окончательного ответа еще

[6] В легенде нет ни Геракла, ни Агафирса, ни Гелона. Это сугубо скифское сказание.

[7] Культ героев получил у греков особое распространение в архаическое время, причем герои обычно стояли ближе к простому народу в его повседневной жизни, чем высшие олимпийские боги [11, с. 155, 715]. Весьма заметны реликты примитивного религиозного сознания в почитании Геракла в самом Милете. Так, сакральные установления, записанные незадолго до 500 г. до н. э., запрещали женщинам приносить жертвы Гераклу [12, с. 152, № 132]. Этот запрет, несомненно, восходит еще к временам варварского быта, когда война и ряд связанных с нею занятий являлись монополией мужчин [13, с. 143, 144].

[8] Мифы об аргонавтах и о гиперборейских девах на Делосе свидетельствуют, что эллинское мифотворчество активно вбирало в себя припонтийские легендарные элементы еще в дополисный период Эллады, особенно в последнюю треть II тыся-

нет, все же следует остановиться на имеющихся косвенных свидетельствах. Нелишне вспомнить, что мифологическая аргументация была весьма действенным орудием в идеологии греков не только в древнейшие времена, но и в VI — V вв. до н. э. Свойственная политеистическому мировоззрению греков широкая веротерпимость допускала установление тесных связей эллинских и неэллинских мифологем. Прибавим и то, что у самих греков идея эпонима племени или полиса входила в ряд основных концепций. Поэтому сближение Геракла (культ которого сохранял много примитивных черт) с местным героем Гелоном не было для греков чем-то необычным.

Примечательно то, что эллинизованная версия сохранила имена Агафирса и Гелона наряду со Скифом, правда уже особо выделяемым. Напротив, чисто скифская традиция называла имена только скифских мифических персонажей, категорически исключая не только эллинские элементы, но даже и имена родоначальников соседних племен (Her., IV, 5—7). Это полностью гармонирует с отмеченной Геродотом (Her., IV, 76) враждебностью современных ему скифов к заимствованиям у чужих народов, особенно у эллинов. Судя по приведенным историком примерам с Анахарсисом и Скилом, тенденция подобного противопоставления зародилась у скифов в VI в. до н. э. и получила особое развитие в первой половине V в. до н. э. А рассказ Геродота о взаимоотношениях скифов с агафирсами и другими соседними племенами во время персидского вторжения заставляет думать, что именно в конце VI в. до н. э. в идеологии скифов возобладали идеи их обособленности[9], что и привело к исключению из их этногонических преданий родоначальников не только агафирсов[10], но даже и гелонов.

Попутно заметим, что грекам, по-видимому, приходилось считаться со стремлением скифов возвыситься над соседями. Недаром Геродот хвалил скифов, называя их самым умным народом на Северном Понте (Her., IV, 46). В этом замечании историка допустимо видеть не только традиционное одобрение мудрых противников Дария, но, возможно, и отражение одного из необходимых приемов эллинской дипломатии в Северном Причерноморье.

Вернемся к поставленным вопросам.

Прямые указания «Отца истории» на особую неприязнь скифов к эллинским обычаям позволяют уверенно предположить, что такая изоляционистская направленность уже в первой половине V в. до н. э. должна была породить определенные трудности для экономической деятельности греков в скифских землях. Не менее бесспорно и то, что хозяйственные контакты с внутренними областями страны, установившиеся за предшествующие 100—150 лет, отныне стали жизненно необходимыми для растущих северопонтийских полисов. Поэтому вполне естественными были усилия заинтересованных эллинов, встречавших активное недоброжелательство скифов[11], найти пути, ведшие к пользованию природными богатствами земель, неподвластных скифам.

Специальный экскурс Геродота об эллинских святынях в граде Гелоне позволяет думать, что в этом рассказе отразилась попытка греков

челетия до н. э. Дальнейшее развитие это явление получило позднее, в эпоху переселения эллинов на жительство в понтийские земли [14, с. 13—20]. Даже спустя много веков эллинские мифы хранили следы таких древнейших контактов [15, с. 56—67].

[9] Можно думать, что война с персами и успехи в ней скифской стратегии и дипломатии явились факторами, ускорившими созревание этнического самосознания скифов.

[10] Отказ царя агафирсов примкнуть к скифам для отражения персов (Her., IV, 119) означал крупные разногласия между обоими племенными массивами, что проявилось и в конфликте их царей в первой половине V в. до н. э. (Her., IV, 78). Легенды агафирсов были детально проанализированы Б. А. Рыбаковым, указавшим, что Геродот сохранил предания агафирсов, весьма отличные от рассказов скифов [7, с. 93—99].

[11] Ведь враждебность к эллинам иногда служила важным орудием в борьбе за власть между скифскими царевичами, как это было в конфликте Скила и Октамасада (Her., IV, 78—80).

всемерно расширить давний прямой контакт с мощным племенем будинов и их соседей — гелонов, не разделявших крайностей скифоцентризма. Краткие, но содержательные сведения древнего историка о будинах и будинских гелонах [12] показывают, что к середине V в. до н. э. греки располагали основными данными о территории, соматическом типе, языке и хозяйственном укладе обоих племен. Однако не все детали взаимоотношений двух этнических групп были ясны всем грекам. Геродот отмечает, что эллины неправильно называют будинов гелонами (IV, 109). Видимо, сам историк точно знал различия между обоими племенами [13]. Чрезвычайно красноречива приведенная Геродотом обстоятельная и деловая характеристика материальных основ жизни каждого этноса. Несомненно, это была оценка серьезных практиков, рассматривавших целесообразность экономических связей с указанными племенами.

Наименование будинского города Гелоном заставляет думать, что у обоих соседних племен сохранялась давняя этногоническая легенда об общем предке агафирсов, гелонов и скифов. Четко проявившееся после отражения персов стремление скифов противопоставить роднящей их с соседями легенде свою собственную мифологему о родоначальнике скифов Таргитае не могло не вызвать неодобрение племен, хранивших традиционную версию. Естественно предположить, что в этих условиях гелоны должны были возвысить культ своего пращура Гелона. Обособленность какой-то части гелонов, оказавшихся в землях будинов, могла этому даже способствовать: будучи отделенными от главного массива своего этноса, будинские гелоны должны были особенно беречь свои племенные мифы и усердно чтить своего собственного легендарного предка.

Высказывая это предположение, мы исходим из того, что духовная жизнь варваров, несмотря на присущий ей консерватизм, неизбежно должна была испытывать воздействие политических событий, происходивших в племенном мире. Обособление скифов могло побудить их соседей сплотиться более тесно. Судя по рассказу Геродота, будино-гелонские контакты были тогда достаточно устойчивы, причем обе стороны относились к эллинам положительно. Видимо, греки стремились особо укрепить отношения с гелонами и использовали некоторые генетически общие мифологические мотивы. Версия мифа о супружестве прародительницы гелонов с Гераклом была особенно выгодна для эллинской дипломатии, и греки настойчиво ее распространяли. К тому же сказание о Геракле и его сыне Гелоне гармонично входило в религиозные воззрения обоих этнических массивов: образ героя-пращура относится к древнейшим пластам индоевропейской мифологии. Поэтому, хотя греки и причерноморские племена в разное время выходили из рамок индоевропейской общности [17, с. 127—129], все же в их легендах образы героев-родоначальников сохраняли много общих черт, не только типологических, но и генетических [14]. Указанное обстоятельство облегчало контакты эллинов и гелонов в сфере сакральной жизни, что благотворно влияло и на их взаимные экономические связи.

---

[12] Рассказ Геродота позволяет заключить, что какая-то часть гелонов обитала в пределах будинов. В эпоху племенного строя владения сопредельных племен могли вклиниваться на больших участках. Коренные различия хозяйственной жизни будинов и гелонов должны были особенно содействовать таким чередованиям их земель и взаимопроникновению небольших групп соседей.

[13] Я. Харматта полагает, что здесь Геродот исправляет Гекатея [16, с. 34—70]. Если это так, то можно предположить, что греки смогли лучше уяснить соотношение гелонов и будинов именно в течение первой половины V в. до н. э.

[14] Весьма важны исследования В. И. Абаева, выделившего ряд древнейших, восходящих еще к эпохе индоиранской общности, религиозных представлений причерноморских племен [18, с. 184; 19, с. 445 сл.]. Эти кардинальные положения получили развитие в последующих трудах. Так, В. Д. Блаватский отметил принципиальное сходство важнейших божеств в пантеонах персов, скифов и эллинов [14, с. 16—18]. Были также изучены общие корни некоторых греческих и скифских религиозных представлений [20, с. 60—66]. Исследовавшие скифскую мифологему V—I вв. до н. э. Д. С. Раевский [21] и С. С. Бессонова [22] привели много примеров сохранения скифами религиозных мотивов, идущих еще от времен древней индоиранской общности.

Свидетельство Геродота позволяет с уверенностью заключить, что будины и гелоны не отвергли эллинизации своей мифологемы, хотя степень принятия ими ее эллинизованного варианта остается нам неизвестной. Все же не приходится сомневаться в том, что апелляция к мифологическим мотивам имела какое-то значение в сложной системе контактов греков с будинами и гелонами. Видимо поэтому эллины прибрежных городов в середине V в. до н. э. распространяли миф о Геракле и трех его северопонтийских сыновьях в противовес скифской этногонической легенде. Только так можно понять реальные причины эллинизации одного из местных генеалогических преданий Северного Причерноморья. Соответствие подобной обработки гелонской мифологической традиции именно интересам греков не вызывает сомнений. Недаром Геродот, рассказывая об участниках антиперсидской коалиции, счел необходимым привести сведения о будинском граде Гелоне и эллинских элементах в культуре гелонов — данные, видимо, полезные для его читателей.

Здесь уместно напомнить, что легенда о потомках Геракла в северопонтийских землях не была чем-то совсем новым для современников «Отца истории». Уже давно эллинский герой-пращур и великий странник Геракл в качестве Ἀρχηγέτης покровительствовал многим переселениям греков и был ими связан посредством гераклидов с мифологическими преданиями ближних народов [23, с. 95—145]. Такие сопоставления, как показывает легенда о гераклиде Алкее в лидийской династии (Her., I, 7), возникали еще в начале I тысячелетия до н. э. Допустимо предположить, что уже в первые десятилетия своего появления на Северном Понте эллины начали искать точки соприкосновения с местным населением и в области мифологии [15].

Необходимо отметить, что эллины не случайно обратили внимание на будино-гелонские края. Судя по Геродоту, будины отличались от скифов своей мягкостью в отношениях с иноплеменниками. Например, они благожелательно приняли на свою территорию какую-то часть земледельческого племени невров [16], переселившихся к ним за одно поколение до похода Дария (Her. IV, 105), что падает на 540-е годы до н. э. Они также позволили эллинам жить в своем граде Гелоне. Видимо эта терпимость к пришельцам объясняется характерными особенностями экономического быта будинов, обитавших преимущественно на лесной территории.

Здесь необходимо остановиться на понимании геродотова термина νομάδες, которым историк определяет будинов. Обычно его толковали как свидетельство кочевнического быта. Например, Ф. Г. Мищенко и В. В. Латышев переводили данное место как «ведут кочевой образ жизни», а Г. А. Стратановский, А. И. Доватур и И. А. Шишова перевели как «кочевники». Нам представляется, что ближе к истине Б. А. Рыбаков, который считает, что лесные будины, очевидно, занимались подсечным земледелием, требовавшим постоянных перемещений [7, с. 156]. Действительно, в рассказе Геродота о будинах и гелонах ясно проступает противопоставление людей, питающихся плодами лесных деревьев, земледельцам, кормящимся хлебом. Но обязательно ли будины должны были постоянно «кочевать»? Лесное племя «номадов» могло

---

[15] Д. С. Раевский полагает, что возведение трех народов к общему предку «было следствием греческой обработки скифской легенды», причем гелоны и агафирсы появились «лишь в ходе эллинизации легенды» [21, с. 74, 75]. Столь позднее искусственное включение родопачальников соседних племен в уже обособившуюся скифскую мифологему весьма сомнительно. Вспомним, как Геродот, тонко уловивший типологическое сходство скифских и греческих богов (Her., IV, 59—62) [14, с. 16—20], тщательно передает сугубо скифский характер пантеона скифов. И у будинов, в граде которых находились их святилища, обособленные от эллинских святынь, религиозные представления в V в. до н. э., несомненно, составляли уже достаточно сложившуюся систему. Более вероятно, что эллинизация успешно велась в сфере самых древнейших мифологических легенд, относящихся еще ко времени меньшей обособленности каждого племенного массива.

[16] Неврам, которые «давно уже в науке рассматриваются как одна из частей праславянского мира» [7, с. 189], посвящена обширная историография [2, с. 231—232].

быть почти оседлым, занимаясь сезонными лесными промыслами, рыболовством и скотоводством [17].

Сведения Геродота о будинах, имевших укрепленный мощной стеной город, в котором находились их святилища и дома, показывают, что изучаемое племя не только лесовало. Часть будинов постоянно обитала в городе, производя оружие, орудия и разные ремесленные изделия, необходимые для промыслов в лесах и озерах. Достойна внимания формулировка Геродота, акцентировавшая будинскую принадлежность Гелона: это город «у будинов», автохтонов в тех местах. Очевидно, будины, успешно развивавшие промыслы в лесных угодьях (что позволило им без ущерба для себя уступить часть пашенных земель неврам и какому-то массиву гелонов), все же крепко держали свой город. И эллины с этой традицией весьма считались.

Приведенные скудные сведения все же достаточно ясно указывают, что образ жизни будинов был далек от кочевнического.

Весьма сложен вопрос о роли гелонов в населении будинского града. Их присутствие там свидетельствуется рассказом Геродота о давних контактах эллинов и гелонов [18]. Прямая связь племенного наименования с эпонимом будинского града делает несомненным постоянное пребывание в Гелоне какого-то контингента гелонов: они должны были выполнять сакральные обряды в честь племенного пращура, и будины, конечно, не препятствовали союзникам чтить своего родоначальника [19]. Возможно, столь почитаемые в племенном мире обязанности способствовали не только сохранению обособленности гелонского контингента в городе, хозяева которого вообще были дружелюбны к гелонам [20]. Служение Гелону, божественному покровителю всего города, должно было придать особое значение находившимся там гелонам в глазах не только будинов, но и приезжавших туда греков [21]. Видимо, поэтому эллины, связав легенды о Геракле в Северном Причерноморье с мифологическими преданиями именно гелонов, особенно тесно сблизились с этим этносом. Тем самым греки получали особую поддержку, ставя на службу своим интересам сакральные традиции аборигенов. Крупный успех этой политики сказался в том, что в будинском граде греки построили святилища своих богов и справляли праздники. Следовательно, вначале условия для обитания эллинов в Гелоне были вполне благоприятными.

Можно полагать, что они имели здесь и весомые экономические преимущества, которые сделали целесообразным даже постоянное обитание греков в будинском центре. Но с течением времени такие переселенцы

---

[17] Полезно обратить внимание на приложенное Помпонием Мелой к некоторым скифским племенам определение vagi nomades (Pomp. Mela, II, 9). Употребление прилагательного vagi показывает, что древние авторы допускали существование разных номадов: кочевников и некочевников. Поскольку текст Мелы восходит к географу, составившему описание Понта в основном по более древней, видимо до-Эфоровской, литературе [24, с. 45–48], постольку можно предположить, что разграничение бродячих и небродячих номадов сложилось у греков еще до начала IV в. до н. э., т. е. во времена, не столь отдаленные от Геродота. Поэтому в таких характерных контекстах, как описание жизни будинов в озерных лесистых краях, геродотов термин «номады» нельзя просто переводить «кочевники». Может быть, лучше оставить определение «номады» без перевода.

[18] Возможно, что град Гелон находился на окраине будинских земель, куда просочились или где издавна жили гелоны.

[19] Несомненно, мифологическая традиция, назвавшая Гелона братом Агафирса и Скифа, отражала авторитетность прав гелонов на занимавшиеся ими территории. На это указывает мысль И. И. Толстого о том, что легендарная прародительница трех племен является змееногим существом. Эта особенность образа присуща древнейшим божествам, связанным с почвой, что нашло отражение у греков в легендах о Кекропе, Эрихфонии и Тифоне [9, с. 235, 236]. Естественно, сын змееногой владычицы Гилеи мог быть божественным покровителем земельных владений гелонов. Его значение, вероятно, особенно возрастало в периоды каких-то неблагоприятных событий [5, с. 26] или вторжения персов. К сожалению, проблема локализации гелонов еще далека от разрешения [25, с. 139].

[20] Изучая взаимоотношения названных племен, Б. Н. Граков пришел к выводу об образовании большого будино-гелоно-неврского союза [8, с. 163 сл.].

[21] Примечательно, что Геродот обычно называл сначала гелонов, а затем будинов (Her., IV, 102, 119, 120) и только один раз изменил этот порядок (Her., IV, 136).

полностью утратили свой этноним и отчасти лишились родного языка: εἰσὶ γὰρ οἱ Γελωνοὶ τὸ ἀρχαῖον Ἕλληνες, ἐκ δὲ τῶν ἐμπορίων ἐξαναστάντες οἴκησαν ἐν τοῖσι Βουδίνοισι, καὶ γλώσσῃ τὰ μὲν Σκυθικῇ, τὰ δὲ Ἑλληνικῇ χρέωνται. Это сообщение Геродота показывает, что в Гелоне и его окрестностях грекоязычные элементы постепенно растворились в гелонском этносе. Несомненно, земледельческий быт [22] гелонов весьма способствовал процессу взаимодействия обоих этносов, причем гелонизация эллинов шла весьма интенсивно.

Как известно, длительные контакты эллинов с другими народами нередко приводили к возникновению этнически смешанных групп. Для них греки уже в V в. до н. э. создали специальные наименования: современник Геродота Гелланик употреблял термин μιξέλλην, а Еврипид вложил в уста Антигоны уничижительное определение μιξοβάρβαρος (Eur., Phoen, 138), которое и позднее сохранило однозный оттенок (Xen., Hell, II, 1, 15; Plato, Menex, 245D). Однако в лексике Геродота при упоминании смешанных этнических групп в Северном Причерноморье этот термин не употреблен: каллипиды у «Отца истории» — Ἕλληνες Σκύθαι (IV, 17), гелоны — «изначально суть эллины» (Her., IV, 108). Совершенно очевидно, что Геродот избегал пренебрежительных выражений по отношению к таким массивам. Вероятно, его словоупотребление отражало позицию северопонтийских греков, информировавших историка. Несомненно, для них были весьма важны тесные связи с нескифскими племенами причерноморских земель. Ведь отношения со скифами временами становились весьма сложными, особенно в тяжелые для эллинов периоды войн с персами, когда авторитет греков в глазах скифов неизбежно падал [23]. В этих условиях гелонизация некоторых эллинов, обитавших во владениях могучих будинов, могла оказаться весьма полезной для сохранения связей греков с внутренними землями. Достойно внимания то, что приморские греки не упустили из виду греко-гелонов в будинских землях и специально сообщили о них Геродоту. Следовательно, в середине V в. до н. э. в прибрежных центрах не забывали этот смешанный массив, поскольку деловые контакты с такими контрагентами, хорошо знавшими местные условия, весьма облегчались их полугреческим языком. Поэтому Геродоту сообщили такие подробные сведения о гелонизованных эллинах, тогда как об основном племени гелонов «Отец истории» узнал лишь общие данные [24], относящиеся к войне с Дарием.

Геродот не указывает точное время появления эллинов в будинской земле, употребляя адвербиальный оборот τὸ ἀρχαῖον. Но судя по тому, что гелонизовавшиеся потомки переселенцев уже утратили полностью этноним своих предков и лишь частично сохранили эллинскую речь, указанное событие нужно отнести не менее чем за три поколения до приезда историка в Ольвию. Допустимо полагать, что вселение в Гелон греков происходило где-то в 530-х годах до н. э. Но их гелонизация началась позднее, когда после победы скифов над персами изменилось общее положение в Северном Причерноморье. Видимо, для осевших в Гелоне эллинов теснейшее сближение с будинскими гелонами оказалось тогда совершенно неизбежным.

Примечательно, что процесс гелонизации происходил неодинаково: утратив эллинский этноним и чистоту языка предков, гелонизованные греки все же сохранили их религию. Данное обстоятельство, особо подчеркнутое Геродотом, показывает, что изначально эллинский массив в

---

[22] Геродот упоминает садоводство на Северном Понте только у гелонов. Вполне вероятно, в развитии этого дела некоторую роль играло влияние эллинов, живших в будинском граде и его окрестностях.

[23] Может быть, греки, избрав город Гелон специально из-за его эпонима, рассчитывали создать в нем процветающую апойкию среди дружественных аборигенов в противовес зарождавшейся неприязни скифов.

[24] Вопрос об истолковании геродотовых сведений о гелонах вызвал обширную литературу [2, с. 215, № 164; с. 360, № 619]. И хотя многое еще не вполне ясно, все же мы считаем необходимым четко разделять данные Геродота о всем племени гелонов и о гелоногреках. Нельзя, например, называть всех гелонов потомками греков, как это делает Ф. Легран [26, с. 103].

граде Гелоне был весьма активен в своей сакральной деятельности и что местное население этому способствовало. Достойно внимания то, что в Гелоне был не один греческий храм: «Отец истории» говорит о нескольких. По-видимому, эллины прибыли сюда «из эмпориев», имевших разных богов-покровителей. Данное предположение основывается на сведениях того же Геродота о религиозной практике греков в Навкратисе: выходцы из некоторых эллинских полисов соорудили там общий храм Эллений, но граждане Эгины, Самоса и Милета возвели отдельные храмы своим олимпийским покровителям (Her., II, 178). Видимо, и в Гелоне эллины из разных городов имели возможность выделить своим божествам особые места для почитания [25]. Нужно думать, что эпониму города, несомненно, было воздвигнуто святилище: ведь сына Геракла, Гелона, чтили все три этнические группы горожан. Сакральная жизнь самих эллинов в Гелоне, судя по Геродоту, была насыщенной: по греческим обычаям они поставили там своим богам статуи, алтари и храмы. Кроме того, каждое трехлетие отмечались праздники в честь Диониса, сопровождавшиеся вакхическими обрядами. Видимо, эти Дионисии были общим праздником для всех тамошних эллинов [26]. Устройство строго периодического и сложного по своим внешним формам праздника указывает на то, что гелонские греки имели какие-то формы постоянной внутренней организации, обеспечивавшей исполнение общих религиозных обрядов. Специальное упоминание о дионисических торжествах в Гелоне заставляет думать и об их особом там значении: возможно, в них участвовали и богомольцы местного происхождения. Празднование Дионисий в Гелоне позволяет говорить о веротерпимости будинов в отличие от скифов, сурово осуждавших ольвиополитов именно за этот культ (Her., IV, 79). Бесспорно, в этом проявлялось одно из различий взглядов названных племен.

Интенсивность сакральной деятельности первопоселенцев-эллинов в будинском граде указывает на то, что греческая часть горожан была на протяжении ряда лет достаточно многочисленной. Естественно, встает вопрос: кто были эти изначальные греки.

Обстоятельства приезда эллинов в Гелон переданы у Геродота кратко: ἐκ δὲ τῶν ἐμπορίων ἐξαναστάντες, что допускает не только различное, но даже и противоречивое истолкование. Ф. Г. Мищенко перевел это выражение словами «удалившиеся из торговых городов». У В. В. Латышева читаем «выселившиеся из торговых городов». А. И. Доватур и И. А. Шишова перевели: «...которые покинули гавани и поселились у будинов». Но Г. А. Стратановский предложил другой вариант: «изгнанные из торговых поселений». Последнее понимание слова ἐξαναστάντες весьма сомнительно. Против него свидетельствует указание Геродота, что в граде будинов жили эллины, прибывшие «из эмпориев». Следовательно, переселенцы приехали сюда не из одного, а из разных мест. Трудно предполагать, что в нескольких торговых центрах Северного Причерноморья почти одновременно происходили какие-то социальные движения, приведшие к изгнанию части населения, видимо оппозиционных элементов, и к совместному приезду таких изгнанников к будинам.

---

[25] Приведенное сообщение Геродота позволяет заключить, что в обычае эллинов было ставить жертвенники и храмы своим богам в тех землях, где они вели свои дела. Примечательны слова Геродота, что греки, как и будины, строили в Гелоне все из дерева. Применение дерева в религиозной практике ранней Греции известно хорошо, причем старинные деревянные статуи богов пользовались большим почитанием. И в Северном Причерноморье дерево издревле служило в культовом обиходе эллинов. Так, М. М. Кобылина любезно сообщила мне, что в Фанагории ею были открыты остатки деревянного святилища VI в. до н. э.

[26] Дионис был божеством растительного мира, причем он связан с плодородием не столько полей, сколько садов и виноградников [27, с. 582–594]. Естественно, культ Диониса был достаточно близок не только эллинам и гелонам, но и самим будинам – жителям лесов. Видимо, поэтому они не возбраняли грекам устраивать вакхические торжества. Следует вспомнить о матери Диониса – Семеле, богине земли, имя которой М. П. Нильссон убедительно сопоставил со славянским наименованием Земли [27, с. 564–568]. Почитание сына Семелы-Земли должно было пользоваться широким признанием у земледельцев-гелонов и у лесовиков-будинов.

К тому же оказавшиеся в граде будинов эллины составили там контингент, обладавший определенным весом среди прочих жителей Гелона. Это немаловажный факт: нельзя забывать о том, что в крупных варварских центрах обычно обитали родовитые семьи, выделявшиеся значением во всех видах деятельности племени. В Гелоне в число местной аристократии должны были входить и жрецы будинских святилищ. Трудно предположить, что социально и экономически слабые чужеземцы, изгнанники из эмпориев, могли бы занять достаточно прочное положение среди именитого населения будинского града. Между тем сведения Геродота о религиозной жизни эллинов в Гелоне создают впечатление того, что в этой важной сфере греки не встречали дискриминации, но были почти равноправны с коренными жителями.

В связи с этим обстоятельством полезно обратить внимание на то, что «Отец истории», говоря о приезде эллинов к будинам, употребил форму аориста οἴκησαν, что передает однократно совершившийся факт вселения. Иными словами, появление первых эллинских обитателей в Гелоне явилось результатом единовременного приезда греков, выходцев из нескольких городов [27]. Нужно думать, что Ольвия играла в нем не последнюю роль; из ее многочисленного населения и из жителей ее хоры легко мог быть выделен нужный контингент переселенцев [28].

Видимо, продуманная операция вселения в Гелон обеспечила обосновавшимся в нем эллинам достаточно благоприятные условия для постоянной жизни, как позволяют заключить сведения Геродота об их интенсивной сакральной деятельности. Ведь постройка и содержание нескольких святилищ, а также регулярное проведение общих праздников требовали немалых постоянных затрат. Следовательно, эллинская община в Гелоне располагала необходимыми финансовыми возможностями уже на самых первых порах своего возникновения. Это естественно. Ведь один лишь переезд в далекий град будинов стоил дорого: нужно было обеспечить транспорт и пищу на время долгой дороги, подготовить запасы орудий труда, инструментов, одежды и различных обиходных предметов для устройства жизни на новом месте [29]. Такие затраты были доступны переселенцам, обладавшим хотя бы небольшим достатком.

Изложенные соображения позволяют думать, что всех прибывших в Гелон греков нельзя считать бедняками или обездоленными изгнанниками, принятыми будинами из сострадания. Напротив, это была в большинстве имущая группа, получившая у хозяев города весомые права и привилегии именно в силу своей состоятельности и социальной значимости, которые, видимо, были хорошо известны будинам [30]. Естественно,

[27] Геродот употребил термин «эмпории», но вряд ли это были те ранние поселки-торжища, которые греки основывали в основном в период от середины VII до середины VI в. до н. э. [28, с. 7–17]. Скорее высылающими центрами были достаточно крупные города – ведь и современную ему Ольвию историк назвал эмпорием (Her., IV, 17).

[28] С. Ю. Сапрыкин и поддержавший его В. П. Яйленко полагают, что запустение земель вокруг Ольвии, произошедшее в начале V в. из-за роста агрессивности скифов, могло привести к выселению какой-то части этих сельчан (возможно, и каллипидов) в Гелон. Это предположение, бесспорно, заслуживает внимания.

[29] В создании ранних купеческих поселений на побережье Понта участвовали владельцы больших средств. О присутствии отдельных состоятельных людей на Березани в VI в. до н. э. свидетельствует найденный там в 1974 г. В. В. Лапиным великолепный кратер. Роспись его (состязания на колесницах, хоровод женщин, танцы комастов, всадники и борьба животных) была исполнена выдающимся художником-вазописцем, работавшим в 575–550-х годах до н. э. Несомненно, владелец такой вазы был очень состоятельным греком. Ныне «кратер Лапина» хранится в Киеве, в музее Института археологии АН УССР, за № АБ/70.480.

[30] Нам представляется, что необходимо иметь в виду не только знания греков об обитателях причерноморских земель, но и обратное явление – знакомство аборигенов с эллинами. Об этом писал уже В. Д. Блаватский [14, с. 24–25], отметивший в числе прочих результатов появление у скифского царя особого поверенного из числа эллинов – эпитропа, ведшего его торговые и, вероятно, также дипломатические дела. Однако не всегда взаимное узнавание оборачивалось положительно для греков. Например, в Поднепровье резкое увеличение торговых связей во второй половине VI в. до н. э. [29, с. 51 сл.], которое способствовало более широкому знакомству скифов с греками, не остановило развития скифской неприязненности к эллинам, ярко проявившейся уже во времена Скила.

с течением времени в Гелоне появлялись и новые апойки — бедняки, искавшие землю. Однако основные условия пребывания эллинов-переселенцев в землях будинов были, по всей вероятности, выработаны именно на первых порах возникновения там греческой общины. Возможно даже, сначала имели место предварительные переговоры греков с царем будинов — ведь чужеземцы хотели вселиться не в простой поселок, а в стратегически важную крепость, являвшуюся и сакральным центром. Лишь после принятия взаимоприемлемых условий переселенцы из эмпориев могли двинуться в путь.

Строительство греческих святилищ в Гелоне является неоспоримым свидетельством того, что для будинов эллинские религиозные представления не только не были ненавистны, как это позднее было для скифов (Her., IV, 76—80), но что будины спокойно допускали близкое соседство своих и греческих святынь. Это указывает на большие успехи эллинов в налаживании прочных деловых и культурных связей с населением будино-гелонской земли. Утверждая сказанное, мы хотим напомнить, что вопрос о контактах эллинов с Северным Причерноморьем необходимо рассматривать, учитывая подобные связи греков в других варварских странах, особенно в Европе. Несомненно, в VII—VI вв. до н. э. греками был накоплен большой опыт, касавшийся взаимодействий с чужеземцами не только в материальной сфере, но и в области религии.

Известно, что политику соучастия в духовной жизни аборигенов эллины проводили не только в Причерноморье. Например, около 500 г. до н. э. одно из кельтских племен в районе современного Шалон-сюр-Сона при погребении своей княгини снабдило ее великолепными заупокойными дарами, частью изготовленными греческими мастерами. Особенно важно то, что здесь были вещи, украшенные изображениями традиционных атрибутов эллинского погребального обряда[31]. Этот факт не оставляет сомнений в том, что и кельты, поддерживая с греками оживленные экономические отношения [30, с. 1—10, 55], охотно использовали эллинские сакральные мотивы, близкие их собственным традициям, уходящим в далекое прошлое европейских племен.

Естественно, греки были особенно заинтересованы в развитии культурного общения с обитателями тех земель, где они оседали на долгое время. И хотя у скифов их усилия иногда терпели временную неудачу[32], как показывает история Скила, отношения эллинов с будинами протекали в более спокойном русле.

Однако будины, приняв благожелательно греческих переселенцев в свой город, в дальнейшем стремились не допустить неограниченного утверждения эллинов. По-видимому, гелонизация греков в Гелоне явилась результатом какого-то отступления греческого начала перед местными устоями. И хотя прибонтийские греки, судя по осведомленности Геродота, не прерывали контактов со своими компатриотами в Гелоне, они не могли поддержать их полной автономии. Видимо, будины как-то сдер-

---

[31] Золотая диадема покойницы завершалась изображениями головок мака, рядом с которыми ювелир поставил фигурку Пегаса — оба мотива, как указал Ш. Пикар, являются чисто греческими символами, связанными с загробными верованиями эллинов II—I тысячелетий до н. э. [31, с. 49—53].

[32] Примечательно, что уже в IV в. до н. э., следовательно спустя лишь два-три поколения после Геродота, скифская знать широко пользовалась художественными изделиями греков. Исследовавшая это явление С. С. Бессонова установила, что греческие иконографические схемы служили тогда для воплощения собственных скифских религиозных представлений [22, с. 59, 120]. Немалую роль в столь частом обращении скифской аристократии к образам некоторых персонажей эллинской мифологии должна была играть генетическая общность ряда религиозных представлений скифов и греков. Богатые духовные традиции обоих этносов творчески сохраняли некоторые элементы древнейших индоевропейских воззрений. Таковы, например, предания о конном герое [32, с. 96—119]. Поэтому трудно согласиться с Д. С. Раевским, пытающимся полностью оторвать сказания об Ахилле и Геракле от скифской мифологии и называющим использование изображений этих персонажей в религиозной жизни скифов «поверхностным процессом» [33, с. 67]. Такой взгляд грешит забвением всей сложности духовного мира скифов и греков, имевшего, как показал Б. Н. Граков [34, с. 7—18], самые тесные точки соприкосновения в области мифологии.

живали деятельность эллинов и, возможно, даже содействовали все большему влиянию гелонов на потомков греческих переселенцев. Процесс гелонизации эллинов, по всей видимости, вполне отвечал интересам самих будинов.

Изучаемый вариант греко-варварских контактов не получил широкого развития: имеющиеся источники более поздних веков не упоминают гелонизованных эллинов и не называют примеров аналогичной варваризации греков в других районах Северного Причерноморья. Видимо, племенной мир припонтийских земель, ведя с греками оживленные экономические контакты, не стремился повторить опыт будинского града Гелона [33]. Однако указанное обстоятельство не должно ослаблять внимания историков к поучительному рассказу Геродота о пребывании греков в будинских землях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мищенко Ф. Г.* Не в меру строгий суд над Геродотом.— В кн.: Геродот. История в девяти книгах / Пер. с древнегреч. Мищенко Ф. Т. II. М., 1888.
2. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова А. И.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982.
3. *Waters K. H.* Herodotus and the Ionian Revolt.— Historia, 1970, B. XIX.
4. *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
5. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
6. *Harmatta J.* Darius' Expedition against the Saka Tigraxauda.— Acta Ant., t. XXIV. Budapest, 1976.
7. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
8. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
9. *Толстой И. И.* Черноморская легенда о Геракле и змееногой деве.— В кн.: Статьи о фольклоре. М.: Наука, 1966.
10. *Nilsson M. P.* The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkeley, 1932.
11. *Nilsson M. P.* Geschichte der Griechischen Religion. B. I. Die Religion Griechenlands bis auf die Griechische Weltherrschaft. München, 1955.
12. *Kawerau G., Rehm A.* Das Delphinion in Milet. B., 1914.
13. *Адамс Д.* Инстинкта войны не существует.— Психол. журн. 1984, т. 5, № 1.
14. *Блаватский В. Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья в VII—V вв. до н. э.— СА, 1964, № 2.
15. *Колосовская Ю. К.* Агафирсы и их место в истории племен Юго-Восточной Европы.— ВДИ, 1982, № 4.
16. *Harmatta J.* Quellenstudien zu der Skythika des Herodot. Budapest, 1941.
17. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965.
18. *Абаев В. И.* Скифский язык.— В кн.: Осетинский язык и фольклор. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
19. *Абаев В. И.* Культ «семи богов» у скифов.— В кн.: Древний мир. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
20. *Blawatsky W. D., Kochélenko G. A.* Quelques traits de la religion des Scythes.— In: Hommages à M. I. Vermaseren. V. I. Leiden, 1978.
21. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977.
22. *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наук. думка, 1983.
23. *Farnell L. R.* Greek Hero Cults and Ideas of Immortality. Oxford, 1921.
24. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л.: Изд-во РАИМК, 1925.
25. *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985.
26. *Legrand Ph.* Hérodote. Index analythique. P., 1954.

[33] Конечно, новые источники могут изменить изложенный выше вывод. Но известно, что и в III в. до н. э. некоторые аборигены Причерноморья сдержанно относились к устройству греческого эмпория в своих землях. Свидетельством этому является рассказ Страбона о том, что свое торжище Танаис греки основали в самом устье Дона, а не выше по реке, хотя в общем месте торговли были заинтересованы и греки и варвары: ἡ δ' ἐμπόριον τῶν τὸ Ἀσιατῶν καὶ τῶν Εὐρωπαίων νομάδων καὶ τῶν ἐκ τοῦ Βοσπόρου τὴν λίμνην πλεόντων . . . (Strabo, XI, 2, 3). Осторожное отношение варваров Нижнего Подонья к постоянному пребыванию в этом торжище греков сказалось и в том, что каждый этнический массив сохранил в пределах Танаиса обособленную организацию. А. А. Молчанов, рассматривая раздельные общины танаитов и эллинов в позднем устройстве этого боспорского города, высказал очень убедительную мысль о том, что первоначально, в III—I вв. до н. э., Танаис был не греческим полисом, а «варварским» городом, подчиненным вождям племени танаитов [35, с. 71—85]. Несомненно, танаиты, как и некогда будины и гелоны, прилагали усилия к тому, чтобы не допустить главенства греков в своем городе.

27. *Nilsson M. P.* Geschichte der Griechischen Religion. B. I². Die Religion Griechenlands bis auf die griechische Weltherrschaft. München, 1955.
28. *Блаватский В. Д.* Архаический Боспор.— МИА, 1954. № 33.
29. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—VI вв. до н. э.— САИ, 1966, вып. Д1-27.
30. *Joffroy M. R.* Le Trésor de Vix (Cote d'Or).— In: Monuments Piot. T. XLVIII, 1. P., 1954.
31. *Picard Ch.* Le diademe d'or de Vix: pavots et Pégases.— RA, 1955.
32. *Кузьмина Е. Е.* Конь в религии и искусстве саков и скифов.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
33. *Раевский Д. С.* Эллинские боги в Скифии? — ВДИ, 1980. № 1.
34. *Граков Б. Н.* Скифский Геракл.— КСИИМК, 1950, вып. XXXV.
35. *Молчанов А. А.* Высшие магистраты Танаиса II—III веков н. э. и происхождение дуалистической системы его устройства.— В кн.: Проблемы истории СССР. Т. IV. М.: Изд-во МГУ, 1976.

T. V. Blavatskaya

HERODOTUS ON THE BUDINI GELONUS AND ITS INHABITANTS

Summary

According to a concise account by the Ancient Greek historian (Her. IV, 108, 109) on Gelonus, in about the 530s B. C. the Greeks from the Northern Pontic area made an attempt to install themselves in the large Budini urban centre. Besides diplomatic manoeuvres, they recurred to the earliest legends about Heracles and his son Gelonus which they shared with the Budini and Geloni. The Budini precluded an unrestricted spread of the Hellenistic elements in their city. By the time Herodotus visited Olbia, the Greek settlers had been mixed with the Geloni, who had gone to dwell among the Budini. The «gelonisation» of the originally Greek inhabitants testifies to the fact that the Budini were unwilling to let the Hellenes acquire some significance in the city.

Е. М. АЛЕКСЕЕВА

КУЛЬТЫ ГОРГИППИИ

О почитании в Горгиппии богов греческого пантеона и распространении различных синкретических культов сохранилось немало свидетельств среди памятников эпиграфики, монументального искусства, предметов мелкой пластики и быта. Здесь поклонялись многим богам, популярным в эллинском мире, в различных известных этому миру ипостасях.

В городе, экономическая жизнь которого была тесно связана с морем, особой популярностью пользовался культ Посейдона. В Горгиппии он существовал как официальный общественный культ. Надпись второй половины II в. н. э. сообщает о восстановлении разрушенного до основания храма Посейдона и установке в нем статуй бога (КБН, № 1134). Эти реконструкционные работы произведены попечением фиаса навклеров, судовладельцев, возглавляемого представителями государственной власти высшего ранга; частично работы финансировались царем Савроматом II. Официальный характер культа Посейдона в Горгиппии отвечал общегосударственному почитанию бога как покровителя правящей на Боспоре династии. Известно, что боспорские цари вели свой род от мифических предков — Геракла, Посейдона и его сына Эвмолпа. Во времена Спартокидов это подчеркивалось династическими эмблемами в виде трезубца и дельфина, а в римское время зафиксировано и в надписях [1, с. 56, 324, 326]. Кроме горгиппийского документа навклеров и пантикапейской посвятительной надписи времени Асандра (47—17 гг. до н. э.) на Боспоре найдены еще четыре надписи, упоминающие Посейдона. Они подчеркивают генеалогическое родство с богом трех царей одной династии (Рескупорида II, Савромата I, Рескупорида III), правивших с конца I по начало III в. н. э. (КБН, № 53, 980, 1048) [2, № 2]. Таким образом, внимание государства к восстановлению горгиппийского храма Посейдона на рубеже I—III вв. явилось данью официальной генеалогии боспорских царей, способствовало укреплению царствующей династии и развитию морской торговли.

В Пантикапее в I в. до н. э. Посейдон Сосипей, Спаситель кораблей, почитался вместе с Афродитой Навархидой, Судоначальницей (КБН, № 30). В Горгиппии также наряду с Посейдоном поклонялись Афродите Навархиде, в честь которой при Савромате I был воздвигнут храм (КБН, № 1115).

В почитании Геракла в Горгиппии очевидны два аспекта. Одна сторона культа, подобно культу Посейдона, восходит к уже упомянутой генеалогической легенде боспорских царей, что позволяет предположить официальный характер культа Геракла на Боспоре, в том числе и Горгиппии, со второй половины I по середину III в. н. э. В обстановке подъема Боспорского государства во II и отчасти III в. н. э. происходило усиление центральной власти. Незыблемость генеалогии провозглашалась в почетных надписях и отражалась в монументальном искусстве. Стремление увековечить божественную генеалогию нашло отражение в выпуске Савроматом II серии монет с изображением канонических подвигов Геракла [3, табл. XXX, *231—238*]. Одна из монет этой редкой серии найдена при раскопках Горгиппии в 1983 г., на ней Геракл держит эриманфского вепря на плечах (рис. 1, *5*) [1].

[1] Полевая опись 1983 г., № 521; определение Н. А. Фроловой, ею же любезно указано, что это третий экземпляр из известных в нашей стране аналогичных монет [4, табл. XXXVII, *18*].

Рис. 1. Находки в Горгиппии и окрестностях. *1* – голова Пана на гемме золотого перстня; *2* – Афродита Урания на золотой пластине; *3* – Медуза Горгона на медальоне черно-лакового килика; *4* – терракотовая голова Коры; *5* – бронзовая монета Савромата II с Гераклом и вепрем на реверсе; *6* – центральный щиток золотого венка с Афродитой Уранией

Не случайна, очевидно, одновременность восстановления в Горгиппии храма Посейдона и сооружения склепа с живописным изображением двенадцати подвигов Геракла. Анапский склеп 1975 г. с фресковой росписью, соседние с ним склеп с золотыми находками и скальная могила составляют единый комплекс [5, с. 105; 6, с. 84]. Надо полагать, что в древности три усыпальницы были перекрыты одной курганной насыпью, само место являлось родовым для захоронений одной семьи. Погребальный инвентарь свидетельствует о знатности рода погребенных. В каменном саркофаге найдена золотая гривна с геракловым узлом (по мнению некоторых исследователей, гривна является символом власти); в скальной могиле обнаружен литой золотой перстень с вырезанной на николо царской тамгой [7]; рядом с гривной лежал золотой венок с изображением покровительницы Боспорского царства — Афродиты Урании. Усыпальницы,

Рис. 2. Фреска III в. из Анапского склепа 1975 г. Геракл (с Диомедом?)

несомненно, принадлежали семье одного из городских магистратов, который назначался центральной властью и мог иметь родственные связи с царской семьей, что подтверждается наличием на перстне царской тамги. Поэтому изображенные на фресках анапского склепа двенадцать подвигов Геракла, очевидно, несут в себе идею генеалогической связи семьи покойного с самим героем. Для подтверждения этой идеи во фриз, повествующий о подвигах Геракла, включен семейный портрет погребенных. Геракл признавался родоначальником правящих династий не только на Боспоре. Он был объявлен героем-эпонимом дорийцев и дорийских колоний в Причерноморье: Гераклеи Понтийской, Калатии, Херсонеса, Месембрии [8, с. 44; 9, с. 40, 43]. Согласно преданию эллинов, живших на Понте, Геракл дал жизнь родоначальнику скифских царей, сочетавшись с местной змееногой богиней (Herod., IV, 8—10) [10, с. 12].

Фрески анапского склепа 1975 г. повествуют о двенадцати великих подвигах Геракла, совершенных героем во время двенадцатилетней службы у микенского царя Эврисфея. Картины с подвигами на стенах склепа образуют особый фриз, вытянутый вдоль двух боковых стен погребальной камеры. Признанные каноническими, двенадцать подвигов Геракла изложены в сжатом и систематизированном виде в мифографическом произведении афинского грамматика II в. до н. э. Аполлодора, в его «Библиотеке» (II, 5). Из анализа этого произведения ясно, что ко II в. до н. э. уже сложилось понятие об основных трудах Геракла (ἆ̃-λοι) в отличие от побочных его дел — πάρεργα Порядок, в котором перечисляются подвиги у древних авторов, обычно произволен. Порядок размещения подвигов Геракла на стенах анапского склепа отличается как от порядка Аполлодора, так и от условного канонического, видимо, еще более

позднего происхождения. Иконография большинства картин фриза с подвигами Геракла горгиппийского склепа соответствует образцам, традиционно сложившимся в искусстве II—III вв. Картины имеют параллели в синхронных скульптурных композициях на саркофагах, погребальных стелах, мелкой пластике Боспора и Средиземноморья (рис. 2).

Склеп с фресковой росписью ограблен в древности, но наряду с несколькими фрагментами украшений на полу его найдена часть мраморной скульптуры: сохранилась держащая канфар пухлая рука. Обломок мог принадлежать скульптурному изображению пирующего Геракла. Этот сюжет был распространен, в частности, на херсонесских стелах с фигурой возлежащего Геракла; с сосудом в руках Геракл изображался и около алтаря [11, рис. 1, 3, 7; 12, с. 307, 308].

Скульптурная находка совместно с фресками склепа подчеркивает другую сторону культа Геракла — хтоническую сущность его образа, восходящую к идее постоянного возобновления жизни. Тем самым культ Геракла в Горгиппии находится в сложном единстве с общераспространенными земледельческими культами Боспора. Связь Геракла с хтоническими культами прослеживается издревле. В «Илиаде» Гомера Геракл борется с Аидом (V, стих 395 сл.). У Еврипида он в облике демона Танатоса отнимает у смерти жену Адмета и возвращает ее к жизни. Один из двенадцати канонических подвигов Геракла, а именно спуск в Аид через Ахерузскую пещеру, извлечение оттуда Кербера и возврат его в царство мертвых, несет в себе идею бессмертия. Гераклу устраивали святилища и чтили его обильными трапезами, что само по себе характерно для культовых отправлений хтоническим богам. Эпиграфические документы о. Косса содержат подробный перечень многочисленных съестных приношений Гераклу в IV в. до н. э. [13, с. 60]. Виноградные гроздья, печенья и хлебцы, сопровождающие изображения пирующего Геракла, являются атрибутами хтонического культа. Эти изображения сопоставимы с распространенными сценами загробных трапез. Сцена пира в заупокойном культе символизирует вечность жизни и бессмертие души. Отправления культа Геракла перекликаются с обрядностью земледельческих культов, которым также свойственны обильные трапезы. Сам образ героического борца со смертью указывает на отношение Геракла к элевсинским мистериям. Аполлодор (II, 5, 12) сообщил, что, готовясь к спуску в Аид, Геракл был допущен к участию в элевсинских мистериях, тем самым он связал героя с подземными богами и хтоническим культом. Поэтому на ольвийских монетах эпохи эллинизма сочетаются атрибуты Деметры и Геракла [14, с. 142]. По той же причине изображения Геракла и его атрибутов присутствуют в росписях ваз Фиванского Кабириона [15, с. 100, табл. 27, *2* и 34, *1*]. Культ хтонического Геракла перекликается с культом Гермеса. Мифы сообщают, что меч Гераклу подарил Гермес (Apollod., II, 4, 11), он также был проводником героя при спуске в Аид за Кербером. В Гераклее Понтийской Геракл был признан учредителем погребальных агонов [9, с. 42]. В Херсонесе известны совместные изображения Геракла с Гермесом как богов подземного мира [8, с. 51, 52; 16, с. 26, 27].

Памятники, свидетельствующие о популярности Геракла в Горгиппии, разнообразны и разновременны. Изображения Геракла появились в Анапской бухте с первыми колонистами. На раннем этапе существования города распространяется клейменая фассосская тара с эмблемой стреляющего из лука Геракла и головой Геракла в львиной шкуре. Эти клейма никак не свидетельствуют о культе Геракла на раннем поселении, но они знакомили местное население с каноническим обликом героя. Терракотовая голова бородатого Геракла найдена в городской яме с материалом IV в. до н. э., частые граффити «Н» на чернолаковой посуде могут обозначать посвящения Гераклу — Ἡρακλεῖ. В Горгиппии найдены разновременные терракотовые статуэтки Геракла, выполненные из местной глины. К I в. до н. э. относится терм, изображающий закутанного в плащ Геракла с палицей [17, с. 48, табл. 55, *2*]. В культурных слоях эллинистического времени и рубежа эр найдены глиняные фигурки стоя-

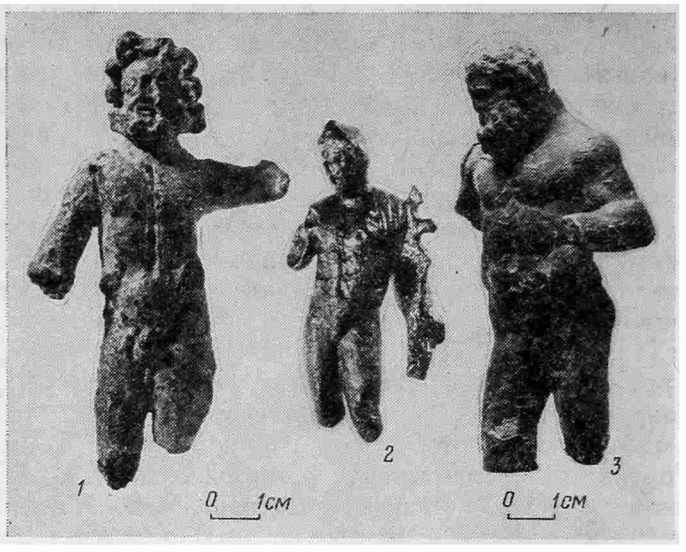


Рис. 3. Бронзовые фигурки из Горгиппии. *1* – Зевс; *2* – Гермес; *3* – Геракл

щего обнаженного Геракла, опирающегося правой рукой на палицу. На груди узлом связаны лапы львиной шкуры, в левой руке Геракл держит лук [17, с. 44, табл. 53, *3*]. Подобные статуэтки были популярны во многих городах Боспора [18, с. 28, табл. 30, *2*]. Горгиппийские фигурки отличаются грубостью исполнения: они сплошные, тяжелые, без отверстия для продуха, с плоской нерасчлененной подставкой. В культурном слое поздней Горгиппии найдена бронзовая фигурка Геракла (рис. 3, *3*). Она имеет аналогии среди бронзовой скульптуры II–III вв. Обычно в левой руке Геракл держит палицу, через ту же руку перекинут плащ [18, с. 377–384, табл. XIV–XV].

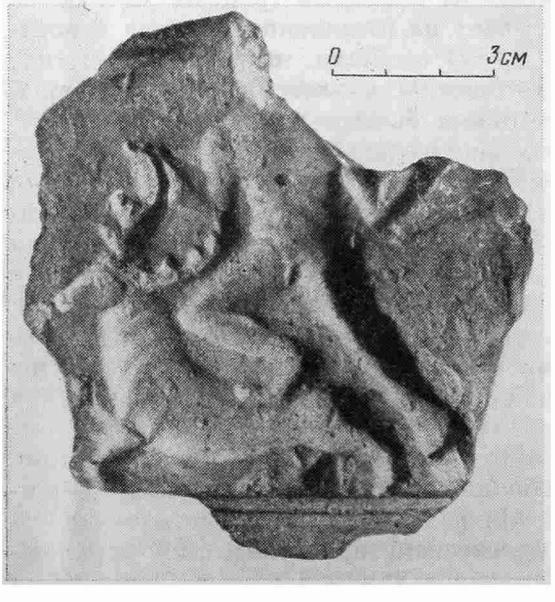


Рис. 4. Глиняная форма для оттиска изображения Геракла с ланью

В 1983 г. в культурном слое городища среди разновременных находок античного времени найдена терракотовая форма для оттиска низкого рельефа, возможно, на алтарике. Рельеф изображал Геракла, держащего за рога керенейскую лань (рис. 4, *1*). Композиция восходит к лисипповскому прототипу Геракла с ланью [19, с. 21]. Отметим еще, что Геракл подобно Гермесу был особо почитаем в гимнасиях. Эта сторона его культа, несомненно, должна была получить отражение и в Горгиппии – городе, где должность гимнасиарха упомянута в надписях рядом с другими ответственными магистратурами и где устраивались увековеченные регистрами спортивные состязания.

Официальным в Горгиппии был и культ Афродиты. Популярность богини засвидетельствована многочисленными находками ее изображений, среди которых отмечено не менее 10 иконографических разновидностей. Из Горгиппии происходят глиняные, бронзовые и мраморные фигурки Афродиты, образ ее украшает найденные в городе произведения торевтики. Основная масса изображений Афродиты в Горгиппии относится к рубежу эр и I–II вв. н. э., лишь

отдельные находки связаны с эпохой эллинизма. Многообразие типов выявляет разные стороны культа и представляет богиню в различных ипостасях. Как отмечалось, в Горгиппии почиталась Афродита Навархида; ей на рубеже I—II вв. был поставлен храм, что и свидетельствует об официальном характере культа, зародившегося на Боспоре в I в. до н. э. [20].

Афродита Урания (Небесная) неоднократно представлена на золотых и серебряных украшениях из Горгиппии, она изображалась со скипетром в сопровождении одного или двух Эротов. Прямоугольный щиток с оттиснутой полуфигурой Афродиты помещен в центре золотого венка из анапского скального склепа II — середины III в. н. э., раскопанного в 1975 г. Шея богини на этом щитке украшена ожерельем с подвесками, из-за левого плеча ее выступает фигурка Эрота, справа помещен скипетр (рис. 1, *6*). Две круглые броши из могил горгиппийского некрополя — одна серебряная из комплекса I в. н. э. [21, с. 22, рис. 14], другая золотая (рис. 1, *2*) из комплекса I—II вв. н. э. [21, с. 84, рис. 48] — также представляют Афродиту погрудно в диадеме над пышными волосами с ожерельем на шее. За плечами ее два крылатых Эрота, спереди справа налево вытянут скипетр. По-видимому, аналогичный сюжет украшал и серебряный медальон, найденный в могиле горгиппийского некрополя в 1954 г., датированной И. Т. Кругликовой II в. до н. э. [22, с. 126, рис. 6, *2*][2]. Сводка подобных анапским штампованных изделий эллинистической эпохи и первых веков нашей эры составлена Л. К. Галаниной [23, с. 54 сл.] при описании впускного погребения I в. н. э. из Курджипского кургана. И. И. Гущина [24] публикует аналогичные изображения на бронзовых бляшках I—II вв. н. э. из Бельбекской долины в Крыму и называет представленное на них женское божество Афродитой или Великой богиней-матерью. Тип Афродиты с двумя Эротами за плечами известен коропластике еще в III в. до н. э. [25, с. 72, рис. 29, *4*]. Керченская плита II в. до н. э. из местного известняка представляет летящую на лебеде Афродиту со скипетром в левой руке и крылатым Эротом слева [26, с. 212, рис. 4]. Плита содержит посвятительную надпись Афродите Урании, владычице Апатура (КБН, № 75), и тем самым определяет местный иконографический образ богини в ипостаси Урании. Подобные изображения Афродиты в вазовой росписи [26, с. 216, 217, рис. 6] указывают на заимствование из метрополии местного типа богини-покровительницы. На монетах Савромата II Афродита Урания стоит с яблоком в правой руке, скипетром в левой и Эротом у ног, перед богиней помещен бюст императора [1, с. 337; 4, с. 273, табл. XXXI, *240*, *244*, *245*]. Анапские штампованные украшения, изображающие Афродиту с символом власти, происходят из комплексов I—II вв. н. э. Подобно монетам Савромата II они свидетельствуют о распространении в это время культа богини как главной покровительницы государства. Возможно, к культу Афродиты Урании имеют отношение глиняные фигурки лебедей, найденные в 1978 г. в горгиппийском доме II в. до н. э. Обычно с образом Афродиты Апатуры связывают терракотовые фигурки стоящей женщины в высоком головном уборе, закутанной в гиматий и придерживающей на груди край его [27, с. 26, рис. 54]. Такие статуэтки найдены в Горгиппии, а также в окрестностях этого города [28, табл. 58, *1*, *2*].

В обрядовом отношении культ Афродиты в Горгиппии выступает и как домашний — изображения ее встречены на бытовых предметах при раскопках жилых домов и могил городского некрополя.

Афродита Анадиомена, рожденная морем, на терракотовой статуэтке II в. до н. э. укрывается в раковине; на бронзовых ключах и золоченой бронзовой фигурке II в. она выжимает длинные волосы [29, с. 7, рис. 2]; на терракотовых статуэтках рубежа эр она стоит рядом с дельфином [17, с. 48, табл. 57, *1*, *3*].

---

[2] Наличие в могиле шестигранной бусины, характерной для первых веков нашей эры, вызывает у меня сомнение в чистоте комплекса.

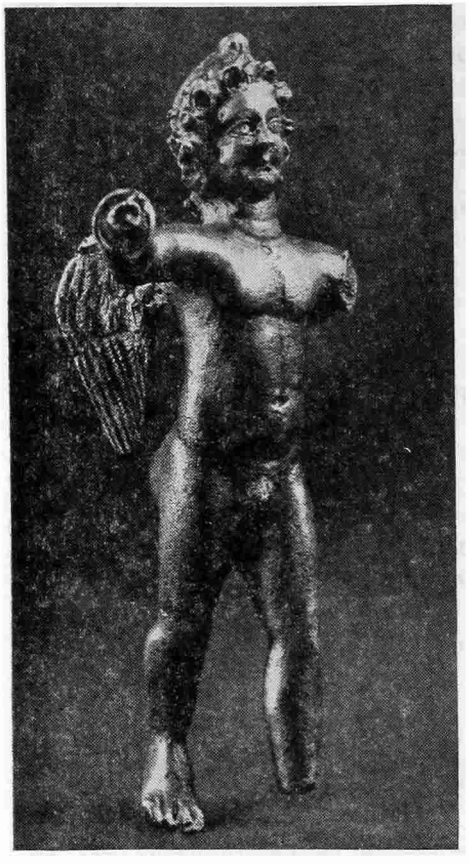


Рис. 5. Бронзовая фигурка Эрота

Рис. 6. Терракотовая протома Коры

Афродиту, богиню красоты, возлежащую и увенчанную диадемой, представляет терракотовая статуэтка I в. до н. э.— I в. н. э. [17, с. 48, табл. 54, *5*]. Афродита, покровительница любви, на глиняном рельефе начала III в. стоит у алтаря рядом с Потосом, олицетворением страсти, изображенным в виде маленькой фигурки бородатого мужчины [17, с. 45, 49, табл. 56, *6*]. На терракотовой статуэтке I в. Афродита сидит с Эротом на скале рядом с гермой Приапа, ее сына, бога плодородия и покровителя стад [21, с. 48, рис. 44].

Горгиппию украшали и мраморные статуи, от которых уцелели головки конца III в. до н. э. [30], I — начала II [31] и конца II — начала III в. [32, с. 70, рис. 26, *2*].

С культом Афродиты связана находка в культурном слое Горгиппии бронзовой фигурки летящего Эрота (рис. 5). Она исполнена четко: на крыльях гравировкой передано оперение, левую руку украшает навитый сверху браслет, детально проработаны лицо и волосы. Фигурка тяжеловата, голова непропорционально велика. Подобные изображения Эротов-Лампадофоров, исполненные еще более посредственно, известны в римских провинциях [33, рис. 157—159, 220]. Оттиском геммы с изображением стреляющего из лука Эрота помечено глиняное грузило из горгиппийской глины, происходящее из культурного слоя Горгиппии с преобладанием находок эллинистического времени.

Официальный характер носил в Горгиппии культ Гермеса. В первой половине III в. до н. э. на протяжении многих лет в городе устраивался праздник в честь Гермеса, сопровождавшийся спортивными состязаниями (КБН. № 1137). Культ Гермеса в городе был и домашним — маленькие гермы с изображением бога встречены при раскопках жилых домов, они клались в могилы и, возможно, служили вотивными приношениями в храмы. В Горгиппии найдены посвященные богу граффити и бронзовая его фигурка (рис. 3, *2*). Аналогичные небольшие бронзовые фигурки обна-

женного Гермеса-Меркурия в петасе, с плащом и кадуцеем в первые века нашей эры пользовались популярностью во многих центрах античного мира [34, № 129—130, 135, 137, 138]. Функции этого бога в античном обществе были очень разнообразными. Находки итифаллических терракотовых гермов с кадуцеем освещают сторону культа, связанную с поклонением производительным силам природы. Такие гермы известны в самой Горгиппии и в ее окрестностях, в сельских домах эллинистического времени. Находки гермов на территории некрополя свидетельствуют о культе Гермеса Психопомпа, проводника душ в царство мертвых. Очевидно, в торговом городе, каким являлась Горгиппия, почитался покровитель торговли Гермес Агорей.

В эллинистический период в Горгиппии был популярен Гермес Агониос, покровитель гимнасиев, палестр, состязаний и молодежи. На празднике Гермеи в честь него в Горгиппии устраивали спортивные состязания подобно Гермеям в Афинах, Сиракузах, Пергаме, Сесте, Теосе, Одессе, Делосе, Самосе, Боспоре Фракийском, Аргосе, Ольвии, Херсонесе. Произведя сравнительный анализ уцелевших сведений о Гермеях во многих центрах античного мира, О. Я. Берзин [35] пришел к выводу о несомненности военного характера этих состязаний. В Горгиппии на Гермеях юноши соревновались в длинном беге и эуэксии. Последний термин исследователи горгиппийского регистра переводят как состязание в крепости тела, эуэксия обычно встречается среди упражнений чисто военного характера [35]. Возможно, горгиппийские соревнования включали бег мальчиков с факелами [35, список БII] и содержали еще один вид состязаний, название которого до нас не дошло (КБН, № 1137, список БI). Установлено, что Гермеи в Горгиппии справлялись ежегодно, горгиппийский регистр отмечает 226 победителей по четырем возрастным группам, каждой из которых присущ свой вид состязаний; регистр охватывает 61 год. Для сравнения отметим, что олимпийские и пифийские регистры охватывали промежутки в несколько сот лет. Большинство победителей на Гермеях в Горгиппии носили чисто греческие имена.

В городе, вывозившем в больших количествах хлеб, особой популярностью пользовались покровители земледелия, в первую очередь Деметра и ее дочь Кора-Персефона. Об официальном характере культа Деметры в Горгиппии свидетельствует открытие раскопками священного места — теменоса, связанного с поклонением богине в IV—III вв. до н. э. [36]. Теменос располагался за городской чертой и пределами некрополя. Вдали от жилья находились святилища Деметры и в Греции (Paus., IX, 20). На маленьком исследованном участке священного места выявлен край сброса различных предметов, связанных с областью культа: свыше 100 терракотовых протом, десятки чернолаковых сосудов IV—III вв. до н. э. с посвятительными граффити и вотивные сосуды из местной глины. Протомы также сделаны из местной глины и представлены несколькими типами изображений Деметры и Коры. Эти типы восходят к средиземноморским образцам VI—V вв. до н. э. и относятся к распространенным в Северном Причерноморье [36, с. 140]. Среди протом горгиппийского теменоса одна высотой 27 см уникальна, она представляет Деметру с символами около груди в парадном одеянии с длинной кистеобразной серьгой местного образца [36, с. 143, рис. 5]. Облик ее отвечает местному образу богини, популярному среди различных произведений боспорского искусства [37, табл. X]. Поверхность протом часто оставалась незаглаженной, налипшие комочки глины не удалялись, что говорит о кратковременном их использовании. Отсутствующие в формах детали изображались живописно, на некоторых протомах уцелели остатки белого грунта под роспись.

В Горгиппийском святилище одновременно с Деметрой-Корой почитались и другие связанные с этим культом божества. Известно, что в метрополии в святилищах Деметры стояли статуи Зевса, Диониса, Афродиты, Афины и других богов (Paus., VIII, 31, 1; XVIII, 8; XXXVII, 6). Среди приношений в горгиппийское святилище встречены ножки канфаров с граффити Δι—Διί Зевсу, найдены терракотовый герм и головки

молодого сатира [36, с. 139, 147]. Здесь же найдены обломки двух терракот, изображающих юношу и Эрота, каждого с петухом [17, с. 45].

Протомы Деметры-Коры, сделанные из местной глины, встречаются и при раскопках кварталов Горгиппии (рис. 6). Находки их связаны главным образом со слоями IV—II вв. до н. э. Среди них есть и такие, которые не представлены в сбросе святилища, хотя и синхронны ему, например полуфигуры с опущенными руками в безрукавном хитоне, подпоясанном под грудью. Они аналогичны известным в Кепах и Фанагории в IV—I вв. до н. э. [38, табл. 10, *5*; 39, табл. 23, *2*].

В Горгиппии был известен распространенный в Северном Причерноморье образ Деметры с маленькой Корой на плече. Одна такая статуэтка найдена в окрестностях Горгиппии на Семибратнем городище, другая — в культурном слое самой Горгиппии. Прекрасная терракотовая голова Коры в венке, по-видимому, эллинистического времени, обнаружена на поселении у хут. Благовещенского (рис. 1, *4*). Аналогии ей можно указать среди ольвийских изображений Коры эпохи эллинизма [14, рис. 31, 32].

Одна из известных эпиклез Деметры — Куротрофос. В Горгиппии с культом Деметры-Куротрофы, Вскармливающей, можно связать частые находки однотипных терракотовых фигурок, изображающих стоящую женщину с ребенком на руках, трактовка образа несколько варьирует [17, с. 44, 47, 48, табл. 54, *1, 2, 4*]. Статуэтки Куротрофос в городах Северного Причерноморья характерны для IV—III вв. до н. э. и позднего эллинизма, но они известны и в комплексах I в. н. э. [40, с. 18]. Случайно найденные в Горгиппии фигурки Куротрофос отнесены И. Т. Кругликовой к первым векам нашей эры [17, с. 48, № 29]. Встреченные в последние годы обломки изображений Деметры-Куротрофы происходят из комплексов эллинистического времени. Повсеместно фигурки богини исполнены нечетко. На горгиппийских статуэтках сохранились следы окраски и остатки светлого грунта под роспись. Вероятно, детали обозначались живописно, фигурки носили культовый характер, употреблялись недолго и служили для приношений.

Скорее всего Деметру изображают глиняные фигурки сидящей на троне богини, происходящие из комплексов II в. до н. э. Они восходят к образцам VI в. до н. э., известным как в метрополии, так и в Северном Причерноморье, имеющим и статуарные прототипы [41, рис. 44]. На ранних фигурках сидящая богиня изображалась в статической позе, в переданной слитно с телом одежде и обычно без атрибутов, что затрудняет определение ее эпиклезы и дает основание многим исследователям видеть в ней Великую богиню-мать. Находки подобных фигурок в святилищах Деметры позволяют отождествлять изображение с главной богиней земледелия; это мнение подтверждается и наличием парных фигурок богинь [41, рис. 45; 42, с. 277, табл. 138, *803*]. Статуэтки сидящих богинь различаются трактовкой одежды, головного убора, прически, высокой спинки кресла, положением рук. Хронологическая последовательность их разработана Р. Хиггинсом [43, с. 30—35]. Со временем изображения усложнялись, детализировались и дополнялись символами. Горгиппийские статуэтки представляют богиню сидящей в кресле с высокой спинкой с раздвоенными выступами на углах. На голове богини калаф, на шее гривна, волосы спускаются на плечи, хитон с рукавами до локтей подпоясан под грудью. Левое плечо и рука богини закрыты перекинутым через колено плащом, правая рука лежит на подлокотнике кресла и держит фиалу. В горгиппийском доме II в. до н. э. найдена и глиняная форма для оттиска лицевой части таких терракот [44, с. 218]. Складки одежды на статуэтках эллинистического времени не всегда обозначены, в левой руке часто изображено яблоко.

По-видимому, подобные изображения Деметры с чашей и плодом, сложившиеся в эпоху эллинизма, легли в основу иконографического облика синкретического верховного женского божества, почитавшегося на Боспоре во II—III вв. н. э. [45], объединившего идеи плодородия, умирания, воскрешения и жизни, лежавшие в основе культов Деметры,

Афродиты, Кибелы. С поклонением Великой богине-матери связаны в Горгиппии редкие находки терракотовых фаллических гротесков с подвесными конечностями [17, табл. 56, *1*, *3*], популярных особенно в Пантикапее и его окрестностях [46]. Эти гротески были ритуальными и имели отношение к тайным мистериям, сопровождавшим культы богов плодородия. С почитанием Деметры, а в первые века нашей эры Верховного женского божества могут быть связаны глиняные фигурки зверей и птиц: быка, лошадей, голубя, петуха, лебедей или гусей, а также встречающиеся на посуде граффити « ΜΕ ».

Культ малоазийской богини Кибелы выявлен в Горгиппии с IV в. до н. э. К этому времени относятся части терракотовой статуэтки, изображающей богиню сидящей в кресле с львенком на коленях. Большой живот под складками платья символизирует производящее начало Великой матери. Еще одна статуэтка из комплекса II в. до н. э. представляет богиню подобным образом, но крайне схематично, она целиком окрашена в красный цвет. Эта фигурка найдена вместе с двумя терракотовыми богинями, сидящими с чашей и яблоком в руках. Образ богини с львенком на коленях — астральным символом — восходит к малоазийским прототипам [27, с. 11, рис. 1, *2*]. В могиле II в. до н. э. горгиппийского некрополя найден бронзовый перстень боспорского производства с рельефным изображением на щитке Кибелы, сидящей между двух львов [47, с. 69, 76, рис. 1, *15*]. Этот образ богини также заимствован из малоазийских центров [48, рис. 12]. Находка изображения Кибелы в могиле может быть объяснена хтонической сущностью культа.

С поклонением производящим силам природы связана терракотовая фигурка идущей беременной женщины. Она найдена в доме II в. до н. э. вместе с глиняными лебедями и сидящей на троне богиней с чашей.

Как и повсеместно, наряду с Кибелой в городе почитался ее супруг Аттис, олицетворявший весеннее пробуждение растительности, наделенный чертами хтонизма. Городу известен популярный в Северном Причерноморье с I в. до н. э. [27, с. 14] образ стоящего бога во фригийском колпаке с обнаженным животом и сирингой.

Культ Великого женского божества в Горгиппии получил распространение и в образе Артемиды Эфесской, о чем известно из посвящения ей второй половины IV в. до н. э. (КБН, № 1114). Подобные эпиграфические упоминания посвящений богине также IV в. до н. э. найдены в Пантикапее и Гермонассе (КБН, № 6А, 11, 1040). Во всех трех боспорских надписях прилагательное ἐφεσείη имеет ионийскую форму. Судя по керамике, поселение, которое предшествовало Горгиппии на берегу Анапской бухты, основано ионийцами. Очевидно, еще в V в. до н. э. вместе с колонистами проник сюда культ Артемиды Эфесской, который укрепился в городе, разросшемся в IV в. до н. э. Артемида была популярна в Горгиппии вплоть до 100—75 гг. до н. э., когда на городских серебряных драхмах чеканились ее голова и олень [49, с. 186, табл. XLIII, *11*].

В Горгиппии была известна египетская синкретическая богиня Афродита-Исида, покровительница плодородия и жизненного начала, торговли и мореплавания, душ умерших. Среди украшений из могил горгиппийского некрополя первых веков нашей эры встречаются привозные египетские фаянсовые подвески, изображающие сына Озириса и Исиды Гора-Гарпократа. В городском доме, погибшем в 240-х годах н. э., найден бронзовый бюст богини [50] с короной на голове: в короне два пера опираются на рога. Одежда и прическа характерны для римских императриц конца II — начала III в. [27, с. 116]. Очевидно, это изображение отдавало дань культу обожествленного римского императора. Обязательные термины φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος в формуле боспорских правителей, появившиеся со времени Асандра, отражали определенную политическую зависимость Боспорского государства от Рима, формально установившуюся после Митридата VI Евпатора. Различные аспекты общественно-политической деятельности на Боспоре укрепляли существующий режим и неизменно отдавали дань этой зависимости. Горгиппийские надписи не только общественного, но и частного характера все содержат

Рис. 7. Мраморная фигура Тюхэ

традиционно сложившуюся официальную формулу. Можно предполагать, что императорский культ в Горгиппии имел определенную организацию и своего жреца.

В эллинистический период в Горгиппии, как и в других центрах античного мира, в период постоянных войн и неустойчивости старых полисов получил распространение культ Тюхэ, богини судьбы и случая, покровительницы частных лиц, царей, городов, акрополей и отдельных мест — Τύχη βασιλέως, πολέως, φερέπολις, ἀκραία. Классика еще не знает Тюхэ как богиню, она персонифицируется в драмах Еврипида [51]. Эквивалентом греческой Тюхэ была римская Фортуна. Однако последняя являлась божеством преимущественно счастливого случая, в то время как Тюхэ олицетворяла любой случай и подчас являлась мстительным божеством. О популярности Тюхэ в античном мире свидетельствуют упоминания Павсанием многочисленных культовых мест богини по всей Элладе [52, с. 574]. У аргосцев в храм Тюхэ, богини предсказательницы, были посвящены игральные кости (Paus., II, 20, 3). В Горгиппии также вместе с мраморным изображением богини найдены игральные кости, на одной из них процарапано слово δορίων. В орфических гимнах Тюхэ наделена чертами хтонизма, присущими Артемиде-Гекате, и связана с Деметрой, Корой, Плутоном, дарующими произрастание плодов и возобновление жизни [51, с. 257, 258]. В Северном Причерноморье черты хтонизма в образе Тюхэ появляются в конце эллинистической эпохи. В I в. до н. э.— I в. н. э. богиня изображается с атрибутами Великой матери — с фиалой и в калафе [53, с. 17]. Этот синкретизм нашел отражение и в Горгиппии, где каменное изображение Тюхэ из городского

дома конца III — начала I в. до н. э. найдено вместе с терракотовой фигуркой Великой матери, формой для оттиска таких фигурок, статуэткой беременной женщины и глиняными птицами культового назначения. Тюхэ из сероватого мраморовидного известняка величественно сидит в высоком кресле (рис. 7). Облик ее напоминает ставший каноническим тип сидящей в кресле богини плодородия (Кибелы, Деметры). Над пышными прядями волос возвышается калаф, рукав хитона с прорезями скреплен украшениями. С правого плеча на колени спускается покрывало. Обратная сторона статуи аккуратно обработана бучардой. Слева к плечу богини тянулся рог Амалфеи. Фигура сильно пострадала от пожара, в котором сгорел дом. Помимо этой фигуры Тюхэ в Горгиппии найдены и терракотовые ее изображения, рог изобилия у них наполнен плодами.

Относительно культа Зевса в Горгиппии известно немногое. Во времена Аспурга он почитался в городе с эпиклезой Σωτήρ — Спаситель. Два рескрипта Аспурга, провозгласившие привилегии для граждан Горгиппии, были установлены под его божественной защитой, очевидно, в храме [53, с. 200, 201], что позволяет предположить официальный характер культа. При Рискупориде II (68/69-91 гг.) на Боспоре существовал фиас Зевса и Геи Спасителей (КБН, № 76).

Зевс был связан с земледельческими культами, но специальной эпиклезы при этом не имел. На элевсинских мистериях разыгрывалась сцена вступления в брак Деметры с Зевсом, олицетворявшим небо как источник света и дождя [54, с. 142]. В Горгиппии, как отмечалось, среди различных предметов в сбросе городского святилища Деметры найдены обломки вотивных сосудов с граффити, посвященными Зевсу. Граффити Διί встречены также на обломках чернолаковых сосудов и в культурном слое городища, они широко распространены в различных центрах Причерноморья [55, № 21, 29; 56, № 5, 6; 57, № 579]. У Платона (Crat., 386a, в) этимология этого названия Зевса раскрыта как часть выражения di'hon dzēn — название бога, через которого всегда получают жизнь [3].

Среди лапидарных памятников Горгиппии известны манумиссии I в. н. э. с одинаковой использованной формулой — ὑπὸ Δία, Γῆν, Ἥλιον, сообщавшей об освобождении рабов под защитой триады богов Зевса, Земли и Солнца (КБН, № 1123, 1126). Таким образом, в Горгиппии засвидетельствованы сотерические и хтонические функции бога. Из культурного слоя города с разновременными находками извлечена бронзовая фигурка стоящего Зевса или Юпитера (рис. 3, *1*). Очевидно, изображение восходит к созданному Леохаром распространенному скульптурному типу Зевса Громовержца; фигурка имеет аналогии среди множества себе подобных и датируется II—III вв. н. э. [59, с. 23—25].

В Горгиппии встречаются и солярные символы, в различные времена здесь почитался солнечный бог. В последние десятилетия II в. до н. э. город чеканил серебряную драхму с изображением на лицевой стороне лучезарной головы Гелиоса [49, табл. XLII, 12]. В случае подлинности единственно известного экземпляра такой драхмы [60, с. 336] культ Гелиоса в конце II в. до н. э. следует признать в городе официальным.

В 1909 г. в Анапе найдена золотая четырехугольная пластина местной работы от жреческого или погребального венка со штампованным изображением солнечного бога на квадриге. Н. И. Веселовский определил бога на пластине как Гелиоса [61, с. 127, рис. 179], О. Я. Неверов — как Гелиоса-Нерона [62, № 140, рис. 140], С. Ю. Сапрыкин — как обожествленного Аспурга в образе Митры-Гелиоса [63, с. 77, 78]. У греков широко изображался солнечный бог на движущейся по небу колеснице, многочисленны изображения Гелиоса и на различных предметах из Северного Причерноморья [63]. Анапскую пластину отличает от массы подобных ей памятников наличие над головой бога шестилучевой звезды и

[3] Подборку сведений древних авторов по теме «античная этимология имени Зевса» см. [58, с. 96 сл.].

полумесяца — солярных символов, присущих сарматской династии на Боспоре. Эти знаки имеют глубокие корни в древнеиранской символике.

Солярный символ — шестилепестковая живописная розетта — венчает свод Анапского склепа 1975 г., она вписана в широкий круг с орнаментальной каймой. Вписанная в круг шестилепестковая розетта процарапана также на штукатурке одной из ниш того же склепа. На различных сосудах из Горгиппии, обычно внутри поддонов, встречены процарапанные солярные знаки в виде круга с вписанным в него крестом. Распространены эти знаки и на донъях сероглиняных мисок из крепости I в. до н. э.— I в. н. э. в окрестностях Горгиппии (станица Анапская). Солярные символы, как известно, связаны с культом многих богов: Гелиосом, Аполлоном, Адонисом, Паном, Меном, Озирисом, Баалом, Митрой, Сабазием. В 100—75 гг. до н. э. Горгиппия чеканила медные оболы с изображением на лицевой стороне головы бога Мена и тетрахалки с головой Аполлона. В культурном слое Горгиппии встречена привезенная из Средиземноморья фигурка Аполлона раннего типа в виде стоящего в статической позе обнаженного юноши с длинными локонами на плечах, найдены также глиняная голова бога Мена в высоком уборе и часть большой терракоты, изображавшей Мена верхом на петухе.

О культе одного из наиболее популярных богов Греции — Дионисе — в Горгиппии известно немногое. Безусловно, жителям города был знаком общегреческий образ бога и его спутников. Они представлены еще в археологических материалах поселения, существовавшего на берегу Анапской бухты в V в. до н. э., главным образом на различного вида аттических краснофигурных сосудах. Вплоть до первых веков нашей эры встречаются в Горгиппии терракотовые маски Сатира, различные изображения силенов и Пана. В Горгиппии найдена глиняная форма для оттиска терракотовой фигурки сидящего силена, обнявшего большой сосуд. Великолепная голова Пана вырезана на николо, украшающем литой золотой перстень из скального склепа Горгиппии (раскопки 1975 г.) II — середины III в. н. э. (рис. 1, *1*). Бородатая голова Пана или Фавна с короткими рожками и широкое лицо молодого Сатира в обрамлении пышных волос помещены в центре кассет мраморного блока, найденного в 1975 г. в селении Гай-Кодзор. Совместно с ликами Медузы Горгоны [37, с. 24; 64, с. 78; 65, с. 77, рис. 22; 66, с. 183, рис. 9*а*, б] эти персонажи украшали в Горгиппии скорее всего культовую постройку в честь хтонического Диониса — Диониса Сабазия [67, с. 68, рис. 8—10]. Монументальность сооружения говорит об официальном характере культа.

Видимо, с ритуалом дионисийских культов следует связать пелику с красным покрытием и прочерченным по сырой глине орнаментом, происходящую из культурного слоя горгиппийского некрополя [21, с. 103, 104, рис. 59]. Форма сосуда, характер покрытия, орнамент плюща и узоры на лошадиных крупах в виде мотива бегущей волны и сердцевидного листа характерны для эпохи эллинизма (рис. 8). Композиция с двумя скачущими навстречу друг другу конями находит аналогии на стенах пантикапейского позднеэллинистического склепа Анфестерия [37, с. 174, табл. II, *1*]. Фигурки уродливых человечков и трактовка их ног перекликаются с фигурками пигмеев в сцене сакрального апотропеического танца на расписном пантикапейском саркофаге I — начала II в. н. э. [37, с. 379, 381, 387, табл. XCV]. Тип танцующего пигмея имеет египетские корни, где пляшущие карлики изображались вплоть до римского времени; из Египта в виде подвесок-апотропеев они массово поступали в Северное Причерноморье [68, с. 38, тип 35, табл. 6, *13—22*]. Орнамент на крупах лошадей похож на узоры, нанесенные на куски гипсовой облицовки алтаря, найденные в Пантикапее и относящиеся ко времени, близкому к рубежу эр [37, с. 398]. Все это позволяет датировать пелику поздним эллинизмом. На одной из ее сторон изображена извивающаяся лоза с гроздьями — распространенный символ представлений о бессмертии души. Экстатические танцы характерны для обрядов культа Диониса-Сабазия [69, с. 108]. Пляски уродливых человечков и аналогичные

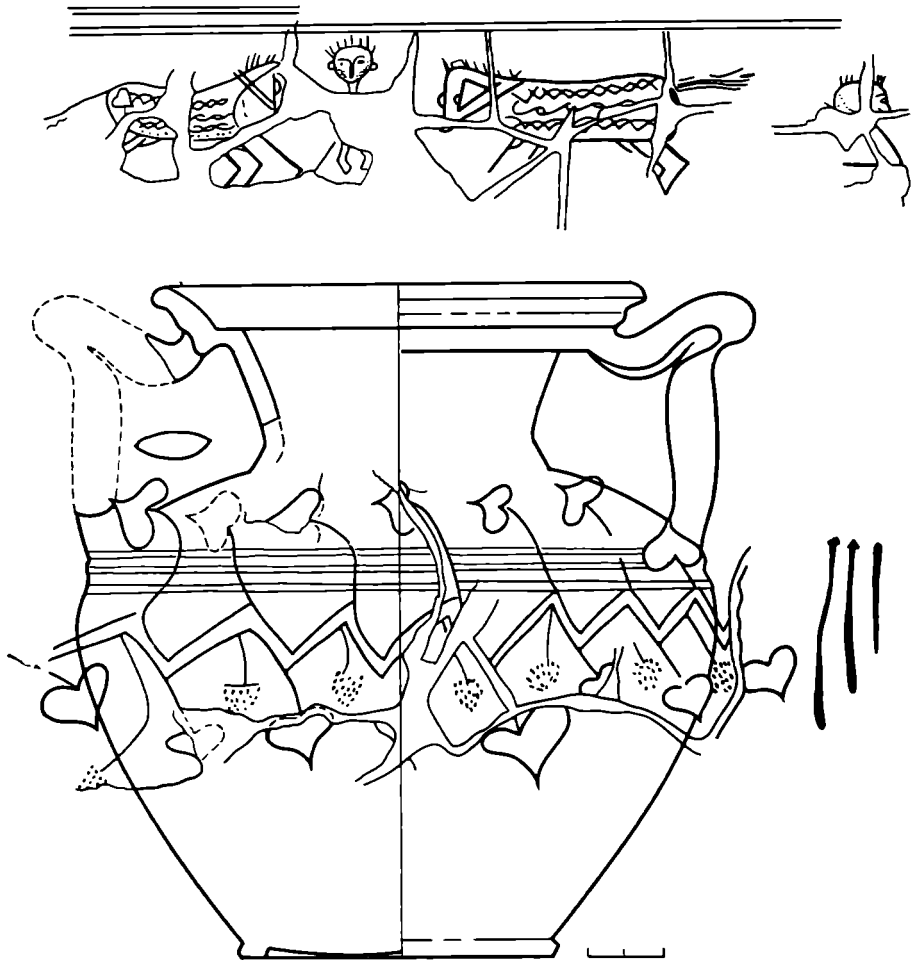


Рис. 8. Пелика с красным покрытием

лозы изображены на стенах пантикапейского склепа сабазиастов 1901 г. [37, с. 426, 430, табл. XCVII, XCVIII]. Под одной из ручек горгиппийской пелики помещены изображения трех длинных стрел либо копий; один из человечков, безусловно, танцует. Все сказанное позволяет предположить ритуальный характер орнамента на горгиппийской пелике. Сосуд мог использоваться в религиозных мистических обрядах культа бессмертия и возрождения жизни.

Единственным доказательством почитания в Горгиппии Бога высочайшего являются надписи. Его упоминают шесть городских надписей (КБН, № 1116, 1123, 1125, 1126, 1231) [4] [70], пять из них содержат одинаковую преамбульную формулу обращения к божеству: Θεῶι ὑψίστωι παντοκράτορι ἐυλογητῶι (Богу высочайшему вседержителю, благословенному). Из этих надписей три являются манумиссиями рабов 41, 68 и 93—123 гг., одна свидетельствует о неизвестном посвящении богу в первой половине I в. и одна относится к спискам фиаситов, чтущих бога (вторая половина II в.). Шестая надпись II в. (КБН, № 1116) называет θεὸς δίκαιος (Бога справедливого). Она нанесена на архитрав ионийского ордера и свидетельствует об установке какого-то сооружения в честь бога. Этот архитрав и наличие фиаса определяют официальный характер культа.

Эпитет Ὕψιστος (всевышний) прилагался к христианскому и иудейскому богам, к верховным божествам греко-римского мира, главным образом Зевсу, еще во времена Пиндара, притом с оттенком монотеизма, а также к Сабазию [71, с. 133, 139]. Эпитеты πανθοκράτορ и ἐυλογητος по мнению Шюрера [72, с. 205], являются иудейскими, но в обиходном ев-

[4] Надпись № 1231 найдена около Краснодара и условно отнесена В. В. Латышевым к Горгиппии (IOSPE, IV, 436).

рейском языке не встречаются, а характерны только для библейских текстов. Эти библейские эпитеты бога из горгиппийских надписей не имеют аналогий в других центрах Боспора. В танаисских, пантикапейской и китейской надписях θεὸς ὕψιστος наделен эпитетом ἐπήκοος (внемлющий). Надпись из Китея (КБН, № 942) называет еще бога βροντῶν (гремящий).

Определению места Бога высочайшего в религии античного мира посвящен ряд исследований [5], но в выявлении его ипостасей еще многое не ясно. Несомненно, этот языческий культ был синкретическим и в основе своей нес идею монотеизма, на что указывает и околокультовая терминология. Он впитал в себя элементы греческих и негреческих религиозных представлений о Зевсе, Сабазии, Митре, фракийском конном боге, христианском и иудейском богах, испытал на себе влияние малоазийских культов. М. Тачева-Хитова [71, с. 140] видит в основе боспорского культа Бога высочайшего солярный аспект. Несомненно, присущая широкому региону Средиземноморья и связанных с ним областей идея монотеизма с началом новой эры охватила и Боспор. Различия в эпитетах могут отражать локальные особенности в исходных местных культах верховного божества, выявившегося повсеместно согласно определенному этапу развития общества и религии. Интересно, что, став одним из главных культов в различных центрах Боспора, монотеистический культ Бога высочайшего не изменил сложившегося представления о генеалогии царствующей на Боспоре династии, которая продолжала считать себя происходящей от Посейдона и Геракла. Однако, судя по изображениям, приобщение к богу, антропоморфизированному в виде всадника, даровало власть, как и приобщение к Великой богине-матери.

В Горгиппии есть данные о распространении здесь христианства. Очевидно, оно проникло в город, восстановленный после всеобщего пожара 240-х годов. Теперь уже неоднократно встречены в Горгиппии монеты второй половины III в., свидетельствующие о возобновлении жизни. На некрополе найдено краснолаковое блюдо с оттиснутым крестом, характерным для V в. [22, с. 124, рис. 6, *3*].

Приведенными данными исчерпывается доступный нашему знанию перечень официальных культов Горгиппии. Отдельные штрихи дополняют сведения о знакомстве города и с другими персонажами греческой мифологии. Возможно, и они были достаточно популярны, но наши представления об этом пока отрывочны.

Культ Афины в Горгиппии подтверждается лишь изображениями богини на перстнях, но они охватывают широкий промежуток времени. К эпохе эллинизма относятся два массивных бронзовых перстня — один боспорского производства с врезанной на щитке головой Афины в коринфском шлеме, в профиль [47, с. 67, № 3, рис. 1, *11*], другой с врезанным на щитке изображением Афины Промахос, стоящей в шлеме, повернувшись вправо. Одежда атакующей богини состоит из длинного хитона и подпоясанной апоптигмы [21, с. 86, рис. 10, 7]. Иконография Афины Промахос с горгиппийского перстня восходит к изображениям на панафинейских амфорах IV в. до н. э. [47, с. 68]. На резном николо в литом золотом перстне из могилы III в. изображена стоящая Афина, опирающаяся правой рукой о копье с прислоненным к нему щитом [7]. Тип этой Афины восходит к знаменитой Афине Парфенос Фидия. Подобная композиция в различных вариантах была широко распространена на геммах I—III вв. [75, № 45—47, 777]. Сочетание Афины с царской тамгой, вырезанной на том же камне, вероятно, не случайно.

Миф о Персее, обезглавившем Горгону, представлен на гравированных пластинах из слоновой кости, украшавших погребальное ложе или деревянный саркофаг в сырцовой гробнице конца V—IV в. до н. э. из окрестностей Горгиппии (поселок Уташ). Среди обилия резной кости в гробнице уцелели две пластины, раскрывающие этот миф. На одной изображена поверженная на скалы обезглавленная Медуза Горгона, на другой — одна из ее сестер Горгон в облике атлетической девы, караб-

[5] Библиографию по данному вопросу см. [73; 74, с. 296, сноски 159—173; 75].

Рис. 9. Пластина из слоновой кости с гравированным изображением одной из Горгон (миф о Персее и Медузе Горгоне)

кающейся по скалам (рис. 9). Лики Медузы заполняют мраморные кассеты горгиппийского храма II в. [37, с. 24; 64, с. 78; 65, с. 77, рис. 22; 66, с. 183, рис. *9а, б*]. С обликом Медузы на берегу Анапской бухты были знакомы еще в V в. до н. э. по росписям привозных аттических килпков (рис. 1, *3*).

Подобно Медузе, в Горгиппии был известен и Сфинкс: его изображения встречены на чернофигурной керамике из предшествовавшего Горгиппии поселения, на резных пластинах из слоновой кости в том же склепе Уташа, на золотых нашивных бляшках из могилы II в.

В 1985 г. в каменном завале горгиппийского подвала, погибшего в середине III в. н. э., найден золотой перстень с рельефным изображением на щитке повернутого влево бюста Сераписа (рис. 10). Созданный при Птолемеях, культ этого бога объединил культы греческого Зевса и египетского Озириса, он был связан с культами Исиды, жены и сестры Озириса, а также Гора-Гарпократа, сына указанной пары. Уже в III в. до н. э. культ Сераписа проник в Малую Азию и Северное Причерноморье [27, с. 111]. На медных боспорских монетах, возможно, в подражание Синопе в I в. до н. э.— I в. н. э. чеканилась голова Сераписа влево [49, табл. XLV, *8*]. Именно в это время отмечается наплыв в Северное Причерноморье из Александрии различных амулетов из египетского фаянса, среди которых немало изображений египетских божеств, в том числе известны многочисленные Гарпократы, на одном амулете представлен Серапис [68, с. 23—49, табл. 7, *1—19*, табл. 8, *1—9*]. Изображения Сераписа на светильниках, перстнях и других бытовых предметах были распространены в различных центрах античного мира вплоть до III в. н. э. [27, с. 111—114].

Рис. 10. Золотой перстень с отчеканенным бюстом Сераписа

На широкую золотую пластину горгиппийского перстня, слегка изогнутую и расширенную для щитка, напаян золотой овальный диск с чеканным изображением бюста Сераписа. Его венчает традиционный для Зевса калаф, символ хтоничности, изобилия и плодородия.

Таким образом, в Горгиппии были представлены все основные культы эллинского мира, их почитали здесь в различных, известных этому миру ипостасях. Мы располагаем еще слишком отрывочными данными, чтобы проследить развитие в городе каждого культа и выявить специфику этого развития. Официальный, государственный характер почитания установлен не менее чем для 20 культов: Посейдона, Геракла, Афродиты, Гермеса, Деметры и Коры-Персефоны, Великой богини-матери, Кибелы, Аттиса, Артемиды, Зевса, Гелиоса, Аполлона, Мена, Диониса и Пана-Сатира, Бога высочайшего, римского императора. Эти культы поддерживали незыблемость правящих династий. В городе поклонялись Тюхэ, Афине, знали Эрота, Персея, Горгон, Сфинкса, Изиду, Сераписа, Гарпократа, Беса. Приведенные наблюдения подтверждают сильную эллинизацию Горгиппии. Ведущим аспектом во всех культовых представлениях населения города выступает идея хтонизма, умирания и воскрешения жизни, идея плодородия, которая так или иначе проявляется в культе почти каждого божества. Хтоническая направленность безусловно выявлена в почитании Геракла, Кибелы, Тюхэ. По содержанию культа она была ведущей в поклонении Афродите, Деметре и Коре-Персефоне, Великой богине-матери, Аттису, Артемиде, Изиде, Дионису. Очевиден и синкретизм мифологических представлений, обусловленный как большой этнической пестротой города, так и широтой его экономических связей. Тем не менее местных, неэллинских культов не выявлено. Специфические религиозные представления коренного населения намечаются только в погребальном обряде. Следует отметить умеренную встречаемость различных обрядовых предметов: курильниц, оберегов, амулетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
2. *Кругликова И. Т.* Новые эпиграфические памятники из Горгиппии.— ВДИ, 1967, № 2.
3. *Бурачков П.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Ч. I. Одесса, 1884.
4. *Frolova N. A.* The Coinage of the Kingdom of Bosporus. A. D. 69-238. Oxford, 1979.
5. *Алексеева Е. М.* Раскопки Горгиппии и ее окрестностей.— АО — 1975. М., 1976.
6. *Алексеева Е. М.* Горгиппия и ее окрестности.— АО — 1976. М., 1977.
7. *Алексеева Е. М.* Царская тамга на золотом перстне из Горгиппии.— В кн.: Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986.
8. *Щеглов А. Н.* Геракл отдыхающий.— В кн.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев: Наук. думка. 1974.
9. *Сапрыкин С. Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма.— СА. 1978, № 1.
10. *Граков Б. Н.* Скифский Геракл.— КСИИМК, 1950, вып. XXXIV.
11. *Наливкина М. А.* О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма.— СА. 1940, т. VI.
12. *Наливкина М. А.* Новая находка рельефа в Херсонесе.— СА. 1940, т. VI.
13. *Передольская А. А.* К вопросу о хтоническом культе Геракла на Боспоре.— Тр. ГЭ, 1958, т. II.
14. *Русяева А. С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев: Наук. думка. 1979.
15. *Wolters P., Bruns G.* Das Kabirionheiligtum bei Theben. B., 1940.

16. *Щеглов А. Н.* Подвиги Геракла по памятникам Херсонеса Таврического. Л.: Сов. художник, 1964.
17. *Кругликова И. Т.* Терракоты из Горгиппии.— В кн.: Терракотовые статуэтки.— САИ, 1974, вып. Г1-11.
18. *Wheeler J. R.* A Bronze Statue of Heracles in Boston.— AJA, 1906, t. X.
19. *Блаватский В. Д.* Акарнанские бронзы Лисиппа.— СА, 1941, т. VII.
20. *Харко Л. П.* Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском.— КСИИМК, 1946, вып. XIII.
21. *Алексеева Е. М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии.— В кн.: Горгиппия. Краснодар: Краснодарск. кн. изд-во, 1982.
22. *Кругликова И. Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954—1964 гг.— В кн.: Горгиппия. Краснодар: Краснодарск. кн. изд-во, 1982.
23. *Галанина Л. К.* Впускное погребение I в. н. э. Курджипского кургана.— СА, 1973, № 2.
24. *Гущина И. И.* Изображение женского божества на бляшках из погребений Бельбекской долины Крыма.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
25. *Русяева А. С.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI—I вв. до н. э.). Киев: Наук. думка, 1982.
26. *Вальдгауэр О. Ф.* Афродита Урания и Афродита Пандемос.— Изв. РАИМК, 1922, т. II.
27. *Кобылина М. М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М.: Наука, 1978.
28. *Крушкол Ю. С.* Терракоты из античного сооружения близ Горгиппии (хутор Рассвет).— САИ, 1974, вып. Г1-11.
29. *Кругликова И. Т.* Боспор III—IV вв. н. э. в свете новых археологических исследований.— КСИА, 1965, вып. 103.
30. *Грач Н. Л.* Мраморная скульптура из Горгиппии.— СА, 1970, № 1.
31. *Кругликова И. Т.* Мраморная головка Афродиты из Горгиппии.— В кн.: Новое в археологии. М.: Наука, 1972.
32. *Кругликова И. Т., Цветаева Г. А.* Раскопки в Анапе.— КСИА, 1963, вып. 95.
33. *Boube-Piccot Ch.* Les bronzes antiques du Maroc. I. La statvaire planches.— ETAM, 1969, t. IV.
34. *Boucher St., Tassinari S.* Bronzes antiques. Lyon, 1976.
35. *Берзин Э. О.* Горгиппийский агонистический каталог.— СА, 1961, № 1.
36. *Цветаева Г. А.* Новые данные об античном святилище в Горгиппии.— ВДИ, 1968, № 1.
37. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
38. *Николаева Э. Я.* Терракоты города Кеп.— САИ, 1974, вып. Г1-11.
39. *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки из Фанагории.— САИ, 1974, вып. Г1-11.
40. *Сорокина Н. П.* Терракоты из некрополя Кеп.— САИ, 1974, вып. Г1-11.
41. *Кобылина М. М.* Милет. М.: Наука, 1965.
42. *Дремсизова Цв.* Теракоти от некропола на Аполония.— В кн.: Аполония. София, 1963.
43. *Higgins R. A.* Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities British Museum. L., 1954.
44. *Кругликова И. Т.* О культе верховного женского божества на Боспоре во II—III вв. н. э.— В кн.: Культура античного мира. М.: Наука, 1966.
45. *Марченко И. Д.* Марионетки и культовые статуэтки из Пантикапея.— САИ, 1974, вып. Г1-11.
47. *Трейстер М. Ю.* Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей.— ВДИ, 1982, № 3.
48. *Schüde M.* Die Ruinen von Priene. B.— Lpz., 1934.
49. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
50. *Кругликова И. Т.* Бронзовый бюст Изиды из Горгиппии.— КСИА, 1971, вып. 128.
51. *Тахо-Годи А. А.* Природа и случай как стилистические принципы новоаттической комедии.— Вопр. классической филологии, № 1971, № 3—4.
52. *Павсаний.* Описание Эллады, т. II. М.— Л.: Искусство, 1940.
53. *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья.— САИ, 1970, вып. Г1-11.
54. *Новосадский П. И.* Елевсинские мистерии. СПб., 1887.
55. *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
56. *Голенцов А. С.* Граффити из Керкинитиды.— КСИА, 1983, вып. 174.
57. Граффити античного Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1978.
58. *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957.
59. *Белов Г. Д.* Бронзовые статуэтки Херсонеса.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
60. *Шелов Д. Б.* К истории связей эллинистического Боспора с Родосом.— СА, 1958, т. XXVIII.
61. ОАК за 1906 г. СПб., 1909.
62. Художественное ремесло эпохи Римской империи (I в. до н. э.— IV в.). Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. Л.: Искусство, 1980.
63. *Сапрыкин С. Ю.* Золотая пластина из Горгиппии.— ВДИ, 1983, № 1.
64. ОАК за 1903 г. СПб., 1906.

65. *Сорокина Н. П.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья.— ВИА, 1973. т. 2.
66. *Пичикян И. Р.* Боспорские антаблементы первых веков нашей эры.— СА, 1975, № 1.
67. *Савостина Е. А.* Об архитектурных фрагментах из Горгиппии.— В кн.: Горгиппия. Краснодар: Краснодарск. кн. изд-во, 1980.
68. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ. 1975, вып. Г1-12.
69. *Ельницкий Л. А.* Из истории эллинистических культов в Причерноморье (Дионис-Сабазий).— СА, 1948, т. VIII.
70. *Болтунова А. И.* Новые эпиграфические материалы из Горгиппии.— ВДИ, 1982, № 2.
71. *Тачева-Хитова М.* О культе ΘΕΟΣ ΥΨΙΣΤΟΣ на Боспоре.— ВДИ, 1978, № 1.
72. *Schürer E.* Die Inden im Bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι Θεὸν Ὕψιστον ebendaselbst.— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. B., 1897.
73. *Надель Б. И.* К вопросу о культе безымянного «всевышнего» бога в Танаисе.— Listy filologické. 1966, 89, 1.
74. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972.
75. *Blawatsky W., Kochelenko G.* Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire. Leiden. 1966.
76. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. B. III—IV. München, 1968—1971.

E. M. Alexeyeva

RELIGIOUS CULTS IN GORGIPPIA

Summary

Gorgippia, an ancient city which stood on the place of the present-day Anapa, yields numerous evidences (inscriptions, monumental artistic objects, small arts and objects of everyday use) of the wide spread of cults of the Greek gods and of various syncretic religious beliefs there. The town was a melee of cults of the main gods of the Hellenistic world in all their hypostases. We have inadequate material so far to trace the evolution and specific features of each cult, though we have established the fact that not less than twenty cults had the status of the official religion. They were the cults of Poseidon, Heracles, Aphrodite, Hermes, Demeter and Persephone, the Great Mother-Goddess, Cybele, Attis, Artemis, Zeus, Helios, Apollo, Men. Dionysus and Pan-Satyr, the Highest God, and the Roman emperor. They strengthened the position of the ruling dynasties. Besides, the city dwellers worshipped Tyche, Athene, Eroth, Perseus, the Gorgons, Sphinx, Harpokrates, Isis and Serapis. The investigations confirmed that Gorgippia was a highly Hellenised city. The main religious idea was the idea of fertility, the chthonian principle and the life cycle of birth and death, present practically in every cult. The chthonian principle is clearly discerned in the cults of Heracles, Cybela and Tyche and is the main idea in the cults of Aphrodite, Demeter and Kore-Persephone, the Great Mother-Goddess, Attis, Artemis, Isis and Dionysus. The local mythology was of a syncretic nature caused by both the city's patchy ethnic composition and the wide scope of its economic ties. So far we have failed to identify purely local, non-Hellenistic cults.

А. К. АМБРОЗ

КИНЖАЛЫ VI—VIII ВВ. С ДВУМЯ ВЫСТУПАМИ НА НОЖНАХ

Гораздо больше, чем о кинжалах с двумя выступами V в. [1], известно сейчас об этом оружии VI—VIII вв. Прежде всего это многочисленные изображения в живописи Средней Азии (рис. 1, *3—5, 10, 12, 14—17, 19, 20, 22, 23, 27*), Восточного Туркестана (рис. 1, *7—9, 11, 13, 18*), на восточных металлических блюдах (рис. 1, *6, 21*), тюркских каменных изваяниях (рис. 1, *25, 26*) и гравировке на кости (рис. 1, *24*). Обращает внимание многообразие форм самих кинжалов (прямых, коленчатых, изогнутых), их ножен (равномерной ширины, сужающихся к концу, с перехватом посредине), выступов (полукруглых, прямоугольных, трехлопастных, В-образных и Р-образных), крестовин (прямых коротких и длинных, с ромбическим «огнивом», часть кинжалов без крестовины или с «ложной» крестовиной). На кинжалах и мечах третьей четверти VII в. с Афрасиаба [2, табл. X] и начала VIII в. из Пенджикента системой черно-белых пятен показана обтяжка рукоятей шершавой кожей ската (рис. 1, *19*), [3, с. 79, рис. 50, *2*], как и в сцене поединка на согдийском блюде VII в. из Кулагыша (рис. 1, *32*) [4, табл. 21].

В это же время, примерно с середины VI в., два выступа появились и на ножнах мечей, которые отныне стали подвешиваться в наклонном положении за два ремешка, прикрепленных нижними концами к выступам, верхними — к поясу. Обычно выступы имели с оборотной стороны пластинчатую петлю для этой цели (рис. 2, *2, 3, 9, 28*). Большинство мечей VI—VII вв. дошло без всяких следов ножен. Данные о выступах есть лишь тогда, когда их обивали металлом: как правило, двумя пластинками на плоскостях и узкой полоской (гладкой или желобчатой) по торцу (рис. 2, *1, 8—10, 26, 27, 31, 34, 36*) [5—10]. Самые ранние выступы мечей обычно Р-образные (рис. 1, *30*), есть также В-образные (рис. 1, *31*) и трехлопастные (рис. 2, *27*). Известные уже с V в. на кинжалах полукруглые и прямоугольные выступы на мечах зафиксированы пока только со второй половины VII в. (рис. 2, *3, 5, 36*), их можно найти и в живописи Афрасиаба.

Многие исследователи склонны «растянуть» дату мечей с выступами на первую половину VI в., мотивируя это только тем, что такие мечи применяли пришедшие из Азии авары, поселившись на Дунае с 568 г. Но, как я уже не раз писал, достоверные древности первых авар, принесенные ими на Дунай с востока, еще не выделены: все, что ими считают, уже имеет новые черты, развившиеся на Дунае и неизвестные восточнее [11, с. 88—93]. Потому нет прямых данных, что авары обязательно принесли новую форму меча при переселении из Азии, покинутой ими в 558 г. Они могли заимствовать ее путем контактов, даже живя на Дунае. Ведь в самой Азии такие мечи пока неизвестны ранее второй половины VI в. Пожалуй, самый ранний датированный пример наклонно висящего меча можно видеть на так называемом «ложе Цао Цао», «на согдийцах, изображенных на рельефах третьей четверти VI в., выполненных по согдийскому рисунку» в Китае, согласно определению Б. И. Маршака. Другое китайское изображение (рис. 1, *31*) датировано 595 г. [12, табл. 22]. В Иране шах Хосров I (531—578 гг.) и его сын Хормизд носили во дворце и на охоте еще мечи с продольной скобой (рис. 1, *29*) [4, табл. 13], лишь Хосров II (590—627 гг.) пользовался на охоте мечом нового типа (рис. 1, *30*) [13, табл. XC]. Замечательно, что меч Хосрова II совсем не

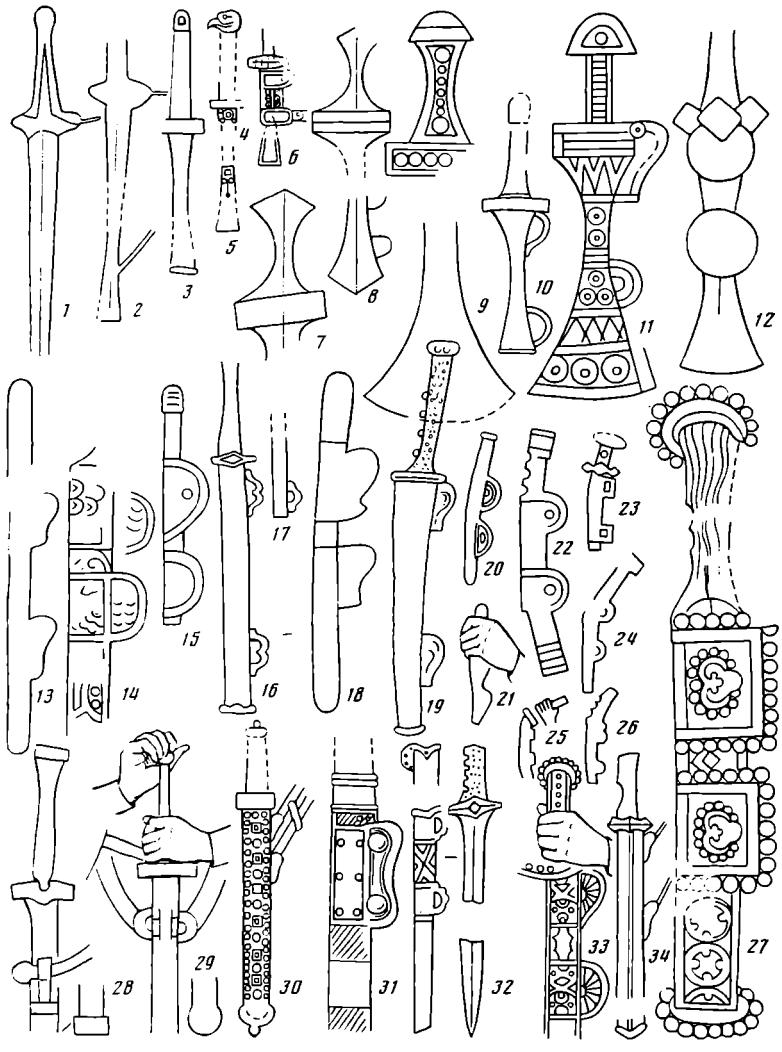


Рис. 1. Изображения кинжалов и мечей на предметах искусства. *1, 2, 12, 16, 19* – Пенджикент, объекты II (*1, 2*), XVI, зал 10 (*16, 19*), XXIII, зал 50 (*12*); *3–5, 10, 17, 23* – Афрасиаб, дворец, зал I, южная стена (*3–5*), западная (*10, 17, 23*); *6* – блюдо Парижской национальной библиотеки; *7–9, 11, 13, 18* – Куча, Восточный Туркестан (*7–8* – пещера Майя второго местонахождения; *9, 18* – пещера 19 главной группы в Кумтуре; *11* – грот 69 в Кызыле; *13* – пещера 16 меченосцев в Кызыле); *14, 27* – Варахша; *15, 20, 22* – Балалык-тепе; *21* – блюдо с Гераклом; *24* – Верхний Чирюрт; *25* – Тегеньбулак, Южный Казахстан; *26* – Корумды, Киргизия; *28* – Курган-тюбе, Узбекистан; *29* – блюдо Хосрова I; *30* – Так-и-Бустан; *31* – Аньян, могила Чан Шэна; *32* – блюдо со сценой поединка; *33* – Фундукистан, Афганистан; *34* – блюдо Пур-и-Вахмана. *1, 2, 6* – V в.; *3–5, 10, 17, 23* – между 655–675 гг.; *7–9, 11, 13, 18* – вторая половина VI–VII в.; *12, 14, 16, 19, 27, 34* – VIII в.; *15, 20–22, 24–26, 32* – VII в.; *28* – II–III вв.; *29* – 531–578 гг.; *30* – рубеж VI–VII вв.; *31* – 595 г.; *33* – после 689 г.

похож на археологические мечи с выступами VII в. из Ирана или на кочевнические: это традиционный сасанидский меч с массивной крестовиной, а главное, архаичным (с шипом внизу) наконечником ножен. Когда мечи носили вертикально на скобе, их нередко приходилось ставить концом на землю, и, чтобы не повредить или не запачкать украшения ножен, под наконечником делали один или несколько опорных шипов — этот обычай прослежен от позднего Рима до Китая. Так же сделаны мечи сасанидских царей III–VI вв. [14, 15]. С появлением наклонной подвески надобность в шипах сразу отпала (рис. 1, *32, 34*). Следовательно, в Так-и-Бустане рубежа VI–VII вв. изображен один из первых сасанидских мечей с наклонной подвеской, когда его форма еще не устоялась. Не была исключением и Центральная Азия. Меч из «одинцовской» могилы 29 пункта XIV из Больших Елбан на Верхней Оби, по-видимому, имел плохо сохранившиеся Р-образные выступы [16, с. 103, 111, табл. XXXVIII,

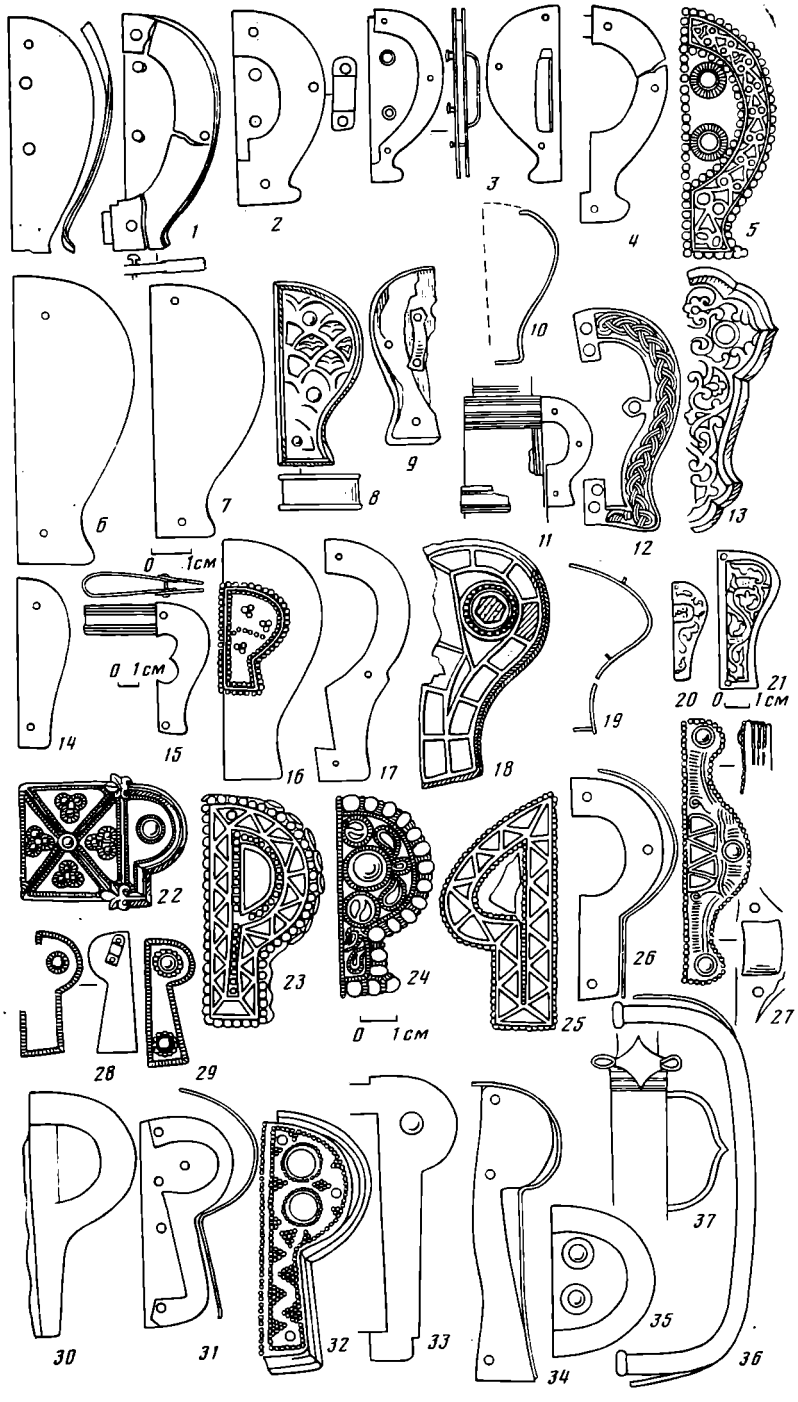


Рис. 2. Боковые выступы ножен мечей, кинжалов и сабель. *1–26, 28–34* – Р-образные; *27* – трехлопастный; *35, 36* – дуговидные. *1* – Кернье, погр. 99; *2, 4* – Тёрёкбалинт, погр. 2 и 1; *3* – Малы Идош (Кишхедьеш); *5* – о. Чепель; *6* – Мартыновка; *7* – Учтепе; *8* – «Иран»; *9* – Борисово, погр. 62; *10* – Иловатка, см. рис. 3, *8*; *11* – Сегвар-Шаполдал; *12* – Мадараш; *13* – Сёсоин; *14* – Армиево, погр. 177; *15* – Пышта; *16* – Верхнее Чми, могила 11; *17* – Арцыбашево; *18* – Боровое; *19* – Ровное, кург. Д 42 (?); *20* – Ночера Умбра, могила 84; *21* – Кастель Тросино, могила «Ф»; *22* – «Керчь»; *23* – «Тамань»; *24* – Глодосы; *25* – «Мойград»; *26* – Жамбок; *27* – Боча; *28* – Кишзомбор «О», погр. 2; *29* – Деск «Г», погр. 8; *30* – Маняк, погр. 1; *31* – Иванча; *32* – Малая Перещепина; *33* – Кечкемет-Баллосёг; *34* – Песерадач; *35* – Мокрая Балка, могила 114; *36* – Игар, находка 3. Масштаб разный. *1, 2, 4, 5, 11, 12, 26–29, 31, 33, 34, 36* – Венгрия; *3* – Югославия; *6, 24, 32* – Украина; *7* – Азербайджан; *8, 22, 23, 25* – покупки через антиквариат; *9, 16, 35* – Северный Кавказ; *10* – Волгоградская обл.; *13* – Япония; *14* – Пензенская обл.; *17* – Рязанская обл.; *15* – Абхазия; *18* – Казахстан; *19* – Саратовская обл.; *20, 21* – Италия, *30* – Башкирия

2]. Но датирован он II—IV вв. по восточноевропейским «сарматским» аналогиям для пряжек, бус, стрел и пр. из других могил памятника. В конечном итоге такая дата восходит к давно устаревшей керченской хронологии В. В. Шкорпила. Настоящую дату, обычную для этого типа мечей, указывают пряжки VI—VII вв. из соседних, тоже «одинцовских» могил 12 и 17 [16, табл. XLI, *25*, *29*; 17, с. 121, рис. 12, *17*, *18*]. Второй половиной VII в. датируются мечи тюрок из могилы 9 Кудыргэ (обоймы лежат неправильно?) и в живописи Афрасиаба, а первые мечи с сохранившимися выступами — только IX—X вв. (Сростки). Так что, если согласиться с общепринятой хронологией дунайских авар, аварские мечи с выступами оказались бы пока самыми ранними в Евразии.

Исследователи авар не раз пытались выделить раннюю форму выступа, но всякий раз оказывалось, что она более связана уже с комплексами VII в. Особенно сказывается отсутствие сравнительного материала VI в. из восточных областей Европы и из Азии: попытки найти путем аналогий вещи, принесенные аварами на Дунай в 558—568 гг., «наталкиваются на пустоту». Часто это обстоятельство ускользает от авторов, принимающих на веру многие сильно заниженные восточноевропейские и сибирские даты, как в случае с мечом из Больших Елбан. В последнее время И. Бона предложил считать ранними (первых десятилетий пребывания авар в Паннонии после 568 г.) ножны с выступами из Сегвара, могил 75 и 99 Кёрнье, Тёрёкбалинта, Жамбока, Чоки (рис. 2, *1*, *2*, *4*, *11*, *26*), а прочие аварские ножны с выступами — более поздними [18, с. 49, 51]. На рис. 2 я попытался распределить образцы выступов по форме. Среди выступов плавных очертаний выделяются восточноевропейские по довольно широкой, мягко очерченной «седловине» внизу (рис. 2, *6*, *7*, *9*, *10*, *15—17*). Им близки выступы из Ирана, Сегвара, Мадараша и от кинжалов с перехватом ножен (рис. 2, *8*, *11*, *12*, *18—21*). Все восточное европейские образцы, найденные в комплексах, сопровождались вещами VII в. Многие аварские ножны с выступами, в том числе большинство отнесенных к ранним, отличаются от восточноевропейских очень короткой, часто резко очерченной «седловиной» (рис. 2, *1—5*). Мне кажется, эта форма выступов на ножнах не привнесена в 568 г., а выработалась уже на новой дунайской родине авар и в основном не ранее VII в. Это видно и по сопровождавшим их находкам [11, с. 88—93]. Нигде в Евразии мечи с выступами VI в., по-видимому, еще не найдены археологами.

У другой группы выступов полукружие резко, под углом переходит к прямоугольной нижней части. Прямоугольники короткие (рис. 2, *22—24*), «средние» (рис. 2, *25*, *26*, *30—32*) и длинные (рис. 2, *28*, *29*, *33*, *34*). Все варианты представлены в хорошо датированных комплексах VII в., в том числе второй половины VII в. (рис. 2, *24*, *30*, *32*, *34*), а с более длинной пластиной есть и на изогнутых саблях не ранее последней трети VII в. (рис. 2, *31*, *33*). И среди них пока нет находок VI в. Впрочем, двое депаспортизованных ножен с выступами исследователи все же относят даже к V в. (рис. 2, *23*, *25*), ссылаясь на то, что украшающая их гранатовая инкрустация зигзагом есть в кладе V в. из Шимлеул Сильваней. Но зигзаговая инкрустация не пригодна для узкой датировки. Она есть и на византийских вещах VI в. из Варненского клада в Болгарии, на выступе меча VII в. из Бочи в Венгрии (рис. 2, *27*), на северокавказских украшениях того же столетия (Верхний Чирюрт, Куденетово) [19, с. 123, рис. 6, *38*; 20, рис. 172]. Наконец, ее применял (тоже с гранатами) знаменитый ювелир Элигий (588—660 гг.) [21, рис. 266]. Так что оба выступа надо датировать по их форме не ранее VI—VII вв., декор этому не противоречит. Еще менее убедительна попытка К. Хоредта датировать V в. выступ (рис. 2, *25*) путем произвольной группировки части депаспортизованных предметов из сборной коллекции изделий от энеолита до XIX в., названной в антикварной торговле «кладом из Мойграда» (Румыния) [22]. Для метода К. Хоредта характерно эклектическое соединение разнородных элементов: им приписан Р-образный выступ и бывшее в коллекции накладное кольцо от древнегерманского набалдашника VI—VII вв. одному несуществующему «гуннскому» мечу, якобы «прообразу» соответ-

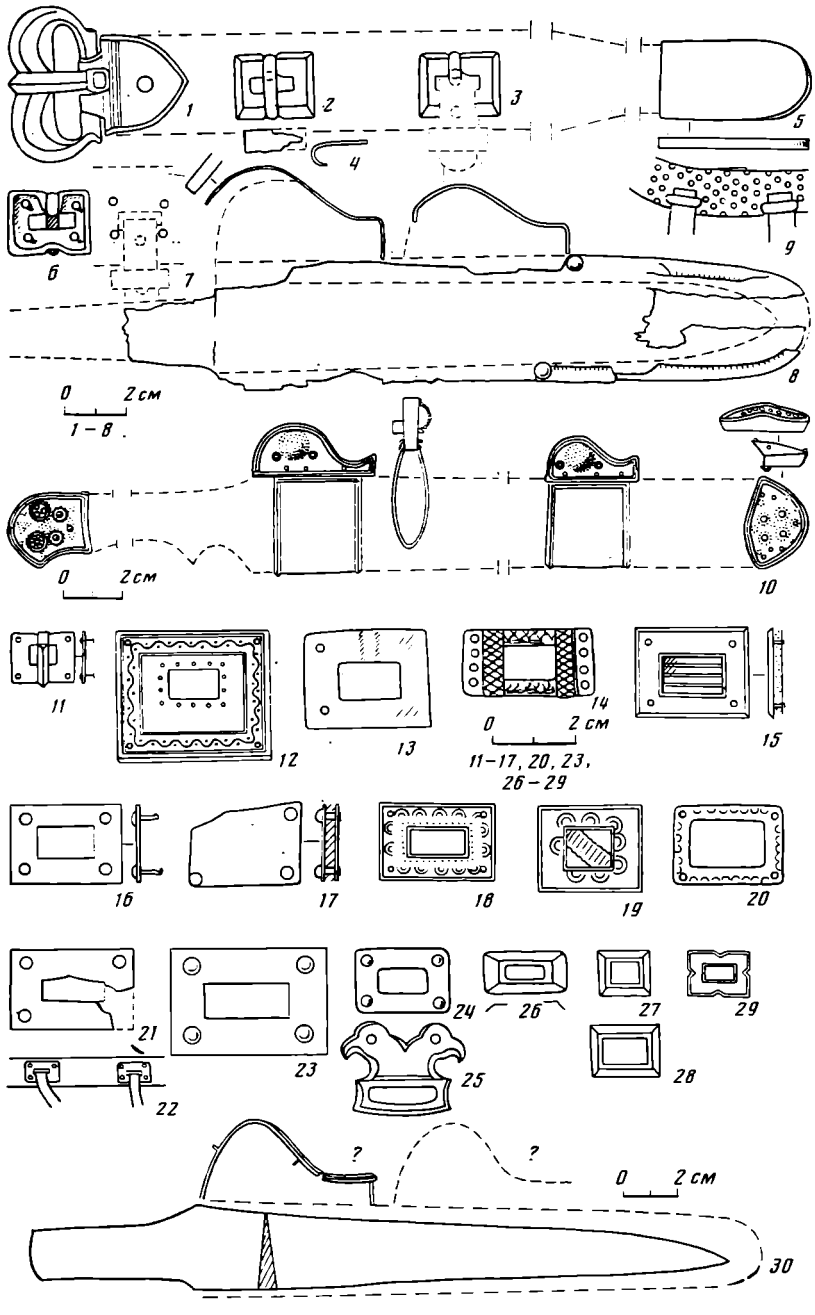


Рис. 3. Детали кинжалов и поясов. *1–8* – Иловатка; *9* – Так-и-Бустан; *10* – Иран; *11* – Тураево, кург. V; *12* – курган Тядзука; *13* – Шапка, Церковный холм 4, могила 6; *14* – Садовско-Кале; *15–17* – Кёрнье, могилы 138 (*15*), 60 (*16, 17*); *18* – Фюзфё, погр. 2; *19* – Чакберень; *20* – Алаттьян, могила А; *21, 22, 25* – Кецел; *23* – Малая Перещепина; *24* – Столбица; *26* – Кугуль, склеп 2; *27* – Аромат, склеп 6; *28* – Чуфут-Кале, склеп 104; *29* – Суук-Су, могила 97; *30* – Ровное, кург. Д42. *1–8* – Волгоградская обл.; *9, 10* – Иран; *11* – Татария; *12* – Япония; *13* – Абхазия; *14* – Болгария; *15–22, 25* – Венгрия; *23* – Полтавская обл.; *24* – Белгородская обл.; *26* – г. Кисловодск; *27–29* – Крым; *30* – Саратовская обл. *1–5, 8, 10, 22, 30* – реконструкция

ствующих германских. На практике такое смешение двух разных традиций ни разу не встречено, мечи с накладным кольцом развились из обычной западной «спаты». Кольцо из «Мойграда» важно тем, что изделия в стиле эпохи переселения народов (в подлинности которых, в том числе выступа, высказывались сомнения) представлены в коллекции образцами не только V, но и безусловных VI—VII вв. И эта попытка удревнить Р-образные выступы неудачна.

Широкую известность получила реконструкция меча из Тугозвонова на р. Чарыш в Алтайском крае [23, с. 134—140, рис. 5—13]. Ножны показаны с двумя прямоугольными выступами. Комплекс этот не V в.,

а скорее III—IV вв., о чем говорят и многие названные в публикации аналогии [23, с. 157—162]. Столь ранний меч с выступами перевернул бы всю имеющуюся картину развития подобного вида оружия. Но реконструкция издана без должного обоснования, даже не разграничены сохранившиеся и предполагаемые части ножен (фотография их остатков неразборчива); в таком виде она не может быть принята во внимание, как и сделанная по тому же принципу реконструкция интереснейшего кинжала. Вероятнее всего, тугозвоновский меч был подобен близким по времени мечам, нарисованным на поясной пластине из Курган-тюбе (рис. 1, *28* и др.).

Но вернемся к кинжалам. Золотые детали восточного кинжала с двумя Р-образными выступами были приобретены японским музеем Тэнри Санкокан с указанием на Иран и датированы автором публикации первой половиной VII в. или концом сасанидской эпохи [24, с. 60—62, 181, рис. II]. Я попытался его реконструировать (рис. 3, *10*). Судя по форме обойм с выступами, ножны слабо сужались до меньшей из них и затем снова расширялись к наконечнику. Их длина могла достигать 21 см (на рис. 3, *10* часть ножен и рукояти опущены). Возможно, что на рукояти были спереди вырезы для пальцев, как на иранских мечах VII в., купленных различными зарубежными музеями [10, рис. 1; 24, фото I, рис. I]. Кинжал обильно украшен зернью. Окантовки сделаны из двускатно согнутых полосок металла.

Представление о простых кинжалах кочевников Восточной Европы того же VII в. дает находка в Иловатке на нижней Волге (рис. 3, *8*). Кинжал обнаружен во впускном погр. 2, кург. 3 «поперек поясницы на поясничных позвонках и правом предплечье» рукоятью влево [25, с. 219, 220, рис. 7, *4, 5*]. Сохранились остатки деревянных ножен, их конец «оправлен в узкую обойму из серебряной полоски с мелкими зубчиками по краю», прибитую двумя гвоздиками с выпуклыми шляпками. Размер ножен 19×4,2 см. Ширина клинка 3 см, длина, судя по рисунку, не превышала 18 см; форма лезвия не установлена. Стержень рукояти, слабо расширяясь, переходит в клинок уступом. Среди серебряных поясных деталей из погребения (рис. 3, *1—5*) были две асимметрично согнутые по одному шаблону серебряные ленточки шириной около 4 мм (рис. 2, *10*; рис. 3, *8* вверху), одинаковые с торцовыми окантовками Р-образных выступов (рис. 2, *1, 8, 9, 26, 31, 34*). Наличие ленточек не всегда отмечается исследователями, но, просмотрев только «подручную» литературу, я нашел их трижды в Кёрнье, дважды в Жамбоке и Дьёре, по разу в Тёрёкбалинте, Пахипусте, Песерадаче, Чоке, Кишзомборе «О»,— все это в аварских древностях, затем на мечах из Ирана, в Глодосах, Борисове. Обычно ленточки бывают вместе с обивкой лицевой плоскости. В Иловатке упомянуты какие-то мелкие обломки серебряных пластинок, некоторые с гвоздиком со сферической шляпкой.

Если оба выступа приложить к краю иловаткинского кинжала, они уместятся лишь там, где короче оковка наконечника и где дерево ножен сильно выщерблено: вероятно, выступы вместе с концами портупеи грубо отломили от ножен во время погребальной церемонии. Поэтому они и лежали в некотором отдалении от кинжала, на груди, вместе с портупейными пряжками. Отпадая от выступа, упругие ленточки обычно немного разгибались (рис. 2, *1, 31*) — это же видим в Иловатке, где слабо деформированы их передние концы. Реконструированный кинжал с тесно поставленными выступами (интервал не более 0,7—0,8 см) находит особенно близкую аналогию в живописи VI—VII вв. из грота 19 в Кызыле, в Восточном Туркестане (рис. 1, *18*), к сожалению, схематично изданной [26, рис. 53]. Тесно могли ставить и выступы других форм на кинжалах VI—VIII вв. (рис. 1, *14, 15, 20, 21, 27*). Вероятно, расстановка выступов зависела не только от длины кинжала, но и обуславливалась эстетическими соображениями (рис. 1) [1, рис. 2].

Большая серебряная пряжка пояса из Иловатки, типичная для VII в. (рис. 3, *1*), лежала у талии на несохранившемся конце рукояти острием к кинжалу, а на нижней части груди справа — две литые четырехуголь-

ные пряжки (рис. 3, *2, 3*), обломки серебряных пластин, в том числе от поясного наконечника (рис. 3, *5*), петли (рис. 3, *6*) и рассмотренных выше выступов, т. е. пояс мог быть брошен сверху на тело. Габариты пояса определяются большой пряжкой и наконечником; обе четырехугольные пряжки могли служить для подвешивания кинжала. Они наглухо приклепывались на углах, поэтому ремень под ними должен был иметь прорези. Ремешки кинжала продергивались сквозь пряжки, их концы закреплялись металлическими петлями (рис. 3, *4*), появившимися на поясных наборах именно в VII в. Через прорези пояса подвешено налучье на иранской статуе рубежа VI—VII вв. в Так-и-Бустане (рис. 3, *9*) [27, табл. XL, XLI]. По предположению Д. Ласло, для укрепления прорезей служили прорезные металлические пластинки, которых особенно много в аварских древностях VII в. Среднего Подунавья и одновременных им поднепровских (рис. 3, *15—23*) [8, с. 234, рис. 60, 64, 83, *1*], имеются они в VII в. и в Приуралье, и на Северном Кавказе (рис. 3, *26*). Впрочем, способы крепления ремешков были неодинаковы: часть могли пришивать под бляхой, так как не все они имели отверстия (рис. 3, *17*), а под некоторыми уцелел кусок кожи без следов прорезывания (рис. 3, *15*). Одинаковые бляшки встречены в могилах с оружием и в женских погребениях. Хронологический диапазон и область их распространения широки. Есть образцы второй половины V в. и позднее из Прикамья (рис. 3, *11*) [28, с. 72, рис. 30, *7*], из Абхазии (рис. 3, *13*) и Японии [1] (рис. 3, *12*) [29, рис. 19], второй половины VI в. из византийской крепости Садовско-Кале в Болгарии (рис. 3, *14*). Многочисленные находки VII в. я не могу здесь перечислять; на рис. 3, *15—23* даны только примеры. Они есть в Восточной Европе еще в салтовскую эпоху (рис. 3, *27—29*) и не имеют ничего общего с известными азиатскими поясами с бляхами-оправами VIII—XI вв.

Очень заманчиво реконструировать еще одни ножны, близкие иловатским, из Ровного Саратовской обл. Там найдены бронзовые «изогнутые» бороздчатые (?) «полоски» шириной 4 и толщиной 1 мм. Образец был опубликован без масштаба (рис. 3, *30*) [30, с. 74, рис. 68, *Д*], поэтому трудно решить, что ими окантовывали — седло или маленькие выступы ножен. Здесь я сделал допущение, что в рисунке П. Рау соблюдена соразмерность частей, и тогда, зная толщину изображенной пластинки можно хоть приблизительно определить размер целого. Результаты более соответствуют форме выступа ножен: высота около 3, длина около 6,5 см, так же как очертания и ширина. Но окантовка известных мне выступов ножен, в отличие от седельных, ни разу не прибивалась штифтами. Поэтому реконструкция ровненского кинжала дана лишь условно, до аналогичных находок. Кочевнический поминальный курган Д42 с кострищем в Ровном обычно датируют V в.; я уже давно отнес его ко II степной группе VI—VII вв. [31, рис. 2 (продолжение), 3, *25, 41*, рис. 5, *31*]. Если реконструкция кинжала когда-нибудь подтвердится, это будет дополнительной взаимопроверкой дат.

Новый свет на историю восточноевропейского оружия проливают широко известные остатки парадного комплекта из меча и кинжала второй половины VII в., найденные в Глодосах на Украине (рис. 4). Уцелели незначительные обломки железа и неполный набор золотых инкрустированных обкладок [32, с. 25, 26, 29, 30, рис. 10, *1, 4* 15, *1, 3*, 19, *7, 10, 12, 21*, табл. VI, VII], что оставило простор для догадок и домыслов. А. Т. Смиленко пыталась реконструировать только меч, исходя из допущения, что он был похож на знаменитый перещепинский с рукоятью, завершенной массивным кольцом [33]. Естественно, что золотой глодосский футляр со сплошным донышком она посчитала наконечником ножен (рис. 4, *1, 2*) и изобразила меч с гладкой рукоятью и пресловутым кольцом, следов которого в находке не было [32, с. 25, рис. 20]. Под влиянием установившихся взглядов на перещепинский меч она и глодосский считала однолезвийной саблей. Эта реконструкция ни у кого не вызвала сомнений, не

[1] Дата сообщена В. Анадзава.

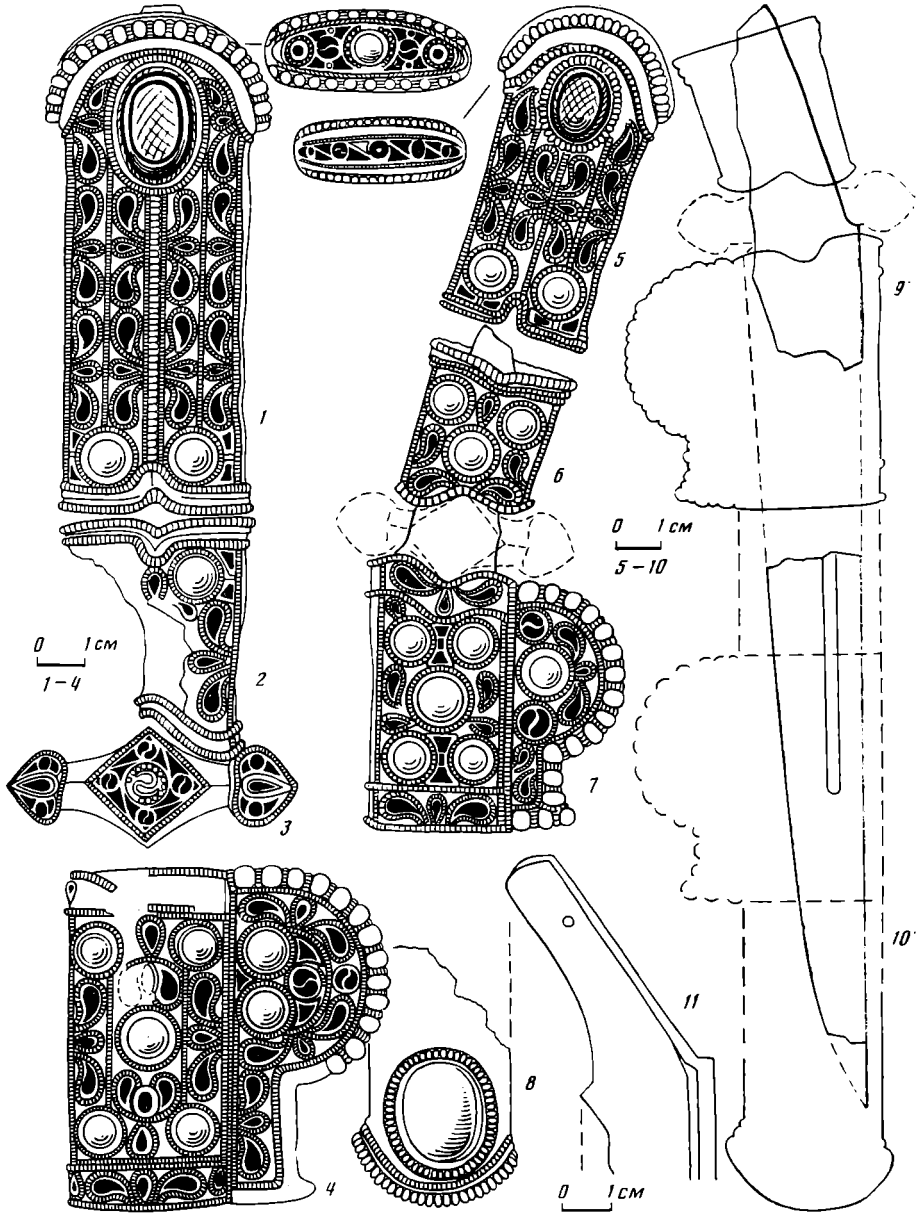


Рис. 4. Части оружия из Глодос и Вознесенки на Украине. *1–10* – Глодосы (реконструкция); *11* – Вознесенка. *1–8* – золото, инкрустация; *9*, *10* – железо и золото; *11* – железо

раз она цитировалась и мною. Сомнения возникли у меня лишь тогда, когда я попытался восстановить кинжал, не привлекавший до сих пор внимания исследователей.

Очень важно, что глодосские меч и кинжал сделаны одним комплектом (детали меча немного крупнее), поэтому утерянные детали одного можно представить по сохранившимся частям другого. Единственная уцелевшая обойма кинжала с Р-образным выступом имеет фигурно вырезанный край (рис. 4, *7*), совпадающий очертанием с краем ромбической крестовины меча (рис. 4, *3*). Следовательно, обойма оформляла устье ножен, кинжал тоже имел ромбическую крестовину. Но поставленная, как обычно, перпендикулярно клинку крестовина прилегала бы только к левой половине устья, а справа остался бы зазор. Более того, малый футляр от кинжала (рис. 4, *6*) тоже имел вырез зеркальный вырезу устья. Если поставить их края параллельно, четко обрисуется утерянная ромбическая крестовина (рис. 4, *6*, *7*) и рукоять окажется наклонной к клинку: кинжал был коленчатым. Естественно, что большой футляр, продолжающий малый, будет завершением рукояти (рис. 4, *5–7*). Отсюда понятно, почему

его овальный торец украшен особенно тонким орнаментом: на рукояти он обращен вперед и вверх.

Обращение к аналогиям подтвердило эту реконструкцию. С VII по XX в. на устье ножен делали такой вырез для более плотного смыкания с ромбической крестовиной. На приблизительно одновременном глодосским вещам среднеазиатском блюде VII в. из Кулагыша [4, табл. 21: 34, с. 61] изображены мечи, на ножнах которых с двух сторон хорошо виден подчеркнутый кольцевым валиком вырез устья — при наложении прорисей он совпадает с очертаниями крестовины (рис. 1, *32*). Вырез и валик в местах соприкосновения с крестовиной имеются на роскошном танском прямом мече первой половины VIII в. из японской сокровищницы Сёсоин (рис. 5, *10*) и слабо изогнутом мече (сабле) японской работы начала IX в. из кургана Нисиноямa в Киото [35, табл. 10; 36, рис. 6, *6*, *7*]. Вырезы на устье и основании рукояти есть на многих салтовских мечах (рис. 5, *11*), далее эта традиция прослеживается на саблях с «огнивом» вплоть до XX в. Соединение деталей глодосского кинжала представляется достоверным.

Железные обломки (рис. 4, *9*, *10*), которые А. Т. Смиленко сочла клинком сабли, не могут быть таковыми уже потому, что имеют дол. На ранних саблях дол не обнаружен, зато обычен на ножах и кинжалах. Один обломок явно коленчат и имеет уступ в месте перегиба (рис. 4, *9*), он точно «вкладывается» в золотой футляр кинжала (рис. 4, *5—7*. *9*. *10*; рис. 5, *2*). Длина клинка графически реконструируется в пределах 18—20 см. Очень близкий обломок полосы кинжала происходит из кочевнического жертвенного комплекса VIII в. у Вознесенки в г. Запорожье (рис. 4, *11*) [37, рис. 4]. Судя по изображениям и находкам, концы рукояти и ножен нередко оформлялись одинаково. Исходя из этого, а также учитывая диаметр, к кинжалу надо отнести и кусок гладкой золотой трубки с большим агатом, завершенный поясками рубчатой проволоки (рис. 4, *8*; рис. 5, *2*). Коленчатые кинжалы широко представлены изображениями VII в. в живописи Средней Азии и Восточного Туркестана (рис. 1, *18—23*), резьбе хазар Дагестана и тюрок Семиречья (рис. 1, *24—26*). На тюркских статуях они известны и в VIII в. Археологические находки ограничиваются VIII—IX вв.: Уйбат, Тополя, Борисово [38, с. 112, 113, рис. 68]. Таким образом, глодосский кинжал не только самый роскошный, но и самый древний из них. Носили эти кинжалы слева, горизонтально у пояса, рукоятью и лезвием вверх; название «уйбатские» чисто условно: у европейских кочевников они были столь же привычны, как у сибирских или у согдийцев и тохаров (рукоятки тюркских кинжалов обычно сильнее отогнуты, чем у прочих). Вновь перед нами пример чрезвычайно широкого одновременного распространения сходного вооружения даже «малых форм».

Глодосский меч легко реконструируется по аналогии с парным ему кинжалом. У него такая же, но более крупная рукоять из двух золотых четырехгранных футляров, нижний сохранил часть выреза для стыка с крестовиной (рис. 4, *1—3*). Уцелевшая обойма с прямым краем (рис. 4, *4*) находилась в середине ножен, а передняя, с вырезом для крестовины, утеряна. Ножны могли завершаться гладкой золотой трубкой с агатом (уцелел обрывок) и, по-видимому, бордюром из золотых шариков с перемычками, как на торце рукояти (рис. 5, *1*). Именно так оформлен кинжал в живописи Варахши VIII в. (рис. 1, *27*) [2, табл. XII; 39, с. 35]. Сравнение с глодосским мечом позволяет понять, что кроме пояска бус там были гладкие золотые полоски. Таков же набалдашник роскошного меча солнечного божества в живописи Фундукистана (рис. 1, *33*) [40, рис. 195, 199], датированной монетами после 689 г. [41, с. 313]. Эти аналогии подтверждают дату глодосской находки не ранее второй половины, а может быть, и последней трети или четверти VII в. О месте детали с продольным поясом [32, табл. II, *4*] остается гадать: судя по перещепинскому мечу, так могли украсить и промежуток между выступами, и нижнюю часть ножен. Рукояти меча и кинжала, вероятно, были длиннее, чем золотые обкладки: в середине оставался непокрытый кусок де-

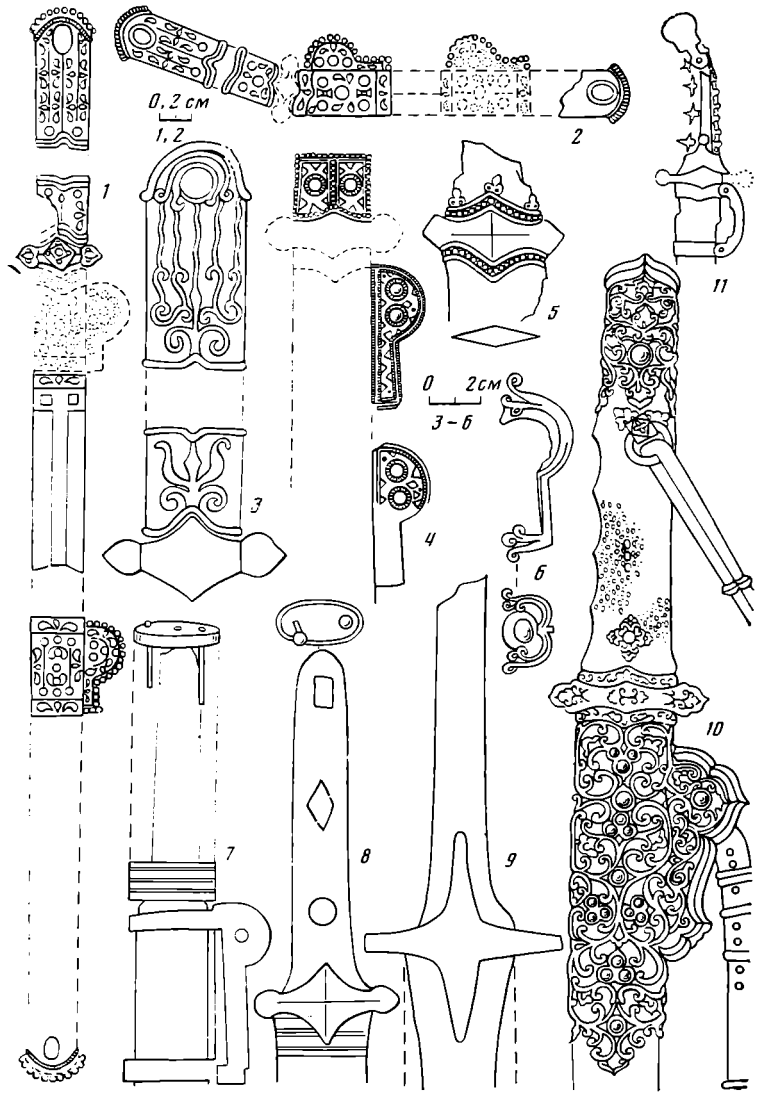


Рис. 5. Оружие второй половины VII–IX вв. *1, 2* – Глодосы; *3* – Вознесенка; *4–6* – Малая Перещепина; *7* – Кечкемет-Баллосёг, могила 1; *8* – Игар, находка 3; *9* – Бадьог, могила 8; *10* – Сёсоин; *11* – Восточная Европа (в Венском музее, схема). *1–6* – Украина; *7–9* – Венгрия; *10* – Япония; *1–4* – реконструкция

рева, как это было на мече из Тураева в Татарии [28, рис. 15], мечах VII в. из Учтепе в Азербайджане [42, рис. 26, *1*] и аварских [6, табл. I, II; 10, рис. 1, 7, *5*], то же предполагается для иранских мечей VII в. [24, рис. I, фото 1]. К близким выводам о первоначальном облике глодосского меча пришел, по его сообщению, и А. В. Дмитриев, что особенно важно, на основе прямой аналогии в материалах его раскопок.

Глодосский меч необоснованно называют «саблей», хотя данных о его клинке нет. Считалось, что для кочевников Восточной Европы типичны слабоизогнутые, как сабли, мечи с кольцом на рукояти, подобные перещепинскому. Но за прошедшие 70 лет мечи с кольцом у нас больше не найдены, а их единственный представитель из Перещепина, как стало ясно после работ Ч. Балинта,— это обычный для авар Среднего Подунавья вариант меча с кольцом на рукояти, с очень своеобразной крестовиной в виде высокой трубчатой обоймы, имеющей два маленьких поперечных выступа посередине, и с парой трехлопастных выступов на ножнах [8. табл. XLVI, LII; 10, с. 182, рис. 7, *1–5*; 33; 43, с. 26, 27, табл. 29, *7*, 44, табл. 7]. Все такие мечи прямые и к саблям не имеют никакого отношения. Сам перещепинский меч с кольцом, вероятно, был для Восточной Европы экзотикой. Он или привезен от авар, или сделан

под их влиянием. Много говорят об азиатском происхождении мечей с кольцами, и, вероятно, справедливо. Но при этом забывают, что в деталях они сделаны иначе, чем аварские (например, в живописи Афрасиаба, на тюркских статуях), что в каждом месте их характеризует свой устойчивый набор признаков и что пока нет данных говорить о проникновении типа аварского меча во всем его своеобразии из какого-то конкретного района Азии.

Кроме меча с кольцом в Перещепине был еще мало известный археологам меч с массивной ромбической крестовиной, как в Глодосах, и прямым обоюдоострым клинком. Его рукоять и устье ножен тоже имели У-образные вырезы, окантованные крупной золотой зернью (рис. 5, *5*) [44, табл. 7; 45]. По технике обильного зернения и инкрустации объединяются в комплект золотые Р-образные выступы и пластинка с таким вырезом, что к нему вполне могла примыкать еще одна ромбическая крестовина (рис. 5, *4*). Две золотые детали в восточном стиле (рис. 5, *6*) тоже могли быть частями одного предмета (не меча ли, что изображен на рис. 5, *5*?). До полной научной публикации перещепинских находок можно только гадать о деталях, но уже сейчас даже по попавшей в печать неполной информации видно, что основное оружие отражало не аварские традиции, а близкие глодосским. Прямые однолезвийные мечи с ромбическими крестовинами и фигурными золотыми футлярами на рукояти оказались также в несколько более позднем комплексе из Вознесенки (рис. 5, *3*) [46, рис. 36], а часть характерной рукояти — в Келегеях, синхронных Перещепину.

Таким образом, социальная верхушка кочевников VII в. и первой половины VIII в. на территории Украины использовала длинные прямые мечи, обоюдоострые и однолезвийные, по оформлению рукояти и крестовины восходящие к иной традиции, чем мечи авар Среднего Подунавья. Подобные массивные с ромбическим огнивом крестовины, окантованные валиком вырезы устья ножен и основания рукояти часто изображались в живописи и торевтике Согда VII—VIII вв., живописи Афрасиаба и Пенджикента (рис. 1, *16, 23, 32, 34*). Металлические трубчатые облицовки концов рукояти со встречно расположенными вырезами представлены на мечах VII в. из Ирана [10, рис. 1; 24, рис. 1]. Эта группа оружия была популярна в Азии вплоть до Дальнего Востока (рис. 5, *10*). И. Вернер предполагает, что ромбические крестовины, как в Глодосах, характерны и для византийских мечей, впрочем еще мало известных [43, с. 26, 27]. Возможна общность и этих элементов вооружения в Византии и на Востоке, как отмечалось археологами для защитного доспеха.

Рассмотренные крестовины с поперечным расширением от прямых мечей не надо смешивать с похожими на первый взгляд крестовинами изогнутых аварских сабель, распространенных на рубеже VII—VIII вв. на среднем Дунае. Некоторые из них коротки и массивны, близки глодосским и восточным (рис. 5, *8*), но у авар не было вырезов и валиков на устье ножен: у них крестовина при вдвигании сабли в ножны налегала на поверхность прямого устья сверху. Очень редко встречается у сабель традиционная для аварских более ранних мечей трубчатая оковка вместо крестовины (рис. 5, *7*). Преобладали же высокие крестообразные крестовины (Бадьог, Сегед-Атокхаза, Сегед-Фехерто, Вацхартьян и девять штук в Желовцах; рис. 5, *9*), почти такие, как у «турецких» сабель развитого и позднего средневековья. Считается, что неплотно прилегающая к клинку высокая крестовина была нужна при фехтовании саблей [47, с. 42]. Известно более 26 пунктов находок аварских сабель в Среднем Подунавье [48; 49, рис. 25]. Сначала они заметно изогнуты [50, рис. 14, *4, 5*], но в течение VIII в. клинки выпрямляются так, что только форма крестовины указывает на их связь с саблями. Внезапное появление и быстрое исчезновение изогнутой сабли у авар связано с какими-то особенностями военного дела в этой области. Иногда это связывают с притоком в последней трети VII в. восточноевропейских кочевников, возможно болгар. Но в Восточной Европе настоящая изогнутая сабля второй половины VII в. представлена только раз изображением из Чирюрта. Найденный

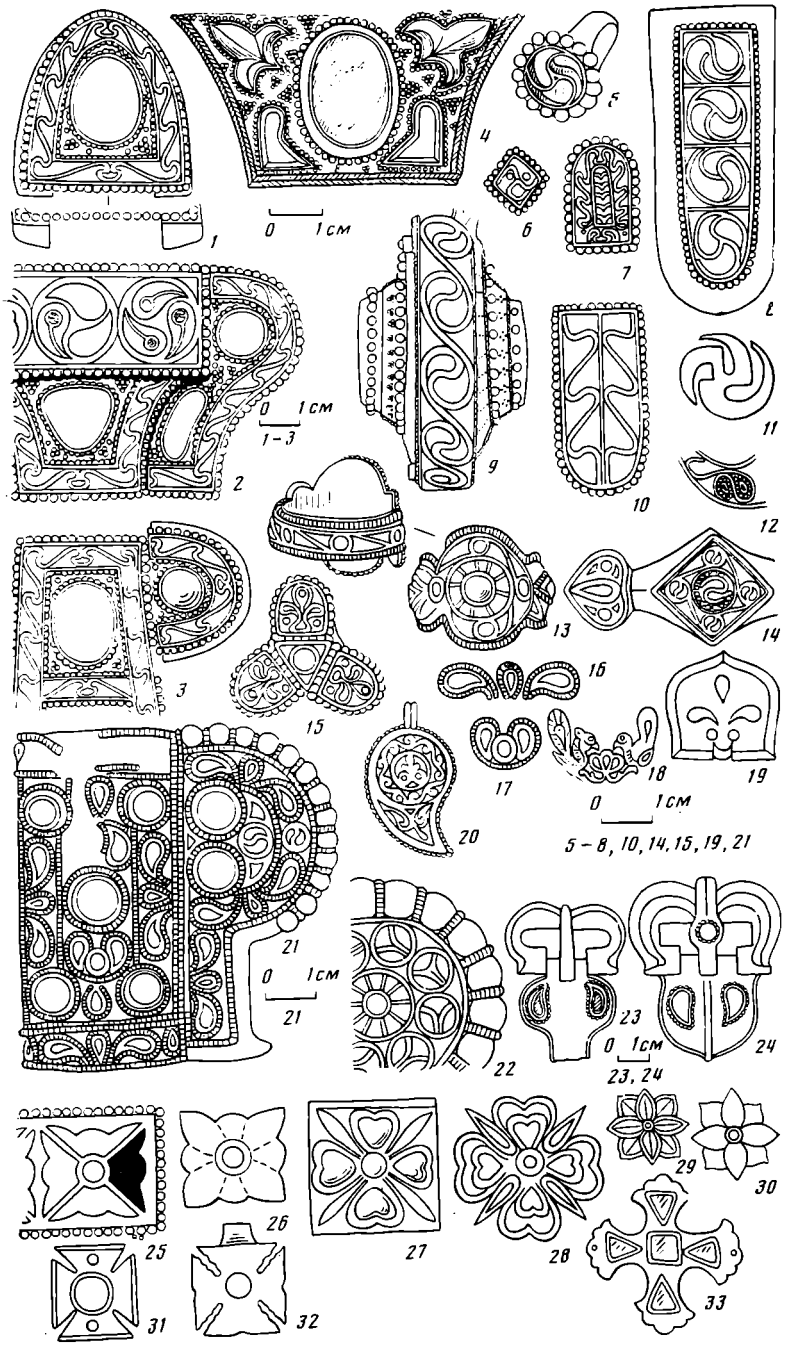


Рис. 6. Декор оружия из Керим-ло, Борового, Глодос и его аналогии. *1–3* – Керим-ло; *4, 25, 26* – Боровое (*26* – реконструкция возможного прообраза); *5* – Южная Сибирь; *6, 7, 15* – Керчь; *8* – Турбаслы; *9, 12* – Джигинская; *10* – Кабардино-Балкария; *11* – Накш-и-Раджаб; *13, 22* – Тотипуста; *14, 16, 17, 21* – Глодосы; *18, 20* – Мерсин; *19* – Суук-Су, могила 67; *23, 24* – Мокрая Балка, могила 122; *27* – Тилля-тепе; *28–30* – Так-и-Бустан; *31* – Ниш; *32* – Краснореченское городище; *33* – Дуратон, могила 284. *1–3* – Корея; *4, 25, 26* – Казахстан; *6, 7, 15, 19* – Крым; *8* – Башкирия; *9, 10, 12, 23, 24* – Северный Кавказ; *11, 28–30* – Иран; *13, 22* – Венгрия; *14, 16, 17, 21* – Украина; *18, 20* – Турция; *19* – Крым; *27* – Афганистан; *31* – Югославия; *32* – Киргизия; *33* – Испания

там же прямой клинок с сильно загнутым концом совершенно необычен для сабель, теперь уже хорошо известных. Оружие кочевников с территории Украины правильнее называть мечами. На них не заметно никакого влияния формы сабли, их роль в сложении сабли неясна. Нет оснований сопоставлять с саблями и прямой меч из Арцыбашева только из-за того, что насад рукояти у него сдвинут к спинке и слегка скошен. В неоднократно цитированной мной книге П. Ульсена [1] публикуются

шведские «саксы» с сохранившимися деревянными рукоятями — все рукояти насажены прямо, невзирая на разное положение их железной основы. Кстати, и у настоящих аварских сабель VII—VIII вв. рукояти никогда не наклонены вперед, как это видим на саблях позднейшего времени. Искривленные клинки есть на рисунках тюркских статуй, но, как правило, они воспроизводятся в публикациях схематично и как бы «попутно»: вероятно, наличие у тюрок сабель кажется многим исследователям настолько само собой разумеющимся, что не вызывает специального интереса. Между тем это важная тема, заслуживающая монографического исследования на основе точной фиксации изображений сабель и мечей в натуре со всеми их деталями в достаточно крупном масштабе. Нужны точные развертки, чтобы исключить искажения за счет размещения рисунков на нескольких гранях статуи, подчас скругленных. Это восполнит отсутствие соответствующих археологических находок и сделает древнетюркскую саблю таким же научным фактом, как аварская.

От остальных мечей восточного типа с Украины глодосское оружие отличается особенно пышной отделкой. По золотому фону оно густо покрыто похожими на запятые прозрачными стеклянными вставками на подложенных для блеска золотых листочках, круглым жемчугом и большими слоистыми агатами. Между ними вкраплена сложная перегородчатая инкрустация. Отделка отражала южные традиции, но сравнительного материала из Византии, а особенно Ирана и Согда очень мало. На Востоке вставки в виде запятых известны мне пока только в кушанскую эпоху (бирюзовые в Тилля-тепе). Чаще этот мотив представлен в находках из Византии и ее периферии: подвески из Мерсина в Малой Азии (рис. 6, *20*) [50, табл. XVIII, *12*] и Эски-Кермена в Крыму; прорези на поясных бляшках из Крыма (рис. 6, *19*) и Румынии [19, рис. 5, *18, 27, 30, 34, 46, 51*], наконец, стеклянные вставки в зерненой оправе на пряжках из могил 100 и 122 в Мокрой Балке на Северном Кавказе (рис. 6, *23, 24*) [51, рис. 3, *26—29*]. Совпадают и группировки элементов трилистниками в Глодосах, на серьгах из Мерсина и поясных наборах (рис. 6, *15—19*). Все эти вещи сделаны в византийских традициях и относятся к VII в.

Перегородчатая инкрустация с мотивами «вихревых» розеток и «бегущих» кругов (рис. 4, *1*, *3—5*, *7*; рис. 6, *21*) представлена на византийских или подражающих византийским колтах с Северо-Западного Кавказа (рис. 6, *9*, *12*), из Поволжья [50, рис. 115—119], Башкирии, на подвесках из Глодос [32, табл. III, IV], на детали меча из Перещепина, поясном наконечнике из Башкирии (рис. 6, *8*) [52, табл. II, *4*], пластинке из Верхнего Чирюрта в Дагестане, на перстне и застежке из аварской могилы в Тотипуста в Венгрии (рис. 6, *13*, *22*) [5, рис. 25, 26]. Обрисовывается довольно кратковременный пласт художественных изделий разного качества, распространенных в Восточной Европе и на Среднем Дунае и явно связанных с имеющим более глубокие традиции ювелирным ремеслом Византии и Среднего Востока. Последнее представлено близким им по декору кинжалом из Керми-ло (рис. 6, *1—3*; рис. 7, *1*). Золотые ожерелья из Глодос имеют параллели в названном круге вещей по декору, а по форме — в согдийской живописи Афрасиаба [2, табл. XXIV, XXVI]. Впрочем, не всегда можно по стилю уверенно определить происхождение вещи. Так, можно было думать, что чрезвычайное распространение во второй половине VII и VIII в. обильно зерненых изделий [10, рис. 12] связано с влиянием Ирана, откуда известен великолепный образец этого стиля [10, рис. 8]. Но сделанные в том же стиле обильно зерненые оправы аварского меча из Перещепина изготовлены византийским ювелиром, судя по греческим меткам на обороте рукояти [33].

Создается впечатление, что в VII в. как следствие интенсивных связей мастеров установилась определенная общность технических приемов и декоративных мотивов на территории Ближнего (Византия), Среднего Востока, Кавказа и кочевого мира по крайней мере в искусстве украшения сравнительно дорогих предметов воинского обихода. Широко известна и окантовка крупными золотыми шариками (Согд, Афганистан, Европа),

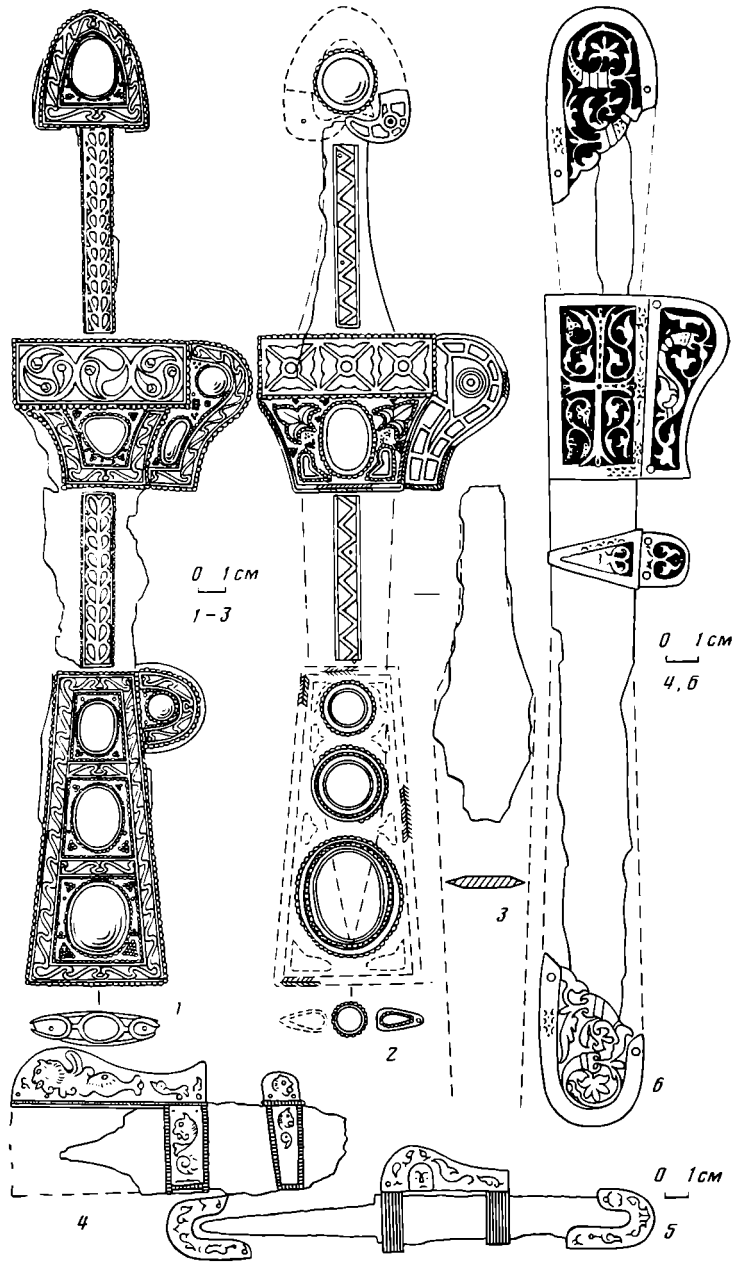


Рис. 7. Кинжалы в ножнах с перехватом. *1* – Керим-ло; *2, 3* – Боровое (реконструкция); *4* – Киуси; *5* – Ночера Умбра, могила 84; *6* – Кастель Тросино, могила «Ф». *1* – Корея; *2, 3* – Казахстан; *4–6* – Италия. *1–3* – золото, сердолик, гранат, железо; *4, 6* – золото и железо; *5* – серебро и железо

но обычай прокладывать между шариками проволочные колечки пока зафиксирован только в Глодосах, Ветрене в Болгарии и Тотипусте в Венгрии (рис. 6, *21*, *22*), т. е. в кругу кочевнической знати Украины и Подунавья. И форма мечей, подобных глодосскому, и их декор — все уводит в пестрый мир связей народов и государств Востока и Запада. Часто пишут о влиянии военного дела кочевников на оседлый Восток, но, по-видимому, и обратное влияние Востока (Согда, Ирана, Тан) на кочевую знать, а через нее и на рядовую массу степняков было не менее разносторонним.

Хотя археологические находки подлинных средневосточных кинжалов крайне редки, они представлены великолепными образцами. Обломки такого кинжала из Борового в Казахстане (рис. 2, *18*; рис. 6, *4*; рис. 7, *2*) многократно публиковались как предметы неизвестного назначения

[53, рис. 3, 4, 6, 10; 54, табл. 14, *1–6*, *10*, *11*, *18*, *20*, *21*, *26*, *27*; 55, с. 43–51, № 13–19, 27, 28, 30–32, табл. III, *16*, *27*, *28*, *32*]. Только Р-образный выступ был определен И. Вернером как деталь ножен предположительно узкого короткого однолезвийного гуннского меча-сакса [54, с. 45, 46, табл. 14, *19*]. Еще в коллекции был обломок железного обоюдоострого клинка (рис. 7, *3*), который М. Н. Лентовский определил как нож, А. Н. Бернштам — как копье [53, с. 216, 222, рис. 10; 56, с. 13]. Лишь после того как В. Анадзава ознакомил меня с новой находкой в Керим-ло (Корея), сразу стала ясна истинная взаимосвязь целой группы мелких предметов из Борового (рис. 7, *1–3*) [31, с. 15].

Единственный целый кинжал этой формы найден в 1973 г. при раскопках гробницы 14 в местности Керим-ло, недалеко от корейского города Кёнджу, бывшего в раннем средневековье столицей царства Силла, в непосредственной близости от знаменитого царского кладбища, давшего серию богатейших курганов. Их подробный обзор и хронология сделаны Акио Ито [57]. Предполагают, что над гробницей 14 тоже имелся курган, насыпь которого не сохранилась. Погребальная камера 3,5 ×1,2 м сложена из плит. Инвентарь довольно скромен по сравнению с богатыми могилами того же некрополя: меч с кольцевым навершием, седло, несколько стремян, керамика, бронзовые сосуды, пара золотых серег, нефритовое ожерелье — обычный набор находок из могил силланской знати. Неожиданным был кинжал — «редкий шедевр полихромного стиля, до сих пор неизвестного на Дальнем Востоке» [58, с. 274]. Как и в Иловатке, он лежал поперек тела с правой стороны, но рукоятью вправо (считая со стороны покойного). Опубликована только предварительная информация о раскопках и хорошая цветная фотография [59; 60, с. 69]. Особенно недостает данных о сопровождающих находках, нужных для точного датирования комплекса. Все появившиеся в печати сведения собраны и проанализированы В. Анадзава и Дз. Маномэ в специальной работе [58].

Лицевая сторона рукояти и ножен кинжала из Керим-ло покрыта золотыми пластинами, великолепно инкрустированными красным сердоликом (яп.: мэно, кит.: манао — значение термина разъяснил Э. Шефер [61, с. 301, 302]). Местами возвышались выпуклые камни, не все сохранившиеся. Все окантовано крупной зернью, а слегка углубленный фон между гнездами заполнен треугольниками мелкой зерни — своего рода «боязнь пустоты», проявленная и на кинжале из Борового (рис. 6, *1–4*). Набалдашник имеет форму коробочки, но, вероятно, сзади она не сплошная, судя по фотографии. Набалдашник и ножны слабо двускатны по продольной оси, как и в Боровом. Донышко ножен овально. Широкие пластинчатые «крестовины», очевидно ложные, составляют часть ножен, так как на деталях из Борового есть следы отрывания от «крестовины» Р-образного выступа и трапециевидной пластины. Особенно ярко это видно на цветной фотографии [55, табл. III, *27*]: широкий край трапеции поврежден, к крестовине прилипли две маленькие золотые зернинки, отломившиеся от окантовки правого граната в виде цветка (рис. 6, *4*). Следовательно, первоначально эти детали были прочно соединены в одно целое. Нет следов настоящей крестовины и на остатках клинка из Борового (рис. 7, *3*). Выше говорилось, что декоративные ложные крестовины на ножнах встречались очень долго: у скифских и иранских мечей VII в. до н. э., на кинжалах II–V вв. [1, рис. 1, *1, 2, 4, 5*]. Сохранился этот декор и в VI–VII вв.

В Боровом удалось собрать полностью только верхнюю часть ножен и определить, по аналогии с Керим-ло, расположение округлых сердоликов. Обкладки золотые; устье, выступ и донышко отделаны гранатами, рукоять и низ ножен — красными сердоликами, на крестовине добавлены зеленые кружочки. Описания А. Н. Бернштама и И. П. Засецкой весьма неясны, нет ни разрезов, ни видов с оборотной стороны. Как можно догадаться из описания [55, с. 50], Р-образный выступ деревянный (толщина не указана), с лицевой стороны обит золотом, с оборотной — серебром и имеет на обороте «пластинчатую петлю» для ремешка портупеи.

Серебро подложено как основа и других золотых деталей. Из бронзы с химической позолотой сделаны инкрустированные полоски на рукояти и середине ножен с напаянной перегородкой зигзагом и головка птицы — все со следами приколачивания. Головка явно входит в комплект кинжала и могла быть деталью набалдашника (рис. 7, *2*). Среди опубликованных вещей нет никаких следов второго выступа ножен, а также отделки краев их нижней части. В Керим-ло верх и низ ножен окантованы одинаково. Поэтому предполагаю для Борового бордюр из двойной «веревочки», и, возможно, небольшие вставки гранатов, как внизу трапециевидной пластины. Мой анализ кинжала из Борового подробно приведен в статье В. Анадзава [58, с. 245, 256—258, 264—268], за что я ему очень благодарен.

По серьгам и другим опубликованным предметам В. Анадзава и Дз. Маномэ убедительно связали гробницу в Керим-ло с периодом С по хронологии А. Ито, т. е. с 520—600 гг. Они считают, что дату можно будет сузить после публикации всех находок из погребения. Кроме того, им удалось найти почти точную аналогию кинжалам из Керим-ло и Борового в росписях грота 69 в Кызыле, в Восточном Туркестане (рис. 1, *11*), которые историк искусства Акира Миядзи датировал второй половиной VI в. [58, с. 276, табл. 5, *1*, *2*, рис. 2, *3*]. Даты находки и изображения совпали. Кинжалы с перехватом в середине ножен появились уже в V в.— в живописи храма II Пенджикента (рис. 1, *1*, *2*) [39, с. 34; 62, табл. XVII], но заметно отличаются от последующих. Висят они почти горизонтально, ясно видны оба ремешка, причем сзади нет выступа, а спереди выступ двусторонний, как крестовина. До новых находок их устройство неясно. Кинжал с двумя полукруглыми выступами (рис. 1, *6*) изображен на сасанидском блюде, хранящемся в Париже [17, рис. 14, *41а*] и, по Б. И. Маршаку, относящемся к Перозу II (457—483 гг.) (цитируется в [58, с. 269]). Остальные изображения уже VI—VII вв. Это живопись Восточного Туркестана (рис. 1, *7—9*, *11*) [26, рис. 12, 13, 51, 191а; 58, рис. 3, *2*, *6*, *7*, *9—12*; 62, рис. 14, *50аб*; 63, с. 27—29; 64, рис. 15, 16, табл. XLVIII, XLIX]. В схематических прорисях. А. Грюнведеля такие кинжалы показаны без выступов (рис. 1, *9*), но, в публикации точной цветной копии выступы есть (рис. 1, *8*). В тех же росписях часто есть и простые кинжалы с Р-образными выступами (рис. 1, *9*, *18*), что хорошо подчеркнули В. Анадзава и Дз. Маномэ при подборе иллюстраций [58, рис. 3, *6*, *7*, *9—12*]. Один кинжал (рис. 1, *8*) нарисован в руках царя оазиса Куча, его имя повреждено в надписи, но уцелело имя царицы — Свая(м)пра(бха), известной по документам конца VI в. [63, с. 29]. У восточнотуркестанских кинжалов с перехватом, изображенных в живописи VI—VII вв., необычно высокая крестовина — такая же, как безусловно ложная крестовина в гроте 69, где Р-образный выступ даже соединен с нею накладным кружочком (рис. 1. *11*). Вероятно, кинжалы с перехватом и ложной крестовиной были особенно распространены в Восточном Туркестане, причем крестовина то охватывалась сбоку выступом, то не охватывалась и выступы встречались разных форм. Часть ножен имеет заостренный конец, напоминая индийскую «ваджру» (палицу-молнию), но не исключено, что это тоже ножны с прямым дном, лишь художник так подчеркнул их двускатность (рис. 1, *8*).

Еще определеннее данные по Согду. В знаменитом I зале дворца на Афрасиабе кинжалы с перехватом изображены шесть раз (рис. 1, *4*, *5*. *10*) и только на коренных жителях Средней Азии [2, табл. VI, XXIII, XXVII; 65, рис. 1, *1*, *4*]. В деталях они довольно разнообразны, показаны и инкрустации, а на одном экземпляре — тот же набор из Р-образного и полукруглого выступов, как в Керим-ло. Но крестовины здесь, по-видимому, настоящие, а концы ножен расширены слабее. Не следует видеть в этом хронологические отличия. Форма крестовин (среди них ложных, охваченных сбоку выступом), степень расширения концов — все это находится в пределах сильных вариаций, наблюдавшихся на других кинжалах VII в. Например, в соседнем с Самаркандом Пенджикенте, судя по росписям VIII в., концы ножен с перехватом вновь очень

широки (рис. 1, *12*), но вместо выступов на них и многих мечах — розетки, а крестовины получили ромбическое «огниво». Низ ножен иногда декорирован так, как на кинжале из грота 69 в Кызыле [2, рис. 55, *1, 3,* 57; 62, табл. XXXVII—XXXIX; 66, с. 31, рис. 27, 28, 30]. Кинжал с перехватом был очень популярен в Согде VII—VIII вв. Афрасиабская аналогия кинжалу с непарными выступами из Керим-ло и (?) Борового датируется В. Анадзава и Дз. Маномэ около 660-х годов по танским аналогиям в костюмах [67]. А. М. Беленицким и Б. И. Маршаком по историческим данным о царе Вархумане — между 655 и 675 гг. [39, с. 35]. Так что по данным живописи, кинжалы в ножнах с перехватом и непарным Р-образным выступом употреблялись согдийцами и тохарами в течение второй половины VI и VII в.

Казалось бы, все эти данные надежно определяют дату кинжалов из Керим-ло и Борового. Но среди археологов давно принято датировать могилу в Боровом первой половиной V в. Впервые это сделал А. Н. Бернштам, без всяких доказательств отождествив ее с совсем непохожими европейскими древностями гуннской эпохи [53]; затем дата прочно вошла в обиход без дополнительного обоснования. Необычность Р-образного выступа в столь раннее время ни у кого не вызвала сомнений, учитывая тенденцию к занижению дат находок из «Тамани» и «Мойграда». Находку из Борового использовали то при поиске прототипов для «сакса» из Турнэ, то для объяснения, откуда авары 568 г. принесли свои мечи с такими выступами. Занимаясь степными древностями, я обратил внимание на полное отличие древностей типа Борового от правильно относимых к V в. древностей типа Новогригорьевки и Березовки, выделил их в отдельную III группу и датировал в пределах VI—VII вв. по сильному несовпадению их ареала с областью бесспорных находок времени «государства Аттилы» и по наличию ряда аналогий в памятниках VII в. Здесь нет места повторять эту аргументацию, поэтому отсылаю читателей к соответствующим работам [17, с. 116—120, рис. 10, 11, *2*; 31, с. 12—15, 17, 18, 21, 22, рис. 2, *3*, 3, *24, 29, 53*. 5, *24*, 7, *6, 8—15, 17, 19, 21,* 10; 68]. Скажу лишь, что датировать III группу трудно, остается большой простор для дискуссий, и тем важнее появление таких датированных VI в. аналогий, как кинжал из Керим-ло и живопись грота 69 в Кызыле.

Аналогии VII в. нашлись и далеко на западе, в Италии. Там завоеватели лангобарды дополнили свои обычные тяжелые мечи с накладным кольцом на набалдашнике кинжалами восточного образца в ножнах с перехватом, а главное, с непарными выступами: Р-образным и полукруглым (рис. 7, *4—6*). Встает вопрос о пути, которым эти кинжалы попали в Италию. Есть мнение, что лангобарды принесли их в 568 г. из Паннонии, где заимствовали у авар, а те переняли их в Азии в первой половине VI в. Именно из этой теории исходил Б. И. Маршак, датируя кинжал из Керим-ло первой половиной VI в. Но у авар подобные кинжалы не найдены, а лангобардские сделаны с чуждой обоим народам чисто византийской орнаментикой: фигурами дельфинов, морских чудовищ, рогов изобилия, «процветшего» христианского креста. Собственно-лангобардские мечи несут совсем другую, древнегерманскую звериную орнаментику. Кинжалы сделаны византийскими мастерами и обычно бывают в тех могилах, где много и других византийских изделий. Прав Н. Оберг, назвавший их византийскими [69, с. 101—103, рис. 161—163; 70, с. 86, 87, рис. 82, *1*], а В. Анадзава и Дз. Маномэ — еще точнее: византийскими подражаниями восточным образцам [58]. Проникновение восточных кинжалов в Византию надо сопоставлять с усвоением в VII в. прямых мечей с ромбической крестовиной, как в Глодосах или Коринфе [43, с. 26, 27; 71], и азиатского доспеха. Это естественно при интенсивных военных, дипломатических и культурных контактах Востока и Запада.

Наряду с формой кинжалов из Керим-ло и Борового следует рассмотреть их орнаментику. Применение в Боровом выпуклых камней в виде цветов находит соответствие в Пенджикенте [3, с. 111, рис. 74, *2*] и Киргизии [72, № 144]. Крупный крестовидный узор устья (рис. 6,

4, 25, 26; рис. 7, *2*), исходя из внешнего контура гранатовых пластин, можно считать вариацией восьмилепесткового цветка лотоса, вписанного в квадрат,— мотив, известный в ювелирных изделиях и текстиле Среднего Востока как в I—II вв. (рис. 6, *27*) [73, рис. 48, 49], так и в VI—VII вв. (рис. 6, *28—30*) [13, табл. LII, LIII, LVII, LXXXIX и Балалык-тепе]. Он проник и в Византию, но известные мне образцы сильно утрированы, чувствуется их вторичность. В Боровом каждый гранатовый «цветок» разделен на четыре части диагональными перегородками. Возникает вопрос: или это чисто технологический прием, или мастер мог так изобразить христианские кресты? Равноконечные широколопастные кресты с кружком в центре обычны в V—VII вв. у византийцев и их соседей. Среди них экземпляры с особенно узкими промежутками между лопастями, как в Боровом, встречаются редко: две брошки VI в. из Югославии (рис. 6, *31*) [74, табл. VI, *20, 29*], рисунок в центре щитка орлиноголовой дунайской пряжки VI в. из Косева в Польше, константинопольский пробирный штемпель 613—630 гг. на чаше с Силеном из д. Мальцевой, наконец, нефритовый нательный крест VIII—IX вв. из Киргизии (рис. 6, *32*) [72, с. 259, № 261а]. Кресты из Борового имели как бы «процветшие» концы в виде лотосов. И этот мотив есть на брошах VI в. из погр. 284 вестготского кладбища Дуратон в Испании (рис. 6, *33*). Приблизительные аналогии распространены очень широко, но трактовка «цветов» все-таки ближе средневосточной. Использование христианских символов было вполне возможно из-за проживавших там многочисленных христиан. Тем более, что изображение целого бордюра из крестов, по-видимому, исключает их культовое назначение: мотив трактован мастером и заказчиком скорее как оберег, подобно вихревым розеткам в Керим-ло.

Декор кинжала из Керим-ло еще менее специфичен и имеет аналогии только на изделиях VII в. Это не значит, что его дату надо ограничить названным столетием, просто аналогии происходят из могил кочевнической знати, массово появившихся в степи и в Дунайском бассейне именно в это время, а VI в. пока почти не представлен степными памятниками, вероятно, из-за меньшей стабильности обстановки в степи в VI в. Мотив трикветра, или изогнутых «тяжелых капель» на «крестовине» (рис. 6, *2*), присущ искусству разных народов, будучи древним символом солнца и кругооборота. В Иране он входил в число царских символов Сасанидов, помещенных на шапках сыновей Шапура I (241—272 гг.) на рельефе Накш-и-Раджаба (рис. 6, *11*) [75, табл. 74]. В технике перегородчатой инкрустации мотив представлен депаспортизованным перстнем из сибирской коллекции Петра I (рис. 6, *9*), [76, табл. XXI, *47*], наконечником пояса из комплекса VII в. в Башкирии (рис. 6, *8*) [52, табл. II, *4*], на бляшке поясного набора VII в. из Керчи (рис. 6, *6*) [19, рис. 6, *30, 31, 33*] и совсем огрубленно в Тотипусте последней трети VII в. (рис. 6, 22) [5, рис. 26]. Волнистый бордюр с характерными висячими «гирьками» в местах стыка двух «волн», как в Керим-ло, повторен в той же технике на только что упомянутом поясном наборе VII в. из Керчи (рис. 6, *1—3, 7*) [77, табл. XLVI, *23*], а в совсем упрощенном виде — на северокавказских бляшках явно местной работы (рис. 6, *10*) [77, табл. XLVI, 14]. Немногие известные инкрустации Среднего Востока совсем иные. Безусловно, средневосточная форма обоих кинжалов приводит к выводу, что их изучение открывает новые страницы раннесредневекового прикладного искусства Востока и дает эталоны для поиска новых свидетельств. Аналогии их декору происходят с северной периферии великих раннесредневековых цивилизаций, где пока не всегда удается разделить византийские и иранские заимствования. Не случайно, форма выступов (рис. 2, *18*) встречается как в Иране, так и Восточной Европе (рис. 2, *15—17, 20, 21*).

Средневосточный кинжал из Согда или Восточного Туркестана мог попасть в Корею VI в. по Шелковому пути или через дипломатические сношения с тюрками. Позднее, между 655 и 675 гг., самаркандские художники изобразили корейских послов, участвующих в подношении даров

богам Самарканда [2, с. 74, 75, табл. VII; 67; 78, с. 61], а с завоеванием Ирана арабами волна иранской эмиграции докатилась в 654—676 гг. до Японии [79, с. 146]. Так что уникальность этой находки в большей мере объясняется ограниченностью наших знаний, чем реальным состоянием контактов внутри раннесредневековой Евразии.

Кинжалы с двумя выступами известны и позднее: конца VII или VIII в. из могилы 114 в Мокрой Балке на Северном Кавказе (рис. 2, *32*) [51, рис. 3, *5*], на изображении всадника IX в. с Маяцкого городища на Дону [80, рис. 9], наконец, рубежа IX—X вв. из Чечено-Ингушетии [81, с. 72, 84, 85, рис. 6—9]. Последний из них отражал новые, идущие из Азии традиции, появившиеся в Восточной Европе в салтовскую эпоху.

На скромном примере такого «малого», вспомогательного оружия, как кинжалы с двумя выступами, хорошо видны широкие связи раннесредневековых народов, глубина творческого взаимодействия разных культур и традиций на огромных пространствах Европы и Азии. Еще раз подтверждается реальность использования для этой эпохи территориально удаленных аналогий (Корея — Узбекистан — Италия или Таджикистан — Украина — Бельгия), невозможность изучать некоторые явления вне широкого сравнительного фона. Использованный материал лишний раз подчеркивает необходимость исчерпывающей фиксации и публикации комплексов, поскольку даже неопределимые сначала обломки со временем могут оказаться недостающими деталями для решения важных исторических проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А. К.* Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах.— СА, 1986, № 3.
2. *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
3. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980.
4. *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1935.
5. *Fettich N.* Garnitures de fourreaux de sabres du temps des avares en Hongrie.— Arethuse, P., 1926, avril.
6. *Csallány D.* Grabfunde der Frühawarenzeit.— FA, 1939, t. I—II.
7. *Kovrig I.* Kora-avarkori sírok Törökbálintról.— FA, 1957, t. IX.
8. *László Gy.* Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars.— AH, series nova, 1955, v. XXXIV.
9. *Salamon A., Erdélyi I.* Das völkerwanderungszeitliche Grägerfeld von Környe.— SA, 1971, v. V.
10. *Balint Cs.* Vestiges archéologiques de l'epoque tardive des sassanides et leurs relations avec les peuples des steppes.— AAH, 1978, v. 30, fasc. 1—2.
11. *Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).— СА, 1973, № 4.
12. *Finterbusch K.* Zur Archäologie der Pei-ch'i (550—577) und Sui-Zeit (518—618).— Münchener Ostasiatische Studien, Sonderreihe, B. 1. München, 1976.
13. *Fukai Sh., Horiuchi K.* Taq-i-Bustan, I.— Tōkyō daigaku iraku iran kiseki chōsadan hōkokusho, 10 (The Report of the Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition, t. X), Tōkyō, 1969.
14. *Werner J.* Spätrömische Schwertortbänder vom Typ Gundremmingen.— Bayerische Vorgeschichts-Blätter, Jg. 31, H. 1/2. München, 1966.
15. *Anazawa W., Manome J.* Kanimekugi tsuki sayajiri sougu o motsu kazaritachi to sono keitou ni tsuite (Древние церемониальные мечи с гвоздями в виде «глаз краба» и их корни).— Fukushima kouko, 1980, № 21.
16. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48.
17. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, ч. II.— СА, 1971, № 3.
18. *Bóna I.* Studien zum frühawarischen Reitergrab von Szegvár.— AAH, 1980, t. XXXII, f. 1—4.
19. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, ч. I.— СА, 1971, № 2.
20. *Толстой И. П., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. СПб., 1890.
21. *Hubert J., Porcher J., Volbach W. F.* L'Europe des invasions. P., 1967.
22. *Horedt K.* Der Goldfund von Moigrad.— Germania, Mainz am Rheim, 1977, Jg. 55, Halbband 1/2.
23. *Уманский А. П.* Погребение эпохи великого переселения народов на Чарыше.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978.
24. *Shirakihara K.* The Gold fitted Sasanian Sword in the Collection of the Tenri Sankokan museum.— Orient, 1971, t. XIV, № 2. Nippon orient gakkai.

25. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл.— МИА, 1959, № 60.
26. *Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. B., 1912.
27. *Fukai Sh., Horiuchi K.* Taq-i-Busta, II.— The Report of the Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition, 1972, t. XIII.
28. *Генинг В. Ф.* Тураевский могильник V в.— В кн.: Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
29. *Kobaysshi H., Satomura K.* Kai chazuka kofun. Kohu, 1979.
30. *Rau P.* Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebietes im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927.
31. *Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в.— В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
32. *Сміленко А. Т.* Глодоські скарби. Київ: Наук. думка, 1965.
33. *Львова С. А., Семенов А. И.* К проверке оснований реконструкции перещепинского меча.— АСГЭ, 1985, вып. 26.
34. *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. М.: Наука, 1971.
35. Treasures from the Shōso-in. Special Exhibition. Tokyo National Museum, 1981.
36. *Anazawa W., Manome J.* Kōriyama-shi ushiniwa shutsudo no shirogane-zukyri-no-tachi (Украшенный серебром меч из Усинива провинции Корияма).— Fukushima kouko, 1970, № 20.
37. *Рыбаков Б. А.* Уличи.— КСИИМК, 1950, вып. XXXV.
38. *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния южной Сибири и Монголии.— МИА, 1952, № 24.
39. *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда.— УСА, 1979, вып. 4.
40. *Hackin J., Carlet J., Meunie J.* Diverses recherches archeologiques en Afghanistan. P.. 1959.
41. *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. B. II. Wiesbaden, 1967.
42. *Иессен А. А.* Раскопки большого кургана в урочище Учтепе.— МИА, 1965, № 125.
43. *Werner J.* Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München, 1984.
44. *Ваклинов С.* Формиране на старобългарската култура. София, 1977.
45. *Айбабин А. И.* Ясиновское погребение.— СА, 1985, № 3.
46. *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї. Київ. Наук. думка, 1975.
47. *Ленц Э. Э.* Собрание оружия.— Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения Императорского Эрмитажа. Ч. I. СПб., 1908.
48. *Cilinska Z.* Frühmittelalterliches Gräberfeld in Želovce. Bratislava, 1973.
49. *Garam É.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Kisköre. Budapest, 1979.
50. *Кондаков Н. П.* Русские клады. СПб., 1896.
51. *Рунич А. П.* Аланский могильник в «Мокрой Балке» у г. Кисловодска.— МАДИСО, 1975, т. III.
52. *Мажитов Н. А.* Поселение Новотурбаслинское II.— АЭБ, 1962, т. I.
53. *Бернштам А. Н.* Находки у оз. Борового в Казахстане.— Сб. МАЭ, 1951, т. XIII.
54. *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.
55. *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Аврора, 1975.
56. *Лентовский М. Н.* Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казахской ССР. Кокчетав, 1928.
57. *Ito A.* Zur Chronologie der frühsillazeitlicher gräber in Südkorea. München, 1971.
58. *Anazawa W., Manome J.* The Problems on a Gold Dagger with Cloisonné Decorations from Kerim-le № 14 Tomb in Kyongju, Korea.— Kobunka dansou, april 1980, № 7, Kita-Kyūshu (Japan).
59. *Хан Бён сам.* Недавно найденный золотой меч, инкрустированный яшмой (на корейск. яз.).— Чунъан ильбо. Сеул, 13 июля 1973.
60. Taiyō (The Sun). Tōkyō, 1978, july.
61. *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. М.: Наука, 1981.
62. Живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
63. *Le Coq A. von.* Die buddhistische Spätantike in Mittelasien, T. VII. Graz, 1975.
64. *Grünwedel A.* Alt-Kutscha. B., 1920.
65. *Аржанцева И. А.* К вопросу о символике поясов в древности.— Пробл. истории СССР, 1983, вып. XIII.
66. *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. М.: Искусство, 1973.
67. *Anazawa W., Manome J.* Afurashiyabu to jōshi de tsuti no hekiga ni mirareru chosen hito shisetsu nitsuite (Изображение корейских послов в живописи руин дворца на Афрасиабе).— Chōsen gakuhō (Nara, Japan), 1976, № 80, july.
68. *Амброз А. К.* Итоги дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971—1984 гг.).— СА, 1985, № 3.
69. *Aberg N.* Die Goten und Langobarden in Italine. Uppsala — Leipzig, 1923.
70. *Aberg N.* The Occident and the Orinet in the Art of the Seventh Century. P. 2. Langobard Italy, Stockholm, 1945.
71. *Weinberg G. D.* A Wandering Solidiers Grave in Corinth.— Hesperia, 1974, v. 43.
72. Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1983.

73. *Сариниди В. И.* Афганистан: сокровища безымянных царей. М.: Наука, 1983.
74. *Vinski Z.* Krstoliki nakit epohe seobe naroda u Jugoslaviji.— Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu, 1968, 3. ser., svez. III.
75. *Hinz W.* Alt-iranische Funde und Forschungen. B., 1969.
76. *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I.— САИ, 1962, вып. Д3-9.
77. *Fettich N.* Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst.— AH, 1951, v. 31.
78. *Belenitski A. M., Marshak B. I.* The Painting of Sogdiana.— In: Azarpai G. Sogdian Painting. Berkeley, Low Angeles, London: Univ. California Press, 1981.
79. *Колесников А. И.* Завоевание Ирана арабами. М.: Наука, 1982.
80. *Плетнева С. А.* Рисунки на стенках Маяцкого городища.— В кн.: Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.
81. *Виноградов В. Е., Мамаев Х. М.* Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне.— В кн.: Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

A. K. Ambroz

6TH TO 8TH CENTURY DAGGERS WITH SCABBARDS HAVING TWO SUSPENSION FITTINGS

Summary

There are many Oriental descriptions of 6th to 8th century daggers having two suspension fittings (Fig. 1) but actual daggers with scabbards and hilts are found rarely. This article presents a reconstruction of a dagger from Iran (Fig. 3, *10*) and three from 7th-century nomad graves. All of them have P-shaped fittings. All that remains of the fittings of the dagger from Ilovatka on the Volga are two bands, which covered the fittings' butt-ends (Fig. 3, *8*). The recostruction of the dagger of the 6th or 7th century from Rovnoe is purely hypothetical because the printed reproduction is not quite clear (Fig. 3, *30*). The dagger from Glodosa in the Urkaine has a bent handle (Figs. 4, *5–10*; 5, *2*). The reconstruction of the Oriental dagger from a grave of the 6th-7th century at Borovoe in Kazakhstan (Fig. 7, *2, 3*) was made by analogy with a dagger found intact in Korea and date between the years 520 and 600 (Fig. 7, *1*). The author agrees with Wakou Anazawa that such objects with widened shapes were most probably made in East Turkestan or Sogdiana (Fig. 1, *3–12*). The Asian fashion of daggers having two suspension fittings spread throughout the nomad world and reached Byzantium, from where it went westward across Europe to the Germanic tribes (Fig. 7, *4–10*).

Depiction of swords with two fittings are not known earlier than the second half of the 6th century. The earliest authentically dated archaeological finds relate to the 7th century. In Iran, for example, swords with two fittings only appeared in the reign of Khosrau II (590-627), where during Taq-i-Busstan swords still had a scabbard with an archaic pointed tip unnecessary in the new method of attachment. Attempts to date several accidentally found P-shaped fittings (Taman, Moigrad) earlier than the 6th century failed to receive confirmation.

A careful study of the Glodosa dagger shed a new light on the sword which accompanied it (Fig. 4, *1–4*; 5, *1*). The sword is interpreted as an Oriental-type weapon manufactured in Eastern Europe. The nomadic nobility from Pereshchepino, Kelegeya and Voznesenka (Fig. 5, *3–5*), widely used such swords. The famous, lavishly ornamented sword with a ring found in Pereshchepino was an exotic object made on an Avar model in the Danube basin. Its hilt, the upper part of the scabbard and the guard of the Oriental type straight swords (Figs. 1, *32*; 5, *1–5*, *10*, *11*) differ from curved swords of the Avars (Fig. 5, *7–9*). The correlation between the two types is still obscure.

В. Е. ВОЙТОВ

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ХАНУЕ

Поминальные сооружения древнетюркского времени на р. Хануй в Монголии были открыты в 1891 г. участниками Орхонской экспедиции Д. А. Клеменцем и С. М. Дудиным [1, с. 17; 2, с. 26]. В дальнейшем эти памятники, расположенные по обеим берегам Хануя на землях современного сомона Эрдэнэмандал (Архангайский аймак), неоднократно посещались советскими и монгольскими учеными, но их описания даны только в полевом отчете Б. Б. Бамбаева [3, с. 12] и двух публикациях С. Г. Кляшторного [4, с. 575; 5, с. 239—241]. В 1980 г. Каракорумский отряд Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (руководитель — Н. Сэр-Оджав) вновь обследовал эту крупнейшую в Монголии группу древнетюркских «княжеских могил», а в следующем году руководимая автором Хануйская группа этого отряда произвела раскопки пяти из восьми имеющихся здесь памятников (рис. 1).

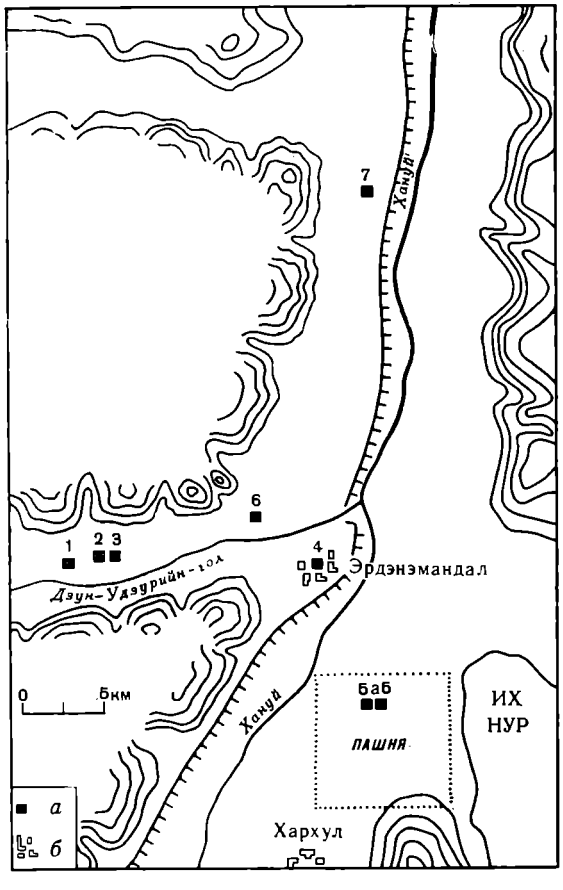


Рис. 1. Схематический план расположения памятников на р. Хануй. *а* — памятники; *б* — постройки сомона

Археологическое изучение поминальных сооружений древнетюркского времени было начато еще в 1865 г. В. В. Радловым, раскопавшим несколько каменных оградок в Горном Алтае [6]. Впоследствии разведки и раскопки оградок производились в Туве, Хакасии, Монголии, в Центральном и Восточном Казахстане, что позволило уточнить зону расселения тюркоязычных племен Центральной Азии в VI—X вв. и выяснить некоторые вопросы их историко-культурного развития. Однако, по справедливому замечанию А. А. Гавриловой, «типы оградок, определявшиеся по внешним признакам... многочисленны, но материал еще слишком мал, чтобы заметить изменения оградок во времени, дать их периодизацию» [7, с. 99]. Совокупность данных, которыми ныне располагают исследователи, позволяет лишь отметить различие или сходство в устройстве поминальных памятников и определить немногочисленные вещественные материалы, найденные при раскопках.

По своему устройству поминальные памятники указанного времени делятся на «рядовые» (пристроенные одна к другой или одиночные каменные оградки, сопровождающиеся нередко каменными изваяниями людей и рядами балбалов) и «княжеские». Последние в основном распро-

странены в Монголии, где в VI—VIII вв. располагался центр Восточнотюркского каганата, но в небольшом числе они отмечены и на его периферии: в Хакасии (памятник у с. Знаменка [8, с. 117], в Туве (памятники в Сарыг-Булуне, в котловине Деспен, у поселков Ак-Тал и Мугур-Аксы и в окрестностях Кызыл-Мажалыка [8, с. 116, 117; 9, с. 55; 10, с. 129—132]), в юго-восточной части Горного Алтая (на плато Кыпчыл в устье р. Аюты и в верховьях р. Бузугун [11, с. 212; 12, с. 150—153]) и в Восточном Казахстане [13, с. 47—51]. Крупнейшие из них представляют собой окруженные валами и рвами сложные архитектурные комплексы с ящиками из высоких плит или каменными насыпями, изваяниями людей и животных, стелами с надписями, кирпичными или деревянными храмами и рядами балбалов. Более простую их разновидность составляют парные или одиночные ящики-«саркофаги», дополненные иногда изваяниями и балбалами.

Несмотря на почти столетнюю давность археологических раскопок «княжеских могил», исследователи отмечали их слабую изученность [10, с. 132], хотя дальнейшее продолжение раскопок этих памятников может способствовать разрешению ряда важных этногенетических, социологических и культурно-исторических проблем центральноазиатского средневековья. Так, проведенные в последние годы «исследования в среднем течении р. Хануй, в долинах рек Дэлгэр-Мурэн и Идэр в совокупности с прежними исследованиями в долинах Толы, Селенги и Орхона впервые позволили выделить локальные группы древнетюркских княжеских погребений (саркофагов), отражающих расселение региональных группировок древнетюркских племен в VII—VIII вв.» [4, с. 575]. Изучению одной из таких локальных групп поминальных сооружений посвящена настоящая статья.

Памятник Эрдэнэмандал 1 расположен в степной долине, вытянутой с запада на восток, в средней части которой протекает небольшая речка Дзун-Удзурийн-гол, левый приток Хануя (в «Атласе древностей Монголии» она названа «Цзун-Цзур» [14], а в отчете Б. Б. Бамбаева — «Дзунсӯр»). Памятник стоит в 300 м к северу от этой речки в местности «Их-Өвөлжөө» («Большая Зимовка»). Описываемая долина своим широким восточным устьем открывается в просторную хануйскую долину, где и расположен сомон Эрдэнэмандал. Расстояние от сомона до памятника около 5—6 км (рис. 1).

До раскопок памятник представлял собой квадратный в плане ящик, составленный из четырех больших гранитных плит светло-коричневого цвета, ориентированных сторонами по странам света. Все плиты отклонились наружу, причем западная и южная почти целиком скрывались в земле. Поверхность земли внутри ящика была слегка поката с запада на восток и задернована. Ближайший к ящику участок степи, поросший редкой жесткой травой, был совершенно ровным, т. е. этот ящик не входил в систему сложных искусственных сооружений, окруженных валом и рвом, что характерно для поминальников высшей древнетюркской знати. Балбалы и изваяния здесь отсутствуют.

Раскопки велись по всей внутренней площади ящика и траншей шириной 1 м по его внешнему периметру. В траншее, имевшей глубину 0,50 — 0,55 м, культурных остатков не обнаружено. Вся внутренняя часть ящика была заполнена коричневой землей, булыжником и мелкой галькой. Здесь найдены лишь кости конечностей жеребенка: большая фаланга и часть трубчатой кости в центре ящика (глуб. 1-го штыка), кость стопы у основания западной плиты (глуб. 3-го штыка) и копытце среди камней крепиды в средней части северной плиты (глуб. 2-го штыка). На глубине 0,55 м произведена зачистка материка — светло-желтого суглинка, перемешанного с крупным песком; нарушений слоя не обнаружено (рис. 2). Размеры плит после расчистки: ширина 1,40—1,56 м, высота 0,76 — 1,30, толщина 0,12 — 0,15 м. Глубина погружения плит в землю 0,35 — 0,40 м.

Лицевые плоскости всех четырех стенок ящика украшены стилизованным растительным орнаментом, выполненным резными желобками

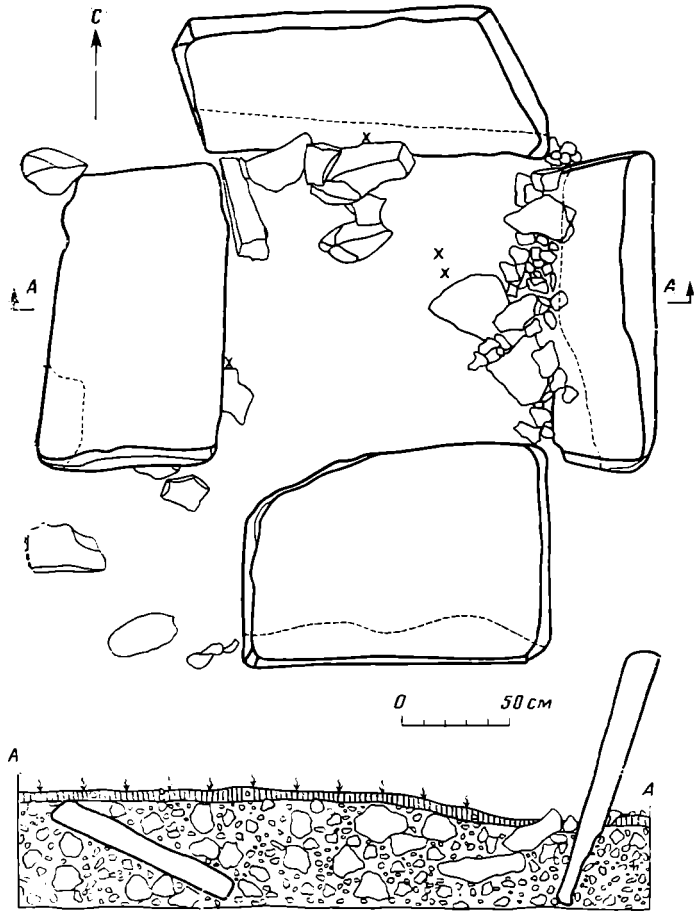


Рис. 2. План и разрез памятника 1. *х* – косточки

глубиной 3—4 и шириной до 10 мм. Отчетливый и наиболее полный рисунок сохранился только на восточной плите, тогда как поверхности остальных сильно запзвесткованы грунтовыми водами или эрозированы. Композиционное построение орнаментов на всех плитах совершенно одинаковое, если не считать мелких различий в деталях. Центральное поле каждой плиты занимают две восьмилепестковые розетки, заключенные в бордюрную рамку П-образной формы. Ширина рамок равна 0,90 — 0,95 м, а высота колеблется от 0,40 до 0,78 м, что зависит от высоты самих плит. Очевидно, художник, украшавший плиты резьбой, в каждом конкретном случае учитывал глубину погружения их в землю, но, возможно, вырезал узоры уже после установки ящика. Во внутренних углах рамки и в центре ее перекладины изображены несложные роговидные фигуры, а внутри каждого лепестка розеток помещены каплевидные бутоны на длинных ножках. В бордюрной полосе изображена длинная изогнутая ветвь, в каждом изгибе которой последовательно чередуются полураспустившиеся бутоны (рис. 3, *1*).

По окончании раскопок все плиты ящика были поставлены вертикально, что дало возможность установить его первоначальный вид. По своей форме ящик приближается к квадрату, и только укороченная западная плита делает его похожим на трапецию. Внутренняя площадь ящика равна 1,7 м².

Памятники Эрдэнэмандал 2 и 3 расположены в 300—400 м к С—СВ от предыдущего, в той же левобережной части долины Дзун-Удзурийн-гола. Ящики отстоят друг от друга на расстоянии 1.65 м и составлены из тонких плит серого сланца, ориентированных сторонами по странам света. Как и у Эрдэнэмандал 1, здесь тоже отсутствуют вал, ров и балбалы. Северная и южная плиты памятника 2 слегка наклонились вовнутрь, западная — наружу, а восточная отбита почти до самой земли

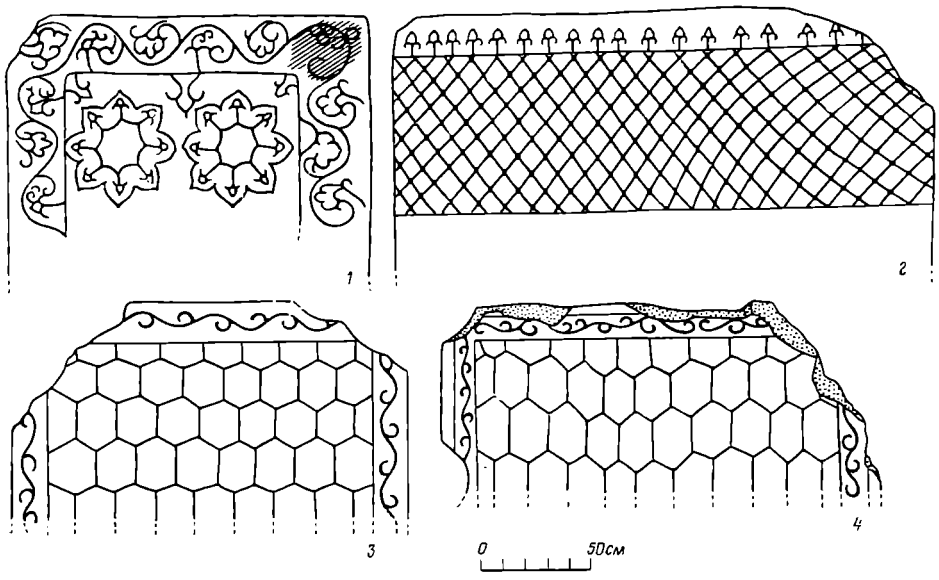


Рис. 3. Орнаменты на плитах ящиков. *1* – восточная плита ящика 1; *2* – восточная плита ящика 4; *3* – южная плита ящика 2; *4* – восточная плита ящика 6

(такая же ситуация отмечена и на рисунке С. М. Дудина [14, табл. LXXI, *1*]). Обломки восточной плиты во множестве рассыпаны вокруг, а ровная поверхность внутри ящика 2 была засыпана мелкими камнями. В его северо-западном углу стояла необработанная гранитная глыба, которая закрывала зазор между двумя плитами или же служила дополнительной опорой для них. От памятника 3 к моменту раскопок сохранились только стоящие почти вертикально северная и западная плиты, восточная была отбита до уровня земли, а южная отсутствовала совсем, хотя на рисунках С. М. Дудина эта стенка была изображена [14, табл. LXXI, *1, 3*].

Раскопки обоих памятников никаких культурных остатков не дали. Вся толща их заполнения до материка — желтовато-коричневой глины и щебня — состояла из большого количества мелких обломков камней и гальки, перемешанных с серой землей. При зачистке материка на глубине 0,50 м нарушений слоя не отмечено. Размеры плит ящика 2: ширина 1,70–1,82 м, высота 1,20–1,30, толщина 0,06 – 0,08 м (внутренняя площадь равна 3 м²); размеры плит ящика 3: ширина 1,05 – 1,55 м, высота 1,45–1,60, толщина 0,04–0,05 м (внутренняя площадь равна 1,73 м²). Плиты были вкопаны на глубину 0,40–0,45 м (рис. 4, 5).

Все плиты ящика 2 снаружи украшены резным орнаментом, но рисунок на западной и северной сильно пострадал от сколов и эрозии, и лишь на южной он читается достаточно хорошо (на рисунке в «Атласе» узор изображен не совсем точно). Композицию центрального поля плит составляют горизонтальные ряды шестиугольников, сомкнутых наподобие «сотов» и заключенных в П-образную рамку бордюра, на которой изображена длинная волнистая ветвь с простейшими завитками внутри каждого изгиба (рис. 3, *3*).

Лежащие возле памятников 2 и 3 обломки сланцевых плит в некоторых случаях сохранили фрагменты «сотового» узора. Среди них выделяется большой, разбитый на две части обломок, на котором высечены барельефные фигуры птицы (феникс?) и нападающего на нее хищника (волк?) (рис. 6, *4*). Этот сюжет изображен на не вполне ясном рисунке С. М. Дудина [14, табл. LXXI, *4*], пояснение к которому гласит: «Орнамент на внутренней стороне каменной плиты этого саркофага» (в данном случае имеется в виду ящик 3). По-видимому, в конце прошлого века обломок лежал возле этого памятника и потому был принят за его уже тогда утраченную восточную стенку. Вместе с тем ни на

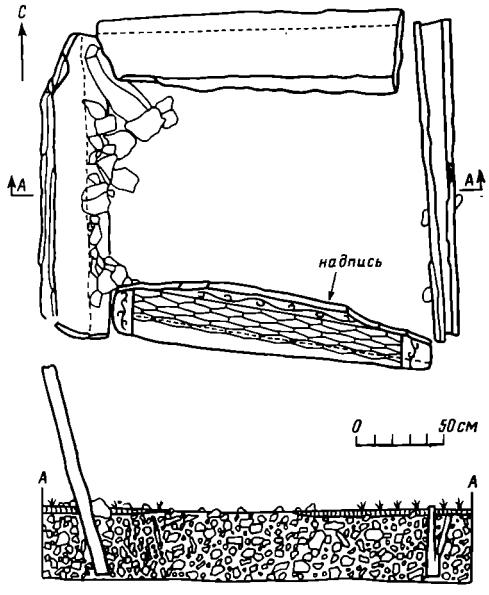


Рис. 4. План и разрез памятника 2

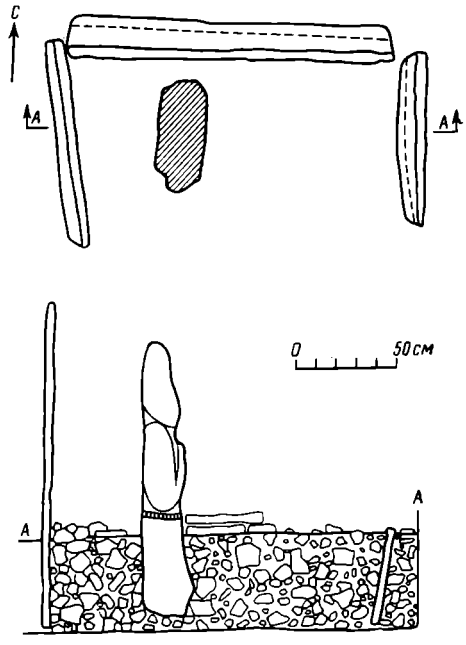


Рис. 5. План и разрез памятника 3

одной из сохранившихся его плит нет никаких узоров, как не было их и на утраченной ныне южной плите, на что указывает отмеченный выше рисунок самого С. М. Дудина. Плита с изображениями птицы и зверя, а также остатками «сотового» узора принадлежала памятнику 2. Орнаментированной стороной она была обращена наружу, а не внутрь ящика. К сожалению, сейчас нельзя с полной уверенностью утверждать, где прежде помещалась зооморфная композиция — в средней части плиты, с одного ее края или таких изображений было два по обеим ее сторонам.

Следует отметить, что зооморфные резные изображения на плитах древнетюркских поминальных ящиков встречаются очень редко. Так, на парном комплексе в Шатар-Чулу (Баянхонгорский аймак) восточная плита «главного» восточного ящика 1 украшена изображениями двух львов, сидящих мордами друг к другу. Перед каждым из них стоят схематические древовидные фигуры, между которыми помещены одна над другой две козловидные тамги. В бордюрной рамке проходит изогнутая ветвь с тугими спиралями и треугольниками внутри каждого изгиба. Остальные плиты этого ящика украшены ромбической сеткой с небольшими круглыми ямками в центре каждого ромба [15, рис. 203, 205]. Два шагающих навстречу друг другу льва изображены также на одной из плит ящика на памятнике Их-Хушот (Кули-чура) в Центральном аймаке. На другой плите здесь тонко вырезана в граните пара танцующих фениксов. И наконец, танцующие с широко распростертыми крыльями фениксы украшают плиты ящика на памятнике Хушо-Цайдам IV в Архангайском аймаке (графическая фиксация рисунков на плитах памятников Их-Хушот и Хушо-Цайдама произведена автором летом 1983 г.). Другие изображения такого рода пока не обнаружены.

С внутренней стороны южной плиты ящика 2, в ее верхнем юго-восточном углу, сохранилась полустертая однострочная надпись, выполненная в невысоком рельефе. Это обычная буддийская формула-заклинание «Ом-мани-падме-хум», написанная тибетским почерком «ланчи» [1].

Внутри ящика 3 со времен Орхонской экспедиции сохранилось целое изваяние мужчины из желто-коричневого гранита (изваяние 1), ориентированное лицом к востоку [14, табл. LXXI, *3*]. Высота статуи от поверх-

[1] За консультацию по поводу этой надписи и существенную помощь в написании статьи выражаю глубокую признательность С. Г. Кляшторному.

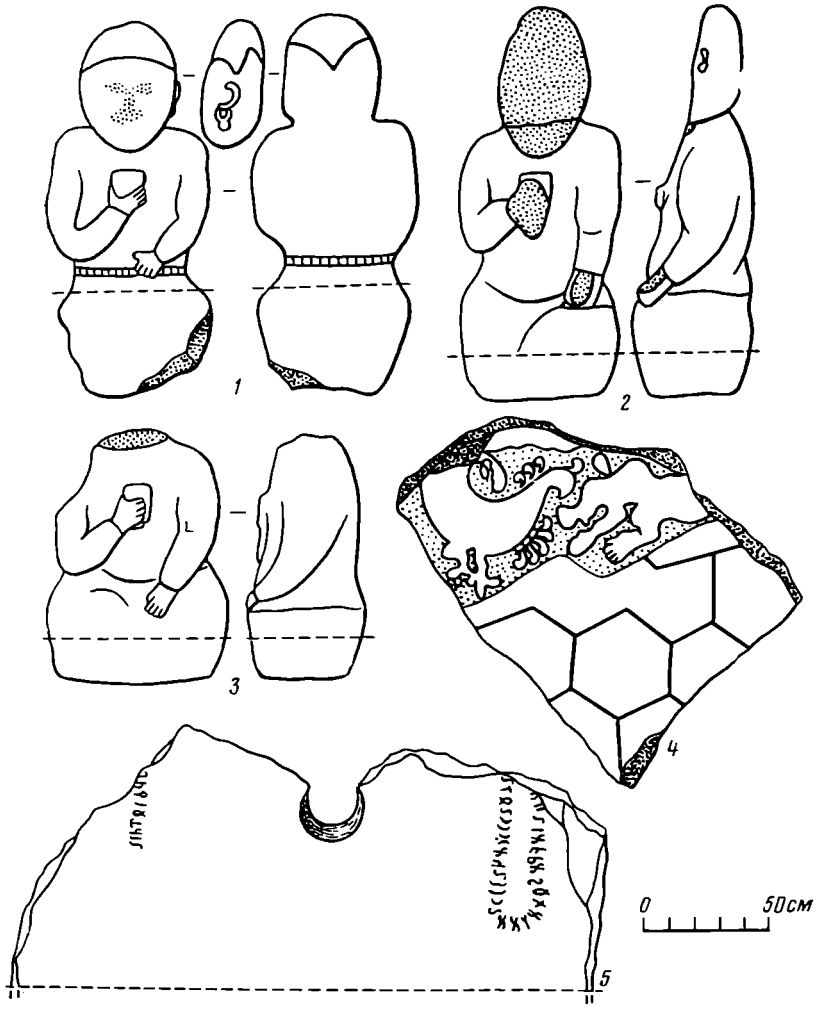


Рис. 6. *1* – изваяние 1; *2* – изваяние 3; *3* – изваяние 4; *4* – обломок восточной плиты памятника 2; *5* – восточная плита памятника 5

ности земли 1 м, ширина плеч 0,6, высота головы 0,45 м. Вкопанная в землю нижняя часть изваяния не обработана, хотя в целом ее очертания напоминают скрещенные ноги сидящего человека. Полная высота статуи 1,35 м. Черты лица и правое ухо полностью стерты. В левом ухе видна дугообразная серьга с подвешенным к ней снизу шариком, на голове – плотно облегающая шапочка со свисающими наушниками и подтреугольным назатыльником. Правая рука прижимает к груди слабо различимый сосуд, а левая, с хорошо проработанными пальцами, лежит на поясе. Пояс украшен многочисленными квадратами бляшками и виден по всей окружности талии изваяния; оружия и других предметов на поясе нет (рис. 5; рис. 6, *1*).

У подножия изваяния лежали одна маньчжурская и несколько современных мелких монет, прикрытые обломками плит. Б. Б. Бамбаев «в местности Дзун-сӯр нашел... погребение с одной каменной бабой, сидящей в гробнице, которая, по словам местного населения, призывается Урянхайскими и Ойратскими шаманами во время их камлания» [3, с. 2]. Несомненно, эта статуя издавна почиталась как местная святыня (случай хотя и редкий, но не единственный на территории распространения древнетюркских каменных баб), о чем свидетельствуют и буддийская надпись на соседнем памятнике 2, и замечание Б. Б. Бамбаева, и находка возле статуи различных монет.

Памятник Эрдэнэмандал 4 находится на территории сомона. С. М. Дудин зафиксировал на левом берегу Хануя, «не доезжая 15—17 верст до оз. Шаргын-нора (совр. Айрик-нур.– *В. В*) ...два оленных камня, один

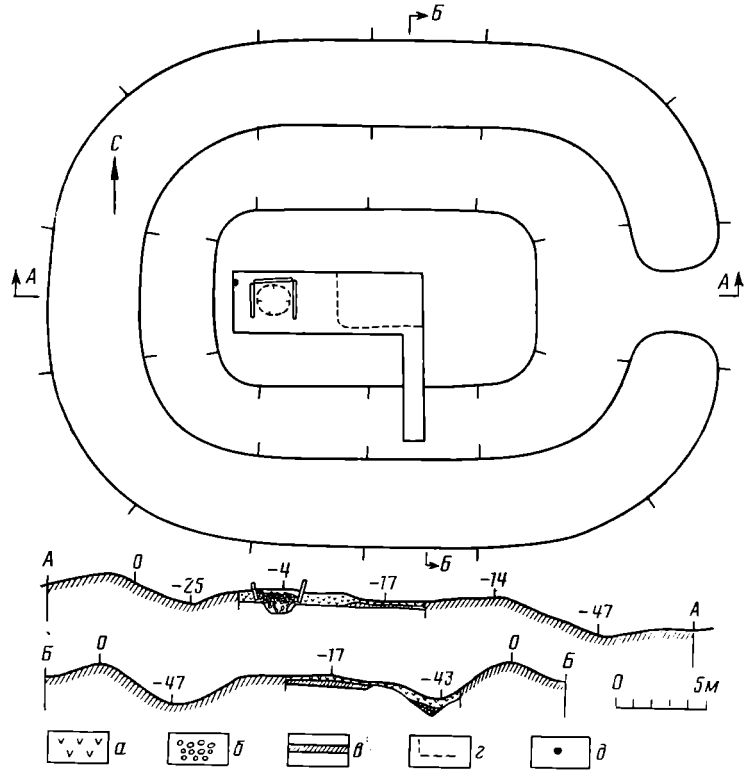


Рис. 7. План и разрезы памятника 4. *а* – гумус; *б* – камни; *в* – материк; *г* – граница храма; *д* – деревянный столб

из которых... стоял у края могилы, сложенной из узорчатых плит. Сохранились только две под прямым углом друг к другу...» [2, с. 26]. Есть все основания предполагать, что это описание относится к памятнику 4. Во-первых, он действительно расположен в 17—18 км к югу от оз. Айрик-нур, а маршрут С. М. Дудина проходил в этой местности с юга на север. Во-вторых, старожилы сомона рассказывали, что еще в 50-е годы на месте этого памятника стояли 1—2 каменных столба с «надписями», использованные тогда же одним из местных жителей для постройки фундамента своего дома.

Памятник представляет собой сложный архитектурный комплекс типа Хушо-Цайдамских и им подобных, но меньших размеров. Гранитный ящик стоит на невысокой плоской подпрямоугольной площадке (17×10×0,15 м), вытянутой с запада на восток и местами задернованной. Площадка со всех сторон окружена неглубоким внутренним рвом и низким валом, с трехметровой ширины проходом в восточной части. Размеры памятника с запада на восток около 37 м, с севера на юг 29 м. Высота вала 0,3—0,4 м, при ширине 4—5; ширина рва до раскопок составляла 3 м, а глубина — около 0,3 м. Место, где расположен памятник, является перекрестком нескольких дорог; его поверхность сильно разбита колесами машин и замусорена, поэтому вал и ров едва различимы. Ящик стоит в западной части площадки. От него сохранились три сильно вросшие в землю толстые плиты, из которых восточная отклонилась наружу, а северная и западная слегка запали вовнутрь (рис. 7). К югу от ящика лежало несколько крупных обломков южной плиты и осколки изваяния «сидящего» человека из тяжелого черного камня (изваяние 2), размеры и абрис которого не устанавливаются.

Раскопки внутри ящика дали ту же картину, что и на предыдущих. Его заполнение состояло из крупных и мелких обломков камней, перемешанных с землей, мощностью до 1 м. В этом слое найдены: обломок верхней челюсти коня, большая конская фаланга, несколько неопределенных мелких костей животного, обломок левой руки изваяния 2, семь обломков кровельной черепицы и один фрагмент керамического сосуда

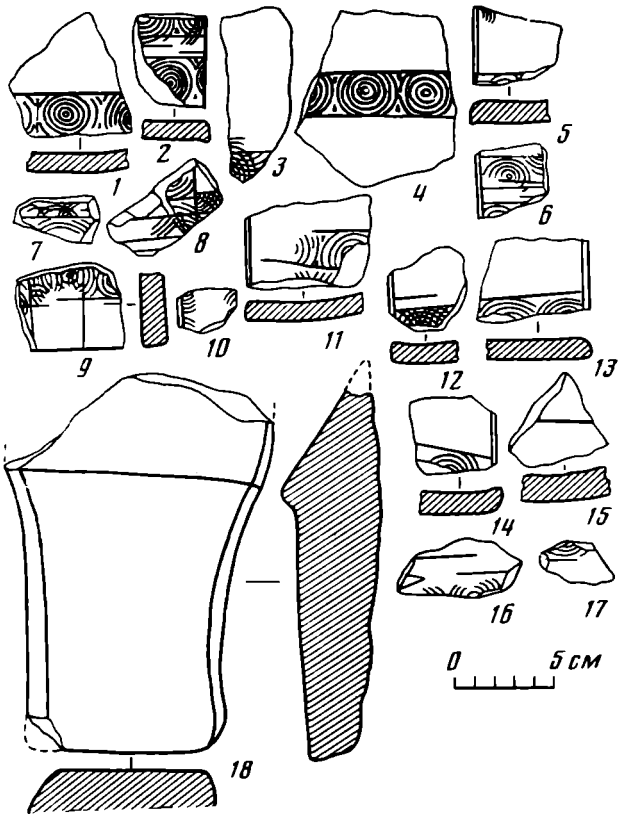


Рис. 8. Обломки орнаментированной черепицы (*1—17*) и фигурный кирпич (*18*) из раскопок памятника 4

(12×9×0,8 см), черепок которого слегка подлощен снаружи и не орнаментирован. В центре ящика, на глубине от 1 до 1,5 м, расчищена обширная яма, заполнение которой состояло из черной гумусированной земли, насыщенной мелкими камешками, древесной трухой и угольками.

Размеры плит ящика после расчистки: ширина 1,95—2,35 м, высота 1,10—1,30, толщина 0,15—0,20 м. Внутренняя площадь ящика равнялась 5,3 м². Верхняя грань восточной плиты имеет с внутренней стороны косой подтес, а на боковых гранях выемки, в которые плотно вставлялись торцы северной и южной плит. Северная и западная плиты были отбиты почти до самой земли; может быть, поэтому С. М. Дудин не заметил в траве третью плиту.

Ящик снаружи украшен однотипным резным орнаментом в виде ромбической сетки, покрывающей поверхности плит от одной боковой грани до другой. Сверху горизонтальной линией отделена широкая лента бордюра, на которой изображены «бутоны» на длинных ножках. Горизонтальная черта отграничивает сетку и снизу (рис. 3, *2*).

При раскопках траншеи вокруг ящика (ширина 0,5 м) расчищены отдельные камни крепиды плит, а неподалеку от его северо-западного угла, на глубине 0,2 м от поверхности земли, найдена нижняя часть лиственничного столба высотой 0,40 и диаметром 0,21 м, стоявшего в слое горелой земли с угольками. В большом раскопе (7×4 м), заложенном на центральной платформе к востоку от ящика, выявлен прямоугольник гумусированной земли. Прежде здесь располагался поминальный храм, подтверждением чему служат сотни обломков серой кровельной черепицы, найденные над этим слоем и в его толще.

Важнейшими находками на памятнике являются около 20 мелких фрагментов черепицы, украшенных штампованными узорами. Орнамент в виде рядов концентрических окружностей, заключенных в рамку из двойных параллельных линий, нанесен на концевых частях черепиц, на их выпуклых сторонах. Штамп неглубокий, оттиски выполнены довольно небрежно, поэтому рисунки часто перекрывают один другой (рис. 8,

1—17). Находка орнаментированной черепицы, впервые сделанная на памятнике Эрдэнэмандал 4, позволяет уверенно говорить о широком употреблении восточными тюрками штампованных геометрических узоров, техника исполнения и стиль которых подобны многочисленным образцам орнаментированной керамической посуды современных им тюркоязычных народов Центральной Азии — уйгуров и кыргызов.

Вероятно, украшение черепичных желобов на карнизе крыши храма должно было компенсировать отсутствие на данной постройке декоративных концевых дисков и фигурных отливов-капельников, известных на ряде «княжеских могил» Монголии. С. В. Киселев писал о том, что украшение штампованными орнаментами налепов на концевых водосточных желобах появляется в Китае в танское время (618—907 гг.), причем на севере страны «концевые срезы вогнутых черепиц украшались... штампованными ямками, располагавшимися в один или два горизонтальных ряда» [16, с. 314 сл.].

Еще один раскоп — стратиграфическая траншея шириной 1 и длиной 6 м — был заложен от внутреннего склона южного участка вала до центрального раскопа. Глубина рва на этом участке равняется 0,9 м от современной поверхности, ширина 3 м. Придонная часть рва была заполнена слоем мелких камней мощностью 0,4 м, а по его дну проходил неглубокий узкий желоб (рис. 7). При раскопках найдены трубчатая кость ягненка, лошадиный зуб, бесформенный кусок серого кирпича и почти целый фигурный кирпич-плинфа. Последний имеет форму «секиры» и является первой находкой такого рода в поминальных памятниках древнетюркской знати. Нижняя плоскость его бугристая, красного цвета, гладкие боковые и верхняя плоскости серые, а на покатой расширенной лопасти сохранились следы побелки. Длина кирпича около 20 см, ширина 9,5—12, толщина 2—4,5 см (рис. 8, *18*).

Памятники Эрдэнэмандал 5 и 5а. В 1891 г. Д. А. Клеменц писал В. В. Радлову, что им найдены «невдалеке от северного конца Ихэ-Ханын-нора, две княжеские могилы, два орона, как говорили монголы [2]. Могила огорожена сплошными плитами из метаморфического сланца, внутри изгороди каменные бабы без голов, очень грубо выделанные. На наружных сторонах плит высечен орнамент в виде составленных рядами вытянутых шестиугольников, подобных встреченным на Кошо-Цайдаме [3]... На одной из плит на этих могилах находится небольшая руническая надпись, которую я, разумеется, тотчас же снял посредством эстампажа» [1, с. 17].

Некоторое время спустя в «Объяснительной записке» к I выпуску «Атласа» он дополнил новыми важными сведениями данные об этом памятнике: «на западном берегу этого озера, в расстоянии от него около двухсот сажен... находятся две каменных могилы в расстоянии пяти футов одна от другой... Западная, первая могила (по нашему делению памятник 5а.— *В. В.*) имеет длину, с запада на восток, 8 футов и в ширину, с юга на север, 5 футов. Она огорожена четырьмя плотно сомкнутыми плитами, из которых сохранились более или менее западная и южная плиты; северная и восточная выдаются из земли на несколько дюймов. Высота сохранившихся плит два с половиной фута, длина южной пять, а западной — четыре фута... На наружных сторонах плит выбиты украшения в виде горизонтально идущих рядов шестиугольников. На западном конце южной плиты сохранился остаток бордюра в виде вертикально идущих с закрученными концами изображений» [14].

В 1927 г. Б. Б. Бамбаев «в трех верстах к северо-востоку от Хар-Хол-хана [4] видел тюркское погребение с... надписью, что в прошлом году было раскопано местными монголами с целью найти клад. Некоторые

[2] Употребление этого термина в данном случае неясно. «Орон» в современном монгольском языке означает «жилище, кров, прибежище», «страна, государство, край, местность» [17, с. 306], а в современном бурятском языке — «кровать, постель», «страна, местность» и т. д. [18, с. 362].

[3] Это ошибка. На ящиках в Хушо-Цайдаме таких орнаментов нет.

[4] Развалины позднесредневекового городища Хар-Хол-хан (совр. Хархул) лежат на правом берегу р. Хануй, в 8 км к югу от Эрдэнэмандал сомона.

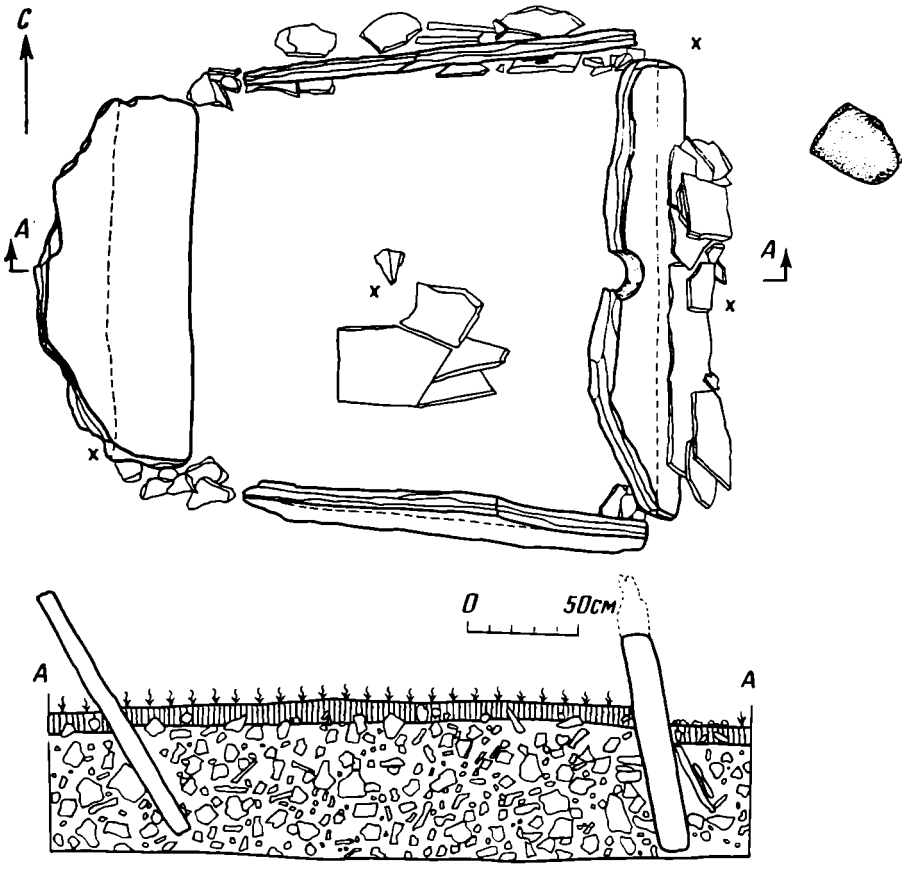


Рис. 9. План и разрез памятника 5. *х* – косточки

большие камни провалились в яму, глубиной около полторы саженн или завалены землей» [3, с. 2]. Таким образом, в 1926 г. памятник 5а был полностью разрушен. До настоящего времени хорошо сохранился лишь соседний памятник 5, расположенный среди огороженных забором пахотных полей на правом берегу Хануя, в 4—5 км к юго-востоку от Эрдэнэмандал сомона. Ящик состоит из четырех плит серого сланца, ориентированных сторонами по странам света. В 1,8 м к западу от него, на месте бывшего ящика 5а, видна полузаплывшая яма диаметром 5,6 и глубиной до 0.5 м, окруженная кольцевым отвалом земли. На дне ямы лежит большой обломок сланцевой плиты без орнамента.

На восточной плите ящика 5 по обеим ее сторонам высечены две рунические надписи (рис. 6, *5*), новый, «еще предварительный» перевод которых недавно выполнен С. Г. Кляшторным [5, с. 244]. В верхней части этой плиты имеется сквозное несомкнутое отверстие диаметром 22 см. Несомненно, стенки этого ящика изготовлены из более ранней по времени плиты, в центре которой было круглое отверстие для жертвоприношений. Первоначальный размер этой плиты — примерно 3 м в поперечнике. Ближайшая аналогия этой плите имеется лишь на памятнике Тоньюкука близ г. Налайхи (Центральный аймак), где сохранились два обломка гранитной плиты-крышки от большого ящика с полуотверстием шириной 60 и высотой радиуса 25 см. Очевидно, подобных плит здесь прежде было две. Составленные вместе, они закрывали ящик сверху так, что на его центр приходилось круглое отверстие диаметром 60 см. На памятниках Кюль-тегина и Бильге-кагана в Хушо-Цайдаме (Архангайский аймак) вместо накрытых плитами с отверстиями ящиков стоят два больших кубической формы камня с высверленными в них сквозными вертикальными отверстиями диаметром 70—80 см. Нет сомнения, что смысловое назначение их аналогично ящикам с плитами-крышками [14, табл. VIII, *3* и X, *2*].

Поверхность внутри ящика 5 была слегка приподнята над окружаю-

щей землей и задернована. В 5 м к северу от него стояли две гранитные статуи с отбитыми головами (изваяния 3 и 4). Они изображают сидящих на подогнутых ногах людей, каждый из которых держит в правой руке на уровне груди сосуд-кубок, левые руки лежат на коленях. Пояса и другие атрибуты отсутствуют (рис. 6, *2*, *3*).

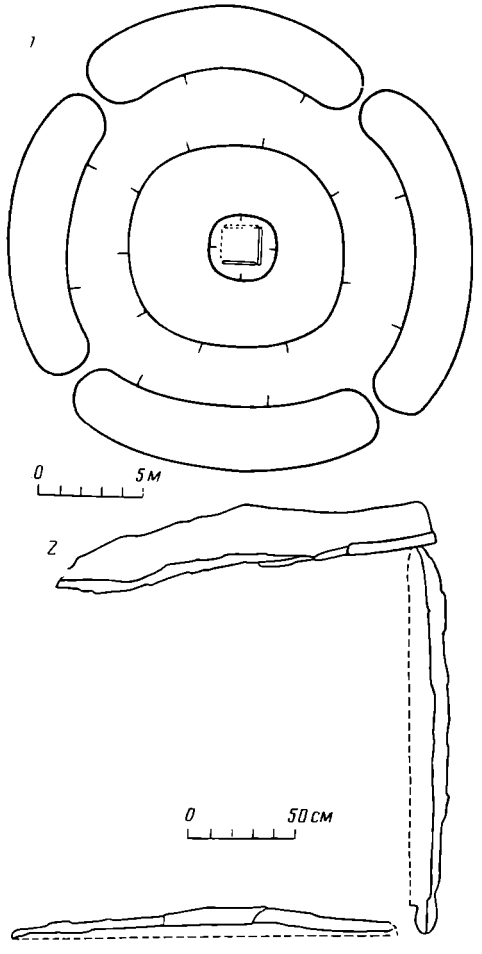


Рис. 10. *1* – план памятника 6; *2* – план ящика памятника 6

При раскопках внутри ящика найдены только большая конская фаланга (глуб. 1-го штыка) и несколько лежавших плашмя тонких плиток сланца (глуб. 2-го штыка), под которыми ничего не обнаружено. Вся толща его заполнения до материка состояла из большого количества булыжника, обломков сланца, гальки и довольно крупных камней. В траншее шириной 1 м, заложенной по внешнему периметру ящика, расчищены плиты крепиды восточной и северной стенок и найдены: обломок конской лопатки возле северо-восточного угла (глуб. 1-го штыка), обломок трубчатой кости жеребенка близ юго-восточного угла (глуб. 1-го штыка) и малая фаланга жеребенка в 0,35 м к востоку от восточной плиты (глуб. 2-го штыка). Помимо этого, в 0,7 м от восточной плиты была обнаружена голова изваяния 3 с полностью отбитой лицевой частью; сохранилась лишь выпуклость на месте левого уха. На глубине 0,75 м от поверхности земли произведена зачистка всего раскопа. Материковый слой — серовато-коричневый суглинок с щебнем — нарушений не имел (рис. 9).

Размеры плит ящика 5 после раскопок: ширина 1,72—2,16 м, высота 0,85—1,40, толщина 0,06—0,15 м. После установки плит в вертикальное положение ящик получил форму неправильной трапеции с внутренней площадью 3,5 м^2. Изваяния были перенесены и установлены лицом к востоку перед восточной стенкой памятника. Изваяние 3 — высота с головой 1,45, ширина плеч 0,56 м; изваяние 4 — высота без головы 0.95, ширина плеч 0.54 м.

Памятник Эрдэнэмандал 6. Находится в полого понижающейся к востоку степи, примерно в 2 км к северо-западу от памятника 4 и в 1 км от левого берега Дзун-Удзурийн-гола. Ящик, от которого сохранились только три сланцевые плиты серого цвета, стоит в центре невысокого, подпрямоугольного в плане холмика размерами 6×7 м. Холмик со всех сторон окружен едва заметным рвом шириной 2 м, за которым отчетливо прослеживаются невысокие плоские валы с выгнутыми наружу сторонами, во всех четырех углах которого имеются понижения (рис. 10, *1*). Ширина вала 3—4 м, высота до 0,15—0,20 м. Балбалов и изваяний нет.

Плиты ящика ориентированы сторонами по странам света, грани сильно оббиты. Восточная плита слегка отклонилась наружу, южная запала вовнутрь, а северная выломана из земли и прислонена к восточной (рис. 10, *2*). Ширина плит 1,86—2,35 м, высота над землей 0.85—

1,20, толщина 0,12—0,13 м. Лицевые поверхности плит украшены резным орнаментом в виде рядов шестиугольников-«сотов». Бордюрную рамку образует двойная П-образная линия, внутри которой изображена волнистая ветвь с простейшими спиралями внутри каждого изгиба (рис. 3, *4*).

Памятник Эрдэнэмандал 7. Обнаружен в открытой степи в 10—11 км к северу от сомона, в 2—2,5 км к западу от р. Хануй и в 5—6 км к югу от оз. Айрик-нур. Ящик состоит из четырех сильно оббитых неорнаментированных плит серого сланца, ориентированных сторонами по странам света. Восточная плита стоит вертикально, северная слегка запала вовнутрь, западная отклонилась наружу, а южная лежит внутри ящика, перегородив его по диагонали. Ширина плит 1,38—1,62 м, высота над землей 0,46—0,56, толщина до 0,12 м. Поверхность внутри ящика слегка приподнята и задернована. Ров, вал, изваяния и балбалы отсутствуют. Раскопки на памятниках 6 и 7 не производились.

Работы 1981 г. в долине р. Хануй дали интересный и важный материал, касающийся типологии и интерпретации памятников, известных в специальной литературе под названиями «древнетюркские саркофаги» или «турецкие княжеские могилы». Общими чертами для всех хануйских памятников являются значительная удаленность их от рек, ориентировка по странам света, трапециевидная форма ящиков, заполнение их внутреннего пространства камнями, отсутствие каменных столбиков-балбалов, «сидящая» поза изваяний людей и полное отсутствие внутри раскопанных ящиков остатков погребений, что вновь подтверждает вывод В. В. Радлова об их мемориальном характере [19, с. 7].

Несмотря на ряд общих черт, все памятники различаются теми или иными деталями. Внутренняя площадь ящиков колеблется от 1,7 до 5,3 м². Пять из них украшены орнаментами, рисунок которых ни разу не повторяется в деталях (ящики 1, 2, 4, 5а, 6). На восточной плите ящика 5 и южной плите ящика 2 имеются надписи, выполненные в разное время, в различной технике и на разных языках. Ящики 1 и 4 изготовлены из тщательно обработанных гранитных плит, а ящики 2, 3, 5, 5а, 6, 7 — из сланцевых плит. На памятниках 2 и 3 не было найдено ни одной кости животного, тогда как в Эрдэнэмандал 1, 4 и 5 обнаружены отдельные кости конечностей жеребят или лошадей-малолеток. Очевидно, здесь мы имеем дело с обрядом вывешивания на специальных столбах конских шкур с черепами, передними и задними ногами, известным по письменным и археологическим источникам [12, с. 158; 20, с. 270; 21, с. 460; 22, с. 102]. Подтверждением тому может служить находка основания столба возле северо-западного угла ящика 4.

В результате раскопок поминальных сооружений на Хануе не было получено никаких вещественных материалов для их датировки, поэтому единственно возможный для этого путь заключается в сравнительном анализе отдельных элементов этих памятников с уже известными и датированными образцами. Нижний хронологический рубеж хануйских поминальников определяют «две рунические надписи, отличные друг от друга по дукту и датируемые концом VII — началом VIII в.» [4, с. 575], сохранившиеся на восточной плите ящика 5. Он был сооружен из переиспользованных обломков ранее изготовленной плиты-крышки с отверстием, поэтому постройка этого памятника относится ко времени не ранее начала VIII в.

Каменные изваяния Эрдэнэмандал сомона представляют собой довольно распространенный тип древнетюркской скульптуры. Изваяния 2—4 изображают объемно выполненные фигуры сидящих людей. Детали одежды не показаны, но скорее всего они одеты в длинные халаты, полы которых прикрывают скрещенные ноги. Манера изображения сидящих фигур в длинополых халатах аналогична каменной скульптуре, найденной на поминальных сооружениях древнетюркской знати в Туве [8, рис. 28, 30, 31], Восточном Казахстане [23, рис. 5, 9] и в особенности в Монголии, где они отмечены на памятниках Кюль-тегина [14, табл. IX, *1*], Бильге-кагана [14, табл. X, *1*, *4*], Тоньюкука [14, табл. CVIII, *3*], в Баян-Даванэ-Ама [24, рис. 2], Онгинском [14, табл. XIV, *4*],

на Улан-Худжире [25, табл. VI, *4*], в Шатар-Чулу, Их-Хушот (памятник Кули-чура), Мухарском и ряде других. Некоторые из них имеют точную датировку — второе десятилетие VIII в. (Тоньюкука), 731—732 гг. (Онгинский), 732 г. (Кюль-тегина), 735 г. (Бильге-кагана), 743—744 гг. (Кули-чура), совпадающую с датировкой С. Г. Кляшторным Ихэ-Ханын-норской надписи памятника 5.

Изваяние 1, стоящее внутри ящика 3, отличается от предыдущих манерой обработки фигуры. Оно изображает мужчину в головном уборе, с серьгой в ухе, сосудом в правой руке и с наборным поясом. Этот иконографический канон наиболее широко распространен в кочевнической скульптуре VI—VIII вв. Кольчатая серьга с шариком-подвеской является известным типом украшений, бытовавшим в Центральной Азии в IV—XI вв. Однако только с IX в. широкое распространение получают серьги, у которых шарик или каплевидная подвеска соединяются с кольцом при помощи стерженька. По-видимому, серьга на изваянии 1 из Эрдэнэмандал сомона является одним из ранних вариантов данного типа серег и может быть датирована VII—VIII вв. Пояс с наборными гладкими квадратными бляшками имеет очень широкий круг аналогий в памятниках древнетюркской скульптуры, датируемых в пределах VI—X вв.

Сосуды в руках хануйских статуй 3 и 4 по классификации Л. А. Евтюховой относятся к VIII—IX группам и известны в Южной Сибири со времен тагарской и таштыкской эпох. В древнетюркское время «сосуды восьмой группы в виде кубков... были распространены главным образом в Монголии» [8, с. 108], где изваяния, на которых они изображены, датируются VII—VIII вв. Зато сосуд в руке изваяния 1 близок к X группе по классификации Л. А. Евтюховой. Эта группа датируется «более поздним временем», нежели сосуды предыдущих групп, т. е. не ранее VIII в. Таким образом, полученная в результате изучения хануйских памятников совокупность данных позволяет датировать их концом VII—первой половиной VIII в.

Раннесредневековые китайские хроники отмечали, что у тюрок «постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли» [20, с. 270], т. е. определенную пастбищную территорию, по которой они кочуют со стадами «смотря по достатку в траве и воде». И хотя они «уравнения времен вовсе не знают, а замечают времена только по зелени травы» [20, с. 271], зимой их ставки всегда устраивались в каких-то определенных местах. Это правило было обычным и для предшественников тюрок, и для всех последующих народов, основу экономики которых составляло кочевое скотоводство. Зимники играли роль своеобразных кочевых столиц, центров, где на короткое время сосредотачивалась вся административно-хозяйственная деятельность отдельных общин.

Один из таких центров, несомненно, располагался при слиянии Хануя и Дзун-Удзурийн-гола. Как бы в память о тех далеких временах, но скорее благодаря многовековому опыту устройства зимников в местах с хорошим микроклиматом современные монголы называют местность возле Эрдэнэмандал сомона «Их-Өвөлжөө» — «Большая Зимовка». К тому же сам сомон вряд ли случайно выстроен на том месте, где находится большое скопление «княжеских могил». Концентрация памятников в одном микрорайоне и различное их устройство наглядно отражают планировку древнего зимника и степень соподчиненности лиц, представленных в данном случае ящиками-«саркофагами», имевших здесь «свой участок земли». Безусловно, эта территория была намного шире и, очевидно, охватывала всю долину р. Хануй.

Степень дифференциации социально-родовых отношений внутри этой группы лиц со всей очевидностью подтверждают топография поминальных сооружений и их устройство. Размеры, форма и характер украшения плит, а в конечном счете количество затраченного на строительство сооружений материального труда зависели от имущественного достатка отдельных семей или родов и от того, какую роль в административной структуре общины играл умерший. Месторасположение памятников и их

планировочные особенности позволяют наметить следующую типологическую схему.

I. Памятник 4. Это наиболее сложный по планировке и устройству, а следовательно, самый трудоемкий и дорогостоящий в данной группе памятник, который был сооружен в честь очень знатного человека, скорее всего главы всей общины. Для этого типа памятников характерны следующие признаки: подпрямоугольный внешний вал, внутренний ров, самый большой в группе орнаментированный ящик, статуя человека и поминальный храм, от которого сохранились обломки украшенной штампованными узорами черепицы и кирпичи. Возможно, прежде здесь стояли один-два каменных столба с изображениями животных (оленные камни, по С. М. Дудину) или надписями. Оба варианта вполне допустимы, поскольку помимо стел с руническими надписями на отдельных памятниках этого типа отмечены, случаи переиспользования оленных камней (например, Унгету, Хушо-Цайдам IV, Бугут). К тому же памятник 4 занимает наиболее выгодное место в хануйской группе. Он расположен в вершине угла, образованного руслами Хануя и Дзун-Удзурийн-гола, и равно удален от них. Следовательно, даже расположение этого памятника на местности подчеркивает особое положение его «владельца», который для всех членов своей общины всегда находился как бы в отдалении, «за рекой».

II. Памятник 6. Находится в 2 км от вышеописанного, центрального. Ему сопутствуют следующие признаки: меньшие, чем у памятника 4, вал, внутренний ров и орнаментированный ящик. Лицо, которому посвящен этот памятник, занимало в иерархической системе общины несколько низшее положение, чем предыдущее.

III. Памятники 2—3, 5—5а. Оба парных комплекса «саркофагов» лежат по обе стороны Хануя, в 4—6 км от центрального. Для них характерны только каменные изваяния и ящики.

IV. Памятники 1 и 7. Это отдельно стоящие без сопутствующих элементов орнаментированный ящик 1 (примерно в 6 км от Эрдэнэмандал 4) и неорнаментированный ящик 7 (в 10—11 км от Эрдэнэмандал 4). По занимаемому общественному положению представители III и IV групп памятников принадлежат к аристократии еще более низших рангов.

Предложенная типологическая схема показывает, что хануйская группа древнетюркских поминальных памятников является уникальной не только по общей численности, но и по количеству типов сооружений. Она вобрала в себя практически все разнообразие поминальников, оставленных центральноазиатскими тюрками, в других районах они представляют собой лишь отдельные типы, отмеченные в данной классификации. Так, например, памятники I—II типов распространены от Центральной Монголии до Горного Алтая и Хакасии. Парные ящики III типа известны на памятниках Их-Асхете (Булганский аймак), Худуу-Нур I и II (Архангайский аймак), Цаган-Обо III (Центральный аймак) и т. д. Одиночные ящики IV типа встречаются практически на всех больших и малых реках в центральной и западной частях Монголии.

Своеобразие хануйских памятников заключается в отсутствии балбалов при наличии всех остальных, обязательных для определенных типов сооружений элементов. Хронологической особенностью этот факт объяснить нельзя, так как по планировке памятников, стилю каменных изваяний, орнаментам на плитах ящиков они ничем не отличаются от других «княжеских могил» Монголии VII—VIII вв. Возможно, объяснение заключается в сословной принадлежности «владельцев» хануйских поминальников, род занятий которых не позволял посвящать им балбалы — знаки воинской доблести.

Рассмотрение орнаментов на плитах ящиков выявляет интересную закономерность: чем меньше и проще по устройству памятник, тем сложнее украшающий его рисунок. Так, наиболее простая линейная композиция в виде ромбической сетки и горизонтальной ленты бордюра с «бутонами» украшает ящик главного в группе памятника 4 (I тип). Стенки ящиков 2, 5а и 6 (II и III типы) покрывают «сотовые» узоры с

П-образными бордюрными рамками, на которых изображены изогнутые ветви с несложными спиралями. Зато простейший ящик 1 (IV тип) украшен пышным стилизованно-растительным орнаментом без привлечения линейных сюжетов. Причина этого явления остается пока невыясненной.

Важно отметить, что ромбической сеткой покрыты стенки поминальных ящиков на значительной части «княжеских могил» Монголии, в особенности памятников «орхоно-тольской или идэрской групп, где, за исключением Их-Асхетского барельефа, преобладают прямолинейные геометрические орнаменты» [4, с. 575] [5]. Возможно, простейшие ромбические узоры являются в данном случае отличительным знаком, который указывает на определенную этническую принадлежность «владельцев» поминальных сооружений или подчеркивает их особое общественное положение.

Интересно, что в обоих парных хануйских комплексах (III тип) каждый восточный ящик (3 и 5) не орнаментирован, а западные (2 и 5а) украшены «сотами», идентичными рисунку на плитах ящика 6 (II тип). Подобный факт вряд ли случаен и, очевидно, свидетельствует о кровнородственных отношениях лиц, которым посвящены эти три сооружения. В таком случае орнамент может играть роль отличительного знака типа родовой тамги. Известно, что тамга в каждом последующем поколении слегка видоизменялась — теряла какую-либо деталь или получала дополнительный штрих, сохраняя при этом характерную только для данного рода форму [26]. В орнаментах на хануйских памятниках соблюдается тот же принцип: «сотовый» рисунок на ящике 6 заключен в двойную рамку, тогда как на ящике 2 рамка состоит из одной черты, но при этом на его восточной плите помещено изображение феникса и волка. Таким образом, утрата одной линии в бордюре и дополнительное зооморфное изображение могут свидетельствовать о принадлежности памятника 2 младшему по возрасту родственнику «владельца» памятника 6. По-видимому, то же можно сказать и о «владельце» ныне разрушенного памятника 5а. Ответа на вопрос о степени родства лиц, «представленных» неорнаментированным ящиком 7, а также отличным от всех прочих по рисунку ящиком 1, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают.

Предпринятый в настоящей статье опыт палеосоциологической интерпретации памятников долины р. Хануй по их устройству, месторасположению, орнаментальному убранству и т. д. во многом условен. Тем не менее предложенная реконструкция показывает настоятельную необходимость более углубленного использования богатейшего фонда погребальных и поминальных памятников, которые во многом могут дополнить сведения письменных источников по различным аспектам древнетюркской истории и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клеменц Д. А.* Письмо на имя академика Радлова.— Сб. тр. Орхонской экспедиции. Вып. 1. СПб., 1892.
2. *Дубин С. М.* Предварительный отчет поездки из Эрдэницзу в Кяхту.— Сб. тр. Орхонской экспедиции. Вып. 1. СПб., 1892.
3. *Бамбаев Б. Б.* Предварительный краткий отчет Бамбаева Бальджи о работе в этнолого-лингвистическом отряде научной экспедиции АН СССР по исследованию Внешней Монголии и Танну-Тувы, составленный в 1927 г.— Архив рукописей Ин-та истории АН МНР, дело 45.2.
4. *Кляшторный С. Г.* Эпиграфические работы в Монголии.— АО — 1977. М., 1978.
5. *Кляшторный С. Г.* Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации ихэ-ханын-норской надписи).— ТС — 1974. М., 1978.
6. *Захаров А. А.* Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г.— Тр. ГИМ, 1926, вып. 1.

[5] Асхетская плита с изображениями и надписями является внутренней стенкой неорнаментированного восточного ящика, который имитирует поминальный храм больших комплексов. Эта плита как бы объединяет в себе каменные изваяния и стелу. Западный же ящик здесь украшен резными ромбами.

7. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1965.
8. *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, 1952. № 24.
9. *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953—1960 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1961.
10. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979.
11. *Кубарев В. Д.* Разведки и раскопки на Алтае.— АО — 1979. М., 1980.
12. *Кубарев В. Д.* Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая.— В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука. 1979.
13. *Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая (Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) — ИАК, 1916, вып. 62.
14. *Радлов В. В.* Атлас древностей Монголии. Вып. I—IV. СПб., 1892—1899.
15. *Novgorodova E.* Alte Kunst der Mongolei. Leipzig, 1980.
16. *Киселев С. В.* О древней черепице в музеях Китайской Народной Республики.— СА, 1960, № 3.
17. Монгольско-русский словарь/Под ред. Лувсандэндэва А. М.: ГИС, 1957.
18. Бурятско-русский словарь/Составитель Черемисов К. И. М.: ГИС, 1973.
19. *Радлов В. В., Мелиоранский П. М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме.— Сб. тр. Орхонской экспедиции. Вып. IV. СПб.. 1897.
20. *Бичурин Н. Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1851.
21. *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (T'u-küe). B. 1. Wiesbaden, 1958.
22. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз. 1957.
23. *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Каменные изваяния Верхнего Прииртышья.— СА. 1974, № 3.
24. *Владимирцов Б. Я.* Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах.— В кн.: Северная Монголия. Т. II. Л., 1927.
25. *Боровка Г. И.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы.— В кн.: Северная Монголия. Т. II. Л., 1927.
26. *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности.— СА. 1960, № 3.

V. E. Voitov

THE EARLIEST TURKIC MEMORIALS ON THE RIVER KHANUI

Summary

The early Turkic memorials in the middle reaches of the Khanui River (the Mongolian People's Republic) were discovered in 1891 by D. A. Klements and S. M. Dudin. In 1981, the Soviet-Mongolian Historical-Cultural Expedition studied this memorial complex, the largest in Central Asia. It discovered eight memorials of the early Turkic nobility in the Erdenemandal somon and excavated five of them. The author forwards his own typological pattern of the memorials based on the earliest Turkic social structure. Runic inscriptions on one of them and the iconography of the entire group relate it to the period between the late 7th and the first half of the 8th century A. D.

И. П. РУСАНОВА, Б. А. ТИМОЩУК

ЗБРУЧСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ
(предварительное сообщение)

Найденный в 1848 г. в русле р. Збруч недалеко от г. Гусятина (ныне Тернопольская обл. УССР) каменный обелиск с четырехликой головой, покрытой высокой круглой шапкой, и с изображениями, вырезанными на его четырех боковых гранях, получил в литературе наименование Збручский идол. Этот единственный в своем роде памятник вызвал огромный интерес в научном мире, было высказано много противоречивых мнений относительно его назначения, датировки, этнической принадлежности [1, с. 279—287; 2, с. 75—77; 3, с. 5—60]. Между тем успешное решение данных вопросов возможно лишь при условии, если Збручский идол будет связан с определенным культурным слоем. Такую задачу поставила перед собой Прикарпатская экспедиция Института археологии АН СССР, которая с 1984 г. начала сплошное археологическое обследование местности, где был обнаружен идол.

К северу от г. Гусятин, между р. Збруч и впадающей в нее р. Гнилая, расположена холмистая возвышенность Медоборы, покрытая лесом. Здесь, в 5 км от с. Городница Гусятинского р-на, на самом высоком холме, называемом местными жителями горой Богит (ее высота над уровнем моря 428 м), и вокруг этого холма выявлен комплекс восточнославянских памятников X—XIII вв. Вершину горы занимает городище, на котором открыты культовые сооружения; у ее подножия расположены могильник и пять селищ. Сооружения на городище, его валы и рвы очень хорошей сохранности и лишь в незначительной мере повреждены окопами первой мировой войны. На селищах видны западины жилищ, что позволяет выяснить их планировку.

Площадка городища имеет овальную форму и вытянута с запада на восток на 300 м при наибольшей ширине около 100 м. Она окружена валом, который идет по самому краю вершины горы и в восточной части спускается на ее склон, где расположен въезд на городище. Два дополнительных поперечных вала делят площадку на три неравные части. По склону холма вокруг городища были выкопаны рвы, которые окружали и дополнительную площадь (80×40 м), расположенную около въезда на городище и связывающую гору Богит с соседним холмом. Кроме того, еще один вал спускался по северному склону городища и отделял территорию могильника от окружающих селищ (рис. 1).

Самая высокая точка на городище находится на его западной площадке, отделенной первым поперечным валом. Эта площадка имеет почти треугольную форму и размеры 70×50 м (рис. 2). В ее центре на самом высоком месте (его высота при дальнейших измерениях принята за репер) открыто сооружение из камней (диаметр его 17 м). Оно поднималось над уровнем окружающей почвы на 50—60 см. При расчистке в центральной части выявлен круг диаметром около 9 м, поверхность которого выложена камнями-булыжником и кое-где выступающими более крупными камнями. К центральной площадке со всех сторон симметрично примыкают восемь корытовидных и овальных в плане углублений диаметрами 3—5 и глубиной до 1 м от поверхности круга и 40—60 см от уровня окружающей почвы. В северной части сооружения между углублениями и среди каменной вымостки оставлен проход к центру круга шириной 1 м. Вход вел к центральной столбовой яме, имеющей квадрат-

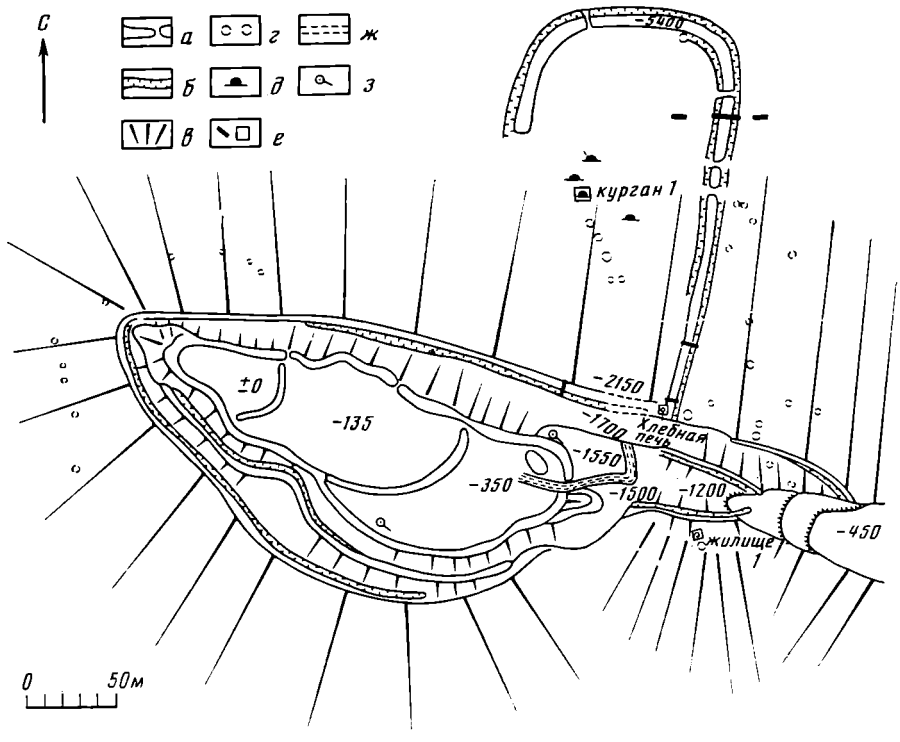


Рис. 1. План городища Богит и прилегающих к нему могильника и поселений. *а* – вал; *б* – ров; *в* – склоны; *г* – западины; *д* – курган; *е* – раскопы; *ж* – дорога; *з* – колодец

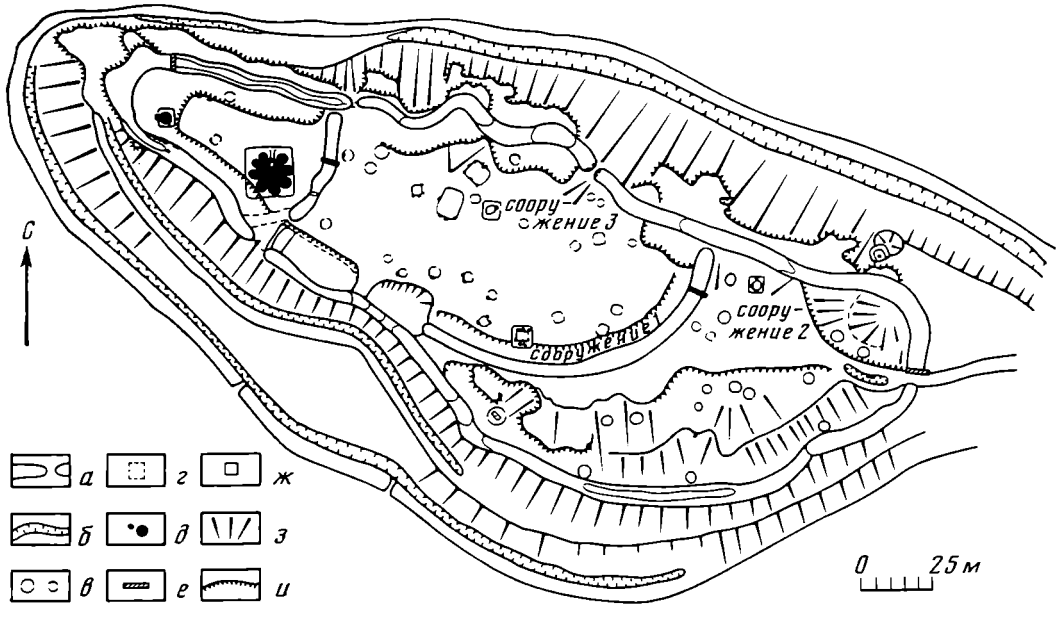


Рис. 2. План городища Богит. *а* – вал; *б* – ров; *в* – западины; *г* – площадки; *д* – камни; *е*, *ж* – раскопы; *з* – склоны; *и* – обрывы

ную в плане форму со сторонами и глубиной 50 см. Ее стенки выложены крупными камнями (рис. 3).

При расчистке восьми углублений, заполненных мелкими камнями, найдены кости животных, угли и мелкие обломки посуды X–XIII вв. В углублениях 4 и 8, расположенных в северной и южной частях сооружения, обнаружены погребения мужчин в возрасте около 60 лет. Погребения совершены головой на запад с отклонениями в одном случае к северу, в другом к югу. Для костяков среди камней выбраны прямоугольные ямы, стенки которых сложены из больших камней и каменных

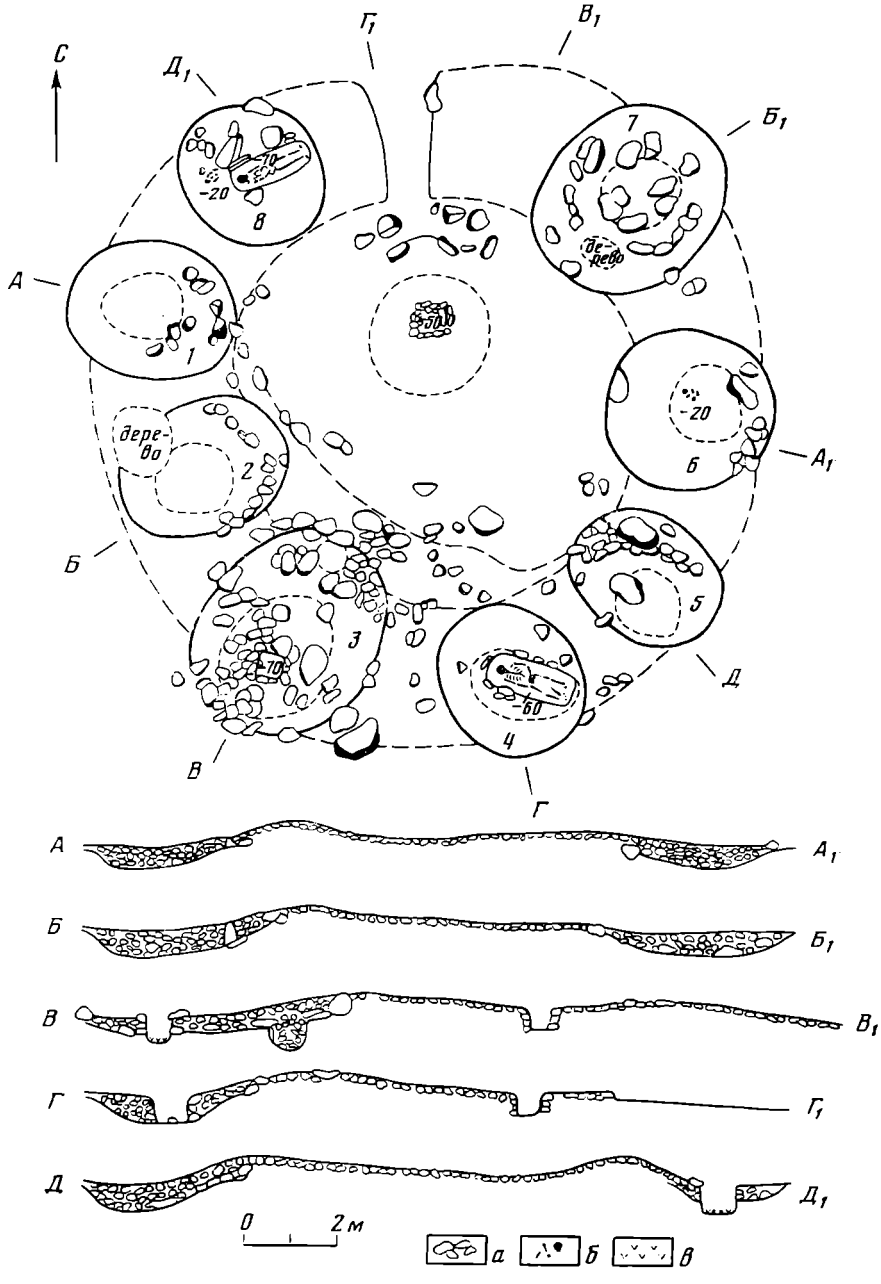


Рис. 3. План и профили сооружения – пьедестала идола. *1–8* – углубления; *а* – камни; *б* – кости; *в* – угли

плит, а дно посыпано углем. Кроме того, в углублении 8 к западу от погребения взрослого человека, но на 40 см выше него среди камней лежали кости ребенка в возрасте около 2 лет. Второе такое же детское погребение обнаружено на глубине 20 см среди камней углубления 6.

Все это довольно сложное в плане сооружение, по-видимому, следует рассматривать как пьедестал для идола, который мог стоять в центральной яме: величина квадратного основания идола со стороной около 30 см соответствует размерам этой ямы. Возможно, еще один идол стоял в углублении 3 к югу от центрального идола, напротив входа. В этом углублении среди камней находилась такая же столбовая яма (рис. 3). Круглые пьедесталы для идолов характерны для восточнославянских святилищ. Например, круглые площадки обнаружены на святилище в Перыни под Новгородом и на Красногорском святилище [4, с. 261]. В углублениях, расположенных вокруг идола, приносили жертвы, в том числе и человеческие. О человеческих жертвоприношениях языческим богам

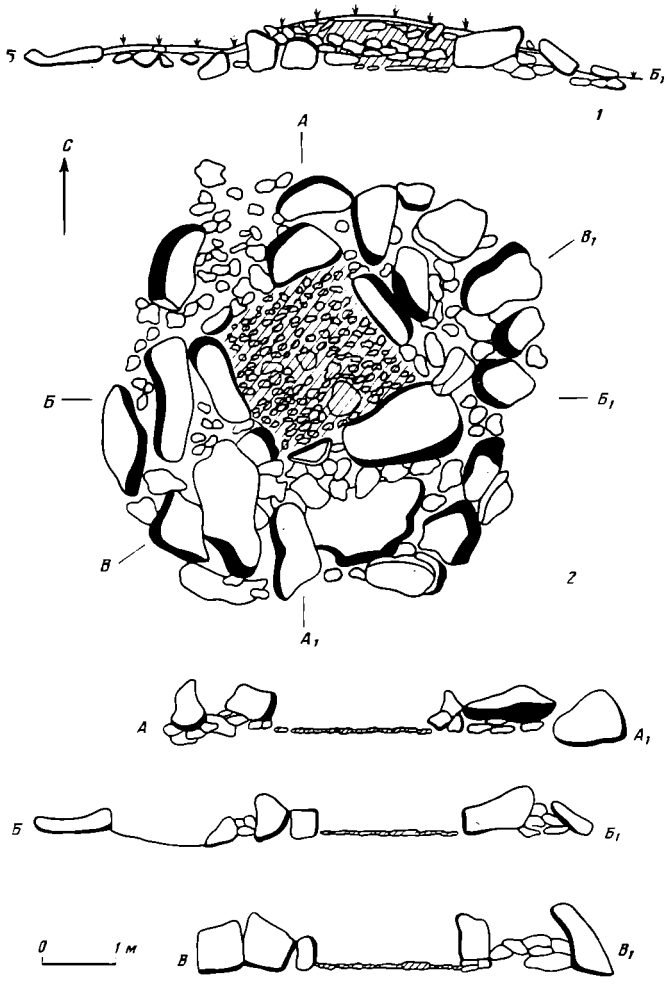


Рис. 4. План и профили курганообразного сооружения – жертвенника. *1* – профиль до расчистки; *2* – план и профили после расчистки

упоминает древнерусский летописец: «...привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бесомъ, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьми земля Руска» [5, с. 56]. Об этом же писал немецкий хронист Гельмольд: «...и приносят богам своим жертвы волами и овцами, а многие и людьми-христианами, кровь которых, как уверяют они, доставляет особое наслаждение их богам» [6, с. 129].

В той же западной части городища, на самом его мысу, в 35 м от подножия идола зафиксировано еще одно сооружение из камней (рис. 2). Это курганообразное возвышение диаметром около 5 м и высотой 80 см, обставленное кругом большими каменными глыбами и покрытое панцирем из булыжника (рис. 4). После снятия мелких камней в центре возвышения обнаружена квадратная яма со сторонами 2 м и глубиной от вершины 70 см; она обставлена большими каменными плитами, образующими ее вертикальные стенки, а ровное дно выложено мелкими камешками и небольшими плиткам. Яма заполнена черной углистой землей и забросана камнями. Она заполнялась постепенно на протяжении долгого времени: на ее дне встречается преимущественно керамика XI в., выше залегают обломки посуды XII и первой половины XIII в. Кроме того, здесь найдено несколько обломков стеклянных браслетов и многочисленные кости животных, главным образом крупного рогатого скота. Вполне возможно, что яма на курганообразном возвышении также предназначалась для жертвоприношений и остатков языческих тризн. Подобные ямы с такими же находками раскопаны на древнерусских могильниках [7, с. 97].

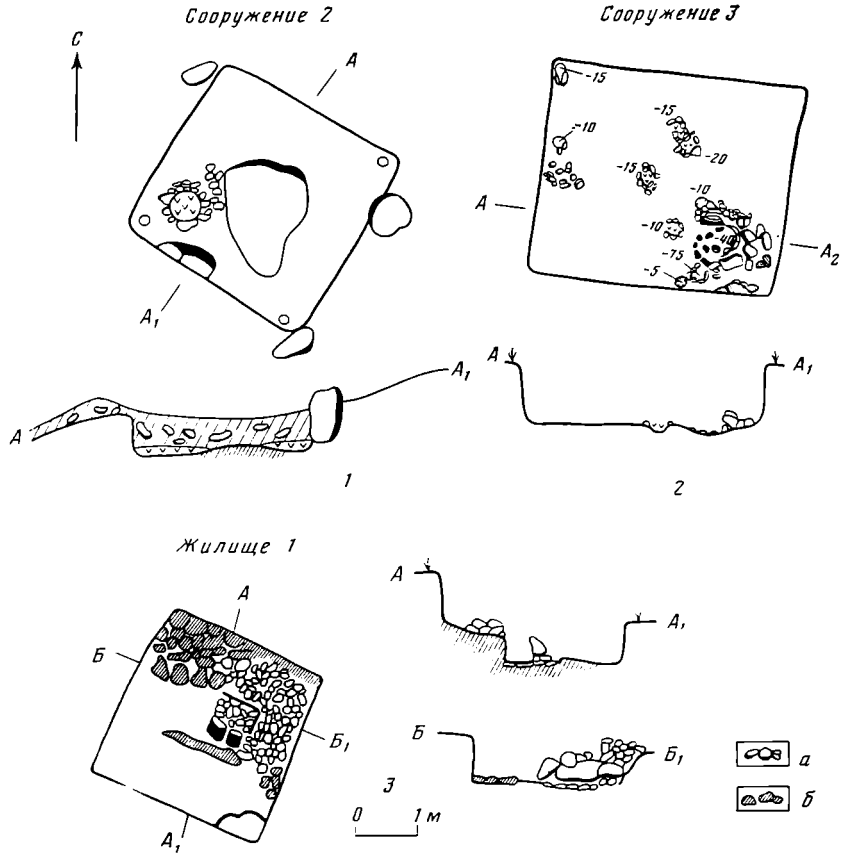


Рис. 5. Планы и профили жилых сооружений. *1* – сооружение 2; *2* – сооружение 3; *3* – жилище 1; *а* – камни; *б* – материковые камни

Западная часть городища, где находились описанные выше культовые сооружения, была со всех сторон окружена валами, на вершинах которых были устроены специальные площадки для ритуальных огней. На главном валу, окружающем все городище, горизонтальная площадка была вымощена каменными плитками и имела ширину около 2 м, а на самом мысу городища при закруглении вала ширина площадки доходила до 5 м. При расчистке этой площадки в большом количестве найдены вторично обожженные обломки глиняной посуды X—XIII вв., кости животных, также частично обожженные, и угли. Площадка шириной 2 м была устроена и у поперечного вала с его внутренней стороны. Она выложена из плоских каменных плиток, верхняя часть которых сильно обожжена. Здесь также найдены обломки посуды X—XIII вв., угли и кости животных.

Культовые валы с горизонтальными площадками для ритуальных огней характерны и для других восточнославянских городищ-святилищ. Например, такие площадки хорошо сохранились на валах Кулешовского городища-святилища [8, с. 162, 163], здесь также найдены обломки посуды X—XI вв., кости животных, угли. Наличие площадок и характер находок на них позволяют утверждать, что на культовых валах во время языческих богослужений и общественных жертвоприношений «огонь неугасающий из дубового древия непрестанно паляху» [9, с. 207].

Западная часть площадки городища имела чисто культовое значение и являлась капищем, никаких жилых построек на ней пока не обнаружено.

Совершенно иной характер застройки выявлен на других частях городища. Здесь сохранились и хорошо видны западины 44 построек и следы длинного дома, расположенного вдоль вала (рис. 2). Длинный дом 1 прослеживается в виде горизонтальной выровненной площадки длиной

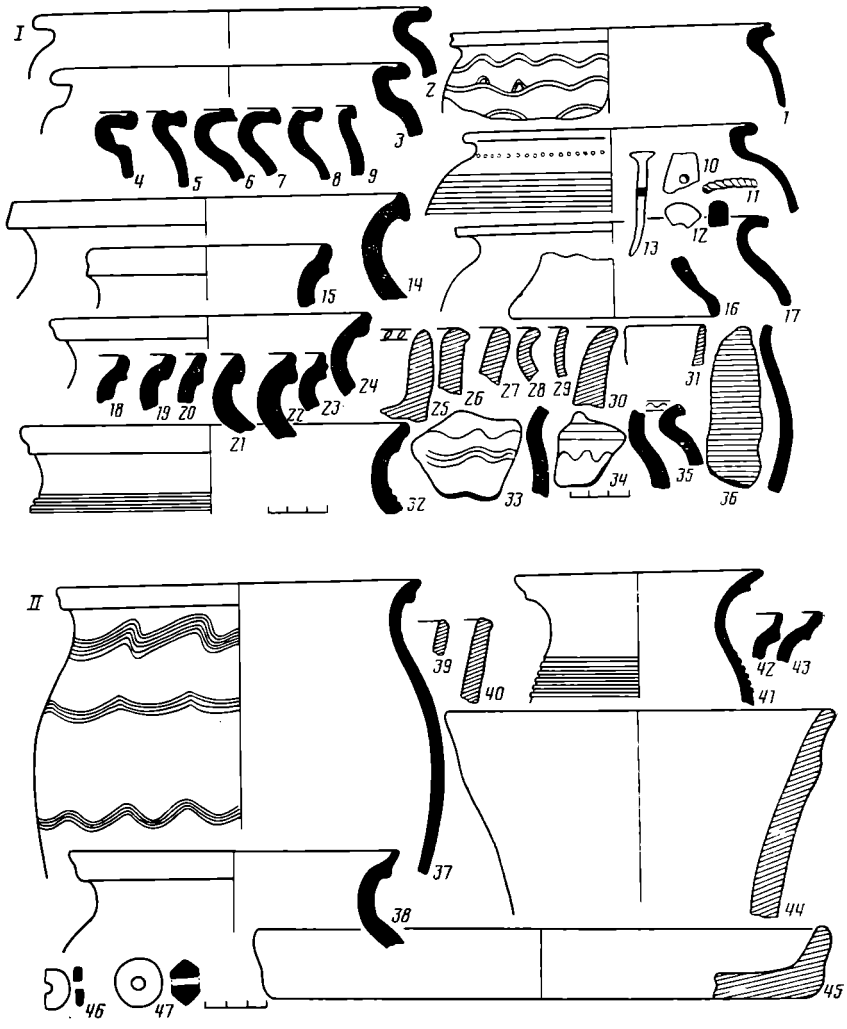


Рис. 6. Находки в сооружениях. *I* – из жертвенника (*1–36*) – керамика, пряслице, гвоздь, оселок, обломок стеклянного браслета; *II* – из жилого сооружения 1 (*37–47*). Штриховкой дан профиль лепных черепков

40 и шириной 12 м. Он был частично раскопан. При этом расчищен пол, выложенный из камней и перекрытый сверху культурным слоем толщиной до 30 см. В доме найдено огромное количество разбитой посуды XI – первой половины XIII в. и кости животных. Деревянные стены дома, по всей вероятности, имели столбовую конструкцию, о чем свидетельствуют две столбовые ямы, расчищенные на вскрытом участке. Стены были обмазаны глиной, затвердевшие куски которой с отпечатками дерева встречаются на площади дома. Большие длинные дома, открытые на многих городищах – общинных центрах, в том числе и на святилищах, выполняли различные общественные функции и играли важную роль в жизни населения [8, с. 169, 170].

Западины от построек располагаются ближе к валам, оставляя свободной среднюю часть городища, где, вероятно, проходила дорога на капище. В разных частях городища раскопаны три западины. В результате выявлены прямоугольные полуземлянки площадью 9–12 м^2, котлованы которых были выбиты в материковой скале на глубину 60–80 см. Стены помещений имели столбовую конструкцию, деревянное перекрытие сверху засыпано камнями, которые после разрушения постройки заполнили ее котлован. В постройках не было печей-каменок, характерных для славянских жилищ этой территории. Вместо печей в одном из углов раскопанных сооружений находились очаги, устроенные в неглубоких ямках на каменном полу (рис. 5). Кроме основных оча-

тов в разных местах помещений находилось еще несколько маленьких очажков диаметром 20—30 см. По хронологической шкале керамических комплексов постройки датируются X—XI вв. (рис. 6).

Очаги и находки на полу остатков глиняной посуды, глиняного пряслица и костей животных (кухонных отходов) указывают на то, что помещения использовались как жилища. Эти жилища находились на городище рядом с капищем, были окружены валом и культовым рвом, ограждавшим территорию от «злых духов». В них могли жить или паломники, или, что более вероятно, их использовали служители языческого культа.

Через все валы и рвы на городище сделаны разрезы. Главный вал, окружающий все городище, хорошо сохранился на высоту до 2 м. Основу его конструкции составляли большие камни, поверх которых без связующего раствора были набросаны известняковые камни среднего и мелкого размеров. Острые камни и каменные глыбы выступают на склонах и на узкой вершине вала, что свидетельствует об отсутствии на валу деревянных оборонительных сооружений. Подошвой вала служит материковая скала. При постройке вала камни брали с внутренней площадки городища, в результате вдоль вала образовалось углубление — внутренний ров шириной 10—15 и глубиной 0,5—2 м.

Два поперечных вала сложены из камня и имеют такую же конструкцию. Все валы составляют единую систему, они сооружены одновременно. Дата может быть определена по слою, находившемуся в подошве валов, где найдены обломки лепной посуды раннежелезного века (вторая половина I тысячелетия до н. э.) и кости животных. Такой слой за пределами валов не обнаружен, что позволяет его связывать со временем устройства валов. По-видимому, каменные валы являются остатками языческого святилища раннежелезного времени и перед началом их сооружения проводились какие-то магические действия, приведшие к образованию тонкого культурного слоя. Святилища этого времени с каменными валами исследовались на территории Польши [10, с. 286—295; 11, с. 51—97; 12. с. 69—121].

На рубеже IX—X вв. городище-святилище раннежелезного века было приспособлено под языческое святилище восточными славянами. При этом в западной части городища на валу, окружавшем капище, были устроены горизонтальные площадки для ритуальных огней и такие же площадки расчищены на внутреннем склоне первого поперечного вала. В это же время из камней были сложены пьедестал для идола и курганообразный жертвенник. Не позднее X в. по склону горы вокруг городища был выкопан ров, выброс из которого образовал с внешней стороны невысокий вал. Плоское дно рва выложено камнями, на них найдены угли и керамика X—XI вв. Такого типа культовые рвы, выложенные каменными плитками, открыты на славянских городищах-святилищах в Кулишевке и Рудниках [8, с. 162—164, 169].

Помимо самого городища культовый ров окружал и ровную площадку перед въездом на городище. Здесь нет культурного слоя и не видно следов застройки. Возможно, перед входом на городище происходили сборища населения во время языческих празднеств. В северо-восточной части этой площадки вдоль культового рва стоял длинный наземный дом, от которого сохранился пол, вымощенный каменными плитками и занимающий площадь длиной более 60 м при ширине 6—8 м. Пол частично был расчищен, но на нем в отличие от длинного дома 1, находящегося на городище, почти не было находок, за исключением нескольких обломков посуды X—XI вв.

Рядом с длинным домом 2 сохранился колодец прямоугольной в плане формы (3,2×3,2 м). Он выбит в скале, его современная глубина 3,8 м. Второй колодец, сделанный в скале, находится на самом городище около главного вала. Его размеры 2,6×1,4 м, глубина 6,5 м. Время сооружения колодцев пока установить не удалось. Подобные колодцы, выбитые в скалах (что требовало огромных усилий), открыты на многих святилищах. Например, на святилище Зеленая Липа он достигает глубины

14,5 м [8, с. 166]. Все эти колодцы не доходят до уровня воды и, по-видимому, использовались в ритуальных целях.

Культовый ров ограждал всю территорию, предназначавшуюся для почитания языческих богов. За пределами этого рва с его внешней стороны располагаются западины жилищ. С западной стороны на пологом склоне горы 10 западин окружают самое священное место — капище (рис. 1). С восточной стороны пять западин ограждают площадку перед въездом на городище. Одна из этих западин была раскопана и оказалась котлованом обычной славянской полуземлянки размерами 3×3 м. Жилище отапливалось печью-каменкой, и вдоль одной из его сторон, где обычно в славянских жилищах находились нары, был оставлен каменный материковый останец, который мог быть обшит деревом и служить местом для спанья. Расположение всех этих западин-жилищ вдоль культового рва на неудобных для жизни склонах позволяет предположить, что они предназначались для специальной стражи, охраняющей святилище.

В комплекс Збручского святилища входил и могильник, расположенный рядом с городищем на северном склоне горы Богит. Могильник был огражден земляным валом, который спускался по склону, поворачивал почти под прямым углом и неожиданно обрывался, не замкнув всей площади могильника. Создается впечатление, что строительство вала было не закончено. Прорезка вала в трех местах показала, что он насыпан из желтой материковой глины, взятой из внутреннего и внешнего рвов. В насыпи вала не обнаружено никаких деревянных конструкций, а под насыпью на древней дневной поверхности во всех трех траншеях найдены обломки лепной и гончарной посуды X в., кости животных и уголь. Возможно, это остатки определенного ритуала, предшествовавшего сооружению вала. Несколько обломков посуды X в. найдено и в насыпи вала, а во рву встречены гончарные черепки XI в. Из этого следует, что сооружение вала происходило в X в., скорее всего в его первой половине.

Земляной вал ограничивает площадь размерами 270×130 м. Почти в ее центре находится курган и две чуть заметные насыпи, поросшие деревьями. Курган раскопан. Его земляная насыпь имела диаметр 5 и высоту 1,2 м. В ней на разных уровнях найдены обломки посуды X—XI вв. и угли. Под насыпью на древней поверхности обнаружена прямоугольная яма с закругленными углами (размеры 2,1×1,1 м, глубина в материке 0,2 м) и заполненная черной землей с угольками. Возле нее лежало несколько камней и кусок обгоревшего дерева. Следов погребения в кургане не найдено.

В северной части площади, огражденной валом, пробными раскопками выявлено три грунтовых погребения. В овальных ямах (диаметром от 0,7 до 1,6 м и углубленных в материк на 20—40 см) находились в небольшом количестве кальцинированные кости, кусок черепа человека, кости животных, обломки лепной и гончарной посуды X в., в том числе целый горшок. Сравнительно большие ямы и состав находок, особенно довольно многочисленные кости животных, отличают эти погребения от обычных грунтовых захоронений славян. Вероятно, эти погребения имели также культовое значение.

В центральной части площади могильника расположены пять больших западин, вытянутых в один ряд. Их назначение неясно. Еще две западины примыкают к валу с внутренней стороны. Одна из них, расположенная при пересечении земляного вала и культового рва, раскопана. Выявлено прямоугольное помещение 3,6×4 м с наклонными стенками, обложенными мелкими камешками. В одной из материковых стен вырезана нишеобразная печь диаметром 1,4 м, устье которой укреплено большими каменными плитами. Стенки печи и под прожжены на толщину до 20 см. Под печи находился на уровне пола помещения и от горячего угля, выгребавшегося из печи, глиняный пол обожжен до твердого состояния. В помещении найдены обломки гончарной конической миски, куски лепной жаровни с сильно обожженными стенками, обломки круговых горшков X—XI вв. По этнографическим и археологическим источ-

никам известно, что печи такой конструкции использовались для выпечки хлеба [13, с. 52, 53].

Збручское святилище находилось в окружении синхронных ему селищ, обнаруженных в трех местах на склонах горы Богит. Первое расположено к северо-востоку от городища, к востоку от земляного вала и могильника (рис. 1). Здесь на пологом склоне холма сохранилось 13 западин, на месте которых найдены черепки X—XI вв. Однако на этом поселении насчитывалось больше жилищ. В прошлом веке, когда часть площади не была покрыта лесом и распахивалась, эти западины были снивелированы.

Второе селище расположено к югу от городища у подножия горы. Здесь в центре ровной площадки отчетливо видна большая западина (диаметр 10, глубина 2 м) воронковидной формы, возможно, это был колодец. Кругом него по краю площадки в один ряд находятся 14 западин-жилищ. На территории селища найдена керамика X—XI вв.

Третье селище удалено от второго на 200 м. На его площади обнаружено только три западины, остальные уничтожены при распашке. Керамика с этого поселения также относится к X—XI вв.

Еще два селища обнаружены на некотором отдалении от городища-святилища. Одно из них, насчитывающее около 80 западин, занимает участок между скалистыми возвышенностями в 1 км на юго-восток от городища в урочище Скала. Другое селище отстоит от городища на 1 км в северо-восточном направлении и лежит в долине между высокими холмами. На его поверхности видны 19 западин-жилищ, вытянутых двумя параллельными рядами. В 300 м к востоку от последнего селища расположено миниатюрное поселение, на котором прослежены 4 западины. Окрестности Збручского святилища, таким образом, были густо заселены.

Сложная структура комплекса, его величина и внушительность, уникальность фигуры идола заставляют рассматривать Збручское святилище как центр, к которому тяготело население большой округи. Святилище по своим масштабам значительно превосходит те небольшие культовые городища — общинные центры, которые известны в Прикарпатье [8].

Языческие культы, отправлявшиеся на городище, были достаточно развиты и сложны. Здесь находились специальные места для жертвоприношений, горели ритуальные огни, в больших длинных домах совершались пиршества, производились захоронения умерших, какие-то обряды были связаны и с колодцами, выбитыми в скалах. Языческий культ требовал специальных служителей, они могли жить на городище в особых постройках. Сложному языческому культу вполне отвечало Збручское изваяние, которое, по выражению Б. А. Рыбакова, представляет собой целый «философский трактат, написанный резцом и кистью на серых гранях известнякового камня» [2, с. 79].

В жизни Збручского святилища выделяются два основных периода: 1) X—XI вв.— время нормального функционирования святилища, когда были сооружены и активно действовали все его объекты; 2) XII — первая половина XIII в.— этап постепенного угасания святилища. В последний период были оставлены жилища служителей культа на городище, стала постепенно замирать жизнь на окружающих поселениях. Все же до середины XIII в. язычники посещали святилище и совершали здесь культовые обряды, продолжали функционировать и длинные общественные дома на городище.

Почитание святилища и жертвоприношения на капище в углублениях каменного пьедестала и жертвенника могли продолжаться лишь в том случае, если главное почитаемое изображение божества еще стояло на месте. Его сняли с капища в середине XIII в. в связи с какой-то опасностью, угрожавшей изваянию, и спрятали в р. Збруч возле горы Соколиха, в 2 км от святилища. Идола транспортировали по сильно пересеченной местности, но сумели сохранить изваяние неповрежденным.

На верховьях Днестра и по его притокам распространены памятники X—XI вв. восточных славян, ими было сооружено и Збручское святилище. Поэтому нет оснований называть идола Святовитом — именем боже-

ства балтийских славян. Вполне возможно, что автор «Слова о том, како погане суще языци кланялися идолам» имел в виду именно изображения типа Збручского идола, когда писал, что славяне «начаша требы класти Роду и Рожаницам» [14, с. 385].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуревич Ф. Д.* Збручский идол.— МИА, 1941, № 6.
2. *Рыбаков Б. А.* Искусство древних славян.— В кн.: История русского искусства. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
3. *Leńczyk G.* Świątowid Zbruczański.— Materiały Archeologiczne. T. V. Kraków, 1964.
4. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982.
5. Повесть временных лет. Ч. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
6. *Гельмольд.* Славянская хроника/Пер. Разумовской Л. В. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
7. *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини. Київ: Наук. думка, 1976.
8. *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута.— СА, 1983, № 4.
9. Ипатьевская летопись.— ПСРЛ, 1962, т. 2.
10. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
11. *Cehak-Hołubowiczowa H.* Kamienne kręgi kultowie na Raduni i Ślęży.— Archeologia Polski, 1952, t. III, zesz. 1.
12. *Rozen-Przeworska J.* Przeżytki celtyckie i celto-scytyiske na obszarze Polski.— Archeologia Polski, 1963, t. VIII, zesz. 1.
13. *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. Київ: Наук. думка, 1982.
14. *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.

L. P. Rusanova, B. A. Timoshchuk

THE ZBRUCH SANCTUARY

(A preliminary report)

Summary

An early Iron Age settlement was discovered on the river Zbruch not far from the place where the Zbruch idol had been found in 1848. The settlement was used in a later period, in the 10th and 11th centuries. It is encircled by a stone rampart, a moat used for religious purposes and is divided into three parts by transverse banks. In the western part of the settlement there is a round stone platform, 9 cm in diametre, with a square hole (probably a place where the idol had stood). The central circle has eight oval deepenings around it. Two of them contained burials of men of about 60 years of age and two-year-old children. The sacrificial altar, a mound-like stone raised place, occupied the settlement's cape. Long surface and semi-underground dwellings with stone hearths were found in the central and eastern parts of the settlement. Two wells, one inside the stone rampart, the other outside it, were made in rocks. An additional rampart runs along the northern slope. It fences in a burial ground containing several barrows and ground burials. The Zbruch complex also included five settlements.

А. А. ПЕРУСАЛИМСКАЯ

ДРЕВНЯЯ ЛАТУНЬ НА ТОРГОВЫХ ПУТЯХ КАВКАЗА
(по материалам Мощевой Балки)

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения крупнейшего археолога-кавказоведа Александра Александровича Иессена, чей вклад в разработку истории древней металлургии трудно переоценить. Поэтому представляется уместным вернуться к одному частному вопросу о кавказской металлургии, некогда интересовавшему ученого.

Как известно, А. А. Иессен был инициатором первых анализов археологического металла, которые осуществлялись в рамках созданной в 30-х годах специальной Комиссии металлов при ГАИМК. Тогда среди северокавказских находок впервые были выявлены наряду с бронзами латуни (медно-цинковые сплавы). Хотя эта тема и явилась побочной в исследованиях А. А. Иессена, тем не менее им был сделан ряд чрезвычайно глубоких наблюдений [1, с. 178—180].

В дальнейшем исследования Т. Б. Барцевой [2, с. 24—36] подтвердили использование на Северном Кавказе, преимущественно с начала нашей эры, медно-цинковых сплавов с невысоким процентным содержанием цинка. Активное применение низкоцинковистой латуни было выявлено также в городах Боспора и Северного Причерноморья, установлено ее распространение в эту эпоху на территории Украины и в Подонье (работы Т. Б. Барцевой, Е. Н. Черныха [3—5]). Установлен более широкий хронологический диапазон использования низкоцинковистых сплавов на медной основе в Закавказье [6—8].

В 1982 г. при подготовке мною публикации коллекции Эрмитажа из могильника VIII—IX вв. Мощевая Балка (Северо-Западный Кавказ, верховья р. Большая Лаба) заведующим Физической лабораторией Эрмитажа канд. техн. наук А. И. Косолаповым были проанализированы методами рентгеноструктурного и рентгеновского эмиссионного микроструктурного анализов украшения и туалетные наборы. В ходе этих исследований и последующей работы выявлены две принципиально различные группы латуни, отличающиеся не только по содержанию цинка, но и по рудной базе, методам получения сплава, характеру его использования и т. д. Эти факты не сразу получили полноценную интерпретацию [9]. Вместе с тем они стали исходными для постановки некоторых историко-культурных вопросов, в частности об особой роли в древности и средневековье так называемой золотоподобной латуни, не привлекавшей до сих пор должного внимания.

Обратимся вновь к результатам анализов раннесредневековых украшений из Мощевой Балки. Свыше 70% этих предметов (33 из 47) оказались изготовленными из латуни[1]. Они членятся на две группы (таблица 1).

1-я группа с относительно низким содержанием цинка, от 1—2 до 6—7%. По виду такая латунь малоотличима от бронзы, включает по преимуществу обычные типы алано-салтовских украшений VIII—IX (в основном IX) вв. (рис. 1). Характеризуется нестабильностью содержа-

[1] Реальный процент был еще выше, так как из серии одинаковых предметов (например, штампованных бляшек) обычно анализировался лишь один; четыре образца были заведомо не латунными: два зеркала (из высокооловянистой бронзы) и два импортных амулета с куфическими надписями (с большим содержанием свинца).

Таблица I

Корреляция видов украшений и металла (по материалам Мощевой Балки)

Группа	Вид украшений	Металл					
		I			II	III	IV
		1	2	3			
1	Кисточки (обоймы)						x
		x					x
	(рукояти)	x			x		
		x					
		x	x				
	Поясные пряжки	x	x				x
	бляшки	x			x		x
		x					
		x					
	наконечники	x				x	
		x					
	Проволочный браслет	x					
	Проволочные серьги	x				x	x
		x					
	Проволочные височные кольца	x					x
	Фибулы	x					
		x					
		x					
	Копоушка	x					
	Ложечка-сито	x					
	Перстни	x	x				
		x					
2	Индикации		x	x			
				x			
				x			
	Брактеаты			x			
				x			
				x			
				x			
				x			
				x			
	Бляшки диадем			x			
				x			
				x			

Примечание. I — латунь (1 — 1—7% Zn, 2 — 14—15% Zn, 3 — 20 — 50% Zn); II — бронза; III — медь; IV — серебро; x — проанализированный предмет.

ния цинка (в двух случаях наблюдался даже скачок за параметры группы в целом — до 13—14%), отсутствием выраженной корреляции между видом украшения и металлом (при доминирующей роли латуни для этих предметов иногда использовались и другие металлы). Так, проволоку, идущую на браслеты, серьги, височные кольца, волочили не только из латуни, но и из меди и серебра; для рукоятей кисточек, ременных бляшек, пряжек и накладок на них кроме латуни использовали эпизодически бронзу и серебро.

Для сопоставления была отобрана — по чисто визуальному признаку — серия из 20 украшений аналогичных типов, обыкновенно считавшихся бронзовыми. Они происходят из аланских могильников Северной Осетии, главным образом из Камунты, а также из Джейраха, Кобани, Донифарса и Лизгора [2]. Все находки оказались из такой же низкоцинковистой латуни и отличались теми же особенностями, что и 1-я группа.

2-я группа — с высоким содержанием цинка (от 15—20 до 40—50%), по виду напоминает золото. Основную часть украшений составляют тисненые бляшки, брактеаты и индикации с византийских солидов, имитировавшие и по самой сути золотые монеты (рис. 2). Эти украшения, как засвидетельствовано находками в Мощевой Балке, нашивались на матер-

[2] Из коллекции К. И. Ольшевского и из раскопок В. И. Долбежева (Отдел Востока Гос. Эрмитажа).

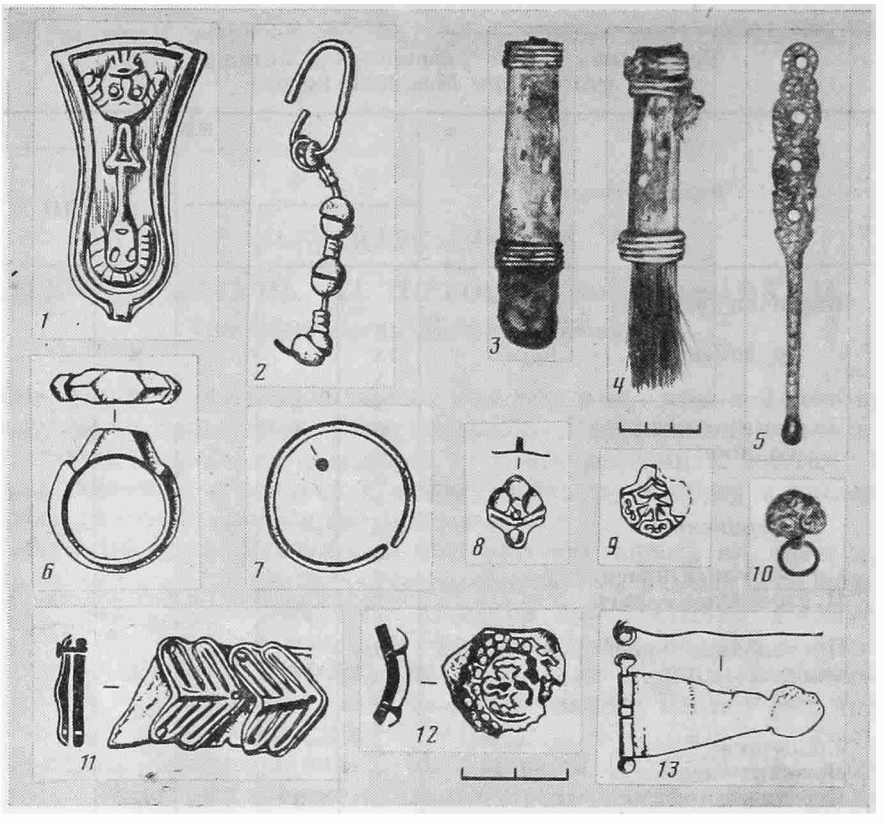


Рис. 1. Украшения из низкоцинковистой латуни (1-я группа)

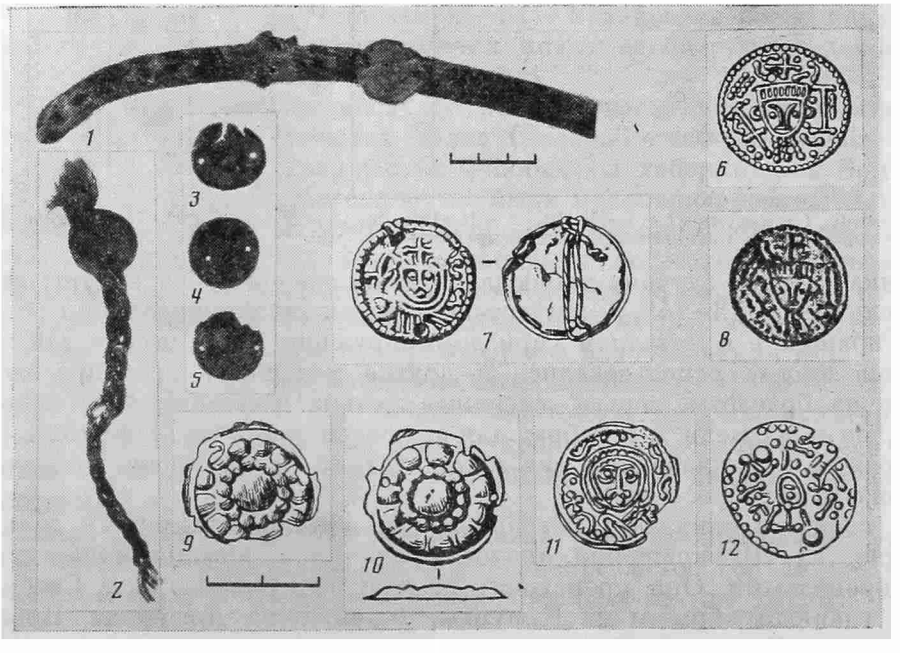


Рис. 2. Украшения из высокоцинковистой латуни (2-я группа)

чатую диадему и косички, которые составляли убор и прическу девушек (рис. 2, *1—5*). Своеобразие и специфичность именно для района Большой Лабы данных типов брактеатов, дающих к тому же серийные повторения с одной матрицы, допускают предположение об их изготовлении в мастерской какого-то местного центра. Это служит дополнительным признаком, отличающим украшения 2-й группы от 1-й: последняя включает типы, широко распространенные по всей территории салтовской культу-

ры [3]. Корреляция между видом украшения и материалом во 2-й группе абсолютна.

Факт преобладания латуни в качестве материала украшений VIII—IX вв. в данных районах Северного Кавказа хорошо согласуется с установленным для более раннего периода, примерно на полтысячелетия, широким использованием здесь низкоцинковистой латуни для изготовления разнообразных предметов, найденных на памятниках сарматского круга [2, с. 32] [4]. Однако возникает вопрос, следует ли разницу в содержании цинка относить за счет «непредсказуемости состава сплава», получаемого при совместных плавках полиметаллических руд [5], или предполагать, что за этим стоят качественно различные явления.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к некоторым общим сведениям, касающимся технологии получения латуни. Приводимые ниже данные основываются на справочных, специальных изданиях и работах, посвященных истории металлургии и химии [12—18; 19, с. 23; 20; 21].

Ряд полезных качеств возникает при добавлении к меди уже нескольких процентов цинка: снижение температуры плавления, увеличение прочности, стойкости к коррозии, улучшение ковкости, пластичности и др. С увеличением содержания цинка все эти качества нарастают. Они придают сплаву, таким образом, исключительно технологическую ценность. Направленность поисков древних металлургов могла этой задачей и ограничиться, подобно тому как это имело место при получении других сплавов на медной основе — оловянистых, мышьяковистых, свинцовых и т. д. Поскольку же такая низкоцинковистая латунь не является единственным материалом, обладающим перечисленными свойствами, украшения этой группы делались иногда и из других металлов или сплавов.

Как могли получать подобную латунь? Чистый цинк в природе не встречается, но существует группа цинкосодержащих минералов: галмей, каламин и ряд других, наиболее распространенными среди которых является сульфид цинка — сфалерит или цинковая обманка. Основные залегания сфалерита на Северном Кавказе находятся в верховьях Терека, где эти месторождения совпадают с мощным меднорудным бассейном [6].

А. А. Иессен справедливо полагал, что древнюю латунь такого рода получали совместной плавкой медных и цинковых руд [1, с. 178]. За истекший период не появилось археологических данных, свидетельствующих о существовании на Северном Кавказе дозированной присадки к меди чистого цинка (получение цинка требует сложной технологии, как будет показано ниже). Однако такая точка зрения была высказана применительно к закавказским материалам [22, 23], а затем перенесена и на северокавказские [11, с. 104]. Против нее свидетельствуют: 1) отсутствие археологических или этнографических подтверждений знакомства здесь со специальными устройствами, необходимыми для выделения цинка; 2) значительные колебания содержания цинка, что характерно именно для совместных плавок; 3) отсутствие стимулов, которые поставили бы столь сложную задачу: низкоцинковистая латунь, удовлетворявшая тем целям, о которых говорилось выше, легко могла быть получена традиционными методами совместных плавок, опыт которых был накоплен практикой выплавки бронз, эквивалентом которых такая латунь по

---

[3] Вопрос о месте их производства не имел твердых критериев для решения, кроме изделий из болеита, с несомненностью связывавшихся с Северным Кавказом [10; 11, с. 102].

[4] Вопрос о рудной базе для латуней Северо-Западного Кавказа не ставился, а в статистических выкладках Т. Б. Барцевой, постулирующей их преобладание здесь по сравнению с Северной Осетией, мало учтен импорт с Боспора, влияющий на эти цифры.

[5] Формулировка протокола Физической лаборатории ГЭ (№ 188 от 25.02.1982).

[6] Менее значительные залегания полиметаллических руд, включающих цинкосодержащие, имеются на Северном Кавказе и в Карачаево-Черкесии; о закавказских месторождениях см. ниже; более удаленные от кавказского региона месторождения здесь не рассматриваются. Об уральском и карпато-трансильванском см. [5, 24].

существу и являлась (в этом случае, как и в ряде других, дефицит олова порождал поиски его заменителей).

Первые опыты в этом направлении, еще нестабильные и, возможно, случайные, относятся в Закавказье, как теперь выяснено, еще к III тыс. до н. э.[7] Однако более определенно об использовании здесь низкоцинковистой латуни можно говорить, видимо, лишь с эпохи поздней бронзы: в 13 из 47 исследованных И. Р. Селимхановым [22] предметов этого периода из Азербайджана, Восточной Грузии и Юго-Осетии содержалось 1—2% цинка с резкими колебаниями в отдельных образцах за эти пределы[8]. На Северном Кавказе для данного периода цинк был зафиксирован В. В. Данилевским лишь в «центральнокобанских» изделиях с медной основой, причем его содержание не превышало обычно 0,5—1,0% и также отличалось нестабильностью [1, с. 177, 299; 27]. Число таких кобанских изделий невелико, однако, быть может, неслучайно они локализуются именно в Северной Осетии, массовые же анализы «восточнокобанских» материалов Сержень-Юрта [28], как и материалов Прикубанья [2, с. 26—28], показали полное отсутствие цинковистых сплавов[9].

Не свидетельствует ли этот факт о том, что именно в центральных районах Северного Кавказа начались первые эксперименты в области освоения низкоцинковистой латуни и что верхнетерекские цинковые месторождения начали спорадически осваиваться в начале I тыс. до н. э. (для более раннего времени находки изделий из латуни на Северном Кавказе не известны[10])?

А. А. Иессен указывал, что в этот начальный период освоения медно-цинковых сплавов присадка цинка имела целью помимо облегчения процесса выплавки металла улучшение самой отливки. Поэтому латунь использовалась не только для кованых или штампованных изделий, что было бы более естественно, но и для литых, даже для оружия, для чего такие сплавы малопригодны [1, с. 180]. Принципиальным сдвигом в эксплуатации кавказских месторождений А. А. Иессен считал переход от разработки окисленных руд к разработке сульфидных, в комплексных залеганиях которых сочетаются сульфиды меди и цинка. В отличие от Закавказья, где этот переход относят к позднебронзовому периоду [30, с. 93], на Северном Кавказе, по-видимому, он явился достижением преимущественно более поздней эпохи: исследователи отмечают начавшееся возрастание с последних веков до нашей эры количества латунных изделий и рост содержания в них цинка (в пределах, не выходящих за рамки нашей 1-й группы) по всему Северному Кавказу[11], а также в Предкавказье, Северном Причерноморье и особенно в Крыму [2, с. 32; 3, с. 27]. Раннесредневековые материалы показывают также, что завоеванием металлургов этой эпохи в освоении латуни было выявление оптимального поля ее применения, именно в той сфере, где она и поныне считается идеальным материалом,— для ковки, штамповки, волочения.

Итак, для интерпретации 1-й группы украшений из Мощевой Балки важно и существование на Северном Кавказе традиций в освоении медно-цинковых сплавов в сарматский период (возможно, уходящих в Северной Осетии в еще большую древность), и наличие сырьевой базы.

---

[7] Изученные Ц. Н. Абесадзе единичные предметы и небольшие серии (содержание цинка в среднем 1,5% с обычными колебаниями в отдельных образцах) происходят с памятников куро-аракского энеолита и некоторых других [6, с. 156, 7, с. 10; 25].

[8] Малую показательность для вопроса о металлургической традиции в целом единичных предметов с относительно высоким процентом цинка демонстрирует, например, нож, содержащий 10% цинка (из находок на Украине), на фоне сотен позднебронзовых предметов, не содержащих его [26, с. 288].

[9] Среди северокавказских материалов этой эпохи, проанализированных Т. Б. Барцевой, цинк не встречен. Правда, памятники Северной Осетии представлены среди них в меньшем числе по сравнению с другими районами [2, с. 26, 27].

[10] Известная находка на энеолитическом поселении Мешоко цинковой пронизки в данной связи не может быть учтена, поскольку она сделана из чистого цинка, а не из латуни и является, кроме того, единичной находкой и, возможно, импортной [29, с. 37, 101, 103].

[11] По мнению Т. Б. Барцевой, определяющую роль в этом процессе играло влияние северопричерноморских городов Восточного Крыма [2, с. 32—35].

Вопрос о последней остается открытым; однако, вероятно, заслуживает внимания не только совпадение состава металла украшений 1-й группы с металлом сравнивавшихся с ними украшений из аланских могильников Северной Осетии, но и их форм. Возможно, это позволяет ставить вопрос об импорте таких украшений с верховьев Терека на Северо-Западный Кавказ, а может быть, и на Дон — Донец, по всей территории салтовской культуры. Обращает на себя внимание, в частности, высокая степень стандартизации мелких деталей составных трехбусинных и многобусинных серег: латунных колечек-разделителей и серебряных полусфер, насаживавшихся на проволочную латунную основу. Все это в целом допускает предположение об их изготовлении в одном из аланских центров — возможно, на территории Северной Осетии. Решить этот вопрос смогут лишь будущие исследования металла салтовских украшений.

Совершенно иной по своему происхождению оказывается высокоцинковистая латунь 2-й группы. Такая латунь не могла быть получена с с помощью тех методов, которые применялись для выплавки низкоцинковистой латуни, и на северокавказской рудной базе. Принципиально иной была и цель изготовления такого сплава — получить декоративный материал, напоминающий золото.

Золотистый цвет и устойчивость против коррозии возникают при содержании в сплаве не менее 15% цинка; оптимальным для цвета является интервал от 20 до 30%. Способы получения могли быть следующие.

1. Непосредственная выплавка из природных блеклых медно-цинковых руд или самородной латуни: только такие месторождения дают высокий процент цинка, а зафиксированное в нескольких украшениях 2-й группы 40—50%-ное содержание цинка возможно лишь для самородной латуни. Последняя встречается исключительно в старых горных массивах [19, с. 23; 30; 31], в молодых же Кавказских горах ее нет. В настоящее время считается, что существовало три региона, которые не только имели такую сырьевую базу, но и стали древнейшими центрами производства золотоподобной латуни: Египет, Индия, Юго-Восточное Причерноморье.

2. Искусственное получение: а) путем возгонки с последующей конденсацией паров цинка выделяется чистый цинк, который затем присаживают к меди; б) методом цементации (или семинтации), отличающимся от первого лишь тем, что пары цинка осаждают сразу на поверхность медной пластины; при этом способе в сплаве содержится не более 28% цинка. В процессе возгонки цинкосодержащий минерал (обычно галмей или каламин) нагревают в специальных приборах вместе с углем; особого оборудования требует и процесс конденсации паров. Для возникновения этих искусственных методов, безусловно, был необходим опыт непосредственной выплавки латуни из высокоцинковистых руд, что могло познакомить со свойствами этого материала и поставить задачу его искусственного получения. Поэтому их изобретение могло родиться, очевидно, в тех же перечисленных выше трех центрах древнейшей золотоподобной латуни, которые получали ее и естественным путем.

Обратимся к данным археологии и письменных источников о золотоподобной латуни, которые могут помочь интерпретации 2-й группы украшений из высокоцинковистой латуни.

Египетский центр производства, эпизодически проявлявшийся еще в додинастический период, к началу нашей эры заявляет о себе весьма существенным образом. К этому периоду относятся находки в Нубии латунных перстней и серег [12]. Примечательно, что, как и в Мощевой Балке, это — украшения, которые могли быть сделаны из золота. Особенно важным представляется сообщение известного Перипла Псевдоарриана о том, что латунь в I в. вывозят из Египта по Красному морю в Адулис «для украшений и в виде брусков — вместо монеты» [33]. Это место в источнике, остававшееся до сих пор незамеченным, имеет большое зна-

[12] В ранневизантийском Египте, судя по папирусам Оксиринха, роль латуни в ювелирном деле была столь велика, что существовал особый термин для ремесленников, делавших латунные украшения [32, с. 119], что, несомненно, отражает давно сложившуюся здесь традицию.

чение для понимания той роли, которую играет уже в это время золотоподобная латунь, становящаяся известным мерилом ценности. Видимо, именно из такой привозной латуни в Риме эпохи Августа начинают чеканить монету — опять-таки по признаку сходства с золотом, на что указывает и название, данное там этому сплаву: «аурихалк» — «золотая медь» [34].

Индийский центр документирован прежде всего археологически. Недавно раскопки [13] показали, что в первые века здесь умели получать латунь и искусственным путем. В Заваре (Раджахстан, Северо-Западная Индия) были обнаружены рядом с цинковым рудником остатки плавильни первых веков с ретортами, перегонными сооружениями, приспособлениями для конденсации паров, которые могли служить как для выделения чистого цинка, так и для получения латуни. В Таксиле (Пакистан) найдены латунные украшения II—IV вв. Хотя эти два пункта разделяют 1000 км, между ними существовал взаимообмен металлами для производства латуни, поскольку в Заваре нет медной руды, а в Таксиле — цинковой. Как справедливо замечают в этой связи исследователи, «производство латуни требовало дальних экономических связей». Практика же дальних перевозок металлов имела, как известно, в древнем мире длительную традицию: вспомним «оловянные» и «серебряные» пути или ассирийские торговые дома по перевозке металлов [38].

О значимости индийского очага свидетельствуют и алхимические трактаты XIV в., а также тот факт, что Китай, где еще в танский период использовалась привозная латунь, получил технологию искусственного получения латуни именно из Индии [14]. Наконец, косвенным указанием на еще более древнее, чем фиксируют пока находки, освоение здесь латуни служит то обстоятельство, что Аристотель называет «индийскими» знаменитые чаши Дария, изготовленные из особого медного сплава (правда, изобретение его приписывается Аристотелем другому народу). Сплав был «блестящим», не портился от лежания в земле и «был неотличим по цвету от золота, но будто бы отличался по запаху» [39]. Если принять эту версию, то из нее, возможно, следует, что в Иран латунь попала из Индии и послужила позднее материалом для монеты, чеканившейся здесь при Сасанидах: в этом случае трасса ее продвижения совпала бы с «Великим шелковым путем». Впрочем, в первые века нашей эры эти районы Индии могли снабжать латунью и Рим, с которым они были связаны оживленной морской торговлей тем же шелком.

Третий, причерноморско-закавказский центр производства золотоподобной латуни для нас наиболее интересен. Его можно локализовать по народу, называемому античными авторами моссиниками. Им приписывают открытие этого сплава благодаря наличию в их стране соответствующего сырья — по выражению Аристотеля, «особой земли», с которой сплавляют медь. В близком по времени сочинении «О чудесных слухах» Псевдоаристотеля (предположительно Агафокла) это изложено еще определеннее: «Рассказывают, что моссиникская медь отличается ярким блеском... к ней примешивают не олово, но особый сорт тамошней земли, который плавится вместе с медью» [40, с. 380].

Что же известно о моссиниках и где лежала их страна? Самые ранние сведения о них удается обнаружить в «Землеописании» Гекатея Милетского (VI—V вв. до н. э.), где моссиники впервые предстают в окружении племен, среди которых они фигурируют позже у всех авторов. Это мосхи (колхи), макроны (санны), мары [15], тивары (тибарены), халибы. С последними Гекатей [40, с. 3] связывает город Гермонассу (вблизи него позже был основан Трапезунд), что дает, таким образом, западную привязку для локализации всей группы племен. Еще несколько реперов находим у Псевдоскилака (IV в. до н. э.), в частности г. Хойрады —

[13] Совместная работа Британского музея (П. Креддок), университета в Вадодаре (К. Хегде) и Индийской цинковой корпорации (Л. Гурджар) [35—37].

[14] Из Китая же лишь в XVIII в. она проникла в Европу, через Ост-Индскую компанию.

[15] Моссиники названы непосредственно за ними.

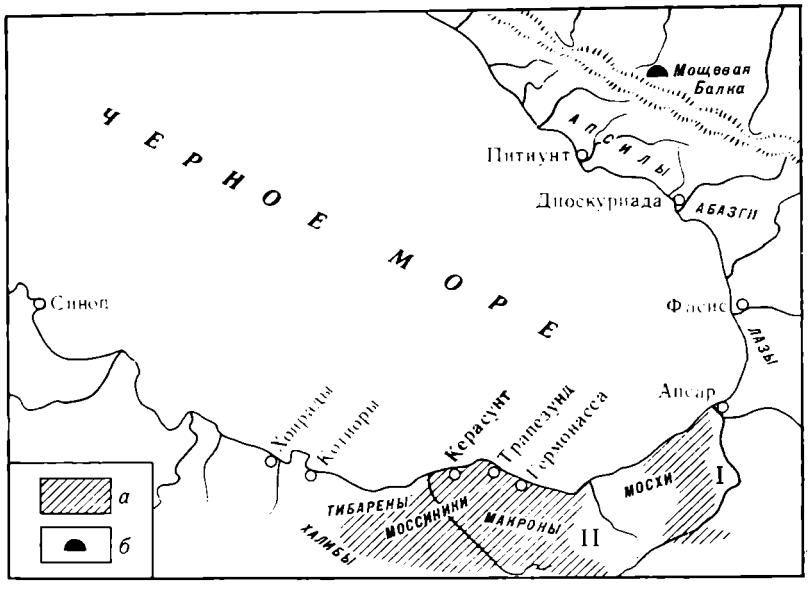


Рис. 3. Причерноморский очаг производства золотоподобной латуни. *а* – рудные бассейны (*I* – Аджарско-Чорохский, *II* – Трапезундский); *б* – могильник Мощевая Балка

современный Керазон, между Трапезундом и Синопой [41, с. 153]. Совершенно ясно, что эти племена располагаются вдоль юго-восточного побережья Черного моря. Геродот и Ксенофонт добавляют сведения, позволяющие расширить эту территорию за счет прилегающей части Понтийского горного массива. В III книге Геродота моссиники вместе с остальными племенами их группы отнесены к 19-й сатрапии Ахеменидов [16]. О богатстве этой сатрапии можно судить по одному тому, что установленный для нее персами налог был равен налогу 16-й сатрапии, куда входили Парфия, Хорезм, Согдиана и племена харайва. Богатство 19-й сатрапии, видимо, и определялось развитием металлургии, чем славились кроме моссиников и мосхи тибарены и халибы (их знают как металлургов Библия и другие древневосточные источники) [17]. Макроны и моссиники, которых помещают на северо-востоке этого региона, выступают всегда как горные народы — в большей мере, чем остальные. Само имя моссиники все античные авторы возводят к слову «моссина» — башня, служившая жильем и убежищем. Особенно ярко, глазами очевидца, описывает моссиников Ксенофонт в «Анабасисе»: в их горную страну, с укрепленными селениями на верхних плато (жители которых «могут перекликаться») эллины попадают от города Керасунт (Фарнакия) в стране макронов, пересекают ее за 8 переходов и через халибов и тибаренов выходят к прибрежному городу Котиоры [43]. Между теми же точками — Керасунтом и Котиорами — помещает моссиников и более поздний Перипл Анонима [44] (рис. 3). Итак, моссиники, которых считали пионерами выплавки золотоподобной латуни и которые, вероятно, как и другие центры, экспортировали ее (иначе их слава не распространялась бы в странах Средиземноморья), занимали район, совпадающий с крупнейшими рудными бассейнами — Аджарско-Чорохским и Трапезундским, где были совместные залегания, в том числе медных и высокоцинковистых руд.

Впоследствии здесь, видимо, как и в Индии, была разработана технология искусственного получения латуни. Однако пока нет данных для суждения о том, когда именно это произошло. Сведения об этом относят-

[16] Достоверность этих сведений подтверждена тремя персидскими надписями Дария: Бехистунской, Персепольской и Сузской [42].

[17] Античные авторы продолжают позднее эту традицию: Плиний считает халибов изобретателями бронзы; другие авторы приписывают им железорудное дело и т. д.

ся уже к IX—X вв., когда рецептуры получения золотоподобной латуни распространялись по всему исламскому Востоку. Такая лакуна в источниках может, конечно, отражать и реальный перерыв в традиции — с возрождением ее в раннесредневековую эпоху, что не раз наблюдалось в истории металлургии.

К VIII—IX вв.— периоду, который нас интересует, возможно, уже функционируют и некоторые другие, меньшие по масштабу цинковые месторождения. Пока вряд ли можно обоснованно это утверждать, а имеющиеся об этом сведения вполне можно относить за счет торговли самой латунью или ее составляющими. Так, в китайских источниках есть данные о ввозе латуни (явно золотоподобной, так как ее использовали в придворных ювелирных мастерских для изготовления украшений поясов высших чиновников или для храмовой скульптуры — упоминается, например, латунная статуя Вайрочаны в одном из храмов). Однако неясно, откуда именно ввозилась латунь. Китайский термин для латуни — «камень тутти» (от персидского «тутийа», обозначавшего цинкосодержащий минерал, предположительно галмей) как будто указывает на то, что латунь считалась тут персидским товаром. Но по аналогии с терминами для текстиля скорее следует предполагать, что этот термин говорит о «западном» происхождении ее в глазах китайцев, в широком смысле слова. При этом имеется указание — правда, единственное — на поступление латуни из Средней Азии. В 718 г. область Маймург (район Самарканда) прислала танскому двору в качестве подати слитки латуни [45]. В этой связи крайне важной находкой представляется открытая в 1983 г. в Пайкенде лаборатория с документом 790 г. Приборы, в ней обнаруженные, могли служить для выделения цинка и для получения латуни на собственном или привозном сырье [46].

Традиция широкого использования латуни и торговли ею (в том числе по старым магистралям «шелкового пути») по всему Ближнему Востоку, Средней и Малой Азии явственно демонстрируется для IX—X вв. алхимическими трактатами знаменитого ученого ар-Рази (865—925 гг.) [18]. Из его сочинений видно, какое большое место занимала в это время латунь в ювелирном деле. Она называлась в Индии «джасп», в Персии «биридж» (или «руй-и тутийа»), у арабов — «шабах», а задача ее искусственного получения была для ар-Рази и других средневековых химиков одной из важнейших.

Особенно же интересно вырисовывающееся при анализе таких трактатов психологическое восприятие латуни: этот сплав явно считается не имитацией золота, но одним из видов настоящего золота. Рецепты получения латуни, содержащие тонкие производственные секреты, ар-Рази называет «способами превращения меди в золото»; их завершает постоянный рефрен: «получишь чистое золото, мискаль которого продается за мискаль»; «получишь червонное золото, вечно не изменяющееся, даже если оставишь его лежать в земле... и оно выдержит испытание пробным камнем...[19] продай его ювелиру в виде слитков»; «получится низкопробное золото, мискаль его продается за полмискаля» и т. д. [47, с. 63, 79—88, 132].

Таким образом, вечная задача алхимии — получить дешевым способом золото — считалась достигнутой. Сама эта задача могла возникнуть в полном объеме, разумеется, в высокоорганизованном обществе с развитым ремеслом и обслуживавшей его нужды утилитарной наукой.

Для интерпретации находок из золотоподобной латуни в Мощевой Балке выявленное отношение к этому сплаву в близких по времени источниках представляется важным, так как именно оно, по-видимому, превращало такую латунь в определенный эквивалент ценности и способст-

---

[18] Наиболее важны для данной темы «Книга тайн» (Китаб ал-асрар) и «Книга тайны тайн» (Китаб сирр ал-асрар) [47].

[19] В сиро-арабской рукописи X в. говорится: «...брось в красную медь тутийа, сожженный в оливковом масле,— она приобретет устойчивый желтый цвет, и она выдержит испытание пробным камнем: это и есть шабах».

вовало ее обращаемости (о том же свидетельствуют и упомянувшиеся латунные бруски I в.).

Этим и объясняется в первую очередь появление золотоподобной латуни (или сведений о ней) в районах, лежавших на торговых путях, прежде всего на трассах главной магистрали древности — «шелкового пути».

Среди подобных пунктов немаловажная роль принадлежала и Мощевой Балке: здесь, как и в ряде других точек Северо-Западного Кавказа, контролировались перевалы, по которым проходил «северокавказский шелковый путь»[20], связывавший (через посредство причерноморских греческих колоний Апсилии) страны Средиземноморья с Китаем и Средней Азией [49, 50]. Началом же этого маршрута, его главным перевалочным пунктом был Трапезунд, где мы локализовали «моссинникский» центр производства золотоподобной латуни: именно сюда прибывали сушей и морем средиземноморские товары, отсюда шел в Византийскую империю обратный ток восточных товаров. Главное место среди них принадлежало византийским, малоазиатским, египетским тканям и стеклу, вместе с которыми на Восток попадали из этих районов и некоторые предметы христианского культа [51]. Часть этого потока неизбежно оседала в приперевальных районах в качестве платы за проход через перевал, за проводников, носильщиков, вьючных животных и т. д. Плата производилась самими товарами — практика, которая существовала на Кавказе еще в XVIII—XIX вв. Поэтому состав обнаруженных в Мощевой Балке импортных изделий, прежде всего тканей, так ясно отразил основные направления проходившей по этому пути транзитной торговли и выявил главных ее участников.

Среди таких находок большое место принадлежит и малоазийским, вливавшимся, по-видимому, в общий поток в том же Трапезунде. Здесь к ним могла присоединяться и золотоподобная латунь в слитках; а далее какое-то ее количество могло вместе с драгоценными шелками, которые также были в ту эпоху мерилом ценности, остаться в виде «подорожной пошлины» в северокавказских предгорьях и сделаться материалом для изготовления местных украшений.

Так гипотетически представляется происхождение золотоподобной латуни украшений 2-й группы из Мощевой Балки. Независимо от того, подтвердится ли в дальнейшем локализация источника этой латуни, ее привозной характер не вызывает сомнений, как и факт «циркуляции» этого сплава на торговых путях древности и средневековья.

Примечательно также, что данный вид латуни нашел на Северном Кавказе адекватное — по методам и по самой сути (как эквивалент золота) — использование, что включает этот регион в общевосточный «мир золотоподобной латуни» и говорит о высоком развитии ремесла у местного адыго-аланского населения той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 120.
2. *Барцева Т. Б.* Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке.— СА, 1974, № 1.
3. *Барцева Т. Б.* О металлургических сплавах на территории Северного Причерноморья в конце I тыс. до н. э. и в первых веках нашей эры.— Археологія, 1974, № 14.
4. *Барцева Т. Б., Черных Е. Н.* О спектроаналитических исследованиях металла черняховской культуры.— СА, 1968, № 2.
5. *Черных Е. Н.* Об европейской зоне Циркумпонтийской металлургической провинции.— Acta archeologica carpatica, 1976, t. XVII.
6. *Черных Е. Н.* Металл — человек — время. М.: Наука, 1972.
7. *Абесадзе Ц. Н.* Производство металла в Закавказье в III тыс. до н. э. (куро-аракская культура): Автореф. канд. дис. Тбилиси: Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джанашвили, 1970.
8. *Селимханов И. Р.* Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960.

[20] С юга эти перевалы фланкировались византийскими крепостями [48].

9. *Иерусалимская А.* К истории ювелирного ремесла на Северном Кавказе.— В кн.: XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1984.
10. *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа.— МИА, 1958, № 62.
11. *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971.
12. Краткая химическая энциклопедия. Т. V. М., 1967; т. III, М., 1964.
13. Большая Сов. энциклопедия. Т. 36. М., 1938.
14. *Некрасов Б. В.* Курс общей химии. М., 1961.
15. *Бочвар А. А.* Металловедение. М., 1956.
16. *Сердюченко Д. П.* Редкие и благородные металлы на Северном Кавказе.— В кн.: Северный Кавказ — мощная минеральная база СССР. Ростов-на-Дону, 1932.
17. *Джуа М.* История химии. М.: Мир, 1975.
18. *Лукас А.* Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
19. *Беккерт М.* Мир металла. М.: Мир, 1980.
20. *Forbes R.* Metallurgy in Antiquity, Leiden, 1950.
21. *Forbes R.* Studies in Ancient Technology. V. IX. Leiden. 1964.
22. *Селимханов И. Р.* Хронологическая схема овладения человеком металлом и сплавами на Кавказе.— В кн.: Методы естественных наук и технических наук в археологии. Тез. докл. М., 1963.
23. *Кашкай М. А., Селимханов И. Р.* Из истории древней металлургии Кавказа. Баку: Элм, 1973.
24. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
25. *Гобеджишвили Г. Ф.* Бедени — культура курганных погребений. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
26. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлообработка на юго-западе СССР. М.: Наука, 1976.
27. *Данилевский В. В.* Историко-технологическое исследование древних бронзовых и золотых изделий Северного Кавказа и Северного Урала.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 110.
28. *Козенкова В. И.* Кобанская культура (восточный вариант).— САИ, 1977, вып. В2-5.
29. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
30. *Геворкян А. Ц.* Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980.
31. *Алова А.* Эти удивительные самородки.— Известия, 1982, 29 января.
32. *Фихман И. Ф.* Оксиринх — город папирусов. М.: Наука, 1976.
33. *Псевдоарриан.* Плавание вокруг Эритрейского моря.— ВДИ, 1940, № 2.
34. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
35. World Archeology, 1984, v. 15.
36. New Scientist, 1983, v. 100.
37. Природа. 1984, № 9.
38. *Янковская Н. Б.* Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. М.: Наука, 1968.
39. *Lippman E. O.* Entstehung und Ausbreitung d. Alchemie. B. I. B., 1919.
40. *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб., 1890.
41. *Латышев В. В.* Известия древних писателей.— ВДИ, 1947, № 3.
42. *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л.: Наука, 1968.
43. Ксенофонт. Анабасис, кн. 5, гл. IV/Пер. Максимовой М. И. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
44. *Латышев В. В.* Известия древних писателей.— ВДИ, 1948, № 4.
45. *Шефер Е.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах и империи Тан. М.: Наука, 1981.
46. *Мухамеджанов А. Р., Семенов Г. Л.* Химическая лаборатория VIII в. в Пайкенде.— Общественные науки в Узбекистане, 1984, № 3.
47. *Каримов У. И.* Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн». Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.
48. *Воронов Ю. Н.* Западный Кавказ в эпоху Юстиниана.— В кн.: XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1984.
49. *Иерусалимская А. А.* Аланский мир на «шелковом пути» (Мощевая Балка — историко-культурный комплекс VIII—IX вв.).— В кн.: Культура Востока в древности и раннем средневековье. Л.: Аврора, 1978.
50. *Иерусалимская А. А.* О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье— СА, 1967, № 2.
51. *Иерусалимская А. А.* Находки предметов христианского культа в могильнике Мощевая Балка.— В кн.: Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1985.

A. A. Jerusalimskaya

FINDS OF ANCIENT BRASS ALONG THE CAUCASIAN TRADE ROUTES
(On the materials of the Moshchevaya Balka burials)

Summary

Analyses of the decorations obtained from the Moshchevaya Balka burial ground (the Northwestern Caucasus, the 8th and 9th centuries) have revealed the fact that they were mostly made of brass. The finds can be divided into two groups according to the metal they were made from. The first group included objects made of low brass which was the equivalent of bronze. In our case this alloy was used to make common ornaments of the Alan-Saltovo types (Fig. 1). Analogous ornaments from the Northern Ossetia were also manufactured from brass. Most probably they were imported from that region to the Moshchevaya Balka. The second group included objects made of high brass (containing up to 40-50 per cent of zinc). This alloy was the gold equivalent and had a special role to play in ancient times and the Middle Ages: it was used as money, as the principle jewelling metal or as an object of international trade. Few regions of the world, including the southeastern corner of the Pontic area («the Mossiniki land», as it was called by authors of the Classical Antiquity), were the source of the natural high brass. Its smelting, an intricate process, required complicated technology, no traces of which have been found in the Caucasus so far. Ornaments of the second group, which were mainly imitations of gold coins and plates, were made of imported brass brought to the region from Trebizond, most probably, along the «Silk Route». This surmise is supported by finds of plaques and other imported objects in northwestern Caucasian burials.

А. З. ВИННИКОВ, А. Д. ПРЯХИН

А. Н. МОСКАЛЕНКО — УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

Имя Анны Николаевны Москаленко, археолога-слависта, хорошо известно научной общественности нашей страны. Исследовательница внесла большой вклад в археологическое изучение лесостепного Подонья, в особенности культуры юго-восточной группировки восточных славян периода образования древнерусского государства.

А. Н. Москаленко (Уппит) родилась в 1918 г. в Петрограде в семье рабочего. В 1935 г. после окончания школы она поступила на исторический факультет ЛИФЛИ. Вскоре ЛИФЛИ был слит с Ленинградским университетом, исторический факультет которого А. Н. Москаленко закончила в 1940 г. Затем следует обучение в аспирантуре на кафедре археологии Ленинградского университета под руководством члена-корреспондента АН СССР В. И. Равдоникаса.

В первые месяцы Великой Отечественной войны А. Н. Москаленко участвовала в строительстве оборонительных сооружений, состояла в пожарной охране университетского корпуса, за что была награждена медалью «За оборону Ленинграда». В марте 1942 г. вместе с Ленинградским университетом А. Н. Москаленко была эвакуирована в Саратов, где продолжила работу над кандидатской диссертацией «Северяне по данным археологии», которую успешно защитила в 1945 г. на историческом факультете Ленинградского университета.

Талант педагога и ученого в полной мере проявился во время ее работы в Воронежском университете (с 1947 г.). А. Н. Москаленко целенаправленно и последовательно стремится к развертыванию широких археологических исследований в лесостепном Подонье. В 1948 и 1949 гг. ею проводятся археологические разведки по рекам Дон и Воронеж, с которых началась история археологической экспедиции Воронежского университета. С тех пор в разные годы были открыты десятки ранее неизвестных археологических памятников в лесостепном Подонье, получивших впоследствии широкую известность (Волошинское городище скифского времени, славянское Титчихинское городище и многие другие). Первые проводимые под руководством А. Н. Москаленко систематические раскопки связаны с изучением многослойного городища у с. Архангельское на р. Дон (1951, 1952 гг.). В начале и середине 50-х годов ею публикуется серия статей, посвященных памятникам эпохи бронзы и раннего железного века лесостепного Подонья, что в конечном итоге способствовало более целостному воссозданию древней истории лесостепного Подонья [1—5]. К этой проблематике она неоднократно возвращается и в последующие годы [6—9]. В 1955 г. вышла ее первая небольшая, рассчитанная на широкого читателя научно-популярная книга «Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона» [9], получившая положительную оценку общественности.

Но уже в тот период у Анны Николаевны проявился особый интерес к археологии донских славян. Проведенное ею исследование ныне широко известного городища Титчиха на Дону (1954—1962 гг.) и последующая публикация материалов раскопок стали не только своеобразной вехой в развитии археологии в Воронежском университете, но и явились заметным вкладом в археологию восточных славян [10]. В ходе раскопок Титчихинского городища и последующей подготовки монографии по результатам его исследования раскрылись такие качества Анны Николаев-

ны, как трудолюбие, добросовестность и тщательность в полевой работе, стремление охватить всю совокупность источников. Именно во время работ на Титчихинском городище закладывались основы Воронежской археологической школы.

Чл.-кор. АН СССР П. Н. Третьяков в предисловии к книге А. Н. Москаленко «Городище Титчиха» писал, что в результате проведенных под руководством А. Н. Москаленко исследований вопрос о Среднем и Верхнем Подонье в эпоху Древней Руси перестал быть загадкой. Эта область заняла, наконец, свое подлинное место в начальной истории русского народа и его древнего государства [11, с. 4].

Городище Титчиха (на горе Трудень) дало исключительно интересный материал для характеристики культуры донских славян. Здесь было раскопано более 7000 м², изучены оборонительные укрепления, вскрыто 46 жилищ, большое количество ям и построек хозяйственного назначения. Полученные во время раскопок многочисленные изделия из железа и бронзы местного производства, а также предметы, свидетельствующие о широкой торговле (стеклянные изделия, арабские монеты, привозная керамика), дали возможность окончательно развеять сложившееся еще по раскопкам, проводимым под руководством П. П. Ефименко в конце 20-х годов, памятников донских славян мнение о культурной отсталости этой группы восточного славянства.

Проведенные исследования системы укреплений на этом городище выявили довольно интересные деревянные оборонительные сооружения, которые по своим инженерным качествам не уступали другим древнерусским укреплениям, в том числе и городским. В последующие годы А. Н. Москаленко были раскопаны оборонительные сооружения на целом ряде славянских поселений в Подонье и определены общие тенденции в оборонительном зодчестве донских славян.

В 60-х годах А. Н. Москаленко руководит раскопками Большого и Малого Боршевских городищ и связанного с ними могильника на Среднем Дону. Тогда же были начаты раскопки Воргольского городища на Верхнем Дону и ряда славянских поселений и могильников на р. Воронеж (городище на Белой горе, Белогорский могильник и др.).

В целом проведенные полевые исследования позволили А. Н. Москаленко во многих своих работах более полно осветить историю донских славян, а в ряде случаев и пересмотреть уже сложившиеся взгляды на оценку культуры и быта этого населения [10, 12—18].

В своих трудах А. Н. Москаленко уделяла много внимания проблеме этнического, точнее, племенного состава славянского населения бассейна Дона. В 1965 г. она писала о вятичах как о единственной славянской группе населения на Среднем и Верхнем Дону [10, с. 155]. Затем на основании изучения погребального обряда ею была высказана мысль, что кроме вятичей на данной территории обитали выходцы из районов, занятых радимичами и северянами [13, с. 144]. В обобщающей монографии о донских славянах А. Н. Москаленко приходит уже к выводу, согласно которому культуру донских славян мы не можем безоговорочно называть культурой древнейших вятичей. Тем более у нас нет оснований отождествлять ее с культурой северян или радимичей [18, с. 144]. Тем самым исследовательницей был поставлен вопрос о сложности этнического состава населения Верхнего и Среднего Дона в последних веках I тыс. н. э.

В ряде работ А. Н. Москаленко неоднократно обращалась к осмыслению проблемы славяно-алано-болгарских контактов [10, 18]. Особое внимание она обращала на наличие торговых контактов и брачных связей между этими группами населения. Анализируя результаты раскопок Белогорского городища и могильника на р. Воронеж, А. Н. Москаленко высказала мнение о проживании какой-то части салтовского населения на славянском городище.

Одним из интересных сюжетов, на который А. Н. Москаленко обратила особое внимание, был вопрос о языческих представлениях донских славян. Ею изучено пока единственное в донском бассейне славянское святилище на Воргольском городище [14].

Уделяя большое внимание оценке погребального обряда донских славян, А. Н. Москаленко особо подчеркивала значимость его изучения как одного из самых ярких проявлений религиозных верований древнего населения [16, 18].

В работах исследовательницы культура донских славян выступает не как изолированное от остальной части восточнославянского мира явление. Отмечая специфику славян бассейна Дона, связанную с их окраинным расселением, она постоянно указывала на единство донских славян и других группировок восточнославянского населения.

Проблематике донских славян была посвящена и последняя научная работа А. Н. Москаленко, опубликованная в издательстве Воронежского университета и увидевшая свет за несколько месяцев до ее смерти [18]. Это переработанный и сокращенный вариант докторской диссертации, так и оставшейся незащищенной из-за резкого ухудшения здоровья; книга готовилась к печати ее учениками.

А. Н. Москаленко была талантливым и требовательным педагогом. Читаемые ею курсы по основам археологии, этнографии, истории СССР, спецкурсы и спецсеминары отличались глубоким проникновением во все сложности излагаемых проблем и стремлением донести их до слушателя максимально полно и доходчиво. А. Н. Москаленко ценила самостоятельность в работе своих учеников. Созданный ею в 1948 г. научный студенческий кружок долгие годы был основным работающим активом археологической экспедиции университета. Именно в нем выросла группа профессиональных археологов — сотрудников различных научных учреждений и учебных заведений страны. Своими неоднократными выступлениями в печати об изучении археологии в университетах страны, о необходимости введения преподавания археологии в педагогических институтах, о работе студенческих археологических кружков А. Н. Москаленко во многом способствовала повышению уровня преподавания археологии в вузах страны [19—24]. С полным правом можно утверждать, что А. Н. Москаленко является одной из ярких фигур в вузовской археологии послевоенного времени, внесшей существенный вклад в формирование представлений о роли археологии в системе подготовки историков в высших учебных заведениях страны.

Оценка научного и педагогического опыта А. Н. Москаленко будет неполной, если не отметить, что она постоянно интересовалась общими проблемами развития археологии [25, 26]. И конечно же, в ее научных интересах постоянно прослеживается внимание к краеведческой проблематике, особенно в связи с изучением древнейшего прошлого Воронежского края [27, 28].

Анна Николаевна Москаленко умерла 25 октября 1981 г.

Безусловно права С. А. Плетнева, когда, оценивая работу А. Н. Москаленко в Воронежском университете, пишет, что она «по существу создала воронежскую археологическую школу. И в этом неоспоримая и незабываемая заслуга А. Н. Москаленко как перед университетом, так и перед археологической наукой в целом» [9, с. 4] [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Москаленко А. Н.* Архангельское (Голашевское) городище.— КСИИМК, 1952, вып. 42.
2. *Москаленко А. Н.* Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. (Материалы к археологической карте Воронежской области).— КСИИМК, 1952, вып. XLIII
3. *Москаленко А. Н.* Некоторые итоги работы на Архангельском городище Воронежской области в 1952—1953 гг. (К вопросу об изучении культуры раннего железного века в бассейне Верхнего и Среднего Дона).— В кн.: Из истории Воронежской области. Воронеж, 1954.
4. *Москаленко А. Н.* Памятники скифского времени на Среднем Дону.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 4.

[1] Полный список работ А. Н. Москаленко см.: *Синюк А. Т.* А. Н. Москаленко и археологическое изучение Лесостепного Подонья.— В кн.: Археологические памятники Лесостепного Подонья и Поднепровья в I тысячелетии н. э. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1983.

5. *Москаленко А. Н.* Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг.— КСИИМК, 1956, вып. 62.
6. *Москаленко А. Н.* Курган эпохи бронзы близ с. Платава Воронежской области.— Тр. Воронежск. обл. краевед. музея, 1960, вып. 1.
7. *Москаленко А. Н., Попов Д. А.* Волошинское городище Воронежской области.— В кн.: Из истории Воронежского края. Вып. 1. Воронеж, 1961.
8. *Москаленко А. Н., Прялин А. Д.* Новые данные о поселениях эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону.— В кн.: Либеров П. Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
9. *Москаленко А. Н.* Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж: Воронежск. кн. изд-во, 1955.
10. *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1965.
11. *Третьяков П. Н.* Предисловие.— В кн.: Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1965.
12. *Москаленко А. Н.* Новые материалы о хозяйстве и домостроительстве боршевцев.— В кн.: Вопросы истории славян. Вып. 1. Воронеж, 1963.
13. *Москаленко А. Н.* О возникновении древнерусских поселений на Дону.— В кн.: Вопросы истории славян. Вып. 2. Воронеж, 1966.
14. *Москаленко А. Н.* Святилище на р. Воргол.— СА, 1966, № 2.
15. *Москаленко А. Н., Винников А. З.* Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону (Материалы к археологической карте).— В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966.
16. *Москаленко А. Н.* К вопросу о погребальном обряде древнерусского населения Среднего и Верхнего Дона.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970.
17. *Москаленко А. Н.* Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
18. *Москаленко А. Н.* Славяне на Дону. (Боршевская культура). Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1981.
19. *Москаленко А. Н.* Рец. на кн.: Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954.— Вопросы истории, 1955, № 3.
20. *Москаленко А. Н.* К вопросу о преподавании курса «Основы археологии».— ВДИ, 1953, № 3.
21. *Москаленко А. Н.* Об одной несообразности в учебном плане исторических факультетов университетов. Ппсьмо в редакцию.— СЭ, 1955, № 3.
22. *Москаленко А. Н.* О работе студенческих археологических кружков.— СА, 1960, № 4.
23. *Москаленко А. Н.* О проведении археологической практики.— В кн.: Тез. II научно-методич. конф. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1963.
24. *Москаленко А. Н.* Студенческий археологический кружок ВГУ.— В кн.: Из истории Воропежского края. Вып. 3. Воронеж, 1969.
25. *Москаленко А. Н.* Сорок лет советской археологии.— Тр. Воронежск. ун-та. Тез. докл. научн. конф., посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1957.
26. *Москаленко А. Н.* Рец. на кн.: Археологічні пам'ятки УРСР. Т. I—II. Київ, 1949.— ВДИ, 1952, № 1.
27. Москаленко А. Н. Воронежский край в эпоху первобытно-общинного строя и становления феодализма.— В кн.: Очерки истории Воронежского края с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1961.
28. Москаленко А. Н. С. Н. Замятник и археологическое изучение Воронежского края.— В кн.: Проблемы историографии (Тез. и автореф. докл. и сообщ. на межвузовской конф.). Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1960.
29. Плетнева С. А. От редактора.— В кн.: Москаленко А. Н. Славяне на Дону. (Боршевская культура). Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1981.

A. Z. Vinnikov, A. D. Pryakhin

ANNA MOSKALENKO, A SCHOLAR AND A TEACHER

Summary

Anna Moskalenko made a weighty contribution into the study of the Slavonic population of the forest-steppe part of the Don basin. She devoted twenty years of her life to the systematic studies of settlements and burial grounds of the late first millennium A. D. Being assistant professor of the University of Voronezh, she was active in training teachers and lecturers for higher educational establishments. She was, in fact, the founder of the Voronezh archaeological school.

Публикации

В. В. СИДОРОВ

МАСЛОВО БОЛОТО 7 — ПОСЕЛЕНИЕ ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Торфяные пожары 1972 г. охватившие торфяники Западной Мещеры, оголили склон суходола, вершина которого занята многослойным поселением Маслово Болото 5 (раскапывалось в 1973—1975 гг.), и в оранжевой золе обнажились развалы льяловских сосудов. Школьники Храпуновской школы Ногинского р-на стали приносить керамику, кремневые копья, и учитель П. Ф. Пищенко сообщил в Институт археологии АН СССР об этих находках, приняв меры для предотвращения разрушения стоянки. Так была открыта стоянка Маслово Болото 7 (далее МБ-7) (рис. 1).

Бо́льшая часть стоянки располагалась на торфе, и культурный слой здесь представлял собой опесчаненный торф, выгоревший в пожаре. Местами керамика растрескалась на мелкие кусочки, хотя и залегала развалами, и реставрировать ее оказалось невозможно; но примерно треть стоянки выше по склону сохранилась значительно лучше из-за большей золистости торфа и большей мощности слоя. Под отвалами старых дренажных канав сохранилась полная стратиграфия: перекрывающий осоковый торф 7—12 см, оторфованный песок — культурный слой — 5—18 см, плотный темно-коричневый торф, в верхней части которого встречена верхневолжская керамика, далее — однородный рыхлый песок. Местами сохранились кости. В. П. Данильченко определила кости лося (6), бобра (6), кабана (3) и медведя (3).

Удалось получить полный план всего поселения и прилегающих участков (рис. 2). Оно тянулось на 70 м при ширине 25 м, отделяясь слабо насыщенной полосой от площадки и суходола, но не вдоль склона, а наискось, так что западный край на 40 см выше восточного. При этом находки вдоль южного края окатаны, в то время как керамика восточного конца, располагавшегося ниже, никакой окатанности не имеет. Это позволяет предполагать перемещение берега за время существования стоянки — уровень озера за это время упал не меньше чем на 40 см, и следом за ним сместилось и поселение.

Ранненеолитический материал встречен только в высокой, северо-западной, части стоянки: 110 фрагментов керамики от 11—12 сосудов и до 7 пластин. Только один сосуд с орнаментом, выполненным отступающей палочкой, остальные с гребенчатым орнаментом, по которому поставлены редкие наколы. И тип орнамента, и малое количество весьма сомнительных пластин говорят об относительно позднем времени комплекса верхневолжской культуры. Он близок к нижнему слою Языково 3, но там пластин больше, и к нижнему слою Воймежной 1, но там пластин не найдено совсем. Аналогичный комплекс и в таких же стратиграфических условиях обнаружен в торфянике стоянки МБ-2 (между слоем стоянки и слоем с тонкостенной ямочно-гребенчатой керамикой здесь лежат пласты с архаичной гребенчато-ямочной и с гребенчато-ямочной со сложной орнаментацией). На МБ-7 на участках с сохранившейся стратиграфией верхневолжская керамика приурочена к совершенно иной фазе седиментации торфа, хотя и не отделена стерильной прослойкой от льяловской. Непластинчатые ранненеолитические орудия, которые могут встретиться в льяловском слое, типологически не выделяются.

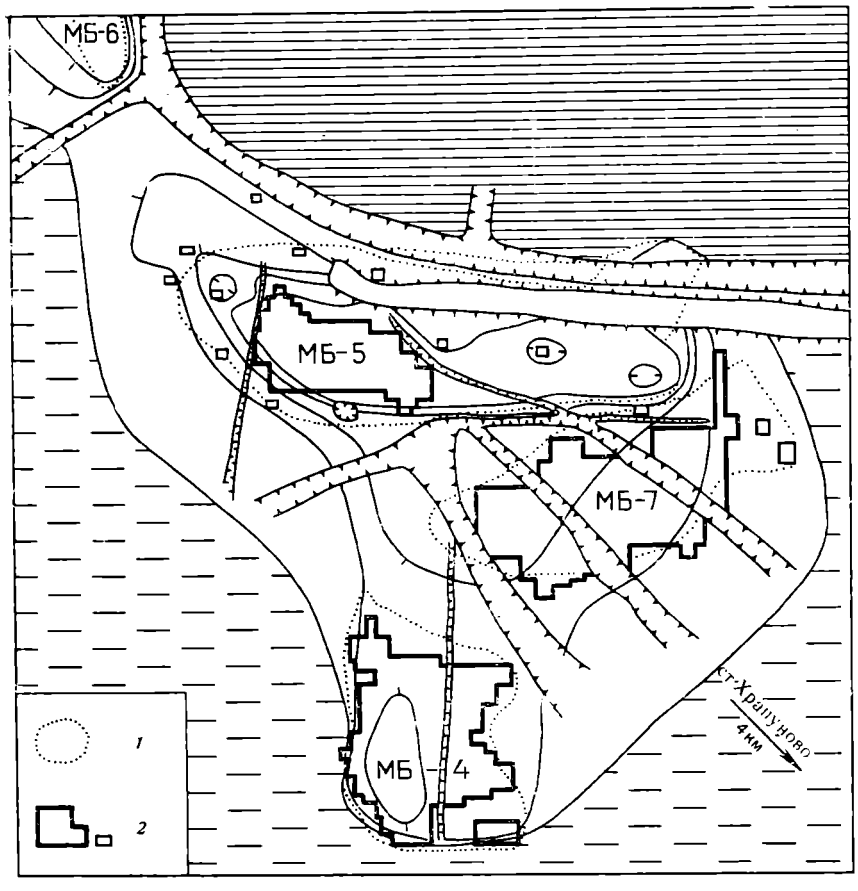


Рис. 1. Схема расположения памятников центрального суходола Маслова Болота. *1* – границы стоянок; *2* – раскопы и шурфы

В торфяной золе, пережженном песке выделение очагов не всегда достоверно. Оно производилось по разным критериям: присутствие линзы песка иного сорта, песчаного бугра, концентрации камней и развалов сосудов. В пределах раскопа 14 выделенных очагов сопровождались развалами сосудов и скоплениями орудий, возле пяти очагов сосудов не было – только орудия, кремневые мастерские, шлифовальные плиты. Четыре очага стоянки в раскоп не вошли. Кроме того, на торфянике между стоянками МБ-5, МБ-4 и МБ-7 заметно до 13 песчаных куч диаметром до 1,5 м, часто сопровождавшихся кремневыми мастерскими. В 50 м к югу от стоянки МБ-7 школьниками был найден клад из четырех наконечников копий, аналогичных копьям стоянки.

Полосы густого скопления находок чередовались с почти пустыми участками. Это дает основание для попытки реконструировать расположение жилищ на площади стоянки. Вряд ли они могли быть строго синхронными: пятна концентрации расположены густо, перекрывая доступ к берегу. Но и если бы жилища налегали друг на друга, то часть развалов оказалась бы сильно растоптанной, сохранность же их примерно одинакова. Это позволяет реконструировать постепенное перемещение жилой площадки вниз по мере отступления озера. Жилища, не оставили следов конструкций – в подстилающем песке не было обнаружено ни одной достоверной столбовой ямы,– что обычно для льяловских стоянок, расположенных на низких берегах, таких, как Полецкая 1, Воймежная 1 (раскопки автора 1970–1976 гг.), Луково озеро 1 [1], Долговская [2], Усть-Рыбежна II [3]. Форма жилищ – вытянутая, включающая цепочку очагов-кострищ, шириной около 6 м, зафиксирована как для углубленных – Саконовская стоянка [4], Хутор Гришевка [5], так и для наземных – Луково озеро 1, Долговская.

Первым, по-видимому, было жилище на западном конце стоянки, от которого сохранился один очаг с развалами четырех сосудов, шлифоваль-

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
Р
П
О
Н
М
Л
К
И
З
Ж
Е
Д
Г
А
1
3
5
7
9
11
13
15
17
19
21
23
25
27
29
31

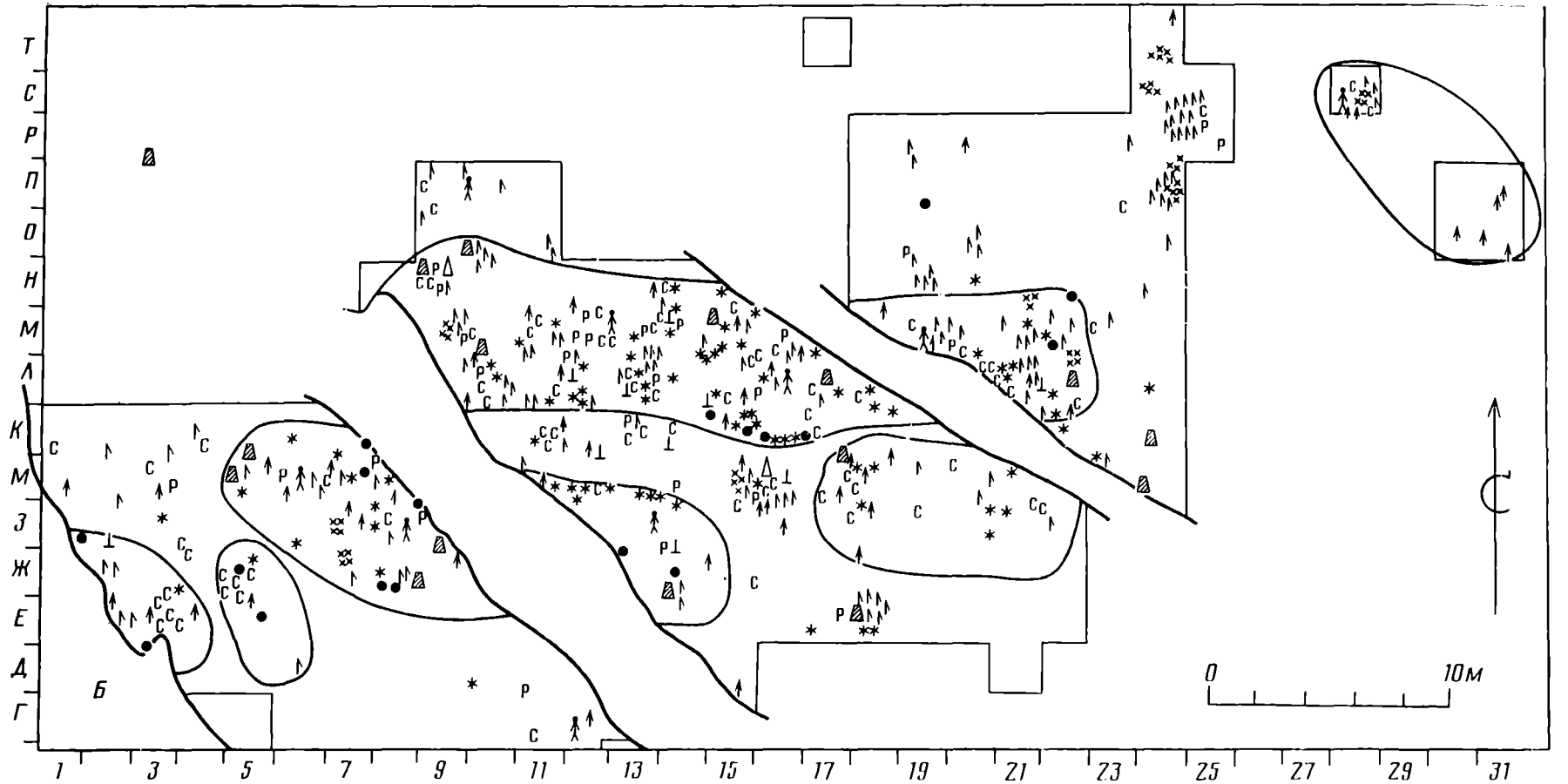


Рис. 2. План расположения находок и сооружений в раскопе стоянки Маслово Болото 7. *А* – расположение сосудов, очагов и каменных кладок; *Б* – расположение орудий и кремневых мастерских. *1* – предполагаемые жилища; *2* – очаг; *3* – камень кладки; *4* – развал льяловского сосуда; *5* – шлифовальная плита; *6* – рубящее орудие; *7* – заготовка; *8* – наконечник стрелы, копья; *9* – скребок; *10* – резец; *11* – нож; *12* – амулет, штамп; *13* – костяное острие; *14* – кремневая мастерская

ной плитой и десятком орудий. Два очага, на расстоянии 3 м друг от друга, могут быть объединены во второе жилище, существовавшее недолго: при северо-западном очаге всего два развала. Севернее этой группы материал рассеян равномерно, но здесь тоже было очажное пятно.

Центральное скопление материала — 35×15 м — распадается на две длинные полосы, между которыми концентрация находок снижается. Южная, длиной 21 м при ширине около 6 м, включает четыре очага, но два могли быть разрушены канавами. При очагах были густые скопления керамики, насчитывавшие сотни черепков от шести—девяти сосудов, шлифовальные плиты. На восточном конце находились небольшие кремневые мастерские. К югу от полосы был обособленный очаг с развалами, но материал рассеян.

Северная полоса протянулась на 30 м, при ширине 6—7 м. Сохранились четыре очага. Возможно, еще два были разрушены. Мастерские были по обоим концам жилой полосы. Эти два предполагаемых длинных дома заметно различаются: в южном нет камней в очагах, количество орудий — 5—7 на квадрат, а в северном — по 13. Все четыре мотыги найдены в северном жилище, там же — сосуды с белевским штампом (2) малые сосуды с разреженным ямочным рисунком. По этим признакам северное жилище можно считать более поздним.

Но одна деталь позволяет считать, что оно не было последним: западный конец его пересекает цепочка из камней, которая наверняка была бы нарушена, если бы она предшествовала жилищу. Камни лежат плоско, в верхней части сохранившегося здесь культурного слоя ориентированы поперек цепочки. Их размеры от 15×20 до 35×20 см, при толщине 4—6 см, расстояния различны, но кратны «мегалитическому футу» в 41,7 см, наблюдаемому в мегалитических сооружениях Англии [6]. Точнее — это локоть. Он уже оказался наиболее употребительным на стоянке Луково озеро 3, где большая часть ям была диаметром 42 см и такой же глубины от уровня пола, а расстояния между ними тоже кратны примерно 0,4 м. Этот размер повторяется в диаметре и высоте большой группы сосудов льяловской и волосовской культур. В описываемой нами цепочке на месте сохранились 20 камней на протяжении 16 м, часть утрачена или сдвинута в сторону. Ориентировка цепочки — почти строго на север — 346°. В 2 м к востоку от южного конца ее была куча из крупных валунов — от 2 до 30 кг весом.

Пятое жилище включало два очага с развалами 9 и 10 сосудов и концентрацией орудий. Контуры этого пятна достаточно отчетливы — 12×5 м. Южнее его — обособленный очажок с мастерской, но без развалов сосудов. При западном очаге жилища 5 были найдены три сосуда с редкоямочным рисунком — два с ромбическими полями ямок, третий с поясками, выполненными сдвоенными рядами ямок, пересеченными парными наклонными полосами у таких же ямок, что тоже создает ромбический рисунок.

Ниже других расположено жилище 6 на восточном конце стоянки. Здесь прослежены два очага в виде четких песчаных подушек. В северном керамики не было, но здесь найдены сланцевое кольцо, скребок, две заготовки и 90 отщепов. В южном — шесть сосудов плохой сохранности, нож, дротик и четыре наконечника стрел. Эти два очага отделены почти пустой полосой от мастерских в кв. 23-24 П—С и от других жилищ. Данное жилище, по-видимому, самое позднее, могло иметь размеры 4×10 м. Северо-восточный край стоянки занят равномерно рассеянным материалом, много камней, вероятен каменный очаг без развалов сосудов у северного края раскопа. Интересно, что здесь много фрагментов сосудов, встречаемых в жилище 5. Выделяются кремневые мастерские, где собрано около 40 отщепов и 14 заготовок на разных стадиях обработки (в более оформленных уже можно увидеть заготовки наконечников копий и дротиков).

Материал всех выделенных выше жилищ очень близок и относится к одному этапу. Но это не значит, что вся площадь — около 2000 м^2,

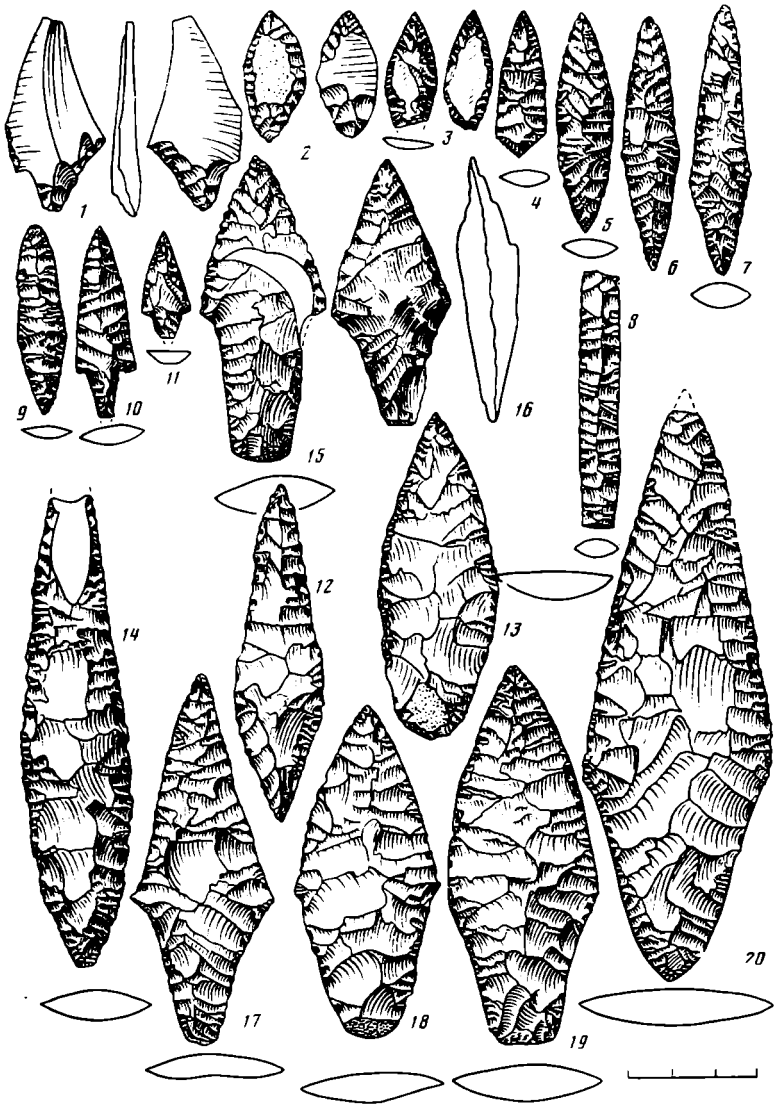


Рис. 3. Наконечники стрел и копий

включая периферию, была занята одновременно. Первые два жилища — по два очага в каждом, могли и сосуществовать, но последующие, по-видимому, функционировали по одному, и размеры их гораздо больше — до 6 очагов и до 180 м² площади. Два последних — опять двухочажные, площадь 40—60 м². Исходя из средней площади по 3 м² на человека, можно определить максимум численности населения в 60 человек при пяти-шести семьях, а минимум — 20 человек при двух семьях. Большие размеры семей находят подтверждение в больших размерах основной массы сосудов — типичных кухонных котлов, объем которых (18—32 л) явно не для малой семьи в пять-шесть человек.

Основным видом каменного сырья был местный желто-серый полосатый кремень, заметно окристаллизованный, выходы которого были не далее 12 км, по р. Клязьме. Этот же кремень встречается ниже в виде окатанной гальки. В волосовское время рядом с описываемой стоянкой существовало поселение-мастерская МБ-4, базировавшееся на том же сырье. В результате торфяного пожара кремень раскристаллизовался и изменил цвет. Меньше изменились другие сорта — черный, прозрачный дымчатый, желтый. Эти кремни значительно менее зернисты и лучшие орудия делались из них.

Общее количество отщепов и чешуек невелико — около 3,5 тыс. Нуклеусов нет. Ими служили заготовки копий, при изготовлении которых получались разнообразные пластинчатые и широкие отщепы — основная

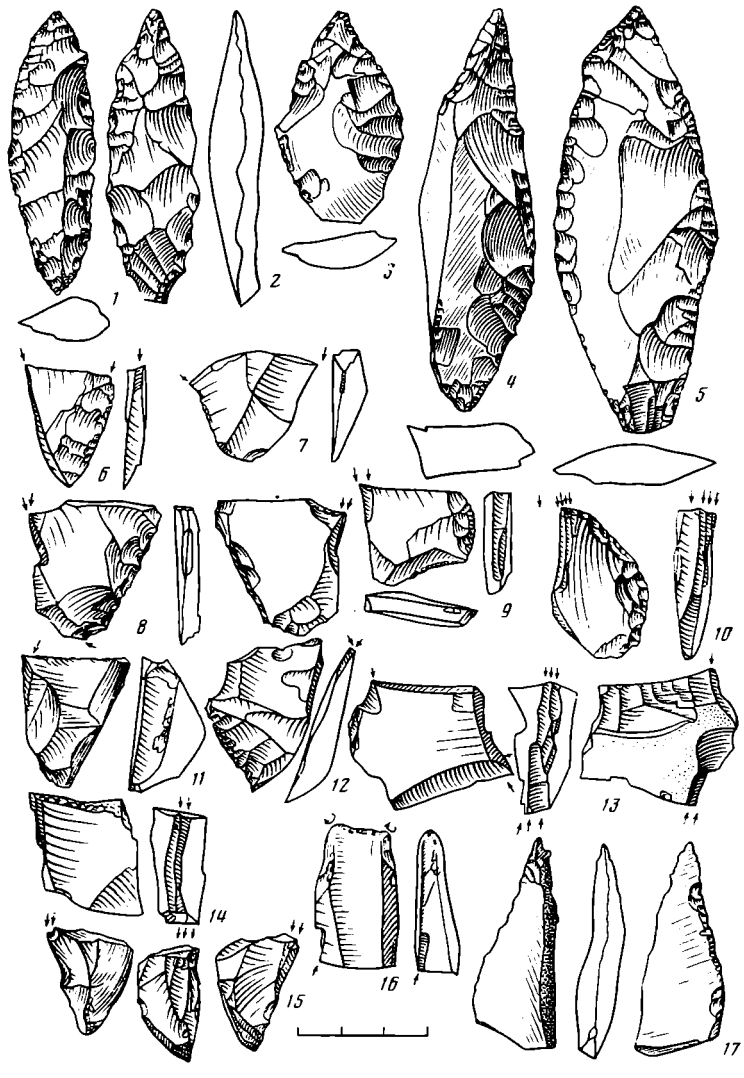


Рис. 4. Заготовки, резцы, сверла

форма заготовок для мелкого инструмента. Мастерские найдены по периферии жилых площадок. В них были сотни отщепов и чешуек, бракованные заготовки, гранитные отбойники. На остальной площади количество орудий и отщепов почти одинаково.

До 200 орудий — это отщепы без специальной обработки, но со следами износа. Бо́льшая часть их была ножами, скребки встречаются гораздо реже. На 60 отщепах видны следы начатой ретуши без износа.

Оружие представлено выразительной серией наконечников — 15 копий, 6 дротиков, 23 стрелы, считая сломанные, тип которых достоверно определяется (рис. 3). Листовидные копья немногочисленны и не типичны — широкая часть смещена к насаду. Основной тип черешковые, с насадом, отделенным уступом. У копий и дротиков часто основание черешка прямое, реже — острое, края обычно сточены, чтобы не резали оплетку древка. В одном случае заметны боковые выемки — прототип «пуговки» волосовских кинжалов. Набор копий и дротиков близок к комплексу Луково озеро 1, только прямая база черешка здесь встречается чаще.

Один из наконечников (рис. 3, *1*) имеет весьма архаичный вид: он сделан из треугольного отщепа, черешок выделен из верхнего конца с ударным бугорком крутой ретушью, а перо оставлено без подправки. Подобные орудия в неолитических комплексах нам неизвестны, хотя похожие встречаются на мезолитических стоянках Тростенского озера и стоянке Курово 4 (север Калининской обл.), относящейся к рубежу мезолита и неолита. Однако не исключено, что сходство здесь случайно —

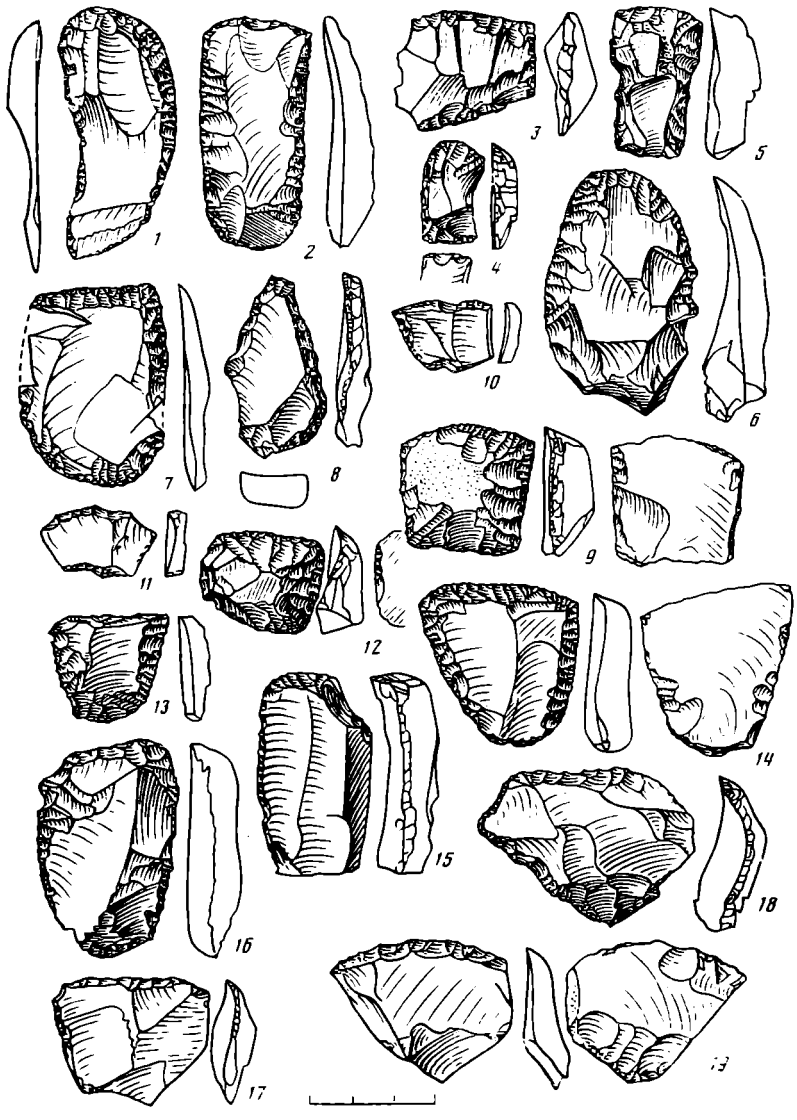


Рис. 5. Скребки

слишком примитивно, нестандартно орудие. Остальные наконечники — разнообразные неолитические. Большинство крупные 4—6,5 см, с тщательной плоской и широкой ретушью, ивовидные, миндалевидные, ромбические. К редким относятся крупный черешковый с длинным треугольным пером и четко выделенным черешком и маленький, довольно массивный, не отличающийся от фатьяновских (рис. 3, *10*, *11*). Оба таких наконечника могли бы быть отнесены к эпохе бронзы, однако на всем Масловом Болоте нет никаких следов памятников позже поздневолосовских и дубровичских с лапчатой керамикой [7]. Такие же «фатьяноидные» стрелы найдены на стоянках Луково озеро 1 и МБ-8. Другой редкий тип — игловидный, узкий наконечник, ширина которого 0,9 см, а сохранившийся фрагмент имеет длину 6,3 см, целый он достигал 10 см (рис. 3, *9*).

Резцы обычно составляют значительную часть льяловских комплексов. Здесь их всего 67. Большая часть их — угловые, иногда с расходящимися сколами, типа срединных, и нуклевидные из обломков орудий, отщепов, осколков (рис. 4, *6—15*). Всего восемь орудий имеет тонкий, менее 1 мм, скол (рис. 4, 7) и столько же относятся к своеобразному типу боковых (рис. 4, *8*) с маленькой, круто ретушированной выемкой, от которой наносится резцовый скол. Это не пережиток архаичной резцовой техники, а ее новое изобретение.

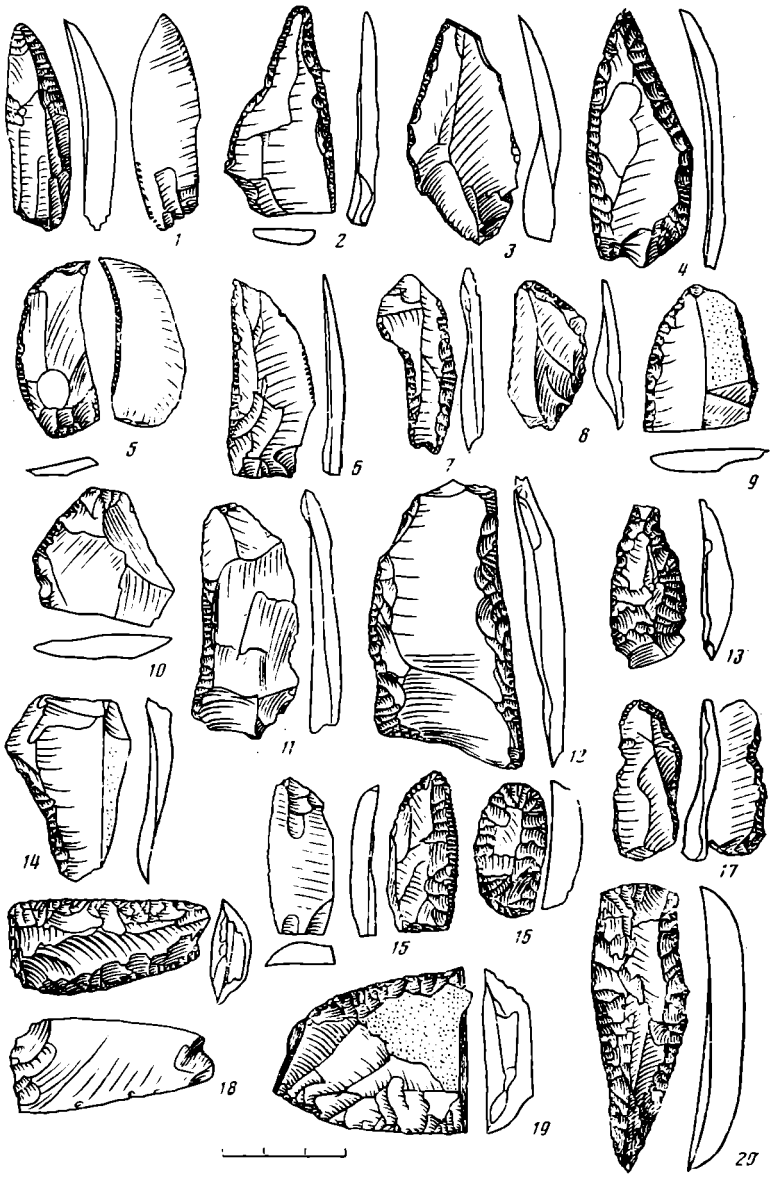


Рис. 6. Ножи, струги

Среди скребков выделяется группа из 16 орудий, не отличающихся по технике и форме от лучших волосовских (рис. 5, *4—7*): с геометрически четкими очертаниями (прямоугольные, трапециевидные, веерные, овальные), с крупной плоской ретушью. Все они массивны, но лезвия острые, хотя, судя по общей заполированности, в работе были долго. Остальные относятся к многосторонним и концевым, все сделаны из отщепов, иногда с довольно ровной ретушью (рис. 5, *9—19*). Эти формы не меняются с эпохи позднего мезолита. Среди них есть и геометризированные. Нередко сочетание, особенно у крупных, участков скребкового лезвия и скоблевого. По сравнению с комплексом Луково озеро 1 сократилось количество трапециевидных и концевых. Всего здесь найдено 103 скребка и 6 были переоформлены в резцы.

Струги — специфическая черта позднельяловской техники. Их бывает немного, но формы их очень выразительны (рис. 6, *15—19*). Три обломка происходят от крупных массивных орудий, которые по форме, а может быть, и по функции, наиболее близки к металлическим стругам для окорения стволов. Сделаны они из очень крупных отщепов длинной плоской ретушью. Один имеет подправку с брюшка. Чаще встречаются струги-ножи с прямым или слабовыпуклым лезвием (семь и два обломка). Их легко узнать по плоской ретуши обычно по двум лезвиям и характерной подтеске концов с брюшка.

Ложкари (шесть орудий) сочетают концевые скребковые лезвия с продольными лезвиями ножей (рис. 5, *1*, *2*). Ретушь очень пологая, ровная. Один оригинален — это скорее комбинированное орудие, чем ложкарь: концевой скребок его четко обособлен от ножевых лезвий, которые сходясь, образуют острый конец, вводя это орудие в немногочисленную серию остроконечных ножей. Его отличает пологая ретушь и геометричность формы, свойственные волосовской технике (рис. 6, *20*).

Ножи делались из плоских пластинчатых отщепов различных пропорций, ретуши и характера сработанности (рис. 6, *2—14*). Их 109 и 7 обломков, не считая более сотни отщепов без ретуши. Лишь четыре ножа более или менее массивны. Все имеют только одностороннюю ретушь без подправки брюшка (отмечена только у одного). Подавляющее большинство относится к волосовским типам с комбинацией прямого и вогнутого лезвий, плоской ретушью, хотя не обязательно по всему лезвию. Среди них мелкие, до 5 см составляют около 20%, и в этом тоже проявляется сходство с волосовской техникой — обычно льяловские мельче. Выделяется особый тип остроконечных ножей подтреугольной формы с крутой (6 экз.) и мелкой (3 экз.) ретушью (рис. 6, *3*, *4*).

Пластин и орудий из них всего семь. Все они найдены в самой высокой, северо-западной части стоянки — там же, где ранненеолитическая керамика, поэтому мы не включаем их в льяловский комплекс. Но даже среди них не все достоверно пластины: сильно заполированное орудие с пологой ретушью, возможно из сечения массивной пластины, неправильная остроконечная пластина, подправленная плоской ретушью (рис. 6, *1*), и нож с крутой ретушью по обоим лезвиям с подправкой с брюшка для закрепления в рукояти — все они могли быть и пластинчатыми отщепами, не требовавшими для изготовления специальных нуклеусов. И только две пластины без ретуши сомнений не вызывают.

Сверла и проколки при всем разнообразии довольно случайны (рис. 4, *16*, *17*). Сохраняется традиция применения массивных заготовок в качестве макросверл (отмеченная на стоянке Луково озеро 1), но изношенность таких сверл гораздо меньше. Как макросверла используются отщепы с массивными крепкими углами, которые сработаны до полной сглаженности. Лишь три сверла имеют специально выделенное грубой ретушью жальце, одно из сверл соединено со скребком. Из девяти проколок у двух жальце сформировано плоской ретушью, широкое и слабо выступает, а у трех двусторонней ретушью намечены плечики. Сработанность всех сверл и проколок невелика.

Рубящие орудия шлифовали почти у каждого очага, но малое количество отщепов сланца и опоки — основных видов сырья — говорит о том, что рубящие делались из принесенных заготовок. Они достаточно разнообразны (рис. 7, 8). Среди них есть и кремневые (14), из которых 8 шлифованы — больше, чем в любом другом льяловском комплексе. У крупных желобок четко выражен, сечение линзовидное. Интересно небольшое орудие из отщепа, сделанное в технике волосовских скребков. Лезвие чуть тронуто шлифовкой, совершенно не изменившей форму орудия. Прямое в плане ретушированное лезвие имеет базой выпуклое брюшко отщепа, в результате получается вогнутое лезвие, совершенно не пригодное как рубящее, зато это очень удобная стамеска (рис. 7, *11*).

Кремневые тесла без шлифовки — всего лишь заготовки, они тоже делались из отщепов. У одного из них хорошо видно применение скола «транше» для оформления лезвия. Но и такие недооформленные орудия использовались в работе. Пиковидное орудие треугольного сечения — заготовка, у которой сточены боковые ребра, а лезвие не оформлено (рис. 7, *7*).

Опоковые тесла (10) имеют асимметрично-округлое сечение, и только у крупных бока спрямлены, а у двух брюшко плоское. Прямое лезвие имеет только одно тесло, у остальных хорошо выраженный желобок (рис. 7, *4—6*, *8*, *9*, *12*; 8, *3*). Прямое лезвие более характерно для стамесок (рис. 7, *1*). Сланцевые тесла представлены всего тремя обломками (рис. 8, *4*, *5*).

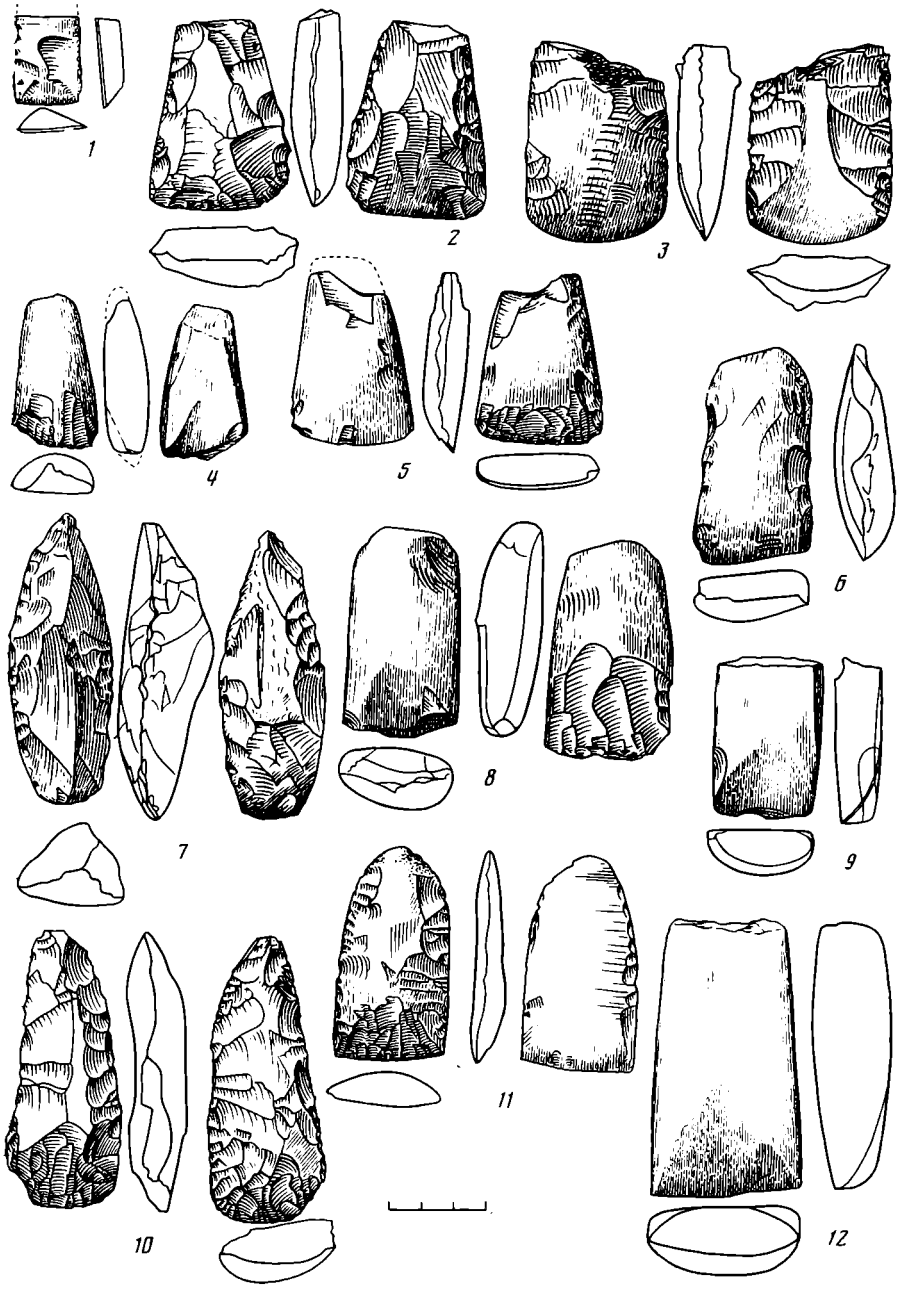


Рис. 7. Рубящие орудия

Весьма выразительны мотыги со сверленым насадами (рис. 8, *1, 7*). У половинки мотыги из черного кремнистого сланца (ни орудий, ни отщепов такого материала не встречено на стоянках Маслова болота) сохранился тупой конец. Сечение подпрямоугольное с выпуклой спинкой. Ближайшая аналогия ей — случайная находка из р. Осечня [8], другая — в Белоруссии [9], есть подобные изделия на Сахтыше [10]. Наша находка надежно увязывает их с поздней стадией среднего неолита. Две другие мотыги сделаны из серого сланца. От более массивной сохранился конец с тесловидным лезвием, от тонкой — с острым. Сверлины цилиндрические. Такие мотыги найдены на стоянках Святое озеро [11], Луково озеро 1 и 3, Воймежная 1, Варос на оз. Неро, Никольская-Правая на Тростенском озере (раскопки автора), Майданская [12]. Все, кроме последней, содержат льяловские материалы или чистые льяловские комплексы, но и на Майданской мотыга может быть связана не с волосовским, а с балахнинским комплексом.

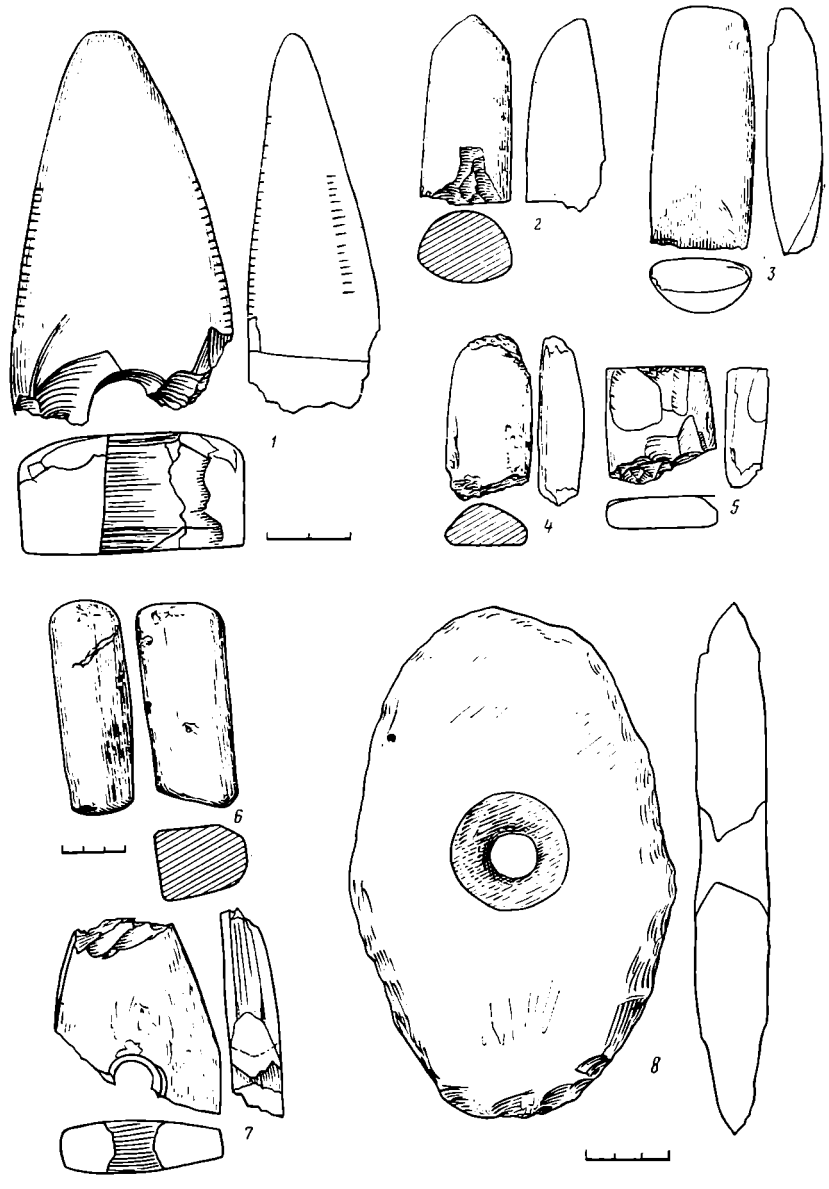


Рис. 8. Мотыги, тесла, шлифовальник

Песчаниковая мотыга — это овальная плитка довольно рыхлого сланца с пробитым в центре отверстием (рис. 8, *8*). Обработка и сработанность почти не видны, так как поверхность осыпается. Такая же мотыга найдена на стоянке Варос.

Одна-две шлифовальные плиты были почти у всех очагов. Для них использовался розовый кварцитовый песчаник, плотный. Одна плита была из белого песчаника той же плотности и одна — из рыхлого черного. У подавляющего большинства — следы шлифовки круговым движением на обеих плоскостях, у одной проточен желобок, немногие срабатывались по узким боковым граням (на волосовских стоянках почти все плиты сточены по боковым граням, что придает им геометрически правильные очертания). Кроме плоских есть еще три круглых шлифовальника, типа курантов. Мягкая заполированность, западающая в углубления, позволяет видеть в них полировальники для крупных деревянных изделий. Еще один шлифовальник представляет собой брусок с совершенно плоским брюшком и высокой параболоидной спинкой (рис. 8, *6*). Подобные изделия достаточно характерны для льяловских комплексов, но встречаются и в волосовских. Делались в основном из зернистых сортов кремня, реже из диорита.

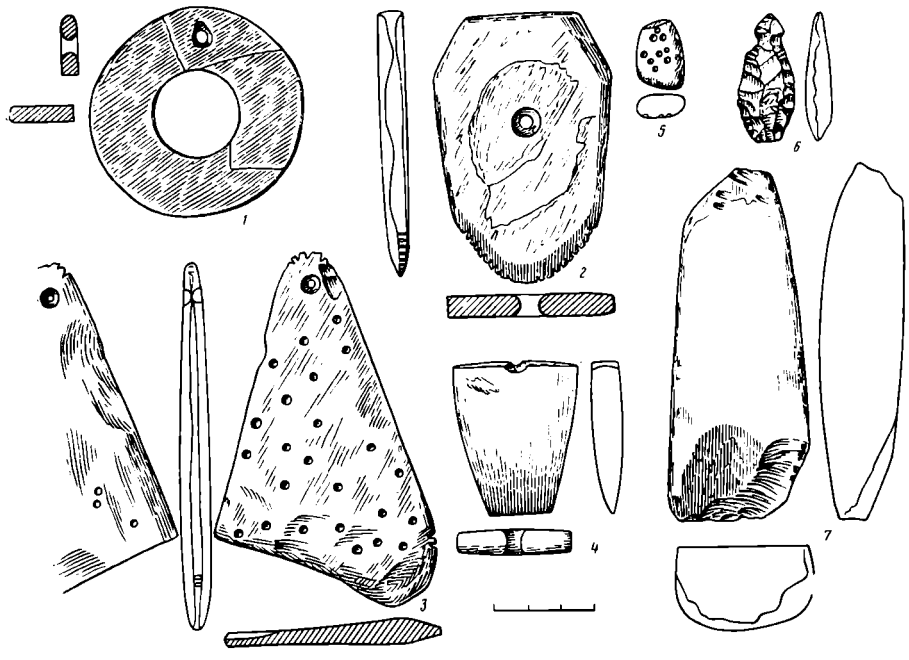


Рис. 9. Амулеты, штампы, тесло

Штампы для керамики на льяловских поселениях не встречаются большими сериями. Хотя такой инструмент для орнаментации практически не изнашивается, но сделать его из подходящей гальки нетрудно, и крайне редко встречаются сосуды, орнаментированные одним и тем же штампом. Видимо, подавляющее большинство их делалось из нестойких материалов. На стоянке МБ-7 найдено пять штампов. Два представляли собой плоские галечки с надпилами по одному краю, а три — штампы-подвески (рис. 9, *2—4*). Крупный штамп был сделан из треугольной плитки со следами оббивки и шлифовки, как на плоскостях, так и на гранях со сверлиной на узком конце. Небольшие группы насечек сделаны на боковой грани на вершине и на углу. Ими можно было сделать только короткие оттиски. На обеих плоскостях разбросаны сверленые углубления, отдаленно напоминающие ямочный орнамент. В их расположении угадывается шахматный порядок. Другой штамп имеет форму сланцевой мотыги со сверлиной в центре. Поверхности и боковые грани тоже шлифованы, а на узком конце прорезана 21 насечка. Противоположный массивный конец срезан прямо. Третий штамп-подвеска сделан из обломка, подобного предыдущему, но узкий конец тоже срезан прямо. Им можно было делать гладкие оттиски, которые иногда заменяют зубчатый штамп.

Интересная находка — крупное сланцевое кольцо плоское, со сверленым ушком, в котором видны потертости от шнура (рис. 9, *1*).

Кремневая подвеска сделана из незаконченного наконечника стрелы, у которого на боевом конце мелкими выемками выделена головка (рис. 9, *6*). Подвески с выделенной головкой, с «пуговкой» характерны для волосовской техники, большинство из них — отщепы с неровной ретушью и общей заполировкой, изредка — фигурные кремни и ножи (в льяловских комплексах они не встречены).

Галька темно-серого сланца имеет на двух плоскостях четкий рисунок в виде решетки и параллельных штрихов, нанесенных кремневым острием. Никаких других следов употребления на ней нет.

Остается отметить изделие из слабо обожженной глины (рис. 9, *5*). На гладкой поверхности наколоты три группы по три неглубоких ямки. Возможно, это обломок глиняной фигурки, которые изредка встречаются в комплексах с ямочно-гребенчатой керамикой: Николо-Перевоз [13], Кубенино [14], Андозеро II [15].

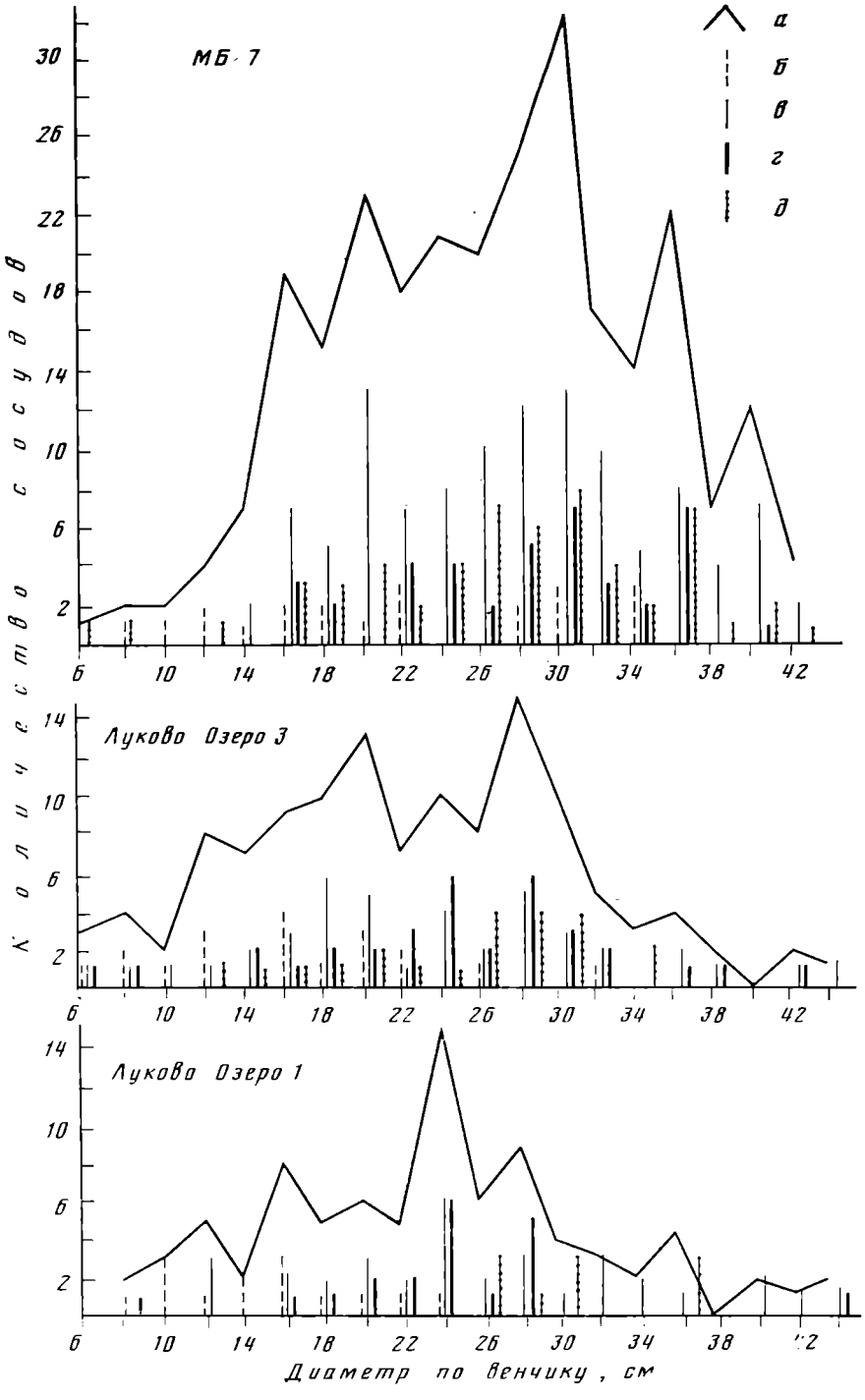


Рис. 10. Частоты встречаемости типов и размеров льяловских сосудов со стоянок Маслово Болото 7, Луково озеро 1 и 3. *а* — сумма; *б* — открытые сосуды; *в* — прямогорлые; *г* — закрытые; *д* — профилированные

Среди почти 10 тыс. фрагментов керамики (считаются крупные 4 см²) удается выделить до 325 сосудов, в том числе по венчикам — 289. Около 70 поддаются полной или графической реконструкции. Это одна из самых богатых коллекций льяловской керамики. Ценность ее возрастает от того, что поселение существовало относительно недолго и соотношение различных признаков керамики отражает реальное их соотношение в палеоэтнографическом комплексе (рис. 10, 11). Описание керамики мы даем по реконструированным (хотя бы и с большой приблизительностью) сосудам.

Наиболее существенным функциональным признаком сосуда является его объем, а затем — отношение испаряющей поверхности к объему.

Высота реконструированных сосудов обычно равна или на 0,1 больше верхнего диаметра. Существенные отклонения единичны. Достаточно достоверную информацию о форме и размере льяловского сосуда несет фрагмент с венчиком, сохранивший четверь высоты сосуда и 0,1 окружности. Основные особенности формы отражаются в степени закрытости, т. е. в наклоне верхних частей стенок, или прогибе их. По форме сосуды группируются в следующие типы: 1 — открытые; 2 — прямогорлые; 3 — профилированные (со слабым прогибом верхней части стенок); 4—закрытые (с наклоном стенок внутрь). Объем сосуда пропорционален не только верхнему диаметру (высота обычно равна ему), но и углу наклона стенок. При разных диаметрах объем открытых в 2—4 раза меньше, чем закрытых. Объем рассчитывался по методу М. П. Грязнова [16].

Форма и размер определяются с достаточной достоверностью у 252 сосудов. Размер, но не форма— еще у 27. Многовершинный график частот диаметров для разных форм показывает, что в пределах каждой формы проявляются концентрации вокруг определенных размеров (размытость пиков может быть результатом неточностей в замерах диаметров; рис. 10). Открытые (28 сосудов) дали 3 пика, прямогорлые (112) — 4 пика, закрытые и профилированные вместе (93) — тоже 4 пика.

Миниатюрные сосуды индивидуальны и немногочисленны. Это кубки с профилированным горлом и открытые чаши. Малые сосуды объемом 1—3 л, с диаметром по венчику для закрытых и прямогорлых 15—20 см, для открытых — 16—23 см. Сосуды средних размеров, с диаметрами 24—30 см для закрытых и прямых и 29 см для чаш, образуют четко выраженные пики. Отдельный пик создает группа сосудов с диаметром по венчику 36 см, состоящая из закрытых и прямогорлых, средним объемом около 26 л. Открытые конусовидные при таком диаметре имеют не более 6—7 л. Пик самых крупных группируется около диаметра 42 см. Он представлен сосудами с прямым горлом. Близкие соотношения типов прослеживаются в комплексах Луково озеро 1 и 3, но там гораздо меньше сосудов с профилировкой горла, которые на стоянке МБ-7 составляют четверть (59). При сравнении керамики со стоянки Луково озеро 1 и МБ-7 можно заметить постепенное смещение массовых пиков к увеличению их объемов. Заметно утончаются стенки. Нередко сосуды в 20—40 л имеют стенку толщиной 5 мм. Это свидетельствует о совершенствовании технологии лепки. Тонкие стенки быстрее сохнут, что создает сложности при стыковке лент и орнаментации, но зато сосуды легче, им не так опасен неравномерный нагрев.

Примесью в тесте обычно служит песок или мелкая дресва с песком, иногда чистая дресва (65 сосудов), Дресва добавлялась к очень жирной глине, в то время как песок может быть в любых количествах естественной примесью. Пласты беложгущейся глины самого разного сорта (по степени отощенности) залегают близко к поверхности суходолов Маслова Болота. Органическая примесь в тесте, наблюдаемая в виде мелких округлых пор, встречается у подавляющего большинства сосудов, но у 10—12 сосудов с чисто ямочной орнаментацией она становится очень заметна. Характер пор не имеет ничего общего с пористостью волосовской керамики.

Форма венчика довольно однообразна. Округлые и прямые края представлены близкими показателями — 95 и 101. К округлым могут быть добавлены слабо утолщеные (25), к прямым — столько же со скошенной внутрь верхней гранью. Последний признак ни у одного сосуда не выражен четко, скос формируется наклонной установкой штампа. Выделяются редкие формы: с продольным желобком по внутреннему краю, очень характерные для Борани и редкоямочной керамики (4), гофрированные (2), с налепным или горизонтально отогнутым бортиком рязанского типа (3). Они имеют значение не только как хронологические признаки, но и как свидетельство территориальных связей. Особенно показательна их малочисленность и то, что они представлены вполне четкими типами и сочетаются на одном сосуде с другими признаками ло-

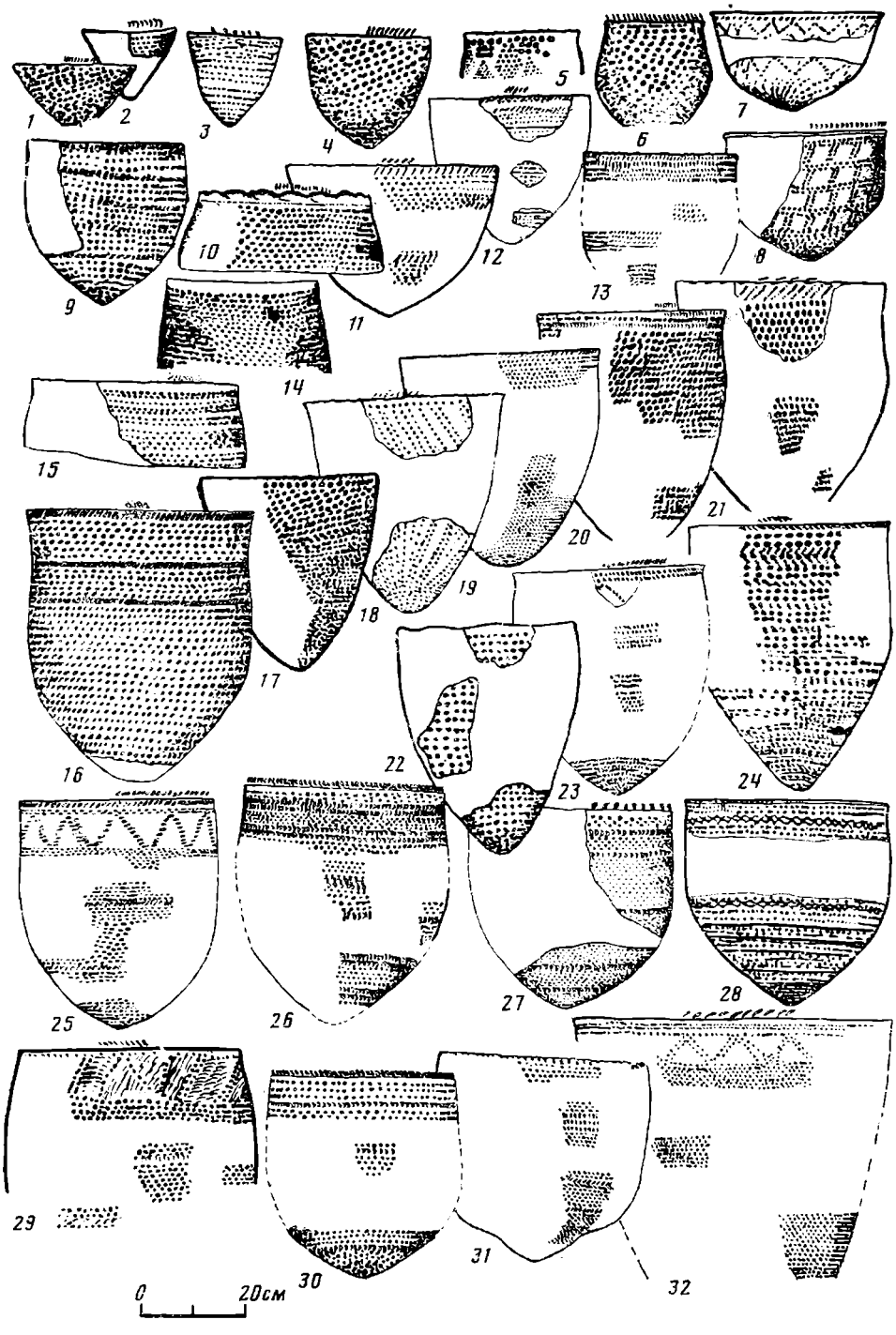


Рис. 11. Сосуды со стоянки Маслово Болото 7

кальных типов сосудов. Поздним признаком могут быть венчики резко отогнутые наружу или вверх при грушевидном тулове (9). Уникален венчик, оформленный продольными защипами, создающими волнистый край (рис. 11, *10*).

Упрощен по сравнению со стоянками Лукова озера орнамент на венчике. Самую массовую группу (115 из 289) составляют сосуды с орнаментом только по верхнему обрезу, на втором месте — с двумя поясками — по фасаду и верхнему обрезу (59) и его разновидность — по внешнему и внутреннему ребру венчика (36), у одного — два пояска — снаружи и внутри. Довольно много сосудов с гладкой полосой по внешнему краю (19) и безо всякого орнаментального выделения венчика

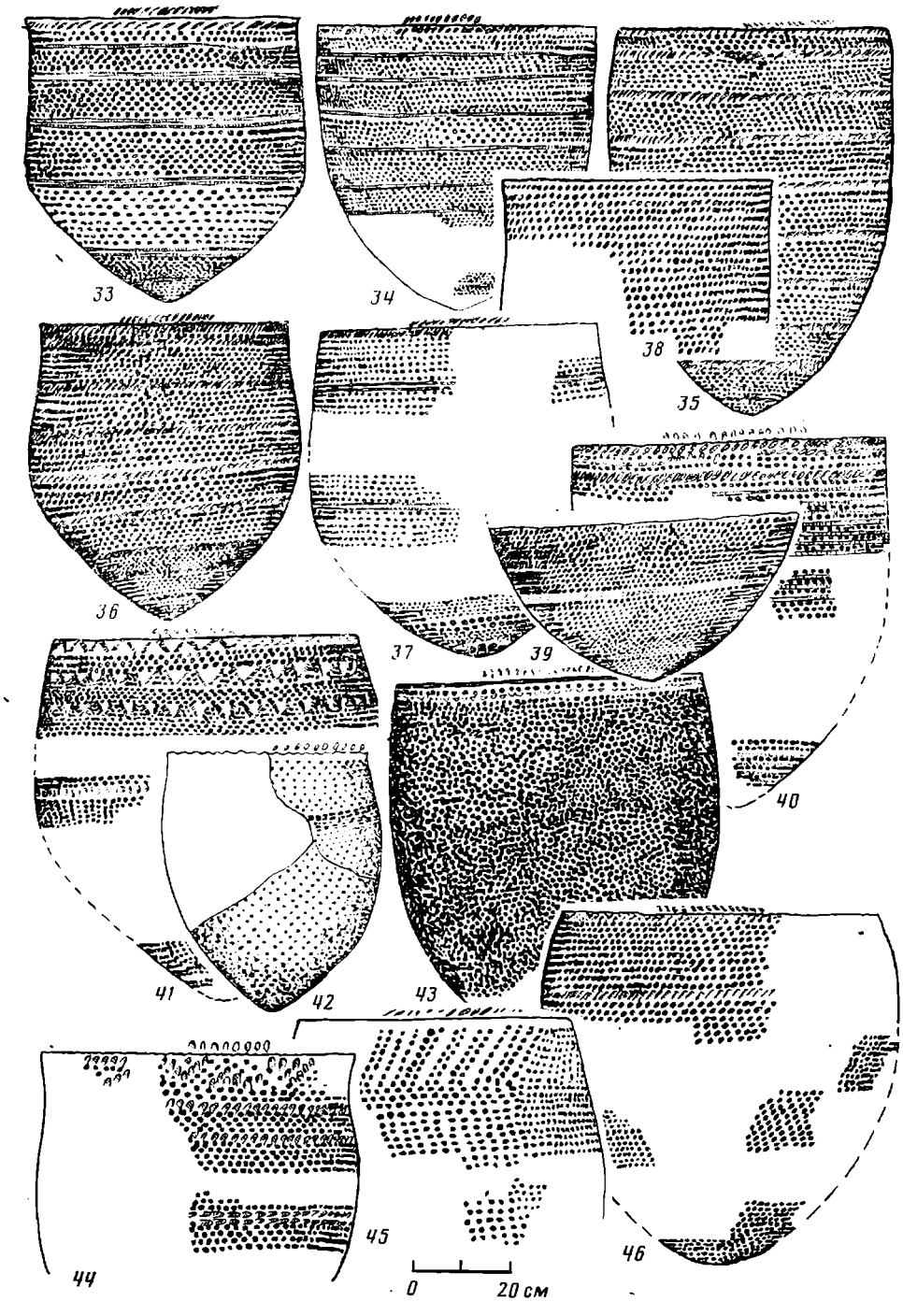


Рис. 11 (*продолжение*)

(12) или только по внутренней поверхности (17), по верхнему обрезу и внутренней поверхности всего два. Показательно минимальное количество сосудов с тройной зоной орнамента на венчике (3).

В орнаментации сосудов тенденции противоречивы. При увеличении количества стандартных сосудов с элементарным орнаментом возрастает и разнообразие сложных композиций. Из 316 сосудов, схема орнамента которых более или менее ясна, у 144 не обнаруживается даже простейших поясков, а у 44 достоверно выявлено не более 2 поясков на тулове. Только 56 сосудов соответствуют представлению о льяловском стандарте: их орнамент — регулярное повторение горизонтальных поясков орнамента, разделенных ямочными полями. Сложная гребенчато-ямочная орна-

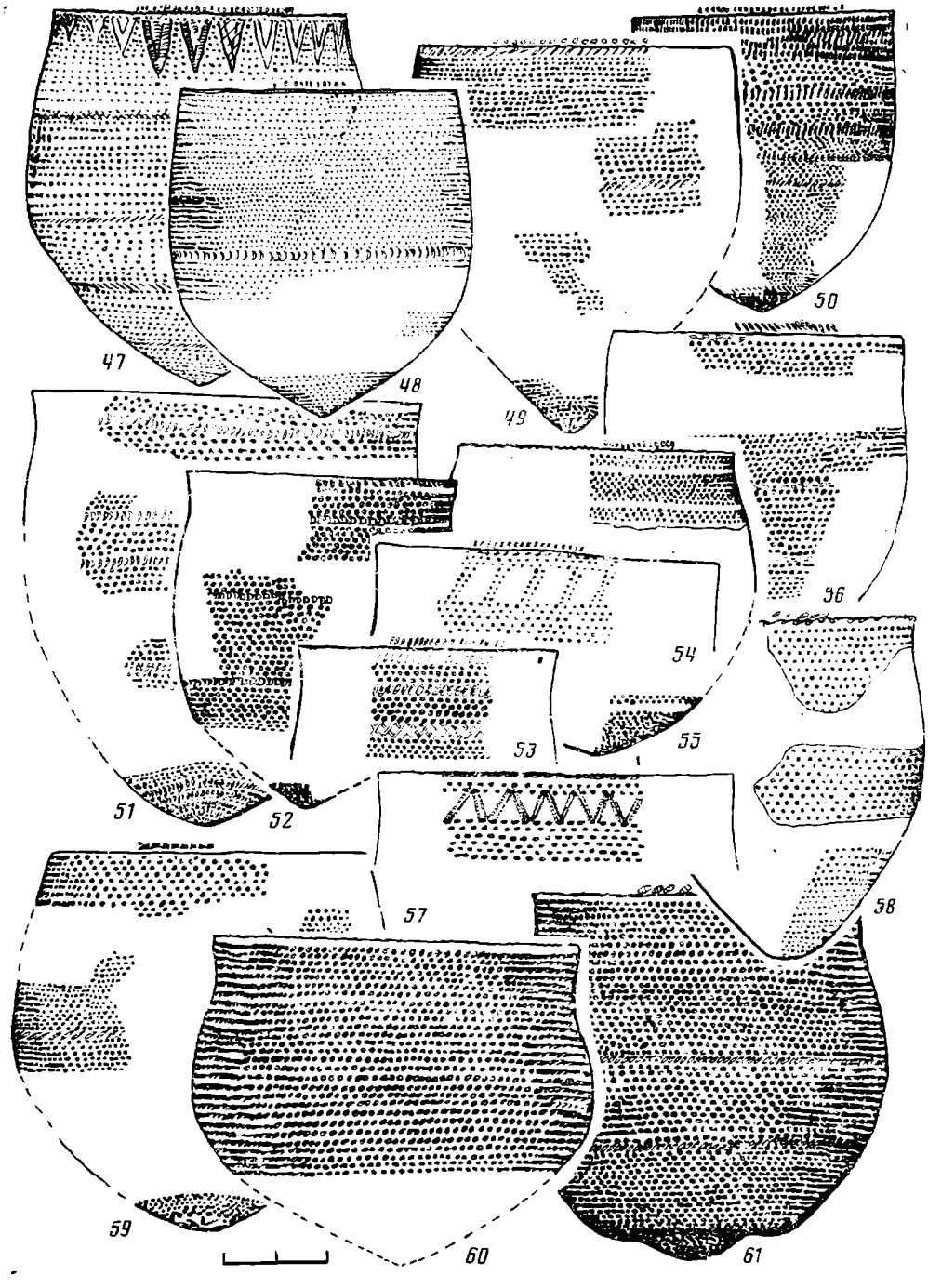


Рис. 11 (*продолжение*)

ментация, близкая к архаичной, есть только у одного небольшого сосуда (рис. 11, *28*). Крупная группа (55) имеет особую орнаментальную зону в верхней части. Остальные 16 сосудов дали 8 вариантов композиции, но они наиболее интересны. Здесь рисующим элементом оказываются ямки, образующие ромбические поля, розетки, ленты ямок, многозаходную спираль, зоны разнонаклонных ямок. Рисунок создается фоном. Это явление И. К. Цветкова отмечает в рязанской культуре II этапа вместе с ростом доли неорнаментированной (т. е. орнаментированной только ямочным фоном) керамики и с распространением зон геометрического орнамента под венчиком [17].

У 109 сосудов выявляется один вариант рисунка, у 69 их два, у двух сосудов — три (рис. 11, *44, 47*). На первом месте, как обычно, пояски

наклонно, редко вертикально поставленного штампа, у 10 сосудов пояски сдвоены, у 22 поставлены горизонтально (рис. 11, *25—27, 33—39*). Эквивалентен им рисунок в виде гладких, незаполненных орнаментом полос. Среди прочих рисунков встречаются зигзаг, пояски треугольников обычно без ямочного заполнения (17), пояски парных наклонных линий (17) (рис. 11, *25, 41, 54*), отдельных ромбов и треугольников (4) (рис. 11, *47*), геометрический рисунок, вписанный в ямочный фон (14) (рис. 11, *29, 44*). Названные геометрические рисунки образуют орнаментальный пояс под венчиком и только у пяти покрывают весь сосуд. Встречаются пояски решетки — архаичный элемент орнамента (рис. 11, *28, 47*) — у шести сосудов и только у одного можно говорить о наложении решетчатого рисунка на ямочный фон. Случаи применения рисунка из парных полос с одним рядом ямок между ними, характерные для Борани, крайне редки.

Донышки большинства сосудов орнаментально не выделены. Ямочное заполнение более небрежное, чем на стенках, отмечено у 55 из 86 донышек. К ним можно прибавить 13 случаев, когда ямочное поле на донышке окружено горизонтальным пояском рисующего штампа. По крайней мере у двух сосудов от дна начинает развертываться многозаходная спираль, выполненная ямками. У пяти сосудов единственное выделение дна — глубокая ямка в центре. Но в 11 случаях можно говорить об особом рисунке на дне: зона, заполненная ямками иного рода, чем в остальном орнаменте (2), лучистый рисунок (6), у одного дополненный оттисками сломанного белемнита (рис. 11, *37*), концентрические круги на дне, разделенные рядами ямок (3) (рис. 11, *24*). Последний вариант очень характерен для Восточной Мещеры, Плещеевских, Нерских, Сахтышских стоянок. Лучистый рисунок на дне может быть интерпретирован как символ огня.

Белемнитным штампом заполнялась поверхность большинства сосудов. Чаще всего употреблялся острый неокатанный белемнит, но у четверти сосудов заметны деффекты штампа: шелушение поверхности, округленность конца, поперечный излом. У семи сосудов ямки выполнены каким-то заменителем белемнита, скорее всего струганой палочкой, и в одном случае — сломанным вдоль белемнитом. Бобовидные ямки — характерная черта самых поздних комплексов. Сосуды с таким штампом на стоянках МБ-5 и 8 имеют пористое тесто и обязательно расчес внутренних поверхностей, как и протоволосовские сосуды; в торфянике МБ-2 они встречены в самом верху слоя, непосредственно под волосовскими. Один из сосудов с четкими квадратными ямками и другой с узкими линзовидными могут быть связаны с белевским типом керамики. У одного сосуда фон заполнен белемнитным полулунным штампом.

Ведущий рисующий штамп — зубчатый (гребенчатый). Он отмечен 189 раз (включая орнамент по венчику) — это 56,6% применения рисующего штампа. Те же самые рисунки выполнялись гладким штампом — 6.6%. Белемнитные полулунные, кольцевые и плоские круглые штампы, мелкие острые наколы почти всегда употреблялись в самых простых композициях и по венчику, но часто сочетаются с другими видами штампов — 22,3%. Гладкие горизонтальные пояски употребляются главным образом по венчику, на тулове, в отличие от Центральной Мещеры, они редки (рис. 11, *15, 55*). Единичны случаи применения шнурового штампа (3), костных штампов (3) аммонита и коралла (рис. 11, *31, 41*).

Анализ керамики со стоянки МБ-7 позволяет отметить, что община, населявшая эту стоянку, поддерживала слабые контакты с западными группами льяловской культуры, для которых на позднем этапе характерен гораздо больший процент белевской керамики — 7—30%. Значительно более тесные связи наблюдаются с центральномещерскими стоянками, отнесенными И. К. Цветковой ко второму этапу рязанской культуры. Однако совершенно отсутствуют сосуды с характерной для рязанских стоянок овальной ямкой, выполненной косо поставленным белемнитом (слабый наклон заметен у многих). По-видимому, эта черта становится

характерной для рязанских стоянок в более позднее время. Несомненно более тесные связи обнаруживаются с памятниками Западной Мещеры, такими, как Бисерово-восточная и Бисерово-северная, прибрежный раскоп [18].

Среди памятников Маслова Болота близки к комплексу МБ-7 стоянки Луково озеро 3, раскопанная в 1976 г., северный прибрежный участок МБ-1, прибрежный участок МБ-2, исследованный в 1980 г., и, видимо, ряд погибших стоянок — МБ-15, 16, 21. Материал того же этапа отмечен на маленькой однослойной стоянке, по-видимому с жилищем — МБ-11. Более поздний — только на МБ-14.

Несмотря на то, что бóльшая часть стоянки оказалась повреждена при пожаре, ее нельзя считать разрушенным памятником. Здесь удалось проследить компактные комплексы, связанные с очагами, часть памятника сохранила первоначальную стратиграфию, которая показывает, что мы не так уж много информации потеряли в результате разрушения вмещающего слоя. Данный комплекс, хотя и не стерилен (имеется примесь ранненеолитического материала), но достаточно чист и относится к одному этапу. Это определяется однородностью материала на всей площади поселения, в том числе керамического и кремневого, расположением стоянки на очень низком заторфованном берегу, на котором незначительные высотные колебания уровня озера вызывают смещения береговой линии на десятки метров.

Признание комплекса МБ-7 позднельяловским требует пересмотра представлений о льяловской культуре и ее периодизации, разработанных А. Я. Брюсовым и В. М. Раушенбах [19, 20]. Тонкостенная густоямочная керамика и ямочно-гребенчатая с применением полулунного штампа, которые, по классификации В. М. Раушенбах, следовало бы считать ранней, сущевской, закономерно сочетается в пределах одного хозяйственного комплекса с позднельяловской редкоямочной, с рязанской II этапа, с волосовской кремневой техникой, с отсутствием мезолитоидной техники, с органической примесью в тесте, в том числе и у самих сущевских сосудов.

Комплексы, аналогичные МБ-7, встречены и в надежных стратиграфических разрезах: в верхней части торфа М-2, в средней части культурного слоя и на склоне Воймежной 1, в Языково 1 (прибрежные участки, раскоп 1978 г.), во втором строительном горизонте жилища на стоянке Сахтыш 1 с датами 3050±40 и 2900±40 лет до н. э. (ЛЕ-1020, 1019), при этом нижний слой с датой 3200±40 (ЛЕ-1024) дал более архаичный материал. Это позволяет датировать и наш комплекс рубежом IV—III тыс. до н. э. В начале III тыс. (2840±120 лет до н. э.) рядом со стоянкой МБ-7, на выдвинутом в заболоченное озеро мысе уже существовала протоволосовская стоянка.

Характерно совпадение топографии многих поселений с тонкостенной чисто ямочной керамикой, аналогичной сущевской: на низких заторфованных участках суходолов и берегах озер. Но низкий уровень озер зоны избыточного увлажнения, в которую входит вся территория льяловской культуры, зависит не от малого количества осадков, а от низкого уровня порога стока, так же, как повышение уровня озер свидетельствует не об увеличении количества осадков, а о повышении уровня порога стока [21]. А. В. Шнитников неправомерно перенес на лесную зону закономерности, характерные для аридной зоны [22]. Падение уровня озер лесной зоны вызвано постепенным врезанием русел дренирующих их рек, и наиболее интенсивное падение происходит именно в периоды максимального увлажнения: увеличение массы воды, проходящей по руслу, увеличивает и донную эрозию. Наиболее низкого уровня озера достигли в начале III тыс. Последующий подъем связан с заполнением русел наносами, заболачиванием рек, вызванных уменьшением количества воды или с выравниванием базиса эрозии. Это естественный процесс развития озер, он зависит не только от климата, но и от размеров озерных бассейнов, и от направления тектонических движений.

Наблюдая разнохарактерность неолитического материала на высоких и низких частях стоянок и исходя из принятой в то время датировки лесного неолита III тыс. до н. э. и из схемы развития орнамента «от простого к сложному», А. Я. Брюсов [19] и М. Е. Фосс [18] сделали вывод о переносе стоянок вверх по склону в результате подтопления, хотя никаких признаков размыва на исследованных ими стоянках не наблюдалось. Культурный слой прибрежных участков заключен в торфяные пласты и не перемыт. Той же схемы придерживается С. В. Ошибкина [23, 24], отмечая размыв таких суходольных стоянок с архаичной (с нашей точки зрения) гребенчато-ямочной керамикой, как Мыс Бревенник. Однако размыву подвергаются именно высоко расположенные участки прибрежных суходолов, а низко расположенные оказываются надежно законсервированы торфом и при повышении уровня озера бывают затоплены без размыва. Таким образом, одним из источников ошибки А. Я. Брюсова было неверное представление о закономерностях развития озер.

Другой источник — периодизация развития льяловской керамики «от простого к сложному». При этом под простым понимается технически сложный густоямочный орнамент, а под развитием — деградация технологии, так как керамика, причисляемая В. М. Раушенбах к позднельяловской характеризуется большей толщиной, плохой спайностью лент, перенасыщенностью минеральными примесями, что не свидетельствует о совершенствовании технологии. Подтверждение своей гипотезе об упрощении льяловского орнамента В. М. Раушенбах нашла в стоянках Сущево [25], Николо-Перевоз II [26], где вместе с тонкостенной густоямочной керамикой, определяемой как «древнейшая», был найден мезолитоидный кремневый инвентарь. Следует обратить внимание на стратиграфию и топографию памятников. Обе стоянки находятся на 1-й террасе р. Дубны, у створа озерной котловины (это обстоятельство В. М. Раушенбах не отметила), где культурный слой тянется практически без перерывов на несколько сотен метров (ок. 1 км). Слой тонок — это почвенный горизонт до 30 см. Находки залегают рассеянно на всей толще (ок. 15 см), кроме дерна. К моменту раскопок стоянка Сущево оказалась обрезана бульдозером, и говорить о закономерностях планиграфического и стратиграфического расположения материала в таких условиях, при малых площадях раскопов нет достаточных оснований. Мезолитоидный комплекс Дубнинских стоянок нашел полную аналогию в материалах позднемезолитических стоянок Центральной Мещеры, исследованных А. Н. Сорокиным [23, 24]. Видимо, здесь мы имеем дело с обычным механическим смешением разновременных комплексов на периферии больших стоянок. Выявление богатых комплексов, содержащих «сущевскую» льяловскую керамику в четких стратиграфических условиях стоянок МБ-2, Воймежная 1, Никольская-Правая и, особенно прибрежные участки Языково 1 требует пересмотра схемы развития льяловской культуры. Комплекс Маслово Болото 7 позволяет увидеть, что «сущевский тип» — это всего лишь один из типов керамики позднего этапа, заканчивающегося появлением волосовской культуры на западных льяловских стоянках — около 2900 г. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сидоров В. В., Трусов А. В.* Луково озеро I — стоянка льяловской культуры.— СА, 1980, № 2.
2. *Левенок В. П.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону.— МИА, 1965, № 131.
3. *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада европейской части СССР.— МИА, 1961, № 87.
4. *Алихова А. Е.* Жилище на Саконовской стоянке.— КСИИМК, 1959, вып. 75.
5. *Березанская С. С.* Неолитическая стоянка у хутора Гришевка на Средней Десне.— СА, 1975, № 2.
6. *Mackie W.* Science and Society in Prehistoric Britan. L., 1977.
7. *Оломеев Б. А.* К вопросу о памятниках «дубровичского» типа в бассейне Средней Оки.— КСИА, 1975, вып. 141.

8. *Репман А. Х.* Орнаментированная мотыга.— АО — 1972. М., 1973.
9. *Риер Я. Г.* Каменные топоры эпохи бронзы из Могилевского Поднепровья.— СА, 1975, № 3.
10. *Крайнов Д. А.* Отчет Верхне-Волжской экспедиции за 1970 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4551.
11. *Сидоров В. В.* Неолитические стоянки Святого озера у г. Шатуры.— СА, 1975, № 3.
12. *Никитин В. В.* Майданское поселение.— В кн.: Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1978.
13. *Студзицкая С. В.* Отражение этнических процессов в мелкой пластике древнейшего населения Севера европейской части СССР.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Наука, 1971.
14. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР.— МИА, 1952, № 29.
15. *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978.
16. *Грязнов М. П.* Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам.— СА, 1946, т. VIII.
17. *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
18. *Фосс М. Е.* Неолитическая стоянка на Бисеровом озере.— КСИИМК, 1959, вып. 75.
19. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
20. *Раушенбах В. М.* Неолитические племена Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья.— МИА, 1973, № 172.
21. *Квасов Д. Д.* Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука, 1975.
22. *Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария.— Зап. Географического об-ва СССР. Нов. сер., 1957, вып. 16.
23. *Раушенбах В. М.* Древнейшая стоянка льяловской культуры.— СА, 1964, № 2.
24. *Раушенбах В. М.* Новое местонахождение льяловской культуры.— КСИА, 1979, вып. 157.
25. *Сорокин А. Н.* Позднемезолитическая стоянка Микулино.— СА, 1981, № 1.
26. *Сорокин А. Н.* Мезолитическая стоянка Петрушино во Владимирской области.— СА, 1981, № 3.

V. V. Sidorov

MASLOVO BOLOTO 7–A SETTLEMENT OF THE LYALOVO CULTURE

Summary

The Maslovo Boloto 7 settlement found on a peat bog in the western part of the Meshchera area yielded a practically homogeneus complex of a purely Lyalovo type of the later stage and is tentatively dated to 3000 B. C. Archaeologists have identified remnants of six ground dwellings which succeeded one another, each of which contained several hearths, pottery sherds and long series of stone implements. Up to 70 vessels out of the total 325 identified by their rims from a mass of 10,000 fragments permit reconstruction. About 400 implements and the pottery make it possible to create a standard complex of the later period. The pottery exhibits simpler decorations and ramified technology with thin-walled vessels carrying pit ornaments. Quite a few vessels had geometric patterns under the rim. The pottery in general is close to that of the Ryazan group of the second stage. The stone industry reveals the emergence of the Volosovo-type techniques of flakings. It should be indicated that the Volosovo culture is perceived as an alien one on the settlement. The complex topples A. Bryusov and V. Raushenbakh's periodisation of the Lyalovo pottery.

Е. Л. КОСТЫЛЕВА

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ САХТЫШ VIII

Более десяти лет назад была открыта верхневолжская ранненеолитическая культура [1—3]. С тех пор, благодаря исследованиям Верхневолжской экспедиции под руководством Д. А. Крайнова (раскопки Д. А. Крайнова, Л. В. Кольцова, Ю. Н. Урбана), а также работам В. В. Сидорова, И. К. Цветковой и др., накоплены новые материалы, значительно расширяющие наши представления о раннем неолите центра Русской равнины.

Многочисленная коллекция, относящаяся к верхневолжской культуре, собрана на многослойном поселении Сахтыш VIII. Поселение находится в Тейковском р-не Ивановской обл., в двух километрах к юго-западу от с. Сахтыш. Расположено оно на невысоком всхолмлении правого берега р. Койки, вытекающей из оз. Сахтыш. Площадь памятника более 4000 м^2. С востока его ограничивает сухое русло Койки, с севера — заторфованная низина, являвшаяся, по-видимому, заливом Сахтышского палеоозера. С запада и юга к поселению примыкает луговина, в настоящее время распаханная.

Стоянка открыта Д. А. Крайновым в 1964 г. и исследовалась им в 1965, 1970—1971 и 1973—1978 гг. За это время на памятнике было вскрыто 1288 м^2. О результатах исследований ежегодно давалась краткая информация [4—12], а некоторые материалы были опубликованы в ряде работ Д. А. Крайнова (в том числе совместно с Н. А. Хотинским) [3, 13, 14] и Б. А. Рыбаковым [15].

Материальные остатки Сахтыша VIII относятся к различным культурам, хронологически охватывают период от раннего неолита до эпохи раннего железа включительно, а их общее количество, исключая остеологический материал, превышает 94 тысячи.

В задачу данной статьи входит освещение лишь ранненеолитического материала и некоторых вопросов, связанных с периодизацией верхневолжской культуры [1].

Литологическая стратиграфия стоянки следующая: дерн и поддерновый слой мощностью до 10 см; темная супесь мощностью 10—15, сероватая супесь мощностью до 10, пятнистая серо-желтая супесь мощностью до 20, темный плотный (предматериковый) суглинок с железистыми включениями мощностью около 10 см [16].

Материальные остатки встречаются во всех вышеуказанных слоях. Разделить их на культурные горизонты можно лишь с определенной долей условности, так как культурный слой сильно перемешан, особенно в местах расположения волосовских жилищ и могильника. Однако, наблюдения за стратиграфическим распределением верхневолжского материала, а также статистические подсчеты показали, что основная его масса встречена в пятнистой серо-желтой супеси и в предматериковом суглинке. Планиграфически же большинство ранненеолитических находок располагалось в центральной и восточной (ближе к речке) частях стоянки.

Наиболее массовым материалом на стоянке является керамика различных видов (верхневолжская, ямочно-гребенчатая, редкоямочная, волосовская, эпохи бронзы и железа).

---

[1] Выражаю искреннюю признательность Д. А. Крайнову за любезно предоставленное разрешение опубликовать материалы из его раскопок.

Таблица 1

Глубина, см	Общее количество керамики всех видов	Количество верхневолжской керамики	
		абсолютное	% от общего количества керамики на данной глубине
0—20	19 486	1088	5,6
20—30	26 306	1786	6,8
30—40	20 436	2235	10,9
40—50	7 628	1522	19,9
50—60	1 805	323	17,8
60—70	1 095	154	14,0
Всего	76 756	7108	9,3

Таблица 2

Часть сосуда	Орнамент					Всего
	зубчатый	прочерченный	«ложношнуровой»	тычковый	отсутствует	
Венчик	292	4	8	121	2	427
Стенка	3258	59	46	130	3148	6641
Днище	14	1	—	25	—	40
Всего	3564	64	54	276	3150	7108

Общая характеристика верхневолжской керамики без детального ее анализа была дана Д. А. Крайновым [3]. Мы же делаем попытку более подробного изучения обломков посуды, уделяя основное внимание орнаменту и увязывая различные виды его с формами венчиков, днищ и примесями.

По количеству верхневолжская керамика уступает лишь ямочно-гребенчатой и составляет 9,3% от общего числа найденных на поселении обломков посуды. Абсолютное большинство ее найдено на глубине 30—40 см, тогда как максимальное количество ямочно-гребенчатой, редкоямочной и волосовской керамики зафиксировано на глубине 20—30 см. Относительное же большинство верхневолжских черепков, выраженное в процентах от общего количества обломков в данном пласте (принятого за 100%), приходится на глубину 40—50 см (см. табл. 1).

При сравнении насыщенности культурного слоя верхневолжской керамикой по пластам необходимо учитывать также то обстоятельство, что верхневолжский горизонт находится на различной глубине от современной поверхности в разных частях стоянки: в восточной, где мощность культурных наслоений меньше, он начинается с глубины 30—40 см, а в центральной и западной — с глубины 40—50 см. Этим частично объясняется, кстати, и тот факт, что абсолютное большинство ранненеолитических черепков встречено на глубине 30—40 см.

Многообразие орнаментов, форм и примесей обусловило необходимость разделения верхневолжской керамики на группы. В качестве основного критерия деления взят орнамент как главный показатель культурной принадлежности керамики.

Орнамент верхневолжской керамики различается по элементам и способам его нанесения: зубчатый, прочерченный, тычково-накольчатый и «ложношнуровой», выполненный в технике «отступающей палочки». Зубчатый орнамент можно разделить на длинно- и короткозубчатый. Длиннозубчатый в свою очередь подразделяется на крупно-, средне- и мелкозубчатый (гребенчатый), а также пунктирный.

Ниже приведены соотношения количества венчиков, стенок и днищ сосудов по орнаментам (табл. 2).

Таким образом, в коллекции имеется 427 обломков венчиков, 6641 фрагмент стенок и 40 днищ примерно от 467 сосудов. Из них выделяются две основные группы посуды: с зубчатым и тычково-накольчатым ор-

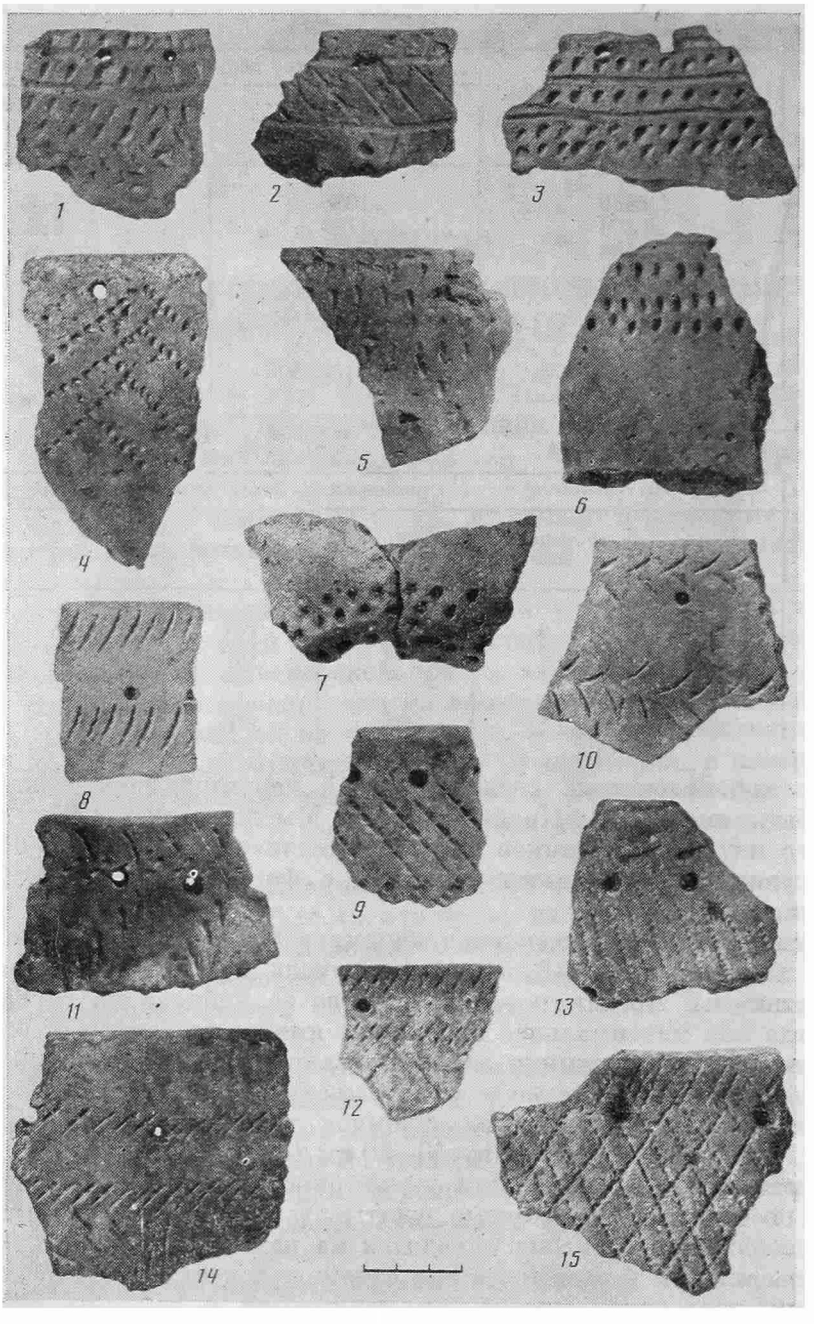


Рис. 1. Верхневолжская керамика

наментами (рис. 1). Наибольший интерес представляет вторая группа. Основная ее масса встречена на глубине 30—40 см (30 венчиков и 13 днищ) и 40—50 см (20 венчиков и 4 днища). На глубине 0—20 см найдено 14 венчиков и 1 днище, на глубине 20—30 см соответственно 11 и 4, а в самом нижнем горизонте — 1 и 3. Планиграфически обломки с тычково-накольчатым орнаментом занимали центральный и восточный участки поселения. В западной части, где ранненеолитические находки менее многочисленны, их нет.

Среди венчиков с тычковым орнаментом доминируют обломки с прямым профилем и прямым срезом, принадлежащие относительно большим сосудам (табл. 3; рис. 2, тип XI), и венчики с прямым срезом, слегка загнутые вовнутрь — от маленьких сосудов (тип XIa). Многочисленны также прямые венчики с округлым срезом (тип VIII). Прочие формы венчиков представлены единичными экземплярами. Это прямые, с округло-скошенным наружу краем от больших сосудов (тип VI) и с аналогич-

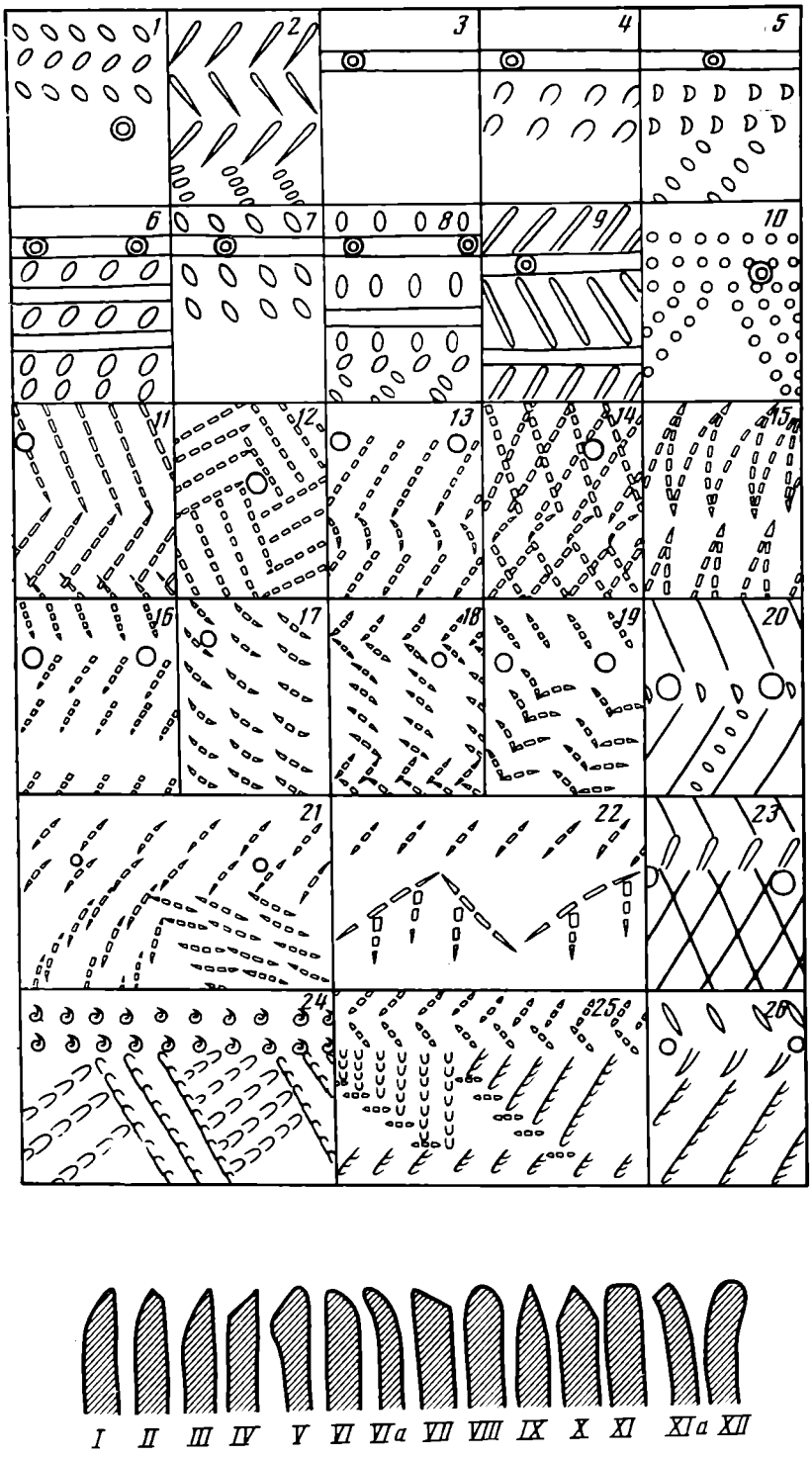


Рис. 2. Орнаментальные мотивы (*1–26*) и типы венчиков верхневолжской керамики (*I–XII*)

ным срезом, слегка загнутые вовнутрь — от маленьких (тип VIa), а также с приостренными (тип IX) и плавно скошенными вовнутрь срезами (тип. I, II). Днища сосудов с тычковым орнаментом — плоские или слегка вогнутые. То есть, форма посуды с тычковым орнаментом стоянки Сахтыш VIII представляется в виде небольших и средних размеров плоскодонных «кубков». Однако имелись и другие формы тычково-накольчатых сосудов, не найденные на Сахтыше VIII, но представленные на других поселениях верхневолжской культуры (Сахтыш II, Николо-Перевоз I и др.) остатками остродонных и круглодонных сосудов.

Таблица 3

	Вид орнамента	Тип венчика														Всего
		I	II	III	IV	V	VI	VIa	VII	VIII	IX	X	XI	XIa	XII	
I	Зубчатый	52	23	33	3	4	3	—	1	115	11	7	23	6	11	292
	Прочерченный	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—	4
	«Отступающая палочка»	—	1	1	—	—	—	—	—	3	1	1	1	—	—	8
	Тычковый	2	1	—	—	—	2	2	—	25	1	—	60	28	—	121
	Неопределимый	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2
	Всего	54	25	35	3	4	5	2	1	146	14	8	84	34	12	427
II	Гребенчатый	2	10	8	—	3	—	—	1	24	—	5	3	1	6	63
	Пунктирный	—	7	7	—	—	1	—	—	17	1	2	1	2	1	39
	Короткозубчатый	5	3	11	2	—	1	—	—	18	2	—	5	3	1	51
	Всего	7	20	26	2	3	2	—	1	59	3	7	9	6	8	153

Тычково-накольчатые сосуды орнаментировались в основном только в верхней (венчики) и нижней частях (придонная часть и днище) [2]. Основные орнаментальные мотивы венчиков представлены на рис. 2. Доминирующий элемент — тычковые вдавления овальной и полуовальной формы (рис. 2, *1, 3—8*). Встречаются также удлиненно-овальные вдавления (рис. 2, *2, 9*) и наколы в виде неглубоких цилиндрических ямок диаметром около 2 мм (рис. 2, *10*). Половина фрагментов вблизи края имеет горизонтальный желобок с редкими сквозными отверстиями, сделанными по сырой глине. Срезы венчиков лишь в единичных случаях орнаментированы мелкими наколами. Днища орнаментировались тычковыми вдавлениями, расположенными чаще всего концентрическими кругами, а придонные части — несколькими рядами наколов, иногда с отходящими от них вверх «лучами». Имеются и неорнаментированные днища.

По составу глиняной массы накольчатая керамика отличается от остальной верхневолжской посуды Сахтыша VIII. Для большинства обломков характерно тесто с мелкой раковиной, которая является, по-видимому, естественным включением в озерной глине, использовавшейся для изготовления посуды.

Все черепки слабого обжига, имеют равномерную красновато-коричневую окраску. Толщина фрагментов в среднем колеблется от 5 до 7 мм, некоторые обломки имеют толщину 8—10 мм.

Абсолютно идентичная тычково-накольчатая керамика встречена на соседних поселениях Сахтыш I и II, Ивановское III (раскопки Д. А. Крайнова), Владычинская-Береговая I [7, с. 83]. Аналогичная по орнаменту и формам, но отличающаяся составом формовочной массы керамика найдена на многих стоянках Волго-Окского междуречья (Польцо, Николо-Перевоз I, Торговище I, Кухмарь I и др.), среди которых имеется ряд однослойных памятников с «чистыми» комплексами, содержащими тычково-накольчатую или неорнаментированную керамику, сопровождающуюся кремневым инвентарем мезолитического облика (Шадрино IV, Алексеевское I, Давыдковская, Жабки III, Альба I и III и др.) [18; 19, с. 138—140; 20; 21, с. 58; 22, с. 83]. Наличие подобных комплексов заставляет предположить, что керамика с тычковым орнаментом является самой ранней в группе верхневолжской керамики и более древней по сравнению с керамикой с другими видами орнамента, которая встречается только в смешанных комплексах.

Типологическая близость тычково-накольчатой керамики стоянки Сахтыш VIII к керамике из «чистых» комплексов может служить показателем ее большей древности относительно прочих видов верхневолжской керамики, встреченной на стоянке.

[2] Этим, очевидно, следует объяснить большое количество неорнаментированной верхневолжской керамики, главным образом обломков стенок (см. табл. 1).

Вторая большая группа верхневолжской керамики представлена обломками с зубчатым орнаментом (296 венчиков и 15 днищ). Изучение форм венчиков с различными видами зубчатого орнамента (по материалам раскопок 1974—1978 гг.) показало, что они в основном сходны (табл. 3, II). Преобладает прямой венчик с округлым срезом (тип VIII). Для керамики с короткозубчатым орнаментом характерен также венчик с плавно скошенным вовнутрь срезом (тип III). В целом, вариации венчиков с плавно скошенным вовнутрь срезом (типы I—III) универсальны для всех видов зубчатой керамики. Наряду с этим имеется значительное многообразие других форм, что, очевидно, связано с хронологическим развитием форм самих сосудов с зубчатым орнаментом.

Днища почти все округлые или со слабо выраженной приостренностью. Острое донце с небольшой шиповидной оттянутостью центра только одно. Сосуды, судя по обломкам венчиков и днищ, были средних, реже крупных размеров и имели открытую яйцевидную форму, иногда со слегка отогнутыми наружу краями.

Орнаментация их довольно сложная, причем длиннозубчатый орнамент отличается от короткозубчатого как по набору элементов, так и по композициям. Длиннозубчатый орнамент чаще всего начинается сразу от края сосуда с так называемой бордюрной зоны, которая оформлена простым или сложным орнаментом, состоящим из нескольких элементов (рис. 2, *14*). Обычно элементы, оформляющие бордюр, использовались и как разделители орнаментальных зон. Среди них наиболее повторяющиеся — различные вариации короткозубчатого оттиска и тычковые вдавления. Разделительные пояса расположены вблизи или на стыке глиняных лент и как бы уплотняют швы сосуда. Иногда верхняя часть венчика неорнаментирована (рис. 2, *13*). Реже встречаются фрагменты без выделенной бордюрной зоны (рис. 2, *11*, *12*), при этом обычно отсутствуют и разделительные пояса.

Почти все сосуды имеют в верхней части одиночные ряды цилиндрических ямок, иногда — сквозные отверстия, сделанные по сырой глине. Часто ямки встречаются и в разделительных поясах, но всегда в комбинации с каким-нибудь ведущим элементом. На нескольких обломках орнаментирована и внутренняя поверхность венчиков.

Зубчатый орнамент был зональным и занимал всю поверхность сосудов. Основные орнаментальные узоры представляют собой горизонтальные ряды наклонно или прямо поставленных оттисков штампа, образующие, благодаря разнообразию сочетаний, различные композиционные мотивы. Чаще всего встречаются мотивы из горизонтальных рядов наклонного штампа, перемежающихся разделительными зонами (рис. 2, *13*), а также орнамент из наклонных рядов штампа без разделительных зон, образующих вертикальный зигзаг (рис. 2, *11*). Иногда в этих мотивах штамп наносился в технике «шагающей гребенки» (рис. 2; *15*). Распространены мотивы с «ромбической сеткой», как в основной части орнамента, так и в бордюрной зоне (рис. 2, *14*). Очень редок мотив так называемой «плетенки» (рис. 2, *12*).

Характер орнаментации днищ из-за их сильной фрагментированности, малочисленности (и часто затертости орнамента) определяется лишь в самых общих чертах. Это в основном сходящиеся «лучами» в центр днища оттиски, продолжающие орнамент стенок сосуда. В коллекции имеется несколько обломков днищ, внутренняя поверхность которых украшена отпечатками зубчатого штампа.

Черепки с длиннозубчатым орнаментом одно- или двухслойные, серо-желтого или розовато-кирпичневого цвета. Обжиг сильный. Толщина стенок варьирует от 6 до 10 мм с преобладанием 8 мм. Примеси в глине различны: шамот, песок и дресва, причем преобладают не «чистые» примеси, а их сочетания. Многие обломки на внутренней стороне имеют «расчесы».

Керамика с длиннозубчатым орнаментом является относительно поздней в группе верхневолжской посуды, на что указывают ее стратигра-

фическое положение и сопутствующий кремневый инвентарь на различных стоянках Верхнего Поволжья [23, с. 15; 24, с. 65, 70; 25, с. 72].

То же можно сказать и о длиннозубчатой керамике стоянки Сахтыш VIII, несмотря на ее совместное залегание в смешанных слоях с тычково-накольчатой керамикой. Керамика этих двух видов отличается не только по орнаменту и примесям, но и по естественной структуре глины. Трудно предположить, чтобы одновременное и однокультурное население использовало для изготовления посуды, даже если эта посуда разного назначения (кухонная, столовая, ритуальная и проч.), глину, взятую из различных источников. В одном случае это озерная глина с включениями сапропеля, в другом — глина без видимых включений, взятая, возможно, из наземных источников.

Таким образом, тычково-накольчатая и длиннозубчатая керамика стоянки Сахтыш VIII разновременна и относится к различным этапам существования верхневолжской культуры.

Кроме вышерассмотренных двух больших групп верхневолжской керамики на стоянке встречены также обломки ранненеолитической посуды с короткозубчатым, прочерченным и «ложношнуровым» орнаментом.

Керамика с короткозубчатым орнаментом довольно многочисленна. Орнаментация ее отличается разреженностью. Короткозубчатый штамп, играющий подчиненную роль в орнаментации сосудов, выполненной длиннозубчатым штампом, здесь является основным. Орнамент начинается как от края сосуда, так и отступив от него 1,5—2 см. У большинства венчиков выделяется бордюрная зона, которая заполняется основным элементом орнамента — короткозубчатым штампом (рис. 2, *16, 18, 19*). Композиции орнамента — простые и сложные. К первым относятся горизонтальные и вертикальные ряды оттисков короткозубчатого штампа (рис. 2, *16, 17*). В сложных композициях горизонтальные ряды штампа выполняют роль разделительных поясов, а основу орнамента составляют вертикальные и наклонные ряды короткозубчатых отпечатков. Часто встречается узор в виде «елочки», реже — горизонтальный одно- и многорядный зигзаг (рис. 2, *18, 19, 21, 22*).

Композиционное построение короткозубчатого орнамента в некоторых случаях близко узорам, выполненным «отступающей палочкой» (рис. 2, *24, 25*). Иногда при нанесении орнамента в технике «отступающей палочки» использовался короткозубчатый штамп или оба вида орнамента сочетались.

Керамика с этими двумя видами орнамента близка также и по примесям: преобладает крупный шамот, хотя в обломках с короткозубчатым орнаментом часто наряду с шамотом присутствует примесь песка или дресвы.

Среди венчиков с «ложношнуровым» орнаментом есть прямые с прямым, округлым и плавно скошенным вовнутрь срезом, приостренные, т. е. формы, встречающиеся и у короткозубчатой керамики. Все это может говорить о хронологической близости керамики обеих групп[3].

Керамика с прочерченным орнаментом на Сахтыше VIII немногочисленна: найдено четыре венчика (все прямые: три с округлыми срезами, а один — с приостренно-округлым) и одно острое днище. Примесь в глине состоит из шамота и мелкого песка. Определимые композиции орнамента — ряды наклонных линий, разделенные поясами тычковых вдавлений, и «ромбическая сетка» (рис. 2, *20, 23*). Хронологически она, видимо, близка керамике с орнаментом, выполненным «отступающей палочкой», на что указывает их совместное залегание в верхневолжских слоях стоянок Спасская I, Гливистенка и Застанье (Калининская обл.), где встречены только два вида керамики [24, с. 68]. Кроме того, отмечено совместное залегание керамики с короткозубчатым, «ложношнуровым» и прочерченным орнаментом в четко стратифицированном верхневолжском слое

[3] Керамика с «ложношнуровым» и прочерченным орнаментом из-за своей малочисленности подробно не рассматривается.

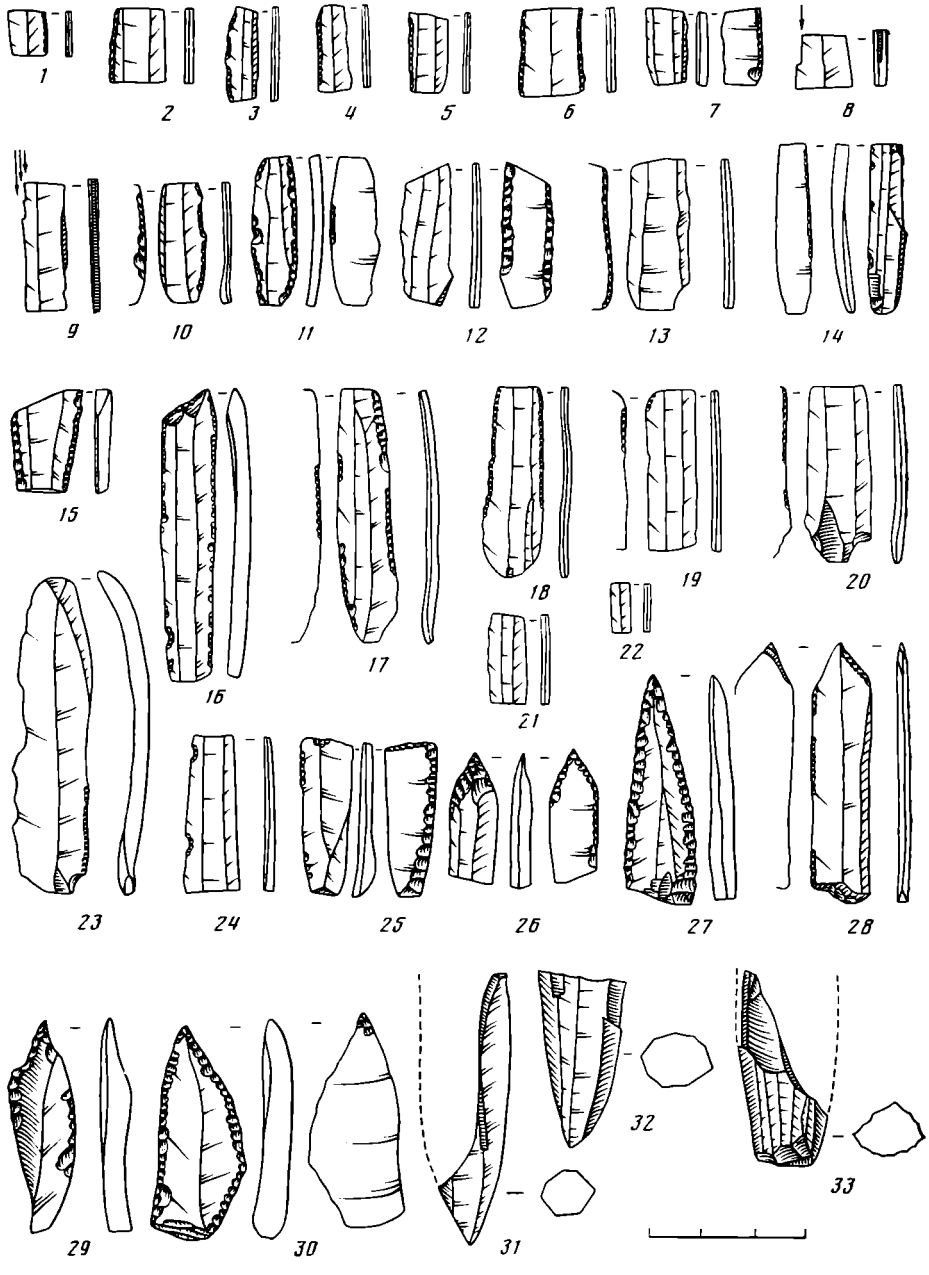


Рис. 3. Орудия на пластинках и нуклеусы

стоянки Ивановское III под слоем с длиннозубчатой верхневолжской керамикой [23, с. 15].

Таким образом, основываясь на данных стратиграфических наблюдений на ряде стоянок Верхнего Поволжья, а также типологическом сопоставлении керамики с короткозубчатым, «ложношнуровым» и прочерченным орнаментом, можно говорить о хронологической близости этой группы вехневолжской керамики. Во времени она, видимо, занимает промежуточное положение между тычково-накольчатой и длиннозубчатой керамикой. С тычково-накольчатой керамикой она соприкасается в формах венчиков, днищ, примесях. На стоянке Сахтыш II известны единичные обломки сосудов с примесью раковины, которые по формам венчиков и днищ можно отнести к типичной тычково-накольчатой посуде, но имеющих короткозубчатый, «ложношнуровой» и прочерченный орнамент. С другой стороны, рассматриваемая группа керамики сближается с керамикой длиннозубчатой в элементах орнамента, некоторых композициях («плетенка», «ромбическая сетка»), формах венчиков и днищ, примесях.

Очевидно, керамика с прочерченным, «ложношнуровым» и короткозуб-

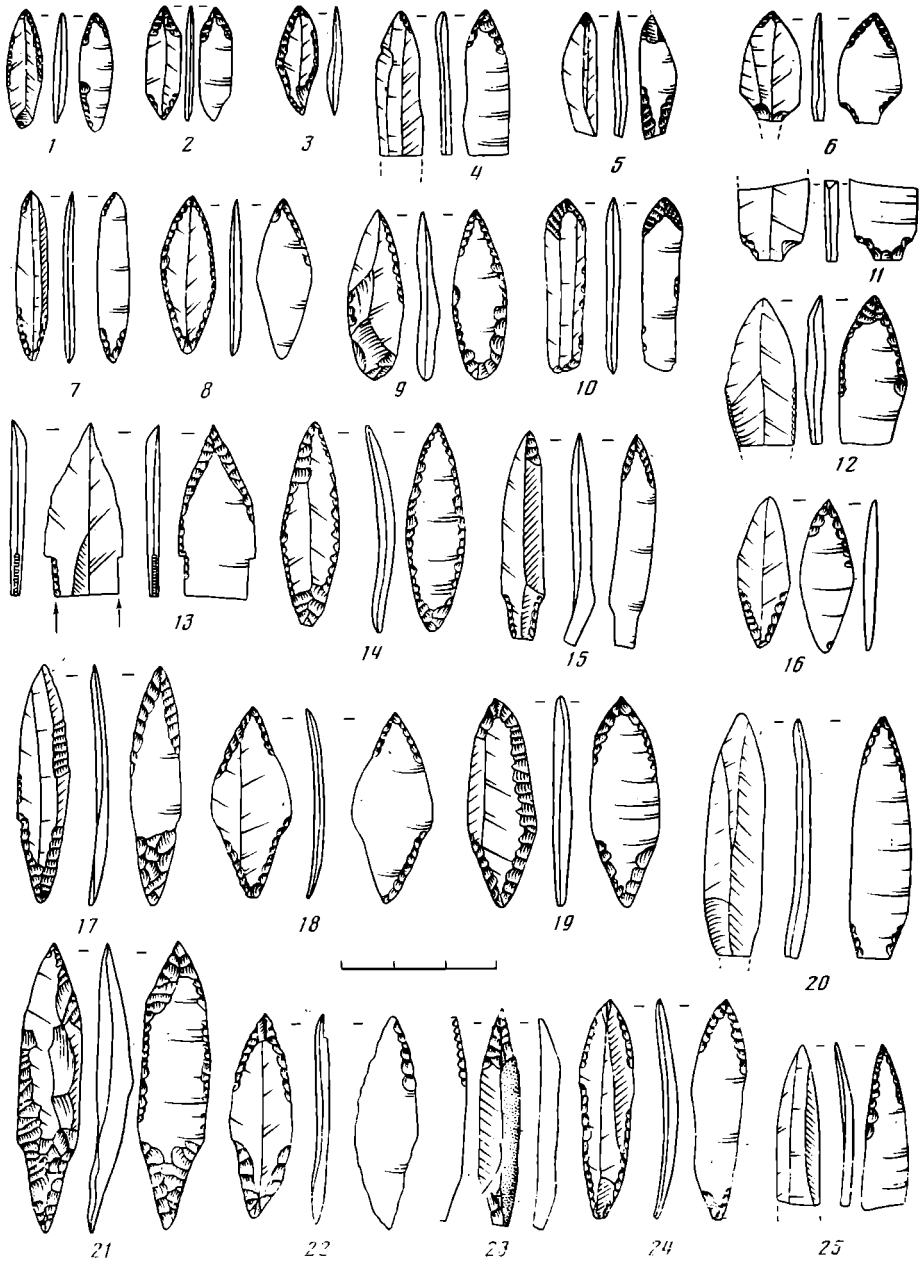


Рис. 4. Наконечники стрел на пластинках

чатым орнаментом стоянки Сахтыш VIII не является исключением и, несмотря на стратиграфическую нерасчлененность материала, также занимает промежуточное положение между тычково-накольчатой и длиннозубчатой.

Кремневый инвентарь верхневолжской культуры, как установлено Д. А. Крайновым, характеризуется и пластинчатой, и отщепной техникой [3]. Однако, ниже мы остановимся на описании орудий, изготовленных только на пластинах, так как ранненеолитические орудия на отщепах из-за перемешанности материалов в культурном слое и неразработанности их типологии в настоящий момент трудно отделить от более поздних.

Всего на Сахтыше VIII собрано 16 410 экз. кремня, включая орудия и отходы производства. К пластинчатому же комплексу относится всего лишь 825 предметов. Сырьем для изготовления орудий служил валунный кремень коричневого, желтого, серого и красного цветов. Для получения пластин использовались конические и призматические нуклеусы (рис. 3, *31—33*). Их найдено 25 экз. В коллекции имеется кроме этого 15 микро-

нуклеусов подконической формы, с которых получали как микропластинки, так и мелкие отщепы.

Основную массу находок составляют пластинки и их обломки без вторичной обработки — 325 экз. Они чаще всего небольших размеров, тонкие, шириной от 3 до 6 мм, реже — до 8—10 мм; почти все имеют правильную огранку (рис. 3, *21, 22*). Вторая по количеству группа находок — пластинки со вторичной обработкой: всего 139 экз. (рис. 3, *10—20, 23—25*). Функциональное их назначение различно: большинство использовалось в качестве ножей и пилок, некоторые — с неглубокими выемками на одной из сторон — как скобели. Часть употреблялась как многофункциональные орудия (рис. 3, *16*). Кроме того, найдено несколько пластин со скошенным ретушью краем и затупленным ретушью с брюшка основанием (рис. 3, *25*) [4].

Довольно многочисленны и сечения пластинок: 89 экз. без обработки и 50 — с ретушью по одному из краев со стороны брюшка или спинки (рис. 3, *1—7*). Последние являлись вкладышами.

Наконечников стрел и их обломков — 44. Формы их различны: листовидные, подромбические и черешковые. Выделяется группа микронаконечников длиной 20—25 и шириной 6—7 мм (рис. 4, *1—3*).

Черешковые наконечники обработаны в основном по острию и черешку, причем чаще всего острие обработано и с брюшка, и со спинки, а черешок только со спинки (рис. 4, *2, 15, 23*) или только с брюшка (рис. 4, *20*). Небольшая часть орудий этой серии ретуширована по всему периметру (рис. 4, *21*), [3, с. 57, рис. 9, *9*]. Аналогичная обработка отмечается у большинства наконечников листовидной формы (рис. 4, *8, 14*), [3, с. 57, рис. 9, *14, 15*], хотя для некоторых экземпляров характерна также только подправка острия и насада (в редких случаях — слабо намеченного черешка) (рис. 4, *7, 16, 22*), а у некоторых дополнительной нерегулярной ретушью оформлялись и края (рис. 4, *9, 17—19, 22, 24*).

Единичными находками представлены: довольно крупный подромбический наконечник, обработанный по острию и насаду и частично по периметру со спинки [3, с. 57, рис. 9, *18*], и наконечник, края насада которого подправлены короткими резцовыми сколами и противолежащей ретушью (рис. 4, *13*).

Проколок и сверл — 9 экз. Рабочий конец их обычно обработан с брюшка и со спинки или только со спинки, а прилегающие края или один из них затуплены крутой или полукрутой ретушью (рис. 3, *26—30*).

Резцов на пластинах — 19. Все они угловые. Лезвие чаще оформлено одним сколом, иногда двумя, реже тремя (рис. 3, *8, 9*). Сколы, как правило, узкие и короткие, хотя есть орудия и со сколами, захватывающими весь боковой край. Встречаются также двойные резцы.

Скребки на пластинах и их обломках немногочисленны — 10 экз. Лезвия дугообразные и дугообразно-скошенные, у некоторых — полуокруглые, практически все обработаны крутой или полукрутой ретушью (рис. 5). Один из скребков, сделанный на длинной пластинке, имеет слегка выделенный черешок, по краям брюшка обработан дополнительно плоской ретушью, а тыльный конец одного из краев подправлен коротким резцовым сколом [3, с. 56, рис. 8, *14*]. Часть скребков на коротких пластинках и пластинчатых отщепах обработана по лезвию и одному из смежных краев и имеет полуокруглую или близкую к ней форму. По форме они близки микроскребкам на отщепах и составляют вместе с ними значительную серию (46 экз.).

Остальные находки: 7 резчиков с ретушью только по режущему углу и 29 неопределимых из-за сильной фрагментированности обломков.

---

[4] К сожалению, автор не имеет возможности приводить более точные данные, так как часть материалов из раскопок Сахтыша VIII хранится в фондах Объединенного историко-революционного музея г. Иванова в недоступных для исследователей условиях.

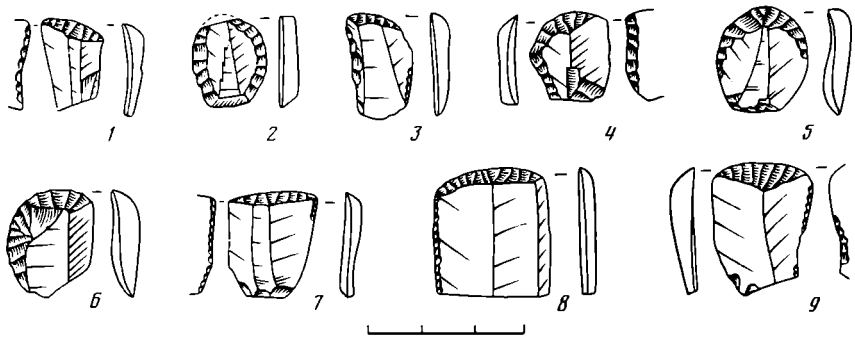


Рис. 5. Скребки на пластинках

Относительная немногочисленность пластинок и орудий из них (825 экз.) по сравнению с большим количеством верхневолжской керамики (7108 экз.), среди которой преобладает поздняя, с зубчатым орнаментом, может свидетельствовать, как отмечали некоторые исследователи, об упадке пластинчатой техники на поздней стадии верхневолжской культуры [3, с. 58; 25, с. 72].

Особую группу находок на Сахтыше VIII составляют предметы искусства и культа эпохи раннего неолита, представленные своеобразными глиняными дисками с накольчатым орнаментом. Всего найдено два обломка и один целый диск. Один обломок — случайная находка, второй встречен на глубине 30—40 см, а целый диск — на глубине 50 см. Последний опубликован Б. А. Рыбаковым [15] и Д. А. Крайновым [14]. По предположению первого автора, этот диск, на котором точечными наколами выполнено изображение головы оленя в круговом обрамлении, связан с культом небесного оленя и является пока древнейшим на северо-востоке Европы датированным изображением, связанным с этим культом [15, с. 63].

На одном из обломков орнамент нанесен с одной стороны и представляет собой удлиненные наколы, расположенные «в елочку» концентрическими кругами или по спирали (рис. 6, *2*). Его толщина 5 мм, а диаметр около 70 мм. Другой фрагмент орнаментирован с двух сторон неглубокими овальными вдавлениями, которые имеют такое же расположение, как и на предыдущем (рис. 6, *1*). Толщина этого диска 5 мм, а диаметр около 60 мм. Цвет обломков розовато-желтый. Глиняное тесто хорошо отмучено и промешано, визуально определимых примесей нет, обжиг средний.

Ближайшая аналогия этим дискам — фрагмент диска с соседнего поселения Сахтыш II. Обе его поверхности орнаментированы неглубокими точечными наколами. На одной стороне они расположены по спирали, а на другой — несколькими рядами в двойном круговом обрамлении. Толщина обломка 8 мм, приблизительный диаметр 60 мм. Цвет розовый. Сторона со спиральным узором несет следы стертости (рис. 6, *3*).

Орнаментация дисков, как по технике нанесения, так и по элементам, имеет значительное сходство с тычково-накольчатым орнаментом на плоских донцах верхневолжских сосудов. Это сходство не может быть случайным, а указывает на культурное и хронологическое единство с ранней верхневолжской посудой.

К кругу предметов искусства и культа относится также обломок небольшой сланцевой плитки, найденной в слое на глубине 40—50 см (рис. 6, *6*). Плитка имеет форму неправильного овала, края по периметру слегка подточены, толщина 3—4 мм, цвет беловато-розовый. По одной стороне плитки прорезан неглубокими тонкими линиями густой «елочный» узор, а по другой — ромбическая решетка. Подобные орнаментальные мотивы довольно часто встречаются и на верхневолжской керамике с прочерченным и зубчатым орнаментом, что может свидетельствовать о принадлежности плитки к верхневолжской культуре.

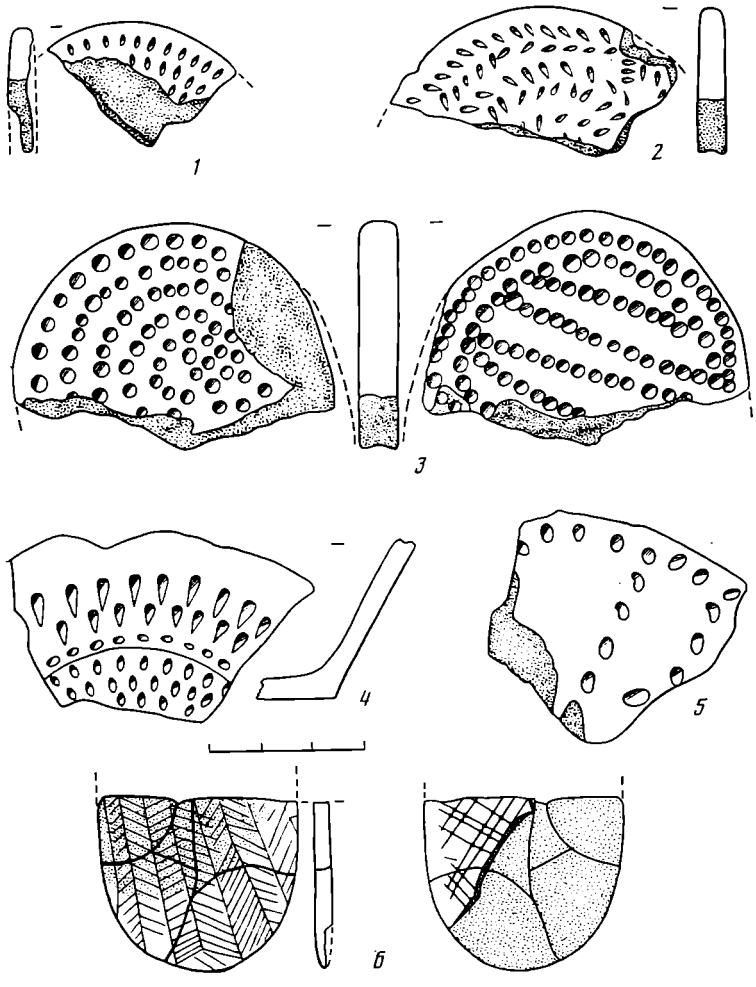


Рис. 6. Диски-амулеты и плоские донца тычково-накольчатых сосудов. Каменная плитка с орнаментом

Большой интерес представляют два жилища, исследованные в 1965 и 1977 гг. Оба они расположены в восточной части стоянки, вдоль древнего русла р. Койки.

Первоначально жилище, раскопанное в 1965 г. (жилище 1), было отнесено Д. А. Крайновым к волосовскому времени [13, с. 48]. Позднее это положение было им пересмотрено, и жилище датировано временем раннего неолита [26, с. 56]. Ранненеолитическая принадлежность жилища установлена на основе его стратиграфии по отношению к остаткам волосовских сооружений и находок в заполнении жилищного пятна. Жилище прослежено с глубины 40 см. Форма его близка к округлой, хотя очертания его с восточной стороны несколько расплывчаты: здесь вплотную к жилищу примыкало пятно культурного слоя, отношение которого к конструкции жилища неясно (рис. 7). Размеры жилища по линии юго-запад — северо-восток — 3,5 м, а с северо-запада на юго-восток — 4 м. Пол неровный, покатый к центру. Глубина жилища в центре — 50 см от уровня расчистки (от 40 см). В юго-западной части жилища находилось кострище размерами 110 на 150 см, мощностью 25—30 см, имевшее в разрезе вид чаши с неровным дном. Внутри жилища у очага, вдоль юго-западной и северо-восточной стенок, а также снаружи вдоль юго-западной, северной и северо-восточной стенок прослежены ямки от столбов. Видимо, жилище имело шалашеобразную конструкцию с выходом в сторону реки [27]. В жилищном пятне и вокруг него наблюдалось скопление верхневолжской керамики различных видов и орудий на пластинках (рис. 3, *7, 11, 15, 25, 26*).

Второе верхневолжское жилище было прослежено в восточной части стоянки, в 20 м к юго-юго-востоку от жилища 1 с глубины 50 см. По

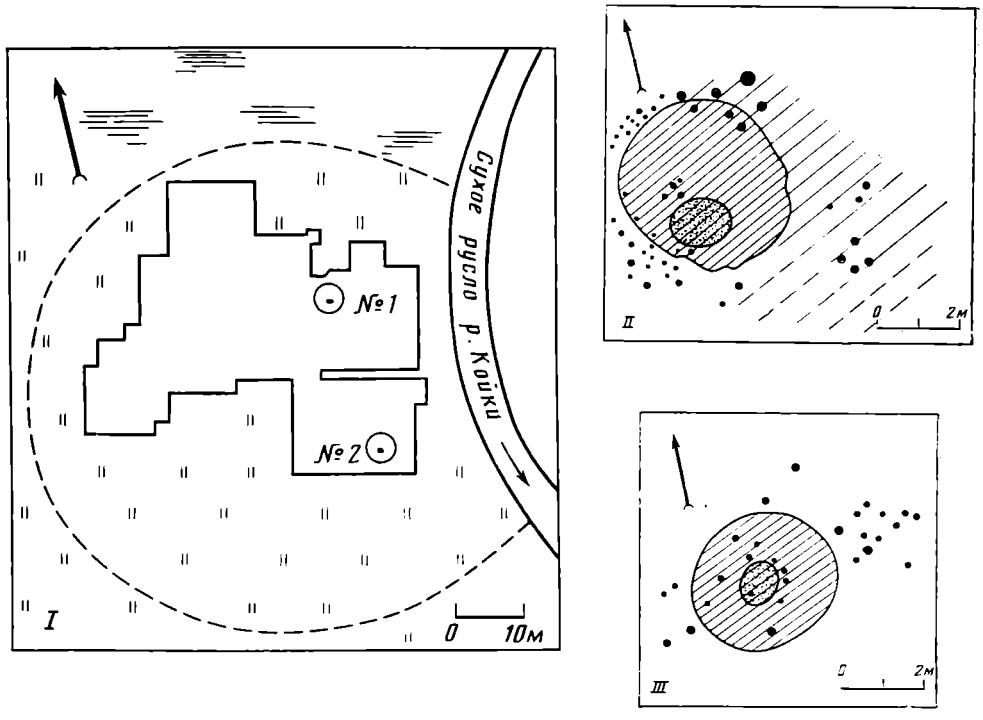


Рис. 7. Верхневолжские жилища. *I* – местоположение жилищ, *II* – жилище 1; *III* – жилище 2

форме оно близко жилищу 1 (рис. 7). Размеры его – 3 м (по линии юго-восток – северо-запад) на 3,6 м (по линии северо-восток – юго-запад). Пол жилища углублен к центру, где достигает 40 см от уровня расчистки (от 50 см). В центре находилось кострище размерами 120 на 80 см и мощностью около 30 см. В северо-восточной части пол жилища повышался. Возможно, здесь был выход в сторону реки, куда тянутся от жилища и ряды ямок от столбов (следы настила?) Такие же ямки отмечены и в жилище, в основном в центре у очага. В жилище и рядом с ним найдено значительное количество верхневолжской керамики, пластинок и орудий из них, нуклеусы с негативами отжатых пластин [26].

Кроме того, на стоянке обнаружено несколько жилых площадок эпохи раннего неолита, отмеченных концентрацией верхневолжской керамики и пластин.

Жилища, аналогичные сахтышским, но несколько меньших размеров (2.3×2.5 м), встречены на стоянке Малая Ламна I (Ивановская обл.) [28]. Отметим, что жилищ, относящихся к раннему неолиту, известно немного, и они отличаются от вышеописанных по формам и размерам [29, с. 60; 30, с. 63].

Рассмотренные верхневолжские материалы стоянки Сахтыш VIII дополняют наше представление о материальной и духовной культуре эпохи раннего неолита, особенно начального ее этапа, представленного значительным количеством тычково-накольчатой керамики, связанных с ней дисков-амулетов и части кремневого инвентаря. Анализ ранненеолитической керамики и сопоставление ее с керамикой других стоянок верхневолжской культуры позволяет наметить этапы ее развития, связанные с решением вопроса о периодизации верхневолжской культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крайнов Д. А.* Исследования Верхневолжской экспедиции.— АО — 1972. М., 1973.
2. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М.* Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья.— Вестн. АН СССР, 1973, № 5.
3. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура.— СА, 1977, № 3.
4. *Крайнов Д. А.* Изучение территории Верхнего Поволжья.— АО — 1965. М., 1966.
5. *Ерофеева Е. Н., Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII.— АО — 1970. М., 1971.

6. *Крайнов Д. А.* Исследования Верхневолжской экспедиции в Ярославской, Калининской и Ивановской областях.— АО — 1971. М., 1972.
7. *Ерофеева Е. Н., Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII.— АО — 1973. М., 1974.
8. *Крайнов Д. А.* Работы Верхневолжской экспедиции.— АО — 1974. М., 1975.
9. *Крайнов Д. А.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции.— АО — 1975. М., 1976.
10. *Крайнов Д. А.* Исследования Верхневолжской экспедиции.— АО — 1976. М., 1977.
11. *Крайнов Д. А.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции.— АО — 1977. М., 1978.
12. *Крайнов Д. А.* Раскопки Сахтышских стоянок.— АО — 1978. М., 1979.
13. *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
14. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Природа и неолитический человек Русской равнины в свете новых археологических открытий.— Природа, 1978, № 5.
15. *Рыбаков Б. А.* Новые данные о культе небесного оленя.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
16. *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1978 год.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 8301.
17. *Цветкова И. К., Кравцов А. Е.* Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I.— СА, 1982, № 2.
18. *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1969 год.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4008.
19. *Молодцова Е. М.* Отчет о работе Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5033.
20. *Сидоров В. В.* Давыдковская стоянка на реке Яхроме.— СА, 1973, № 2.
21. *Кравцов А. Е.* Работы Северо-Мещерской экспедиции.— АО — 1979. М., 1980.
22. *Трусов А. В.* Работы Московского областного краеведческого музея.— АО — 1979. М., 1980.
23. *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1973 год.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5033.
24. *Урбан Ю. Н.* К вопросу о ранненеолитических комплексах в Калининском Поволжье.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1976.
25. *Жилин М. Г., Крайнов Д. А.* Стоянка Берендеево II-а.— КСИА. 1982, вып. 169.
26. *Крайнов Д. А.* Исследования стоянки Сахтыш VIII.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6618.
27. *Крайнов Д. А., Ерофеева Е. Н.* Отчет о раскопках стоянки Сахтыш VIII.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3125.
28. *Крайнов Д. А.* Исследования Верхневолжской экспедиции.— АО — 1983. М., 1985.
29. *Кольцов Л. В.* Работы в Калининской и Ярославской областях.— АО — 1974. М., 1975.
30. *Кравцов А. Е.* Работы Северо-Мещерского отряда Музея истории и реконструкции г. Москвы.— АО — 1981. М., 1982.

E. L. Kostyleva

SAKHTYSH VIII, AN EARLY PALAEOLITHIC CAMP IN THE UPPER VOLGA

Summary

The author takes as her subject the early Palaeolithic materials from the camp of Sakhtysh VIII (Teikovo District, Ivanovo Region). According to the ornamental patterns she divides the evolution of pottery into three stages: 1—pottery with pricked out patterns, 2—pottery with incised or shallow indented patterns, and pseudo-corded ware; 3—pottery carrying long-indented ornaments. In her discussion of flint instruments the author restrics herself to implements on blades. She leaves aside instruments on flakes because they are difficult to distinguish from similar objects belonging to other cultures. The author also describes what was left of two small oblong dwellings.

Н. Ф. ЛИСИЦЫН

ОЗЕРНЫЕ СТОЯНКИ ХАКАСИИ

(к вопросу о времени освоения степной зоны)

Особенность природных условий Хакасии, расположенной в системе Минусинских межгорных впадин,— вертикальная поясность растительного покрова. Горное обрамление области представлено тайгой, предгорные участки — лесостепью, наиболее обширные пониженные районы — сухими степями. Представление о каменном веке этой территории основывалось на изучении стоянок, существовавших в условиях ландшафта с древесной растительностью на низких террасах крупных рек. Открытие большой группы памятников на склонах горного обрамления долины Енисея вдали от берега дало возможность осветить неизвестные до сих пор аспекты хозяйственной деятельности древнего человека [1, с. 4—7]. Интерпретация таких стоянок в качестве промежуточных пунктов — остановок охотников при их движении из долин в глубь степей — выдвинула вопрос о поисках следов человека каменного века в аридной зоне, где были известны памятники эпохи металла, связанные с развитием скотоводства.

О необходимости целенаправленных разведок говорил тот факт, что в долинах крупных рек Хакасии было открыто более 170 стоянок и местонахождений, в то время как в центральной части сухих степей зафиксированы случайные небольшие находки только на озерах у д. Смирновка и Сосновом [2, с. 283; 3, с. 11—20]. Такая диспропорция объясняется сложившимся мнением о бесперспективности поисков в районах, которых избегали древние охотники из-за отсутствия воды, растительности, резких колебаний температуры, трудности охоты на животных в открытой местности.

В результате работ Среднеенисейской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в аридной зоне наряду с многочисленными памятниками времени металла найдена группа пунктов более раннего возраста. На севере Хакасии, в Ширинской степи, собран подъемный материал на озерах Джирим, Толстый Мыс, Интикуль. На юге, в Койбальской степи, исследованы местонахождения Подгорное озеро 1—3, Сосновое озеро 1—4, Красное озеро 1—3, Смирновка 1—2, Белое, Черное, Челпан, Куйбышево. В Уйбатской степи автором сделаны находки на Соленом озере, Н. А. Леонтьевым на оз. Талое, А. Л. Кунгуровым в двух местах на оз. Красное.

В общей сложности к настоящему времени открыто уже 26 местонахождений, что позволяет снять вопрос о необитаемости аридной зоны в каменном веке и дает возможность говорить о неоднократном появлении здесь человека. Интересна геоморфологическая привязка стоянок. Степи Хакасии имеют ярко выраженный слабохолмистый характер, а многочисленные понижения между сопками довольно часто заняты солончаками и бессточными горько-солеными озерами, уровень которых колеблется в зависимости от количества атмосферных осадков. Пункты находятся вблизи от немногочисленных ключей с солоноватой водой, обычно приуроченных к берегам озер.

Найденные местонахождения относятся к группе дюнных стоянок, которые, по геологическим данным, считаются самой поздней донеолитической группой памятников с составом фауны, близким к современному [4, с. 378]. Датировка этих стоянок — наименее разработанная часть в четвертичной геологии, так как практически никто из специалистов не

обращался к проблеме покровных отложений конца плейстоцена — голоцена на территории области. По нашим предварительным наблюдениям, подъемный материал можно разделить на ранний и поздний по условиям залегания, наличию фауны и высотным отметкам находок относительно современной поймы озер. Наиболее ранним является инвентарь, собранный в песчаных выдувах глубиной 0,3—0,5 м вместе с фауной на склонах холмов на расстоянии более 100 м от современного берега. Изделия покрыты тонким слоем «солнечного загара» и имеют следы интенсивного воздействия эоловой песчаной обработки.

К поздней группе относятся предметы из камня, поднятые прямо с современной поверхности или частично полупогруженные в слабомощный дерновый покров. Фауна не сохранилась, изделия лежали в непосредственной близости от воды. На орудиях не фиксируются следы действия природных факторов.

Более дробное деление коллекций с озерных стоянок дает изучение типологии каменных изделий. Положение облегчается тем, что на озерах прослеживается локализация стоянок, благодаря чему не встречается смешанный разновременный инвентарь.

К концу верхнего палеолита относятся коллекции пяти разрушенных стоянок на юго-западном участке Соснового озера. Сборы на стоянке, открытой А. Н. Липским в 1958 г., производились на расстоянии не менее чем в 300 м от берега озера. О фауне говорят изделия из кости дикой лошади. Из находок А. Н. Липского и З. А. Абрамовой в 1960 г. имеется 164 предмета: скребла, скребки, долотовидные орудия, крупные тесла из галек, ножи с ретушью, отходы производства. В настоящее время стоянка затоплена при создании искусственного водохранилища, а уровень водоема резко поднялся в результате спуска воды из обводнительного канала в котловину озера.

Выше стоянки А. Н. Липского, по склону широкого мелкого лога, расположены на расстоянии 150—300 м друг от друга еще четыре пункта (Сосновое озеро 1—4), которые представляют собой площадки концентрации каменных изделий, встреченные в дюнных выдувах. Зачистка останцов дала сходную стратиграфию, которая наиболее полно прослежена на первом местонахождении: 1) маломощный дерн и светло-коричневый слабогумусированный песок — 0—0,3 м; 2) светло-серый однородный мелкий песок — 0,3—0,9 м; 3) светло-серый мелкий песок с включениями крупных линз синеватого, полностью разложившегося песчаника. Прослежен до глубины 1,3 м от поверхности.

Каменные изделия и фауна встречались в перепаде глубин второго литологического слоя, в то время как в серии более мелких выдувов и на задернованной современной поверхности находок нет. Фаунистический материал представлен остатками лошади, кулана, косули (определения Н. М. Ермоловой), кроме того, обнаружено большое количество мелких полуразложившихся или обгорелых осколков костей животных. В выдувах собрано 98 орудий, 67 нуклеусов и более 1000 отходов производства, включающих отщепы, осколки, чешуйки без следов обработки. Близкий по набору состав изделий встречен на второй стоянке: 146 орудий, 75 ядрищ и более 2500 единиц расщепленного камня. На третьем пункте найдено 88 орудий, 31 нуклеус и более 1000 каменных отбросов. Наконец, на последнем местонахождении, расположенном в верховьях лога, очень высоко даже над современным уровнем водохранилища, собрано 43 предмета.

Если суммировать практически одинаковый набор орудий со стоянок Сосновое озеро 1—4, то в коллекции имеется 136 скребел, 114 скребков, 1 скребловидное и 33 мелких долотовидных орудия, 3 проколки, 1 острие, 5 остроконечников, 1 пластинка с резцовым сколом, 1 галька-чоппер, 2 ножа на отщепах, 2 отбойника, 3 пластинки, 2 отщепа и 1 осколок со следами вторичной обработки, 35 мелких неопределимых обломков орудий. На стоянке Липского есть группа галечных тесел, не представленная в коллекциях с остальных пунктов, что может объясняться более поздним возрастом этого памятника.

Таблица 1

Наименование орудий	Стоянки Соснового озера						
	Липского	СО-1	СО-2	СО-3	СО-4	всего	%
Скребла	6	54	34	43	5	142	38,7
Скребки	5	23	68	22	1	119	32,4
Скребловидные	1	1	—	—	—	2	0,5
Долотовидные	3	4	21	8	—	36	9,8
Проколки	—	1	2	—	—	3	0,8
Острия	—	1	—	—	—	1	0,3
Остроконечники	—	2	1	2	—	5	1,4
Резцы	—	—	—	1	—	1	0,3
Чопперы	—	1	—	—	—	1	0,3
Ножи	2	2	—	—	—	4	1,1
Пластины с ретушью	2	1	—	—	2	5	1,4
Отщепы с ретушью	4	1	1	—	—	6	1,6
Осколки с ретушью	—	1	—	—	—	1	0,3
Фрагменты орудий	—	4	19	12	—	35	9,5
Тесла из галек	4	—	—	—	—	4	1,1
Отбойники	—	2	—	—	—	2	0,5
Всего	27	98	146	88	8	367	100

Количественное распределение каменных орудий по стоянкам приведено в табл. 1.

Инвентарь пяти стоянок на Сосновом озере показывает резкое преобладание скребел и скребков над всеми другими видами орудий, что указывает несомненно на хозяйственный набор изделий, предназначенный для работы в стационарных условиях. Об относительной оседлости говорит и огромное количество отходов производства. Соотношение орудий, ядрищ и отбросов камня выражается в процентах соответственно 6,4; 4,5; 89,1. Для коллекций характерно сочетание микро- и макроинвентаря. Выделяется серия крупных массивных скребел на овальных отщепах, плосковыпуклых в сечении. Многочисленна группа микроскребков на отщепах и мелких долотовидных орудий. Остроконечники имеют листовидную форму и обработаны с одной плоскости. Единичны проколки со слабо выделенным жалом, галечные орудия, резцы, острия. В качестве заготовок для изготовления орудий использовались отщепы (95,6%), немногочисленные пластинчатые формы представлены аморфными изделиями без следов четкой параллельной огранки. По набору орудий местонахождения Соснового озера приближаются к инвентарю афонтовской культуры, но об идентичности комплексов говорить нельзя [5, с. 104—121; 6, с. 167—174]. Возможно, следует выделить вариант этой культуры на территории Абакано-Енисейского междуречья.

Характер расщепления камня прослеживается на серии нуклеусов (258 экз., включая обломки). Основная масса — это микроядрища, предназначенные для снятия микропластинок; одно- и двухплощадочные формы с одно- и двухсторонним принципом расщепления, а также изделия с радиальными сколами единичны. Доминирует группа мелких торцовых ядрищ, в которой присутствуют типично клиновидные нуклеусы с двухсторонней обработкой тыльной стороны и основания. Микропластинки, сколотые с этих изделий, имеют четкую огранку, трапециевидную или треугольную форму в сечении. Вторичная обработка не прослеживается.

Кроме разрушенных стоянок на Сосновом озере к палеолиту следует отнести находку трех скребел афонтовского типа с местонахождения Подгорное озеро 3. Предметы собраны в северо-восточном углу водоема с искусственно поднятым уровнем воды, в 100 м от современного берега в выдувах тяжелого красного суглинка. На предметах прослеживаются следы воздействия природных факторов.

Ко второй мезолитической группе памятников относятся местонахождения, в которых изделия палеолитических типов единичны или полностью

отсутствуют, но еще нет типично неолитических форм. Размеры орудий по сравнению с палеолитическими значительно уменьшились. Из-за отсутствия местного сырья на озера с берегов крупных рек доставлялись уже полностью обработанные предметы, среди которых преобладают мелкие нуклеусы торцового скалывания. Широкое использование микропластинок говорит о распространении в это время вкладышевых составных костяных или роговых орудий. Интересно отметить, что для микроядрищ характерны аморфные формы, изготовлены они на случайных осколках и не имеют следов дополнительной обработки ударной площадки, основания и гребня. Вес каменных изделий имел немаловажное значение при переносе на большие расстояния, поэтому в коллекциях подъемного материала нет крупных орудий. О более позднем по сравнению с палеолитом возрасте говорит и топографическое положение находок, которые встречаются на расстоянии до 100 м от берега. Так как на каждом такой пункте собрано небольшое количество предметов из камня, то, возможно, мы имеем дело с неолитическими памятниками, в комплексах которых по каким-либо причинам нет типологически ярко выраженных неолитических орудий. Поэтому отнесение части местонахождений на озерах к мезолиту в значительной степени условно.

На юго-западном участке Красного озера в Койбальской степи на расстоянии около 100 м от берега, выше по склону, у левого борта мелкого небольшого лога собрано 28 предметов: 2 наконечника дротика, 1 обломок остроконечника, 3 обломка скребел, 2 выемчатых орудия, 3 ретушированных отщепа, 2 призматических микронуклеуса и 1 ядрище торцового скалывания, 2 нуклевидных осколка, 12 отходов производства. Интересно отметить, что наконечники дротиков имеют обработку с одной плоскости и частичную подправку с противолежащей.

На втором пункте, в 100 м к западу, в аналогичных условиях собрано пять предметов из камня, среди которых выделяются мелкий торцовый нуклеус и ретушированная пластинка. В юго-восточной части озера найдено 19 изделий: 2 аморфных скребла, 5 скребков, 1 обломок пластинки с ретушью, 1 фрагмент обушковой части тесловидного орудия. К нуклеусам относятся 4 ядрища торцового скалывания, 1 конический микронуклеус, 5 нуклевидных обломков. Сборы материала на всех трех местонахождениях производились на поверхности слабозадернованной серой щебнистой супеси.

В юго-западной части побережья на оз. Смирновка собраны на поверхности песка небольшое скребло, ядрище торцового скалывания и отщеп. На другом местонахождении, на границе склона и древней поймы, найдено 11 предметов: микронуклеус, микропластинки, нуклевидный обломок, отщепы. Возможно, к мезолиту относится и коллекция Э. Р. Рыгдылона, собранная в 1948 г. на склоне 50-метрового холма. Среди 86 изделий есть обломки скребел и концевого скребка, микронуклеусы — торцового скалывания и призматический, мелкие фрагменты орудий с ретушью, микропластинки, осколки, мелкие отщепы.

На Подгорном озере в первом пункте встречено 6 предметов из камня: обломок нуклеуса, 2 выемчатых орудия и отщепы с ретушью; на другом местонахождении — 12 изделий, среди которых выделяются микроядрища и небольшое скребло. Сборы производились на склоне холма в 15 м от современного, искусственно поднятого уровня воды.

В Уйбатской степи, в юго-западной части Соленого озера, на поверхности красноватого щебнистого суглинка на расстоянии свыше 50 м от берега подобраны 2 микронуклеуса и 3 ретушированных отщепа.

Неолитические находки более ярко выражены в типологическом отношении. В коллекциях представлены наконечники стрел и копий с двухсторонней обработкой, шлифованные топорики, тесла со струйчатой ретушью, конические и призматические микронуклеусы. Необходимо отметить отсутствие неолитической керамики, которая не найдена, несмотря на тщательные поиски, хотя на водоемах лесотаежной зоны сопредельных территорий она встречается в значительном количестве [7, с. 6,7]. Вероятно, отсутствие обломков сосудов, как и других следов культурного

слоя, кроме каменных изделий, можно объяснить кратковременностью охотничьих экспедиций, когда не было необходимости нести с собой хрупкую глиняную посуду на побережье степных озер на несколько дней за десятки километров от базовых лагерей, расположенных где-то в долинах рек.

В Койбальской степи неолитические находки зафиксированы в двух пунктах: на северо-восточном участке побережья оз. Черное и восточной части берега оз. Белое. На первом местонахождении сборы производились прямо на поверхности серого суглинка в 15—20 м от воды и на 3—4 м выше уровня зеркала водоема, на другом пункте — на поверхности красноватого щебнистого суглинка в аналогичных условиях. В коллекции с Черного озера имеется 32 изделия: 2 наконечника стрел, топорик со следами шлифовки, тесло со сплошной плоской ретушью, 2 концевых скребка, небольшое скребло, 3 выемчатых орудия, 4 фрагмента орудий, 2 микронуклеуса торцового скалывания, отщепы, пластинки, осколки. На Белом озере собрано 60 предметов: наконечник стрелы, 2 скребка, выемчатое орудие, 28 отщепов и осколков с ретушью, 14 микроядрищ торцового скалывания, отходы производства.

В Ширинской степи неолитические изделия встречены в трех пунктах. Предварительное сообщение о находках 1977 г. с озер Толстый Мыс и Интикуль опубликовано [8, с. 119—122]. За истекший период коллекция каменного инвентаря с этим пунктов существенно пополнилась. Сборы материала по-прежнему производились на первом местонахождении на поверхности щебнистого суглинка у древней поймы озера, до которой в период весенней трансгрессии поднимается современный уровень воды.

В сборах с оз. Толстый Мыс имеется 171 изделие: 6 наконечников стрел, 1 шлифованный топорик, 3 скребка, обломок скребла, небольшой чоппер, 13 отщепов и пластин с ретушью, 27 мелких торцовых нуклеусов, отходы производства — мелкие отщепы, осколки, чешуйки, фрагменты микропластинок.

Сборы подъемного материала на оз. Интикуль производились в непосредственной близости от воды на террасе высотой 5 м на поверхности щебнистой серой супеси, покрытой маломощным дерном, причем орудия встречались часто полупогруженными в этот травяной покров. В коллекции есть 89 изделий: 1 наконечник копья с двухсторонней обработкой, долото со струйчатой ретушью, 5 микроскребков, 4 мелких скребла, 5 отщепов с ретушью, микропластинки, отщепы, осколки. Среди 37 микроядрищ, предназначенных для отделения микропластинок, более трети составляют конические нуклеусы переходного типа. У таких изделий сколы производились еще не по всему периметру ударной площадки, а захватывают две трети ее, оставляя часть гальки с коркой. Имеются нуклеусы, близкие к карандашевидным.

Типично неолитический инвентарь собран на разрушенной стоянке в юго-западной части оз. Джирим, на небольшой террасе высотой до 5 м в 20—30 м от современной поймы. Изделия встречались полупогруженными в дерновый покров или на поверхности щебнистого коричневого песка. В коллекции имеется 150 предметов из камня: 3 наконечника стрел, 1 обломок копья, 2 топорика со следами шлифовки, 5 скребков, 5 выемчатых орудий, 5 фрагментов орудий с ретушью, осколки, отщепы, микропластинки. Среди 39 микроядрищ можно выделить 2 конических и 5 призматических нуклеусов, остальные относятся к аморфным торцовым формам.

Среди сборов Н. А. Леонтьева с оз. Талое в Уйбатской степи выделяются наконечник стрелы, серия мелких скребков на отщепах, скребло, отщепы с негативами сколов микропластин, микроядрище. А. Л. Кунгуров собрал на оз. Красное (в западной его части, на восточном берегу на пологой возвышенности у воды) более 150 изделий, среди которых выделяются наконечники стрел, обломки ретушированных орудий, серия нуклеусов торцового скалывания, микропластинки без следов вторичной обработки.

На озерах у населенных пунктов Челпан, Лукьяновка, Куйбышево пока найдены единичные предметы из камня, не дающие представления о времени их изготовления в рамках каменного века.

Таким образом, в свете новых данных можно констатировать, что по крайней мере уже в самом конце плейстоцена степи Хакасии посещались охотничьими коллективами, причем, судя по многочисленным находкам на Сосновом озере, фиксируются следы относительно долгого обитания. По сравнению с финальнопалеолитическими количество мезолитических и неолитических находок значительно меньше — исчисляются не тысячами, а десятками, редко сотнями экземпляров. Следует отметить, что орудия этого времени представлены в основном сломанными и испорченными изделиями.

Глубинные степные районы привлекали древних охотников, вероятно, легкостью охоты на стадных животных, вынужденных в условиях отсутствия питьевой воды концентрироваться вблизи немногочисленных подземных источников, расположенных, как правило, на берегу горькосоленых озер.

Опыт небольших разведочных работ показывает, что отказ от традиционных поисков стоянок в долине Енисея и перенос центра исследований в глубь аридной зоны Хакасии даст возможность выделить серию памятников от финала палеолита до неолитического времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лисицын Н. Ф.* Каменный век Минусинской котловины.— Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1980.
2. *Рыгдылон Э. Р.* Новые следы каменного века в бассейне Среднего Енисея.— МИА, 1953, № 39.
3. *Липский А. Н.* Ямочка-кладовочка костенковского типа на р. Абакане.— В кн.: Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.
4. *Громов В. И.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит).— Тр. Ин-та геологии, сер. геол., 1948, вып. 64, № 16.
5. *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука: 1979.
6. *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979.
7. *Виноградов А. В.* Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1982.
8. *Лисицын Н. Ф.* Стоянки каменного века степной зоны Хакасско-Минусинской котловины.— КСИА, 1981, вып. 165.

N. F. Lisitsyn

LAKE CAMPS OF KHAKASSIA

Summary

Twenty-six camps of the Stone Age came to light in Khakassia, a region where previously only sites belonging to the Metal Epoch were known. All the newly discovered sites border salt lakes in the steppe regions. Those dating to the Upper Palaeolithic are situated on the lopes of lake basins, 100 metres and more above the contemporary sea level. Patinated implements, together with bones of wild horses and onagers, came from sand tafoni 0.5 metres deep. Stray finds are dated to the end of the Afontovo culture (from twelve to eleven thousand years ago). Mesolithic and Neolithic artifacts were found on the ground not far from water. The implements are not patinated, there are no faunal remains. Microcores and microblades dominate Mesolithic collections. Pottery is absent from Neolithic camps. Hunters came to the steppes attracted by massive gatherings of aminals at the few water bodies.

С. С. БЕССОНОВА, С. А. СКОРЫЙ

ПОГРЕБЕНИЕ СКИФСКОГО ВОИНА ИЗ АКТАШСКОГО МОГИЛЬНИКА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

При исследовании кург. 48 Акташского могильника у с. Семеновка Ленинского р-на Крымской обл. [1, 2] было обнаружено погребение скифского воина в катакомбе, сопровождавшееся набором наступательного вооружения и предметами конской узды[1]. Погребение было впущено в курган эпохи бронзы (высота 1,2, диаметр 25 м) несколько юго-восточнее центра кургана (рис. 1).

Входная яма подпрямоугольной формы, размерами 3,05×1,2 и глубиной 3,1 м, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Яма имела две материковые ступеньки и была заполнена рыхлой темной землей. На глубине 0,55 м от вершины кургана в заполнении зафиксировано скопление камней общей площадью 2×1,4 м. Под камнями на различной глубине найдены амфорные обломки, изломанные человеческие кости (обломки нижней челюсти, затылочная часть черепа), фрагменты бронзовых предметов, два бронзовых наконечника стрел. Так как могила не ограблена, то происхождение упомянутых находок не выяснено. Возможно, это остатки захоронения, совершенного во входной яме [3, с. 133, 134] одновременно с погребением воина или позднее. Возможно, погребение было разрушено грабителями, не подозревавшими о существовании подбоя (такой тип погребального сооружения крайне редок для Восточного Крыма), или это остатки погребения, выброшенного из камеры при захоронении воина, что менее вероятно.

У самого дна входной ямы встречены довольно крупные плоские камни, закрывающие, очевидно, вход в камеру. Камера почти овальной в плане формы, размерами 2,9—3×1,55—1,6 м, вырублена параллельно входной яме по всей ширине ее северо-западной стенки. Свод катакомбы частично обвалился. Предполагаемая высота катакомбы до 0,8 м. Дно находилось на глубине 3,75—3,8 м от вершины кургана.

В центре погребальной камеры лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад скелет мужчины 22—25 лет[2]. Череп, разрушенный упавшей землей, лежал основанием вверх на плоской песчаниковой плите. Правая рука погребенного вытянута вдоль туловища, кисть левой, слегка согнутой в локте руки покоилась на тазовых костях. Берцовые кости ног чуть сдвинуты влево. Под костяком зафиксированы остатки растительной подстилки. Справа от черепа, на каменной плите, была, видимо, положена деревянная чаша. От нее сохранились мелкие фрагменты дерева, тлен, а также металлические обкладки. Под черепом, у правого надбровного валика, лежала серебряная с позолотой пластина с изображением в зверином стиле. Рядом — согнутая надвое круглая бронзовая пластинка, скрепленная двумя гвоздиками. В области затылочной кости — невыразительные фрагменты бронзового предмета, в том числе два гвоздика. Слева у черепа на песчаниковой плите стояла глиняная чашечка, сделанная на кругу. Рядом у плиты были положены большой железный нож и кости от напутственной пищи — нога крупного копытного животного в коленном сочленении, без копыта. Между песчаниковой плитой и ножом найден фрагментированный железный крюк. Вдоль правой руки погре-

[1] Раскопки кургана проводились С. А. Скорым и А. В. Панащенко.
[2] Определение антропологов С. И. Круц и Т. А. Назаровой.

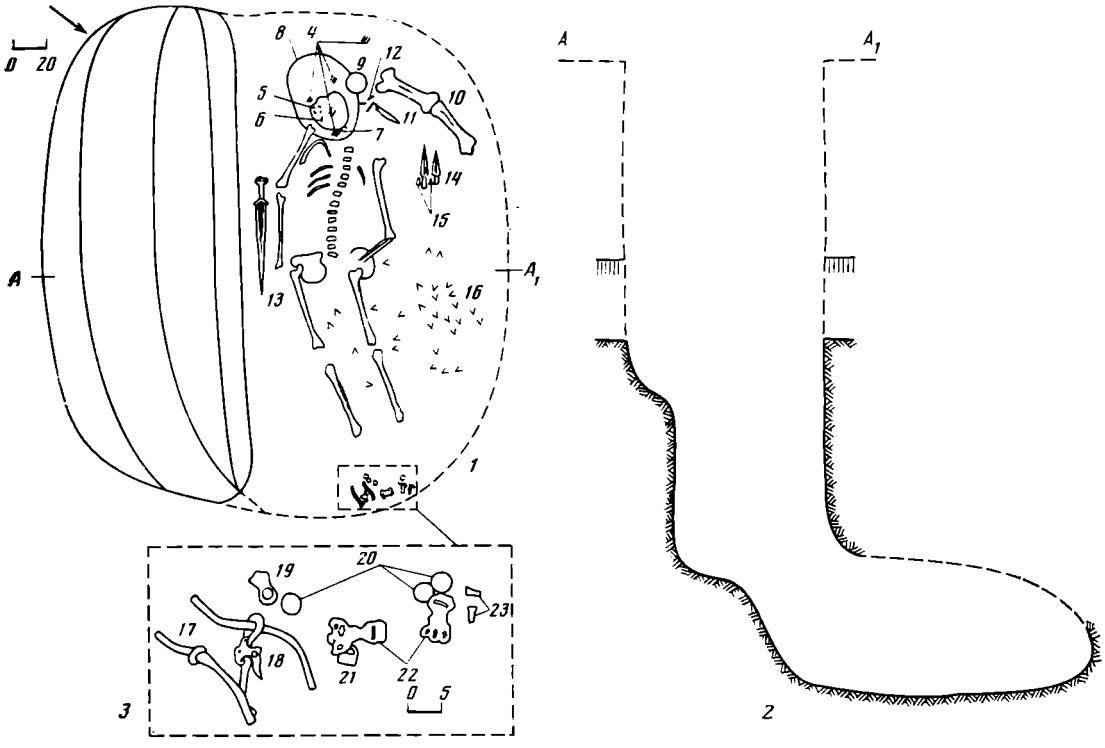


Рис. 1. Кург. 48, погр. 3. *1* – план, *2* – разрез; *3* – расположение деталей конской узды; *4* – каменная плита; *5* – серебряная с позолотой пластинка; *6* – бронзовая пластинка; *7* – бронзовые обломки; *8* – древесный тлен и кусочки дерева; *9* – кружальная чашечка; *10* – кости от напутственной пищи; *11* – нож; *12* – железный крюк; *13* – меч; *14* – наконечники копий; *15* – ворворки; *16* – наконечники стрел; *17* – удила и псалии; *18* – наносник; *19* – уздечная пряжка; *20* – круглые бляхи; *21* – подвеска в виде «висячего замочка»; *22* – нащечники; *23* – ворворки

бенного лежал железный меч в деревянных ножнах, навершие которого находилось на уровне локтя. Слева, на уровне плеча (на расстоянии 0,25 м от него), находились два железных наконечника копья, у нижней части втулок которых лежали две бронзовые ворворки. Между ногами и слева от погребенного без какой-либо определенной последовательности располагались 103 бронзовых наконечника стрел [3]. В ногах, у северо-восточной торцевой стенки камеры лежали еще пять бронзовых наконечников стрел и принадлежности конской узды: железные удила и псалии, бронзовый наносник, бронзовая уздечная пряжка, четыре бронзовые круглые бляхи, бронзовая подвеска в виде «висячего замочка», два бронзовых нащечника, две бронзовые ворворки. На некоторых предметах конского снаряжения были следы истлевших кожаных ремней.

1. Бронзовые тонкостенные предметы выпукло-сферической формы (18 фрагментов) (рис. 2, *1*). Диаметр изделий был не более 5 см, толщина стенок 1,5—2 мм. Вероятно, это так называемые колпачки, назначение которых остается неясным. Близкие по размерам колпачки из серебра и золота найдены в Курджипском кургане в Прикубанье [4, с. 45, 46, 93, 94].

2. Бронзовые трехлопастные наконечники стрел с невысокой втулкой высотой 3,2 и 2,1 см (рис. 2, *2*, *3*).

3. Плоская овальная плита из песчаника серовато-желтого цвета (рис. 2, *4*). Размеры ее 0,45×0,35, толщина 0,025—0,03 м. Первоначально она, видимо, служила шлифовальной плитой [5, с. 56]. На это указывают как совершенно ровная заглаженность отдельных участков плиты, наличие царапин, нанесенных острым орудием, так и отсутствие точечной обработки поверхности, характерной для зернотерок [6, с. 47]. Плита,

[3] Беспорядочное расположение наконечников стрел в могиле, возможно, говорит в пользу того, что стрелы были положены без колчана или горита.

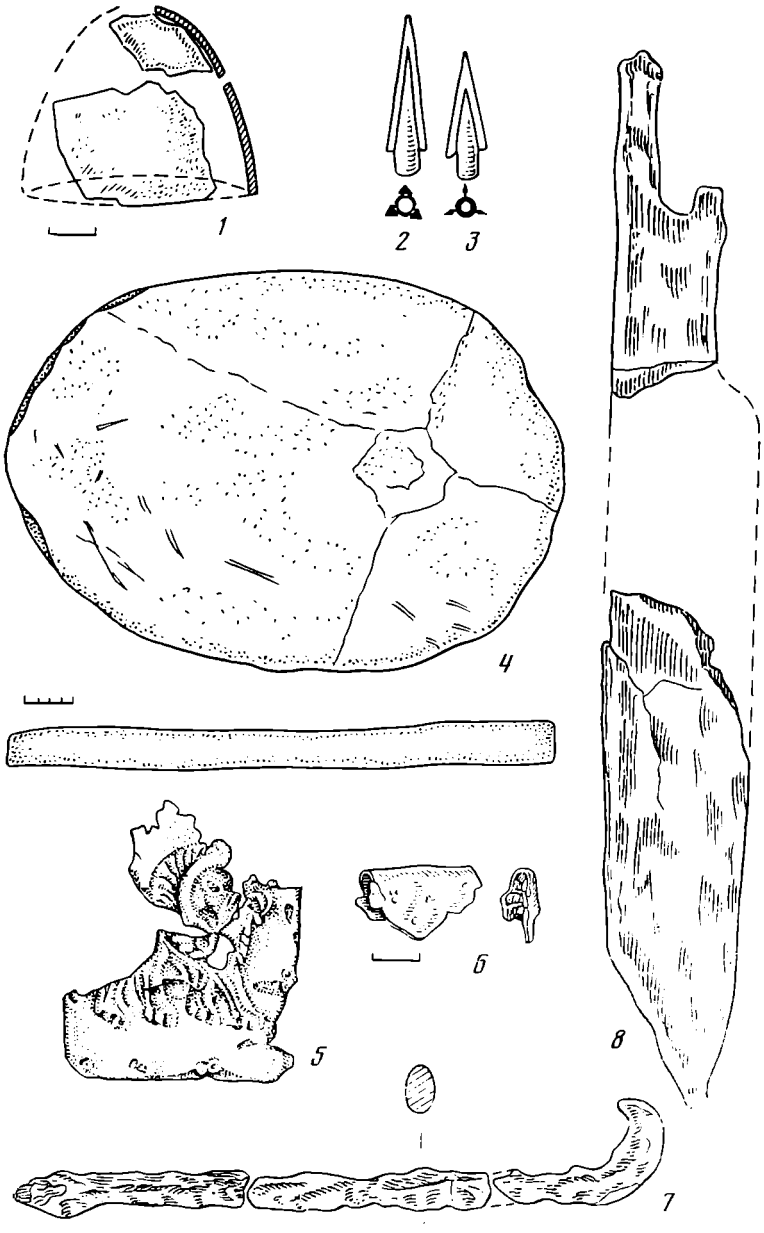


Рис. 2. Находки из погр. 3. *1* – обломки бронзового колпачка; *2*, *3* – наконечники стрел; *4* – каменная плита; *5*, *6* – обивки деревянного сосуда; *7* – железный крюк; *8* – нож

аналогичная публикуемой, найдена в женском погребении в кургане у с. Пастырское [7, с. 11, табл. XXXV, 700][4]. Близкие по форме песчаниковые плиты со сглаженной поверхностью обнаружены в женском захоронении IV в. до н. э. кург. 2 у с. Виноградное на Керченском полуострове [8, с. 3, табл. 1, 2; 9, с. 47], а также в женском погребении конца VI – начала V в. до н. э. Марицинского могильника [10, рис. 2, *4*]. Обычай класть камень под голову умершего заслуживает специального рассмотрения. Однако, насколько нам известно, шлифовальные плиты для этой цели не использовались.

4. Серебряная тонкая пластинка с позолотой размерами 5×4 см, служившая обивкой деревянному сосуду (рис. 2, *5*). Сохранилась в нескольких фрагментах. В центральной части пластинки тисненое изображение крылатого льва (?). Изображение головы животного частично

[4] Б. А. Шрамко [6, с. 46] полагает, что это зернотерки, так как найдены они в женских погребениях.

нарушено[5]. По краям пластинки с интервалом в 1 см отверстия для крепления. В качестве аналогии можно упомянуть золотую бляшку из кург. 17 некрополя Нимфея, датируемую второй половиной V в. н. э. [11, с. 75, рис. 38, *17*; *12*, табл. 101], а также золотую обкладку деревянного сосуда из кург. Малая Цимбалка [13, с. 29, рис. 4, *26*]. Бронзовая фрагментированная пластинка размерами 2,2×1,5 см, согнутая вдвое и скрепленная двумя гвоздиками (рис. 2, *6*), а также бронзовые обломки (15 штук) различной формы, вероятно, использовались в качестве обивок края названного деревянного сосуда. Сочетание позолоченной и бронзовой обивок на одном сосуде, возможно, объясняется тем, что он подвергался ремонту.

5. Светлоглиняная чашечка на кольцевой высокой ножке (рис. 3), сделана на кругу. Край загнут вовнутрь и имеет следы старого скола. Край сосуда, нижняя часть тулова, ножка и край поддона покрыты жидким коричневым лаком. На дне орнамент в виде двух концентрических окружностей с промежутком в 0,5 см и точки посередине, выполненных также коричневым лаком. Ширина полосы лака 3 мм. Общая высота сосуда 6,2 см, высота ножки 2,7, диаметр по краю 11, диаметр поддона 5,4 см. По стилю росписи чашечка может быть отнесена к группе открытых сосудов пантикапейского производства, датируемых VI—V вв. до н. э. [14, с. 148, 150, рис. 4, *2*]. Целые формы сосудов с подобной орнаментацией найдены в Киммерике в слоях V в. до н. э. [15, с. 240, рис. 15, *2*]. Близкие по форме сосуды, но с чернолаковым покрытием встречаются в основном в памятниках V в. до н. э. [16, табл. IX, *4*, *5*; 17, табл. 11, *10*, табл. 12, *9*; 18, с. 30, табл. 12, *9*; 19, с. 61, 66, рис. 4, *1*].

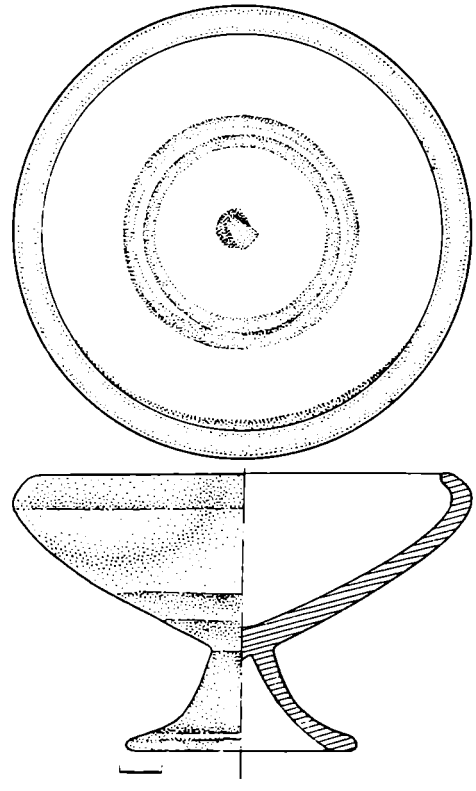


Рис. 3. Чашечка из погр. 3

6. Железный широкий нож с прорезной рукоятью, два обломка (рис. 2, *8*). По форме лезвия и рукояти он отличается от известных железных ножей степной Скифии. Лезвие с параллельными краями, у острия скошено под острым углом. На рукояти частично сохранилось овальное отверстие длиной более 2 и шириной 0,7 см, служившее, вероятно, для крепления обкладок. Общая длина ножа 22 см. Максимальная ширина лезвия 2,7 см. Не исключено, что это разделочный нож[6]. Подобные большие ножи универсально-хозяйственного употребления[7] известны в памятниках лесостепной Скифии VI—V вв. до н. э. [20, 21, с. 86, рис. 10, *3*, *6*; 22, с. 150, рис. 3].

7. Железный крюк длиной 13,3 см (рис. 2, *7*). Изготовлен из круглого в сечении прута диаметром 0,4—0,5 см.

8. Железный обоюдоострый меч (рис. 4, *1*). Общая длина оружия 77,5 см. Длина клинка 57 см, максимальная ширина 7 см. Антенное навершие меча трактовано в зверином стиле (волюты в виде сильно изогнутых когтей хищной птицы). Перекрестье бабочковидное, довольно узкое.

---

[5] Неясно поэтому, заканчивалась ли голова пастью или клювом, как у грифона.

[6] Определение сотрудника Керченского историко-археологического музея В. И. Шевченко.

[7] Мнение Б. А. Шрамко о том, что эти ножи использовались в качестве плужных чересел, спорно [22, с. 99].

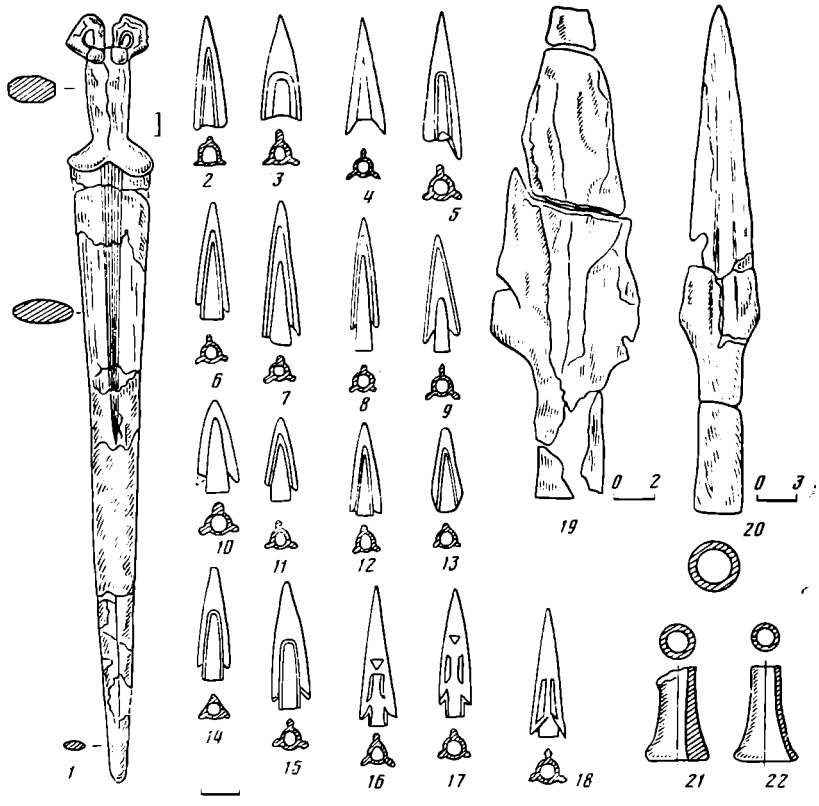


Рис. 4. Предметы вооружения. *1* – меч; *2–18* – наконечники стрел; *19, 20* – наконечники копий; *21, 22* – ворворки

Ручка плоская, в сечении овальная. На ней, под навершием, с обеих сторон изображены два кружочка, символизирующие глаза. Клинок имеет форму сильно вытянутого треугольника, линзовидного в сечении. Верхняя половина клинка с обеих сторон в центре украшена каннелюрами. Меч находился в деревянных ножнах, о чем свидетельствуют остатки дерева на клинке. Между деревом ножен и металлом клинка зафиксированы следы грубой ткани, которая, вероятно, использовалась в конструкции ножен. Аналогичное оружие известно в памятниках степной и лесостепной Скифии. Можно назвать мечи из кург. 2 у с. Волковцы (начало – первая половина V в. до н. э.) [7, табл. VII, *59*] [8], погр. 1 кург. 1 у с. Новорозановка (V в. до н. э.) [24, с. 210, рис. 3], кург. 6 у г. Жданова (середина V в. до н. э.) [25, с. 177, рис. 1, *1*, с. 180], кург. 2 группы «Семибратные курганы» (вторая половина V в. до н. э.) [26, с. 67, 68, рис. 2,*12*], кургана у с. Крячковка (конец V в. до н. э.) [27, с. 192, рис. 1], из с. Ораное (V в. до н. э.) [28, с. 83, 84, рис. 1, *1*].

9. Железные наконечники копий с пером остроугольной формы. Один наконечник, общей длиной 27 см, имеет массивное широкое перо (до 7 см) и весьма короткую втулку (5 см) (рис. 4,*19*). Вдоль пера – ребро, переходящее во втулку. Внутренний диаметр втулки 2,5 см. Общая длина второго наконечника 45 см (рис. 4, *20*). Максимальная ширина пера 5 см, длина втулки 15 см, внутренний диаметр 3 см. Вдоль пера как и у первого наконечника, проходит ребро. Оба наконечника сближает также наличие такой черты, как переход втулки в перо под тупым углом. Близкие аналогии нашим наконечникам копий обнаружены в погребениях VI–V вв. до н. э. Алероевского 1-го могильника и ряда других синхронных ему некрополей Северного Кавказа [29, с. 347, рис. 31, *1–3*; с. 350, рис. 34, *2*, с. 361, рис. 45, *2–3*, *5*].

10. Бронзовые литые ворворки конической формы обнаружены рядом

[8] Есть и иная датировка этого меча – V–IV вв. до н. э. [23, с. 58].

с наконечниками копий. Высота одной ворворки 2,4 см, диаметр верхней части 0,5, нижней — 1.5 см (рис. 4, *22*). Вторая ворворка таких же размеров, но верхняя часть повреждена (рис. 4, *21*).

11. Колчанный набор состоял из 108 бронзовых наконечников стрел. Они представлены следующими типами: тип I — трехлопастные наконечники со скрытой втулкой (39 экз.) (рис. 4, *2—5*), тип II — трехлопастные с невысокой, варьирующей по высоте втулкой (69 экз.) (рис. 4, *6—15*).

Два трехлопастных наконечника с выступающей втулкой имеют в верхней части лопастей углубление в виде равнобедренного треугольника, ниже — две параллельные ложбинки (рис. 4, *16*, *17*). Лопасти еще одного украшены двумя параллельными неглубокими ложбинками (рис. 4, *18*). Многие наконечники имеют в лопастях отверстия (следы брака?). Подобные наконечники стрел довольно широко использовались в V—IV вв. до н. э. К числу территориально наиболее близких аналогий можно отнести наконечники стрел из погр. 3 у с. Ильичево (V в. до н. э.) [30, с. 92, рис. 36, *1—3*, *11*, *15*], погр. 40 кург. 5 у с. Рисовое и погр. 1 кург. 12 у с. Танковое (V—IV вв. до н. э.) [31, с. 67, 158, рис. 60, *11*, с. 214, рис. 81, *1*].

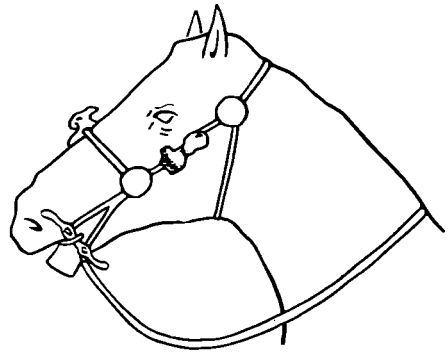


Рис. 5. Реконструкция конского убора из погр. 3

12. Железные кольчатые удила и псалии (рис. 5, *6*, *1*). Удила двусоставные, с загнутыми в петли концами, выкованы из круглого в сечении прута диаметром 1,1—1,2 см. Псалии S-образной формы с двумя отверстиями и восьмерковидными утолщениями посередине. Изготовлены также из круглого в сечении прута диаметром 1 см. Сохранившаяся длина псалиев 20,5 и 21,7 см. Аналогичная форма псалиев характерна в основном для V в. до н. э. [22, с. 118].

13. Бронзовый литой наносник в виде скульптурной головы фантастического животного с загнутым в кольцо клювом (орлиноголовый грифон?) (рис. 6, *3*; 7, *1*). На голове слегка отогнутые к шее стоящие уши. Глаза переданы окружностями, нанесенными глубокой врезной линией. У основания наносника, сбоку, круглое сквозное отверстие для ремня. Оно соединяется с отверстием, имеющимся с обратной стороны наносника. Общая высота изделия 5.8, ширина 1,7 см. Довольно близкое изображение ушастого орлиноголового грифона представлено на наноснике конца V в. до н. э. из окрестностей г. Ржищева на правобережье Среднего Приднепровья [17, с. 40, табл. 29, *9*].

14. Бронзовая уздечная пряжка в виде трапециевидного щитка с кольцом (рис. 6, *4*; 7, *2*). С лицевой стороны — штырь с загнутым вниз концом. Общая длина пряжки 5,7 см, диаметр кольца 1,6, длина щитка 1,8, ширина 1,5 см. Схожие по внешнему виду подпружные пряжки известны среди сакских древностей VII—V вв. до н. э. Однако они отличаются от публикуемого экземпляра размерами и наличием отверстия в той части, которая примыкает к кольцу, и иным расположением штырька [32, с. 160, рис. 7, *6*; 33, с. 61, рис. 12, *18—23*]. Они трактуются как подпружные.

15. Бронзовые литые круглые, слегка выпуклые бляшки с петлей прямоугольной формы на обратной стороне (рис. 6, *9—12*). Диаметр их 3,5 см, высота петли 1,1—1,4 см. Бляшки изготовлены довольно грубо. Подобные находки известны в комплексах V—IV вв. до н. э. [22, с. 129].

16. Бронзовая литая подвеска в виде «висячего замочка» (рис. 6, *2*). Высота 1.8, ширина 1,7, максимальная толщина 0,5 см. Диаметр отверстия 0,8 см. Относится к кругу деталей конской узды, характерных для V в. до н. э. [22, с. 130].

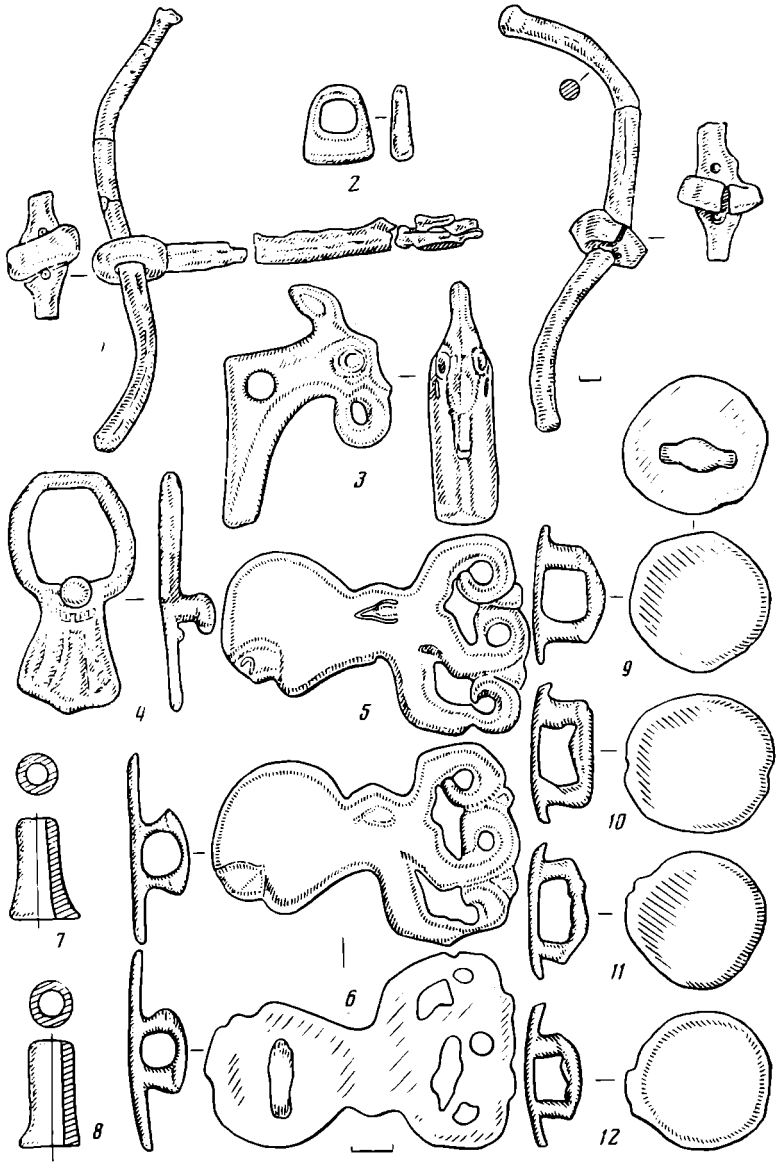


Рис. 6. Принадлежности конского убора. *1* – удила и псалии; *2* – «висячий замочек»; *3* – наносник; *4* – уздечная пряжка; *5, 6* – нащечники; *7, 8* – ворворки; *9–12* – круглые бляхи

17. Два бронзовых литых ажурных нащечника выполнены в зверином стиле (рис. 6, *5*, *6*; 7, *3*, *4*). С обратной стороны петля, аналогичная петлям круглых блях. Изображения нащечников весьма схематичны и сочетают два мотива. В вертикальном (рабочем) положении нащечник изображает схематизированную лапу животного с бедром, в горизонтальном – это довольно условное изображение в профиль морды лося с ветвистыми рогами. Последние трактованы в виде когтей хищной птицы. На одном из нащечников четко показан рот животного (рис. 6, *5*). Глаз линзовидной формы передан неглубокой врезной линией. Размеры нащечников: длина 5,7, ширина 2,8 см. Прямые аналогии нашим нащечникам происходят из конского погребения в кург. 1 некрополя Нимфея [11, с. 83, 84, рис. 47, 7], относящегося к середине – второй половине V в. до н. э.[9] В целом образы лося и стилизованной ноги или бедра животного или птицы относятся к числу излюбленных в искусстве звериного стиля V в. до н. э. [35, с. 166–167; 36, с. 51].

[9] В книге Т. Б. Барцевой нащечник из Нимфея ошибочно определен как находка с Тамани [34, с. 50, рис. 21, 64].

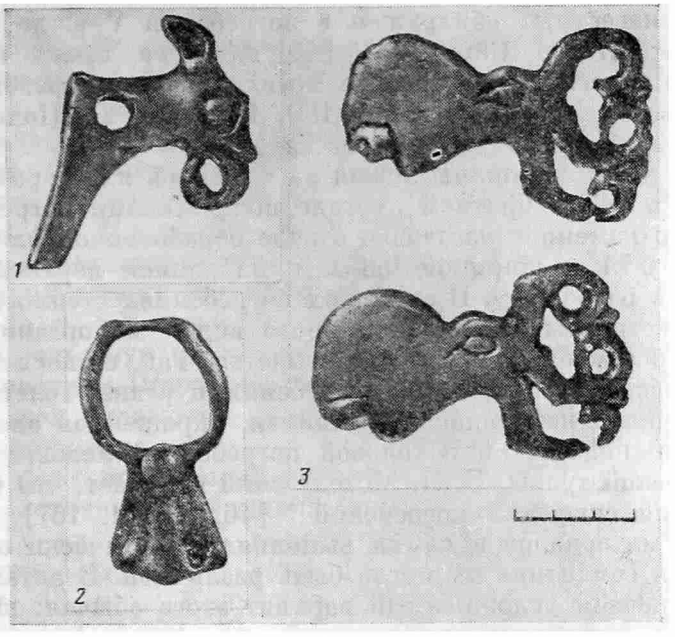


Рис. 7. Детали конского убора. *1* – наносник; *2* – уздечная пряжка; *3*, *4* – нащечники

18. Ворворки найдены в составе конской узды. Высота одной – 2,5 см, диаметр верхней части 0,9, нижней – 1,8 см (рис. 6, 7). Вторая ворворка высотой 2,6 см, диаметр верхней части 1,1, нижней – 1,5 см (рис. 6, *8*).

Итак, круг аналогий сопровождающему инвентарю погребения позволяет датировать его скорее всего второй половиной V в. до н. э.

По обряду оно аналогично степным скифским захоронениям юга Украины и резко выделяется на фоне иных погребений Акташского могильника, несомненно оставленных оседлым населением и относящихся к IV–III вв. до н. э. [1, с. 232]. Преобладающим типом погребальных сооружений могильника являются грунтовые ямы с каменным перекрытием, а также каменные склепы, как правило, с многократными захоронениями.

Сочетание предметов вооружения и уздечного набора, в том числе оформленных в традициях скифского звериного стиля, было характерным для погребальных комплексов VII–V вв. до н. э. степной Скифии [37, с. 74]. Сама катакомба является распространенным типом погребальных сооружений скифской степи (катакомба I типа, по Б. Н. Гракову) [38, с. 83]. В Крыму, в отличие от степного Приднепровья, катакомбы встречаются весьма редко. Их известно не более двух-трех десятков [39, с. 236]. До недавнего времени скифские катакомбы не были известны на Керченском полуострове [40, с. 35; 41, с. 167]. Сейчас у нас есть основания говорить о них и в этой части Крыма[10]. Крайне интересно, что почти все известные катакомбы открыты в Северном и Восточном Крыму[11]. Концентрация катакомб в указанных районах, распространение их полосой с севера на юго-восток вплоть до Керченского полуострова фиксирует, на наш взгляд, один из путей продвижения скифского населения Поднепровья по направлению к Боспору.

Интересной чертой погребального обряда, четко зафиксированной в рассматриваемом погребении, является помещение под голову умершего каменной плиты. Каменные плиты различной формы в этой функции известны в некоторых погребениях Крыма. Камень под головой (форма

[10] В 1973–1974 гг. несколько скифских катакомб IV в. до н. э. были обнаружены Северокрымской экспедицией ИА АН УССР в курганах у сел. Астанино и Ильичево на Керченском полуострове.

[11] Единичные погребения в катакомбах обнаружены и в иных районах Крыма, в частности в предгорьях [41, с. 110–111].

и размеры неизвестны) обнаружен в погребении V в. до н. э. могильника у с. Фронтовое (погр. 13) [43, с. 6], а также в погребении III в. до н. э. кург. 56 Акташского могильника, в погребении IV в. до н. э. Трехбратнего кургана [44, с. 180, 181, рис. 2]. Полной аналогии среди этих погребений мы, однако, не находим.

В кург. 56 череп женщины лежал на каменной плите размерами 1,6× ×0,3×0,2 м, а в Трехбратнем кургане под головами погребенных было зафиксировано каменное изголовье в виде обработанной плиты ракушечника длиной 0,74 и шириной 0,3 м с наклонной верхней плоскостью (треугольное в разрезе) [12]. В скифских погребениях степного Приднепровья изредка встречаются подушки иного вида — из органических материалов, однако они очень плохо сохраняются. Так, согласно наблюдению Б. Н. Мозолевского, в женском погребении кургана Толстая Могила в изголовье умершей находилась деревянная, украшенная алебастром подставка. Между подставкой и головой погребенной лежала большая подушка из морской травы. Б. Н. Мозолевский отмечает, что такие подушки обычны для скифских погребений[13] [46, с. 101, 167]. Подушки из органических материалов и камня выполняли фактически одну и ту же функцию, хотя семантика их могла быть различной. В акташском погребении мы встречаем усложненный вариант этого обычая: шлифовальная плита служила подставкой для черепа и для сосудов (или сосуда). Судя по расположению металлических деталей деревянного сосуда, а также по положению верхней части костяка и черепа, не исключено, что деревянная чаша находилась первоначально под черепом.

Следует отметить, что плоские песчаниковые плиты нередко встречаются в курганах V и IV вв. до н. э. на правобережье Среднего Приднепровья. Однако засвидетельствованы они здесь не под головами погребенных, а рядом с ними, причем их положение не является строго определенным. Найдены они преимущественно в женских погребениях и интерпретируются как жертвенники. Существует предположение, что указанные предметы культа лесостепного Правобережья заимствованы от саков Средней Азии [17, с. 36]. Обычай класть камень под голову погребенных хорошо известен в ритуале народов восточного ареала культур скифского типа — в сакских погребениях IV—V вв. до н. э. Тянь-Шаня [47, с. 27, 30, рис. 11, с. 31, 32, рис. 13, с. 33], в сакских погребениях Ферганы [48, с. 6], в могильниках V—IV вв. до н. э. саглынской культуры скифского типа Тувы [49, с. 144, рис. 6, с. 149, рис. 11, с. 151, рис. 13, с. 154, рис. 16 и др.].

По всей видимости, помещение под голову умершего каменной плиты было сравнительно широко распространено у народов Евразии в эпоху раннего железа. Так, оно отмечено в погребениях таштыкских племен Сибири [50, с. 102], ананьинских захоронениях Прикамья [51, с. 117], в савроматском погребении на Илеке [52, с. 67—68]. В меотских могилах Прикубанья (IV—III вв. до н. э.) в качестве подставок или подушек использовались перевернутые керамические миски [53, с. 91; 54, с. 11; 55, с. 75]. Что касается упомянутых скифских погребений Крыма, то, по имеющимся на сегодняшний день данным, этот обычай перекликается с обычаями народов восточного ареала культур скифского типа.

Каменные плиты (целые и фрагменты), которые рассматривают как зернотерки или жернова, довольно часто находят и в погребениях VI—V вв. до н. э. на территориях так называемых скифских групп Венгрии и Словакии [56, с. 49, 50, 52, 54, 56; 58, с. 1, табл. XIVIII, *1, 5*; 59, с. 63, 65, рис. 9; 60, с. 96].

Специального рассмотрения заслуживают наконечники копий, обнаруженные в погребении. По форме пера они чужды собственно скифскому оружию. А. И. Мелюкова, впервые обратившая внимание на не-

[12] Довольно близкой аналогией последней находке является каменное изголовье в одном из склепов некрополя Фанагории [45, с. 117—118].

[13] Подобная подушка зафиксирована, например, в склепе 3 2-го Трехбратнего кургана [44, с. 180, 181, рис. 2].

большую группу подобных наконечников копий в Скифии, связала их происхождение с Кавказом и датировала по аналогиям IV—III вв. до н. э. [23, с. 42, табл. 13, *7—9*]. Два подобных наконечника копий были обнаружены в скифском кургане IV в. до н. э. у с. Бранное Поле на Керченском полуострове [30, с. 97, рис. 39, *3—4*, *7*]. Известны они и в погребениях конца VII — начала VI в. до н. э. лесостепного правобережья [61, с. 107, 108, рис. 60, *1*, *2*].

Найденные в акташском погребении экземпляры устраняют хронологическую лакуну между ранними (VII—VI вв. до н. э.) и поздними (IV—III вв. до н. э.) наконечниками копий северокавказского типа в Скифии, свидетельствуя о том, что копья с подобными наконечниками бытовали в Северном Причерноморье на протяжении всей скифской эпохи, хотя, по всей видимости, и не получили здесь сколько-нибудь широкого распространения.

Интересен факт нахождения рядом со втулками наконечников копий ворворок. Аналогичная ситуация известна нам по ряду скифских погребений V—IV вв. до н. э., например в кургане у с. Крячковка [27, с. 191—192, рис. 2], погр. 1 кург. 1 у с. Новорозановка [24, с. 212], погр. 1 кург. 13 у с. Капуловка [62, с. 122], погр. 1 кург. 8 у с. Марьянское [63, с. 20, 30, рис. 4, *12*], погр. 1 кург. 32 у с. Ольшанка [64] и др. Подобное расположение ворворок рядом с наконечниками копий не случайно. Скорее всего ворворки являлись конструктивными деталями этого вида вооружения. Вряд ли они выполняли только декоративные функции [65, с. 136, рис. 95]. Если вспомнить, что основное назначение ворворок — закрепление концевых узлов различного рода ремней [22, с. 136], то можно предполагать наличие на втулке наконечника копья ременного крепления. Примечательно положение ворварок относительно втулок копий, засвидетельствованное в кургане у с. Крячковка. Каждая из двух железных ворворок лежала узкой частью перпендикулярно к втулке копья. В результате окисления металла ворварки оказались приваренными к втулкам копий, что свидетельствует о том, что ременное крепление с ворворкой плотно соединялось с втулкой копья. Не исключено, что оно использовалось для фиксации футляров наконечников копья. Известны находки металлических деталей футляров [23, с. 43]. Однако несомненно существовали футляры, целиком выполненные из органического материала (скорее всего кожи), плохо сохраняющегося в погребениях.

Набор вещей рассматриваемого захоронения говорит о сравнительно высоком социальном и имущественном статусе умершего. Наличие в могиле богатого комплекта наступательного вооружения, конского убора, символизирующего погребение боевого коня, при отсутствии личных украшений, выполненных из драгоценных металлов, дает основание относить погребение к числу захоронений профессиональных воинов-дружинников [66, с. 167].

Находка в погребении полного набора деталей конской узды позволяет произвести его реконструкцию (рис. 5). По составу конструктивных деталей (помимо удил и псалиев четыре круглые бляхи, пара нащечников, наносник, пара ворварок и т. д.) названная узда более всего напоминает конский убор IV в. до н. э. из кургана Страшная Могила на Днепропетровщине [62, с. 138, рис. 21]. Детали последнего были найдены in situ на черепе коня, что позволило восстановить его внешний вид [33, с. 53, рис. 6, *1*; 62, с. 138, рис. 21]. Опыт реконструкции этой узды, а также конского убора из курганов V—IV вв. до н. э. лесостепного Левобережья [22, с. 113, рис. 29, *4*] и памятников IV в. до н. э. Нижнего Поднепровья [33, с. 49, 53; 46, с. 35, рис. 20] дает основания с большей долей объективности разместить на реконструируемом ременном оголовье ряд конструктивных деталей. В первую очередь это относится к четырем круглым бронзовым бляхам, которые, несомненно, находились в местах скрещивания нащечных ремней с наносным и подбородочным ремнями, а также наноснику, украшавшему наносный ремень, и ворваркам, скрепляющим на затылке коня нащечные ремни. Сложнее

обстоит вопрос с размещением на оголовье так называемых нащечников. При реконструкциях узды их помещают либо на нащечных [22, с. 113, рис. 29, *3, 4*; 33, с. 49, рис. 3, с. 53, рис, 6, *3*; 46, с. 35, рис. 20; 67, с. 80, рис. 24, *4;* 68, с. 91, рис. 35], либо на затылочных [22, с. 113, рис. 29, *12*; 33 с. 53, рис. 6, *1, 4*; 67, с. 80, рис. 24, *1—3*] ремнях. Вероятнее, однако, что они занимали в системе узды строго определенное место [46, с. 184]. Расположение названных фигурных блях относительно иных конструктивных деталей узды в погребении свидетельствует в пользу того, что они крепились на нащечных ремнях, между круглыми бляхами. Место крепления на оголовье «висячего замочка», а также и его функциональное назначение не совсем ясны. Подобные предметы могли быть скользящими пряжками для подвижного соединения повода с чумбуром [22, с. 130] либо играть роль ворварок [68, с. 90]. Уздечная пряжка со щитком выполняла скорее всего функции застежки.

Таким образом, воинское погребение Акташского могильника является наиболее ранним образцом захоронения в катакомбах на Керченском полуострове. Для данного могильника оно единично по обряду, прямой преемственности с последующими захоронениями некрополя не обнаруживается. В составе могильника (он раскопан полностью) было, видимо, еще одно погребение V в. до н. э., судя по находке бронзовой литой бляшки в виде головы лося со стилизованными рогами в кург. 7. Однако оно было совершенно в наземном каменном ящике, перекрытом невысокой насыпью, и примыкает, таким образом, к кругу так называемых скифо-кизил-кобинских или скифо-таврских погребений. Погребение же в кург. 48 принадлежало скифу-кочевнику и связано скорее всего с населением, обитавшим в Центральном Крыму или в степях Поднепровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бессонова С. С.* Скифский могильник в Восточном Крыму.— АО, 1980, М., 1981.
2. *Бессонова С. С.* Раскопки курганов у Акташского озера.— АО, 1981, М., 1982.
3. *Кубышев А. И., Николова А. В., Полин С. В.* Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине.— В кн.: Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
4. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.
5. *Брашинский И. Б.* Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону.— КСИА, 1973, вып. 133.
6. *Шрамко Б. А.* Точильні знаряддя скіфської доби.— Археологія, 1973, № 11.
7. *Ханенко Б. Н., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья. Вып. 2. Киев, 1899.
8. *Збенович В. Г., Черненко Е. В.* Отчет о раскопках курганов у с. Виноградное на Керченском полуострове в 1971 г.— Архив ИА АН УССР, 1971/32.
9. *Яковенко Э. В.* Нові досягнення боспорознавства і проблема скіфів Східного Криму.— Археологія, 1980, № 33.
10. *Ebert M.* Ausgrabungen aus dem Gute Maritzyn Gouv. Cherson. Teil II.— Praehistorische Zeitschrift, 1913, B. 5, H. 1—2.
11. *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея.— МИА, 1959, № 69.
12. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага — Ленинград: Артия — Сов. художник, 1966.
13. *Манцевич А. П.* Деревянные сосуды скифской эпохи.— АСГЭ, 1966, вып. 8.
14. *Марченко И. Д.* Местная расписная керамика Пантикапея VI—V вв. до н. э.— СА, 1967, № 2.
15. *Кругликова И. Т.* Киммерик в свете археологичееких исследований 1947—1951 гг.—МИА, 1958, № 85.
16. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— САИ, 1966, вып. Д1-27.
17. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, 1967, вып. Д1-4.
18. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажская коллекция Н. Е. Бранденбурга).— САИ, 1977, вып. Д1-33.
19. *Мурзин В. Ю.* Два раннескифских комплекса из Запорожской области.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
20. *Шрамко Б. А.* К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе.— СА, 1961, № 1.
21. *Šramko B. A.* Der Ackerbau bei den stämmen Skythiens im 7.— 3. Jahrhundrt v. u. Z.— Slovenská archeologia, 1973, XXI, 1.
22. *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
23. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, 1964, вып. Д1-4.
24. *Шапошникова О. Г.* Погребение скифского воина на р. Ингул.— СА, 1970, № 3.

25. *Черненко Є. В.* Скіфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова.— Археологія, 1970, т. XXIII.
26. *Черненко Е. В.* Оружие из Семибратних курганов.— В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
27. *Сидоренко Г. О.* Скіфський курган на р. Удай.— Археологія, 1964, т. XVI.
28. *Петровська Є. О.* Стародавні знахідки з с. Ораного на Київщині.— Археологія, 1971, № 3.
29. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972.
30. *Яковенко Є. В.* Скіфи східного Криму в V—III ст. до н. э. Київ: Наук. думка, 1974.
31. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Крым, 1969.
32. *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сырдарьи (По материалам Тагискена).— СА, 1966, № 2.
33. *Ильинская В. А.* Скифская узда IV в. до н. э.— В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
34. *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка скифского времени (лесостепное днепровское Левобережье). М.: Наука, 1981.
35. Археологія УРСР. Т. 2. Київ: Наук. думка, 1971.
36. *Шкурко А. И.* Образ лося в искусстве лесостепной Скифии.— Тр. ГИМ, 1980, вып. 51.
37. *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э.— Тр. ГИМ, 1959, вып. 36.
38. *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, 1962, № 115.
39. *Скорый С. А.* Скифский курган с катакомбами в Северном Крыму.— В кн.: Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
40. *Лесков А. М.* Работа Керченской экспедиции ИА АН УССР.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1965—66 гг. Киев: Наук. думка, 1967.
41. *Ольховский В. С.* Скифские катакомбы в Северном Причерноморье.— СА, 1977, № 4.
42. *Яковенко Э. В.* Скифские погребения на Керченском полуострове.— МИА, 1971, № 177.
43. *Корпусова В. Н.* Исследование могильника античного времени у с. Фронтовое на Керченском полуострове (отчет за 1964—66 гг.) — Архив ИА АН УССР, № 1964—66/26а.
44. *Кирилин Д. С.* Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
45. *Сокольский Н. И.* Фанагорийский склеп.— КСИА, 1972, вып. 130.
46. *Мозолевский Б. М.* Товста Могила: Київ: Наук. думка, 1979.
47. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 26.
48. *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа. Автореф. канд. дис. Л.: ИА АН СССР, 1961.
49. *Грач. А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.
50. *Вадецкая Э. Б.* Сказы о древних курганах. Новосибирск: Наука, 1981.
51. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30.
52. *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975.
53. *Смирнов К. Ф.* Пашковский могильник № 3.— КСИИМК, 1949, вып. 26.
54. *Смирнов К. Ф.* Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья.— КСИИМК, 1952, вып. 46.
55. *Анфимов Н. В.* Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья.— КСИИМК, 1952, вып. 46.
56. *Párducz M.* Le cimetriére hallstattien de Szentes-Vekerzug II.— AAH, 1954, t. IV, f. 1—4.
57. *Párducz M.* Le cimetiére hallstattien de Szentes-Vekerzug III.— AAH, 1955, t. VI.
58. *Párducz M.* The Scythian Age Cemetery at Tápiószele.— AAH, 1966, t. XVIII.
59. *Patay P.* Szkíta leletek a nógrádi dombvidéken.— FA, 1955, VII.
60. *Dušek M.* Thrakisches Gräberfeld der Hallstattzeit in Chotín. Bratislava, 1966.
61. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наук. думка, 1981.
62. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины.— В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
63. *Волкобой С. С., Андросов А. В., Лихачев В. А., Мухопад С. Е., Шалобудов В. Н.* Скифские могильники IV—III вв. до н. э. на юге Днепропетровской области.— В кн.: Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1980.
64. *Бокий Н. М.* Отчет Кировоградского краеведческого музея об археологических раскопках в Кировоградской области за 1969 г.— Архив ИА АН УССР. № 1969/65.
65. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
66. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
67. *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган. М.: Наука, 1981.
68. *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе (раскопки 1972—1975 гг.).— В кн.: Скифы и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.

S. S. Bessonova, S. A. Skory

A BURIAL OF A SCYTHIAN WARRIOR FROM THE AKHTASH BURIAL GROUND IN THE EASTERN CRIMEA

Summary

The authors present the complex of a Scythian burial of a warrior of the 5th century B. C. It was discovered during excavations of a burial ground dating from the Scythian time at Lake Akhtash in the Kerch Peninsula. The type of the burial chamber and grave goods distinguish the burial from the other burials of the burial ground, relating, on the whole, to the 4th and 3rd centuries B. C. This burial is the earliest catacomb burial in the Kerch Peninsula: not more than 30 of them have been discovered so far in the northern and eastern Crimea. They indicate one of the possible directions of the Scythian migration from the Dnieper area in the 5th and 4th centuries B. C. The burial contains a wide range of offensive weapons, horse gear decorated in the zoomorphic style, and vessels. The plinth, a thought-provoking element of the burial rite, has analogies in the synchronous burials of the Scytho-Sak area. The authors also dwell on some armament details and parts of the harness which permit them to reconstruct the bridle and to surmise that some unidentified objects served fastenings of a case protecting spearheads.

А. И. РОМАНЧУК

ГРАФФИТИ НА СРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКЕ ИЗ ХЕРСОНЕСА

Граффити античного Херсонеса в последние годы стали объектом пристального внимания исследователей. Публикация одной из групп находок (на чернолаковой керамике) дала материал, на основании которого можно судить о распространенности грамотности среди жителей Херсонеса эллинистического периода, о культурах и магии, некоторых продуктах, употребляемых горожанами [1]. Продолжением анализа граффити античного времени можно считать изучение разнообразных знаков, сохранившихся на средневековой керамике, так как они позволяют уточнить некоторые из причин появления граффити и в более раннее время. Примечательно нанесение знаков на средневековых сосудах в качестве своеобразных оберегов, магических знаков, предохраняющих продукт, помещенный в амфору или пифос, от порчи. Об этом пишет автор «Геопоник», давая наряду с практическими советами, как сохранить вино от закисания, и такой: «Вино не может прокиснуть, если ты напишешь на сосуде или пифосе такие божественные слова: „Вкушайте и увидите, что справедлив господь"» (Геопоники, VII, 14, 1).

Средневековые граффити Херсонеса публиковались эпизодически [2, с. 288—290], чаще всего как иллюстративный материал, без указания типов и видов керамики, на которой они были нанесены [3, с. 225—230; 4, с. 127; 5, с. 217; 6, с. 117; 7, рис. 17; 8, с. 25], что в значительной мере снижает возможности использования данной группы находок в качестве исторического источника.

В настоящей публикации учтены граффити на различных видах керамики (амфорах, бытовых сосудах, черепице), которые получены в ходе раскопок комплексов XII—XIV вв. второго портового квартала Херсонеса. Для рассматриваемого периода на территории квартала можно выделить три усадьбы; в одну из них входили помещения 3а—г; другая состояла из помещений 6—8, 12, 13 и 14, третья — из 2, 9, 10. Анализ всех граффити данных комплексов позволяет не только выявить наиболее характерные знаки, но и проследить их статистическое распределение по комплексам.

Амфоры, на которых чаще всего встречались граффити, были широко распространены не только в Крыму, но и других районах Причерноморья, в древнерусских городах. Это веретенообразные амфоры с бороздчатым корпусом, с высоко поднятыми над венчиком массивными ручками, черепок различных оттенков коричневого цвета с лакунами от выгоревших органических частиц [9, с. 110, рис. 68, *5—8*; 10, с. 257, рис. 11, *11*; 11, с. 520; 12, с. 355, рис. 97; 13, табл. 1, 2; 14, с. 41]. По классификации, выработанной в ходе разборки материалов из портового района, они отнесены к XXII типу [1] и встречаются в слоях XII—XIII вв. [15, с. 93].

По структуре черепка, имеющего иногда сиреневатый оттенок, к амфорам XXII типа близки амфоры с грушевидным туловом, воронкообразным венчиком (тип XXI). Судя по материалам портового района Херсонеса, они бытовали в XI—XII вв. [9, с. 110, рис. 68, *1—4*; 15, с. 93], такие амфоры встречались в славянских слоях Саркела [16, с. 245], многие из них и здесь имели граффити [17, табл. 6, 9, 10,

[1] Далее после описания вида керамики в круглых скобках приводится группа или тип по классификации Объединенной экспедиции.

16]. Круглодонные желобчатые амфоры с массивными высоко поднятыми над горлом ручками, черепок плотный, в его изломе хорошо прослеживаются желтые блестки слюды (тип XXIII). Бытовали они с XII в. [7, с. 94; 9, с. 112, рис. 69, *1—4*].

Плоскодонные амфоры с бугристой внутренней поверхностью (XXV), с внешней стороны корпус покрыт белым ангобом [9, с. 112, рис. 69, *5—9*; 15, с. 95]. Они являются массовой находкой в слоях XIII—XV вв. Это изделия местных гончаров, в чем убеждает структура черепка, аналогичного черепку строительной керамики и столовой неглазурованной посуды.

Граффити обнаружены на поливной красноглиняной посуде, украшенной росписью ангобом (группа II, тип 1 [7, с. 10; 9, с. 114]), врезным геометрическим или растительным орнаментом с монохромной окраской (группа II, тип 2) или полихромной (группа II, тип 3 [9, с. 133—140]). Некоторые миски и чаши имели гладкое поле, но добавки красителей в глазурь позволили мастерам достичь художественной выразительности сосуда без нанесения орнамента: поливное покрытие, чаще всего желтоватого оттенка, имеет фиолетово-коричневые пятна, разводы (группа II, тип 5) [2].

Небольшое количество граффити обнаружено и на черепице, которая подразделяется на две группы: первая — ангобированные керамиды со сравнительно плотным черепком, метки рельефные, выполненные чаще всего узкой линией; вторую отличает комковатое тесто со значительными добавками шамота, метки выполнены более широкой линией высокого рельефа [7, с. 11].

Большая часть граффити из портового квартала 2 была нанесена на ручках и стенках амфор XXI—XXIII типов после обжига. Их можно разделить на три неравные по объему группы: 1) граффити в виде букв греческого алфавита и их сочетаний; 2) знаки в виде геометрических фигур, отрезков прямых; 3) сюжетные граффити, представляющие части не сохранившихся полностью сцен.

Всего в ходе исследования юго-восточного участка портового квартала 2 в 1977—1982 гг. найдено 219 граффити (распределение по комплексам см. в каталоге граффити). 175 из них являются вариантами 20 букв греческого алфавита. На тарной керамике было нанесено 105 буквенных знаков, на глазурованных сосудах — 36, на неглазурованных — 15, на черепице — 4 знака, на пифосах — 2. К числу геометрических знаков относятся 42 экз., из них 23 обнаружены на тарных сосудах, 10 — на фрагментах столовой глазурованной посуды, 4 — на кухонной посуде и 5 — на керамидах. Последний вид граффити — не сохранившиеся полностью сюжетные сцены — обнаружен на двух фрагментах керамид.

1. Знаки в виде букв греческого алфавита и их сочетания. Прежде всего следует отметить, что некоторые из выделенных в данную группу граффити из-за схематичности начертания литер не позволяют прийти к однозначной интерпретации, поэтому предлагаемая классификация в известной степени условна и может быть уточнена в процессе накопления материалов из других одновременных комплексов.

Знаки в виде буквы А. Как единичный знак, так и в сочетании с другими альфа имеет три варианта написания: в виде острого угла с горизонтальной чертой посередине (рис. 1, *1а*), в виде треугольника с одной более длинной стороной (рис. 1, *1в*) или овала с вертикальной гастой (рис. 1, *1б*, *г*). На одном обломке поливного сосуда представлено сочетание Αε или ΑΘ (рис. 1, *1е*). Изображение буквы А встречено в основном на фрагментах амфор XXI, XXIII типов и на одном экземпляре столового сосуда. Альфа могла являться начальной буквой имени Алексей, Афанасий и так далее, на тарных сосудах могла служить для обозначения продукта: ἄκρατος (чистое, неразбавленное вино). Все варианты изображения буквы встречаются на средневековых греческих над-

[2] В публикациях А. Л. Якобсона херсонесской керамики подобные сосуды не учтены.

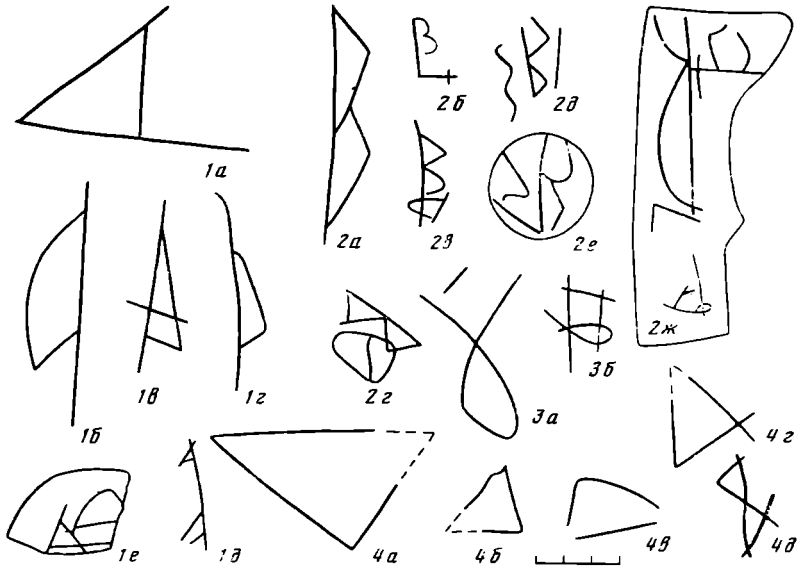


Рис. 1. Буквенные знаки на керамике XII–XIV вв.

писях из памятников Крыма [18, с. 30–32, 34], на древнерусских граффити [19, с. 207]; как метка на херсонесской черепице альфа не использовалась, но встречалась на керамидах из других памятников Крыма [9, с. 70, № 1, 2, 42; 20, с. 17, рис. 7, № 22].

Знак в виде В *и его сочетания.* Единичные изображения буквы близких вариантов обнаружены на трех обломках амфор XXIII типа, на поливной миске II группы (2 экз.), на неглазурованной тарелке (рис. 1, *2а*), имеются сочетания ее с другими буквами: ВА (рис. 1, *2в*), ВΘ (рис. 1, *2г*), с прямыми или зигзагообразными линиями (рис. 1, *2д, е*), а также трудночитаемыми значками (рис. 1, *2ж*). Данная буква могла использоваться для обозначения собственности, в таком качестве она употреблена на керамическом грузиле [6, с. 63]. Близкие по написанию буквы встречаются на древнерусских граффити [19, № 18, 23, 53, 54 и др.], на средневековых греческих надписях из Херсонеса [18, с. 28, с. 32]. Метки в виде В широко распространены на крымской черепице [9, с. 95, № 121–123; с. 97, № 124–128; с. 101, № 2–9], есть на кирпичах из Плиски и Мадары [21, с. 169, № 20–21], как граффити встречены В на золотоордынской керамике [22, с. 191], на керамике из Саркела [17, табл. VII].

Граффити в виде Г *немногочисленны.* Среди находок портового квартала 2 буква встречена в виде отдельной прописной (рис. 1, *3а*) и в сочетании с отрезками прямых (рис. 1, *3б*). На территории других районов Херсонеса обнаружены граффити, где гамма входила в сочетании ГЕ. ГЕОР, которое могло обозначать имя Γεώργιος[3], как и на черепичных метках [9, с. 140]. В данном случае гамма могла обозначать и название продукта – γῦρις (пшеничная мука). Такой знак есть на золотоордынской керамике [22, с. 194, рис. 7, *4*], на черепице и блоках из Плиски [21, с. 168, № 98, 99], по написанию он близок к литерам греческих средневековых надписей из памятников Крыма [18, с. 79, № 71].

Граффити в виде Δ имеют несколько вариантов изображения буквы: в виде треугольника (рис. 1, *4а, б*), иногда две стороны его имеют большую длину (рис. 1, *4г*), в виде острого угла с горизонтальной линией внизу (рис. 1, *4в*). Знаки в виде треугольника встречаются на херсонесской черепице [9, с. 95, № 148], на керамике и блоках из Плиски [21, с. 149, № *6а, 6б*], на золотоордынской керамике, правда, здесь

[3] Например, на амфоре с зональным рифлением из раскопок Н. В. Пятышевой на участке 1ж (1969 г. Фонды ГИМа – 100070 № 20/20).

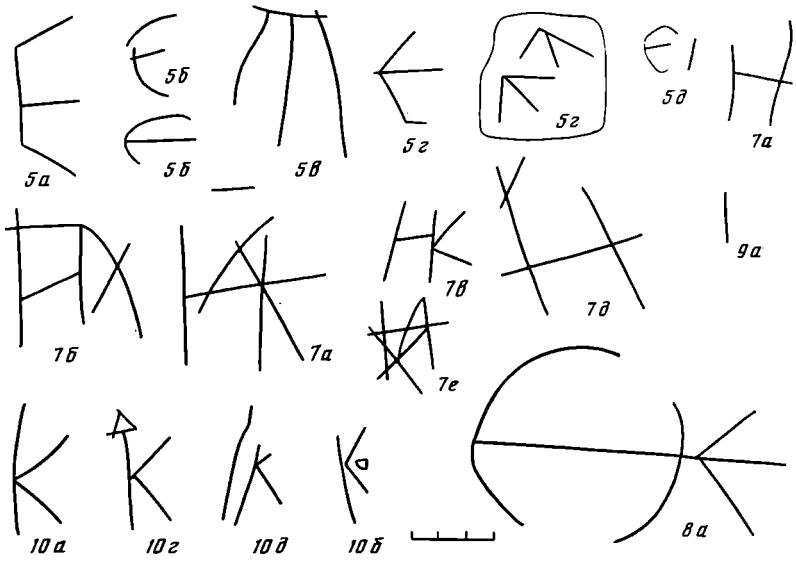


Рис. 2. Буквенные знаки на керамике

он имеет несколько иные очертания [22, с. 182, рис. 4, *18*]. Вероятно, к этой группе граффити следует отнести знак (рис. 1, *4д*) в виде двух обращенных друг к другу треугольников [22, с. 187]. На некоторых средневековых надписях из Крыма дельта имеет подобное написание [18, с. 34, № 27].

Знак в виде буквы Е. Имеет несколько вариантов изображения литеры (рис. 2, *5а—г*). Следует отметить, что все варианты встречались на амфорах XXIII и XXV типов в одном помещении. Такие знаки, как *5г*, некоторые исследователи относят к тамгам в виде птичьей лапки [22, с. 175, рис. 1, *27*], а изображение, близкое к нашим *5а*, *5е*, интерпретируют как тамгу в виде трезубца [22, с. 177]. Многочисленные метки данного вида, происходящие из раскопок Плиски и Преслава, болгарские исследователи включают в группу буквенных [21, с. 142, № 1, 17; с. 168, № 110, 120—125]. Различные варианты такой буквы имеются среди меток на черепице из Крыма [9, с. 95, № 104—112; с. 98, № 1—6; с. 100, № 70—72 и др.]. Близкие по изображению знаки встречались на венчиках пифосов из раскопок Баклинского городища и его окрестностей [23, с. 109, рис. 3, *2*, *5*, *6*].

Знаки в виде греческих букв Z, Ξ на керамике из портового квартала 2 не встречались [4].

Знаки в виде Н *и ее сочетания.* Буква Н встречается и как единичный знак, и в сочетании с другими буквами на всех видах рассматриваемой керамики (рис. 2, *7а—е*). Знак *7д*, возможно, является изображением двух косых крестов, соединенных одной прямой. Знак *7г* можно расшифровать как сочетание ХНЛ, ХКНЛ или ХНА. Буква Н встречалась на амфорах V—VI вв. из Румынии [24, с. 325, № 337], среди граффита на золотоордынской керамике [22, с. 188], на черепице из Крыма [9, с. 95, № 129—135].

Знаки в виде сочетания ΘЕ. Единичного изображения буквы Θ на материалах из портового квартала 2 не выявлено, но многочисленны сочетания ΘЕ как на тарной керамике, так и на столовой посуде (рис. 2, *8а*). Возможно, в данном случае граффити представляет собой формулу Θεοτόκε βοήθει (богородица, помоги) или сокращение имени Θεόδωρος [6, с. 138].

Одним экземпляром представлено граффити на дне глазурованного сосуда в виде отрезка прямой, которое могло обозначать букву I (рис. 2, *9а*).

---

[4] Возможность использования этих букв среди херсонесских граффити не исключена, поэтому номера 6 и 14, соответствующие им, пропущены.

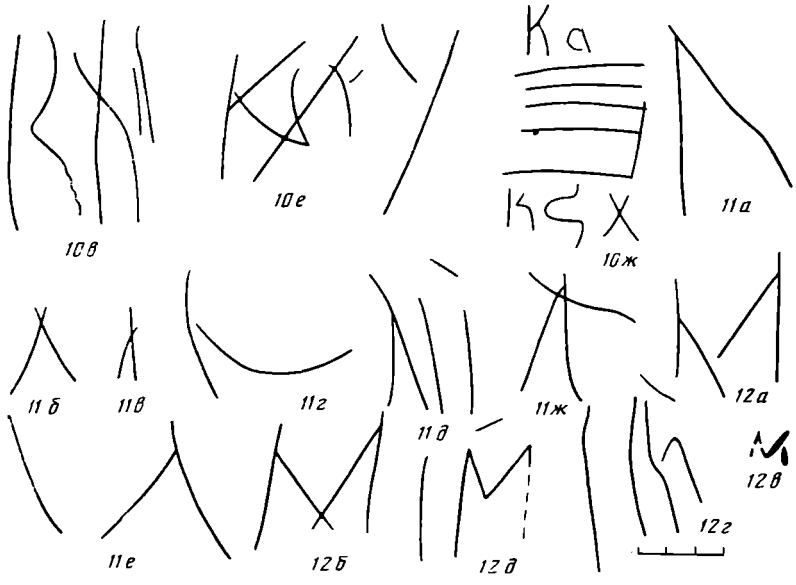


Рис. 3. Буквенные знаки на керамике XII–XIV вв.

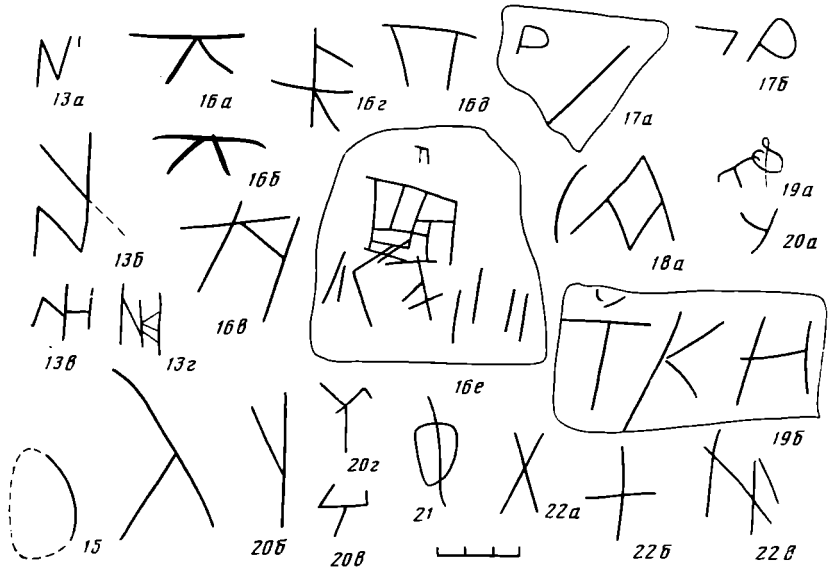


Рис. 4. Буквенные знаки на керамике XII–XIV вв.

Знаки в виде К *и ее сочетания.* Следует отметить, что в некоторых случаях, особенно на донъях столовых сосудов, отличить по характеру написания буквы К и л бывает сложно. Помимо единичных знаков, каппа (рис. 2, *10а*) встречается в сочетании с другими буквами — КО (рис. 2, *10б*), возможно, в данном случае это начало собственного имени Κονσταντῖνος. Аналогичные граффити есть на амфоре XI в. из Дионгетии [24, с. 268, № 252]. Сочетание КХ (рис. 3, *10в*) могло обозначать название продукта κάγρος (ячменные зерна) или κέγχρος (пшено, просо). Примечательно, что это граффити нанесено на стенке пифоса. Единичные знаки К или с черточками (рис. 2, *10д*) могли использоваться для обозначения порядкового номера сосуда или его объема, указывать на качество продукта — καλός (чистый, отличный). На граффити *10ж* (рис. 3), возможно, верхние буквы КА — **число 21. Внизу** под горизонтальными чертами сохранились еще три буквы — КϛХ... Сигма изображена в написании, характерном для конца слова. Можно предположить, что KS являются сокращением слова κασία (корица). Встречается К со значком меньшего размера в виде Δ (рис. 2, *10г*). в сочетании с другими трудночитаемыми знаками (рис. 3, *10е*).

Знаки в виде острого угла — буква λ. Граффити, являющиеся различными вариантами лямбды: в виде острого угла (рис. 3, *11а*), угла с выступающими над вершиной концами (рис. 3, *11б*) или удлиненной правой вертикальной гастой (рис. 3, *11в*) или с другими буквами (рис. 4, *15а*),— чрезвычайно многочисленны. Они выявлены на тарной и столовой керамике, на черепице (рис. 3, *11б*). Возможно, знак *11г* (рис. 3) изображает не λ, а Υ. Граффити *11ж* (рис. 3) можно расшифровать как сочетание ΛΧ. Лямбда в виде острого угла или с правым удлиненным концом есть на средневековых греческих надписях из памятников Крыма [18, с. 28, № 15; с. 32, № 25]. Аналогичные знаки встречались в Саркеле, на золотоордынской керамике, в Плиске [21; с. 168; 22, с. 175, рис. 1, *33*], на поливной керамике из Коринфа [25, с. 48, рис. 33], в сочетании с другими буквами или как единичный знак λ присутствует и на крымской черепице [9, с. 99, № 152—154; с. 102, № 118, 127—130; с. 169, с. 59—61].

Знаки в виде Μ имеют три варианта написания буквы: с незамкнутой, ломаной гастой или в виде перекрестия (рис. 3, *12а—в*, *д*). На знаке *12д* (рис. 3) перед мю процарапана черточка. Возможно, что подобным сочетанием является знак *12г*. Граффити данного вида встречены на донышах глазурованных сосудов, амфорах XXIII типа, строительной керамике. Буква мю могла обозначать название продукта — μέλας (темное вино), μέλι (мед), μαστίχη (мастика), с этой буквы начинается широко распространенное в средневековье имя Михаил [9, с. 96, № 210, 211]. Как тамга в виде угла с двумя параллельными прямыми интерпретируется подобный знак на золотоордынской керамике [22, с. 182, с. 191], на одной из амфор из Саркела есть сочетание ΜΕΛ [17, табл. XVIII].

Знаки в виде Ν *и ее сочетания.* Буква ню выявлена на глазурованной керамике (рис. 4, *13г*), на тарных сосудах (рис. 4, *13а—в*) чаще всего в сочетании с другими. Возможно, ΝΧ процарапано на граффити *13б*, ΝΗ — на *13в*, *г*. Данный знак как составная часть числового обозначения широко распространен на амфорах IV—V вв., где он в сочетании ΝΗ обозначал объем амфоры в 58 секстариев — 31,668 л [24, с. 112, № 66]. Объем амфор XXIII типа, на которых встречено подобное сочетание, близок к 30—32 л. Как единичная буква и в сочетании с другими, в том числе с Η, есть ню на амфорах Саркела [17, табл. V, XVI].

Буква Ο была, возможно, процарапана перед Λ; к сожалению, фрагментарность обломка не позволяет говорить об этом с уверенностью (рис. 4, *15*).

Знаки в виде Λ, Π *и их сочетания.* В данную группу включены прежде всего знаки, обнаруженные на амфорах, и те изображения буквы на других сосудах, характер написания которых не позволил отнести их к букве Κ.

Пи имеет три варианта изображения литеры: с широко расставленными (рис. 4, *16б*) или с выходящими из одной точки (рис. 4, *16а*) ножками, в виде Π (рис. 4, *16д*), близкого по начертанию к древнерусским граффити [19, с. 215, N 34]. На херсонесских черепичных метках встречаются все три варианта [9, с. 95, № 93—96; с. 96, № 199, 203]. Возможно, сочетанием πλ является знак *16г*, πΥ — *16в*.

Знак в виде Ρ как единичной буквы обнаружен на двух обломках амфор XXIII типа (рис. 4, *17а*, *б*) из одного помещения. В то же время имеются граффити, являющиеся сочетанием нескольких букв, в состав которых входило ро (рис. 5, *22м—о*).

Также единичными экземплярами представлена буква Σ: в сочетании с Α встречена на амфоре XXIII типа (рис. 4, *18а*). Можно предположить, что сочетание обозначало сорт рыбы (σάλπη, σαργῖνος) или σάτον (сат — еврейская мера объема, около 13 л).

Знак в виде буквы Τ обнаружен только в сочетаниях: одно из них состоит из трех букв — ΤΚΗ, над Τ стоит знак сокращения (рис. 4, *19б*). Возможно, это прилагательное от глагола τήκω (вареное, топле-

Рис. 5. Буквенные и геометрические знаки на керамике XII—XIV вв.

ное). В другом сочетании Т изображена со значком, напоминающим скрипичный ключ (рис. 4, 19а).

Знаки в виде Υ. Изображение буквы ипсилон имеет четыре варианта (рис. 4, *20а—г*) и встречается на всех видах бытовой керамики. Близкие изображения литеры есть на средневековых надписях Крыма [18, с. 79, № 16]. Данный знак встречался на амфорах более раннего времени, насколько это можно судить по рисунку из Саркела [17, табл. XVIII]; единичен он на золотоордынской керамике [22, с. 194, рис. 7, *20*]: как отдельный знак, так и в сочетании с другими есть на керамике из Болгарии [21, с. 152, № 1—5; с. 153, № 1—6; с. 157, № 25, 26].

Знак в виде буквы Ф обнаружен на одном обломке амфоры XXIII типа (рис. 4, *21*).

Знак в виде прямого и косого креста, буквы хи. Знаки данного вида многочисленны и имеют значительный ареал. Они встречались в Плиске, Саркеле, на сфероконусах из Ани и Двина, на золотоордынской керамике [22, с. 178], на византийских глазурованных сосудах из Коринфа [25, с. 22, рис. 98; с. 150, рис. 134с].

В портовом квартале 2 они как отдельные знаки, так и в сочетании с другими также относятся к числу массовых находок. Основное количество их было нанесено на амфорах, меньшее — на столовой и кухонной керамике, единичны такие знаки на глазурованных сосудах (2 экз.). Граффити в виде прямого креста представлены 8 экз. (рис. 4, *22б*), в виде косого — 15 экз. (рис. 4, *22а*). Данный знак мог являться как христианским символом, так и буквой хи, которая изображалась в виде креста прямого или косого, креста, оба верхних конца которого или один опущены вниз. Среди меток на черепице из Херсонеса имеются различные варианты буквы [9, с. 96, № 166—174, 210, 211].

Возможно, сочетанием ΧΛ являются знаки *22в* (рис. 4), *22л*, *д* (рис. 5), ΧΛΚ — знак *22з* (рис. 5). Данное сочетание могло обозначать название продукта — χαλίκρης (чистое, неразбавленное вино). Знак *22г* (рис. 5) представлял сочетание ΧΟ [24, с. 317, № 314], возможно, является сокращением слова χόνδρος (соль). Как обозначение качественного вина можно интерпретировать граффити *22м* (рис. 5), в состав которого входят буквы ΧΡ и пентаграмма. Но возможно и другое предположение: прочерчена магическая формула, разновидность монограммы Χριστός, подобно знакам *22н—п* (рис. 5). Монограмма, близкая нашей *22н*, есть на амфоре XI—XII вв. из Диногетии [24, с. 264, № 255].

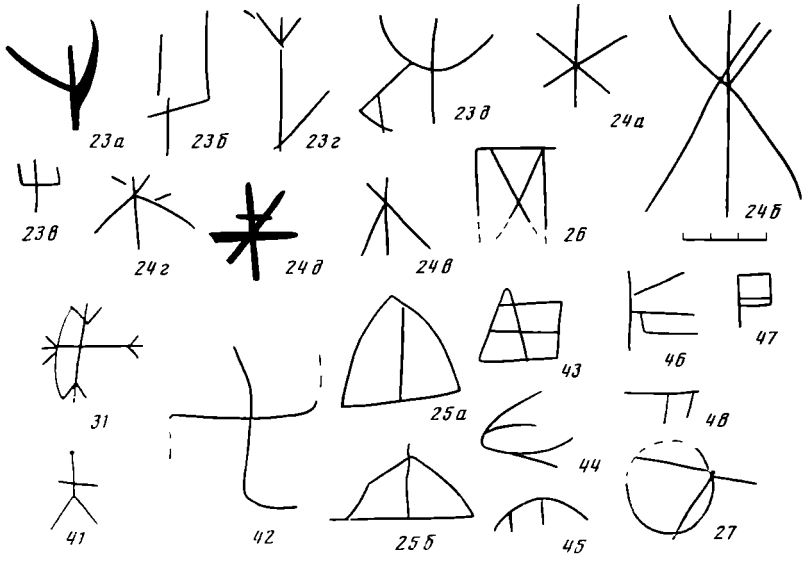


Рис. 6. Буквенные и геометрические знаки на керамике XII—XIV вв.

Знаки в виде Ψ. Изображением буквы пси являются, вероятно, знаки *23а—г* (рис. 6), представленные сравнительно небольшим количеством экземпляров; встречались они в основном на столовой как глазурованной, так и неглазурованной посуде. Сочетанием АΨ или ΨА является знак *22д* (рис. 6). Подобные граффити относятся к числу тамг в виде трезубца [22, с. 177—178], что вполне могло иметь место у народов, не знакомых с греческой письменностью. В Крыму близкие по очертанию знаки есть на черепице [9, с. 103, № 96—99; с. 150, № 287—288], амфорах из памятников южного берега. Крыма [26, с. 62, рис. 5], многочисленны находки таких знаков в Плиске, Преславе и на других болгарских поселениях [21, с. 154, табл. 15].

2. Геометрические знаки. Знаки в виде геометрических фигур, всевозможных сочетаний линий отличаются значительным разнообразием. Большим количеством экземпляров в данной группе представлен только знак в виде различных вариантов трех перекрещивающихся прямых (рис. 6, *22а—д*), обнаруженный как на столовой посуде, так и на амфорах (10 экз.). По характеру написания он аналогичен русским граффити [19, с. 210, № 12; с. 214, № 23], знакам на золотоордынской керамике [22, с. 175, рис. 1, № 21], встречался в Саркеле [17, табл. X], Плиске [21, с. 148, № 28—34; с. 169, с. 33—34].

Тремя экземплярами на керамике из портового квартала представлен знак в виде треугольника с опущенным из вершины на основание отрезком прямой (рис. 6, *25*); некоторые исследователи интерпретируют его как изображение лука со стрелой [27, с. 30, обр. 2].

Остальные геометрические знаки, обнаруженные на тарной керамике и столовой посуде, найдены в одном-двух экземплярах (рис. 6, 7, *26—42*). Это не сохранившееся полностью граффити в виде прямоугольника с диагоналями (рис. 6, *26*), знаки, представляющие собой окружности с вписанными в них треугольниками (рис. 6, *27*) или радиально расположенными полуокружностями (рис. 7, *28*). Несколькими вариантами представлены граффити, являющиеся схематическими изображениями «елочки» — с одной или обеих сторон вертикальной линии наклонно прочерчены отрезки прямых (рис. 7, *29а, б*). На некоторых обломках керамики горизонтальные, почти параллельные линии пересекаются одной вертикальной (рис. 7, *30*).

Интерес представляют граффити в виде крестообразно расположенных линий, на концах которых изображены незамкнутые треугольники (рис. 7, *32*), и в виде пентаграммы (рис. 7, *33*); знак пентаграммы мог входить и в состав буквенных граффити (рис. 5, *22м*). Следует отметить,

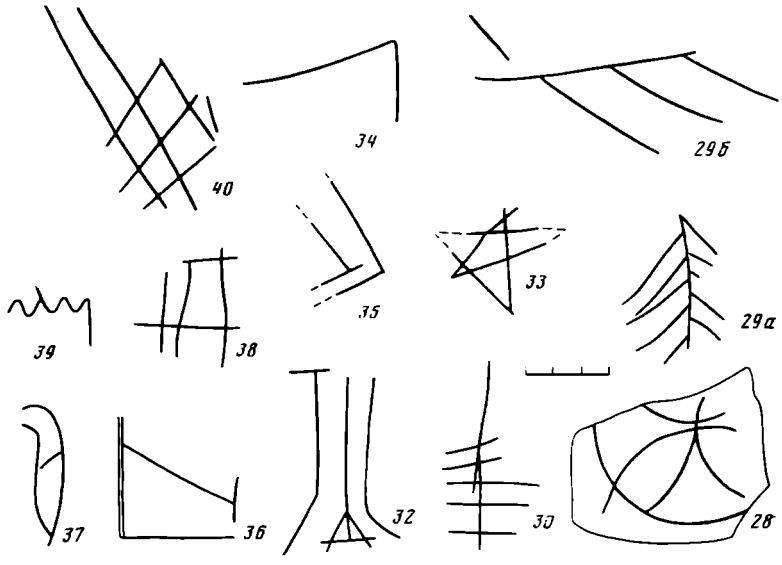


Рис. 7. Геометрические знаки на керамике

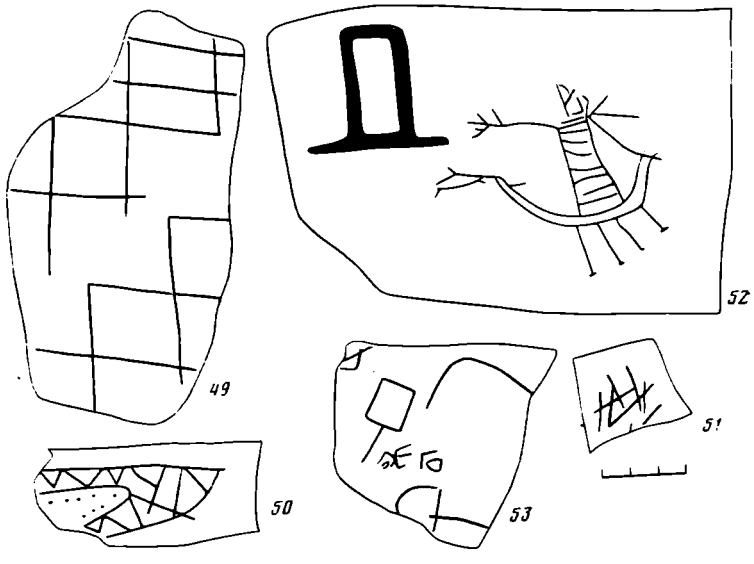


Рис. 8. Граффити на черепице

что на херсонесской черепице имеются метки в виде пентаграммы [6, с. 143], появление которых иногда связывают с притоком в Херсонес татарского населения в середине XIV в. [28, с. 218].

Несколькими вариантами представлены значки в виде острых углов (рис. 7, *34*, *35*), разнообразных сочетаний линий (рис. 7, *36—40*; 8, *49*). Все эти граффити отличаются индивидуальностью исполнения, что затрудняет сопоставление их друг с другом и со знаками из других районов; исключение составляет изображение креста с загнутыми концами (рис. 6, *42*) и креста на треугольной подставке (рис. 6, *41*). В то же время следует отметить, что некоторые граффити, входящие в группу «геометрические знаки», несмотря на индивидуальность рисунка, имеют сходство с граффити, известными по раскопкам памятников Восточной Европы. Так, знаки, близкие *29а*, *30*, есть на золотоордынской керамике [22, с. 182, рис. 4, № 1—4; с. 190, рис. 6, № 13—14]; знаки *26*, *29а*, *30*, *33*, *40* встречены в Саркеле [17, табл. III, X, XI, XVI], на территории Болгарии [21, с. 140, № 3; с. 141, № 35—37; с. 146, № 1; с. 150, № 1; с. 160, № 5 и др.].

Некоторые экземпляры граффити могут быть отнесены как к геометрическим, так и — условно — к буквенным. Это знак *43* (рис. 6), в ко-

тором можно увидеть изображение буквы Δ, перечеркнутой двумя параллельными линиями. Вероятно, буква ε изображена на граффити *44*, *45* (рис. 6), л и ε — на *46* (рис. 6), П — на *48* (рис. 6), Р — на *47* (рис. 6). Дальнейшее поступление находок, возможно, позволит в будущем с большей определенностью решить вопрос об интерпретации подобных граффити.

Следует упомянуть, что среди граффити встречаются процарапанные черточки различных размеров.

3. Сюжетные граффити. Среди граффити на херсонесской керамике особо следует выделить рисунки на лицевой или оборотной стороне керамид (рис. 8, *52*, *53*), являвшиеся, возможно, составной частью не сохранившихся полностью сюжетных сцен. Несмотря на малочисленность граффити этого вида, они представляют интерес как попытка средневекового горожанина запечатлеть увиденное, каким-то образом реализовать свои художественные потребности. В частности, на одном обломке керамиды сохранилось схематическое изображение всадника на лошади (рис. 8, *52*). Возможно, что мастер-керамист скопировал на своем изделии понравившуюся ему метку другого гончара или же это детский рисунок, выполненный на одной из керамид, разложенных для просушки.

Другое граффити (рис. 8, *53*), на котором изображены не поддающиеся определению предметы (возможно, инструментарий гончара — лопата?) и фрагмент греческой надписи, также сделано до обжига черепицы.

В целом следует отметить, что буквенные знаки встречались на всех видах керамики, что позволяет говорить о распространенности грамотности среди жителей Херсона. Свидетельством данного предположения являются прежде всего граффити на бытовой керамике и греческие надписи на необожженной черепице.

Некоторые граффити на амфорах находят прямые аналоги среди материалов раскопок древнерусских городов, где они встречены на амфорах, относимых к северопричерноморским. Например, знаки, близкие *22*, есть на амфоре из Белоозера [29, с. 35, рис. 13], *13в* — на амфоре из раскопок Киево-Печерской лавры [30, с. 123, рис. 16]. Два рядом стоящих знака *11а* обнаружены на ручке амфоры из Троицкого раскопа Новгорода (1973, пл, 13, кв. II) [5].

Сравнительный анализ граффити из раскопок различных средневековых памятников Восточной Европы открывает новые возможности для изучения характера и интенсивности торговли в данном регионе. К сожалению, отсутствие полных сводок граффити, встречавшихся на тарных сосудах, снижает возможности использования данного вида археологических находок как полноценного исторического источника.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАТАЛОГ ГРАФФИТИ

1. Буквенные знаки

1а — пом. 10, 1978 (XXIII); пом. 8, 1979 (XXIII); пом. 7в, 1981 (XXIII); пом. 11б, 1981 (II гр. 2 тип); *1б* — пом. 10, 1978 (XXIII); пом. 9, 1979 (II гр.); *1в* — пом. 11, 1980 (XXI); *1г* — пом. 2, 1978 (XXIII); *1д* — пом. 6, 1978 (XXIII); *1е* — пом. 2, 1981 (горшок). Всего: 10 экз.

2а — пом. 10, 1978 (XXIII) — 2 экз.; пом. 3а, 1978 (XXIII); пом. 7а, 1981 (тарелка); пом. 3г, 1981 (II гр.); *2б* — пом. 8, 1978 (II гр.); *2в* — улица, 1978 (XXIII); *2г* — пом. 7, 1979 (XXIII); *2д* — пом. 10, 1979 (кувшин); *2е* — пом. 3, 1980 (II гр. 2 тип); *2ж* — пом. 10, 1978 (XXIII). Всего: 11 экз.

3а — пом. 10, 1979 (XXIII); *3б* — пом. 10, 1978 (XXIII). Всего: 2 экз.

4а — пом. 10, 1978 (XXIII); пом. 10, 1978 (пифос); *4б* — пом. 7, 1979 (XXIII); *4в* — пом. 8, 1978 (XXIII); пом. 15, 1978 (XXIII); *4г* — пом. 12а, 1978 (XXIII); пом. 12а, 1981 (XXIII); *4д* — пом. 13, 1980 (II гр. 3 тип). Всего: 8 экз.

5а — пом. 10, 1978 (XXIII); *5б* — пом. 10, 1978 (XXIII); пом. 10, 1979 (XXV, XXIII); *5в* — пом. 3, 1978 (XXIII); *5г* — пом. 5, 1977 (XXV); площадь, 1977 (XXIII); пом. 10, 1978 (XXIII); пом. 11, 1978 (II гр.); пом. 15, 1981 (XXIII); пом. 14, 1981 (XXIII); пом. 7б, 1981 (XXIII); *5д* — пом. 9а, 1979 (II гр. 2 т.). Всего: 13 экз.

[5] Выражаю благодарность В. Л. Янину и Е. А. Рыбиной за предоставленную возможность ознакомиться с новгородскими материалами.

7а – пом. 10, 1978 (XXIII); пом. 11б, 1980 (кувшин); *7б* – пом. 11, 1980 (XXIII); *7в* – пом. 14, 1980 (XXIII); *7г* – пом. 7, 1978 (XXIII); *7д* – пом. 3а, 1978 (XXIII); пом. 7а, 1981 (XXIII); *7е* – пом. 13, 1978 (II гр.). Всего: 8 экз.

8а – пом. 4, 1977 (II гр.); пом. 12, 1978 (XXIII); пом. 10, 1979 (кувшин или XXV); пом. 7, 1979 (XXIII); пом. 13, 1979 (XXIII); пом. 15, 1981 (XXIII). Всего: 6 экз.

9 – пом. 10, 1979 (II гр.). Всего: 1 экз.

10а – пом. 10, 1978 (XXIII); пом. 8, 1978 (XXIII); пом. 3в, 1978 (II гр. 5 т.); пом. 3в, 1978 (II гр. 2 т.); пом. 14, 1978 (II гр.); пом. 8, 1979 (II гр. 5 т.); *10б* – пом. 15, 1981 (XXIII); пом. 3г, 1981 (XXIII); *10в* – пом. 7, 1978 (пифос); *10г* – пом. 11, 1979 (XXIII); *10д* – пом. 10, 1978 (XXIII); *10е* – пом. 13, 1979 (XXIII); *10ж* – пом. 5, 1977 (XXIII). Всего: 13 экз.

11а – пом. 10, 1978 (XXIII); улица, 1978 (XXIII); пом. 11, 1978 (II гр.); пом. 7, 1979 (XXIII); пом. 14, 1981 (XXIII); *11б* – пом. 8, 1978 (черепица); пом. 7а, 1980 (XXIII); *11в* – пом. 10, 1978 (XXIII); пом. 6, 1978 (XXIII); пом. 3а, 1978 (II гр.); пом. 2, 1978 (II гр. 2 тип); пом. 11в, 1978 (II гр. 2 тип); пом. 8, 1979 (II гр. 2 тип); пом. 3г, 1981 (XXIII); *11г* – пом. 3а, 1978 (XXIII); *11д* – пом. 11в, 1980 (XXIII); *11е* – пом. 3а, 1978 (XXIII); *11ж* – пом. 6, 1980 (XXIII). Всего: 18 экз.

12а – пом. 10, 1978 (XXIII); *12б* – пом. 10, 1978 (XXIII); *12в* – пом. 2, 1977 (черепица, I гр.); пом. 7, 1978 (плинфа); пом. 8, 1979 (II гр. 2 тип); *12г* – пом. 3а, 1978 (XXIII); *12д* – пом. 7, 1978 (XXIII). Всего: 7 экз.

13а – пом. 9, 1978 (черепица, I гр.); пом. 11а, 1981 (XXIII); *13б* – пом. 10, 1979 (XXV); *13в* – пом. 6, 1978 (XXIII); *11г* – пом. 3г, 1981 (поливная тарелка). Всего: 5 экз.

15 – пом. 10, 1979 (XXIII). Всего: 1 экз.

16а – пом. 10, 1979 (XXIII); пом. 7в, 1981 (кувшин); *16б* – пом. 13, 1980 (XXIII); пом. 7б, 1981 (кувшин); *16в* – пом. 6, 1978 (XXIII); *16г* – пом. 10, 1978 (II гр. 4 тип); *16д* – пом. 7, 1978 (II гр. 2 тип); пом. 3а, 1979 (XXIII); *16е* – пом. 13, 1978 (XXIII). Всего: 9 экз.

17а – пом. 10, 1979 (XXIII); *17б* – пом. 10, 1978 (XXIII). Всего: 2 экз.

18а – пом. 14, 1981 (XXIII). Всего: 1 экз.

19а – пом. 3г, 1981 (глазурованная миска); *19б* – пом. 6, 1978 (XXIII). Всего: 2 экз.

20а – пом. 10, 1978 (II гр. 2 т.); *20б* – пом. 8, 1978 (черепица, I гр.); пом. 11в, 1981 (кувшин); пом. 7а, 1981 (XXIII); пом. 3а, 1978 (XXIII); пом. 15, 1981 (XXIII); *20в* – пом. 10, 1978 (II гр. 5 тип); *20г* – пом. 8, 1978 (II гр. 4 тип). Всего: 8 экз.

21 – пом. 4, 1978 (XXIII). Всего: 1 экз.

22а – пом. 3а, 1978 (XXIII); пом. 7, 1978 (XXII); пом. 1, 1978 (XXIII – 2 экз.); пом. 10, 1978 (XXIII – 2 экз.); пом. 11, 1978 (XXIV); пом. 10, 1979 (кувшин); пом. 2, 1981 (миска); пом. 7, 1981 (XXIII – 2 экз.); пом. 14, 1981 (XXIII); пом. 15, 1981 (XXIII); пом. 3г, 1981 (II гр. 2 тип; II гр. 3 тип); пом. 3, 1981 (XXIII); *22б* – пом. 1, 1978 (пифос); пом. 3б, 1978 (XXIII); пом. 10, 1978 (XXIII); пом. 12, 1978 (XXIII); пом. 11в, 1980 (XXV); пом. 7б, 1981 (пифос); пом. 7б, 1981 (XXV); пом. 7б, 1981 (кувшин); *22в* – пом. 13, 1978 (XXIII); *22г* – пом. 3а, 1978 (XXIII); *22д* – пом. 10, 1979 (XXIII); *22е* – пом. 13, 1979 (XXV); *22ж* – пом. 4, 1977 (XXIII); пом. 10, 1978 (XXIII); *22з* – пом. 10, 1978 (XXIII); *22и* – пом. 13, 1978 (XXIII); *22к* – пом. 13, 1978 (XXIII); *22л* – пом. 10, 1978 (XXIII); *22м* – пом. 10, 1978 (XXIII); *22н* – пом. 8, 1978 (XXIII); *22о* – пом. 6, 1978 (горшок); *22п* – пом. 11, 1978 (XXIII); *22р* – пом. 7, 1981 (II гр. 3 тип); *22с* – пом. 11, 1978 (II гр.); *22т* – пом. 13, 1980 (глазурованная тарелка); *22у* – пом. 6, 1978 (II гр. 2 тип). Всего: 42 экз.

23а – пом. 8, 1978 (II гр. 1 тип); пом. 14, 1981 (кувшинчик – 2 экз.); *23б* – пом. 8, 1978 (XXIII); *23в* – пом. 10 (II гр. 2 тип); *23г* – пом. 10, 1979 (кувшинчик); *23д* – пом. 10, 1979 (XXIII). Всего: 7 экз.

2. Геометрические знаки

24а – пом. 2, 1978 (II гр. 2 т.); пом. 10, 1979 (II гр. 1 тип); пом. 10, 1979 (калиптер); *24б* – пом. 10, 1978 (блюдо, XII в.); *24в* – пом. 3, 1978 (XXI); пом. 7, 1978 (XXIII); пом. 6, 1980 (XXII); *24г* – пом. 10, 1979 (XXIII); *24д* – пом. 7, 1978 (II гр. 2 тип); пом. 10, 1979 (II гр. 4 тип). Всего: 10 экз.

25а – пом. 4, 1977 (XXIII); пом. 6, 1979 (горшок); *25б* – пом. 13, 1978 (II гр. 2 т.). Всего: 3 экз.

Единичные граффити: *26* – пом. 11, 1981 (XXV); *27* – пом. 12, 1981 (XXIII); *28* – пом. 10, 1978 (XXIII); *29а* – пом. 3, 1978 (кувшин); *29б* – пом. 10, 1978 (XXIII); *30* – пом. 3а, 1978 (XXIII); *31* – пом. 10, 1979 (XXIII); *32* – пом. 2, 1978 (XXIII); *33* – пом. 12, 1979 (XXIII); *34* – пом. 8, 1979 (XXV); пом. 15, 1980 (XXIII); *35* – пом. 11б, 1980 (XXIII); *36* – пом. 11, 1978 (XXIII); *37* – пом. 11, 1979 (XXIII–XXIV); *38* – пом. 10, 1978 (XXIII); *39* – пом. 10, 1978 (XXIII); *40* – пом. 11а, 1981 (XXIII); *41* – пом. 2, 1981 (горшок); *42* – пом. 10, 1979 (XXIII); *43* – пом. 9, 1978 (II гр. 2 тип); *44* – пом. 4, 1978 (II гр. 2 тип); *45* – пом. 13, 1978 (горшок); *46* – пом. 3а, 1978 (II гр. 5 тип); *47* – пом. 3а, 1978 (II гр. 4 тип); *48* – пом. 3а, 1979 (XXIII); *49* – площадь, 1977 (черепица, I гр.); пом. 12, 1979 (черепица, I гр.); *50* – пом. 12, 1980 (черепица, I гр.).

3. Сюжетные сцены

51 – пом. 6, 1979 (XXIII); *52* – пом. 12, 1980 (черепица, I гр.); *53* – пом. 9а, 1979 (черепица, I гр.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабинов Ю. А., Курганова С. И., Николаенко Г. И., Соломоник Э. И., Лисовой И. А., Шевченко А. В.* Граффити античного Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1978.
2. *Кадеев В. И.* Средневековые граффити из Херсонеса.— СА, 1968, № 2.
3. *Белов Г. Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 г.— МИА, 1941, № 4.
4. *Белов Г. Д., Якобсон А. Л.* Квартал XVII (раскопки 1940 г.).— МИА, 1953, № 34.
5. *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.).— МИА, 1953, № 34.
6. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.).— МИА, 1950, № 17.
7. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963—1964 гг.— АДСВ, 1971, № 7.
8. *Кадеев В. И.* Раскопки в «центре участка».— АДСВ, 1973, № 9.
9. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
10. *Чангова Й.* Средновековни амфори в България.— ИАИ, 1959, т. 22.
11. *Barnea I.* Amforele feodale de la Dinogetia.— SCIV, 1954, t. V, № 3—4.
12. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
13. *Гончаров В. К., Богусевич В. А., Юра Р. А.* Раскопки древнерусского города Воиня в 1956 г.— КСИА, 1959, вып. 8.
14. *Гадло А. В.* Поселение XI—XII вв. в дельте Дона.— КСИА, 1964, вып. 99.
15. *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса.— АДСВ, 1971, № 7.
16. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
17. *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи (к вопросу о языке и письменности печенегов).— МИА, 1959, № 75.
18. *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.
19. *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. XI—XIV век. М.: Наука, 1978.
20. *Романчук А. И.* Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек.— АДСВ, 1976, № 13.
21. *Дончева-Петкова Л.* Знаци върху археологически паметници от средновековна България. VII—X век. София, 1980.
22. *Полубояринова М. Д.* Знаки на золотоордынской керамике.— В кн.: Средневековые древности евроазиатских степей. М.: Наука, 1980.
23. *Рудаков В. Е.* Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища.— В кн.: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.
24. *Popescu E.* Inscripţiile greceşti şi latine din secolele IV—XIII descoperite în România. Bucureşti, 1976.
25. *Morgan C. H.* The Byzantine Pottery.— Corinth, 1942, v. 11.
26. *Паршина Е. А.* Средневековая керамика южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965—1969 гг.).— В кн.: Феодальная Таврика. Киев: Наук. думка, 1974.
27. *Станилов С.* Семантиката на лъка и стрелата в изображенията от ранносредновековна България (VII—X в.).— Археология, XXIII, кн. 1—2. София, 1981.
28. *Пятышева Н. В.* Изображение пентаграммы как датирующий признак некоторых памятников Херсонеса.— АДСВ, 1973, № 10.
29. *Голубева Л. А.* Амфора и красноглиняные кувшины Белозера.— КСИА, 1973, вып. 135.
30. *Холостенко М. В.* Успенский собор Печорского монастыря.— В кн.: Стародавнiй Київ. Київ: Наук. думка, 1975.

A. I. Romanchuk

GRAFITTI ON MEDIAEVAL POTTERY FROM CHERSONESUS

Summary

Grafitti found on mediaeval amphorae from Chersonesus were subjects of several publications. Many of them have analogies among finds from Eastern Europe and can be used for studying trading contacts. The harbour district alone has yielded 219 inscriptions on ceramic containers and vessels dating from the 12th to 14th centuries. They are divided into three groups: Greek letters and their combinations, geometrical figures and scenes from life. Letters could have been used for indicating the owner, or what the amphora contained and the quantity of the product. The fact that grafitti of the first group were most numerous testifies on the high degree of literacy in Chersonesus.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ТАЗОВО ПОД КУРСКОМ

Признаки существования в Курской обл. памятников раннего средневековья, близких в культурном отношении к колочинским на Гомельщине [1, с. 97—137], были обнаружены еще в послевоенные годы благодаря раскопкам в д. Авдеево [2, с. 106—112]. Там поздние роменские и другие материалы сочетались с баночными слабопрофилированными горшками, аналогичными находкам из памятников колочинской культуры [3, с. 68—84]. Наиболее полное представление о древностях этого типа в пределах Курской обл. дали могильники Лебяжье в Посеймье и Княжье на р. Судже. Погребения с сожжениями, сопровождаемые в ряде случаев выразительным инвентарем, были датированы их исследователем Ю. А. Липкиным VI—VII вв. н. э. [4, с. 136—152]. Некоторое понятие об относящихся к подобным памятникам поселениях удалось получить путем раскопок в Воробьевке 2 в Золотухинском р-не, в Колосовке и Лебяжьем в районе г. Курска и в Комаровке на р. Снагость [5, с. 76—83; 6; 7, с. 75—87]. Однако эти памятники многослойные, и раскопки на них велись в ограниченных масштабах. Только большие археологические работы в пределах будущей зоны затопления немного севернее г. Курска на поселении Каменево 2 (вскрыто около 2500 м²) позволили составить полное представление о новых для районов Посеймья столь интересных памятниках [8, с. 95; 9, с. 81]. Хотя культурно-этническая их принадлежность до сих пор вызывает разноречивые мнения, без них последующее становление славян в центральночерноземных областях РСФСР не может быть правильно понято. С одной стороны, высказывались мнения о принадлежности колочинских памятников восточнославянским племенам [10, с. 253, 267—270; 11, с. 17—28], с другой — делаются попытки обосновать их отнесение к восточным балтам [12, с. 48—53; 13, с. 151—153]. Возник вопрос, единое ли археологическое явление представляют колочинские и тушемлинские древности или они должны быть противопоставлены в культурно-этническом плане [14, с. 88—91; 15, с. 31—35]. Сомнения вызвали датировки колочинских памятников, в частности возможность ограничивать время их существования VI—VII вв. н. э. Следует признать особенно значимыми поиски истоков их зарождения в памятниках киевского типа [16, с. 65—92; 17, с. 91—107].

Материалы каждого нового раннесредневекового памятника, столь важного для решения поставленных вопросов, представляют большой интерес, поскольку интерпретация их в конечном итоге связана с проблемой этногенеза славян в среднерусских областях.

Поселение Тазово было открыто разведками О. Н. Мельниковской в 1969 г. [18, с. 64, 65]. Тогда же оно было обследовано мною, сделан топографический план архитектором О. П. Гавриловым, произведена зачистка одного из обрывов, вырытых на поселении современных ям (рис. 1). В прожженном песке древнего очага был обнаружен характерный лепной горшок, изготовленный из грубой глины с примесью шамота, буро-коричневатого цвета и с шероховатой поверхностью (рис. 2, 7).

В результате раскопок 1979 г. Курской новостроечной экспедицией на Тазовском поселении было вскрыто около 350 м². Небольшое селище размерами 100×30—35 м располагалось в условиях, типичных для многих раннесредневековых, в том числе славянских, памятников [19, с. 39]. Культурные остатки были сосредоточены на дюнном всхолмлении луго-

вой поймы р. Тускарь. Поселение находилось возле небольшого озерца, являющегося остатками старицы основного русла реки (рис. 1).

Тонкий культурный слой на поселении мощностью до 0,3—0,4 м сменялся желтым материковым песком. Ямы и карьеры связаны с добычей

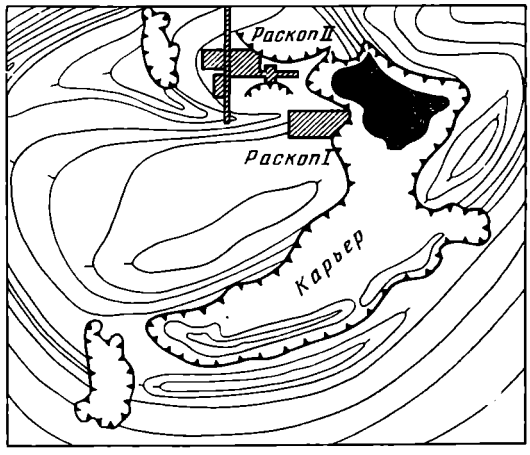


Рис. 1. План-схема топографической ситуации и работ, произведенных на поселении Тазово

песка, что послужило причиной недостаточно хорошей сохранности культурного слоя.

На площади селища были заложены две перпендикулярные друг к другу траншеи шириной 1 м и два раскопа (I и II). В результате были выявлены следы древних и современных ям и пять углубленных в землю построек. Только одна из них могла служить стационарным жилищем (рис. 3). Две для тех же целей, возможно, использовали в летние месяцы время от времени. Еще две постройки — хозяйственного назначения, как можно предполагать,— были хранилищами-погребами. Возле построек сосредоточивались ямы для столбов и для органических отбросов. Неправильно-округлые в плане, они конически сужались к плоскому или слегка закругленному дну. Ниже приводится краткое описание углубленных в землю построек и других объектов, представляющих наибольший интерес.

Постройка 1 находилась в юго-восточном углу раскопа I. Это круглая полуземлянка диаметром 2,30—2,35 и глубиной 0,45 м от современной поверхности. Она имела шатровую конструкцию с центральным столбом, от которого сохранилась ямка диаметром до 0,40 и глубиной 0,36 м. На песчаном ровном полу в восточной стороне прослежен след очага, отмеченный прожженным песком (пятно диаметром около 1 м).

Аналогичного устройства полуземлянки — круглые в плане, с центральным столбом — известны на соседнем, сравнительно недалеко расположенном раннесредневековом поселении Каменево 2, на поселении Снагость 2, западнее в Посеймье, на поселении Стецовка [20, с. 215, 216, рис. 3, *3*] и на южночерняховском памятнике Бургунка Херсонской обл. [21, с. 104—109, рис. 1, 7]. Появление такого рода построек скорее всего было вызвано общением с кочевыми народами и заимствованием от них юртообразных сооружений.

В заполнении постройки 1 найдено 36 фрагментов лепной и два — круговой керамики (один от рифленой стенки амфоры). Здесь отмечены находки конических глиняных грузил от ткацких станков (рис. 4, *28*, *29*). С местом расположения постройки 1 связана находка полностью восстановленного лепного грубоглиняного горшка (рис. 2, 7), найденного во время производства пробной зачистки 1969 г.

Постройка 2 была обнаружена в траншее 1. От этой полуземлянки сохранилось неглубоко врезанное в материк неправильно-овальное уг-

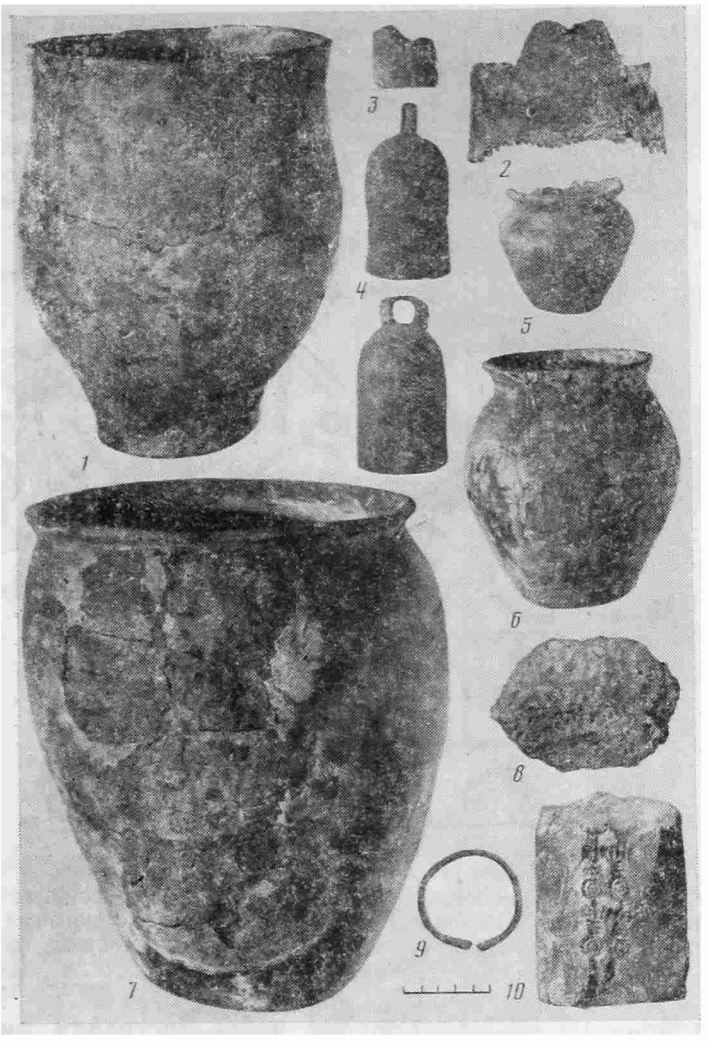


Рис. 2. Каменная литейная форма (*10*), костяной гребень с бронзовыми заклепками (*2*), глиняная лепная посуда (*1*, *5–8*) и бронзовые колоколец (ботало?) и височное кольцо (*4*, *9*) с поселения Тазово

лубление размерами 4,05×2,40 м при глубине 0,50 м от современной поверхности. Постройка была ориентирована по линии север — юг, в юго-восточной ее стороне имелся небольшой выступ. Скорее всего он отмечал место входа. На довольно ровном полу постройки в центральной ее части прослежена яма от столба диаметром около 0,35 и глубиной 0,15 м. Очевидно, как и у вышеописанной постройки 1, тут тоже было шатровое перекрытие. Отсутствие следов отопительного устройства заставляет предполагать хозяйственное назначение этого сооружения.

Все 55 фрагментов керамики из ее заполнения принадлежали вылепленным от руки сосудам, в основном донцам.

Среди прочих находок в пределах постройки 2 и в ее непосредственном окружении отметим железные гвозди и пробойник (рис. 4, *6*), бронзовое височное кольцо с чуть расширяющимися концами (рис. 4, *7*), обломки сланцевой литейной формы для изготовления украшений (рис. 4, *21*; рис. 2, *10*), точильный брусок и сохранившуюся часть песта с грубо обработанной поверхностью, глиняные пряслица (одно из них — небольшое, вполне возможно, использовалось в качестве бусины) (рис. 4, *15*, *16*, *20*).

Постройка 3 в южной стороне раскопа II имела неправильно-овальную форму и размеры 5,75×2,70 м при глубине 0,75 м от современной поверхности. Ориентировка — северо-восток — юго-запад. По краям продольной оси постройки было две ямы округлой формы, глубиной от уров-

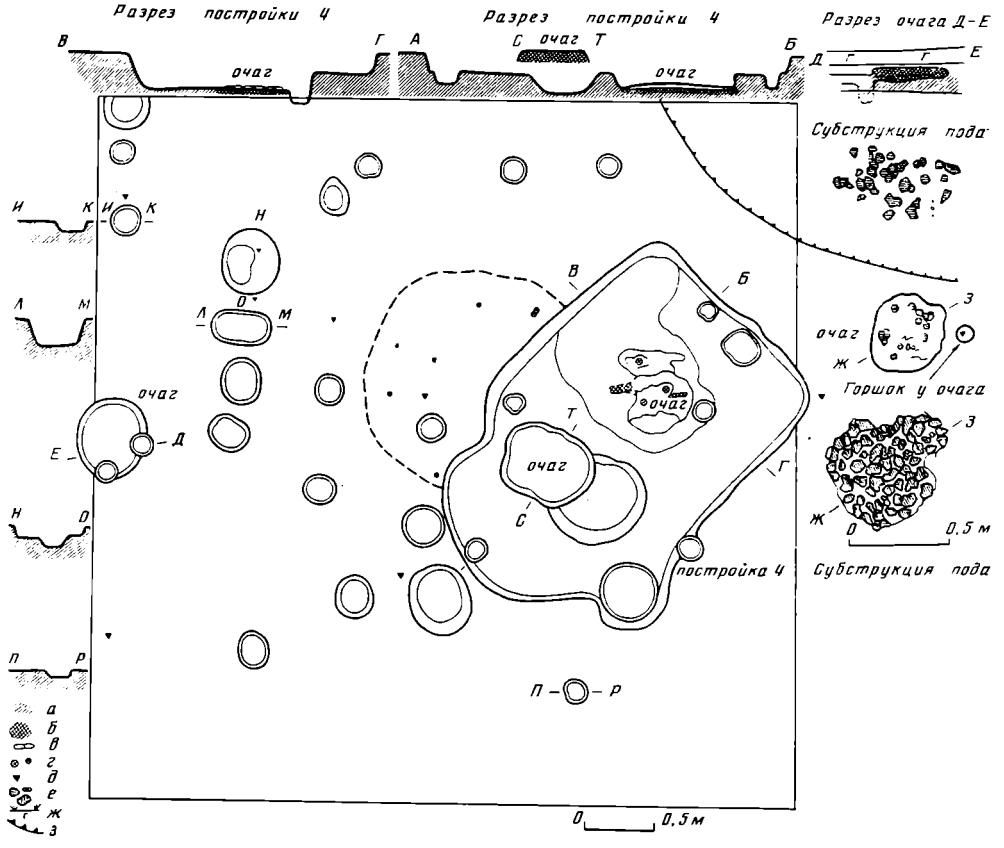


Рис. 3. Постройка 4 и окружающие ее ямы и очаги. *а* — песчанистый материк; *б* — прожженная супесь; *в* — глиняный под; *г* — куски обожженной глиняной обмазки; *д* — индивидуальные находки, *е* — черепки глиняной посуды; *ж* — почвенный покров

ня пола постройки 0,6—0,7 м. Средняя часть постройки имела ровное дно, прорезанное тремя ямами от столбов. Скорее всего это было хозяйственное сооружение, использовавшееся в качестве погреба-хранилища.

В заполнении постройки 3 найдено 30 фрагментов лепной керамики и 6 — сделанной на круге. Отметим горшок с краем в виде почти вертикально поставленного раструба с крутыми плечиками (рис. 5, *14*) и сосуд с косыми насечками по верху венчика (рис. 5, *6*).

При выборке заполнения постройки 3 зафиксированы находки угольков.

Постройка 4 в восточной стороне раскопа II — наиболее хорошо сохранившаяся большая полуземлянка. Жилище было ориентировано по линии юго-запад — северо-восток и имело прямоугольную форму с закруглением с юго-западной стороны (рис. 3). Размеры его 5,40×3,60 м, глубина около 0,55 м от современной поверхности. С северо-западной стороны к углубленной части постройки примыкала полукруглая площадка с мелкими включениями обожженной глиняной обмазки. По-видимому, именно тут находился вход в постройку. Именно здесь сконцентрированы ямы от столбов, которые, по-видимому, поддерживали навес над входом в постройку, образуя своего рода сени. В пределах углубленной части жилища прослежено еще шесть ямок от столбов, которые поддерживали легкий, сплетенный из прутьев каркас стен постройки. В юго-восточном углу обнаружена яма бо́льших размеров и глубины, чем ямы для столбов. Она скорее всего служила небольшим погребком диаметром 0,86, глубиной 0,55 м. Почти рядом с нею зафиксирована предочажная яма глубиной 0,30 м. Над ней возвышался очаг диаметром немного более 1 м, с плохой сохранностью расползшегося глинобитного пода. Другой очаг в постройке, отмеченный развалом обожженной глиняной обмазки, располагался по соседству в углублении пола и, по-видимому, был заброшен. В постройке обнаружен 21 фрагмент лепной керамики и 7 облом-

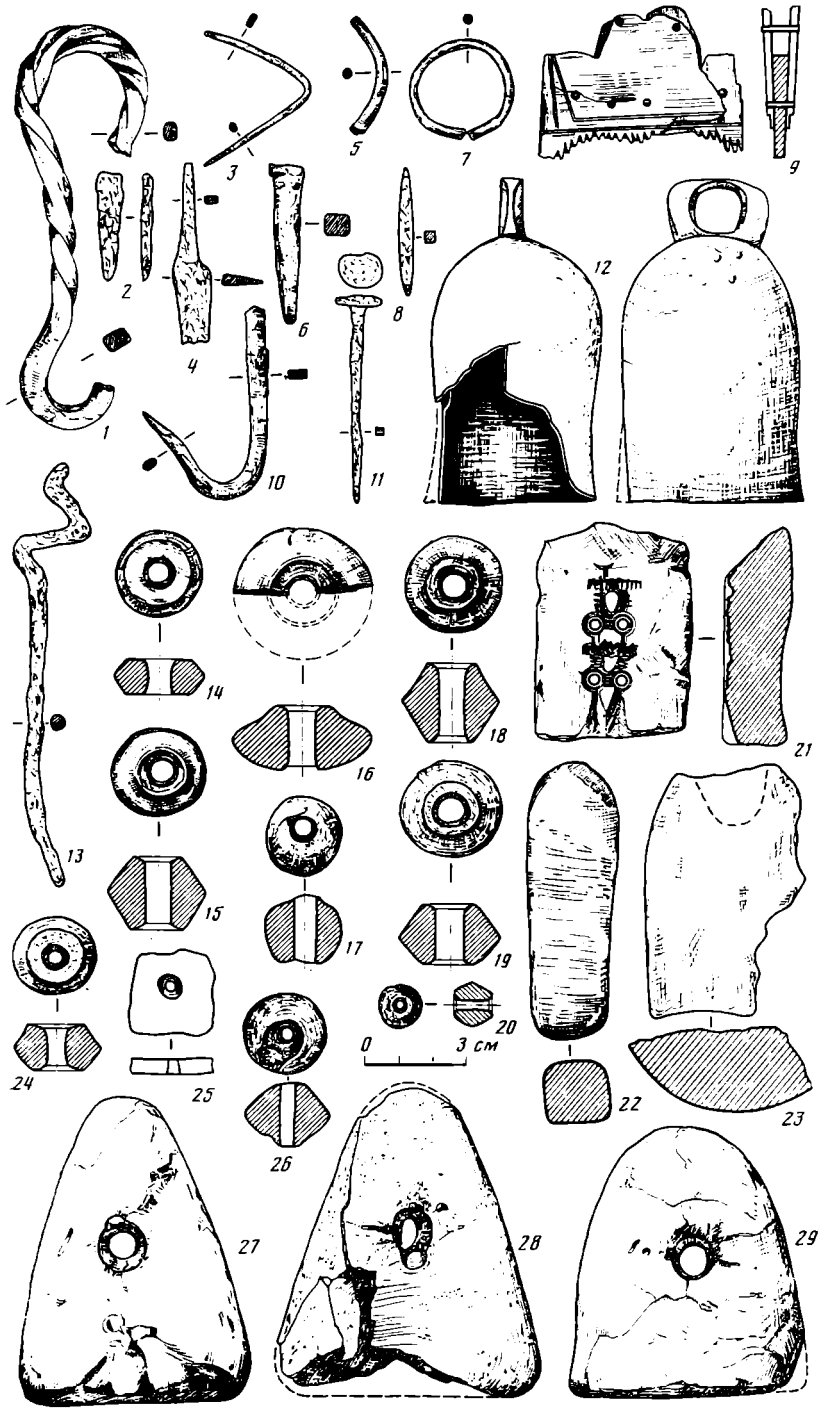


Рис. 4. Изделия из железа (*1*, *2*, *4*, *6*, *8*, *10*, *11*, *13*), бронзы (*3*, *5*, *7*, *12*), кости с бронзовыми заклепками (*9*), глины (*14–20*, *23–29*) и камня (*21*, *22*) с поселения Тазово

ков сделанных на круге глиняных сосудов. Из «сеней» происходит целиком сохранившийся лепной горшочек коричневато-бурого цвета с пятнами, из глины с шамотом и отдельными песчинками (рис. 2, *5*). Среди керамики, сделанной на гончарном круге, особого внимания заслуживает фрагмент края красноглиняной амфоры диаметром 10—12 см, с овальной в сечении ручкой.

Из заполнения жилища и ближайшего окружения происходят железные крючок, небольшой нож, пробойник, стерженек и длинный кованый гвоздь (рис. 4, *2*, *4*, *10*), бронзовое височное кольцо с чуть расширяющимися несомкнутыми концами, бронзовая игла с несохранившимся ушком и большой бронзовый колокольчик с ушком, имевший, судя по

окислам внутри. язычок из железа (рис. 4, *3, 5, 12*; рис. 2, *4, 9*). Небольшой костяной многочастный гребень с выступом на спинке был скреплен бронзовыми заклепками. Он явно изготовлен в мастерских, поставлявших аналогичные предметы племенам черняховской культуры (рис. 4, *9*; рис. 2, *2*). Эта находка у разрушенного очага в постройке 4 надежно определяет время использования жилища. Севернее постройки 4 обнаружено много обломков глиняных грузил от ткацкого станка (рис. 4, *27*), местами образовавших скопления. Кроме того, встречались куски глиняной обожженной обмазки, видимо, когда-то покрывавшей стены жилища. Небольшой шаровидный предмет из глины сохранил на поверхности отпечаток зерна.

Очевидно, с постройкой 4 были связаны два помещенных вне ее очага. Первый найден возле восточного угла постройки, второй — к западу от предполагаемых «сеней». Оба очага (диаметром, около 1 м) местами сохранили неповрежденный глинобитный под. Следы обмазки в обоих случаях отмечены на глубине 0,25—0,30 м. Таков, видимо, был уровень древней дневной поверхности. Оба очага имели субструкцию пода, состоящую из выкладок черепков посуды. В очаге 1 фрагменты посуды лежали в один слой, ниже шла прожженная супесь. Очаг 2 отличало два слоя вымостки из черепков ниже глиняного пода. Из них удалось подобрать фрагменты и целиком склеить лепной горшок с отогнутым краем и довольно сильно выпуклыми боками, коричневатого цвета, со штрихами на поверхности (рис. 2, *6*). К югу и востоку от очага 2 были отмечены следы двух столбовых ям диаметром около 0,30 м (рис. 3). Возле очага 1 в землю был вкопан баночный слабопрофилированный горшок колочинского типа с двумя в древности просверленными в дне круглыми отверстиями. Он был сделан из глины с примесью песка и шамота, и очевидно, использовался для отцеживания сыворотки. Делались попытки ремонта сосуда, судя по двум отверстиям по обе стороны трещины, нарушившей целость края сосуда (рис. 2, *1*).

Постройка 5 в западной части раскопа II была представлена углублением не совсем правильной овальной формы, ориентированным по линии северо-восток — юго-запад. Размеры его 3,60×2,20 м, глубина 0,70 м от уровня современной поверхности. Ровный пол у юго-западной стенки был прорезан тремя ямами для столбов. Отсутствие печи или очага говорит о хозяйственном назначении этого сооружения. В заполнении сохранилось четыре фрагмента от лепных сосудов и один — от сделанного на круге, а также встречались куски обожженной глиняной обмазки.

В такой же степени бедны находками все ямы, встреченные в пределах раскопов I и II. Но и они в ряде случаев дают сочетания лепной и круговой керамики.

Подсчеты групп керамики, производившиеся на всех площадях и участках вскрытой на поселении Тазово территории, в особенности там, где была установлена бóльшая насыщенность находками культурного слоя и, следовательно, меньшими были возможные ошибки при установлении процента той и другой посуды, показали решительный приоритет лепной керамики. Она составляла на раскопе I от 51—67 до 91—93% и на раскопе II от 71—76 до 88—92% всей посуды. Соответственно лепная посуда Тазовского поселения может быть охарактеризована довольно полно. Представление об основных типах помогает составить рис. 2, где показаны целые формы. Это, во-первых, слабопрофилированные горшки колочинского типа. Такой сосуд найден, как уже упоминалось, возле восточного угла постройки 4 (рис. 2, *1*; рис. 3). Во-вторых, это горшки с отогнутыми в разной степени венчиками, с более или менее крутыми плечиками, типа сосуда, найденного в раскопе II в пределах «сеней» постройки 4 (рис. 2, *5*; рис. 3). Разновидностью являются удлиненные горшки с оформлением верхней части, подобным сосуду из «сеней». Целый горшок такого типа, вполне славянский по профилю найден во время зачистки в 1969 г. в районе постройки 1 (раскоп I — рис. 2, *7*; рис. 1). Третий тип сосудов — горшки с отогнутыми венчиками и пологими плечиками, переходящими в довольно округлые выпуклые стенки сосуда,

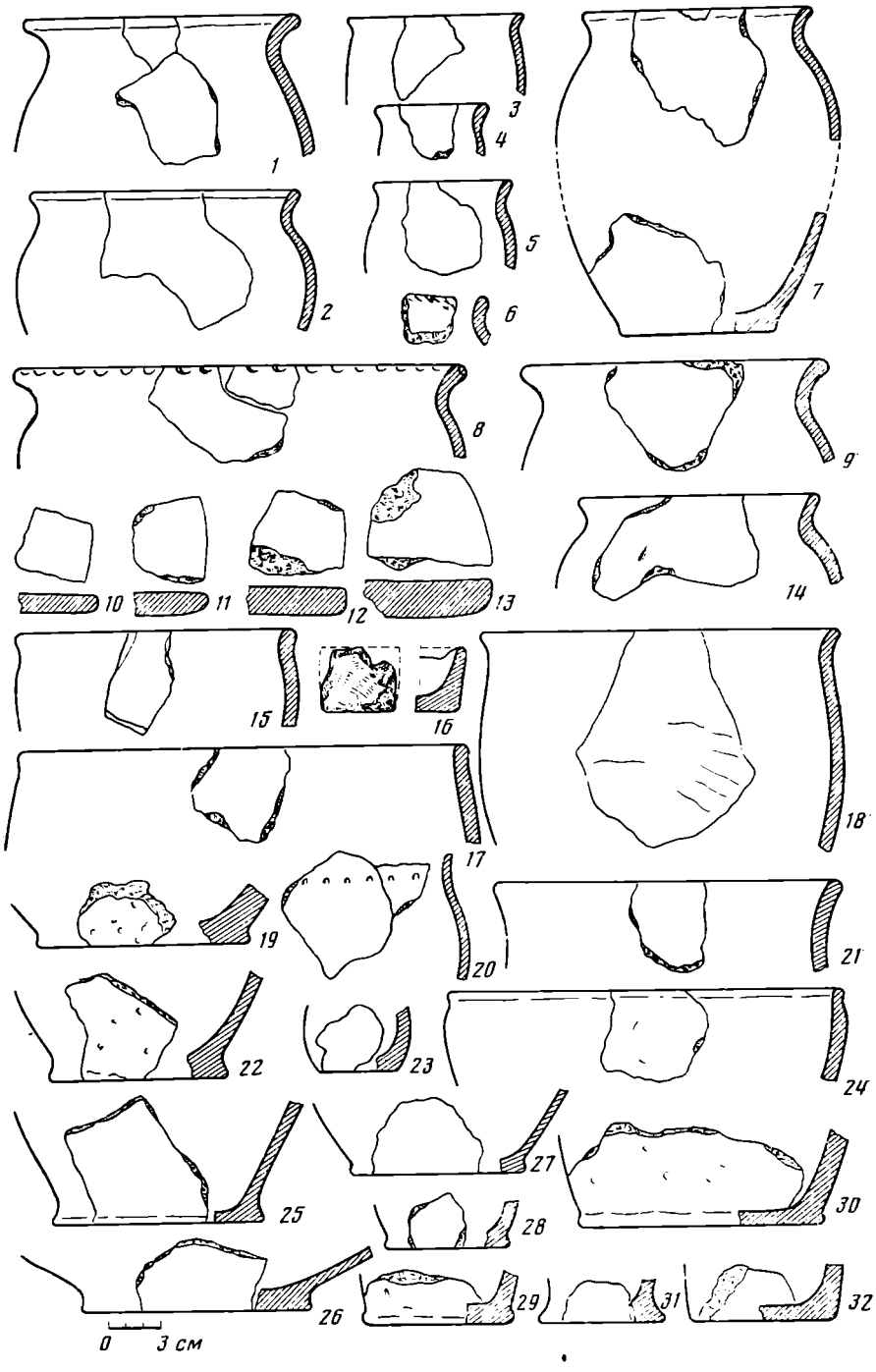


Рис. 5. Лепная посуда с поселения Тазово

имевшего максимальное расширение примерно на уровне середины высоты. Показателен горшок, собранный из черепков субструкции пода очага 2, имеющий мелко заштрихованную поверхность (рис. 2, *6*; рис. 3). Типичность подобной формы сосудов для местной раннесредневековой керамики подтверждает находка графически реконструируемого горшка, близкого по типу и найденного в культурном слое раскопа I на глубине второго штыка (рис. 5, *7*).

Наконец, надо упомянуть миниатюрный, почти цилиндрический сосуд (рис. 2, *3*), сделанный из глины с примесью песка. Он находит аналогии среди серий миниатюрных сосудов, особенно распространенных в памятниках пеньковского типа [22, с. 182, рис. 19].

Названную серию характерных для Тазова сосудов дополняют фрагментированные формы. Среди баночных горшков встречаются тюльпановидные и закрытого типа сосуды (рис. 5, *15*, *17*, *21*, *24*). К горшкам с ото-

гнутым венчиком относится сосуд с почти вертикально поставленным угловатым краем, резко переходящим в крутые плечики (рис. 5, *14*), и сосуды, украшенные по краю пальцевыми вдавлениями или насечками (рис. 5, *6,8*). Нижние части сосудов различной величины и толщины или имеют почти вертикально поднимающиеся вверх стенки и принадлежат к баночным формам, или же расширяются от грани или закраины дна, образуя округлобокое тулово (рис. 5, *19,22,25—32*).

Пополняют представление об использовавшейся в Тазове лепной посуде немногие находки глиняных дисков, или лепешечниц (иногда их использовали, судя по находкам в Лебяжьем, в качестве крышек для горшков) [4, с. 145, 149, рис. 4]. На описываемом поселении все они встречены в пределах траншеи 2 на глубине 1—2 штыков. И на других раннесредневековых памятниках, как уже отмечалось при публикациях, количество их было невелико [22, с. 188, 189, табл. 1].

Кроме вдавлений и насечек по краю, продолжавших, по-видимому, орнаментальные зарубинецко-черняховские традиции, встречен единственный тонкостенный черепок с наколами по плечикам, размещенными в один ряд (рис. 5, *20*). Однако близость селища к Переверзевскому городищу со слоями раннего железного века, в том числе с юхновскими и другими материалами, позволяет считать данную находку случайной.

Вся раннесредневековая лепная посуда Тазовского поселения, как правило, характеризуется общностью технологических приемов изготовления. Это ленточный способ лепки, обработка поверхности пальцами, от которых на ней часто сохраняются незаглаженные полосы. Иногда поверхность бывает и просто бурой бугристой или имеет следы заштрихованности, видимо, от заглаживания пучком травы. В нижней части сосудов часто наблюдается снятие слоев глины сверху вниз в вертикальном направлении, в результате чего у перехода в днище образуется закраина. Отмечены сосуды, сформованные на подсыпке (рис. 2, *8*). Имеют место случаи недостаточной прокаленности черепка, получающегося как бы слоистым в изломе и имеющего поверхность, покрытую пятнами от неравномерного обжига. Почти для всех сосудов обязательной была примесь в тесте довольно крупного шамота, иногда в сочетании с песком. Только отдельные, возможно, специального назначения сосуды изготовлены из глины с примесью одного песка, как, например, миниатюрный сосудик (рис. 2, *3*; рис. 5, *16*). Поверхность сосудов, как правило, шероховатая и только в отдельных случаях бывает прилощеной. О том, что техника лощения была известна, мы вправе судить по находкам некоторых пряслиц.

На фоне этой грубой посуды должны были резко выделяться черняховские сделанные на круге горшки, миски и пр. И хотя процент сделанных на круге сосудов колебался, судя по подсчетам, в среднем от 25 до 11, все ведущие формы черняховской кухонной и столовой керамики здесь присутствовали (рис. 6). Тут встречены и обломки горшков для варки пищи с горизонтальными щербинами в нижней части (рис. 6, *15,19,22*), и обломки тонкостенных черноглиняных или желтоватых лощеных мисок (рис. 6, *3,5,6*), а судя по обломку черной граненой ручки, были в употреблении также кувшины (рис. 6, *24*). Обработка поверхности сосудов лощением и нанесением линейных узоров, валиков, углубленнолощенных зигзагов и сетки или оформление бока сосуда дополнительной профилировкой путем нанесения овальных срезов (рис. 6, *1*) — все эти особенности типичны для черняховской круговой керамики [23, с. 270—361].

Обращаясь к характеристике металлических предметов с поселения Тазово, нужно отметить количественное преобладание изделий из железа. Некоторые образцы таких предметов показаны на рис. 4, *1,2,4,6,8, 10,11,13*. Обломок перевитых удил происходит из выброса, и принадлежность их раннесредневековому времени еще требует доказательств. Невыразительна находка кованых гвоздей разной величины, стерженьков и мелких орудий труда типа пробойников, шильев и ножичков, обнаруженных только в обломках (рис. 4, *4*). Изделия из бронзы немногочисленны.

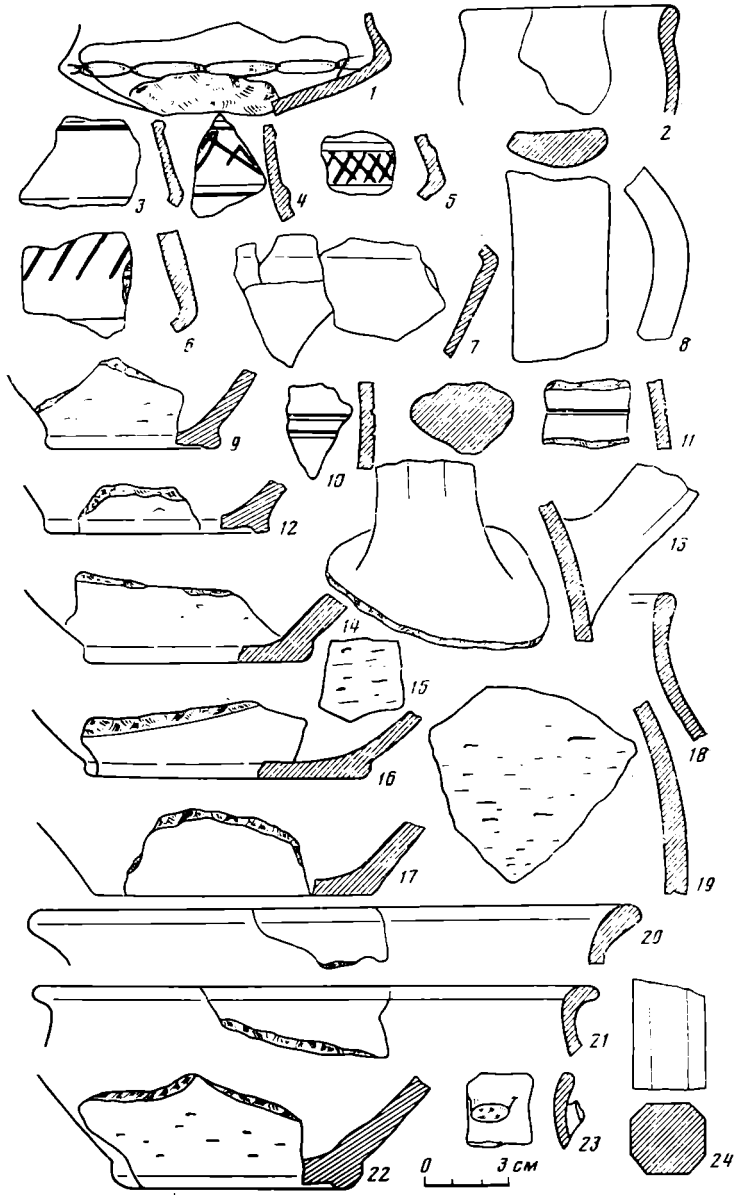


Рис. 6. Круговая черняховская керамика с поселения Тазово

Височные кольца с несомкнутыми, слегка расширяющимися концами (рис. 4, *5, 7*) имеют хорошие аналогии среди материалов могильника Лебяжье, датируемого исследователем VI—VII вв. н. э. [4, с. 140, 141, 151, рис. 2, *12*]. Уникальным является большой бронзовый колокольчик-ботало, полную аналогию которому мне привелось найти в фондах Софийского музея, среди позднеантичных материалов[1]. Наконец, костяной гребень с выступом на спинке, составленный из нескольких пластин, скрепленных бронзовыми заклепками (рис. 4, *9*; рис. 2, *2*),— находка, типичная для черняховских древностей, датируемая в основном IV в. н. э. [24, с. 54—215, рис. 64; 25, с. 147—159]. Сланцевая форма белого цвета и другие фрагменты такого рода изделий предназначались для отливки украшений (рис. 4, *21*; рис. 2, *1*). Каменные брусочки и их обломки (рис. 4, *22*), гранитные отбойники и песты для растирания свидетельствуют о еще широком использовании предметов из камня. Мы уже не говорим о находках кремешков от кресал. Среди глиняных пряслиц наблю-

[1] По сообщению М. Г. Мошковой, среди материалов сарматского могильника Лебедевка в подкурганном захоронении (кург. 39, погр. 2) обнаружен колокольчик-ботало, очень близкий находке из Тазово.

дается преобладание биконических, в том числе встречены уплощенно-биконические, снабженные довольно большим отверстием, типичные для позднейшего времени (рис. 4, *14*). Свидетельством развитого искусства ткачества служат многие обломки и целые экземпляры массивных глиняных конических грузил для вертикальных ткацких станков (рис. 4, *23*, *28*–*29*).

О хозяйственной деятельности и основах пищевого рациона населения можно судить по отпечаткам зерен злаков (проса и половы) на глиняных изделиях. К сожалению, о составе стада и роли охоты говорить трудно из-за плохой сохранности костных остатков во влажном песчанистом грунте. О вероятном проникновении в Посеймье черняховских племен и роли торговли можно заключить на основании распространенности круговой черняховской посуды и некоторых типов лепной керамики, а также находок других предметов. В частности, несомненны поступления цветного металла для местного литья из удаленных от Курской области районов.

Работы в Тазове позволили сделать некоторые итоговые наблюдения.

1. Поселение Тазово в основе своей однослойный памятник, хотя на нем встречены отдельные находки других эпох (черепки эпохи бронзы и раннего железа, а также современные предметы в верхнем пласте культурного слоя). Однако ни одной ямы или какого-либо другого сооружения, не относящегося к основному раннесредневековому слою поселения, при раскопках найдено не было.

2. Поселение Тазово имеет наибольшее сходство с расположенным неподалеку (на р. Тускарь) селищем Каменево 2. Общими являются: соотношения групп керамики с преобладанием лепной, но с обязательным присутствием посуды черняховского типа, сделанной на круге; наличие многих общих форм вылепленной от руки керамики, в частности баночных слабопрофилированных, тюльпановидных и закрытых сосудов, явно сходных с находками, сделанными на Колочинском городище; наконец, сходство в полуземляночном домостроительстве и использовании для отопления и варки прежде всего очагов.

3. От «чистого» керамического колочинского комплекса поселения типа Тазово отличает не только наличие круговой черняховской посуды, но и присутствие в значительном количестве горшков с определенно выделенными отгибом венчиками, имевшими крутые или пологие плечики. Формы эти обычны для черняховской, а не для колочинской культуры, как и для многих других славянских памятников, например открытых в Поднестровье [26, с. 102, рис. 23, *а*].

4. Для решения вопроса о культурной принадлежности такого рода памятников первоочередное значение имеет хронология. Нет сомнений, что поселение в Тазове существовало уже в IV в. н. э., как и упомянутое Каменево 2. Об этом свидетельствует костяной многочастный гребень типа широко распространенных в черняховской культуре. Это первая и уникальная находка для Курской области. К позднеантичному времени принадлежит также большой бронзовый колокольчик, некогда снабженный железным язычком (ботало?). Обычны для памятников III—IV вв. н. э. лесостепи и степи биконические пряслица с небольшим отверстием и конические глиняные грузила от ткацких станков. Однако о невозможности ограничивать существование поселения Тазово концом IV в. н. э. говорят характерные бронзовые височные кольца (фрагментированное и другое, сохранившееся целиком). С памятниками черняховской культуры они не имеют ничего общего, но находят прямые аналогии среди материалов раннесредневековых могильников Курской обл. (Лебяжье, Княжье), время существования которых по этим и другим находкам выходит за рамки IV в. н. э. Следовательно, нет оснований исключать существование Тазовского и Каменевского поселений в V—VI вв. н. э.

5. Очевидно, что Тазовское поселение по культурным особенностям должно быть причислено к памятникам, характеризующим становление колочинских древностей. В IV в. н. э. уже появляются характерные для них керамические особенности и типичные признаки полуземляночного домостроительства. В период формирования колочинской культуры насе-

ление Посеймья живет не изолированной жизнью, а впитывает детали культуры, характеризующие черняховские памятники. Здесь имеет место тот же процесс общения, взаимодействия и заимствования, каким отличаются в Подесенье на Черниговщине памятники киевской культуры или киевского типа. Но, как нам кажется, попытка безоговорочного причисления к ним поселений типа Тазово — Каменево встретит на пути своем препятствия из-за многих несоответствий.

6. Можно считать окончательно выявленным и установленным сосуществование на каком-то этапе курских памятников с памятниками черняховской культуры и определенный вклад последней (не везде одинаковый) в местные, по-видимому раннесредневековые, в основе колочинского типа, древности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сымонович Э. А.* Городище Колочин 1 на Гомельщине.— МИА, 1963, № 108.
2. *Алихова А. Е.* Авдеевское селище.— КСИИМК, 1951, вып. 38.
3. *Алихова А. Е.* Авдеевское селище и могильник.— МИА, 1963, № 108.
4. *Липкинг Ю. А.* Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.
5. *Сымонович Э. А.* Поселение Воробьевка 2 в Курской области.— КСИА, 1974, вып. 140.
6. *Симонович Э. О.* Північно-східне пограниччя черняхівської культури.— Археологія, 1983, № 44.
7. *Мельніковська О. М., Симонович Э. О.* Розкопки в с. Комарівці на Посейм"ї.— Археологія, 1975, № 15.
8. *Сымонович Э. А.* Курская новостроечная экспедиция.— АО — 1978. М., 1979.
9. *Сымонович Э. А.* Курская новостроечная экспедиция.— АО — 1979. М., 1980.
10. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966.
11. *Сымонович Э. А.* Раннесредневековая культура лесной полосы (типа Колочин — Акатово) и ее место в славянском этногенезе.— Slavia Antiqua, 1972, t. XXII.
12. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970.
13. *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии. Минск, 1978.
14. *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. Л.: Наука, 1982.
15. *Шмидт Е. А.* Археологические памятники Смоленской области. Смоленск, 1976.
16. *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу.— Археологія, 1976, № 19.
17. *Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Поселения киевского типа близ Чернигова.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев: Наук. думка, 1978.
18. *Мельниковская О. Н.* Работы на территории Курского водохранилища.— АО — 1969. М., 1970.
19. *Русанова И. П.* Поселение у с. Корчака на р. Тетереве.— МИА, 1963, № 108.
20. *Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э.— МИА, 1963, № 108.
21. *Сымонович Э. А.* Черняховское селище Бургунка на Нижнем Днепре.— КСИА, 1980, вып. 162.
22. *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине.— МИА, 1963, № 108.
23. *Сымонович Э. А.* Орнаментация черняховской керамики.— МИА, 1964, № 116.
24. ***Thomas S.*** **Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit.**— Arbeits- und Forschungsberichte der sächsischen Bodendenkmalfplege, 1960, B. 3.
25. *Никитина Г. Ф.* Гребни черняховской культуры.— СА, 1969, № 1.
26. *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ.: Наук. думка, 1972.

E. A. Symonovich

TAZOVO, AN EARLY MEDIAEVAL SETTLEMENT NEAR KURSK

Tazovo, a settlement to the north of Kursk, on the river Tuskar, was founded back in the 4th century A. D. (Fig. 1). A bone comb, typical for the Chernyakhovo antiquities (Fig. 2, *2*), the first object of this type found in the Kursk Region, relates the settlement to the 4th century. In all probability, it existed in the 6th century as well, the surmise being based on bronze hair rings and the ceramic complex. The settlement mainly functioned in the 5th century. The complicated pattern of cultural contacts is illustrated by five dwellings and household buildings (Fig. 3), hearths and pits, ceramic and other finds (Fig. 2). Alongside the Kolochino elements (Fig. 2, *8*), which dominate the sites of the 6th and 7th centuries, contacts with the Chernyakhovo and Kiev cultures are also evident. Tentlike dwelling No. 1 points to certain ties with the nomads, which is also true of the Kamenevo 2 and Snagost, the settlements found likewise in the Kursk Region. The picture of the Slavic ethnogeny in the Russian central and black-soil area cannot be complete without further study of similar sites.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК БИТ-ТЕПЕ В ЧАГАНИАНЕ

Эпоха раннего средневековья в Чагании исследована во всех отношениях весьма недостаточно. Так, здесь, за исключением одиночных погребений VII—VIII вв., открытых на Дальверзин-Тепе, не было прежде всего известно могильников этого времени [1, с. 63, 64]. Оставался неясным характер погребальных обрядов в раннесредневековом Чагании, в частности вопрос о том, сохранялись ли в нем традиции кушанского периода или сюда, как в Согде, Чаче и Хорезме, распространяется оссуарный обряд погребения. Открытие могильника Бит-Тепе позволяет уже сейчас ответить если не на все эти вопросы, то во всяком случае на часть из них.

Могильник расположен в местности Бит-Тепе, на участке Кызыл-Шарк колхоза им. В. И. Ленина Сарыассийского р-на Сурхандарьинской обл., на левом берегу Сурхандарьи, в предгорьях Бабатага. Местность в районе могильника представляет собой полуциркульную котловину, окаймленную с трех сторон адырами, сложенными из местных глин, конгломератов и песчаника, составляющую надпойменную террасу Сурхандарьи. Прямо по направлению к западу, в 4 км, находится известное городище Будрач, отождествляемое со средневековой одноименной столицей Чагании [2, с. 18, 19; 3, с. 114, 115]. Могильник состоит из однокамерных склепов, вырубленных в восточном склоне адыров, на высоте 15—20 м от поверхности котловины. Он был открыт в 1979 г. при прокладке канала по склону адыров, причем склепы, особенно входные их части, были разрушены, костяки потревожены. Сведения о находках были сообщены в Сурхандарьинский краеведческий музей. Выехавшие на место Ю. И. Исмаилов и В. А. Козловский произвели расчистку склепов 3—5, откуда извлекли разнообразный погребальный инвентарь, ныне хранящийся в музее. Позднее раскопки могильника проводились отрядом Узбекистанской искусствоведческой экспедиции [1].

Всего раскопано семь склепов, нумерация которых дана по порядку вскрытия. Описания раскопанных костяков в склепах 3—5 приводятся по сведениям В. А. Козловского [2], поскольку при нашей зачистке в них сохранились лишь отдельные разрозненные кости, часть предметов и монеты.

Склеп 1. В плане квадратный (2,4×2,4 м) со скругленными углами, ориентирован по оси северо-восток — юго-запад, входом — на юго-запад. Потолок сводчатый. На стенах следы инструмента (ширина 2 см). Пол неровный, с незначительным уклоном к задней стенке. В камеру вел дромос (длина 1,5, ширина 0,8, высота 1,1 м), заложенный сырцовым кирпичом — 50×25×8 см. В его стенах имеются нишки глубиной 0,2 м, с остатками дерева. Пол дромоса и камеры находятся на одном уровне. На высоту 40 см от уровня пола камера заложена песчаниковыми глыбами из частично рухнувшего свода, нарушившими анатомический порядок костяков. Свод камеры частично рухнул, видимо, вскоре после совершения первых захоронений. Судя по остаткам сильно разрушенных чере-

[1] В исследовании могильника Бит-Тепе помимо автора статьи принимали участие археологи С. Савчук, В. Карасев и С. Исхаков.

[2] Приношу глубокую благодарность В. А. Козловскому за сведения о его раскопках.

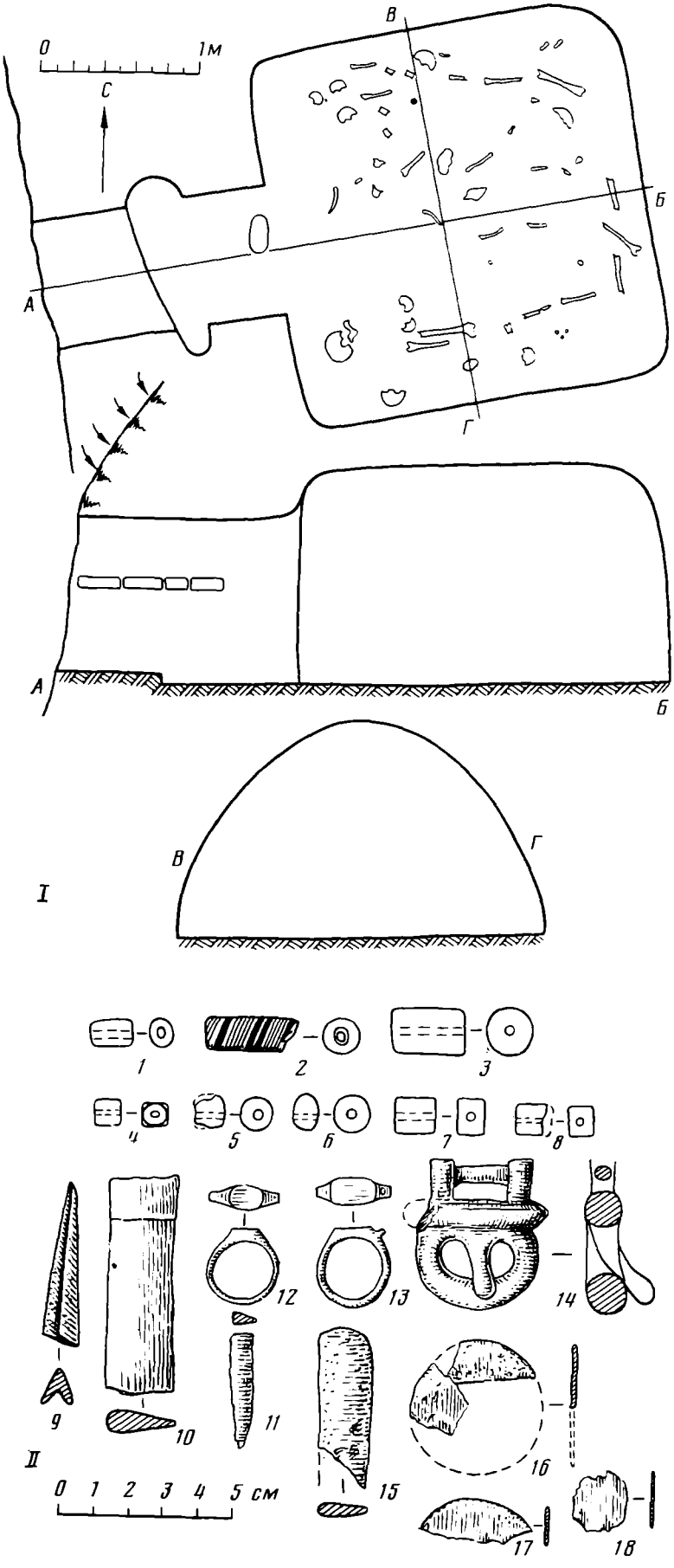


Рис. 1. Склеп 1. План, разрезы (*I*); инвентарь (*II*)

нов, в камере было не менее шести взрослых и трех детских погребений. Большинство фрагментов черепов и костей сконцентрированы в северо-западном углу и возле северо-восточной стенки камеры. У юго-восточной стенки головой ко входу лежал частично сохранившийся женский костяк. На груди у него находился детский скелет, сбоку — остатки еще двух детских скелетов (рис. 1, I). Погребальный инвентарь незначительный. У входа лежали фрагменты железного предмета. У северо-восточной стенки камеры найдены обломки от двух медных монет. Рядом с женским костяком обнаружены семь бус из сердолика, известняка, лазурита, горного хрусталя, пасты и стекла (рис. 1, II, *1—7*). Там же, на фалангах пальцев левой кисти, лежали два бронзовых перстня с плоским щитком (рис. 1, II, *12, 13*). У северо-восточной стены камеры находилась бронзовая массивная пряжка и трехгранный железный наконечник стрелы (рис. 1, II, *9, 14*), а также лезвие ножа, на котором сохранились остатки деревянных ножен. Кроме того, в различных местах камеры обнаружены мелкие фрагменты железных предметов и части бронзового зеркала (рис. 1, II, *11, 15, 16—18*).

Склеп 2. Расположен в 6 м к югу от предыдущего. Состоит из подквадратной в плане камеры (3,3×3,10 м) и дромоса (длина 1,2, высота 1,4 м), ориентированных по оси северо-восток — юго-запад. Вход в камеру сводчатый, ширина 1,2 м. В боковых стенах дромоса нишки (ширина 20, глубина 26 см), в них и посередине дромоса остатки дерева. У стенок дромоса прокладки из булыжника. Пол камеры на 8 см ниже пола дромоса, к задней стенке он понижен на 20 см. Высота камеры 1,7 м. Потолок обрушен (рис. 2).

В склепе обнаружено 10 мужских и женских костяков и три детских, лежащих на спине в вытянутом положении. От входа до задней торцовой стенки камеры в один ряд друг за другом располагались четыре костяка головами на север. У костяка, лежащего у входа, левая рука согнута в локтевом суставе, фаланги пальцев покоятся на тазе. Между бедренными костями обнаружены остатки детского скелета. Следующий за ним костяк почти полностью разрушен. У нижних конечностей лежал детский скелет. Около таза найдена железная пряжка. Во рту находилась медная монета очень плохой сохранности. У третьего костяка детский скелет лежал на груди. Рядом найдена сердоликовая бусина шаровидной формы. Четвертый костяк лежал вплотную к стене. Слева от плечевой кости его находилась распавшаяся железная пряжка. В юго-восточном углу камеры лежали два скелета головами на восток. Во рту первого костяка найдена сасанидская серебряная монета Хосрова II Парвиза (590—628 гг.). На тазе второго костяка найдена железная пряжка овальной формы с язычком (рис. 2, II, *9*). Три других костяка находились в юго-западном углу головами на юг. Сохранность костей плохая. Примерная длина костяков 1,5—1,6 м. Во рту у среднего костяка имелась монета из низкопробного серебра. Это анэпиграфное подражание монетам Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.) с надчеканом на л. с. головы правителя. Десятый костяк лежал головой ко входу поверх костей предыдущих скелетов. В районе таза обнаружена подвеска из известняка, а у черепа две бронзовые серьги с «жемчужиной» (рис. 2, II, *5, 6*). Рядом с ними найдена сердоликовая шаровидная бусина и три деревянных бубенчика, обложенных листовой бронзой (рис. 2, II, *4, 7, 8*). За черепом у входа найдена глиняная головка идольчика со слегка намеченными чертами лица (рис. 2, II, *13*).

Склеп 3. Расположен в 5,1 м к югу от предыдущего. Состоит из прямоугольной в плане камеры (4,9×2,3 м) и дромоса (длина 0,9, ширина 1,95, высота 1,2 м), ориентированных по оси северо-восток — юго-запад. В боковых стенках дромоса небольшие нишки (ширина 20, глубина 20—23 см), в них следы дерева. Дромос был заложен сырцовым кирпичом (50×25×10 см), вдоль стен уложены крупные булыжники. Вход в камеру арочный, высота 1,2 м. Уровень пола дромоса и камеры совпадают. Свод камеры полуциркульный, на нем и на стенах камеры заметны следы инструмента (ширина 2 см). Высота камеры 1,9 м (рис. (3, I).

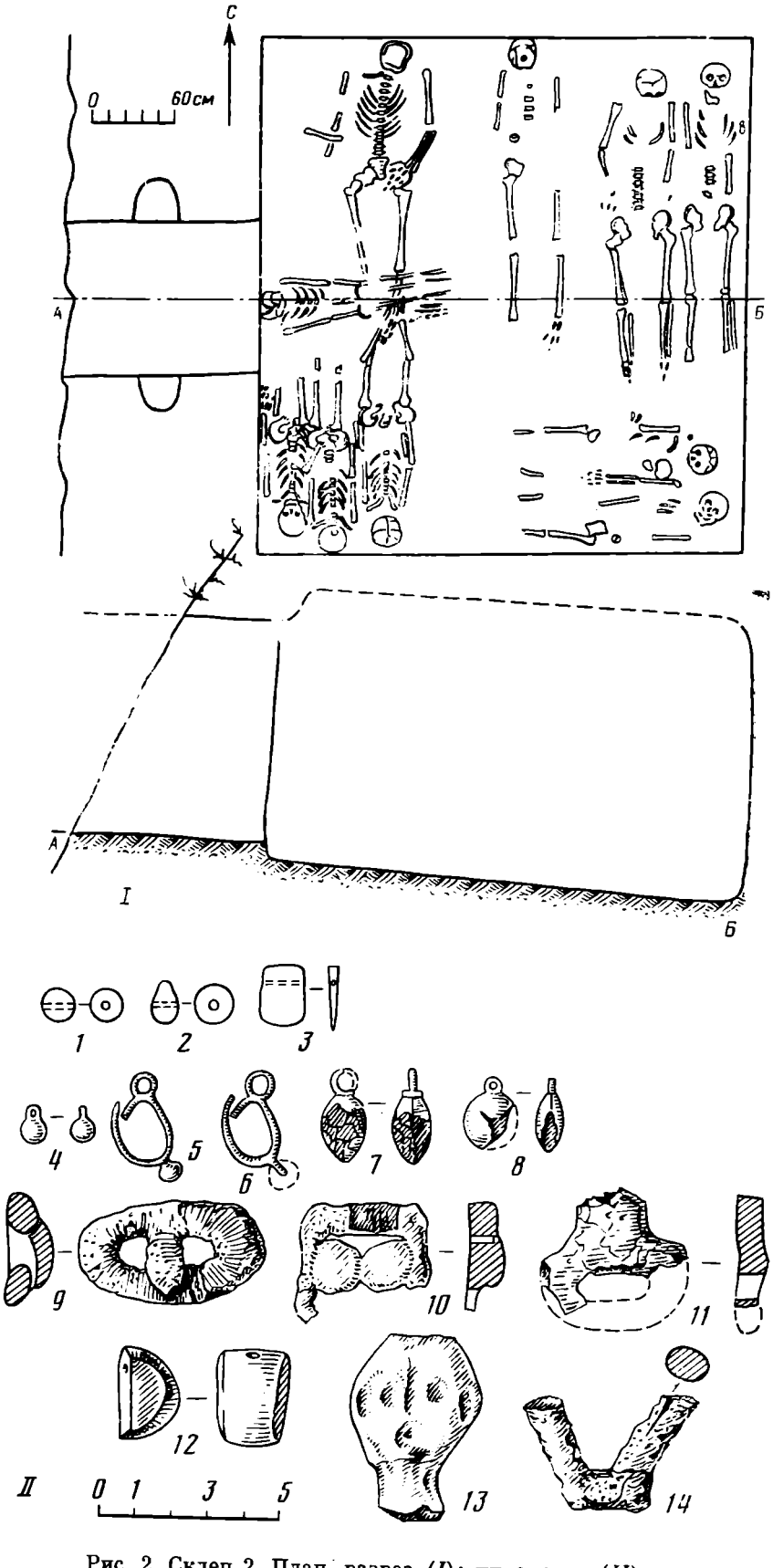


Рис. 2. Склеп 2. План, разрез (*I*); инвентарь (*II*)

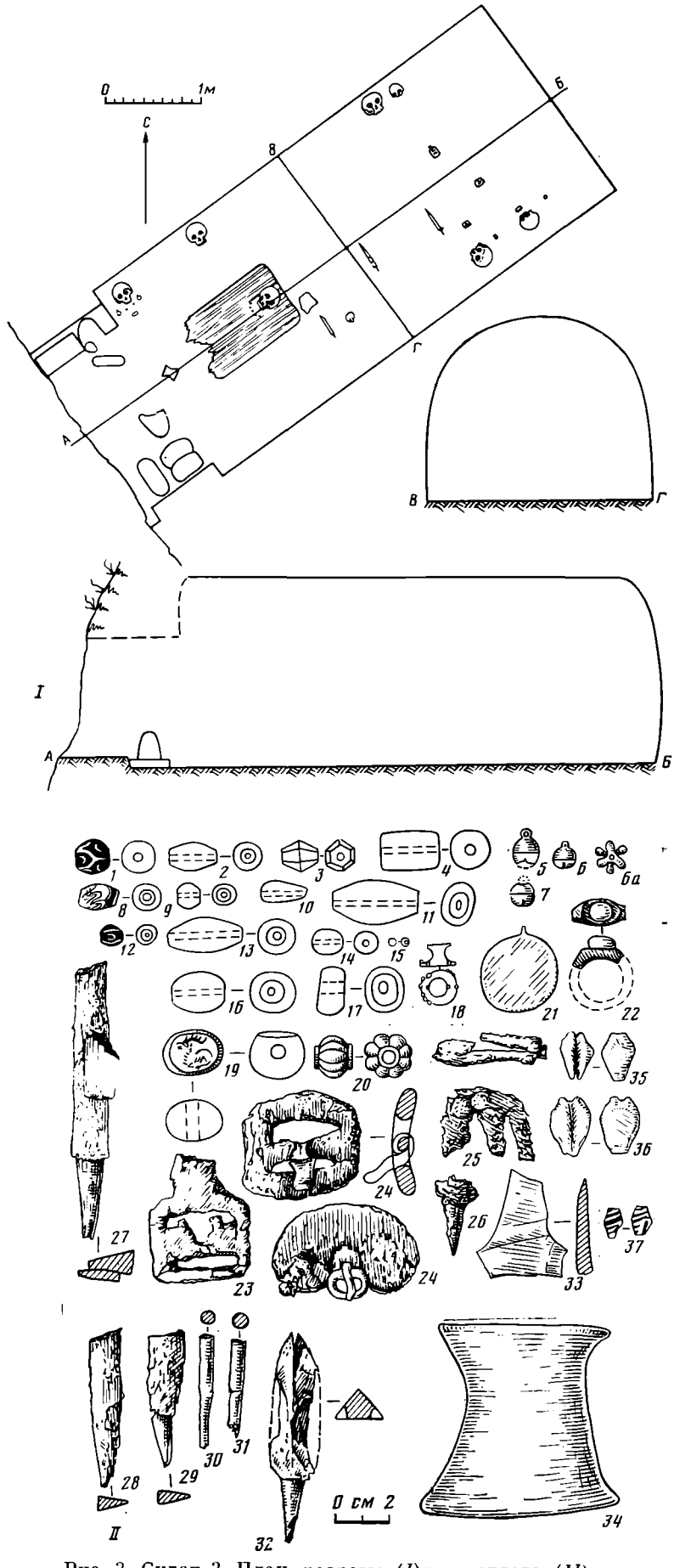


Рис. 3. Склеп 3. План, разрезы (*I*); инвентарь (*II*)

По данным В. А. Козловского, в камере находилось восемь костяков, шесть из них лежали «валетом» (три головой на юго-запад и три — на северо-восток). Два костяка были положены поперек. В камере обнаружены разнообразные бусины: биконическая сердоликовая, такой же формы из светло-серого камня с прожилками, бочонковидная из гишера, две сердоликовые шаровидные, аналогичной формы бусина из камня черного цвета (рис. 3, II, *2*, *11*). Здесь же найдена гемма из халцедона, на поверхности которой вырезано изображение лежащего оленя с поджатыми ногами и ветвистыми рогами (рис. 3, II, *19*). При дополнительной зачистке камеры, проведенной автором и В. Карасевым, было найдено еще множество предметов и остатки костяков. У входа в камеру лежал катушкообразный глиняный предмет длиной 7,5 см (рис. 3, II, *34*). В 50 см от входа зафиксированы остатки плетеной камышовой подстилки, на которой находился череп, две широкие бронзовые бусины, пастовая черного цвета и из зеленого стекла с глазками. Рядом лежали остатки ткани, железная пряжка овальной формы с язычком и часть железного ножа (рис. 3, II, *24*, *27*). В северо-западном углу камеры найден череп и три бронзовые подвески различной формы. Далее у северо-восточной стены обнаружен еще один череп, около которого лежала серебряная монета Хосрова II Парвиза (590—628 гг.) с припаянным ушком (рис. 3, II, *41*). В северо-восточном углу зафиксированы остатки детского и взрослого черепов, пять раковин каури, множество бус: цилиндрическая и две шаровидные, сердоликовые, две сердоликовые эллипсоидные, три биконические многогранные из горного хрусталя, пастовая бусина белого цвета, шаровидная, сердоликовая, инкрустированная полосками белой пасты, шаровидная из синего стекла, цилиндрическая пастовая коричневого цвета, эллипсоидная зеленоватая из стекла с цветными вставками (рис. 3, II, *1*, *2—10*, *12—18*, *35*, *36*).

В центре камеры найдена бронзовая пряжка, впаянная в округлую железную пластинку, четыре бронзовых бубенчика и верхняя часть бронзового перстня с бирюзовой вставкой, а также серебряная монета Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.) (рис. 3, II, *5—7*, *22*, *24*). В юго-восточном углу камеры обнаружены два черепа, железная фибула, две железные пряжки с прямоугольным щитком и часть ножа (рис. 3, II, *21*, *23*, *28*). В центре камеры находились фрагмент еще одного ножа, черешковый наконечник стрелы, железный гвоздь, древки стрел и монеты (подражания монетам Пероза). У юго-восточной стенки камеры отмечено множество фрагментов железа от разных предметов.)

Склеп 4. Расположен в 4,3 м от склепа 3. Состоит из прямоугольной в плане камеры (3,2×1,8 м) и дромоса (длина 1, ширина 0,68, высота 1 м), ориентированных по оси северо-восток, юго-запад со входом на юго-запад. В северо-западной стенке дромоса ниша (ширина 20, глубина 24, высота 25 см), в ней остатки дерева. Вдоль стен дромоса проложены крупные булыжники, в нижней его части остатки кладки из прямоугольного сырцового кирпича (48×24×9 см). Уровень пола дромоса выше пола камеры на 30 см. Свод камеры полуциркульный, высота 1,32 м (рис. 4, I). По данным В. А. Козловского, в камере находилось 18 костяков, лежащих «валетом» по девять в каждом ряду головами на север и на юг. Здесь были найдены железная пряжка с язычком, костяная рукоять, украшенная орнаментом из кружков, железная прямоугольная пряжка, наконечник стрелы (рис. 4, II, *14*, *16*, *17*, *19*), шаровидная стеклянная глазчатая бусина, монета тюргешей. При доисследовании склепа, проведенного нами, в центре камеры обнаружены три серебряных анэпиграфных подражания монетам Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.) с надчеканами-портретами. Еще одна аналогичная монета найдена в северо-восточном углу камеры. Тут же лежали нижняя часть железного палаша (рис. 4, II, *22*), фрагменты бронзового зеркала, три бусины из горного хрусталя, стекла и пасты. В восточной части камеры на полу обнаружены костяная подвеска с отверстием, раковина, два фрагмента бронзового бубенчика, обломок бронзового перстня, две серьги, пять фрагментов железных изделий, четыре древка наконечников стрел и семь бусин (рис. 4, *6—11*).

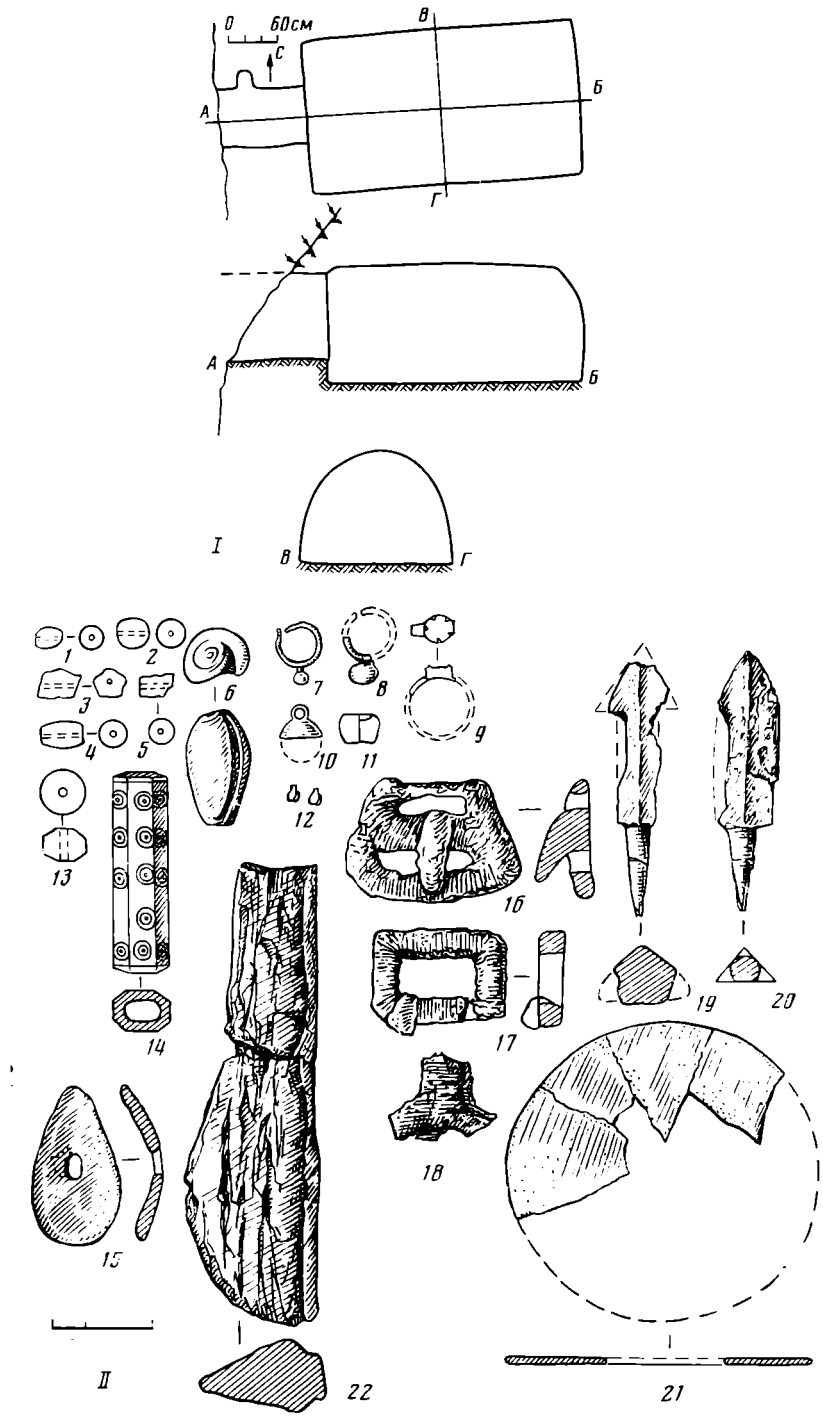


Рис. 4. Склеп 4. План, разрезы (*I*); инвентарь (*II*)

Склеп 5. Расположен в 4,4 м на юг от склепа 4. Камера прямоугольная в плане (2,7×2,24 м), несколько суживается к входу, где ее ширина равна 1,8 м. В северо-восточной стенке камеры устроена ниша-лежанка (ширина 0,70, длина 2,1, высота 1 м), уровень пола которой превышает уровень пола камеры на 22 см. Высота камеры 1,4 м, потолок ее плоский, стены несколько скруглены к потолку. Камера ориентирована по оси северо-восток — юго-запад, дромосом на юго-запад. Длина дромоса 1,2, ширина 0,71, высота 0,96 м. В обеих стенках дромоса имеются ниши (ширина 20 см). Между ними в специально выбитой канавке глубиной 8 см проложен деревянный брус. Пол дромоса на 6 см выше пола камеры. Он был заложен прямоугольным сырцовым кирпичом (50×25×10 см) и крупным булыжником, который лежал и в нишах (рис. 5, I). По данным В. А. Козловского, в камере имелось 15 костяков, лежащих на спине в

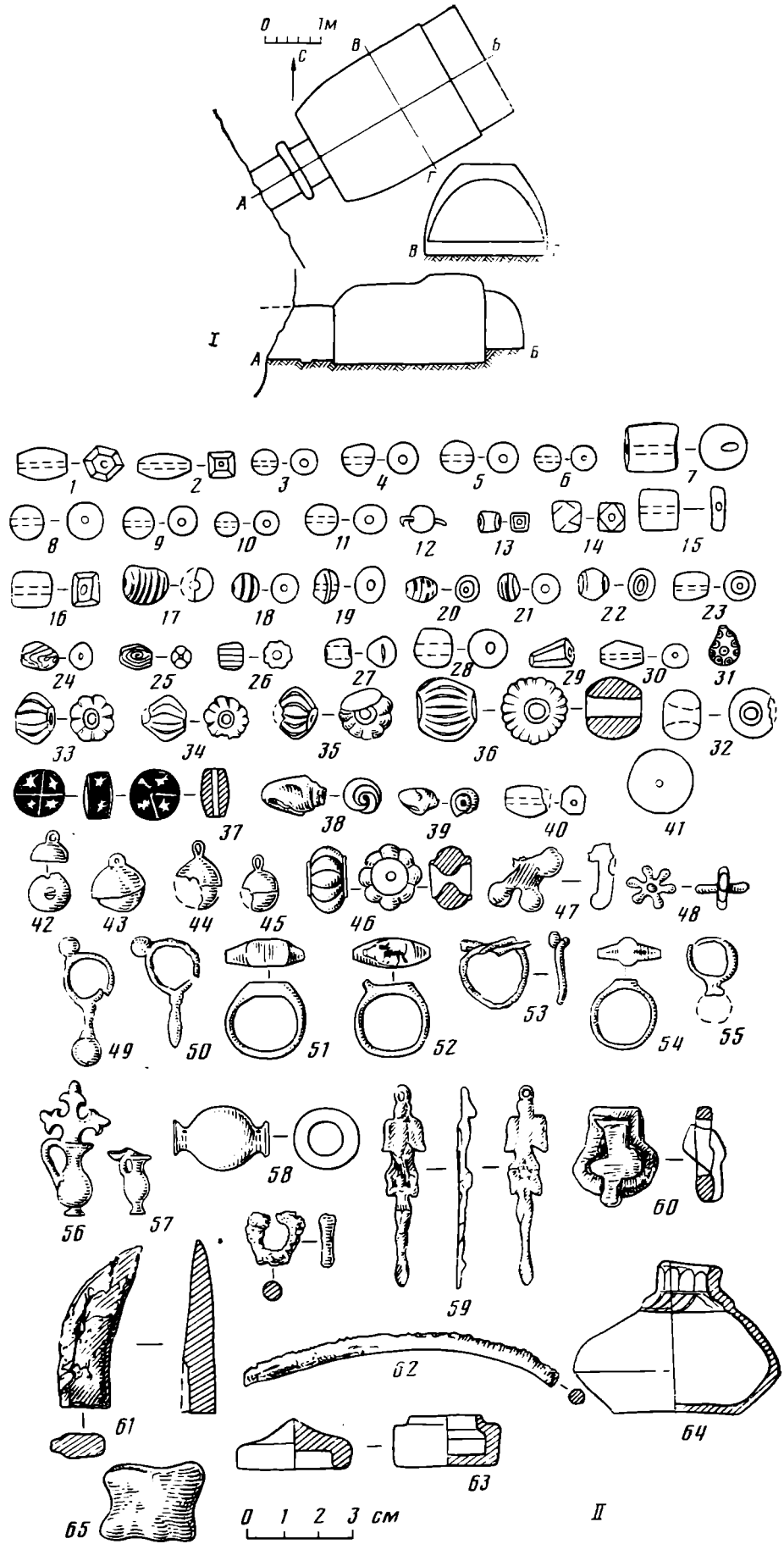


Рис. 5. Склеп 5. План, разрезы (*I*); инвентарь (*II*)

вытянутом положении; три из них были в нише, два головой на север, один на юг. Остальные костяки располагались в камере головами на север и юг. При расчистке камеры В. А. Козловским найдено множество предметов, местоположение которых, к сожалению, не фиксировалось. Среди них небольшой керамический сосуд (рис. 5, II, *64*), деревянная цилиндрическая коробочка с крышкой (рис. 5, II, *63*), фрагменты железного ножа и железного круглого в сечении «браслета», бронзовая с железным язычком пряжка, бронзовое колечко со сплетенными концами, бронзовый перстень с ромбовидным щитком, железное колечко, бронзовый перстень, на щитке которого вырезано изображение в профиль стоящей собаки с поднятым хвостом (рис. 5, II, *52*), круглая серьга со стержнем, на конце которого бусина, три бронзовых бубенчика. Весьма оригинальны бронзовые подвески в виде миниатюрных узкогорлых кувшинчиков с ручками, увенчанных трехконечными «крестами» с трехлепестковыми завершениями (рис. 5, II, *56*). Имеется неясного назначения бронзовый предмет шаровидной формы с выступами с двух сторон (рис. 5, II, *58*). Уникальна бронзовая копоушка в виде длинного стержня с ушком для подвешивания, представляющая собой изображенную в фас стоящую с переплетенными ногами фигуру божества (?), поддерживающего в поднятых руках крупную птицу с распахнутыми крыльями (рис. 5, II, *59*). Весьма многочисленны и разнообразны бусы: из бронзы, из голубой египетской пасты, стекловидной пасты, лазурита, сердолика, иногда орнаментированных вставками из белой пасты, горного хрусталя и стекла (рис. 5, II, *1—40*). Найдены также бронзовые подвески и две раковины каури (рис. 5, II, *47, 48*). При дообследовании камеры, проведенном нами, обнаружен еще ряд предметов. Среди них три астрагала, медная круглая серьга с выступом, фрагмент аналогичной, но более крупного диаметра серьги, кусочки железа, два виноградных зернышка, керамическая круглая пуговица (рис. 5, II, *41*) и 11 бусин из сердолика, мергелистого известняка, стекла и раковин. Найдены две монеты. Одна из них серебряная, анэпиграфное подражание монетам Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.) с надчеканами-портретами, вторая медная, с изображением спаренных голов правителя и правительницы на лицевой стороне и тамги на оборотной стороне, по обеим сторонам которой курсивная бактрийская надпись.

Склеп 6. Расположен в 4 м к югу от склепа 5. В отличие от предыдущих он полностью заполнен землей и глыбами песчаника из обвалившегося свода. Камера крестовидная в плане со значительно скошенной юго-западной гранью (длина северо-восточной стороны 3,4, юго-западной 3,84, ширина 2,6 м). В трех стенах камеры имеются ниши (ширина 2—2,1, глубина 0,56—70 м). Высота свода ниш 1,3—1,4 м, сохранившаяся высота камеры 1,8—1,9 м. Уровни пола ниш и камеры совпадают. Пол ровный, тщательно отделанный. Перед входом в камеру полукруглая ступенька шириной 26 см. Сохранившаяся длина несколько суживающегося ко входу дромоса 1,3, ширина 0,80—1,2, высота 1,6 м. В стенах дромоса имеются ниши (ширина 20, глубина 24, высота 20 см). Дромос заложен крупным булыжником и прямоугольным сырцовым кирпичом (48×24×9 см) (рис. 6). Склеп был ограблен в древности, еще до обвала потолка. Об этом свидетельствуют кости, залегающие в беспорядке по всей камере и нишам на разных уровнях (на высоте 30 см от пола). В камере обнаружены фрагменты железа, обломки медной пластины и медная согдийская монета с квадратным отверстием Укара Вартармука конца VII в. В северо-восточном углу камеры на высоте 40 см от уровня пола обнаружен очажок (46×30 см) с фрагментами обгорелого дерева и заготовленный хворост. Вероятно, это остатки костра, которым пользовались грабители для освещения склепа. Зафиксированы обломки нескольких черепов.

Склеп 7. Расположен в 4,1 м от склепа 6, состоит из камеры и дромоса, ориентированного на юго-запад. Длина дромоса 1,5, глубина 1,4, у входа в камеру — 0,9 м. В южной стене дромоса ниша (20×20 см). У входа полукруглая ступенька, выступающая внутрь камеры на 30 см. Камера квадратная в плане (2,8×2,8 м), потолок плоский, высота 1,8 м.

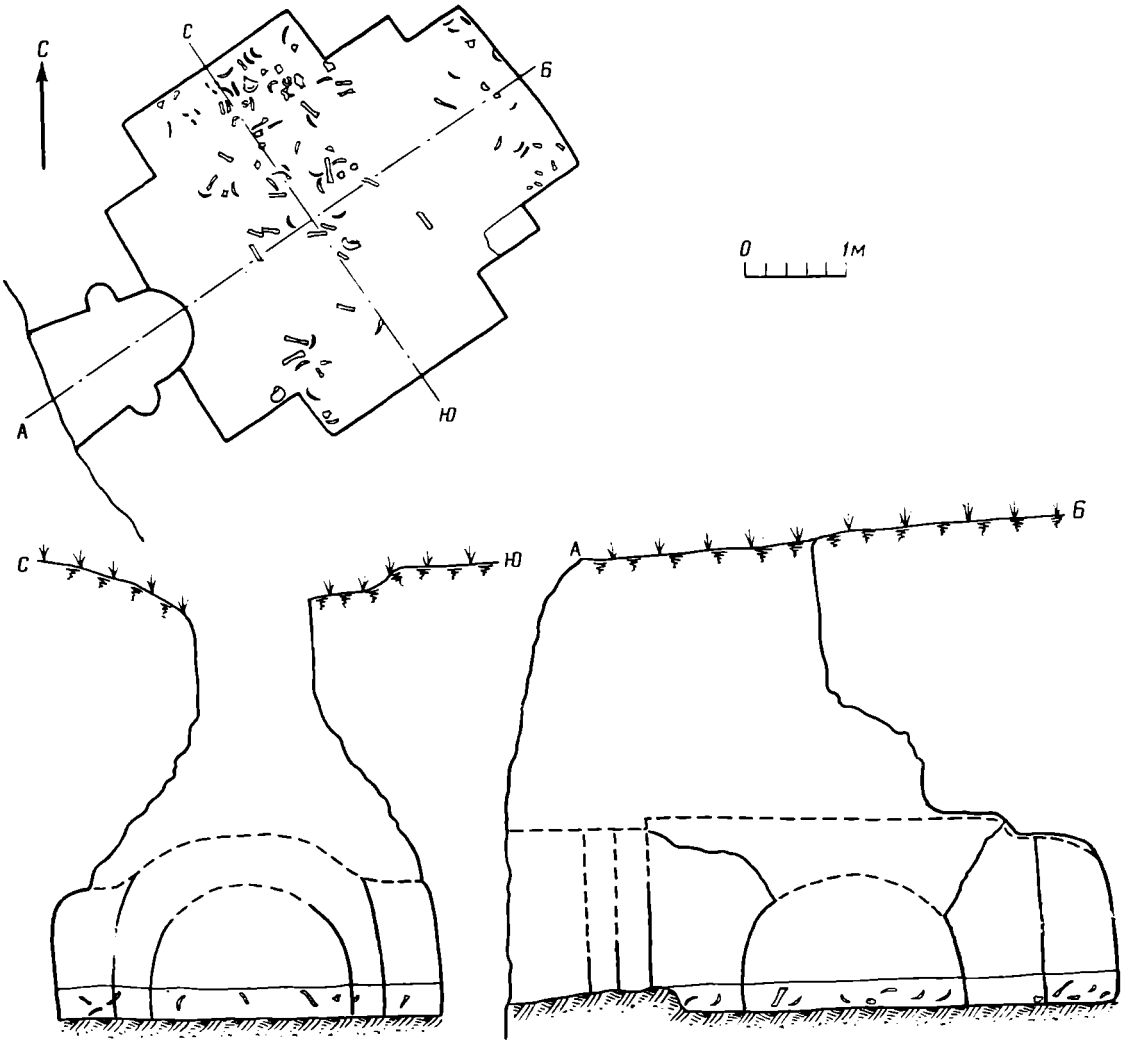


Рис. 6. Склеп 6. План, разрезы

Юго-восточный угол образует подобие суфы, он на 20 см выше уровня пола в остальных частях камеры. В камере находилось несколько костяков, положенных на спину в вытянутом положении. У северо-западной стенки камеры лежали два костяка головами в противоположные стороны; костяк, ориентированный на северо-восток, помещался между широко расставленными ногами другого костяка. В северном углу непосредственно на нижнем костяке лежал еще один скелет, притиснутый к стене (рис. 7, I). Здесь найдены 21 сердоликовая бусина шаровидной формы, несколько полностью развалившихся бус из куприта или лазурита, пять раковин каури и еще несколько разнообразных бусин: из голубой египетской пасты (шаровидная), лазуритовые (четырехгранная и плоская квадратная), три из горного хрусталя (многогранные), стеклянные с инкрустацией белой пастой (цилиндрическая и шаровидная), из стекловидной пасты (шаровидные), из зеленоватого стекла (пирамидальная) и шесть из органогенного известняка. Параллельно предыдущим костякам находились еще два костяка, лежащие «валетом». Один из них был уложен поверх второго, так что стопы его ног касались черепа, между рук первого и второго костяка найден небольшой железный нож с прямым клинком (рис. 7, II, *30*).

Далее за вторым рядом костяков лежал костяк, ориентированный головой ко входу, слева от его черепа найдена монета (серебряное подражание монетам Пероза). На «суфе» в юго-восточной части камеры обнаружено множество костей, лежащих в беспорядочном положении, и четыре черепа. Там же найдена серебряная монета плохой сохранно-

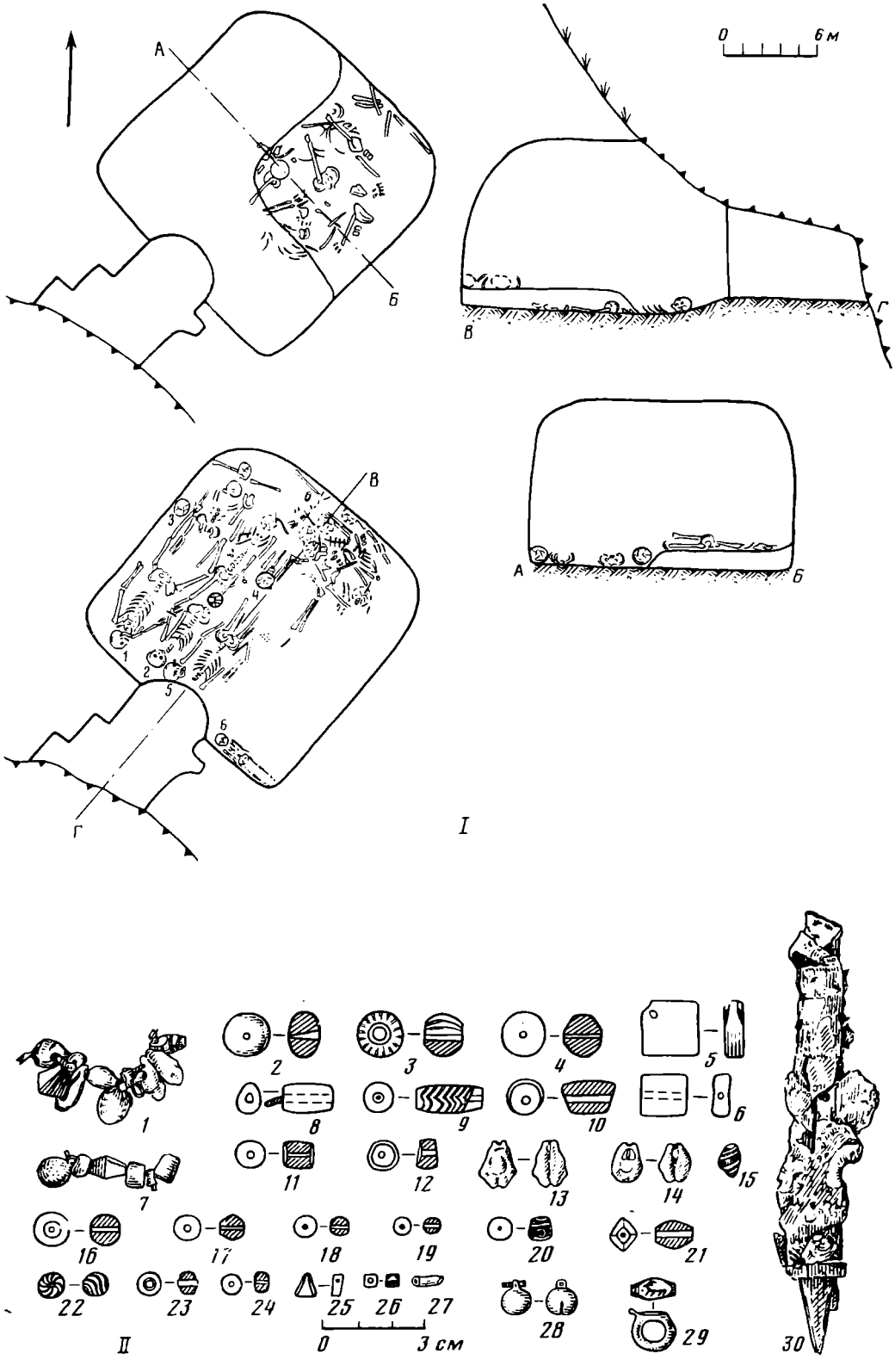


Рис. 7. Склеп 7. План, разрезы (*I*); инвентарь (*II*)

сти, возможно, подражание монетам Хосрова I Ануширвана. На краю «суфы» у одного из черепов лежала связка бус на белой хлопковой нити, распавшейся на две части (рис. 7, II, *1*). В одной из них порядок размещения украшений следующий: раковина каури, бронзовая пирамидальная подвеска, шаровидная бусина из стекловидной пасты, бронзовая подвеска с шестью выступами, по две раковины каури. В другой: раковина, брон-

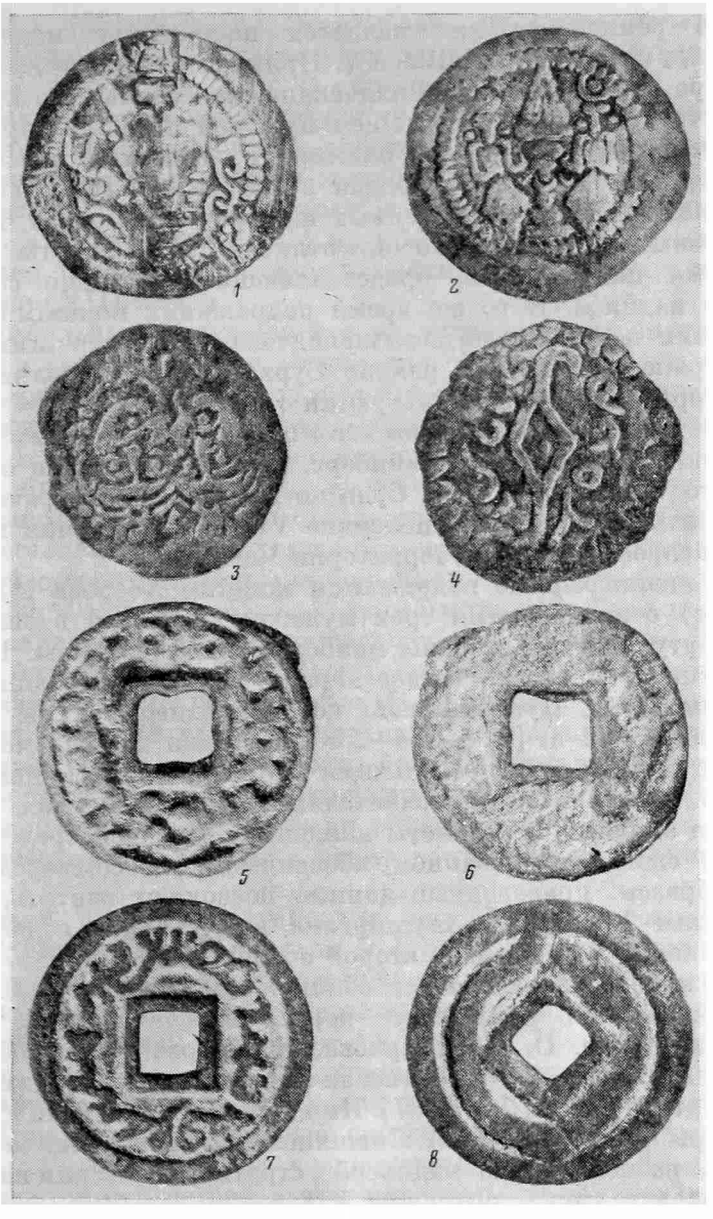


Рис. 8. Монеты из могильника Бит-Тепе. *1*, *2* – анэпиграфное подражание монетам Хосрова I Ануширвана (531–579 гг.); *3*, *4* – чаганианская монета с бактрийской курсивной надписью; *5*, *6* – монета Урка-Вартармука; *7*, *8* – монета тюргешей

зовый бубенчик, бусина из известняка, биконическая сердоликовая и глазчатая стеклянная бусины, бронзовый бубенчик, пастовая зеленоватая бусина. Здесь же найдены два бронзовых бубенчика с остатками хлопковой нити, квадратная деревянная бусина и сердоликовая цилиндрическая, бронзовое колечко с овальным щитком, на котором изображена собака (?). В южном углу камеры головой ко входу вдоль стены лежал детский костяк в вытянутом положении. Всего в камере имелось 12 погребенных, из них двое детей.

Датировка могильника не вызывает особых затруднений благодаря наличию разнообразных монет. Представлены пять групп: 1) местные анэпиграфные подражания сасанидским монетам Пероза и Хосрова I Ануширвана; 2) подлинные сасанидские драхмы Хосрова I Ануширвана (531–574 гг.) и Хосрова II Парвиза (590–628 гг.); 3) сасанидские монеты Укара (или Урка) Вартармука; 4) местная чаганианская монета со спаренными бюстами; 5) монета тюргешей (рис. 8).

Наиболее ранней из них является подражание монетам Пероза (459—484 гг.), найденное в камере 7. Примечательной особенностью этого экземпляра являются четыре надчекана, нанесенных по краю лицевой стороны. В трех надчеканах помещен мужской профиль вправо в разнообразных головных уборах, изображение в четвертом неясно. Находки подражаний монетам Пероза нередки в Чаганиане. В составе второго и третьего монетных кладов, найденных на городище Будрач, имеется около 100 подобных монет. Однако они отличаются от монеты из Бит-Тепе совсем иными надчеканами, представляющими краткие согдийские и бактрийские надписи. В то же время подражания монетам Пероза с аналогичными или почти аналогичными надчеканами-портретами были широко распространены в другом районе Сурхандарьи — в долине Шерабаддарьи, на территории княжества Гуфтан [4, с. 53—54].

Продолжительность обращения этих подражаний требует еще уточнения, хотя, по мнению Б. И. Вайнберг, они находились в обращении в течение всего VII в. [5, с. 143]. Судя по материалам Будрачских кладов, можно полагать, что в первой половине VII в. подражания монетам Пероза были распространены на территории Чаганиана.

Местные анэпиграфные подражания монетам Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.) с надчеканами трех мужских профилей в овальных картушах по борту лицевой стороны наиболее многочисленны. Впервые монеты этого типа найдены в составе первого клада на городище Будрач и опубликованы Г. А. Пугаченковой, которая отнесла их к концу VI — первой половине VII в. [6, с. 254—258]. Находки данных монет в Чаганиане сейчас исчисляются несколькими сотнями, и нет сомнений, что они выпускались чаганианскими правителями. При раскопках Кулял-Тепе близ Будрача аналогичные монеты найдены в слое, непосредственно предшествующем слою, датированному аббасидским фельсом серединой VIII в.

Таким образом, приведенные данные позволяют считать, что подражания монетам Хосрова I Ануширвана выпускались и обращались в Чаганиане с конца VI вплоть до второй половины VIII в. н. э.

Большой интерес представляет обнаруженная в склепе 6 согдийская монета с квадратным отверстием — первая вообще находка согдийской монеты в Чаганиане. О. И. Смирнова, опубликовавшая подобные монеты из Пенджикента, отнесла их к эмиссии неизвестного ихшида и датировала первой четвертью VIII в. [7, с. 87]. Имя ихшида — Урк (или Укар) — Вартармук впервые прочтено В. А. Лившицем. Датировка этих монет, судя по палеографии, расположению надписей и стратиграфическим наблюдениям, лежит в пределах второй половины VII в.— может быть, начала VIII в.

Уникальной является медная монета из склепа 5. На ее лицевой стороне помещено погрудное изображение правителя и правительницы в круге из крупных точек, на оборотной в центре проставлена ромбовидная тамга, вокруг которой курсивная бактрийская надпись. На монетах подобного типа, найденных прежде в Чаганиане, надписи отсутствовали. В. А. Лившиц считает, что надпись содержит личное имя τογαρ ζαδο. предполагая, что вторая часть имени дана в зеркальном изображении. Однако не исключено, что в легенде, начинающейся на уровне первого часа, переданы не одно, а два личных имени — женское и мужское — αηοῖι γοδ/αο . Датировку этих монет уточняет тамга. Подобного типа тамги зафиксированы на подражаниях монетам Хосрова I Ануширвана из второго и третьего монетных кладов с городища Будрач [4, с. 56]. Они надчеканены на наиболее поздних по времени подражаниях, поверх надчекана с бактрийской легендой. Судя по некоторым наблюдениям, данный тип подражаний монетам Хосрова I Ануширвана с надчеканенной бактрийской легендой может быть отнесен к первой половине VII в. Видимо, идентичным временем следует датировать и начало выпуска монет с ромбовидной тамгой, типа найденного в склепе 5.

В единственном экземпляре представлена в могильнике Бит-Тепе монета тюргешей VIII в. [7, с. 123].

Таким образом, наиболее ранними монетами из могильника Бит-Тепе являются подражания монетам Пероза (459—484 гг.) и монеты Хосрова

I Ануширвана (531—579 гг.), а наиболее поздней — монета тюргешей VIII в. Если принять во внимание эти данные, то датировку могильника следовало бы отнести к концу V — второй половине VIII в. н. э. Необходимо, однако, учесть, что подражания монетам Пероза имели длительный срок обращения, а также то, что наличие подавляющего большинства монет в могильнике относится к концу VI—VII в. н. э. Поэтому более вероятно считать, что основная масса захоронений в могильнике Бит-Тепе совершалась в VII — начале VIII в., причем тюргешская монета фиксирует наиболее поздний этап использования могильника — вторую половину или конец VIII в. н. э.

Тип погребальных сооружений и их устройство на значительной высоте является уникальным не только для Чаганиана, но и для всего Северного Тохаристана. До сих пор в Средней Азии аналогичные погребальные сооружения были раскопаны только на Курукатском могильнике в Уструшане. К сожалению, в многочисленных публикациях Курукатского могильника отсутствуют планы, и поэтому при сравнении устройства склепов можно опираться только на описания. Судя по ним, склепы в Курукате состояли из прямоугольной в основном камеры, к которой с задней торцовой стороны примыкала большая погребальная ниша [8, с. 334, 335; 9, с. 559; 10, с. 474, 475]. В могильнике Бит-Тепе подобная ниша отмечена в склепе 5, в других же склепах она отсутствует. По своей планировочной структуре склепы Бит-Тепе более разнообразны — квадратные, подквадратные и крестовидные. В могильнике Бит-Тепе в каждую камеру ведет длинный арочный проход — дромос, преграженный вначале деревянным щитом, а затем после прекращения захоронений в склепе, закладывавшийся сырцовым кирпичом и булыжником. Подобных дромосов в Курукатском могильнике, судя по описанию, не отмечено, хотя в ряде склепов существовала закладка входа в камеру из сырцового кирпича [9, с. 559].

При общем сходстве планировки погребальных сооружений и их местонахождения в Бит-Тепинском и Курукатском могильниках наблюдаются значительные различия в способе захоронения. В склепах Курукатского могильника отмечены массовые захоронения, видимо, предварительно очищенных костей; например, в склепе II зафиксировано около 150 черепов [8, с. 334—335], захоронения в хумах и оссуариях, изредка трупоположения на спине [9, с. 559, 560]. В то же время для могильника Бит-Тепе свойствен единый способ захоронения — трупоположение на спине — и гораздо меньшее число погребенных — до 12. Определенные отличия имеются и в погребальном инвентаре. В семи склепах Бит-Тепе найдено 17 монет, причем почти все они находились во рту, тогда как в 13 склепах Курукатского могильника при огромном количестве погребенных обнаружено шесть монет в склепе IX и 11 монет в склепе III [11, с. 579, 12, с. 93]. В этом же могильнике, хотя и не во всех склепах, найдено достаточное количество керамики [9, с. 559; 11, с. 579; 12, с. 93]. В могильнике Бит-Тепе только в склепе 5 найден единственный керамический сосуд. Рисунки предметов из Курукатского могильника, за исключением трех небольших таблиц, не опубликованы. Судя по имеющимся данным, некоторые типы украшений, в частности бронзовые подвески в виде миниатюрных кувшинчиков, присутствуют и в погребальном инвентаре могильника Бит-Тепе [8, с. 336, рис. 2]. Следует также отметить, что по обилию и разнообразию погребального инвентаря Курукатский могильник превосходит Бит-Тепе, что, возможно, связано с большим количеством погребенных.

Видимо, Курукатский могильник предназначался для захоронения лиц, исповедовавших различные религиозные воззрения. Наличие в могильнике Бит-Тепе единого погребального обряда позволяет считать, что он оставлен группой населения, придерживавшейся одного религиозного культа. Однако конкретное определение этого культа вряд ли пока возможно.

Письменные источники содержат незначительное число сведений о религиях раннесредневекового Чаганиана. Согласно Сюань-Цзяню, в начале

VII в. здесь имелось до пяти буддийских сангарама с небольшим числом монахов [13, с. 39]. В согдийской надписи из Афрасиабского дворца Чаганианский посол Пукар-зате, обращаясь к самаркандскому царю Вархуману, говорит, что они (т. е. чаганианцы) не будут внедрять в Самарканде чаганианскую веру. В. А. Лившиц полагает, что речь идет о буддизме, который, по его мнению, являлся господствующей религией в Чаганиане в конце VII — начале VIII в. [14, с. 55, 56], что пока не подтверждается археологическими данными.

Известное распространение получило в Чаганиане манихейство. В 719 г. правитель Чаганиана направил к китайскому императору манихейского иерарха в качестве посла и проповедника учения [15, с. 48, 49]. Факт весьма любопытный, позволяющий говорить о том, что манихейство считалось официально признанной религией в Чаганиане, коль скоро ее представитель выполнял ответственные поручения правителя этой области. Данные о других религиозных культах в раннесредневековом Чаганиане в письменных источниках отсутствуют.

Между тем, как показали археологические исследования последних лет, в кушанское время здесь повсеместно практиковался обряд захоронения предварительно очищенных костей в наземных погребальных сооружениях — наусах [16, с. 97—115]. Этот обряд по ряду существенных признаков близок к зороастрийской погребальной обрядности, хотя и не полностью ей идентичен. В то же время для периода раннего средневековья в Чаганиане подобных сооружений с аналогичным способом захоронения еще не зафиксировано. Не отмечен здесь и оссуарный обряд.

Судя по раннесредневековым погребениям, открытым в могильниках Бит-Тепе, Кара-Тепе и Дальверзин-Тепе, в Чаганиане в это время уже устанавливается единый способ захоронения — трупоположение на спине, хотя погребальные сооружения различны: скальные склепы Бит-Тепе, наземные склепы из сырцового кирпича, устроенные в крепостной стене Дальверзин-Тепе и своеобразные глиняные саркофаги в Кара-Тепе. Следовательно, можно заключить, что в раннесредневековом Чаганиане изменяется характер погребальных обрядов, что, возможно, связано с проникновением сюда какой-то новой для этой области религии.

Для буддизма и зороастризма в его среднеазиатской разновидности совсем не свойствен погребальный обряд, отмеченный в могильнике Бит-Тепе. Никаких элементов христианства мы также здесь не находим. Манихейские погребальные обряды, к сожалению, пока неизвестны [15]. Поэтому вопрос о культовой принадлежности могильника Бит-Тепе остается пока открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альбаум Л. И.* Городище Дальверзинтепа.— ИМКУз, 1966, вып. 7.
2. *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент: Фан, 1966.
3. *Ртвеладзе Э. В.* Обнаружение средневекового селения Навандак в области Саганиан.— ИМКУз, 1978, вып. XIV.
4. *Ртвеладзе Э. В.* По поводу династических связей Хорезма и Чаганиана в раннее средневековье.— Вестн. Каракалпакского филиала АН УзССР, вып. 1. Нукус, 1980.
5. *Вайнберг Б. И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запустением Кара-Тепе).— В кн.: Буддийский культовый центр Кара-Тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1972.
6. *Пугаченкова Г. А.* Уникальная группа монет чаганианского чекана VI в.— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981.
7. *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пянджикент. М.: Изд. вост. лит., 1963.
8. *Негматов Н. Н.* Некоторые итоги и перспективы археологии Северного Таджикистана в связи с созданием СТАКЭ. Краткие результаты работ 1974 г.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане, вып. XIV (1974 г.). Душанбе, 1974.
9. *Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К., Абдурасулов М. А.* О работах Уструшанского отряда.— АО — 1976. М., 1977.
10. *Мирбабаев А. К.* О работе Курукатского отряда.— АО — 1979. М., 1980.
11. *Мирбабаев А. К.* Новые скальные склепы Куруката.— АО — 1978, М., 1979.
12. *Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К.* Раскопки Курукатских склепов (предварительное сообщение).— КСИА. 1978, вып. 15.
13. *Si-Yu-Ki.* Buddhist Records of the Western Wold. Transl. from the Chinese of Hiuen-Tsiang (E. D. 629) by S. Beal. L., 1906.

14. *Альбаум А. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
15. *Беленицкий А. М.* Вопросы идеологии и культов Согда.— В кн.: Живопись Древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
16. *Ртвеладзе Э. В.* Дальверзинский наус.— В кн.: Дальверзин-Тепекушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.

E. V. Rtveladze

BIT-TEPE, A MEDIAEVAL BURIAL GROUND IN CHAGANIAN

Summary

The article deals with archaeological investigations of the Bit-Tepe burial ground found in the Surkhandarya Region, at the Babatag mountains where seven burial constructions were dug. They are square or rectangular crypts with vaults of different shapes cut in sandstone or hardened clay at a considerable height. Each of them contained several skeletons laid in extended position on their backs. The grave goods were abundant. The coins found in the burials relate the burial ground to the second half of the 7th and the first half of the 8th centuries. The scrypts' constructions, their shapes and the grave goods found in them relate the burial ground to the Kurukat burial ground in Ustrushan.

А. Э. БЕРДИМУРАДОВ

ВИНОДЕЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ УСТРУШАНЕ

На правом берегу р. Санзар, в кишлаке Абуз Галляаральского р-на Джизакской обл., в 200 м к югу от замка Кингир-тепа, была раскопана винодельная мастерская раннесредневекового времени. До раскопок памятник представлял собой овальный в плане холм размерами 12×17 м, высотой 2 м от дневной поверхности. Тепе вытянуто по линии север — юг (рис. 1). В 1979 г. под руководством автора на этом объекте вскрыты три помещения.

Помещение 1 имеет прямоугольную форму, размерами 10,1×2,8 м. Пахсовой стеной шириной в 50 см оно разделено на две части. В западной части помещения на глубине 60 см от поверхности расчищен пол, обмазанный ганчем поверх галечного настила. Здесь же заложен небольшой шурф, в котором выявлено три слоя галек округлых форм, плотно прилегающих друг к другу. Под галечной кладкой проходит хорошо утрамбованная лёссовая забутовка. Толщина галечной кладки в западной части шурфа 20 см, в восточной — 10 см. К восточной стороне пол имеет некоторый уклон. Вымостка из гальки и ганча образует площадку квадратной формы, размерами 2,8×2,8 м. Внутренняя поверхность стен, где находится ганчевая квадратная площадка, покрыта ганчем.

Восточная часть помещения была заполнена завалом из блоков пахсы. На полу местами прослеживаются зольный и гумусный слои. В завале встречаются также остатки деревянных балок, камней, костей животных и фрагменты керамики.

В северо-восточном углу помещения расчищен вход шириной 1,3 м. К юго-западу от входа открыта выкладка из трех плоских камней размерами 1,0×0,3, 1,2×0,8 и 0,8×0,6 м; толщина всех камней 10 см.

Под стеной, которая разделяет помещение на две части, проходит керамическая труба длиной 0,95 м, изготовленная на гончарном круге. Диаметры трубы 15 и 10 см, толщина стенки 3 см.

К обоим концам трубы прикреплены ганчевые головки, одна из которых подогнана под уклон площадки, другая подходит к краю округлой в плане ямы (рис. 2, разрез *А—А*). Диаметр ямы 1,2 м. В яме стоял хум. На глубине 50 см от края ямы расчищен его венчик. Хум изготовлен на гончарном круге, высота его 1,4 м, диаметр венчика 70 см. Начиная от венчика хума до края ямы стенки ямы облицованы двумя рядами гальки, тщательно скрепленными ганчевым раствором. Поверхность кладки в свою очередь также обмазана ганчем. Таким образом, венчик хума тщательно закреплен и соединен со стенкой ямы. Вокруг хума был утрамбованный лёсс. Края ямы ограждены от пола помещения тонкой глиняной стенкой высотой 20, толщиной 15 см, проходящей по окружности ямы. Общая глубина ямы 1,9 м. Яма отгорожена от восточной части помещения глинобитной стеной, толщина которой 9,3, высота 0,2 м. Толщина северной стены помещения 1,2 м, толщина остальных стен до 1 м. Наибольшая сохранившаяся высота стен около 0,5 м. Поверхность стены в западной части помещения покрыта саманной обмазкой.

Помещение 2 имеет прямоугольную форму, размерами 2,5×3,5 м. Толщина южной стены 1,2 м, западной и северной — 1 м, толщина восточной стены 0,5 м. Все стены покрыты саманной обмазкой. В северо-восточном углу помещения расчищен вход шириной 1 м. Стены сохра-

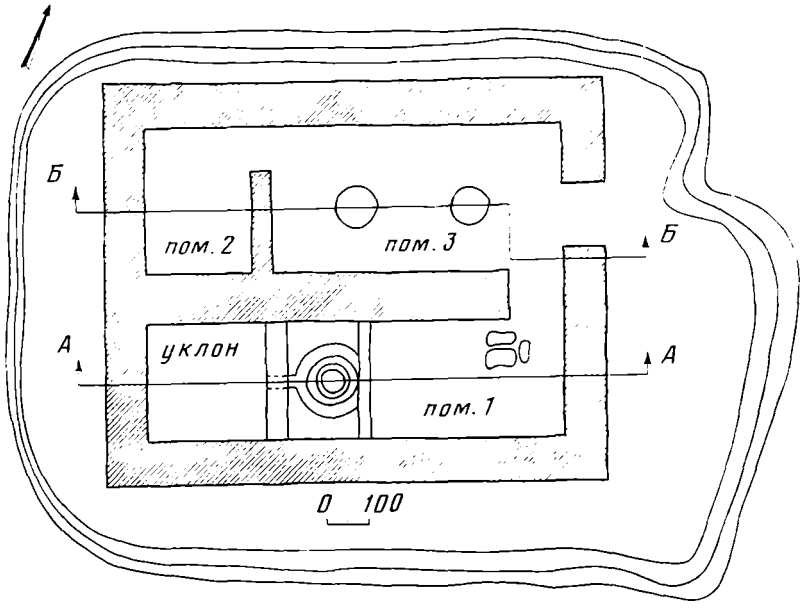


Рис. 1. План винодельни в кишлаке Абуз

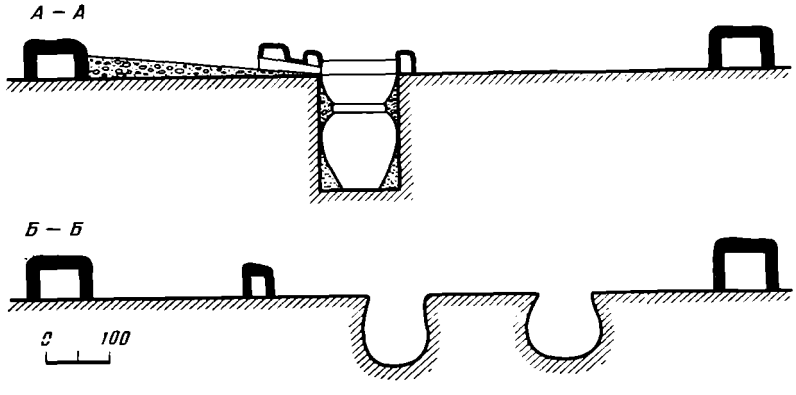


Рис. 2. Разрезы по линии *А–А* и *Б–Б*

нились на высоту 0,5 м. Помещение было заполнено мелкими фрагментами пахсовых блоков. На полу найдены кости животных и несколько фрагментов керамики.

Помещение 3 имеет в плане удлиненную прямоугольную форму, размерами 7,5×3,5 м. Толщина южной стены 1,2 м, толщина остальных — 1 м. Все стены покрыты саманной обмазкой. Стены сохранились на высоту до 0,5 м. В восточной стене помещения имеется вход шириной 1,5 м — единственный в здании. Помещение было заполнено завалом пахсовых блоков. На полу найдены фрагменты керамики и кости животных. Ближе к южной стене расчищены две круглые в плане ямы (рис. 2, разрез *А–А*). Первая — диаметром 1 м — находится на расстоянии 1 м от южной стены. Книзу она расширяется и имеет в разрезе грушевидную форму. Глубина ямы 1,2 м. Стены обожжены. Яма заполнена золой, фрагментами керамики, костями животных. Вторая яма имеет диаметр 90 см, глубину 1,1 м.

На полу помещения 3, в завалах и в ямах найдено несколько фрагментов стеклянной посуды, одна саманидская монета, чеканенная в 345 г. (956–957 гг. н. э.) в г. Самарканде [1], и одна полукруглая бляшка, язычок которой отломан. Подобные бляшки были найдены на

[1] Монета определена профессором МГУ Г. А. Федоровым-Давыдовым.

городище древнего Пенджикента и датированы VIII в. н. э. [1, с. 92, рис. 64, *34*].

Стеклянные сосуды представлены следующими фрагментами.

1. Фрагмент флакончика серо-зеленого цвета, имеющий вытянутое тулово, невысокое, слегка расширяющееся кверху, узкое трубкообразное горлышко диаметром 1,5 см. Поверхность флакончика местами черно-коричневая, стекло плотное, без пузырьков воздуха. На тулове с двух противоположных сторон имеются волнистые, утоньшающиеся к концам налепы. Флакончики с аналогичными налепами были найдены в Культепе в Южном Согде [2, с. 82, рис. 39] и Пенджикенте [3, с. 134, рис. 32]. Некоторые исследователи полагают, что волнистые налепы являются изображением змей и имеют магическое значение оберега [4, с. 67].

2. Горлышко флакончика в виде узкой трубки диаметром 1,5, высотой 3 см. Стекло темно-коричневого цвета. На внешней поверхности по кругу процарапана зигзагообразная линия.

3. Фрагмент донца сосуда зеленого цвета (центр донца толще, чем край,— 4—8 мм), местами покрыт коричневой краской; имеется орнамент, сделанный путем вдавливания.

4. Часть флакона с трубкообразным горлом, синего цвета, диаметр 2 см. Тулово флакончика цилиндрическое. В стенках сосуда имеются маленькие пузырьки воздуха.

5. Фрагмент стакана зеленого цвета с прямым и высоким бортиком. На стенке сосуда нанесен орнамент в виде овалов. В стенках имеются мелкие пузырьки воздуха. Точно такой же стакан найден на Афрасиабе [5, с. 64, табл. IX].

Пенджикентские и культепинские стеклянные сосуды, аналогичные найденным нами датируются VI—VIII вв. н. э.

При раскопках всех помещений обнаружены фрагменты керамики. Приводим описание наиболее характерных экземпляров.

Керамика из помещения 1. Венчик горшка, изготовленного на гончарном круге, со слегка отогнутым краем и расширяющимся книзу туловом, диаметр 14,5 см. Отмучка мелкая, тесто плотное, с примесью известняка. Черепок в изломе розового цвета, без ангоба, обжиг равномерный (рис. 3, *4*). Венчик лепного котла диаметром 20,5 см, невысокий, почти прямой. Тулово слегка расширяется книзу. Тесто рыхлое, с примесью песка и мелкого щебня, в изломе коричневого цвета (рис. 3, *8*). Баночный лепной сосуд, диаметр венчика 8 см. Венчик слегка отогнут наружу, край донца подрезан. Отмучка мелкая, тесто плотное, с примесью известняка, черепок в изломе розового цвета (рис. 3, *7*). Аналогичные сосуды найдены при раскопках уструшанского замка Уртакурган и датированы VII—VIII вв. н. э. [6, с. 72, рис. 38, *21*].

Керамика из помещения 2. Венчик узкогорлого лепного горшка диаметром 12,5 см со слегка отогнутым краем. Тулово сосуда расширяется книзу. Отмучка грубая, тесто неплотное, с примесью шамота и песка. Поверхность неровная, покрыта светлым ангобом. Снаружи сохранились следы сажи. Обжиг равномерный (рис. 3, *3*). Венчик хумча диаметром 19,5 см изготовлен на гончарном круге. Край утолщен и имеет подпрямоугольные очертания. Отмучка средняя, тесто с примесью слюды, видной не только в изломе, но и на поверхности. Обжиг неравномерный. Сосуд толстостенный, без ангоба (рис. 3, *5*).

Керамика из помещения 3. Венчик широкогорлого кувшина с ручкой. Край венчика слегка наклонен вовнутрь. Диаметр венчика 9 см. Ручка овальная в сечении. Сосуд изготовлен на гончарном круге. Отмучка мелкая, тесто плотное, без примеси. Черепок в изломе коричневого цвета. Поверхность покрыта светлым ангобом (рис. 3, *1*). Аналогичные кувшины найдены в замке Чильхуджра и датированы VI—VIII вв. н. э. [7, рис. 33, *14*]. Маленький лепной баночный сосуд с небольшим сливом (носик). Дно сосуда плотное. Диаметр венчика 7,4 см, диаметр донца 6,2, высота 5,5 см. Черепок в изломе розового цвета. Внешняя поверхность покрыта серым ангобом (рис. 3, *6*). Миска с волнистым бортиком. Диаметр венчика 14, высота 6 см. Корпус сосуда уплощенный и изготовлен

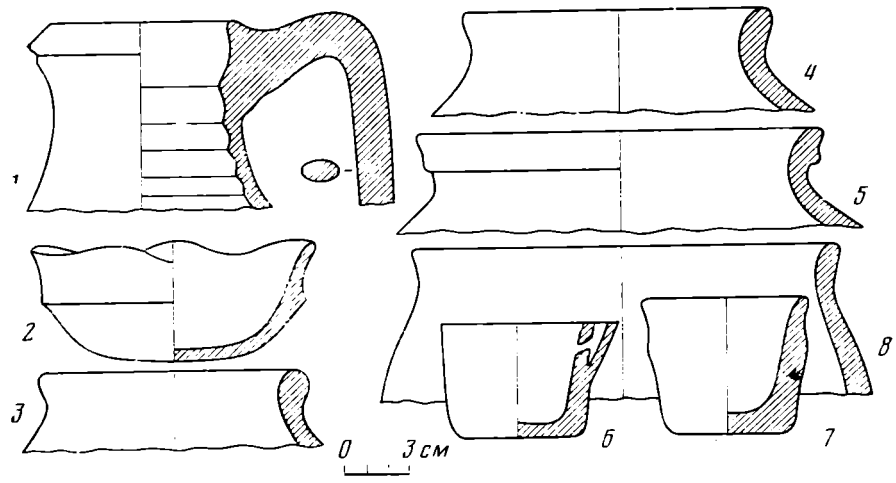


Рис. 3. Керамика из винодельни

в специальной форме. Дно плоское, бортик высокий, в плане образующий четырехлепестковую розетку. Между бортиком и корпусом проходит рубчик. На бортике хорошо видны следы изгибавших его пальцев. На дне с внешней стороны сохранились следы ткани (видимо, влажная ткань применялась для облегчения снятия сосуда с формы). Черепок в изломе розового цвета, отмучка мелкая, тесто плотное, с примесью мелкого песка (рис. 3, *2*). Аналогичные миски найдены в древнем Пенджикенте [8, с. 139]. Как отмечали некоторые исследователи, прототипом для этих сосудов послужили сасанидские серебряные ложчатые чаши [9, с. 96—103; 10, с. 188, табл. 7]. На пенджикентских настенных росписях изображены сидящие мужские фигуры, в руках одной из них золотая чаша, имеющая в плане форму четырехлепестковой розетки [8, с. 139, табл. VI]. Эти сосуды датируются VII—VIII вв. н. э. [11].

Вышеописанное сооружение, по всей видимости, являлось винодельной мастерской. Западная часть помещения 1 служила давильной площадкой. Виноград раскладывали на этой площадке и здесь же его давили ногами. Полученный сок через керамическую трубу стекал в ямурезервуар, где стоял хум.

Исходя из вышеописанного археологического материала, можно предположить, что в этом доме жила семья, которая занималась виноделием. По-видимому, семья жила в помещении 2. Если иметь в виду найденные там остатки балок, можно преполагать, что здание имело плоское перекрытие. Судя по объему резервуара винодельни, вино здесь производилось в большом количестве.

Винодельная мастерская на территории Уструшаны найдена впервые. Здесь, как свидетельствуют письменные источники и археологические данные, садов и виноградников было много. По словам средневекового географа Ибн Хаукаля, в соседних рустаках — Заамине и Джизаке — имелись сады и виноградники [12, с. 21]. Кроме этого, в рустаках Фаткат и Бунджикат выращивался виноград различных сортов [13, с. 90]. Как сообщает Хамдулла Казвани, в Хорасане и Средней Азии выращивалось более ста сортов винограда. Виноград из Бухары и Самарканда был известен далеко за пределами Средней Азии [14, с. 69]. Во время работы Фархадской экспедиции на территории северной Уструшаны вблизи раннесредневекового замка Мунчак-тепа найдены фрагменты оссуария, который был украшен масками и изображением виноградных гроздей [15, с. 102, рис. 50]. Это также позволяет судить о разведении винограда в этом районе в древности.

Публикуемый памятник находится на территории Уструшанского рустака Харкана. В письменных источниках упоминается название рустака и говорится также, что здесь был рабат. Больше ничего о Харкане в источниках не сообщается. На территории северо-западной Уструшаны виноградарство было очень развито.

Об употреблении вина в Согде есть известия в документах, найденных в раннесредневековом замке Муг, находящемся вблизи древнего Пенджикента. В некоторых документах сообщается о наличии больших запасов вина у некоторых знатных согдийцев [16, с. 30—33].

На территории древнего Пенджикента была открыта давильня винограда. Она находилась в пригороде Пенджикента, в доме 9, который датируется VII—VIII вв. н. э. [17, с. 187, рис. 26]. Пенджикентская винодельня по конструкции очень напоминает нашу, но отличается некоторыми особенностями. В резервуаре пенджикентской давильни хум отсутствует. Общая глубина резервуара пенджикентской давильни 1,35 м. Дно у нее наклонное, в нем сделано дополнительное углубление. В нашем резервуаре подобного углубления нет и общая глубина 1,90 м. Размеры давильной площадки пенджикентской давильни незначительны (1,35×1,25 м), а стенки ванны сложены из сырцового кирпича. Яма-резервуар и ванна-давильня площадки пенджикентской винодельни соединены между собой узким канальчиком.

Еще одна винодельня раннесредневекового времени была раскопана на территории Северной Бактрии, в небольшом поселении Патта-тепа. Здесь давильная площадка была выложена слоем мелкой гальки и покрыта алебастром. Паттатепинская винодавильня по размеру и конструкции существенно отличается от публикуемой. Она намного меньше размером, а по устройству более простая [18, с. 70—71].

На территории древнего Хорезма тоже открыто несколько таких виноделен. Давильня площадки хорезмских виноделен намного шире (5×4 м), и дно устлано обожженными плитками Площадки ограничены пахсовой стенкой толщиной 0,5 м. В качестве резервуара здесь тоже использован хум. Хорезмские винодельни датированы с I в. н. э. [19, с. 39, рис. 17].

Еще одна винодельная мастерская была открыта на территории древнего Ташкента. Найденная винодельня находится внутри замка Актепа Юнусабадское. Давильная площадка выложена из жженых плиток. Устройство давильни в крепости — единственный пример [20, с. 112, рис. 13].

Аналогичная нашей винодельная мастерская XI в. открыта на городище древнего Сарыга в Чуйской долине [21, с. 44, табл. VIII, *5*].

О технологии изготовления вина средневековые восточные ученые оставили много сведений. Например, Омар Хайам в трактате «Науруз-намэ» так описывает способ приготовления вина: «Так же в саду поставили чан и, выжав сок винограда, наполнили им чан... Когда сок в чане стал бродить, садовник пришел и сказал царю: „Этот сок кипит, как вода в котле без огня. Из него выходит (газ?)“. Царь сказал: „Когда он успокоится, сообщи мне“. Однажды садовник увидел, что сок стал прозрачным и ясным, блистал, как красный рубин, и успокоился...» [22, с. 218, 219].

О. Г. Большаков и Н. Негматов отмечают на основании этнографических данных, что техника виноделия не претерпела существенных изменений вплоть до недавнего прошлого [17, с. 187, 188].

Все раскопанные винодельные мастерские (в том числе и публикуемая) находятся вблизи больших городищ, поселений и замков и тесно связаны с этими памятниками и синхронны им. Учитывая этот факт, можно говорить, что наша мастерская тоже функционировала в то время, когда замок Кингир-тепа был обитаем, т. е. в VII—VIII вв. н. э. [11, с. 542]. В пользу такой датировки говорят обнаруженные в винодельне археологические материалы. Найденная здесь саманидская монета, видимо, попала туда в позднее время. При раскопках вообще не были встречены фрагменты поливной керамики, относящиеся к IX—X вв. н. э. Кроме того, винодельни не обнаружены ни на одном поселении в округе, более позднем, чем VII—VIII вв. н. э

Раскопанная нами винодельная мастерская наглядно показывает, что в Уструшанском рустаке Харкана было развито садоводство в раннем средневековье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. М.: Наука, 1980.
2. *Кабанов С. К.* Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв. н. э.). Ташкент: Фан, 1977.
3. *Белецкий А. М.* Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.).— МИА, 1958, № 66.
4. *Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
5. *Вяткин В. Л.* Афрасиаб — городище былого Самарканда. Самарканд — Ташкент, 1926.
6. *Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г.* Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе: Дониш, 1973.
7. *Пулатов У. П.* Чильхуджра. Душанбе: Дониш, 1975.
8. *Бентович И. Б.* Керамика Пенджикента.— МИА, 1953, № 37.
9. *Григорьев Г. В.* К вопросу о художественном ремесле древнего Согда.— КСИИМК, 1946, вып. XII.
10. *Маршак Б. И.* Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII веков.— Тр. ГЭ, 1961, т. V.
11. *Абдукаримохунова Р., Бердимурадов А., Дормина С., Кадыров Э.* Раскопки на Кингир-тепа.— АО — 1978. М., 1979.
12. *Бетгер Е. К.* Извлечение из книги «Пути и страны» Абул Касыма ибн Хаукаля.— Тр. САГУ, 1957, вып. CXI.
13. *Негматов Н.* Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957.
14. *Якубов Ю.* Паргар в VII—VIII вв. н. э. Душанбе: Дониш, 1979.
15. *Гайдукевич В. Ф.* Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг.— КСИИМК, 1946, вып. XIV.
16. *Боголюбов М. Н., Смирнова О. И.* Хозяйственные документы.— В кн.: Согдийские документы с горы Мут. Вып. 3. М.: Изд-во вост. лит., 1963.
17. *Большаков О. Г., Негматов Н.* Раскопки в пригороде Пенджикента.— МИА, 1958, № 66.
18. *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи-шах. М.: Наука, 1983.
19. *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.).— Тр. ХАЭЭ, 1976, т. IX.
20. *Филанович М. И.* Ташкент. Ташкент: Фан, 1983.
21. Чуйская долина. Составленные под руководством Бернштама А. Н.— МИА, 1950, № 14.
22. *Омар Хайам.* Трактаты. М.: Изд-во вост. лит., 1961.

A. E. Berdimuradov

VINERY IN NORTH-WESTERN USTRUSHAN

Summary

The author describes an early mediaeval site in the village of Abuz (Gallyaar al District, Jizak Region, Uzbek SSR). It is an oblong hill (12 by 17 m and 3 m high), in which three rooms were excavated. Room No. 1, divided into two parts, contained a wine press and a tank. The pressing platform, 2.8 by 2.8 m, was paved with pebbles. The tank was 1.2 m in diametre. Evidently, the house belonged to wine-makers. Remnants of the beams indicate that the house had a flat roof. It is the first find of this kind in Ustrushan. Judging by the tank, the vinery produced large quantitied of wine. It is dated between the seventh and eighth centuries A. D.

О. А. ТРУСОВ, И. М. ЧЕРНЯВСКИЙ, А. К. КРАВЦЕВИЧ

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИРСКОГО ЗАМКА И ГОРОДСКОГО ПОСЕЛКА МИР ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 110 км на юго-запад от Минска находится древнее белорусское местечко Мир. В письменных источниках оно впервые упомянуто под 1395 г. в связи с набегом крестоносцев [1, с. 40]. Более поздние документы характеризуют Мир как быстро развивающийся ремесленно-торговый центр, имеющий статус города. В 1579 г. его владелец Николай Христофор Радзивилл своим привилеем даровал городу неполное Магдебургское право [2, с. 61]. Инвентари XVII в. называют среди жителей города ремесленников 27 профессий, объединенных в пять цехов. В первой половине XVIII в. упоминается уже 57 различных профессий ремесленников [3, с. 79, 92].

Наряду с существующим ныне костелом и Троицкой церковью средневековые письменные источники называют такие каменные сооружения, как ратушу, госпиталь, базилианский монастырь, четверо въездных ворот — брам. Территория города XVII в. с востока, севера и запада обозначается заметными еще и сейчас остатками оборонительного вала. Речка Мирянка ограничивает город с юга.

Но известен городской поселок прежде всего замком — выдающимся памятником архитектуры Белоруссии, строительство которого относится к началу XVI в. [4, с. 63]. Мирский замок в начале XVI в. отвечал новейшим требованиям фортификации, которые сильно изменились в связи с развитием артиллерии. Кроме того, его основатель Юрий Ильинич, выходец из древнего белорусского рода герба Корчаков [5, с. 525], особое внимание обратил на репрезентабельность своей резиденции. Декор башен и оборонительных стен составляют поребрики, полуколонки, ниши, пояски, углубления которых оштукатурены и побелены.

В плане замок имеет почти правильную четырехугольную форму, приближенную к квадрату. По углам размещены четыре башни, а пятая (въездная) находится посредине западного фасада. Во дворе намечали возвести двухэтажный жилой корпус, пристроенный к южной и восточной замковым стенам, а к северной стене должен был примыкать арсенал, стоящий отдельно, чтобы жилая часть не пострадала от случайного взрыва [6].

Возведен Мирский замок в период расцвета на белорусских землях готики. В это время возводится ряд сооружений (например, церкви оборонительного типа в д. Сынковичи и Мурованка — Маломожейковская Гродненской обл.), характеризующихся едиными чертами декора, строительного материала. Способ оформления фасадов этих и других подобных построек выделяется в самобытное архитектурное направление — белорусскую готику [7, с. 21].

За неполные пять столетий замок неоднократно перестраивался. В середине XVI — начале XVII в. в белорусской архитектуре появляются сначала ренессансные, а затем и барочные черты. Согласно традициям ренессанса начали работы по перестройке замка его новые владельцы Радзивиллы, к которым он отошел в 1568 г. [2, с. 59].

Снаружи, с востока, севера и запада, замок обводится земляными укреплениями бастионного типа, к въездной башне пристраивается дополнительное подковообразное укрепление (предбрамье), во дворе воз-

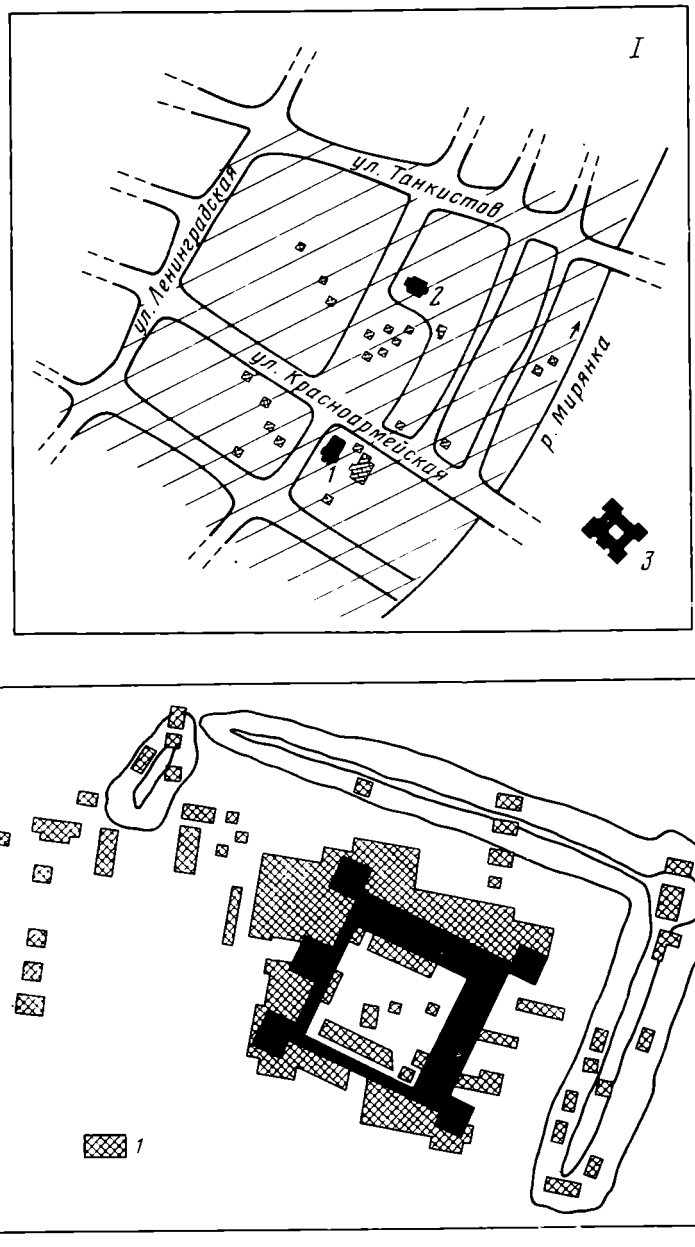


Рис. 1. *I* – ситуационный план городского поселка Мир: *1* – Николаевский костел: *2* – Троицкая церковь; *3* – замок; *а* – укрепленный посад XVI–XVII вв. *II* – план раскопок Мирского замка: *1* – раскопки и шурфы на территории городского поселка Мир и Мирского замка

водится трехэтажный дворец, на трех примыкающих к нему башнях растесываются готические окна и оформляются известняковыми обрамлениями, закладываются бойницы северной и восточной галерей. Неизменными с периода готики сохранились лишь въездная и юго-западная башни.

В XVII–XVIII вв. на замковом дворе около южной стены замка строится кухня, снаружи к этой стене в XVII в. пристроили конюшню, а к западной стене между башнями — одноэтажные хозяйственные постройки.

В период перестроек памятника изменилась и окружающая его планировка. К югу от замка была создана система живописных прудов, а с севера за валами разбили итальянский сад. В XIX в. замком владеют Витгенштейны, Гогенлоэ, в 1895 г. его пскупают князья Святополк-Мирские. В 20–30-е годы XX в. последний владелец замка отремонтировал отдельные замковые постройки, что наложило свой отпечаток на внешний и внутренний облик замка [2, с. LIX, LXI].

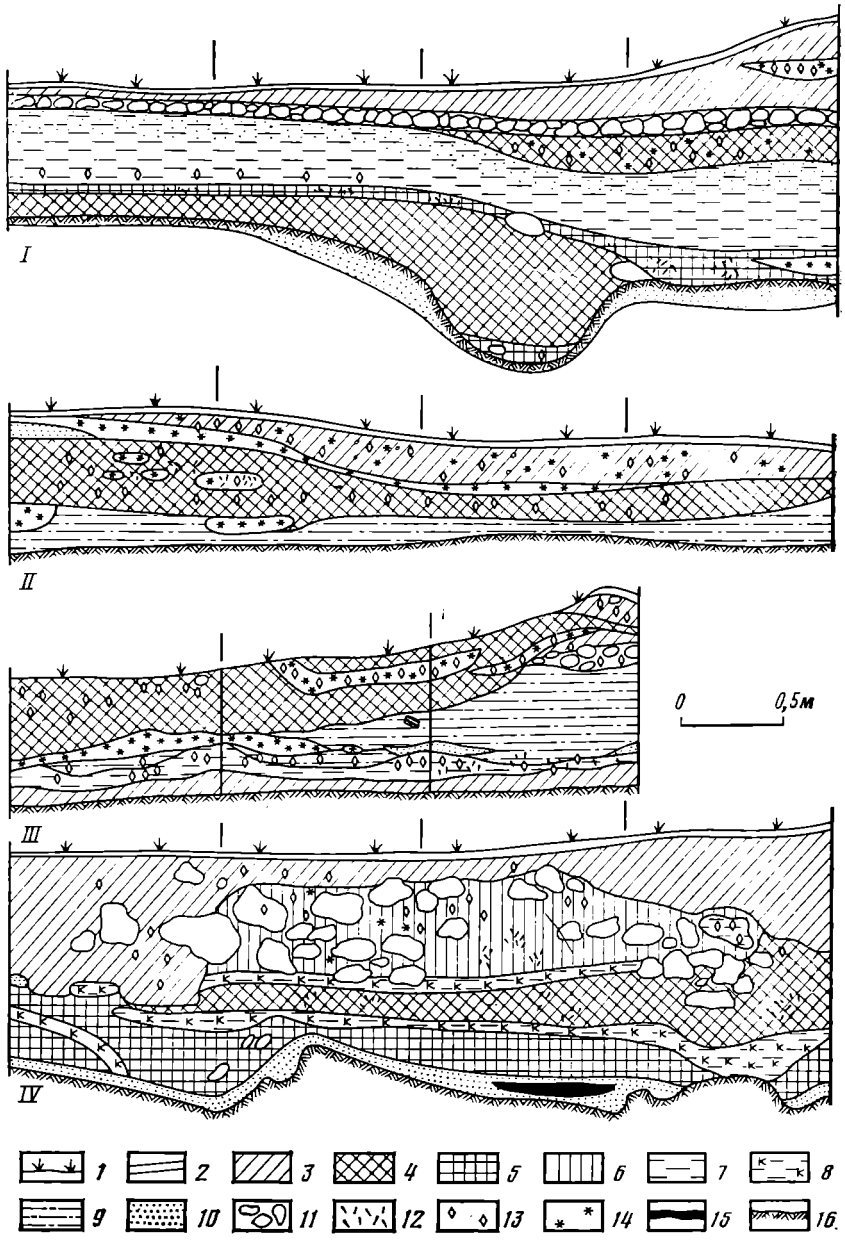


Рис. 2. *I* – замок, восточный профиль раскопа во дворе (раскоп 5); *II* – замок, южный профиль раскопа возле северной стены (раскоп 14); *III* – замок, восточный профиль раскопа возле западной стены (раскоп 39); *IV* – поселок, южный профиль раскопа 1. *1* – уровень дневной поверхности; *2* – гумус; *3* – светло-серый слой; *4* – темно-серый слой; *5* – черный слой; *6* – цементный раствор; *7* – глина; *8* – обожженная глина; *9* – суглинок; *10* – песок; *11* – камни; *12* – угли; *13* – битый кирпич; *14* – известь; *15* – слой угля; *16* – уровень материка

Но строительные работы связаны не только с изменением стилей в архитектуре. Начиная с 1655 г. сооружение неоднократно разрушалось во время многочисленных войн, проходивших на территории Белоруссии. Наиболее значительные повреждения ему были нанесены в конце XVIII – начале XIX в. [8, с. 9], когда были уничтожены внутренние конструкции северо-восточной башни и северного корпуса дворца. В последующее время эти постройки не восстанавливались.

Впервые небольшие раскопки в Мирском замке провел в 1912 г. И. Иодковский [2, с. LXX]. В 1972 г. замок изучал М. А. Ткачев, который раскопал остатки полукруглого оборонительного сооружения возле центральной замковой башни [9, с. 42].

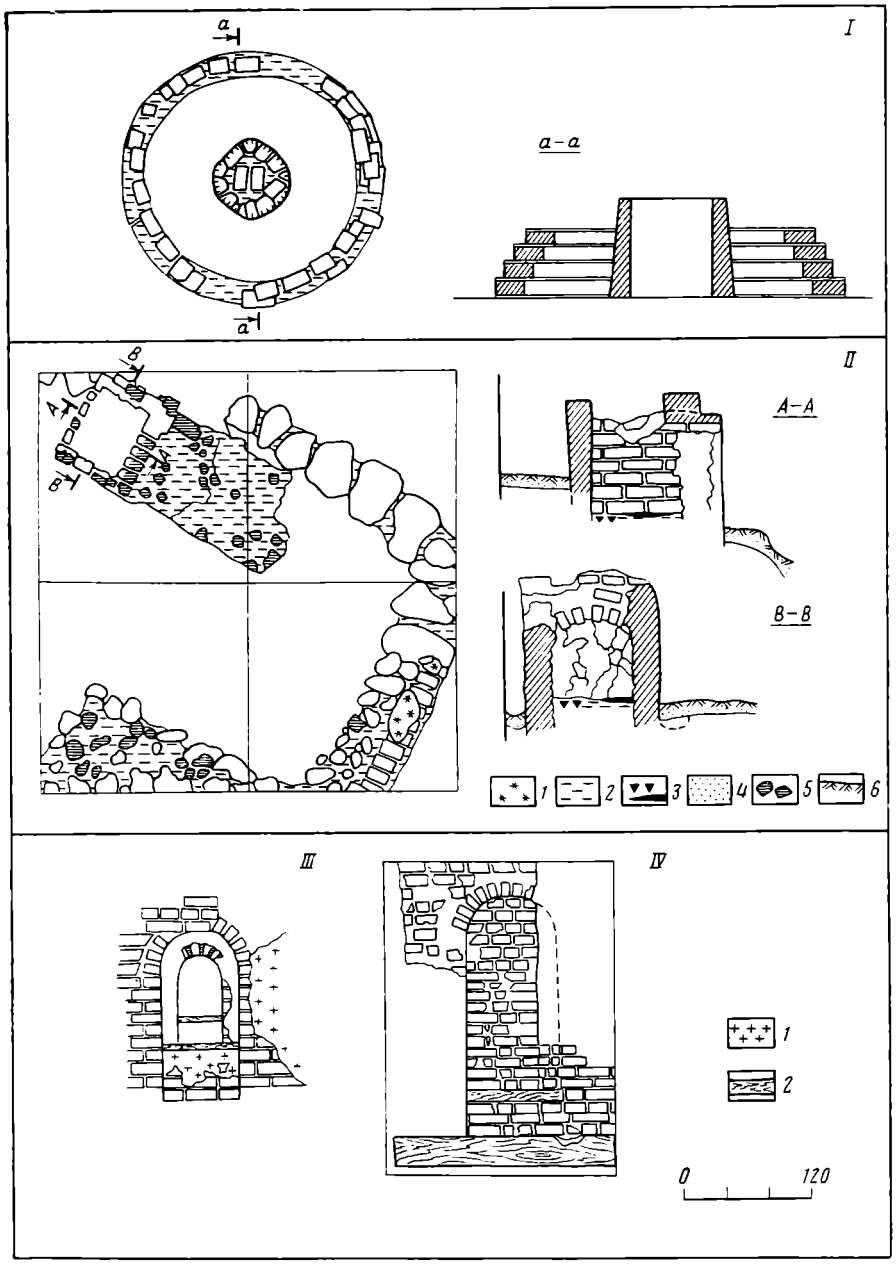


Рис. 3. Поселок: *I* – остатки гончарного горна (?) XVIII в.; *II* – остатки постройки XVII в. с изразцовой печью (*1* – известковый раствор; *2* – глина; *3* – уголь; *4* – песок; *5* – битый кирпич; *6* – уровень материка). Замок: *III* – бойница начала XVI в.; *IV* – арочный проход с галереи на западной стене в северо-восточную башню, заложенный при строительстве дворца (*1* – белая известковая штукатурка; *2* – деревянные детали XVI в.)

В 1969 г. в Специальных научно-реставрационных производственных мастерских Министерства культуры БССР (СНРПМ) начата работа по созданию проекта консервации и дальнейшей реставрации Мирского замка. С 1982 г. в замке ведутся восстановительные работы. Им предшествовали археологические раскопки, которые проводились в 1980–1984 гг. архтитектурно-археологической экспедицией СНРПМ. За эти годы вскрыто более 4400 м² культурного слоя. Одновременно в 1982–1984 гг. совместно с экспедицией Института археологии АН СССР (руководитель А. К. Кравцевич) изучался культурный слой в историческом центре городского поселка Мир (рис. 1, 2).

В городском поселке было заложено 23 шурфа и 3 раскопа общей площадью 158 м² (рис. 1, *I*). Культурный слой поселка, толщина которого колеблется от 1 до 3,5 м, состоит из трех основных напластований

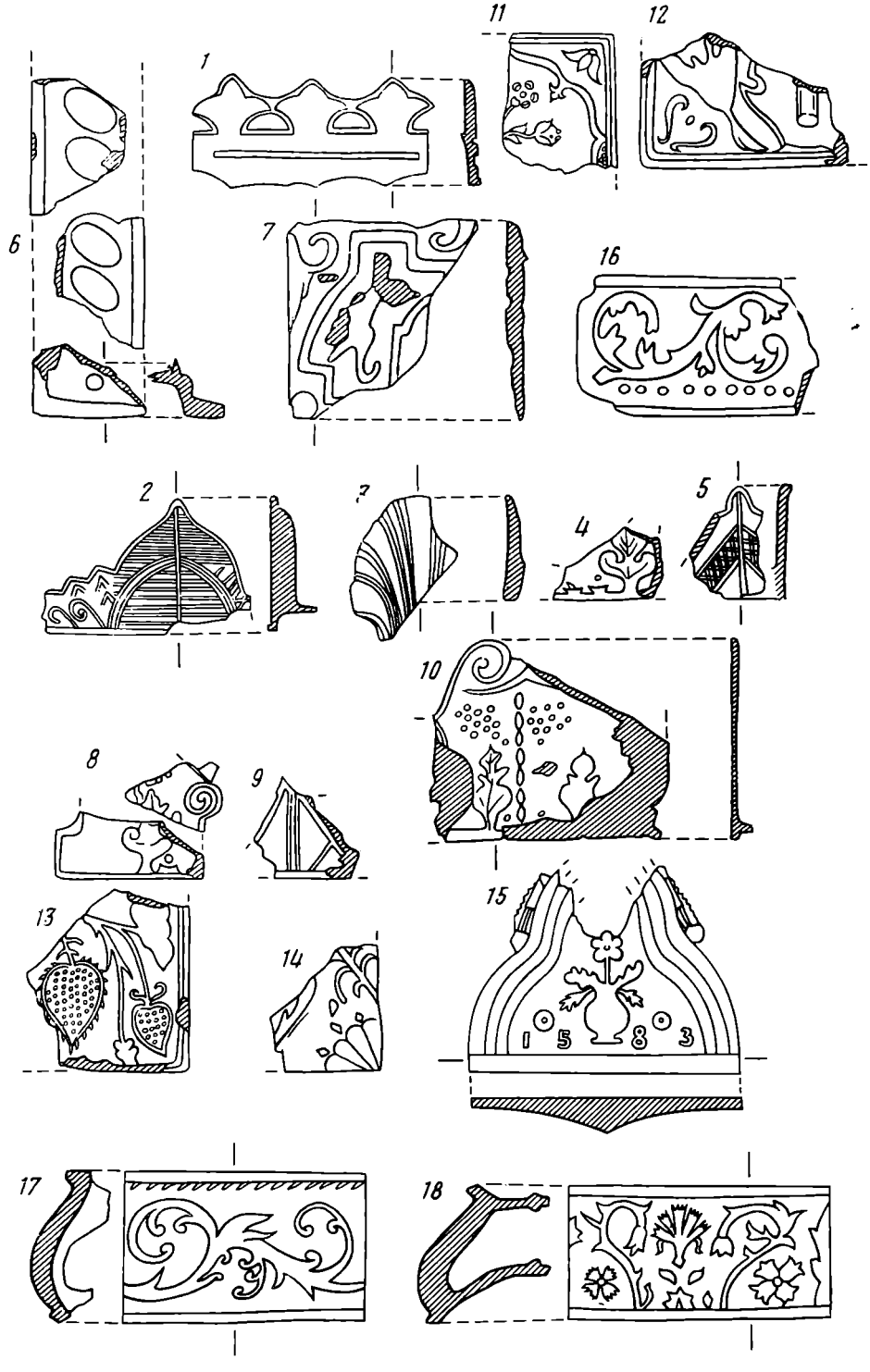


Рис. 4. Изразцы XVI—XVIII вв. из городского поселка Мир и Мирского замка

(рис. 2, *IV*). Самые древние наслоения, черного цвета, имеют толщину от 40 до 90 см. Они выявлены в западной части поселка и залегают на материковом плотном желтом песке. Основной датирующий материал — керамика позволяет отнести их к концу XIV—XVI в. Над черным слоем залегает темно-серый слой мощностью от 0,15 до 1 м. В нем встречаются прослойки песка и глины. Основная масса находок из этого слоя относится к XVI—XVII вв. Это большое количество бытовой керамики, изразцы, стеклянные и металлические изделия, черепица, бороздчатый кирпич.

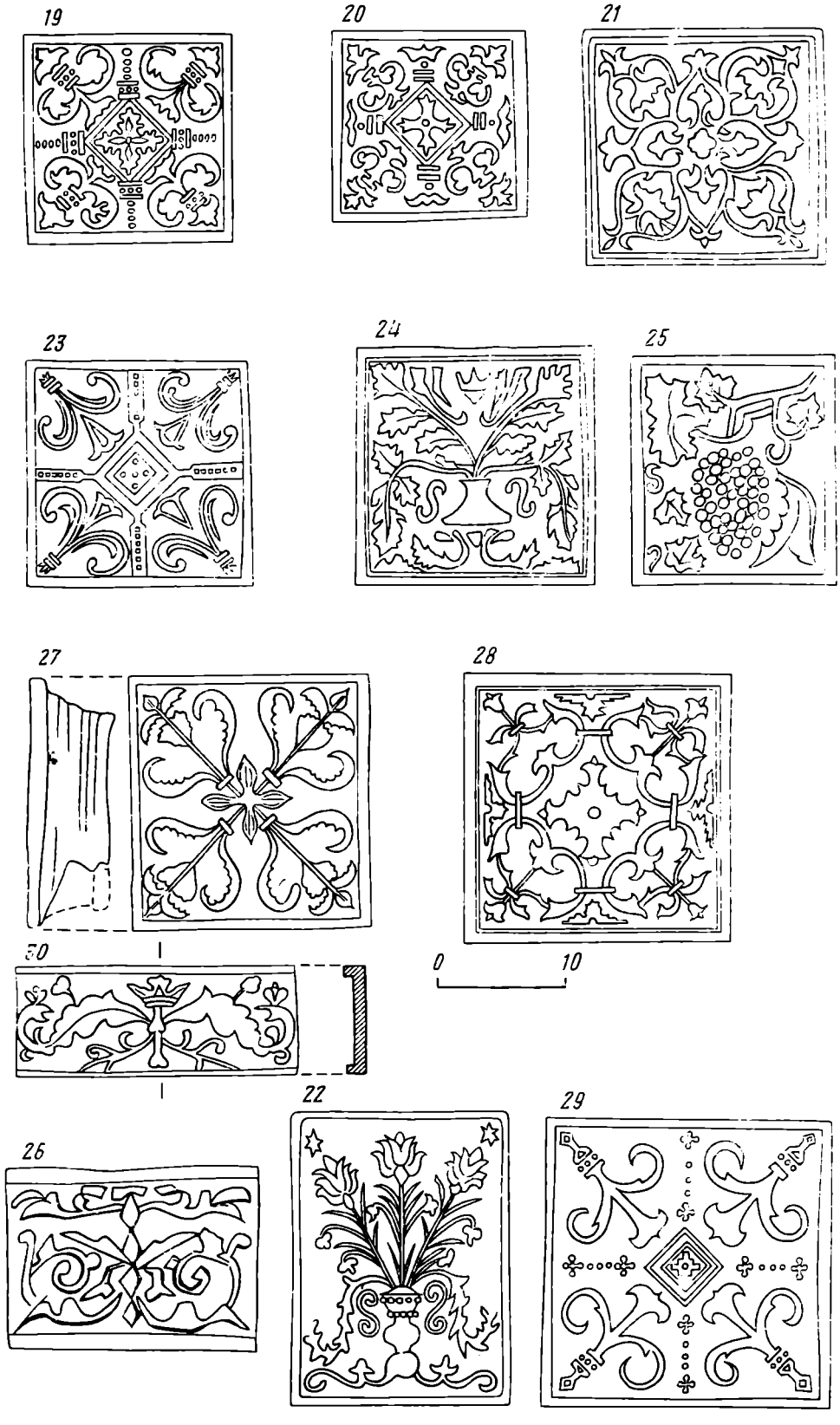


Рис. 4 (*продолжение*)

Самый верхний, светло-серый пласт простирается на глубину от 0,6 до 1,45 м. В нем очень часто встречаются прослойки глины, песка, битого кирпича. На уровне границы между светлым и темным слоями обычное явление — остатки булыжных мостовых. Сразу под дерном во многих местах обнаружен слой булыжной мостовой конца XIX — начала XX в. Материал из верхнего пласта датируется второй половиной XVII—

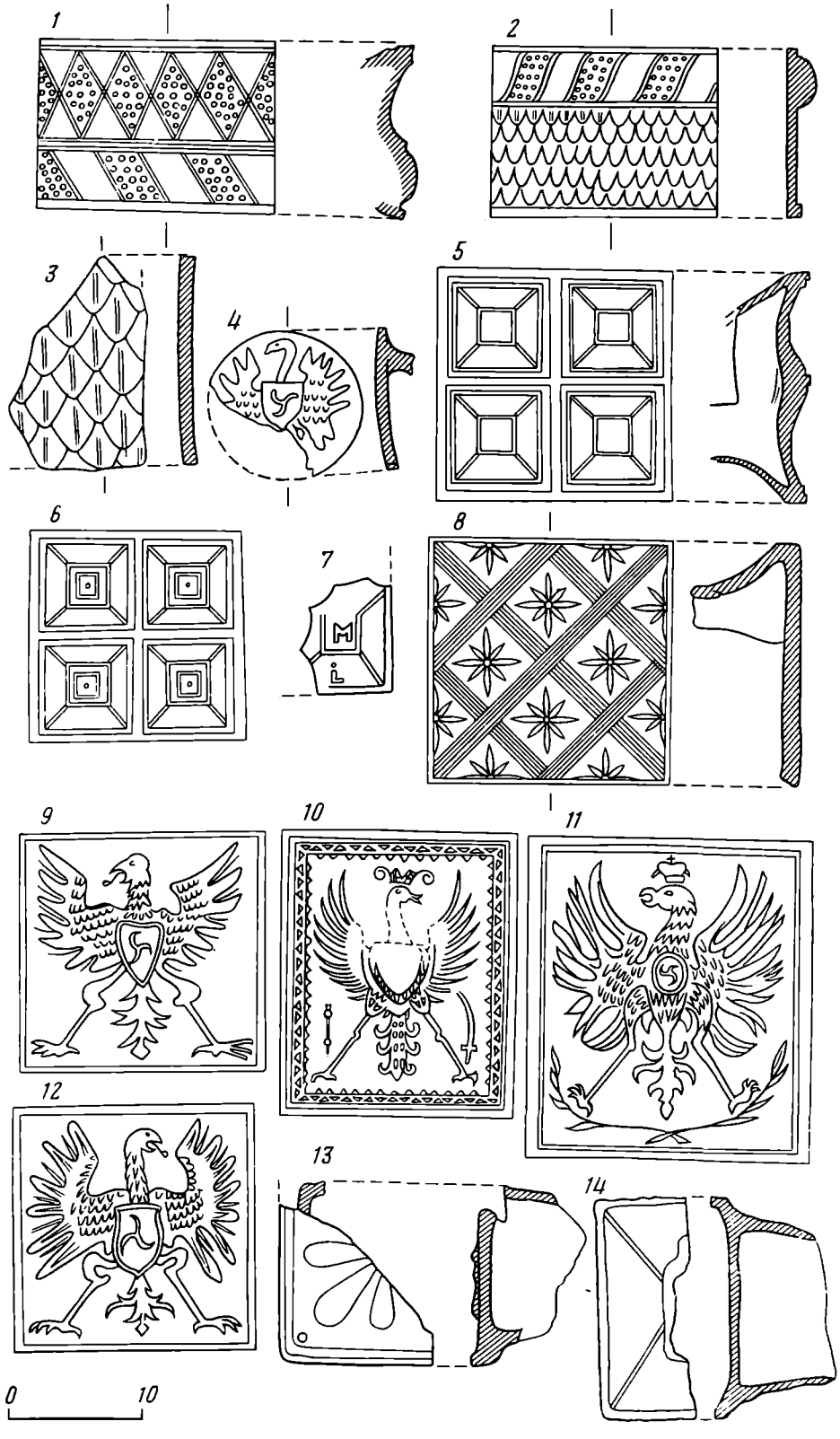


Рис. 5. Изразцы и изразцовые медальоны XVI—XVII вв. из городского поселка Мир и Мирского замка

XX в. Это поливная и неполивная бытовая керамика, изразцы, металлические изделия, стеклянная посуда. Уточнить датировку помогли два монетных клада конца XVII в., найденных на границе первого и второго слоя. В районе бывшей городской площади обнаружены подвалы большого кирпичного здания XVII в., предположительно ратуши. В юго-

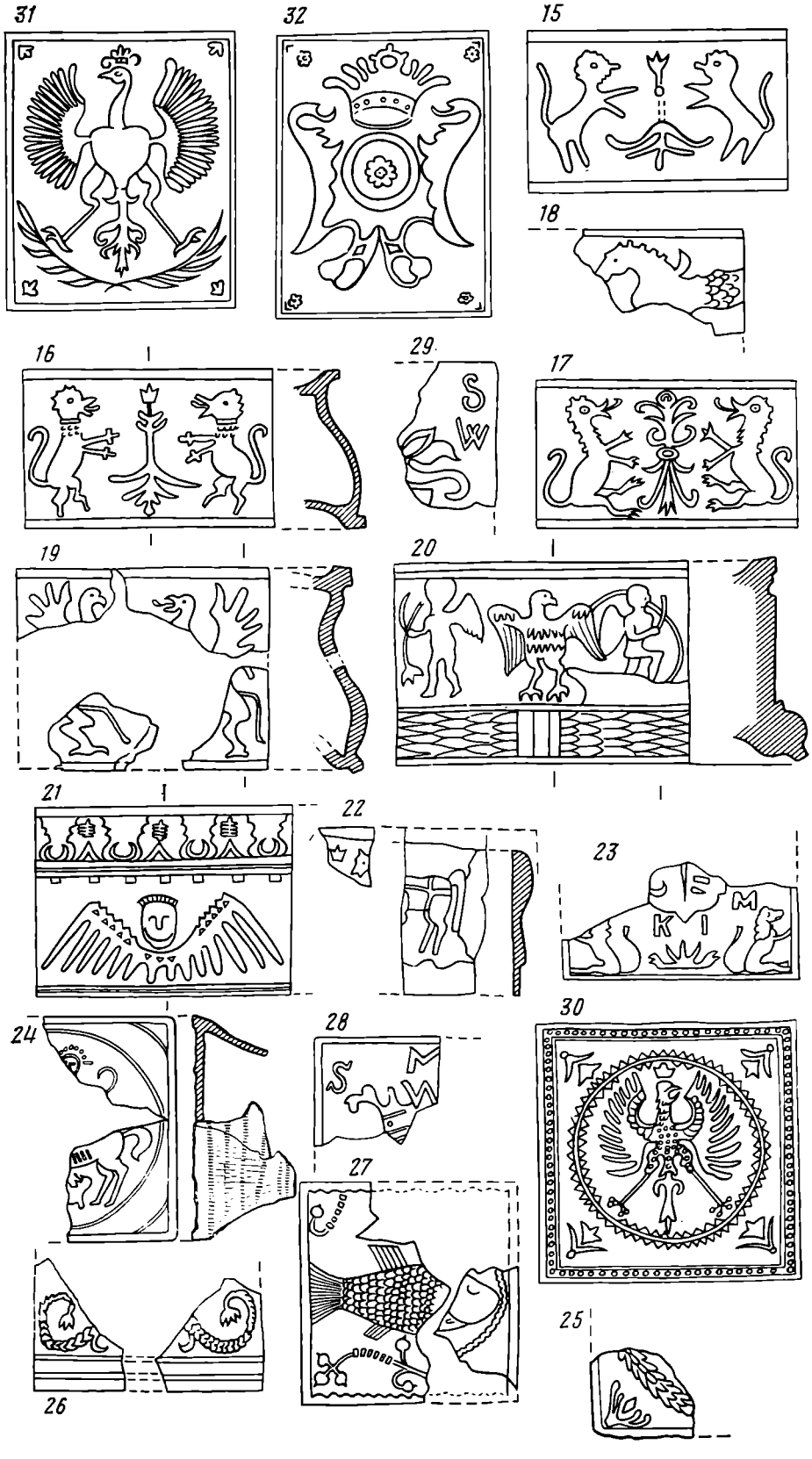


Рис. 5 (*продолжение*)

западной части поселка на глубине 2,5 м найдены остатки гончарного горна (?) XVIII в. и изразцовой печи XVII в. (рис. 3, *I, II*).

Вещевой материал из раскопок свидетельствует о высоком уровне материальной культуры позднесредневекового белорусского города. Коротко охарактеризуем основные категории находок. Керамика поселка

делится на три большие группы: неполивную, поливную и мореную. Мы ограничимся перечислением ассортимента посуды, поскольку керамика является объектом специального исследования [10]. Это горшки, макотры, тарелки, миски, крышки, рынки, кувшины, кружки, стопки. Время их бытования конец XIV—XX в. Собрано небольшое количество фрагментов рейнской керамики конца XVII—XVIII в. Изразцовый материал (рис. 4, *16, 17, 20, 25*; рис. 5, *1, 5, 6, 9—11, 16, 17, 21, 27, 28, 30, 32*) находит аналогии прежде всего в Мирском замке, а также в Новогрудке, Лиде, Гродно. По месту в лицевой поверхности печи терракотовые и зеленые поливные (полихромных найдено лишь несколько небольших фрагментов) изразцы делятся на стенные, угловые, карнизные, поясовые, коронки. Выделено пять видов орнамента: растительный, геометрический, зооморфный, геральдический, религиозный. Подавляющая масса изразцов датируется XVII в. Небольшое количество фрагментов горшковых изразцов с круглым и фигурным устьем относится к XVI в.

Ассортимент стеклянной посуды позднесредневекового города включает бутылки, штофы, стопки, склянницы, рюмки и аптечную посуду. Найдено несколько фрагментов оконного стекла.

Металлические изделия представлены подковами, обувными подковками (рис. 6, *1*), ножами, коваными гвоздями. Два монетных клада из западной части поселка датируются концом XVII в. Первый состоит из медных солидов Речи Посполитой эмиссии 1660—1666 гг., второй — из двух талеров 1633 и 1647 гг. антверпенской чеканки, шестигрошовика Речи Посполитой 1665 г. и шестигрошовика прусского 1683 г.

Начиная исследования Мирского замка в 1980 г., архитектурно-археологическая экспедиция СНРПМ стремилась к разрешению нескольких задач: максимальному изучению культурного слоя, так как при реставрационных работах он, как правило, уничтожается; изучению всех утраченных в ходе перестроек и разрушений архитектурных частей Мирского замка; классификации и исследованию всех строительных материалов и других находок — исходных данных для реконструкции древних интерьеров дворца и конструкций кровли замковых башен и стен.

Культурный слой Мирского замка состоит из наслоений преимущественно светло-серого цвета, перемешанных с битым кирпичом, черепицей, известью, глиной, песком, камнями (рис. 2, *II, III*). Различные прослойки отличаются одна от другой степенью насыщенности строительными остатками. Довольно редко встречаются относительно чистые линзы земли светло-серого и темно-серого цвета. Толщина слоя колеблется от 20—30 см возле валов до 2 м у стен замка и в юго-западной части двора. В стратиграфическом отношении наиболее перспективны раскопы и шурфы, расположенные вдоль северной замковой стены и въездной башни. Нижние пласты у восточной стены уничтожены во время ремонта в первой половине XX в. и использованы для досыпки восточной куртины. Культурный слой у южной и западной стен сильно перемешан во время возведения и разрушения более поздних пристроек к замку. Замковый двор постоянно убирался, поэтому слой здесь имеет, как правило, незначительную толщину. Здесь на материке залегает прослойка темно-серого цвета толщиной 20—60 см, оставленная поселением второй половины XV в. Эта прослойка лучше всего прослежена в раскопе на замковом дворе (рис. 2, *I*), а также в раскопах возле въездной башни (рис. 2, *III*). Поселение погибло во время пожара, о чем свидетельствует наличие в прослойке большого количества угля. На замковом дворе найден развал глинобитной печи с горшковыми изразцами конца XV — начала XVI в. [11, с. 33], а возле въездной башни — фрагмент шпоры этого же времени (рис. 6, *16*).

В начале XVI в. на месте поселения строители насыпали возвышение из песка и глины толщиной от 20 см до 1 м и на нем возвели каменный замок. Слой строительства толщиной 10—25 см залегает непосредственно на подсыпке. Он состоит из окаменевшего раствора, камней, глины. Датировка его обеспечивается находками раннего больше-

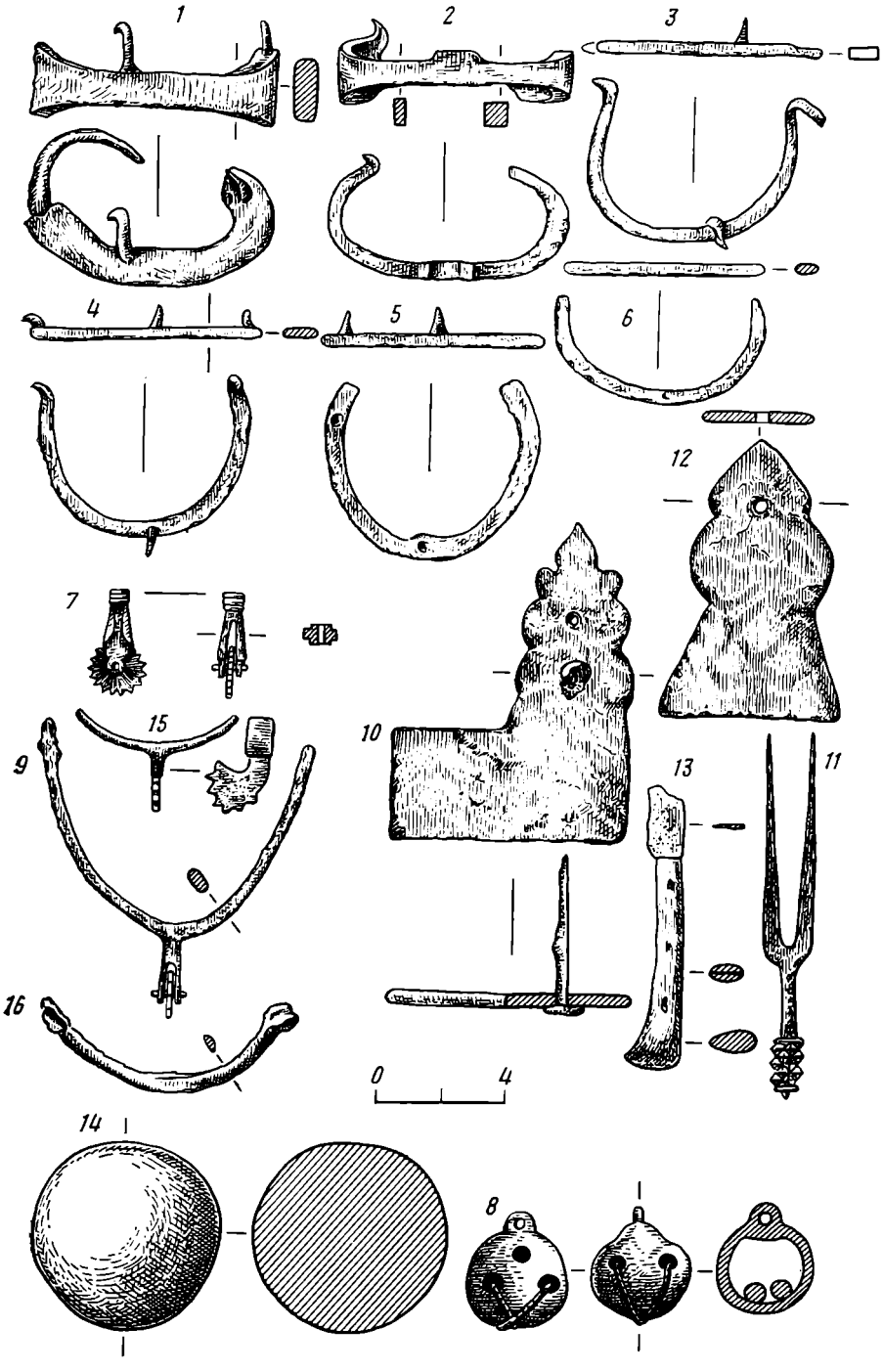


Рис. 6. Изделия из металла. *1–6* – трехшипные обувные подковки; *7* – фрагмент шпоры с колесиком; *8* – бубенчик; *9* – шпора; *10* – фрагмент скобянки; *11* – двузубая вилка; *12* – фрагмент скобянки; *13* – фрагмент ножа с костяной ручкой; *14* – ядро; *15*, *16* – фрагменты шпор

мерного кирпича (основной формат 28–28,5×14,5×9–9,5 (до 10) см), толстой плоской черепицы начала XVI в. [12, с. 31]. Выше залегает светло-серый слой, смешанный с битыми строительными материалами. Возле северной стены этот слой достигает наибольшей толщины (более 1 м). Внешне он выглядит однородным. Однако удалось вычленить прослойку разрушения готической галереи и возведения дворца в конце XVI – начале XVII в., а также прослойку ремонта дворца после военных действий во второй половине XVII в. Основным датирующим материалом явились многочисленные фрагменты кирпичей меньшего формата (27–27, 5×13–13,5×7,5 см), чем в начале XVI в., тонкой плоской и

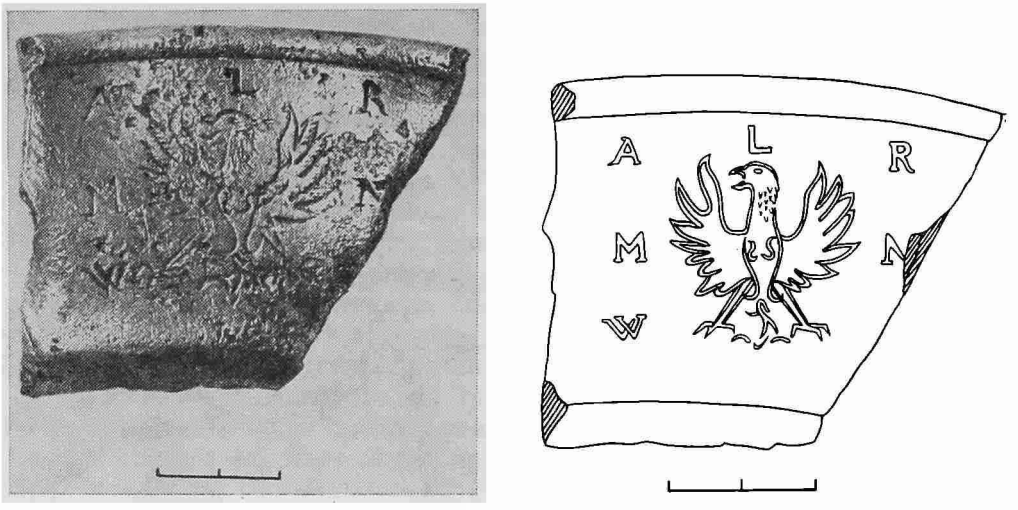


Рис. 7. Фрагмент оловянного блюда с гербом Радзивиллов, фото и прорись

волнистой черепицы конца XVII — начала XVIII в., изразцы, бытовая посуда, курительные трубки, стеклянные и металлические изделия. На двух полихромных изразцах-коронках стоит дата: 1583 г. (рис. 4, *15*). К этому же времени относятся двузубая вилка (рис. 6, *11*) и, возможно, фрагмент оловянного блюда (рис. 7) [13, с. 371].

Верхнюю часть культурного слоя составляют наслоения XVIII—XX вв. В некоторых местах прослеживается слой ремонта замка в начале XX в. Возле юго-западной башни этот слой достигает толщины около 40 см.

Строительство Мирского замка начали на глиняной подсыпке, которая перекрывает прежнее поселение. Создание таких подсыпок из глины, песка или гравия — явление, характерное в средневековом замковом зодчестве Белоруссии. Это позволяло создать повышенную площадку в заболоченных труднодоступных местах. Исследование фундаментов замка проводилось около северной грани северо-восточной башни и восточной стены замка. Глубина залегания фундамента башни 4,5 м, стен — 3,5 м. В обоих случаях фундаменты сложены из бороздчатого кирпича (29—30×14,5×8,5—9,5 см) и камней на известковом растворе. В технике смешанной кладки сложены и замковые стены на высоту до 10 м (рис. 8, *1*). Выше начинается чисто готическая кладка (тычок — ложок) из кирпича красного цвета. Кроме того, в кладку включен клинкерный кирпич, который в готических сооружениях применялся для декорировки фасадов (рис. 8, *2*). Но в Мирском замке клинкерный декор обнаружен лишь на внутренней поверхности западной стены между надвратной и северо-западной башнями. Из кирпича здесь выложены ромбовидные композиции. В настоящее время этот участок стены скрыт пристроенным северным корпусом дворца. Наличие здесь декора не случайно. Это лишний раз доказывает, что первоначально в этом месте возведение жилых построек не планировалось.

По верху стен между башнями проходила боевая галерея. Часть ее при строительстве трехэтажного жилого дворца была утрачена. Стены несколько повысили и пробили в них оконные проемы. Отверстия бойниц были заложены кирпичом.

На западной стене около северо-западной башни произведена расчистка небольшого участка галереи до уровня ее пола. Со стороны помещения до уровня основания оконной ниши стена надложена в один кирпич. Между этой закладкой и внешней стеной сделана забутовка из извести и битого кирпича, в которой обнаружен разбитый горшок второй половины XVI в. После расчистки забутовки в кирпичном полу галереи прослежен прямоугольный паз (0,34×0,45 м), в котором сохранился сосновый брус на длину 2,03 м (толщина его 0,27, ширина 0,20 м). Брус запущен во внешнюю часть стены на глубину 0,83 м. Пол галереи кирпич-

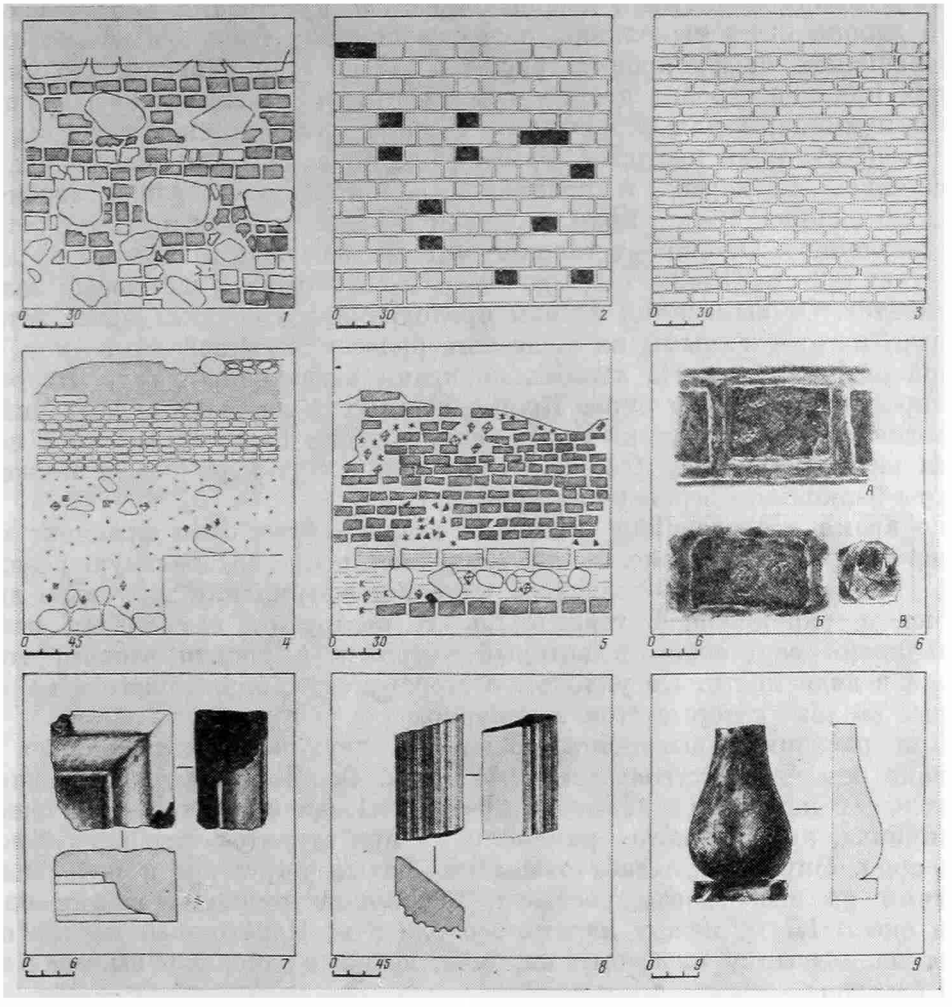


Рис. 8 *1* – смешанная кладка XVI в.; *2* – готическая декоративная кладка XVI в.; *3* – ренессансная кладка конца XVI – начала XVII в.; *4* – фундамент предбрамья; *5* – фундамент дворца; *6* – клейма на кирпиче XVI в.; *7* – фрагмент известнякового обрамления; *8* – фрагмент мраморного обрамления; *9* – известняковая балясина

ный. Имелся ли здесь другой настил, сейчас говорить трудно. Возможно, что на кирпич могли настилаться доски. Несколько их фрагментов обнаружено в забутовке.

Кроме того, выявлен арочный проход с галереи в северо-восточную башню, который поворачивает влево. При строительстве дворца часть его разобрана, а бóльшая часть заложена кирпичом (рис. 3, IV). При разборке заполнения конца XVI в. бойницы на северной стене в ее нише с внешней стороны обнаружена хорошо сохранившаяся побеленная известковая штукатурка (рис. 3, *III*). В результате изучения предбрамья установлено, что от него сохранился фундамент, сложенный в технике бутовой кладки (из камней на известковом растворе), над которым возведен цоколь высотой до 0,3 м, выступающий на длину кирпича, и несколько рядов тычковой кладки стены (рис. 8, *4*). Подошва фундамента находится на глубине 1,7–1,8 м от цоколя, а ширина стены 1,8 м. Характер кладки и формат кирпича позволяют отнести возведение предбрамья к концу XVI – началу XVII в. [11, с. 34; 14, с. 88–89; 15, с. 31].

Эти работы совпадают с временем возведения в замке дворца. Трехэтажные корпуса выстроены из бороздчатого кирпича красного цвета размером 27–27,5×12–12,5×6–6,5 см.

Исследования фундаментов восточного корпуса показали, что сложены они в системе смешанной техники, но по сравнению с фундаментами оборонительных стен и башен в кирпичной кладке применено значительно меньше камней и они меньшего диаметра (рис. 8, *5*). В кладке стен дворца камни отсутствуют вообще (рис. 8, *3*).

Обрамления оконных и дверных проемов, крестовины окон ренессансного дворца были выполнены из известняковых блоков и имеют сложную внешнюю профилировку (рис. 8, 7). При этом отметим, что многие из них при перестройке дворца в период барокко были выбиты из проемов и применены для сооружения нижних частей стен и порогов в дверях хозяйственных построек. Рамы, судя по записям в инвентарях, изготовлялись из дерева и крепились с помощью железной скобянки. Найдено оконное стекло прямоугольной и круглой форм, преимущественно осветленное. Оно имеет толщину 0,1 см. Утолщенный валик по краю достигает 0,2 см. Стекло монтировалось в двутавровые свинцовые полосы переплетов. От выпадания из рам предохранялось специальными ветровницами, изготовленными из железных полосок шириной до 1 см и толщиной около 0,2 см. На загибах по краям ветровницы имели отверстия для крепления к раме окна. Кроме оконных и дверных обрамлений из аналогичной породы камня выполнены консоли балкона, который находился на втором этаже (со двора) на стыке двух корпусов, а также балясины балконного ограждения (рис. 8, *9*).

Во время исследований замкового двора найден один фрагмент мраморного обрамления (рис. 8, *8*). Сооружая репрезентабельную резиденцию, Радзивиллы позаботились об изящном оформлении не только дворца, но и окружающей территории. К северу от замка был разбит итальянский сад, спуск в который устроили с уровня второго этажа дворца в виде мостика с уклоном в сторону сада, опирающегося на кирпичные столбы, которые стояли попарно.

При раскопках выявлены фрагменты двух пар столбов (рис. 9). В плане они четырехугольные — 0,8×0,9 м. Основания столбов сложены из полевых камней (в диаметре 20—30 см), внешние грани выложены из кирпича, аналогичного примененному при строительстве ренессансного дворца. Внутри они забутовывались битым кирпичом и небольшими камнями на известковом растворе. Расстояние между столбами одной пары около 1,7 м, между парами — около 8 м. Переходный мостик опирался на подсыпку из битого кирпича, которым заполнена выемка в куртине бастиона.

В XVII в. в замке производились новые строительные работы. Во дворе около южной стены была возведена кухня, с внешней стороны — конюшня. К западной стене снаружи пристроили между башнями одноэтажные хозяйственные постройки (рис. 9). Возводились они примерно в одно время из бороздчатого кирпича размером 27,5×12,5×6,5 см. При этом находки фрагментов каменных дверных и оконных обрамлений ренессансного дворца в кладке кухни свидетельствуют, что новый этап строительства проходил в период перестройки замка в стиле барокко.

Все хозяйственные постройки, возведенные в это время, были одноэтажными с односкатными крышами, которые одной стороной опирались на замковые стены. Фундаменты сложены из камней на известковом растворе с незначительным добавлением битого кирпича. При этом отметим, что фундамент кухни сложен из больших камней, а глубина его залегания несколько превышает 2 м. В наружных хозяйственных постройках фундамент сложен лишь из двух—трех рядов средних по размерам камней, что не превышает 0,5 м. Разница в применении материала, очевидно, не случайна. Вполне возможно, что замковая кухня сооружена на месте запланированного первоначального дворца.

С юга к замку примыкала конюшня, в которой кроме помещений для скота, судя по записям в инвентаре от 15 октября 1688 г., имелись и служебные помещения с изразцовыми печами. В центре находилась кирпичная башенка, «снизу сводчатая для ссыпки овса, а вверху для складывания сена» [16, с. 7]. Выявленное основание ее сложено из камней и кирпича на известковом растворе, как и фундамент кухни. Над каменным фундаментом от внешней стены конюшни сохранилось несколько рядов кирпича. Толщина ее 1,2 м.

В раскопах и шурфах на замковом дворе прослежено булыжное мощение. В центре его, очевидно, неоднократно производили перекладку

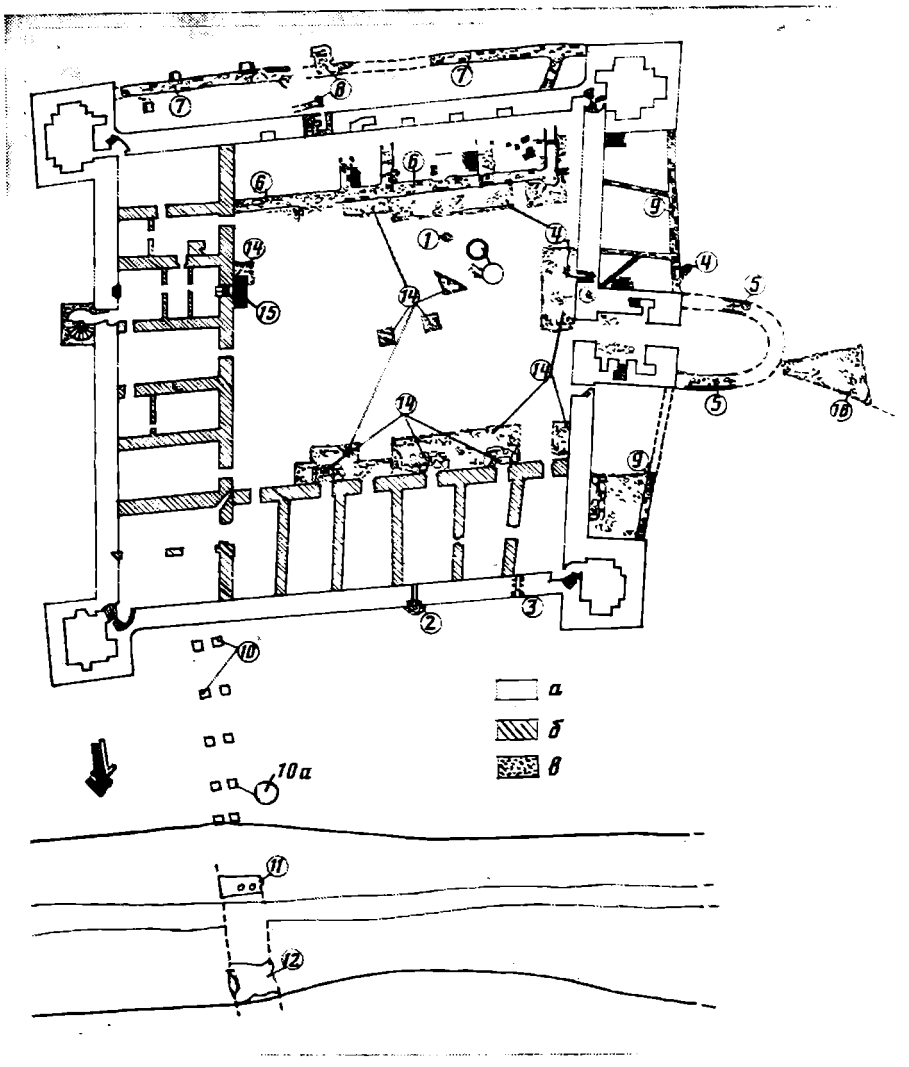


Рис. 9. Ситуационный план Мирского замка после проведения архитектурно-археологических исследований. *1* – развал изразцовой печи рубежа XV–XVI вв. из первоначального поселения; *2* – древний мусоросборник, конец XVI – первая половина XVII в.; *3* – поздний водосток, 20–30 гг. XX в.; *4* – остатки водостоков XVI–XVII вв.; *5* – фрагменты стен и фундаментов предбрамья конца XVI – начала XVII в.; *6* – остатки кухни XVII в.; *7* – остатки конюшни XVII в.; *8* – фрагменты фундаментов кирпичной башенки для хранения фуража XVII в.; *9* – остатки одноэтажных хозяйственных построек XVII в.; *10* – предполагаемые места нахождения кирпичных столбов для мостика в итальянский сад; *10а* – выявленные фундаменты кирпичных столбов XVII в.; *11* – подсыпка из битого кирпича для опоры мостика у основания куртины бастиона; *12* – выемка для опоры мостика на гребне куртины бастиона; *13* – остатки крылец дворца начала XVII в.; *14* – фрагменты первоначального булыжного мощения; *15* – остатки плиточного мощения; *16* – фрагмент булыжной подъездной дороги; *17* – колодец. *а* – стены начала XVI в.; *б* – стены конца XVI – первой половины XVII в.; *в* – пристройки 20–30 гг. XX в.

камней. Но около построек в некоторых местах сохранился первоначальный булыжник. В юго-западном углу двора прослежено мощение, перекрытое следами пожаров второй половины XVII в. На этом же уровне выявлена булыжная вымостка около западной стены по обе стороны от въезда. Надо думать, что мощение здесь сохранилось первоначальное. Отдельные камни его находятся под кирпичной кладкой начала XVI в. Около кухни уровень мощения несколько выше. Но характер примененного материала позволяет датировать участки мощения около построек одним временем. Вскрытые его участки в центре двора выложены из больших камней. Разница в уровнях булыжника не случайна. Вдоль северной стены кухни и западной стены замка прослежен желоб, выложенный из камней, по таким желобам дождевая вода отводилась через водо-

проводные ниши за пределы замка. Остатки водостока прослежены и с внешней стороны южнее надвратной башни.

В 1984 г. был обнаружен фрагмент булыжной мостовой конца XVI — начала XVII в., которая вела в замок с запада (рис. 9). Сразу под мостовой найдены горшковые изразцы начала XVI в. с круглым устьем и развал печи для обжига кирпича этого же времени.

Во всех замковых помещениях были разнохарактерные по материалу и форме полы. Первоначальных полов во дворце не обнаружено. Лишь на первом этаже восточного корпуса и на первом и втором этажах юго-восточной башни сохранились полы из квадратных и шестигранных керамических плиток. Считать их в полной мере первоначальными вряд ли можно, так как известно, что при ремонтных работах в 20—30-х годах XX в. изготавливался строительный материал, аналогичный примененному при возведении замка в различные периоды. Но при раскопках были обнаружены фрагменты и целые керамические плитки, отличающиеся от выявленных в помещениях характером глиняного теста и внешней обработкой, но схожие размерами. Похожие плитки сохранились в основании оконных ниш на втором этаже восточного корпуса.

Аналогичные плитки обнаружены в раскопах с северной и западной стороны замка в комплексе с изразцами конца XVI — первой половины XVII в. Учитывая схожесть разновременных плиток, можно предположить, что первоначально пол в помещениях выкладывался из квадратных (разного формата) и шестигранных плиток (рис. 10, *13—15*). Из квадратных плиток выкладывались узоры шахматного характера либо они применялись для заполнения промежутков в узорах из шестигранных плиток, которые прикладывались к ним короткими гранями (длина их 10 см). В хозяйственных постройках полы мостились либо кирпичом, аналогичным примененному при строительстве стен построек, как это было в кухонных помещениях, либо булыжником — полы в одноэтажных постройках между надвратной и северо-западной башнями.

Замковые постройки в XVI—XVII вв. покрывались плоской черепицей с округлым носком и прямоугольной пяткой, на которой размещался крепежный шип.

В первой половине XVI в. применялась черепица красного цвета с округлым или треугольным крепежным выступом (рис. 10, *4, 5*). Ее длина 42—43, ширина 16—17, толщина 1,8—3,5 см (рис. 10, *6*) [12, с. 31]. Башни, которые имели островерхую форму кровли, крылись особой черепицей (рис. 10, *7*). В это время применялась и специальная коньковая черепица. Она имела длинный (до 9 см) рогообразный декоративный шип, который оканчивается раздвоенным или цельным концом [12, с. 31—32, рис. 10, *9, 10*]. На внутреннюю сторону коньковой черепицы иногда наносили перекрещивающиеся борозды для лучшего крепления черепицы на известковом растворе (рис. 10, *11*). В 1983—1984 гг. обнаружено несколько фрагментов декоративной коньковой черепицы, покрытой зеленой поливой.

К XVII в. относится тонкая плоская черепица с прямоугольным, иногда трапециевидным крепежным выступом (рис. 10, *12*). Она собрана в основном при раскопках кухни. В XVIII в. замковые постройки были покрыты волнистой черепицей, которая получила название голландской (рис. 10, *8*). При раскопках было собрано большое количество большемерного кирпича XVI в. Кирпич начала XVI в.— красного цвета, имеет на одной поверхности слабые следы пальцев, глиняное тесто содержит различные примеси. Просушка сырца производилась под открытым небом. На некоторых экземплярах заметны следы дождя, отпечатки лап животных, один фрагмент сохранил отпечаток ноги ребенка. На тычках трех кирпичей (два из них находятся в кладке въездной башни, один обнаружен в раскопе) зафиксированы клейма (рис. 8, *6*). Во время раскопок собрано большое количество бракованного кирпича и черепицы XVI в.; это позволяет сделать вывод, что по крайней мере часть строительного материала при строительстве замка изготавливалась на месте.

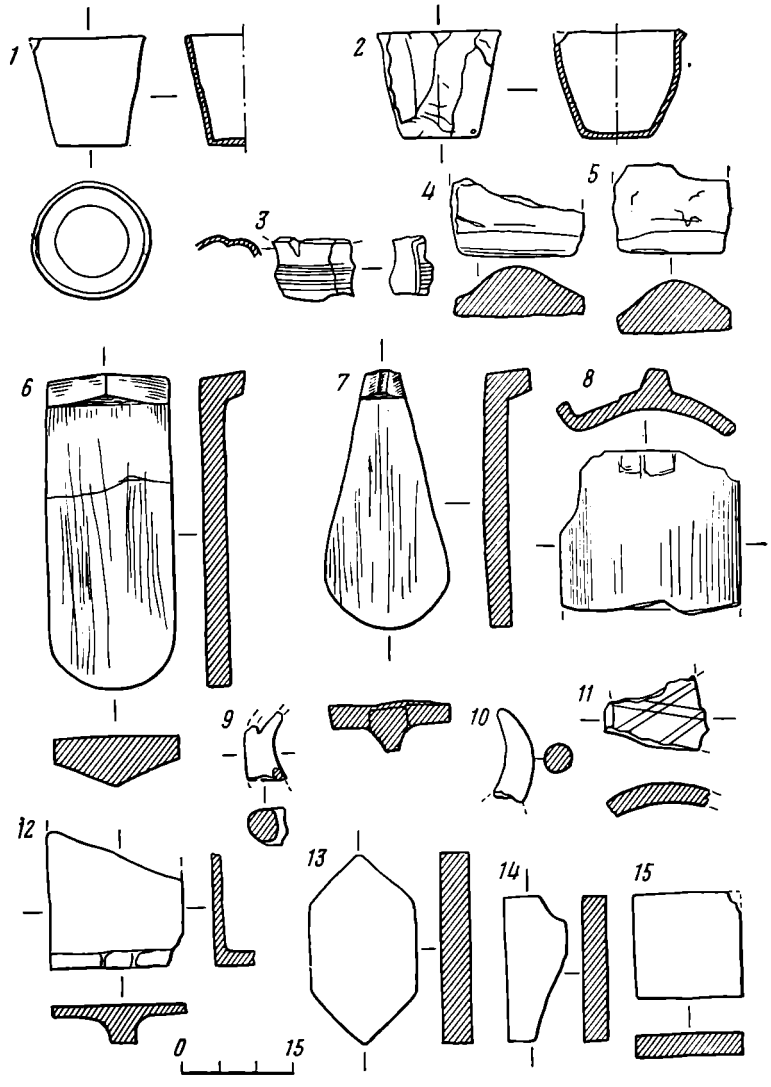


Рис. 10. Архитектурно-декоративная керамика из Мирского замка. *1, 2* – горшковые изразцы конца XV – начала XVI в. с круглым устьем; *3* – фрагмент квадрифолического горшкового изразца конца XV – начала XVI в.; *4, 5* – фрагменты черепицы начала XVI в.; *6, 7* – готическая черепица XVI в.; *8* – волнистая (голландская) черепица конца XVII–XVIII в.; *9–11* – фрагменты коньковой черепицы XVI в.; *12* – фрагмент плоской черепицы XVII в.; *13–15* – плитки пола конца XVI–XVII в.

При раскопках Мирского замка собрана большая коллекция печных изразцов. Самый ранний тип мирских изразцов относится ко второй половине XV в. и найден в яме при раскопках замкового двора в слое первоначального поселения. Это невысский горшковый изразец с круглым устьем. Его высота 11,5, диаметр днища 7, диаметр устья 12,5 см. В слое пожара, который на рубеже XV и XVI вв. уничтожил поселение, обнаружен развал глинобитной печи, в своде которой применялись горшковые изразцы одной высоты, но с разными по форме устьями [11, с. 33]. В основном это изразцы с круглым устьем, (рис. 10, *1, 2*) найдены также фрагменты изразцов с квадратным и четырехлепестковым устьем (рис. 10, *3*). Днища и стенки горшковых изразцов обнаружены в раскопах возле северной и западной замковых стен. Это говорит о том, что в первой половине XVI в. в замке были печи из горшковых изразцов.

Самые первые коробчатые изразцы, найденные в Мирском замке, судя по данным стратиграфии и аналогам, относятся к середине — второй половине XVI в. Это два зеленополивных изразца с массивной румпой. Один изразец имеет углубленную лицевую, украшенную геометрическим

орнаментом пластину (рис. 5, *14*). Неполивные изразцы с аналогичным геометрическим орнаментом найдены нами в слоях второй половины XVI в. при раскопках Лидского замка. Лицевая пластина другого изразца имеет крупнорельефную розетку (рис. 5, *13*).

Основная часть всей изразцовой коллекции относится к концу XVI — первой половине XVII в.— времени наибольшего расцвета Мирского замка. Причем время бытования некоторых экземпляров можно определить довольно точно. На одной изразцовой коронке отчетливо читается дата: 1583 г. (рис. 4, *15*). Найдена коронка возле северного замкового корпуса вместе с двузубой вилкой, белоглиняной голландской курительной трубкой раннего типа и рядом других предметов, бытовавших в конце XVI — начале XVII в. Этот материал свидетельствует о том, что к этому времени северный корпус дворца, построенный Радзивиллами, уже функционировал.

Весь изразцовый материал можно разделить на три большие группы: неполивные изразцы, изразцы, покрытые зеленой поливой различных оттенков, и полихромные изразцы (часть полихромных изразцов уже опубликована) [17, 18].

Лицевые пластины изразцов украшены геометрическим, растительным, геральдическим и сюжетным орнаментом. По своему месту в печной облицовке изразцы Мирского замка можно разделить на: стенные разных форматов, стенные половинные (их лицевая пластина чуть меньше половины обычного стенного изразца), угловые, карнизные двух вариантов (сложного профиля и простого), поясные, коронки или городки (рис. 4, *1—5*) и изразцы-черепицы для покрытия куполов печей (рис. 5, *3*).

В Мирском замке в 1982—1983 гг. обнаружено несколько изразцов-медальонов, которые не имеют румпы. Следы закопченности на их тыльной части отсутствуют. Все они найдены в раскопах возле северного корпуса дворца. Два медальона имеют сзади небольшие крепежные шипы. Один из них полихромный [17, с. 39], другой покрыт зеленой поливой (рис. 5, *4*). На обоих изображен орел с гербом Радзивиллов на груди. На двух фрагментах полихромного медальона прямоугольной или квадратной формы имеется рисунок лошади (рис. 5, *22*). Вероятно, на лошади сидел всадник. Не исключено, что это остатки государственного герба Великого княжества Литовского. Эти медальоны могли украшать интерьеры помещений. Подобные геральдические медальоны, но бóльших размеров обнаружены при раскопках Нижнего замка в Вильнюсе [19, с. 44].

Следует отметить, что неполивные, зеленополивные и полихромные изразцы часто изготовлялись в одной деревянной форме и отличались только ценой изделия. К изразцам, которые бытовали в конце XVI в., кроме хорошо датированной коронки, следует отнести ряд квадратных стенных, а также карнизные изразцы и коронки, на которых присутствует различного рода орнаментика, выполненная в технике высокого рельефа и имеющая аналогии на территории Белоруссии и соседних с ней областей. Так, изображение букета в вазе характерно для белорусской орнаментики начиная с середины XVI в. Наиболее ранние экземпляры обнаружены Г. В. Штыховым в Логойске и относятся к середине XVI в. [20, с. 32]. К концу XVI в. орнамент становится все более реалистичным, однако ренессансная традиция исполнения еще сохраняется (рис. 4, *24*). В Мирском замке обнаружены терракотовые и зеленополивные экземпляры с таким рисунком. Подобные изразцы найдены в слое конца XVI в., в Лидском замке [21, с. 346], а также в Вильнюсе [19, с. 68].

В XVII в. этот мотив получает большее распространение и наблюдается буквально в каждом центре белорусского изразцового производства. Однако низкорельефный рисунок полностью соответствует традициям барочного искусства. Изразец с прямоугольной лицевой пластиной относится к первой половине XVII в. (рис. 4, *22*).

К концу XVI в. можно отнести крупнорельефные изразцы, украшенные геральдическим или сюжетным орнаментом (рис. 5, *9, 12, 18—21, 26*). Одни из них, особенно с гербом Радзивиллов, изготовлялись, вероятно,

по специальному заказу и аналогов в Белоруссии пока не имеют. Другие,— а это различные варианты изображений грифонов, ангелов с крыльями и дубовых листьев,— встречаются довольно часто. Так, например, изображения грифонов и дубовых листьев известны на полихромных и зеленых поливных изразцах конца XVI — первой половины XVII в. из раскопок в городском поселке Заславль Минского р-на [22, рис. 70, 71]. Карнизный изразец с изображением головы ангела с крыльями имеет наибольшее сходство с новогрудскими изразцами [23, рис. 53, *2*]. Представляет интерес фрагмент неполивного изразца с изображением св. Юрия (Георгия) на коне, который убивает змея (рис. 5, *24*). Это одно из ранних подобных изображений, выполненных в ренессансной технике. Подобные изображения на изразцах XVII в., найденные в городах Могилеве [24, с. 73, рис. 2, *6*] и Мстиславле [13, с. 371], отличаются чисто барочной трактовкой вышеназванного сюжета.

В облицовке печей конца XVI в. применялись наряду с сюжетными и геральдическими карнизные изразцы с растительным орнаментом (рис. 4, *18, 26*). Геральдические изразцы первой половины XVII в. выполнены уже в другой технике: рельеф очень мелкий, над головой орла появилась корона, рисунок заключен в прямоугольную рамку (рис. 5, *10, 11, 30, 31*). Интерес представляют два варианта геральдических изразцов, у которых орел вписан в круг, а в четырех углах поля лицевой пластины появляются стилизованные изображения цветочных букетов (рис. 5, *25, 30*).

В конце XVI в. появляются различные виды геометрического орнамента, которые бытуют до середины XVII в. (рис. 5, *1, 2, 5, 6*). Особенное распространение получил орнамент, состоящий из четырех углубленных квадратов. Эта орнаментика характерна для изразцовых печей Белоруссии, Литвы и Латвии первой половины XVII в. [25, 26, табл. II; 27, рис. 84, *4*]. Найдены фрагменты изразцов с геральдическими буквами (рис. 5, *7*). Представляет интерес большой квадратный изразец со смешанным геометрически-растительным орнаментом (рис. 5, *8*).

К этому же времени можно отнести и фрагменты зеленых поливных изразцов, на которых частично видны изображения герба и стоят инициалы владельца (рис. 5, *23, 28*). Изображение с родовым гербом Радзивиллов и инициалами владельца обнаружено на фрагменте оловянного блюда (рис. 7).

Наряду с вышеназванным геометрическим орнаментом на рубеже XVI и XVII вв. появляется и бытует до середины XVII в. симметричный (четырехчленная симметрия) растительный орнамент. В Мирском замке насчитывается семь основных вариантов этого орнамента (рис. 4, *19—21, 23, 27—29*). Различные варианты этого типа орнамента бытуют во всех белорусских городах [28, рис. 1, 2]. Известен этот орнамент и в Литве [19, рис. 57]. Первой половиной — серединой XVII в. можно датировать и те фрагменты изразцов, у которых не удалось реконструировать полностью рисунок лицевой пластины (рис. 4, *11—13*; 5, *25*).

Небольшое количество фрагментов изразцов, найденных в разных местах замка, можно отнести ко второй половине — концу XVII в. Все эти изразцы не имеют рамки на лицевой пластине. Это фрагмент полихромного изразца с геометрическим орнаментом (рис. 4, *7*), часть зеленого поливного изразца с монограммой (рис. 5, *29*) и угловая часть лицевой пластины неполивного изразца, украшенного «ковровым» орнаментом (рис. 4, *14*).

В XVIII в. печи в Мирском замке складывались из гладких неполивных, зеленых и белых поливных стенных и профилированных карнизных изразцов без орнамента. По углам печей располагались угловые изразцы с изображением витых балясин (рис. 4, *6*).

Если проанализировать соотношение находок терракотовых, зеленополивных и полихромных изразцов на замковой территории, можно определить, какие печи и из каких изразцов были в разных помещениях замка. Так, в раскопах возле южной замковой стены, где были хозяйственные постройки, собраны только зеленые и неполивные изразцы, причем

последних было большинство. В раскопах возле предбрамья встречались различные типы изразцов, в том числе и полихромные. Наибольшее количество полихромных изразцов собрано возле северной замковой стены, где размещался северный корпус дворца Радзивиллов.

На основании анализа всего изразцового материала можно утверждать, что в хозяйственных помещениях для слуг были скромные печи из неполивных изразцов, в служебных — из зеленых, а в самых богатых комнатах на втором и третьем этажах стояли роскошные печи из многоцветных изразцов. Причем довольно часто рисунок на изразцах был один и тот же и изготовлялись они в одной и той же форме.

Кроме изразцов, в культурном слое городского поселка и замка собрано много изделий из металла и стекла. Коллекция стеклянной посуды обработана пока частично [29], а из металлических изделий мы приводим наиболее характерные и хорошо датируемые экземпляры (рис. 6). Из всех металлических изделий лучшим датирующим материалом являются подковки на обувь. От самых ранних экземпляров высотой 1,5—3 см с тремя шипами на ребре они эволюционировали к плоским подковкам, которые крепились гвоздями (рис. 6, *1—6*). Весьма характерная находка для культурного слоя замка — фрагменты дверной скобянки (рис. 6, *10, 12*). В слое XVII в. найдены два фрагмента шпор и один целый экземпляр (рис. 6, *7, 9, 15*), небольшое металлическое ядро (рис. 6, *14*), бубенчик (рис. 6, *8*) и обломок ножа с костяной ручкой (рис. 6, *13*). Наиболее близкие аналогии металлическим изделиям из Мирского замка известны в Литве и Латвии [26, рис. 23, 39, 42; 27, рис. 76, 77, 81].

Собранная, обработанная и частично отреставрированная коллекция архитектурно-археологических материалов помогла реставраторам восстановить интерьеры и внешний облик Мирского замка [30] [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Syrokomla W.* Wędrówki po moich niegdyś okolicach. Wilno, 1853.
2. *Иодковский И. И.* Замок в Мире.— Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при императорском Московском археологическом обществе. Т. VI. М., 1915.
3. *Грицкевич А. П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. Минск: Наука и техника, 1974.
4. *Ткачоў М. А.* Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст. Мінск: Навука і тэхніка, 1978.
5. *Balinski M., Lipinski T.* Starożytna Polska. T. III. Warszawa. 1846.
6. *Калнин В. В.* Замок в Мире. Минск: Полымя, 1978.
7. *Янкавічэне А. С.* Самобытная рысы беларускай готыкі.— ПГКБ, 1974, № 1.
8. *Митянин А. Я.* Замок в Мире. Автореф. канд. дис. Минск: 1954.
9. *Ткачоў М. А.* Замкі Беларусі. Мінск: Полымя, 1977.
10. *Зданович Н. І.* Мірская бытавая кераміка.— ПГКБ, 1983. № 3.
11. *Трусаў А. А.* Археалагічнае даследванне Мірскага замка.— ПГКБ, 1980, № 4.
12. *Трусаў А. А.* Беларуская чарапіца.— ПГКБ, 1983, № 1.
13. *Трусов О. А.* Работы архитектурно-археологической экспедиции.— АО — 1982. М., 1984.
14. *Трусаў А. А.* Археалагічнае вывучэнне помнікаў беларускай манументальнай архітэктуры XIII—XVIII стст.— Весці АН БССР, сер. грам. навук, 1980, № 6.
15. *Калнін В. В., Трэпет Л. В.* Мірскі замак.— ПГКБ, 1975, № 1.
16. Архив СНРПМ, объект 568, инв. № 29. Инвентарная опись Мирского замка.
17. *Трусаў А. А., Угрыновіч У. В.* Паліхромная кафля Мірскага замка.— Мастацтва Беларусі, 1983. № 3.
18. *Трусаў А. А., Угрыновіч У.* Беларуская поліхромная кафля.— ПГКБ, 1983, № 4.
19. *Таутавичюс А.* Изразцы Вильнюсского замка XVI—XVII вв. Вильнюс: Минтис, 1969.
20. *Штыхаў Г. В., Угрыновіч У. В., Трусаў А. А.* Кафля Лагойскага замка.— Беларусь, 1981, № 5.
21. *Трусов О. А.* Исследования средневековых замков Белоруссии.— АО — 1980. М., 1981.
22. Заслаўскі гісторыка-археалагічны запаведнік. Мінск: Беларусь, 1983.
23. *Овсянников О. В.* Архитектурно-декоративная керамика XVI—XVII вв. из Новогрудка.— КСИА, 1969, вып. 120.

[1] Доклад О. А. Трусова на заседании сектора славяно-русской археологии Института археологии АН СССР 8 апреля 1982 г.

24. *Трусаў А. А., Чарняўскі І. М., Кукуня В. Р.* Архітэктурна-археалагічныя даследванні гістарычнага цэнтра Магілёва.— Весці АН БССР, сер. грам. навук, 1983, № 5.
25. *Трусаў А., Угрыновіч У.* Кафля Лідскага замка.— Літаратура і мастацтва, 1980, 10 кастрычніка.
26. *Volkaite-Kulikauskiené R.* Punios Piliakalnis. Vilnius: Mintis, 1974.
27. *Snore E., Zarina A.* Senā Sēlpils. Rīga: Zinātne. 1980.
28. *Розенфельдт Р. Л.* Белорусские изразцы.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
29. *Трусаў А., Ляшкевіч А.* Шкло Мірскага замка.— ПГКБ, 1984, № 3.
30. *Калнин В. В.* Мирский замок: реставрация и приспособление.— Строительство и архитектура Белоруссии, 1983, № 2.

O. A. Trusov, I. M. Chernyavsky, A. K. Kravtsevich

ARCHITECTURAL AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE MIR CASTLE AND THE MIR URBAN SETTLEMENT IN THE GRODNO REGION

Summary

Many architectural landmarks in Byelorussia are now being restored and studied. For some years archaeologists conducted research in Mir castle, a unique monument of Byelorussian architecture, and the Mir urban settlement. They discovered the initial centre of the settlement, studied the level of the material culture and revealed remains of a 17th-century brick construction. Two hoards of the 17th century and parts of a pottery kiln of the 18th century are most interesting finds. The scholars went through all construction stages of the castle: the early 16th century, late 16th-early 17th centuries, the 18th century, early 20th century, and found traces of the original settlement dating to the second half of the 15th century. The vast archaeological material (glased and unglased tiles, glass and metal objects, and kitchen untensils and dishes) will serve the foundation of restoration work of both the castle's interior and its outward appearance.

Т. Б. ШАШКИНА, В. А. ГАЛИБИН

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО КОЛОКОЛЬНОГО ЛИТЬЯ

(результаты химико-аналитического исследования)

Колокола на Руси — самобытные памятники духовной и материальной культуры. Вопрос о становлении колокололитейного ремесла в Древней Руси представляет большой интерес, так как производство колоколов было наиболее характерным и ответственным видом литейного дела. Высокий художественный и технический уровень этого ремесла, не имеющего равных по монументальности, масштабности и сложности решаемых задач, неизменно отмечался историками литейного производства и художественного ремесла [1, с. 117—120; 2, с. 600—608; 3, с. 377—387; 4, с. 99—119; 5, с. 52, 53; 6; 7, с. 54—65; 8], зафиксирован в свидетельствах иностранных путешественников [9], а также в собственных источниках по колокололитейному делу [10; 11, с. 219—226].

Еще в первой половине XIX в. и в России, и в Западной Европе возник интерес к химическому определению древних памятников колокольного литья: в литературе многократно описывается рецепт колокольного сплава (колокольной меди), обсуждается происхождение легенд о необходимости добавок серебра, приводятся сведения о способах и условиях правильных отливок [10; 12, с. 124—129; 13, с. 282, 283; 14, с. 347, 348; 15, с. 107, 108; 16, с. 17]. К этому же времени относятся первые пробы анализов химического состава колоколов. Однако в какое-либо систематическое исследование этот интерес не вылился, в качестве единственного исключения назовем статью [17, с. 16—25], содержащую результаты химического анализа датских, норвежских и шведских колоколов и сводку данных из отдельных разрозненных источников.

В данном сообщении приводятся предварительные результаты химико-аналитического исследования памятников русского колокольного литья XI — начала XVIII в. К настоящему времени удалось исследовать: 1) 11 памятников домонгольского времени — фрагменты колоколов древнего Путивля (раскопки Б. А. Рыбакова, 1965 г.), древнего Переяславля (раскопки М. И. Сикорского, 1972 г. и случайная находка, 1972 г.), древнего Изяславля (раскопки М. К. Каргера, 1960 г.), колокол из древнего Городеска (раскопки Р. И. Выезжаева, 1955 г. [18, с. 106, рис. 1]), Воиня [19, с. 95, табл. XV], три фрагмента колоколов из Сахновки (Девичь-гора) (раскопки В. Е. Гезе, 1904 г. [20, с. 210]), древнего Киева (раскопки М. К. Каргера, 1946 г. [3, с. 387]), два фрагмента колоколов древнего Мстиславля (раскопки Л. В. Алексеева, 1964 г.); 2) колокол 1341 г. мастера Якова Скора — известный памятник западнорусского колокольного литья [6, с. 6—8; 21, с. 88—95; 22, с. 14, 15]; 3) два колокола XV в. (Пафнутьево-Боровский и Симонов монастыри); 4) восемь колоколов XVI в. псковского, львовского и московского литья; 5) 11 колоколов псковского, московского и украинского литья XVII в.; 5) колокол Киево-Софийской звонницы XVIII в.

С целью обоснования физико-химической основы исторически сложившегося рецепта колокольной бронзы одним из авторов ранее было проведено исследование колокольного сплава методами физического металловедения [23]. Основные выводы этой работы можно резюмировать следующим образом.

Колокольная бронза представляет собой сплав, требующий удовлетворения большому набору специальных требований, именно: механические свойства — высокая прочность, твердость, износостойкость; акустические

свойства — способность давать длительные, медленно затухающие колебания — отсюда низкое затухание (низкое внутреннее трение), высокое значение модуля упругости, низкая скорость звука, высокая плотность, минимальная пористость; литейные свойства — низкая температура плавления, хорошая жидкотекучесть.

Всем этим требованиям в максимальной степени отвечает чистая оловянистая бронза состава: Cu — 18—24%, Sn — 20—22% (предпочтительно) благодаря благоприятному соотношению основных составляющих фаз: матрицы — мягкой и пластичной α-фазы (твердый раствор олова в меди) и твердого и хрупкого интерметаллического соединения $Cu_{31}Sn_8$ (δ-фазы), ответственного за акустическое поведение сплава. При этом исключительно важное значение имеет чистота сплава, поскольку любые примеси, даже в незначительных количествах, ухудшают свойства сплава. Так, свинец делает бронзу мягкой и способствует преждевременному износу в месте удара, в то же время он придает звучанию глухость; сурьма увеличивает пористость и крупнокристалличность; кислород и сера способствуют образованию раковин [24, с. 47, 48; 25, с. 78].

Понятно, что достаточно полная химическая характеристика исторических памятников должна включать анализ как главных компонентов сплава, так и всех примесных элементов. Поэтому при выборе методики анализа потребовалось учесть два следующих обстоятельства: то, что колокольная бронза является высокооловянистой бронзой, и то, что в реальных памятниках колокольного литья часто обнаруживается в достаточно больших количествах свинец (в отдельных случаях до 10%), что заставляет рассматривать соответствующие сплавы уже не как двух-, а как трехкомпонентные.

Принятая методика исследования заключалась в следующем. Определение состава металла производилось с помощью количественного спектрального анализа по методу трех эталонов, при котором на одну фотопластинку вместе с пробами снималось не менее трех спектров эталонов с различными содержаниями и соотношениями определяемых элементов (8—10 эталонов). Элементы-примеси определялись обычным методом путем построения аналитических графиков в координатах $\Delta S = S_{линии} - S_{фона}/\lg C$ и при учете величины навески пробы.

Анализ главных компонентов — меди, олова и свинца — производился по методу взаимного стандарта. В отличие от обычной методики спектрального анализа в этом методе определяется не абсолютная концентрация элемента, а отношения концентраций пар элементов (в данном случае $Cu/Sn = R_1$ и $Sn/Pb = R_2$), каждый из которых служит внутренним стандартом другого. Пересчет отношений компонентов к процентному содержанию производился по формулам:

$$Cu\% = \frac{R_1R_2 \cdot 100\%}{R_1R_2 + R_2 + 1}; \quad Sn\% = \frac{R_2 \cdot 100\%}{R_1R_2 + R_2 + 1};$$

$$Pb\% = \frac{100\%}{R_1R_2 + R_2 + 1}.$$

Преимуществом метода взаимного стандарта по сравнению с обычным методом является: а) независимость результатов анализа от величины навески пробы (в пределах 1—15 мг), т. е. отсутствие ошибки взвешивания; б) определение любых содержаний практически с одинаковой точностью; в) более высокая точность анализа (в 1,5—2 раза) за счет применения стандарта и отсутствия ошибки взвешивания. Так, например, для олова ошибка анализа (коэффициент вариации) составляет 7,7%, а для свинца — 17% против 15 и 27% соответственно при анализе обычным методом.

Для оценки суммарной ошибки анализа следовало бы также учесть влияние ликвации — неоднородности химического состава по сечению отливок. Для отливок столь сложной конфигурации, как колокола, неодно-

№ п. п.	Лабораторный шрифт	Происхождение	Место хранения	Дата
1	206-45	Переяславль	Переяслав-Хмельницкий Истор. музей	XI в.
2	207-8	Путивль	ИА АН СССР	XII—1-я пол. XIII в.
3	208-41	Сахновка (Девичь-гора)	Киев, Истор. музей, инв. в 3488/43	XII—1-я пол. XIII в.
4	208-42	»	Там же, инв. в. 407/7653	XII—1-я пол. XIII в.
5	208-43	»	Там же, инв. в 3488/43	XII—1-я пол. XIII в.
6	208-44	Киев, Б. Житомирская	Там же, инв. в 6/2535/1	XI—1-я пол. XIII в.
7	213-13	Вопнь	Киев, Музей АН УССР	XI—XII в.
8	213-15	Городеск	»	XII—1-я пол. XIII в.
9	213-20	Изяславль	ГЭ, ОИРК ГП-60, инв. 2370/2	XII—1-я пол. XIII в.
10	300-27	Мстиславль	ИА АН СССР	XII—1-я пол. XIII в.
11	300-28	»	»	XII—1-я пол. XIII в.
12	256-27	Львов	Львов, собор Св. Юра	XIV в. (1341)
13	308-13	Пафнутьево-Боровский монастырь	Москва, Коломенское, инв. О-1039	XV в. (1487)
14	308-14	Симонов монастырь	Там же, инв. О-1035	XV в.
15	189-38	Псков	Псков, Дмитровская церковь	XVI в. (1526)
16	308-16	Калининская обл., погост Смердынь	Москва, Коломенское, инв. О-1033	XVI в. (1545)
17	213-16	?	ГИМ, инв. 46865/4927	XVI в. (1556)
18	308-15	Московская обл., с. Ратмир	Москва, Коломенское, инв. О-1032	XVI в. (1557)
19	189-37	Псково-Печерский монастырь	Псков, Троицкий собор	XVI в. (1557)
20	189-34	Псковская обл., Гдовский р-н, д. Озера́	Псков, музей-заповедник, инв. 3905	XVI в. (1562)
21	189-35	»	Там же, инв. 3906	XVI в.
22	256-25	Львов, Доминиканский костел	Львов, Истор. музей	XVI в. (1584)
23	256-24	Львов, Бернардинский костел	»	XVI в. (1588)
24	256-26	Старый Самбор, с. Градовичи	Там же, инв. Рк-259	XVI в.
25	189-36	Псковская обл., д. Руски	Псков, музей-заповедник	XVII в. (1603)
26	189-39	Псков	Псков, ц. Николы	XVII в. (1615)
27	189-40	Псковская обл.	Псковская обл., с. Тайлово	XVII в.
28	189-41	»	»	XVII в.
29	236-31	Новый Иерусалим	Москва, МИРМ	XVII в.
30	213-19	Москва, ц. Успения на м. Дмитровке	Там же, МГМ-80, инв. 2364	XVII в.
31	308-21	б. Коломенская волость, с. Сабурово	Москва, Коломенское, инв. О-1878	XVII в. (1641)
32	308-19	Москва, Алексеевский монастырь	Там же, инв. О-1067	XVII в. (1648)
33	213-18	с. Ро́славичи	Киев, Истор. музей	XVII в. (1649)
34	308-17	Николо-Угрешский монастырь	Москва, Коломенское, инв. О-1037	XVII в. (1655)
35	б/№	Звенигород	Звенигород, истор.-арх. музей	XVII в. (1668)
36	308-18	Бельгия	Москва, Коломенское, инв. О-1040	XVII в. (1673)
37	308-20	Московская обл., с. Медведково	Там же, инв. О-1038	XVII в. (1687)
38	213-21	Киев, Софийский собор	Киев, Софийский музей	XVIII в. (1705)

* Два колокола польского (или польско-русского происхождения XVI в. (№ 22, 23) и фламанд

тав колоколов *

Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Bi	Sb	Fe	Co	Ni	Сумма примесей
68,5	29,4	1,5	0,09	0,023	0,20	0,015	0,23	0,035	0,008	0,025	0,63
77,0	20,4	0,7	0,06	0,05	0,11	0,025	0,35	0,25	—	0,014	0,86
79,5	18,2	2,1	—	0,03	0,14	0,011	0,40	0,053	—	0,032	0,67
75,0	22,3	1,3	—	0,03	0,70	0,03	0,65	0,018	0,007	0,045	1,48
77,0	20,4	1,2	—	0,03	0,55	0,028	0,60	0,025	0,007	0,045	1,29
76,0	22,7	1,6	—	0,02	0,16	0,013	0,50	0,055	—	0,03	0,78
80,0	17,8	1,2	0,055	0,022	0,11	0,067	0,18	0,04	—	0,031	0,51
78,0	20,4	0,9	0,07	0,02	0,09	0,011	0,21	0,6	—	0,035	1,04
78,0	20,4	0,9	—	0,012	0,15	0,017	0,32	0,09	—	0,024	0,61
75,4	18,0	4,0	—	0,06	—	0,015	0,5	2,0	—	0,009	2,58
74,3	19,0	3,0	0,06	0,03	0,14	0,025	0,45	3,0	—	0,045	3,75
72,5	18,0	2,0	—	0,11	0,8	0,11	6,0	0,4	0,018	0,06	7,49
76,0	22,0	0,5	0,045	0,2	0,6	0,03	0,5	0,045	—	0,09	1,51
77,2	19,0	0,6	0,65	0,04	1,2	0,05	0,5	0,55	—	0,2	3,19
84,0	14,0	0,45	0,13	0,01	0,75	0,065	0,4	0,05	0,004	0,4	1,81
82,5	15,0	0,45	0,07	0,18	0,23	0,08	0,45	1,0	0,009	0,065	2,08
79,0	18,5	1,2	0,25	0,025	0,60	0,1	0,28	0,03	0,013	0,09	1,39
97,1	1,3	0,3	0,4	0,02	—	0,03	0,08	0,7	—	0,04	1,27
80,0	18,0	0,36	—	0,02	0,31	0,07	0,8	0,016	—	0,06	1,28
71,0	14,0	11,0	0,4	0,02	1,2	0,1	1,7	0,013	0,017	0,45	3,90
79,0	15,0	4,0	0,11	0,025	0,55	0,06	1,1	0,011	0,01	0,3	2,17
73,1	23,0	2,0	0,045	0,25	0,16	0,067	1,3	0,015	0,006	0,06	1,90
74,2	20,0	3,0	0,3	0,2	0,43	0,063	1,6	0,025	0,009	0,2	2,83
69,9	24,0	1,3	0,3	0,2	1,2	0,033	2,5	0,27	0,015	0,5	5,02
75,0	23,5	0,95	0,06	0,03	0,4	0,1	0,1	0,04	0,02	0,06	0,81
75,0	19,3	1,9	0,14	0,015	1,2	0,09	1,6	0,02	0,012	0,38	3,46
76,0	21,3	2,2	0,07	0,01	0,16	0,055	0,11	0,03	0,0045	0,025	0,46
75,0	22,4	1,7	0,05	0,02	0,16	0,055	0,11	0,012	0,0045	0,075	0,49
79,5	20,0	0,3	0,067	0,022	0,12	0,028	0,033	0,18	—	0,009	0,46
81,8	17,0	0,55	0,17	0,05	0,19	0,03	0,13	0,025	—	0,08	0,68
76,0	23,0	0,35	0,045	0,15	0,16	0,03	0,13	0,1	—	0,055	0,68
79,0	20,0	0,2	—	0,2	—	0,018	0,016	0,6	—	0,01	0,84
79,5	18,2	1,1	0,06	0,015	0,5	0,05	0,45	0,012	0,018	0,1	1,21
79,1	18,0	0,7	0,12	0,11	0,6	0,1	0,6	0,4	0,025	0,22	2,18
81,3	18,3	0,23	—	0,05	—	0,005	0,10	0,04	0,007	0,008	0,21
74,5	19,0	0,75	0,6	0,075	0,45	0,06	0,5	4,0	—	0,06	5,75
75,6	21,0	1,8	0,3	0,13	0,32	0,045	0,5	0,2	0,018	0,1	1,61
78,5	17,5	1,6	0,06	0,016	0,7	0,06	1,6	0,05	0,011	0,13	2,63

ский колокол XVII в. (№ 36) из состава изученных коллекций включены в таблицу для сравнения.

родность состава из-за неравновесной кристаллизации возникает и вдоль профиля стенки, и по поперечному сечению и может меняться от десятых долей процента до нескольких процентов в зависимости от размеров и скорости охлаждения [25, с. 78, 79; 26, с. 13, 14]. Поэтому в идеальной ситуации (в частности, для целей реставрации) отбор проб следовало бы производить в верхней, средней и нижней частях изделия, а также снаружи и внутри.

Поскольку, однако, в данной работе исследованию были подвергнуты образцы колокольного литья любых размеров, от небольших колоколов домонгольского времени (диаметр ~30—60 см) до крупных колоколов XVII в. (диаметр порядка 2—3 м), бóльшую часть из которых составляли фрагменты, сколько-нибудь единообразный учет ошибки анализа из-за ликвации был невозможен, так же как не представлялось возможным выработать единообразную систему отбора проб (пробы отбирались в произвольных, доступных для этого местах). Для целей получения общей картины ремесленного процесса описанную методику анализа было признано считать если не единственно возможной, то оптимальной, ограничивая точность определения основных компонентов сплава неопределенной ошибкой порядка 2—3% (абсолютных).

Результаты анализа перечисленных выше памятников приведены в таблице и дают возможность сделать следующие наблюдения.

1. Составы были устойчивы: на всем протяжении изучаемого периода (XI — начало XVIII в.) колокололитейное ремесло работает на высокооловянистой бронзе на основе системы Cu—Sn с примесью свинца (размах 0,2—11%, среднее значение 1,57%, среднеквадратичное отклонение 1,84%).

2. Среднее суммарное содержание примесей по всей группе анализов — 1,74% (размах 0,21—7,49%), среднеквадратичное отклонение 1,52%, 95%-ный доверительный интервал 1,24—2,24%, что, с учетом индивидуального разброса, означает достаточно хороший уровень чистоты (на уровне современных технических сплавов). Для колокольной бронзы это тем более важно, что примеси в количестве более 2% уже значительно ухудшают свойства сплава.

3. Однородность составов выражена в значительно большей степени по домонгольскому периоду, чем для XIV—XVII вв. Это обстоятельство может рассматриваться как отражение закономерностей между химическим составом и размерами колоколов, обнаруженных, видимо, уже на ранней стадии развития колокололитейного дела и зафиксированных в поздних письменных источниках: для небольших колоколов подбирался сплав с содержанием олова до 22—24%, для больших — 17—20%. Реальным основанием для такого разделения является оптимальность состава колокольной бронзы по механическим и акустическим свойствам с преимуществом в пользу акустических, в силу чего сплав работает на пределе допустимой хрупкости. По этой причине тенденция к понижению содержания олова в XVI и XVII вв. означает стремление к гарантированной прочности в процессе овладения техникой отливки крупных колоколов.

4. Сравнение с западноевропейскими данными не дает практически никаких существенных отличий ни по средним значениям, ни по временны́м тенденциям. Древнерусское колокололитейное ремесло осуществляется, таким образом, в русле общеевропейской ремесленной традиции.

5. Серебро в исследованных памятниках обнаружено на уровне естественного содержания примесей (сотые доли процента) и лишь в нескольких случаях в десятых долях процента. Те же результаты сообщаются иностранными источниками: ни в одном из исконно считавшихся серебряными колоколов наличие заметного количества серебра не подтвердилось [15, с. 108; 2, с. 79, 80]. Специальное исследование, посвященное установлению влияния примесей на акустические свойства стандартной колокольной бронзы, показало, что легирование серебром (до 5%) приводит к некоторому повышению твердости и затухания звука и понижению скорости звука, но далеко не в той степени, чтобы влия-

ние серебра можно было бы признать акустически значимым [26, с. 17]. Следует заметить, что при содержании олова в 22—25% оловянистая бронза имеет беловато-серебристый цвет, что, по-видимому, является одной из причин устойчивых представлений о необходимости серебра в колокольном сплаве.

6. Сравнение с письменными источниками (с той оговоркой, что собственно русских источников ранее XVII в. пока не обнаружено и все заключения приходится делать на основании западноевропейских материалов [27, с. 175; 28, с. 210, 211; 29, с. 4; 30, с. 80]) дает существенные расхождения для XI—XVI вв. и достаточно хорошее совпадение для XVII в. Видимо, только к концу XVI — началу XVII в. можно отнести окончательное становление состава сплава колокололитейного ремесла и его уверенную фиксацию в письменной традиции.

Таким образом, памятники древнерусского колокололитейного искусства свидетельствуют о высоком эмпирическом уровне физико-химических знаний мастеров и умений в обращении с металлами и сплавами, вскрывают непрерывность в развитии этого сложного ремесла. Дальнейшее исследование предполагает расширение и уточнение данных по отдельным хронологическим пластам, а также возможное выявление локальных явлений. Реальную возможность для этого предоставляет наличие достаточно большого числа сохранившихся памятников псковского, новгородского и московского литья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристов Н.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.
2. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
3. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. I. М.— Л.; Изд-во АН СССР, 1958.
4. *Рубцов Н. Н.* История литейного производства в СССР. Ч. 1. М.: Машгиз, 1962.
5. *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М.: Наука, 1966.
6. *Жолтовський П. М.* Художнє лиття на Україні. XIV—XVIII ст. Київ: Наук. думка, 1973.
7. *Петриченко А. М.* Книга о литье. Киев: Техніка, 1972.
8. *Афанасьев В. И.* Документальные материалы XVII века о литейном производстве в России в «Основном собрании грамот».— В кн.: Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1979.
9. *Алеппский П.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1898.
10. *Оловянишников Н. И.* История колоколов и колокололитейное искусство. М., 1912.
11. *Кнаббе В. С.* Литейное дело. Т. VI, ч. 6. СПб., 1900.
12. *Спасский Г.* О колоколах, достопримечательных по своей величине.— Горный журнал, 1833, ч. I, кн. I.
13. *Viollet-le-Duc M.* Dictionnaire Raissoné de L'Architecture Française du XIe au XVIe siècle. T. 3. P., 1868.
14. Подвиги человеческого ума. Общепонятное изложение изобретений и технических производств, составленное профессорами Бобриком, Беттером, Колем, Лукенбахером и др. Т. II. СПб.— М., 1870.
15. *Havard H.* Les Bronzes d'Art et d'Ameublement. P., s. a.
16. *Рыбаков С. Г.* Церковный звон в России. СПб., 1896.
17. *Sørensen P. G.* Om nogle aeldre klokkebronzers kemiske sammensæthing.— Acta campanol., 1977, v. 2, 1.
18. *Выезжев Р. И.* Колокола древнего Городеска.— КСИА АН УССР, 1959, вып. 9.
19. *Довженко В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Древньоруське місто Воїнь. Київ: Наук. думка, 1966.
20. *Раскопки В. Е.* Гезе в Каневском у. Киевской губ.— АЛЮР, 1901, т. III.
21. *Szydlowski T.* Dzwony starodawne. Kraków, 1922.
22. *Badecki K.* Sredniowieczne ludwisarstwo lwowskie. Lwow — Warszawa — Kraków, 1921.
23. *Шашкина Т. Б.* Колокольная бронза.— В кн.: Колокола. История и современность. М.: Наука, 1985.
24. *Weissenbäck A., Pfundner J.* Tönendes Erz. Die abendländische Glocke als Tonistrument und die historischen Glocken in Österreich. Graz — Köln, 1961.
25. *Ellerhorst W.* Handbuch der Glockenkunde. Weingarten, 1957.
26. *Schad C.-R., Warlimont H.* Werkstoffeinflüsse auf die klanglichen Eigenschaften von Glockenbronzen.— Metall, 1972, 26 Jg., H. 1.
27. Манускрипт Теофила «Записка о разных искусствах».— Сообщ. ВЦНИЛКР, 1963, вып. 7.

28. *Biringuccio V.* The Pirotechnia. N. Y., 1943.
29. *Mersenne M.* Harmonie Universelle. P., 1636, livre 7 (Ed. CNRS, P., 1963).
30. *Вазари Дж.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих/Пер. коммент. Венидиктова А. И. Т. 1. М.: Искусство, 1956.

T. B. Shashkina, V. A. Galibin

EARLY RUSSIAN BELL CASTING
(chemical analysis)

Summary

The authors present the results of spectrum quantitative analyses of early Russian bells dated between the 11th and 18th centuries. The method of correlated standards with the use of the three components was applied to the study of the main components, copper, tin and lead, since earlier bell metal was marked, first, by high tin content and, second, by high lead content. This chemical investigation, when correlated with West European data and written sources allow us to tentatively assess the state of the Russian bell casting.

Заметки

А. Б. СУПРУНЕНКО

СОСУДЫ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СЕЛА ОРЛИК

В коллекции Орликского общественного краеведческого музея находится три лепных сосуда срубной культуры, которые происходят из курганов, размытых Днепродзержинским водохранилищем. Могильник занимал первую надпойменную террасу левого берега Днепра у бывшего с. Ульяновка (Орликский сельсовет Кобелякского р-на Полтавской обл.). Сосуды представляют случайные находки и поступили в музей в разное время между 1973 и 1975 гг.

На этом месте еще в начале века отмечено наличие курганов [1, с. 71]. Работами 1960 г. здесь же зафиксированы остатки поселения эпохи поздней бронзы [2, с. 31]. В настоящее время на территории с. Орлик и в его окрестностях выявлено более 70 курганов [3, с. 54], части из которых вследствие размыва водохранилищем грозит разрушение.

Первый сосуд (рис. 1, *1*) принадлежит к группе остроребериых сосудов низких пропорций с устойчивым дном и перегибом на середине высоты [4, с. 99]. Его короткий венчик отогнут наружу, закруглен и подчеркнут горизонтальной линией, оттиснутой шнуром. Такая же линия нанесена по округленным плечикам и служит основанием для оттиснутых шнуровым штампом, накладывающихся углами друг на друга, равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вверх и разделенных четырьмя линиями. Ниже ряд вертикальных отпечатков, нанесенных косо поставленной палочкой. Поверхность сосуда желто-серого цвета, ангобирована и подлощена. Высота 11,2 см; диаметры: венчика — 13,8, по ребру — 14,4, дна — 6 см; толщина стенок 0,9—1 см.

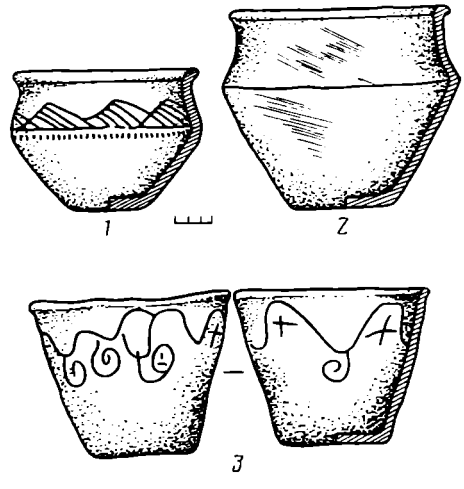


Рис. 1. Сосуды из окрестностей с. Орлик (*1—3*)

Близкие по форме, элементам и системе расположения орнамента сосуды происходят из раннесрубных погребений и реже из предсабатиновских и сабатиновских поселений. Сошлемся на сосуды из погр. 4 кург. 6 у с. Октябрьское Новоазовского р-на Донецкой обл. [5, с. 17, 18, рис. 4], погр. 11 кург. I курганной группы XII у пос. Верхняя Маевка Днепропетровской обл. [6, с. 14, табл. 3, *15*], с. Варваровки Карловского р-на Полтавской обл. [3, с. 50, табл. 4, *1*], поселения у с. Ильичевка Краснолиманского р-на Донецкой обл. [7, с. 163, рис. 7, *13*].

Второй неорнаментированный сосуд баночной формы, с отогнутым наружу венчиком и слабо округленными плечиками, удлиненной придонной частью и плоским дном (рис. 1, *2*) относится по типу к реберчатым [4, с. 94]. Его высота 15,5 см; диаметры: устья — 16,7, по ребру — 18, дна — 7,6 см; толщина стенок 0,8—1 см. На поверхности серо-черного

цвета местами заметны следы полосчатого заглаживания. Тесто с примесью песка и толченого гранита. Близкие сосуды обнаружены в срубных погребениях курганных могильников у пос. Верхняя Маевка [6, с. 49, табл. 10, *3, 2*].

Третий сосуд (рис. 1, *3*) — невысокая чаша баночного типа в форме срезанного конуса с расходящимися кверху стенками. Край венчика слегка отогнут наружу, закруглен. Внешняя поверхность черно-коричневого цвета подлощена. Высота чаши 12, диаметр венчика 15, дна — 8,1 см,

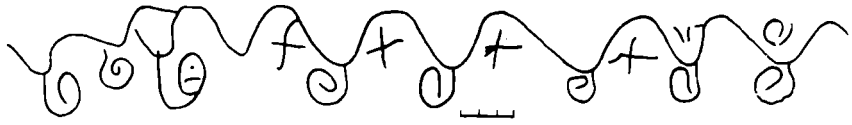


Рис. 2. Прорисовка знаков на сосуде 3

толщина стенок 0,7—0,8 см. По форме сосуд имеет многочисленные аналогии [4, с. 89, рис. 31; 8, с. 410, рис. 115, *4, 8*] и принадлежит раннесрубному времени. В верхней части он орнаментирован прочерченной замкнутой волнистой линией, от которой отходят, повернутые в разные стороны вниз восемь завитков (рис. 2). Между ними прочерчены четыре солярных знака в виде прямого, чуть скошенного и прямого со слегка загнутым верхним концом крестов. Отсутствие в орнаменте четкой ритмичности позволяет предположить, что перед нами не обычный орнамент, а рисунок-пиктограмма с определенным смыслом и семантической нагрузкой.

Существует мнение, что подобные изображения можно рассматривать как магические символы, имевшие культовое назначение [9, с. 176, 177]. О культовом предназначении сосудов со знаками, возможно, свидетельствует и совершенно чистое, без следов копоти дно [10, с. 251], что отмечено и на орликском горшке. Если предположение о том, что племена срубной культуры были знакомы с идеей письменности [9, с. 177] справедливо, то не исключено, что расшифровка срубных пиктограмм по мере накопления фактического материала со временем станет возможной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Макаренко Н.* Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917.
2. *Телегин Д. Я., Махно Е. В., Шарафутдинова И. Н.* Отчет о разведках в зоне Днепродзержинского водохранилища в 1960—1961 гг.— Архив ИА АН УССР, 1960-61/4, ф. э. 3643.
3. *Сидоренко Г. О., Махно Є. В., Телегін Д. Я.* Довідник з археології України. Полтавська область. Київ: Наук. думка, 1982.
4. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
5. *Гершкович Я. П.* Про кам"яні поховальні споруди зрубної культури Північно-Східного Приазов"я.— Археологія, 1982, № 41.
6. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Марина З. П., Лихачев В. А., Попцов В. А.* Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары.— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1977.
7. *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
8. *Лесков А. М.* Зрубна культура.— В кн.: Археологія Української РСР, т. 1, Київ: Наук. думка, 1971.
9. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
10. *Татаринов С. П.* Новые сосуды эпохи бронзы со знаками (Донбасс).— СА, 1981, № 4.

А. З. АПТЕКАРЕВ

КОМПЛЕКС ВЕЩЕЙ V В. ДО Н. Э. ИЗ СТАНИЦЫ СТАРОКОРСУНСКОЙ

Осенью 1979 г. в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник поступил комплекс предметов вооружения и снаряжения из ст. Старокорсунской на Кубани. Все предметы были найдены при рытье колодца, но к моменту поступления вещей в музей строительство колодца было уже закончено. Расположенный вплотную к колодцу кирпичный сарай мешал провести доследование разрушенного погребения. В результате опроса местных жителей, присутствовавших при извлечении вещей из земли, установлено, что они находились на глубине 1,5—1,6 м от современной поверхности. По словам находчиков, никаких костей при вещах не обнаружено. При просмотре отвалов земли остатков погребения нами не обнаружено.

Однако, по нашему мнению, весь комплекс происходит из разрушенного погребения и состоит из следующих предметов. Короткий меч-акинак. Клинок линзовидного сечения, слегка сужается к острию; конец обломан. Рукоять отделена массивным почковидным перекрестием округлых очертаний и имеет по краям с обеих сторон массивные валики. Клинок выкован вместе со стержнем рукояти. Перекрестие же состоит из двух сваренных кузнечным способом половинок. Навершие брусковидное. Длина меча 33,3 см, длина сохрабившейся части клинка 19,2 см, ширина в основании 2,9 см (рис. 1, *8*).

По наблюдениям А. И. Мелюковой мечи и кинжалы описанного типа более всего характерны для VI в. до н. э., главным образом для второй его половины [1, с. 47, рис. 15]. Такой же датировки придерживался К. Ф. Смирнов [2, с. 10]. Даже наиболее архаический из мечей этого типа, акинак из кургана 2 Райгорода Черкасской обл., имеющий бронзовые навершие, оправу рукояти и перекрестие, датируется по найденному вместе с ним чернолаковому килику временем не позднее середины VI в. до н. э. [1, с. 47, рис. 15, *3*; 3, с. 29, рис. 21, *4*]. Конечной датой бытования этого типа акинаков следует считать V в. до н. э.

Бронзовый наконечник ножен (рис. 1, *1*). По форме напоминает окончание клинка акинака — плавно закругляясь, его грани сходятся под острым углом. Около устья наконечник имеет круглые отверстия для крепления к дереву ножен — два симметрично расположенных с одной стороны и одно — с другой. С внутренней стороны наконечник заполнен прикипевшим железным обломком — концом меча или пера копья. Длина наконечника 5,8, ширина устья 2,2 см. Наконечники такого типа неоднократно находили вместе с мечами, например в кургане у с. Рыжановка и в кургане Старшая Могила у с. Аксютинцы [1, рис. 15, *8, 11*; 4, табл. I, *1*]. Известны такие же наконечники, служившие футлярами для наконечников копий [1, с. 43, табл. 12, *2*]. Учитывая, что в комплексе один меч и есть оригинальный наконечник ножен меча, описанный выше наконечник следует, видимо, считать частью футляра для наконечника копья.

Наиболее интересным предметом комплекса, несомненно, является цельнолитой наконечник ножен меча, выполненный в зверином стиле (рис. 2). Наконечник массивный, его корпус с лицевой стороны проковывался: следы этой проковки видны в виде слабо различимых продольных граней. Корпус наконечника имеет довольно широкое устье и, плавно сужаясь, оканчивается стилизованной волчьей мордой. Характерна трактовка деталей. Длинные, прижатые назад уши; выпуклая лобная часть с близко посаженными глазами, выполненными в виде небольших кнопок, переходит в довольно вытянутую полураскрытую пасть с губами, выделенными сплошным валиком и торчащими клыками. Сама голова (вид сверху) имеет несколько округлые очертания. Эту округлость придают ей два небольших валикообразных выступа на боковых изгибах наконечника. Тыльная сторона абсолютно гладкая, лишь на конце имеется

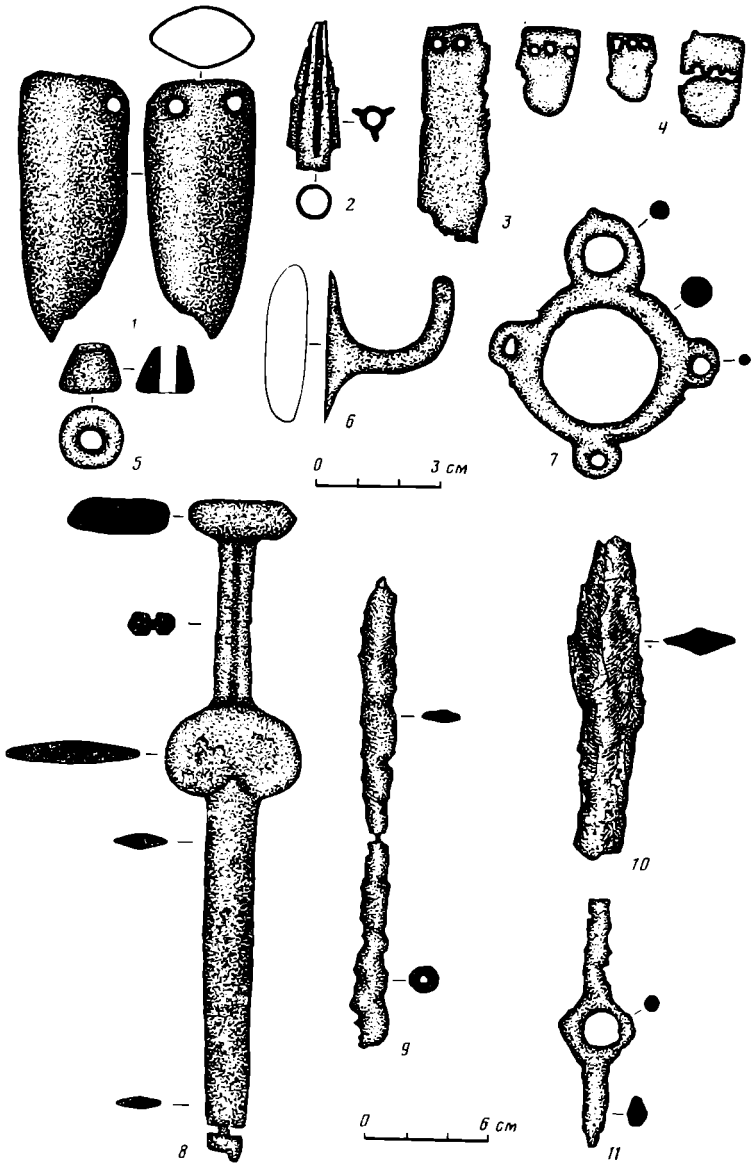


Рис. 1. *1* – наконечник ножен; *2* – наконечник стрелы; *3*, *4* – пластинки от панциря; *5* – ворворка; *6* – крюк; *7* – портупейное кольцо; *8* – меч-акинак; *9*, *10* – наконечники копий; *11* – секира (*1–7* – бронза; *8–11* – железо)

вырез каплевидной формы, острием к концу. Размеры наконечника: длина 19,3, ширина у устья 5,1 см.

Полная аналогия описанной вещи нам неизвестна. Но наконечник, выполненный в тех же изобразительных приемах звериного стиля и тоже изображающий оскаленную волчью пасть, найден в погр. 2 грунтового могильника у пос. Белореченского под Кисловодском [5, с. 98]. Погребение это датируется V в. до н. э. Трактовка деталей кисловодского наконечника несколько иная, но оба они выполнены в традициях, характерных для савроматского изобразительного искусства. Мотив волчьей головы неоднократно встречается в оформлении различных предметов савроматского круга. Костяная пронизь в виде головы волка происходит из курганов у д. Богданово в Омском Прииртышье [6, с. 279, 280]. В таком же стиле выполнена волчья голова на подвеске из кургана у с. Туэхта на Алтае [7, с. 166, 167, рис. 7], на пластинах-подвесках уздечных наборов Блюменфельского кургана AI2 [2, с. 90, рис. 52, *6*, *10*] и второго Бережновского могильника [2, с. 92, рис. 53, *1*]. Известны такие находки и на Кавказе, например подвеска, найденная Е. Г. Пчелиной в

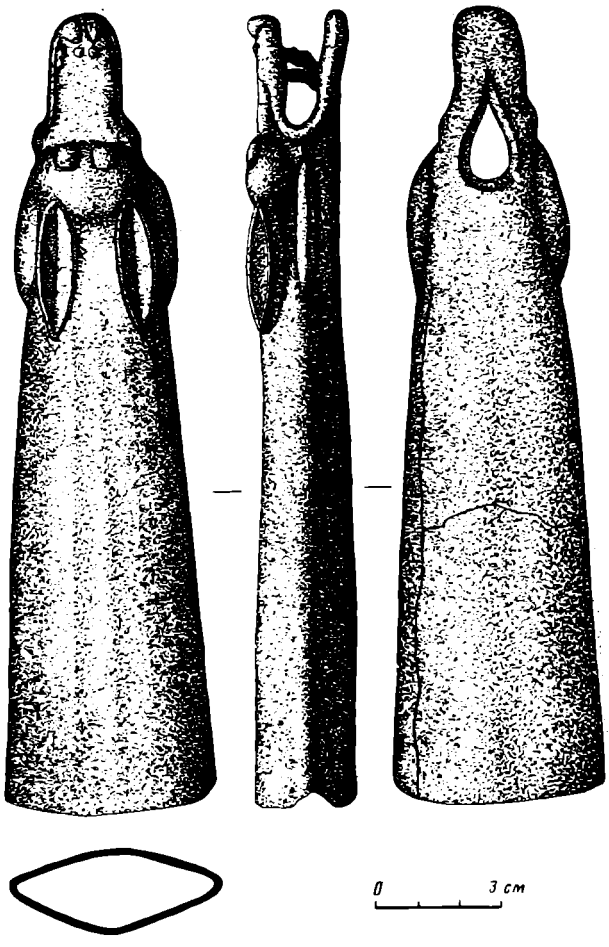


Рис. 2. Бронзовый наконечник ножен меча

святилище «Реком» в Северной Осетии в 1936 г. [8, с. 31, 185, рис. 7, *3*]. Очень близка по оформлению рукоять нагайки из кургана Черная Гора у с. Абрамовка Оренбургской обл. [2, с. 97, рис. 53, *4*]. Большая часть этих и других аналогичных предметов «волчьего» стиля датируется VI—V вв. до н. э. Приведенные аналогии заставляют видеть в наконечниках ножен с Северного Кавказа предметы, изготовленные под несомненным савроматским влиянием. Вопрос о месте их производства пока еще остается открытым, во всяком случае, не исключено их кавказское происхождение. Факт находки обоих наконечников именно на Северном Кавказе является одним из аргументов в пользу их местного происхождения.

Среди прочих предметов вооружения в составе комплекса находится единственный, по словам находчиков, наконечник стрелы. Изготовленный из бронзы, он имеет вытянутую пулевидную втулку и три лопасти со слабо выраженным изгибом, почти под прямым углом срезанные чуть выше основания втулки (рис. 1, 2). Длина его 3,6 см. Наконечники такого типа получили большое распространение в V в. до н. э. По классификации К. Ф. Смирнова он относится к группе VI Г [2, табл. II, *194*, *196*], по классификации А. И. Мелюковой — к третьей хронологической группе, датируемой V—IV вв. до н. э. [1, табл. 8, *3*, *2*]. В это время наконечники такого типа бытовали на обширной территории, известны они и на Северном Кавказе.

Железные предметы вооружения представлены двумя плохо сохранившимися наконечниками копий и секирой. Наконечники принадлежат к разным типам. От первого сохранился только обломок довольно широкого пера (ширина 4 см) с выраженной осевой гранью (рис. 1, *10*). Обломок с обеих сторон покрыт медными окислами. Наконечники такого типа (с широким лавролистным пером и продольным ребром вдоль оси) ха-

рактерны для скифской архаики [2, с. 71]. А. И. Мелюкова относит их к V в. до н. э. По ее классификации это третий вариант второго типа [1, с. 37, 38, табл. 12, *13*]. Несмотря на очень плохую сохранность нашего наконечника, его размеры, конфигурация и сечение пера должны соответствовать наконечнику из кург. 7 группы Частых Курганов.

Второй наконечник принадлежит к широко распространенному типу с ланцетовидным, сильно вытянутым пером линзовидного сечения. Грани пера наконечников такого типа слабо искривлены, наибольшая ширина приходится на среднюю часть. Втулки занимают третью часть общей длины, они чуть заметно расширяются к основанию и имеют у пера довольно тонкую соединительную шейку (рис. 1, *9*). Наконечники этого типа получили наибольшее распространение в Прикубанье в IV—III вв. до н. э., но известны они и в V в. до н. э. В то же время в сопредельных с Кубанью областях — на левобережье Дона, а также в Поволжье — господствует в V в. до н. э. другая форма — с длинной втулкой и коротким, довольно широким листовидным пером без продольного ребра [2, с. 71, рис. 41, *10*]. Старокорсунский наконечник по классификации А. И. Мелюковой входит в третий тип первого отдела [1, с. 38, табл. 13, *1, 2*].

Еще одним видом входящего в комплекс наступательного оружия является очень плохо сохранившаяся секира (рис. 1, *11*). Окончание обуха секиры не сохранилось, но, судя по оставшемуся стержню, он не мог быть массивным. Проух секиры по внешнему контуру приближается к ромбовидной форме. Клинок не сохранился. Длина оставшейся части 12,2 см. Оружие ударного типа встречается в могильниках Прикубанья сравнительно редко, хотя в целом на Кавказе известен ряд памятников, где это оружие находили неоднократно. Так, в погребениях Тлийского могильника VII—VI вв. до н. э. найдено восемь секир [9, с. 245—248]. По классификации А. И. Мелюковой наша секира должна относиться к первому типу второго отдела. Наиболее близкую аналогию представляет секира из кургана 5 у с. Аксютинцы [1, табл. 21, *9*]. Основная масса топоров такого типа относится к VI в. до н. э., но известны они и в V—IV вв. до н. э.

Остатки защитного вооружения представлены бронзовыми чешуйками от панциря. Всего найдено 99 целых пластинок и их обломков. Чешуйки двух типов. Первый представляет собой мелкие пластинки с обрезом под прямым углом вверху и округленным нижним краем. У верхнего обреза каждой из них имеется по три горизонтально расположенных отверстия для крепления к основе (рис. 1, *4*). Таких пластинок 97. Размеры их примерно одинаковы, в среднем 2,1×1,4 см. Часть пластинок плоская, некоторые слегка выгнуты. Пластинки этого типа обычно составляют основу брони доспеха, закрывая грудь. Иногда они применялись для изготовления бармиц шлемов.

Второй тип пластинок представлен двумя экземплярами, один из которых с обеих сторон обломан. О размерах этих пластин можно судить по лучше сохранившемуся экземпляру — 5,3×1,7 см. Как и мелкие чешуйки, он имеет отверстия в верхней части (рис. 1, *3*). Обе крупные пластинки слегка выгнуты по продольной оси. Пластины такого типа применялись при составлении брони оплечий и поясного набора [10, с. 7—56; 11, с. 149, 150; 12, с. 266—269; 13]. К сожалению, малое количество сохранившихся пластин не позволяет реконструировать тип доспеха. Чешуйчатые панцири бытовали в Прикубанье довольно длительное время, начиная с VI в. до н. э., но наибольшее распространение они получили в V—IV вв. до н. э., причем находят их, как правило, в богатых курганных захоронениях. Наличие крупных пластин говорит в пользу того, что мы имеем дело с остатками панциря с оплечьями. Нам неизвестны находки в Прикубанье панцирей этого типа, датируемых временем ранее V в. до н. э. Еще один бронзовый предмет — маленькая ворворка (рис. 1, *5*) — служил, вероятнее всего, для оформления концов кожаных завязок доспехов.

Детали снаряжения представлены двумя бронзовыми вещами. Первый

предмет представляет собой массивное бронзовое кольцо круглого сечения, имеющее с внешней стороны четыре крестообразно расположенных круглых петли, одна из которых большого размера (рис. 1, 7). Такое кольцо могло служить как распределительное для ремней портупеи, но не исключено также, что мы имеем дело с остатками конской упряжи.

Назначение последнего предмета — массивного откованного бронзового крюка — не ясно. От портупейных крючьев, хорошо известных по ряду находок, его отличает как форма, так и массивность, свидетельствующая, что крюк рассчитан на большие нагрузки. Основание его расковано в виде овальной пластины с абсолютно гладкой тыльной стороной (рис. 1, 6). Крюк мог крепиться к снаряжению двумя ремешками или пластинами-перемычками, идущими поперек выше и ниже его основания.

Несомненно, что все предметы из ст. Старокорсунской происходят из богатого грунтового захоронения, доследовать которое, к сожалению, невозможно. Совокупность времени бытования отдельных предметов вооружения дает общую датировку всего комплекса V в. до н. э., а скорее всего его первой половиной или серединой. Осмотр местности и опрос местных жителей показал, что нигде в ближайшей округе не отмечено каких-либо возвышений, которые могли бы быть отстатками курганных насыпей. Ближайшими к месту находки известными археологическими памятниками являются Старокорсунское городище № 1, расположенное в 3 км к востоку, и ныне не существующее городище № 3 на юго-западной окраине станицы Старокорсунской. Ни на одном из них слоев V в. до н. э. не зафиксировано [14, с. 3, 4; 15, с. 268].

Открытым остается вопрос об этносе, оставившем погребальный комплекс. Наличие в нем вещей скифо-савроматского круга не проясняет картины — и те и другие бытовали в VI—V вв. до н. э. на обширной территории, включая и Северный Кавказ. Поступившие в музей вещи не дают основания связывать этот памятник с меотской культурой, распространенной в V в. до н. э. в Прикубанье.

Один из наиболее верных путей решения вопроса об этнокультурной принадлежности комплекса лежит, на наш взгляд, в установлении центров производства вещей, и, как отмечалось выше, в первую очередь «волчьего» наконечника ножен. Решение этого вопроса в пользу происхождения с Кавказа, имевшего давние бронзолитейные традиции, сузило бы пути поиска. Во всяком случае, находка второго сходного по стилю наконечника именно на Северном Кавказе дает для этого некоторое основание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, 1964, вып. Д1-14.
2. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101.
3. *Тереножкин А. П.* Киммерийские мечи и кинжалы.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
4. *Іллінська В. А.* Курган Старшая могила — пам'ятка архаічної Скифії.— Археологія, т. V. Київ: 1951.
5. *Виноградов В. Б., Михайлов Н. Н.* Новые памятники скифо сарматского времени в районе г. Кисловодска.— АО — 1969. М., 1970.
6. *Могильников В. А.* Исследования в Омском Прииртышье.— АО — 1971. М., 1972.
7. *Кцселев С. В.* Алтай в скифское время.— ВДИ, 1947, № 2.
8. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— Тр. ЧИНИИ, т. VI. Грозный, 1963.
9. *Техов Б. В.* Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII—VI вв. до н. э.— В кн.: Скифия и Кавказ, Киев: Наук. думка, 1980.
10. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
11. *Горелик М. В.* Реконструкция доспехов скифского воина из кургана у г. Орджоникидзе.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
12. *Горелик М. В.* Реконструкция скифского доспеха по каменным изваяниям.— В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
13. *Манцевич А. П.* О скифских поясах.— СА, 1941, т. VII.
14. *Покровский М. В.* Городища и могильники среднего Прикубанья.— Тр. Краснодарск. пед. ин-та, т. VI. вып. I. Краснодар, 1937.
15. *Покровский М. В., Анфимов Н. В.* Карта древнейших поселений и могильников Прикубанья.— СА, 1937, т. IV.

А. П. ЧУБОВА

ХЕРСОНЕССКИЕ САРКОФАГИ С ГИРЛЯНДАМИ И ПОДДЕРЖИВАЮЩИМИ ФИГУРАМИ

Во время раскопок средневековой базилики VI в. Г. Д. Беловым было сделано сенсационное открытие. Из вымостки базилики и из обкладки могил под полом храма было поднято на свет 14 плит проконесского мрамора — частей саркофагов с рельефами. Кроме того, собрано свыше 60 мелких фрагментов, оставшихся от распиловки саркофагов и стески для придания плитам более или менее нужной конфигурации.

Описание плит и обстоятельств находки были изложены Г. Д. Беловым в «Отчете о раскопках Херсонеса за 1935—36 гг.» [1]. Автор высказал предположение о существовании мавзолея на месте среднего нефа базилики и о возможном назначении некоторых плит, которые он считал украшением архитектурного сооружения. Он охарактеризовал плиты как работу местных мастеров.

В 1940 г. Г. Д. Белов еще раз издал эти материалы [2]. Автор указывал, что плиты созданы в мастерских о. Проконессос, где была исполнена первичная обработка, и окончательно доделаны в Херсонесе. Он отметил, что саркофаги принадлежат к малоазийскому типу и в исполнении их выступает синтез местного и греческого искусства. Г. Д. Белов датировал саркофаги II в.

В небольшой статье в сборнике «Культура античного мира» [3] Г. Д. Белов касался главным образом вновь найденных мелких фрагментов — гирлянды, виноградной грозди, женской головки — и не прибавлял нового к статье 1940 г. Позже Г. Д. Белов еще раз подчеркивал, что «ценность рельефов заключается в том, что они являются произведениями местного искусства...», [4, с. 127].

Много работала над херсонесскими саркофагами А. П. Иванова, давшая описания всех досок и многих фрагментов. Ею уточнены и аргументированы датировки II—III вв. [5, с. 137—157]. А. П. Иванова считала херсонесские саркофаги импортными, но с последующей доработкой на месте.

Мы не согласны ни с мнением о местной работе, ни с мнением о последующей доработке. Обсуждать и решать этот вопрос (т. е. о местной работе) можно, лишь рассмотрев в целом херсонесские рельефы римского времени.

Кроме мраморных импортных надгробий со стоящей драпированной фигурой (I в.) и более поздними (II в.) сценами трапезы [5, с. 95—113] есть довольно значительная группа надгробий из местного известняка, несомненно местной работы. Это солдатские надгробия — бюсты и надгробия тоже погрудные, условно названные «рельефами варварского типа» [5, с. 124—133]. Среди этих местных, в большинстве случаев совершенно непрофессиональных работ нет ничего похожего на рельефы саркофагов.

Мнения Г. Д. Белова и А. П. Ивановой о местной доработке подкреплялось наличием среди находок 1935 г. двух крупных фрагментов [5, № 453, 454] стенок саркофага с рельефами, которые можно назвать «заготовками» или «полуфабрикатами». Это плоский рельеф, где намечен рисунок гирлянд и круглого предмета над ними. Между гирляндами свисает узкий прямоугольник. Под гирляндами намечено место для виноградной грозди.

Казалось бы, заманчиво видеть в них заготовку, которую херсонесский мастер легко обрабатывал у себя дома. Но в такую заготовку не войдет ни одна из имеющихся в Херсонесе композиций с поддерживающими фигурами. Среди херсонесских саркофагов нет композиции с букраниями, следовательно, «заготовка» предполагалась только как задняя сторона саркофага.

Остается открытым важный вопрос: где могли быть созданы херсонесские саркофаги с поддерживающими фигурами?

Рис. 1. Деталь саркофага первого типа

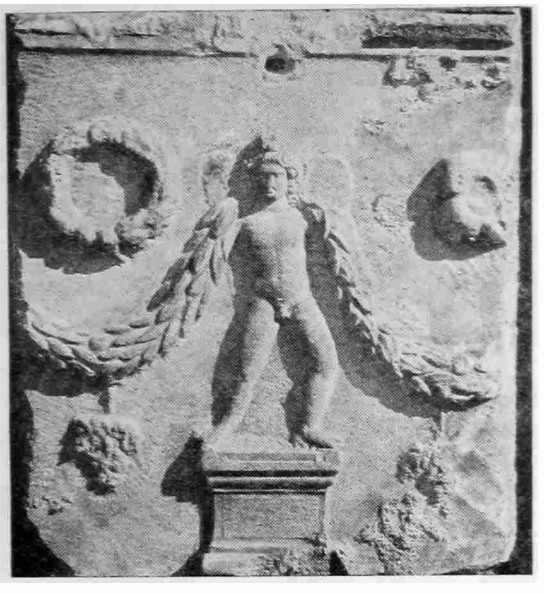


Рис. 2. Деталь саркофага второго типа

В работе Н. Азгари [6] собран и систематизирован большой материал (главным образом с территории современной Турции) о заготовках на саркофагах. Это саркофаги из Проконессоса, Эфеса, Афродисиада с «заготовками» как со всех четырех сторон, так и с одной, задней стороны. Обработанные тщательно пластически, стороны представляют собой, как правило, гирлянды с букраниями между ними и гроздью винограда внизу и иногда с масками над гирляндами. Проконесские мастерские вывозили саркофаги этих двух типов главным образом на западный и восточный берега Пропонтиды, но их работы встречаются в Пергаме, Смирне и других местах Малой Азии.

Из числа приведенных Н. Азгари проконесских саркофагов пятая часть была с фигурами Эротов и Ник, и это важное свидетельство подтверждало заключение Г. Д. Белова о проконесском происхождении херсонесских саркофагов.

Несомненность происхождения их может считаться очевидной. Но доски из Херсонеса с поддерживающими фигурами столь различны по стилю, что необходимо проанализировать их, чтобы оценить возможности проконесских мастерских.

Семь плит с поддерживающими гирлянды фигурами можно разделить на четыре типа. К первому мы отнесем плиту [5, № 459] с тремя Эротами, поддерживающими тяжелую гирлянду из плодов и листьев (рис. 1). Над гирляндами помещены четыре маски: Диониса, Силена, Сатира и Менады. Эта доска также из проконесского мрамора создана искусным мастером, продолжающим эллинистические традиции. Энергичны движения Эротов, как бы с трудом поддерживающих мощные гирлянды. Реалистически переданы пропорции ребенка, еще не утратившего младенческую пухлость тела. Мускулатура торса проработана точно и мягко. Округлые лица Эротов с мягкими прядями волос, крупные рельефные маски, кудри и бороды, листья и фрукты — все до мельчайшей детали трактованы весьма тщательно и реалистически. Общая композиция тонко продумана, вся доска носит характер пышный и нарядный, на ней нет пустого места.

Второй, третий и четвертый типы досок резко отличаются от первой доски [5, № 459], хотя в свою очередь сильно разнятся друг от друга.

Второй тип [5, № 430, 431] представляет Эротов и Ник в развевающихся одеждах, стоящих на пьедесталах — алтарях с акротериями

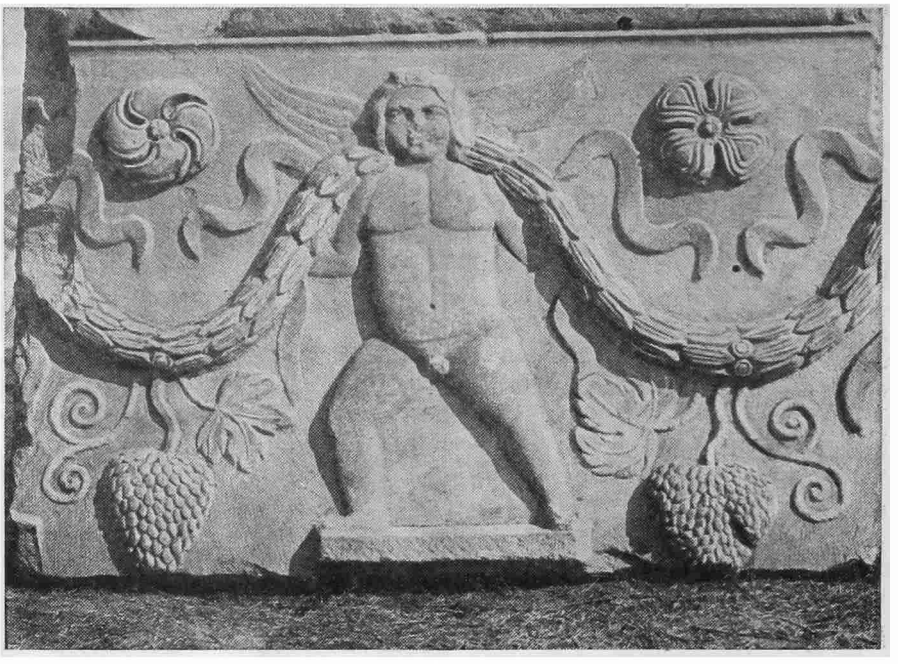


Рис. 3. Деталь саркофага третьего типа

Рис. 4. Лицевая доска саркофага четвертого типа

(рис. 2). Эроты — обнаженные юноши, стройные, худощавые, с узкими тонкими лицами. Мускулатура тела проработана вяло, руки совсем не показаны. Тяжелые гирлянды из лавровых листьев давят на плечи Эротов. Над гирляндами — венок или розетка, в одном случае — маска Медузы. Листья, розетки, венки, гроздья винограда тщательно разработаны пластически. Фигуры Эротов благодаря пьедесталам кажутся легкими, не загромождающими плоскость доски.

Третий тип [5, № 455—457] резко отличается от второго. Эроты — мальчики плотные, с широким, почти не моделированным торсом, с широкими круглыми лицами — как будто без труда несут гирлянды (рис. 3). Руки их показаны только до локтей. Эроты стоят на низких, плоских пьедесталах. Гирлянды по отношению к фигуре не кажутся столь тяжелыми, как у досок второго типа. Разработка листьев, розеток, вьющихся веток и виноградных листьев, огромных гроздьев, развевающихся от гирлянд лент отличается особой чистотой контуров и самой тщательной отделкой всех деталей. Линия гирлянды красива и плавна. Нет пустых мест на плоскости доски. Фигура Эрота — дополнительная опора для богатого, мощного декора.

Четвертый тип [5, № 469] саркофагов с поддерживающими фигурами усложнен группой возлежащих на ложе супругов — Фемиста, сына Стратона, и его жены (рис. 4). Двое юношей; отнюдь не похожие на Эротов, одной рукой поддерживают перевязь, на которой висит ложе, другой — тяжелую короткую гирлянду, с которой свисают огромные пяти- и трехчастные грозди. Над гирляндами — огромные маски Медузы. Юноши стоят на низкой подставке, фигуры их нескладны, с непомерно длинным торсом, с грубо намеченной мускулатурой. Волосы даны общей тяжелой шапкой. Черты лица юношей и Медузы пластически смяты, обрисованы более четко лишь глаза.

В малоазийских саркофагах не редки изображения покойных или в виде бюста, или в виде возлежащих фигур. Композиция херсонесского саркофага Фемиста не нова для II—III вв. Этот саркофаг наиболее поздний по времени и датируется началом III в. по прическе Фемиста и юношей и общим отступлением от античного канона.

На всех досках второго, третьего и четвертого типов прежде всего бросается в глаза тщательно отделанные гирлянды, розетки, виноградные грозди и листья. Они исполнены опытными мастерами-декораторами. Фигуры человека — не их специальность, и сразу видна слабость в их построении и моделировке.

Сравнительный анализ показывает, что доска с четырьмя Дионистическими масками резко отличается от остальных. Эта доска [5, № 456] могла быть исполнена в мастерской Эфеса или Афродисиада, где традиции реалистического античного искусства были очень прочны. То, что этот саркофаг исполнен из проконесского мрамора, не должно смущать. Этот удобный для пластики мрамор во II в. широко ввозился в разные концы Римской империи. Так, некоторые декоративные части терм Антонина Пия в Карфагене были исполнены из проконесского мрамора. Тип второй нашей классификации являлся отголоском александрийского типа саркофагов, где поддерживающие фигуры были поставлены на пьедесталы. Доски третьего и особенно четвертого типа являют собой образец варваризации античного стиля (утрата пластики человеческого тела, правильности пропорций, выразительности движения). Однако в искусстве декораторов проконесским мастерским отказать никак нельзя. Но Проконессос с его богатыми каменоломнями никогда не был центром искусства ваяния. Вся греческая классическая, эллинистическая и римская скульптура создавалась из белого мрамора. Знаменитые роскошные многофигурные аттические саркофаги римской эпохи также исполнялись из белого мрамора. Эти великолепные саркофаги были, несомненно, очень дороги.

Херсонес во II — начале III в. был достаточно богат и мог приобрести 12—14 саркофагов[1] для своих знатных сограждан. Но по сравнению с многофигурными аттическими проконесские саркофаги были более дешевыми ввиду их более низкого художественного исполнения.

Однако такое количество саркофагов в таком относительно небольшом городе — явление конечно исключительное для Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1938.
2. *Белов Г. Д.* Херсонесские рельефы.– ВДИ, 1940, № 3–4.
3. *Белов Г. Д.* Херсонесские саркофаги.– В кн.: Культура античного мира. М.: Наука, 1966.
4. *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948.
5. Античная скульптура Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1976.
6. *Asgari N.* Die Halbfabrikate Kleinasiatische Girlandensarkophage und ihre Herkunft.– AA, 1977, H. 3.

[1] Количество досок и фрагментов позволяет говорить о таком числе.

Х. Г. АХУНБАБАЕВ

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ СОГДИЙСКИХ МОНЕТ

Период VI—VIII вв. для истории древнего Самарканда остается археологически малоизученным. Слои этого времени вскрывались в основном в центральной части городища Афрасиаб. Несмотря на значительный объем произведенных работ, результаты раскопок не получили достаточного отражения в публикациях; планиграфическая структура и детальная стратиграфия вскрытых участков не были исследованы со всей последовательностью и до конца.

С 1978 г. археологические исследования в центральной части Афрасиаба (Р-23) были возобновлены автором настоящей статьи. В результате исследований выявлено три основных строительно-планировочных периода, относящихся к раннесредневековой поре. В последний период, в конце VII в.[1], на изучаемой территории складывается квартал аристократической знати Самарканда. К настоящему времени полностью выявлена планировка двух крупных домовладений; еще три исследованы частично.

При раскопках одного из домов (4) наряду с монетами, относящимися к хорошо известным эмиссиям согдийских ихшидов, были найдены две бронзовые монеты. Они относятся к многочисленной группе монет [1, с. 123—127, № 695—733; 2, с. 216, 217, № 133—138; 3, с. 166—190, № 400—473], представляющих собой «нумизматическую загадку» [3, с. 44]. В отличие от монет ихшидов Согда характерное для последних квадратное отверстие заменено на них квадратной рамкой на лицевой и оборотной сторонах. По иной схеме расположена и надпись на оборотной стороне монетного кружка — в одну концентрическую строку, надписи на монетах остальных ихшидов обычно расположены в две горизонтальные или две концентрические строки. Часть таких монет отчеканена, в то время как монеты ихшидов исключительно литые.

Надпись на оборотной стороне этих монет читалась первоначально 'wγrk MLK' — «ихшид Угрек (Гурек)» [1, с. 42, 43; 4, с. 33, 34], встречается вариант чтения — 'wγ'r'k MLK' [2, с. 217]. Позднее О. И Смирнова предпочла чтение 'wr'kk MLK' — «Урак царь» [3, с. 43; 5, с. 169—171]. На основании предложенных чтений монеты этой группы считались подражаниями монетам ихшида Гурека (711—738 гг.) и датировались второй половиной VIII в. [4, с. 33, 34; 6, с. 99]. Археологические данные позволили датировать их выпуск первой четвертью VIII в. (после 710 г.) [7, с. 118, 119; 8, с. 174, 175]. О. Г. Большаков относит их к эмиссиям ихшида Гурека, но выделяет в особую группу (тип В) [7, с. 118] [2].

Исследователи древнего Пенджикента отмечают, что монеты Гурека (тип А или I) в Пенджикенте крайне редки. Находки их в четких стратиграфических условиях свидетельствуют, что этот монетный тип поступил в обращение только после восстановления города около 740 г. [11, с. 11]. В денежном обращении Пенджикента первой четверти VIII в. среди выпусков пенджикентских и самаркандских монет встречаются только монеты с изображением квадратного отверстия, относимые, как мы сказали выше, к эмиссиям Гурека и выделяемые как тип Б (II). А. М. Беленицкий и В. И. Распопова отмечают в пенджикентском собрании только чеканенные монеты этой группы [11, с. 11]; согласно О. И. Смирновой, там же имеются и литые экземпляры [3, с. 166—190].

---

[1] Все датировки в работе основаны на нумизматических материалах. Всего в ходе наших раскопок найдено 75 согдийских и 43 арабских монеты. Точная стратиграфическая привязка монет обеспечила надежность хронологической периодизации объекта.

[2] В археологическую литературу прочно вошло определение этих монет как «Гурек, тип II или Гурек II» [8, с. 174, 175; 9, с. 73; 10, с. 59; 11, с. 11, 12].

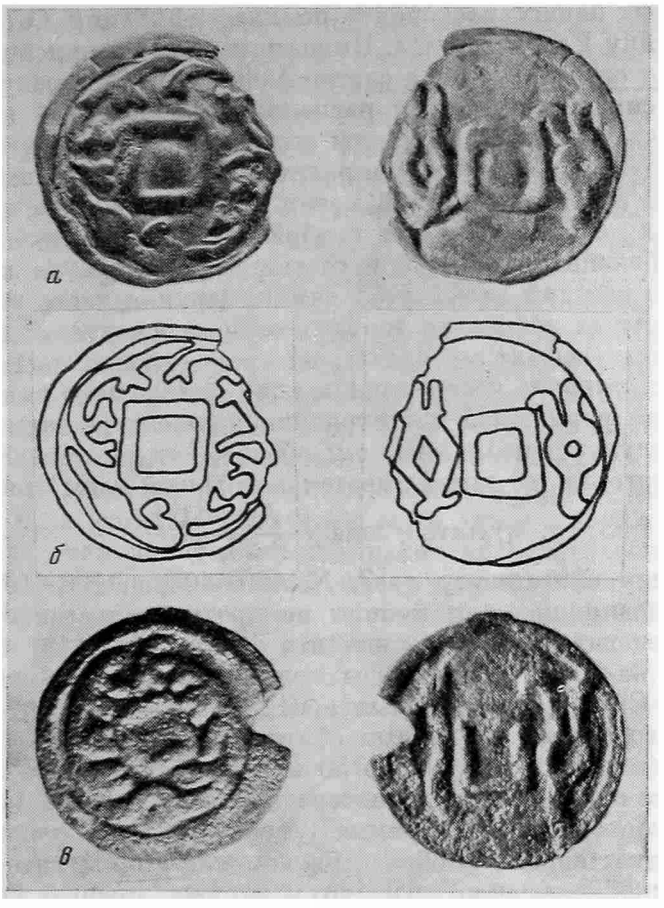


Рис. 1. Монеты из раскопок на Афрасиабе. *а*, *б* — Африг, тип I; *в* — Африг, тип II

О. И. Смирнова выделила два типа монет с изображением квадратного отверстия, отличающихся друг от друга расположением знаков (их перестановкой) на лицевой стороне [3, с. 43].

А. М. Беленицким и В. И. Распоповой было высказано предположение, что монеты Гурека типов А (I) и Б (II) выпускались разными монетными дворами. Монеты I типа выпускались в Самарканде, монеты же с изображением квадратного отверстия Гурек выпускал во время своего вынужденного пребывания в Иштихане или Ферекете. Причем монеты, выпускавшиеся в Иштихане или Ферекете, являлись основной эмиссией Гурека по крайней мере до 720-х годов и имели хождение по всему Согду [11, с. 11, 12]. Однако этому противоречат находки большого количества бракованных экземпляров монет II типа на пенджикентском городище; следовательно, выпускались они и в Пенджикенте [3, с. 44]. Кроме того, находки монет с изображением квадратного отверстия очень редки на всей территории самаркандского Согда (за исключением Пенджикента), и прежде всего на Афрасиабе. Это можно было бы объяснить сравнительно слабой изученностью слоев соответствующего времени по сравнению с Пенджикентом, однако исследования последних лет на Афрасиабе дают ту же картину.

Вполне справедливо замечание О. И. Смирновой, что разница в знаках на монетах двух серий с именем Гурека говорит скорее против отождествления лиц, их выпускавших [3, с. 44]. Однако предположения исследовательницы относительно принадлежности монет рассматриваемой группы [3, с. 44] противоречат данным имеющихся источников.

Чтобы разгадать эту нумизматическую загадку и ответить на целый ряд вопросов, возникающих в связи с ней, обратимся к монетам.

Монеты из наших раскопок [3], по классификации О. И. Смирновой, относятся к типу I этой группы. Ниже приводим их описание [4].

1. Лицевая сторона: в поле слегка скошенная четырехугольная рамка (7×8 мм), справа от которой расположен У-образный знак с круглой центральной частью, верхние концы его слегка возвышаются над рамкой, плавно загибаются наружу и упираются — один в верхний правый угол рамки, второй в ободок, нижний конец повернут вправо и также упирается в ободок; слева от рамки изображен ромбовидный знак на двух ножках, загибающихся наружу и слегка кверху, правая ножка скошена и упирается в нижний левый угол рамки, верхняя часть знака имеет вид двух вертикальных зубцов на горизонтальном основании; в центре знака выпуклая точка (дефект матрицы), по краю кружка нешпрокий ободок.

Оборотная сторона: посередине в поле квадратная рамка (8×8 мм), вокруг которой размещена однострочная надпись из двух слов, надпись выполнена полукурсивным письмом; ободок, как на лицевой стороне, монета слегка потерта, по краю имеется небольшой слом (рис. 1, *а, б*).

Æ; д. 22; в. 1,55; →; c_1; литье; шифр $\frac{\text{Афр-81}}{\text{Р-23, 4/4}}$

Тип аналогичен описанному в [3, № 400—404, с. 166—169]. Стратиграфические условия находки монеты не противоречат датировке, предложенной исследователями Пенджикента [7, с. 118, 119; 11, с. 10, 11]. Найдена она на поверхности суфы между двух хумов, вкопанных здесь после взятия Самарканда арабами в 712 г. и выселения его жителей из шахристана города, когда новые обитатели дома превратили парадную михманхану (площадь зала около 50 м²) в хозяйственное помещение.

2. Лицевая сторона: в поле посередине рамка (6×7 мм), имитирующая квадратное отверстие, в рамке у верхнего края точка; по сторонам рамки два знака: справа У-образный, верхние концы которого возвышаются над рамкой и плавно загибаются наружу, правый упирается в нешироκий ободок, нижний конец повернут вправо и также упирается в ободок, сливаясь с ним; слева от рамки вариант ромбовидного знака вытянутой формы, центральная часть округлена; нижняя часть знака — в виде двух небольших полузавитков, расходящихся в разные стороны; верхняя часть — с двумя вертикальными зубцами на небольшом перекрестье.

Оборотная сторона: штемпель при чеканке слегка сместился, ободок нешироκий; вокруг квадратной рамки (6×6 мм) однострочная концентрическая надпись из двух слов, в имени опущен четвертый знак; по краю монеты имеется небольшой треугольный вырез, слегка потерта, остатки литника (монетный кружок был отлит, а затем отчеканен).

Æ; д. 22; в. 1,35; →; c_2; чекан; шифр $\frac{\text{Афр-80}}{\text{Р-23, 4/1}}$

Тип аналогичен описанному в [3, № 405—435, с. 169—179]. Найдена в проходе в дом, у южной стены, также в слое первой четверти VIII в. (рис. 1, *в*).

Очевидно, что литые монеты с хорошо читаемыми, не искаженными надписями являются исходным вариантом, которому следуют чеканенные и литые монеты с искаженными и неполными надписями. Мы предлагаем разделять их именно по этому признаку как тип I и тип II.

Надпись на оборотной стороне монет этой группы О. И. Смирнова прочитала как 'wr'kk MLK' («Урак царь») и перенесла это же чтение на монеты Гурека, однако для последних наиболее правильным является чтение — 'wγrk MLK' [13, с. 147—148], этого же чтения придерживается В. А. Лившиц [14, с. 61, примеч. 25]. Надпись на монетах 'wr'kk MLK' мы читаем иначе. Второй знак в имени правителя, на наш взгляд, не w, а p, аналогичное надстрочное начертание p характерно и для мо-

[3] Ранее монеты этой серии были найдены на Афрасиабе при раскопках дворцового зала 1 и примыкавшего к нему помещения 2 [2, с. 216, 217; 12, с. 323, 324].

[4] В описаниях приняты следующие обозначения: в — вес (в г); д — диаметр (в мм); → — соотношение матриц или штемпелей; c_{1-4} — сохранность экземпляра.

нет предшественника Деваштича на пенджикентском престоле Чекин-чур Бильге [3, с. 523, табл. 75]. Четвертый знак (хорошо видно на нашей монете, рис. 1, *а—б*) не', а у. Всю надпись мы читаем как 'prykk MLK' — «Африг царь» [5]. Имя царя означает «Благословенный» от согд. ''fryn—, 'fryn—; будд. ''pryn — благословлять. Имя, видимо, было достаточно распространено не только в Согде (вспомним имя легендарного Африга [15, с. 47, 48], царя Хорезма) [6]. Похоже, это же имя зафиксировано в надписи второй половины VII—VIII вв. на фрагменте оссуария из некрополя древнего Миздахкана [17, с. 251, 252].

На лицевой стороне этих монет имеется изображение двух знаков. Правый, У-образный знак присутствует на монетах всех ихшидов. Левый, ромбовидный знак представляет для нас наибольший интерес. О. И. Смирнова отмечала совпадение знаков на монетах ихшидов Тукаспадака, Тархуна и рассматриваемой группы [3, с. 43, 44]. Однако эволюцию, прослеживаемую в начертании ромбовидного знака, согласно которой монеты этой группы «должны были предшествовать не только монетам первой серии Гурека, но и монетам Турхуна и даже Тукаспадака» [3, с. 43, 44], принять нельзя, так как она противоречит археологической датировке. На наш взгляд, ромбовидный знак монет ихшидов Согда Тукаспадака, Тархуна и Африга, а также знаки на монетах владетелей Панча представляют собой варианты одного и того же знака.

Происхождение знака на монетах владетелей Панча О. И. Смирнова связывала с лирообразным, родовым знаком на монетах тюркских правителей [1, с. 15]. Сомнения по этому поводу уже высказывались в литературе [18, с. 92; 19, с. 80, примеч. 2]. Наиболее вероятным, по нашему мнению, прототипом для знаков на монетах Гамаукйана [7], первого из засвидетельствованных правителей Панча, является аверс дальневосточных монет БУЧУАН достоинством 5 шу, выпускавшихся правителем У-ди (561—579 гг. н. э.) из династии Бэй Чжоу (рис. 2, *2*). Такая монета, найденная на Пенджикентском городище, ошибочно отнесена О. И. Смирновой к выпускам БУЧУАН времени Ван Мана (9—24 гг. н. э.) [1, с. 60, № 23, табл. III, *23*]. В пользу высказанного нами предположения свидетельствует совпадение стандарта монет БУЧУАН Бэй Чжоу и монет Гамаукйана. В. А. Лившиц также отмечает, что многие знаки на бронзовых монетах Самаркандского Согда восходят к схематизированным воспроизведениям иероглифов, и подчеркивает, что «особенно ясно это прослеживается на оборотной (следует: на лицевой.— *Х. А.*) стороне монет правителей Пенджикента [19, с. 80, примеч. 2].

Значительное сходство ромбовидного знака на монетах Гамаукйана с родовой тамгой на монетах эфталитских правителей Чаганиана [18, с. 41, 42; 21, с. 142—144], видимо, следует объяснять тем, что воспроизводя на матрице незнакомый и непонятный иероглиф резчик сблизил его начертание с более знакомым или привычным для среднеазиатской среды изображением. Аналогичное явление мы наблюдаем на лицевой стороне монет согдийского царя Шишпира [3, с. 37].

Со временем знаки утрачивают свой первоначальный смысл, и уже следующий правитель Панча, Чекин-чур Бильге, выпускает монеты, на лицевой стороне которых помещается только ромбовидный знак (рис. 2, *4*), центральная часть которого одновременно служит рамкой квадратного отверстия. На монетах этого правителя знак в верхней части получает дополнительный горизонтальный штрих с двумя вертикальными зубцами, в дальнейшем знак на его монетах упрощается, изображается только

---

[5] Наше чтение имени правителя подтверждается и монетами рассматриваемой группы из пенджикентского собрания [3, с. 463—465, табл. XV—XVII, № 400; 400-а, 406], большинство приведенных здесь монет относится к выпускам с искаженными и неполными надписями.

[6] На монетах древнего Хорезма имя этого царя, однако, не встречается [16, с. 12, 14].

[7] Чтение pncy MP'Yγ'm'wky'n — «правитель Панча Гамаукйан» — предложено В. А. Лившицем [20, с. 43].

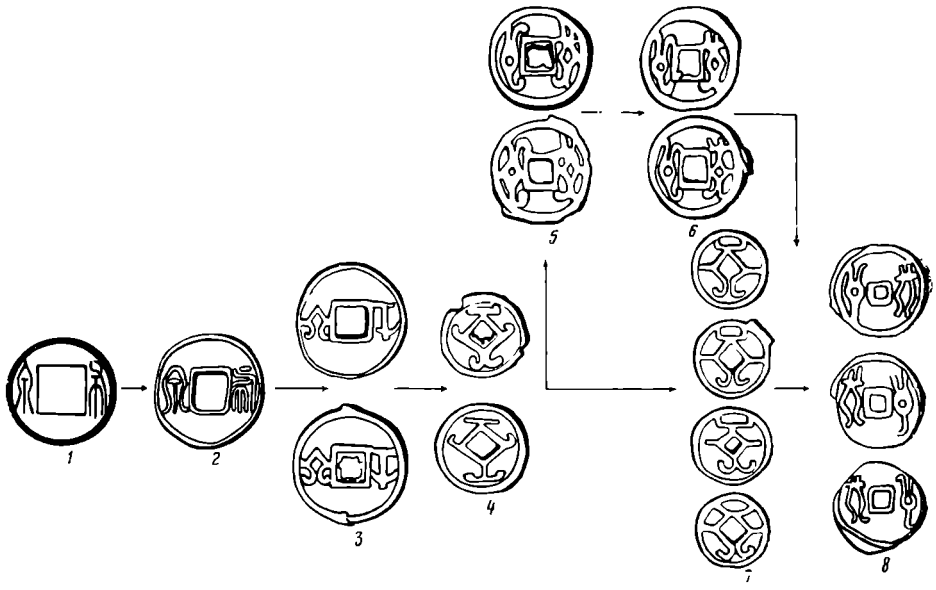


Рис. 2. Эволюция ромбовидного знака на согдийских монетах и его прототипы. *1* – БУЧУАН времени Ван Мана (14 г. н. э.), *2* – БУЧУАН правителя У-ди (561–575 гг. н. э.) из династии Бэй Чжоу, *3* – правителя Панча Гамаукйана, *4* – правителя Панча Чекин-чур Бильге, *5* – ихшида Согда Тукаспадака, *6* – ихшида Согда Тархуна, *7* – пенджикентской царицы, *8* – ихшида Согда Африга/Девештича (в таблице использованы прорисовки монет, опубликованных О. И. Смирновой [3])

горизонтальный штрих без зубцов, основание в виде завитков сливается. При этом знак, видимо, воспринимался не как династийная тамга, так как известные нам три правителя Пенджикента не были связаны узами родства [20, с. 45], а как своеобразный герб Панча на монетах.

Ихшиды Согда Тукаспадак и Тархун на лицевой стороне своих монет в сочетании с традиционным У-образным знаком помещают знак Панча, получивший, следуя границам монетного кружка, вытянутое и слегка изогнутое очертание. Идентичность ромбовидного знака на монетах Тархуна и владетелей Панча уже отмечалась О. И. Смирновой [22, с. 260]. Интересно, что О. И. Смирнова, по аналогии со знаками Панча, рассматривала ромбовидный знак на монетах Тархуна перевернутым, опирающимся нижним острым углом на П-образную подставку [22, с. 260] и располагающимся, таким образом, слева от квадратного отверстия [8].

Из сказанного следует, что ихшиды Согда Тукаспадак, Тархун и Африг были каким-то образом связаны с Панчем. Тукаспадак и Тархун, видимо, были представителями крупной феодальной знати Пенджикента. В источниках о них сказано, что первый был «большим вождем» [9] и поставлен правителем в 696 г. Тархуна «народ поставил» [5, с. 170] в 700 г., в 710 г. он был низложен самаркандской знатью за уступчивость арабам и в отчаянии лишил себя жизни либо, согласно другой версии, был убит своим преемником [23, с. 66, 67]. Именно связью Тархуна с Пенджикентом, видимо, объясняется известное участие Девештича в судьбе двух сыновей Тархуна, оказавшихся после смерти отца в Пенджикенте [24, с. 55, 56].

Быстрое экономическое и культурное развитие Пенджикента во второй половине VII – начале VIII в., когда город являлся столицей βγt-ского владения, правитель которого носил титул MLK' – «царь» [14, с. 58–60], при существовавшей в этот период в Самарканде практике избрания царя знатью позволило представителям высшей знати Панча занимать согдийский престол.

---

[8] Позднее, видимо отказавшись от идентификации этих знаков, располагает его на монетах Тархуна, справа от квадратного отверстия и называет особым знаком [5, с. 170].

[9] Перевод Б. И. Панкратова, цитировано по [5, с. 170].

Связь ихшида Африга с Панчем подтверждается рядом фактов. На лицевой стороне своих монет он помещает знак Панча. Почерк надписи на его монетах (тип I) близок к почерку монет владетелей Панча, некоторая архаичность форм отдельных знаков, отмеченная О. И. Смирновой [3, с. 43],— неизбежное следствие специфики изготовления матриц или патриц — резка надписи на твердом материале. Надпись расположена в одну концентрическую строку, как на монетах владетелей Панча. И наконец, монеты с именем Африга выпускались в Пенджикенте, об этом свидетельствует наличие бракованных экземпляров среди находок на пенджикентском городище [3, с. 44].

В хронологической таблице царей Согда первой половины VIII в. нет места для неизвестных правителей, видимо, под именем 'prykk (Африг) скрывается известное лицо, действительно занимавшее согдийский престол. Неопровержимым доказательством этого являются монеты рассматриваемой серии. Кто же он, ихшид Африг, правивший, согласно археологической датировке монет с его именем, в первой четверти VIII в. и связи которого с Пенджикентом столь очевидны. Ответ может быть только один — Девашти̇ч.

Правитель Панча Девашти̇ч, сменив Чекин-чур Бильге, занимал пенджикентский престол не менее 14 лет и не менее 2 лет носил титул «согдийский царь, самаркандский правитель» [14, с. 60—62]. Высказывалось достаточно много гипотез о том, к какому периоду следует относить царствование Девашти̇ча [10]. Наиболее обоснованную дату двух (?) царских лет Девашти̇ча предложил В. А. Лившиц [14, с. 62, 63; 20, с. 46. 47]. Эту датировку поддерживают большинство исследователей древнего Пенджикента [25. с. 98].

Возникает вопрос: почему Девашти̇ч на монетах именуется Африг? Из письма Девашти̇ча к хорасанскому наместнику ал-Джарраху известно, что он являлся клиентом (мавла) последнего [24, с. 55, 56, 68]. Однако, вопреки мнению В. А. Лившица [14, с. 60, 61], ислама Девашти̇ч не принимал. Начальная же фаза (басмала) в указанном письме является скорее всего дипломатическим ходом. Принятие ислама Девашти̇чем, претендовавшим на самаркандский престол, в тот период, когда люди Согда восстали и «отреклись от истинной веры» (Табари, II, 1418, цитировано по [5. с. 215]), когда распространялись слухи о скором конце власти арабов [26, с. 382—387], не могло быть одобрено основной массой согдийской знати. особенно той ее частью, которая, будучи выселена из шахристана Самарканда арабами в 712 г., переселилась в Пенджикент [25, с. 98] и вряд ли была настроена проарабски. В поддержке последней в своих претензиях Девашти̇ч нуждался в первую очередь. Вступив на самаркандский престол с благословения арабов, Девашти̇ч на деле не являлся их сторонником, об этом свидетельствует текст письма А-14 [23, с. 77—91; 27. с. 92—109]. Арабы же, видимо, считали неподходящим имя Девашти̇ч — «движимый дайвами» [14, с. 60, 61; 20. с. 45]. связанное с языческими богами. для своего ставленника на царском престоле. Этим мы и объясняем имя 'prykk (Африг) на монетах Девашти̇ча. Однако в документах с горы Муг, относящихся к периоду, когда Девашти̇ч был согдийским царем, оно нигде не встречается. Поэтому можно предположить. что 'prykk — «благословенный» было лишь почетным эпитетом, зафиксированным на монетах.

Литые монеты с полукурсивными, неискаженными надписями (Африг, тип I) выпускались в Пенджикенте. Выпуск же чеканенных и литых монет с искаженными надписями и знаками (Африг, тип II) был налажен в Самарканде арабской администрацией. Штемпеля и матрицы для них были изготовлены мастерами-арабами. не знавшими согдийского письма и языка.

---

[10] Обзор гипотез и литературы по этому вопросу см. [5, с. 228—239; 14, с. 62, примеч. 30; 23, с. 63—67].

Таким образом, монеты Деваштича, до настоящего времени «неизвестные» [11], наконец, найдены. Можно считать доказанным, что титул Деваштича — «согдийский царь, самаркандский правитель», засвидетельствованный документами с горы Муг и «дихкан людей Самарканда» (Табари, II, 1446, цитировано по [14, с. 61]), как он назван у Табари, не просто претензия на престол, а действительность, имевшая место. В начале 719 г., после того как арабам становится известно о «предательстве» Гурека в сговоре с владетелями Бухары и Каратегина, ожидавшего военной помощи против арабов [26, с. 380—387], Деваштич при поддержке последних взошел на согдийский престол. Если считать, что Деваштич был «согдийским царем, самаркандским правителем» только на протяжении двух лет, то царствование его приходится на 719—720/721 гг. Наиболее вероятным является то, что Деваштич оставался царем Согда (по крайней мере в глазах его пенджикентского окружения) и продолжал выпускать монеты в Пенджикенте вплоть до его взятия арабами в 722 г. Монеты Деваштича с почетным эпитетом 'prykk — «благословенный», выпускавшиеся в Самарканде и Пенджикенте, исходя из вышеизложенных соображений, следует соответственно датировать 719—720 (?) и 719—722 гг. Незначительное количество находок монет Деваштича на Афрасиабе, видимо, объясняется тем, что они могли быть изъяты из обращения после того, как Деваштич, ставленник арабов на согдийском престоле, становится их непримиримым врагом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пенджикент. М.: Наука, 1963.
2. *Ерназарова Т. С.* Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.) — В кн.: Афрасиаб. Вып. III. Ташкент: Фан, 1974.
3. *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. М.: Наука, 1981.
4. *Смирнова О. И.* Материалы к сводному каталогу согдийских монет.— ЭВ, 1952, VI.
5. *Смирнова О. И.* Очерки из истории Согда. М.: Наука, 1970.
6. *Смирнова О. И.* Согдийские монеты из раскопок в Пянджикенте.— КСИИМК, 1949, вып. 28.
7. *Большаков О. Г.* Отчет о раскопках в северо-восточной части объекта III.— МИА, 1964, № 124.
8. *Распопова В. И.* Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII — VIII вв.— СА, 1969, № 1.
9. *Распопова В. И.* Один из базаров Пенджикента VII — VIII вв.— СНВ, 1971, вып. X.
10. *Давутов Д.* Согдийские монеты из раскопок поселения Гарданн-Хисор.— УСА, 1979, вып. 4.
11. *Беленицкий А. М., Распопова В. И.* К вопросу об уточнении датировок согдийских монет.— КСИА, 1981, вып. 167.
12. *Ерназарова Т. С.* О монетных находках в Афрасиабе в 1965 году.— В кн.: Афрасиаб. Вып. I. Ташкент: Фан. 1969.
13. *Фрейман А. А.* К имени согдийского ихшида Гурека.— ВДИ, 1938, № 3(4).
14. *Лившиц В. А.* Правители Панча.— НАА, 1979, № 4.
15. *Бируни Абурейхан.* Избранные произведения. Т. I (Памятники минувших поколений)./Пер. и примеч. Салье М. А. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.
16. *Лившиц В. А.* Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма.— В кн.: История, культура, языки народов Востока. М.: Наука, 1970.
17. *Лившиц В. А.* Хорезмийские надписи на оссуариях с некрополя Миздахкана.— В кн.: *Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К.* Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, 1970.
18. *Вайнберг Б.-И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977.
19. *Давидович Е. А.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.: Наука, 1979.
20. *Лившиц В. А.* Правители Пенджикента VII — начала VIII в.— В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (Тезисы научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР, 26—31 августа 1977 г.). Душанбе: Донш, 1977.
21. *Вайнберг Б. И.* Некоторые вопросы истории Тохристана в IV—V вв.— В кн.: Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе. Вып. III. М.: Наука. 1972.
22. *Смирнова О. И.* Монеты древнего Пенджикента.— МИА, 1958, № 66.

[11] Пенджикентские монеты с надписью «Нана госпожа Панча», как считает В. А. Лившиц, выпускались Деваштичем от имени его старшей жены до вступления его на согдийский престол [14, с. 64, 65].

23. Согдийские документы с горы Муг. (Юридические документы и письма). Вып. 2/Чтение, перев. и комм. Лившица В. А. М.: Наука, 1962.
24. *Крачковский И. Ю., Крачковская В. А.* Древнейший арабский документ из Средней Азии.– В кн.: Согдийский сборник. Л.: Изд. АН СССР, 1934.
25. *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Согдийский город в начале средних веков.– СА, 1981, № 2.
26. *Бартольд В. В.* Из истории арабских завоеваний в Средней Азии.– Соч., т. II(2). М.: Наука, 1964.
27. *Лившиц В. А.* Согдийский посол в Чаче (документ А-14 с горы Муг).– СЭ, 1960, № 2.

Л. Н. ЧУРИЛОВА

ПОГРЕБЕНИЕ С СЕРЕБРЯНОЙ МАСКОЙ У СЕЛА МАНВЕЛОВКИ НА ДНЕПРОПЕТРОВЩИНЕ

Осенью 1973 г. в Днепропетровский исторический музей поступили: серебряный сосуд, серебряная маска-личина, железный шлем, сабля, фрагменты серебряной обкладки ножен сабли, пластины от панциря, два железных наконечника стрел, фрагмент ножа. По сообщению В. М. Охотника, директора Васильковского народного музея, передавшего указанные предметы, они происходят из погребения, случайно разрушенного весной 1973 г. во время земляных работ на склоне балки, у северо-восточной окраины с. Манвеловки (Васильковский р-н Днепропетровской обл.).

При обследовании места находки[1] на глубине около 1,5 м от современной поверхности были обнаружены остатки погребального сооружения (прослеживалась одна из его торцевых сторон с закругленными углами), ориентированного по оси восток—запад. Здесь были собраны кости человека и коня со следами окиси железа и бронзы, пластины панциря, несколько массивных фрагментов спекшейся кольчужной сетки, фрагмент сильно окисленного железного предмета удлиненной прямоугольной формы (кинжала?). Устройство и размеры погребального сооружения, положение и ориентировку погребенного установить не удалось.

Среди найденных вещей особое внимание обращают на себя предметы из серебра: сосуд и маска, находки по своему типу редкие, не характерные для Среднего Приднепровья. Круг аналогий для них находится далеко на северо-востоке, в районах Поволжья, Урала, Алтая, Южной Сибири.

Серебряный сосуд (рис. 1, *1*) представляет собой кувшин с высоким коническим горлом и отогнутым наружу венчиком. На стыке шаровидного тулова и горла — выпуклый валик. Дно отсутствует. На поверхности сосуда сохранились следы проковки в виде чешуйчатого рисунка. На обрезе венчика и по краю тулова у дна — следы расслаивания металла. Продольный шов отсутствует. Все это дает возможность предположить, что сосуд изготавливался из тонкого серебряного листа путем накладки последнего на форму и последующей проковкой. Размеры, см: высота сосуда — 13,9, высота горла — 7,5, диаметр устья — 9,4, диаметр по нижнему краю тулова — 10, наибольший диаметр тулова — 12,4. Поверхность сосуда деформирована вмятинами и изломами. Серебряные сосуды, подобные маневеловскому по форме и технике изготовления, часто встречаются среди материалов древнетюркских памятников Горного Алтая и Сибири [1, табл. XCIV, *179*, табл. XCV, *184—193*; 2, с. 307, табл. LII, *4*; 3, с. 159; 4, табл. IV, *а, б*]. В. П. Даркевич относит их к сосудам «тюркских форм» и датирует VIII—IX вв. [5, с. 91].

Серебряная плоская маска трапециевидной формы, с круглыми прорезями для глаз, прямоугольной для рта и треугольной для носа

[1] Обследование проводила Л. П. Елинова, археолог Днепропетровского исторического музея.

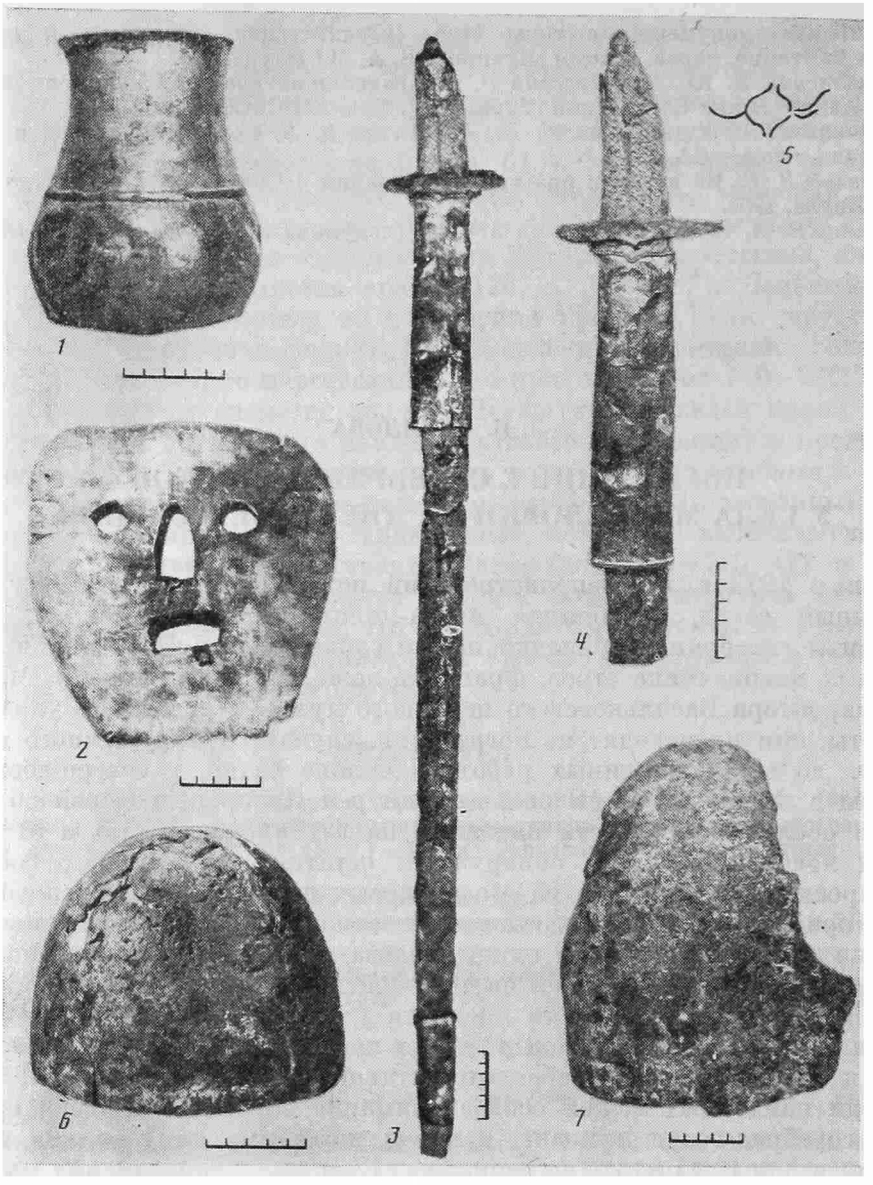


Рис. 1. Комплекс вещей из погребения у с. Манвеловки. *1* – сосуд; *2* – маска; *3* – сабля: *4* – рукоять сабли; *5* – прорисовка тамгообразного знака; *6* – шлем, боковая сторона; *7* – шлем, лицевая сторона

(рис. 1, *2*). Четыре маленьких круглых отверстия по углам, видимо, предназначались для крепления личины к матерчатой подкладке. Края прорезей – зубчатые. Размеры, см: высота маски – 19, ширина вверху – 14, внизу – 11. Ряд аналогий маске мы находим в районах Среднего Поволжья и Приуралья. Для народов, населявших эту территорию в VIII–X вв., маски, лицевые покрытия (наглазники, наротники) были характерной деталью погребального обряда [6, с. 172]. Маска из Манвеловки тождественна серебряным маскам из Танкеевского могильника (IX–X вв., Среднее Поволжье) [7, с. 232, табл. I], относящимся к I группе погребений могильника [8, с. 75]. Маски, подобные по стилю и материалу танкеевским, были обнаружены в могильниках VI–XI вв. на Верхней и Средней Каме (Плесинский, Малоаниковский, Редикорский и др.) [7, с. 233, табл. II, *4–6*]. Особенностью манвеловской маски является наличие отверстия для носа, в подавляющем большинстве на масках вырезались отверстия только для глаз и рта.

Большой интерес среди публикуемых вещей представляет железный сфероконический шлем (рис. 1, *6*, *7*; 2, *1*, *2*). Его высота 18 см, диаметр по нижнему краю 22 см. Шлем склепан из четырех пластин с не-

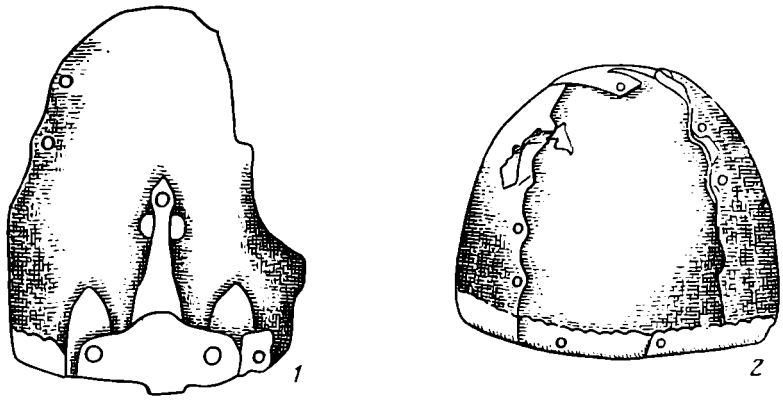


Рис. 2. Шлем (прорисовка). *1* — лицевая сторона; *2* — боковая сторона

ровным, зигзагообразным краем, передняя и задняя пластины накрывают боковые (одна из боковых пластин частично утрачена). Размеры пластин 18×21 см. На каждом выступе (мыске бокового шва) — заклепка. Всего вдоль каждого шва шесть заклепок. По краю шва между пластин корпуса пущена медная прокладка; на лобной части фигурная пластина в виде трезубца, к которой крепился наносник (сохранилась лишь его верхняя часть). Внизу пластины шлема скреплены с обручем, имеющим волнистый верхний край. На макушке четырехугольная пластина с четырьмя заклепками, служившая для укрепления втулки шишака.

Втульчатые сфероконические шлемы, по мнению А. П. Окладникова, были «типичными средневековыми шлемами степных племен Южной Сибири и Центральной Азии» [9, с. 183]. Так же как шлем из Манвеловки, они состоят из нескольких крупных пластин, при этом передняя и задняя накрывают боковые. Пластины скреплены между собой заклепками. Такова конструкция шлема из Каранаевских курганов (Южный Урал), обнаруженного в насыпи кургана, материалы которого датируются X в. [10, с. 115, рис. 61, *17*].

Шлем из манвеловского погребения аналогичен по форме и конструктивным особенностям славянским шлемам II «черниговского» типа (по классификации А. Н. Кирпичникова), распространенного в Киевской Руси в домонгольский период [11, с. 25, 27].

Шлемы «черниговского» типа, как и манвеловский, склепаны, из четырех крупных пластин, по зигзагообразному краю соединения пущена медная прокладка. Шлемы увенчаны втулкой, внизу пластины корпуса охвачены обручем. Шлем из «Черной могилы» (X в.), почти тождественный по своей конструкции публикуемому шлему, также имеет налобную пластину в виде трезубца [11, с. 26, рис. 9, *2*]. От манвеловского многие шлемы «черниговского» типа отличаются наличием золоченой обтяжки наголовья, золоченых и посеребреных украшений корпуса.

Входящая в состав погребального инвентаря массивная прямая сабля (рис. 1, *3*) дополняет комплекс вещей, характерный для погребения знатного воина-всадника. Наличие прямой однолезвийной полосы, некоторая изогнутость рукояти в сторону лезвия — характерные особенности описываемой сабли, как и всех сабель данной группы (группы прямых сабель по классификации Ю. С. Худякова) [12, с. 40]. Размеры, см: длина клинка — 72, ширина клинка у перекрестья — 3,7, ширина клинка внизу — 2,4, высота рукояти — 10, длина перекрестья — 9. Клинок в древности разломан на две части. В изломе прослеживаются три слоя металла. Лезвие полосы параллельно спинке постепенно суживается к острию, конец которого обломан. По центру полосы проходит слабо выраженное ребро. Черен рукояти прямой, пластинчатый. Перекрестье насыпное, с ромбическим расширением в центре. Сохранилась серебряная обкладка рукояти сабли и три звена серебряных обкладок ножен (рис. 1, *4*). Среди последних хорошо сохранились две: обкладка верхней части

клинка и нижнего конца клинка; овальное дно ножен утрачено. Размеры, см: длина обкладки рукояти — 8,4, ширина — 3,2; средней обкладки — 17,2, 4,3; нижней — 8,1, 3. Поверхность обкладки рукояти покрыта рельефным штампованным орнаментом в виде кружков. К верхнему и нижнему краям первого звена обкладки ножен припаян накладной шнур, состоящий из двух витых проволочек. В верхней части обкладки проступает плохо сохранившееся гравированное изображение двух изогнутых линий — завитков, напоминающее тамгообразный знак (рис. 1, *5*).

Прямой сабле из Манвеловки соответствуют сабли I типа (хазарские сабли) по классификации Г. А. Федорова-Давыдова, время их бытования IX—X вв. [13, с. 22]. Близкими аналогиями публикуемой сабле являются клинки из Дмитриевского могильника (поздний этап салтово-маяцкой культуры, конец IX — начало X в.) [14, с. 159, рис. 43, *1*].

Прямые и слабоизогнутые сабли в X—XI вв. были широко распространены на территории Северного Кавказа и Поволжья [15, табл. II, III]. Например, сабли из Больше-Тиганского и Больше-Тарханского могильников (Среднее Поволжье, середина IX — середина X в.) по своему типу и размерам тождественны сабле из Манвеловки [16, с. 172; 17, с. 77, 166, рис. 52, *12*].

В IX—XI вв. прямые и слабоизогнутые сабли занимали главное место в составе наступательного оружия ближнего боя у народов Алтая, Западной и Южной Сибири [12, с. 39; 18, с. 131; 19, с. 167].

Шесть железных пластин от панциря, переданных в музей, пополнились множеством таких же пластин, найденных при обследовании места находки (рис. 3, *1—4*). Большинство пластин удлиненной прямоугольной формы, слегка выгнутые (одна из длинных сторон округлая), с парными отверстиями на поверхности. Размеры их: 6,5×2,2×0,1 см. Были обнаружены также два фрагмента панциря (6,5×1,1×0,1 см), состоящие из спекшихся, наложенных одна на другую пластин с парными отверстиями на концах, и две большие пластины: прямоугольная изогнутая пластина с парными отверстиями вдоль длинных сторон (6,6×4,2×0,1 см) и квадратная пластина с отверстиями по углам и большой круглой заклепкой в центре верхней части (6,5×5,7×0,1).

Аналогии для большинства панцирных пластин из Манвеловки мы находим среди пластин, выделенных Ю. С. Худяковым в тип II, объединяющий пластины от чешуйчатого панциря [12, с. 120, табл. XL, *5, 6, 8—11*; с. 123, табл. XLII]. Эти пластины происходят из Южной и Западной Сибири, Алтая и Тувы. Панцири, состоящие из таких пластин, были распространены у кыргызов в VIII—XI вв., и особенно широко в IX—X вв. [12, с. 126].

Среди восточно-европейских древностей хронологические рамки аналогий публикуемым пластинам широки — X—XIII вв., что говорит о длительном бытовании, стойкости этой системы панциря [20, с. 125, 127, 129].

На внутренней стороне манвеловских пластин хорошо сохранились отпечатки ткани — подосновы доспеха. Учитывая, что для панцирей ременного крепления, в отличие от чешуйчатых панцирей, подоснова не обязательна, а также опираясь на широкий круг сибирских аналогий, можно предположить, что публикуемые пластины составляли чешуйчатый панцирь.

Кроме панцирных пластин на месте погребения обнаружено несколько массивных фрагментов спекшейся кольчужной сетки (диаметр кольца 4, толщина — 1,5 мм) с отпечатками ткани на внутренней стороне (рис. 3, *5*).

Среди железных предметов были также два наконечника стрел (рис. 3, *6, 7*). Один из них — срезень треугольный с упором при переходе к черешку (размеры, см: длина — 4,5, длина пера — 2,1, ширина пера — 1,4), другой — бронебойный, граненый (четырехгранный) с ромбовидной головкой и длинной шейкой (размеры, см.: длина — 4,7, длина пера — 1, ширина пера — 1); черешки наконечников стрел круглые. Такие наконечники относятся к типам средневековых стрел, широко

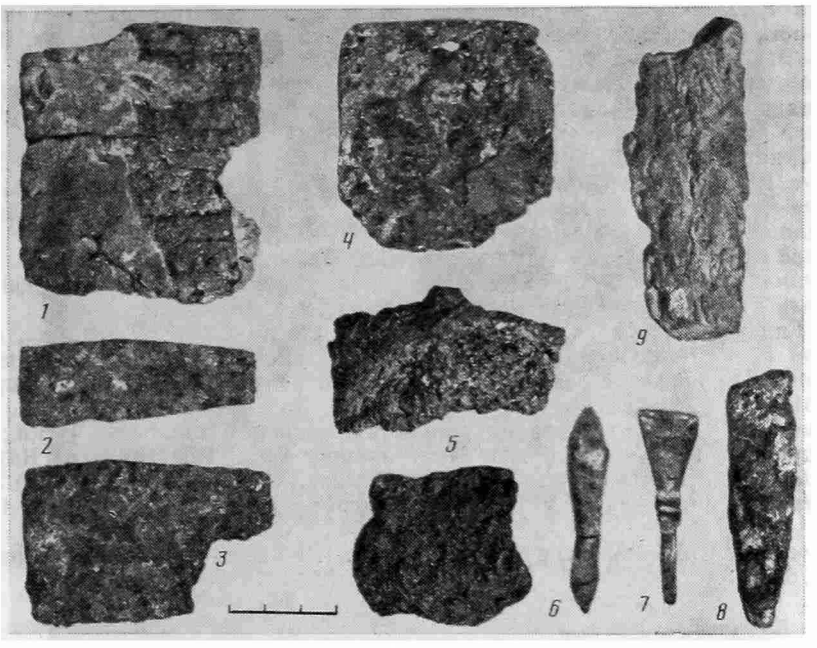


Рис. 3. Предметы из погребения. *1–4* – панцирные пластины; *5* – фрагмент кольчужной сетки; *6, 7* – наконечники стрел, *8* – фрагмент ножа, *9* – фрагмент кинжала (?)

распространенным на территории Восточной Европы и Сибири. По классификации А. Ф. Медведева, один из них — срезень треугольный — относится к типу 54 (отдел второй), который бытовал с IX по XIV в. Небольшие размеры наконечника, аналогии среди материалов IX–X вв. уточняют датировку [21, с. 70, 81]. Бронебойные наконечники появились в X в. и были очень характерными для X и XI вв. [21, с. 81].

Обнаруженный при обследовании места находки прямоугольный железный фрагмент удлиненной формы (размеры, см.: длина — 8,7, ширина — 3, толщина — 1; в сечении линзовидный), судя по массивности и форме, может быть фрагментом клинка кинжала. Что же касается фрагмента железного ножа, то по очертаниям — это нож с прямой спинкой и криволинейным лезвием (размеры, см: длина — 7, ширина — 1,7, толщина — 0,4; в сечении клиновидный) (рис. 3, *8, 9*).

Самые близкие аналогии для основных датирующих предметов (сабля, сосуд, маска) не выходят за пределы IX–X вв., что позволяет погребение у Манвеловки датировать этим временем. Как уже указывалось выше, среди публикуемых предметов особо выделяется серебряная маска, не характерная для древностей юга Восточной Европы. Погребальные маски, лицевые покрытия (наглазники, наротники) в сочетании с захоронением останков коня являются специфическими чертами погребального обряда древневенгерских племен Среднего Поволжья и Южного Приуралья VIII–X вв. [17, с. 79, 80; 22, с. 145]. Таким образом, погребение у с. Манвеловки предположительно можно отнести к древневенгерским, связав его с происходившим в IX–X вв. передвижением венгерских племен на запад, в восточно-европейские степи [22, с. 155].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909.
2. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири.– МИА. 1949, № 9.
3. *Кубарев В.* Новые сведения о древних тюркских оградках Восточного Алтая.– В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979.
4. *Евтюхова Л., Киселев С.* Чаа-Тас у села Копены.– Тр. ГИМ. 1940, вып. XI.
5. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М.: Наука, 1976.
6. *Фодор И.* К вопросу о погребальном обряде древних венгров.– В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.

7. *Казаков Е. П.* О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника.— Уч. зап. ПГУ, тр. Камской археологической экспедиции, 1968, № 19.
8. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.
9. *Медведев В. Е.* О шлеме средневекового амурского воина.— В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981.
10. *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М.: Наука, 1981.
11. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3.— САИ, 1972, вып. Е1-36.
12. *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980.
13. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Наука, 1966.
14. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1976, № 142.
15. *Корзухина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в.— СА, 1950, т. XIII.
16. *Халикова Е. А.* Больше-Тиганский могильник.— СА, 1976, № 2.
17. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
18. *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX—X вв.— В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981.
19. *Плотников Ю. А.* Рубящее оружие Прииртышских кимаков.— В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981.
20. *Медведев А. Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси.— СА, 1959, № 2.
21. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие VIII—XIV вв.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
22. *Халикова Е. А.* Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья.— СА, 1976, № 3.

Н. Г. ЛОГВИН

МИХАЙЛОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ВЫДУБИЧАХ В КИЕВЕ

Одним из немногих сохранившихся памятников Киева XI в. является Михайловская церковь Выдубицкого монастыря. Расположена она в необычайно красивом месте над Днепром, где в древности была переправа на Киев. О ее основании в летописи записано под 1070 г., а об освящении — под 1088 г. [1, с. 189, 219]. До наших дней сохранилась западная часть церкви с нартексом и западной парой подкупольных столбов на высоту до основания сводов. Абсиды и восточная пара подкупольных столбов постройки обрушились вместе с частью холма, на котором она стоит. В середине XVII в. памятник был восстановлен. После пожара в 1760 г. здание было отстроено архитектором М. Юрасовым и в таком виде существует и сейчас (рис. 1). Это кубическая одноглавая постройка с горизонтальным карнизным завершением стен и скатной кровлей; с востока устроена одна абсида. Внутри храм разделен перекрытием на два яруса. Глава расположена в центре здания между западной парой подкупольных столбов и восточной стеной нартекса, т. е. там, где первоначально был цилиндрический свод западного рукава пространственного архитектурного креста.

В конце XIX — начале XX в. проводились раскопки и исследования памятника, однако его первоначальный план так и не был определен. В 1945 г. были проведены тщательные архитектурно-археологические исследования сооружения под руководством М. К. Каргера. Во время раскопок были вскрыты сохранившиеся фундаменты, определено местоположение юго-восточного подкупольного столба и лопаток южной стены, а также установлено, что ленточные фундаменты восточной части представляют собой отдельные участки, примыкающие друг к другу [2, с. 302]. За крайней поперечной лентой были обнаружены три небольших продольных отрезка фундаментов. В обычной крестово-купольной постройке здесь должны быть абсиды. Однако никаких следов закругления фундаментов, ни отпечатков кладки обнаружено не было. С севера и юга к восточной части церкви примыкали две пристройки. По характеру кладки, известковому раствору с примесью песка и глубине заложения фундамент южной пристройки не отличается от фундаментов церкви и лишь несколько уже. В подошве его обнаружены отпечатки деревянных

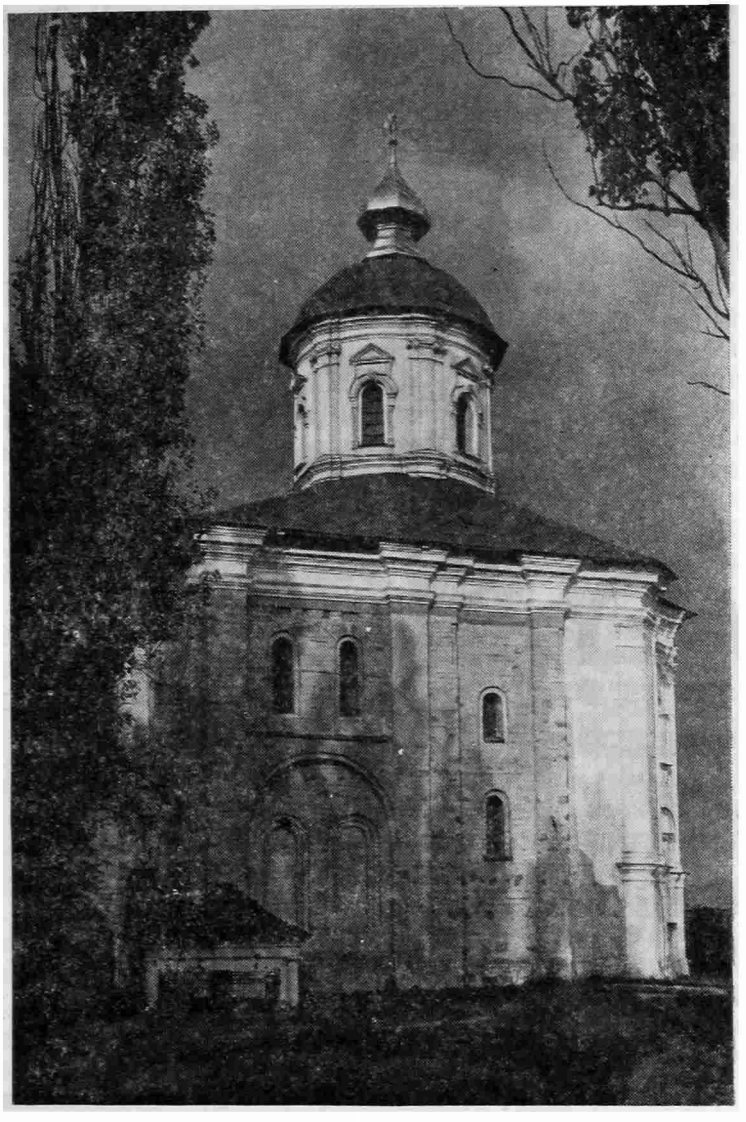


Рис. 1. Церковь Михаила на Выдубичах. Общий вид с юга

лежней. Кладка фундаментов северной пристройки сложена из камня и обломков кирпича на известково-цемяночном растворе, глубина его заложения значительно меньше. Внутри пристройки обнаружено несколько погребений. С запада к ней примыкало меньшее по величине помещение, из которого, вероятно, вели проходы в усыпальницу и храм. Южная пристройка современна церкви, северная сооружена позднее [2, с. 304—309].

На основании результатов раскопок М. К. Каргер предложил реконструкцию плана памятника, на которой он представлен как трехнефный крестово-купольный храм с дополнительной парой столбов и поперечным членением с востока перед абсидами. Такая удлиненная по оси восток — запад композиция плана памятника позволила сблизить его с соборами Спаса в Чернигове и Борисоглебским в Вышгороде. Реконструкция М. К. Каргера вызвала возражения Н. И. Брунова. Он отмечал необычность такого плана для архитектуры Киевской Руси и высказывал предположение, что абсиды могли находиться на одно членение ближе к куполу [3, с. 303].

Уточнить реконструкцию плана Михайловской церкви на Выдубичах стало возможным после архитектурно-археологических исследований, проведенных в начале 1970-х годов (под руководством Р. П. Быковой). Тогда были вскрыты остатки восточных фундаментов, проведены раскопки внутри собора и исследованы древние конструкции памятника. Выясни-

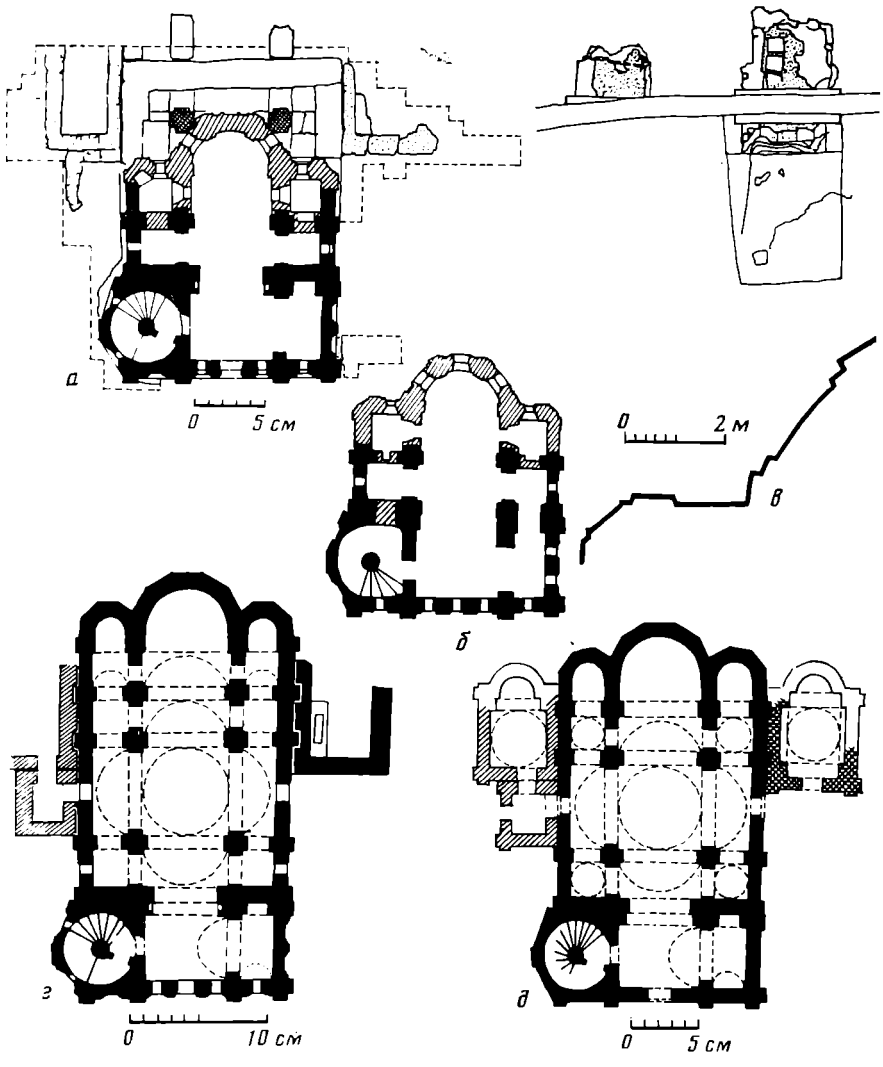


Рис. 2. Михайловская церковь на Выдубичах в Киеве: *а* — план по материалам раскопок М. К. Каргера, 1945 г.; *б* — план II яруса; *в* — план остатков фундаментов северной абсиды (по материалам исследований 1972—1973 гг.); *г* — план (реконструкция М. К. Каргера); *д* — план (реконструкция автора)

лось, что под стеной, отделяющей нартекс от основного массива храма, фундамент имеет ширину 3,05 м и состоит из двух параллельных лент, положенных впритык. Ширина ленты под стеной собственно нартекса — 1,25 м, под стеной храма — 1,8 м. Как и в фундаментах, перевязь кладки между восточной стеной нартекса и западной стеной основного массива отсутствует на всю ширину и сохранившуюся высоту постройки. Западная стена храма, закрытая нартексом, имеет тщательно обработанную поверхность с подрезкой полос раствора. В западной стене храма по отпечаткам плинфы обнаружены следы входного проема шириной 1,75 м. На основании этого пришли к выводу, что нартекс с хорами и лестничной башней был пристроен несколько позже, изменив первоначальный замысел, что и явилось причиной задержки освящения [4, с. 22; 5, с. 105].

Таким образом, первоначально Михайловская церковь представляла, как считают, трехнефную постройку с развитой восточной частью (согласно реконструкции М. К. Каргера) и без нартекса [4, с. 22; 5, с. 105, 106]. С пристройкой же нартекса храм получил необычно удлиненную по продольной оси композицию.

Однако исследователями были оставлены без должного внимания остатки северо-восточных фундаментов. Они-то и позволяют уточнить реконструкцию М. К. Каргера. Эти части фундаментов принадлежат се-

верной абсиде. На чертеже отчетливо видны отпечатки плинфы, которые фиксируют начало закругления абсиды, а также отпечатки поперечного лежня, уложенного по радиусу [6, лист. 67, шурф № 12] (рис. 2, *в*). По этим следам можно с достаточной точностью определить местоположение как боковых, так и средней абсиды. Алтарная часть церкви на Выдубичах была такой же, как и в остальных киевских памятниках, лишь несколько более вытянутой (рис. 2, *а*). Михайловская церковь была трехнефной крестово-купольной постройкой с нартексом, без дополнительного поперечного членения перед абсидами, что и предполагал Н. И. Брунов [3].

Примыкание нартекса к основному массиву храма без перевязи кладки не может являться доказательством более позднего его возведения. В данном случае отсутствие перевязи в этой части постройки является своеобразным осадочным швом. Такой прием довольно обычен в древнерусском зодчестве. В Софийском соборе в Киеве, например, нет перевязи кладки и дубовых брусьев между наружными и внутренними галереями, а также между галереями и лестничными башнями. Вертикальные швы в кладке есть в соборе и между стенами внутренних галерей и пятинефного массива. Судя по плану фундаментов Михайловской церкви на основании раскопок М. К. Каргера [2, с. 298, рис. 100], без перевязи к средней части постройки примыкали и абсиды. Таким образом, между нартексом, девятидольным крестово-купольным объемом и абсидами были устроены осадочные швы, препятствовавшие возникновению деформаций в здании от различной осадки этих частей.

Под хорами в северной и южной частях западной стены основного массива Михайловской церкви находятся два заложенных проема шириной около 0,6 м на высоте 4 м. Плинфа закладок и стен одинакова, совпадают и горизонтальные ряды ее. Как видно, проемы были заложены непосредственно в процессе строительства. Во втором ярусе церкви в северном и южном делениях сохранились пазы от ограждения хор. В этих же частях под полом существующего междуэтажного перекрытия расположены арочные перемычки, отделяющие северный и южный нефы от среднего. Такая же арочная перемычка обнаружена и в месте примыкания южной части западной стены храма к стене нартекса. Она была принята за оконный проем первоначального западного фасада до пристройки к нему нартекса [6, лист 38, зондаж № 57]. Однако во втором ярусе на хорах в Михайловской церкви из помещения над нартексом в южный неф открывается арочный проем почти на всю ширину нефа. Следов срубленной кладки там не обнаружено. В отделение над северным нефом из башни также вел широкий входной проем [2, с. 306, рис. 102]. Если бы западная стена девятидольного объема была фасадной, то в ней должны были бы быть окна, а не широкие и высокие арочные проемы, наличие которых свидетельствует не только о едином архитектурном замысле, но и об одновременном возведении трехнефного массива с абсидами и нартекса. Западная стена основного объема памятника, закрытая нартексом, не имела известково-цемяночной штукатурки — затирки. Открытые же стены храма не могли быть неоштукатурены [7]. Так, в кладке на западном фасаде можно было видеть до ремонта памятника обломки тонких шиферных плит, использованных в качестве плинфы. Камень в кладке положен без определенной системы, ряды его не соблюдены, мелкие камни перемежаются с крупными; камни часто уложены на ребрах пилястр, что создает без штукатурки неровную линию.

Эти наблюдения позволяют сделать вывод, что после закладки фундаментов храма и нартекса стены трехнефного массива были выведены до уровня хор. Затем начали возводить нартекс и продолжали строить основной объем, западная стена которого оставалась некоторое время открытой. Поэтому так тщательно была отделана ее поверхность и сделана раскреповка у арочного проема в юго-западной части хор. Связывать же освящение храма на Выдубичах в 1088 г. с возведением нартекса достаточных оснований нет.

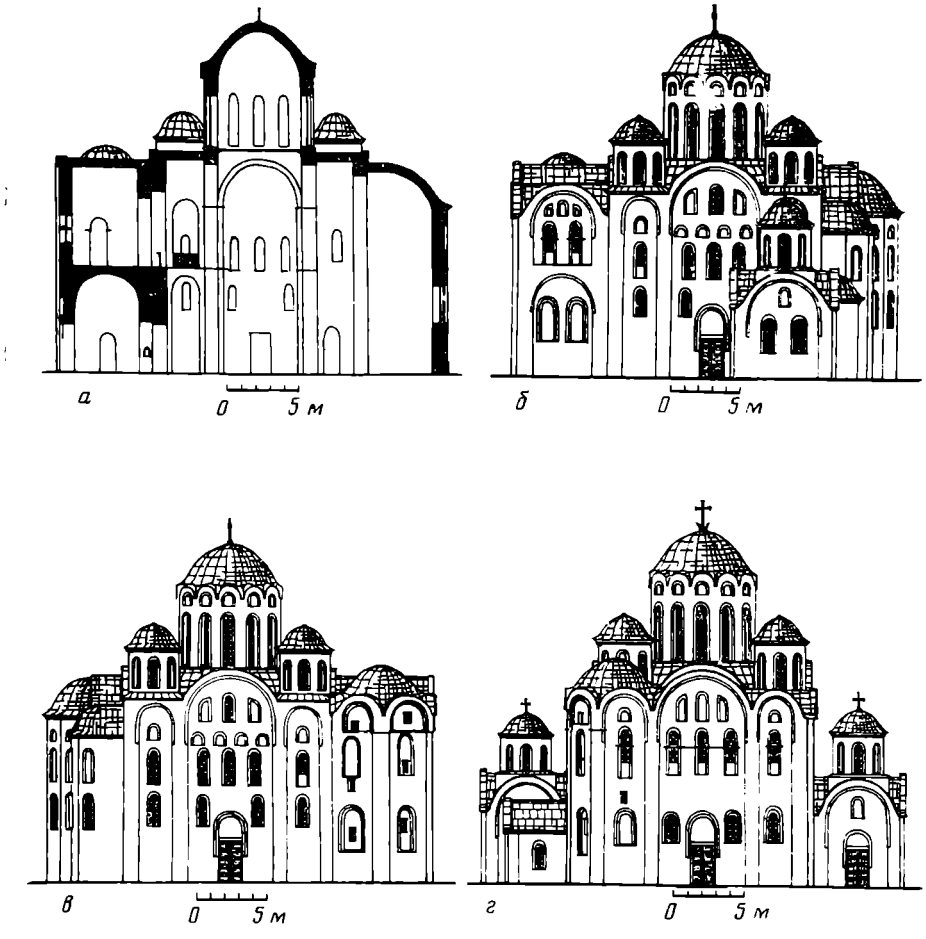


Рис. 3. Михайловская церковь на Выдубичах в Киеве. Реконструкции автора. *а* – продольный разрез по среднему нефу; *б* – южный фасад; *в* – северный фасад; *г* – западный фасад

В центральном прясле западного фасада памятника между арками портала и правого оконного проема еще недавно можно было видеть исправление древнерусскими мастерами ошибки в кладке. При заполнении кладкой промежутка между арками получилось так, что ряды плинфы были положены несколько глубже. В этом месте образовалась небольшая впадина. Она была закрыта выравнивающим слоем раствора (толщиной около 5 см), по которому, пока он еще не затвердел, были оттиснуты шнуром полосы, как бы обозначающие плинфы. Во время реставрационных работ, проводившихся в Михайловской церкви в 1981—1982 гг., этот участок с исправлением кладки был сбит. Стало видно, что поверх арочных перемычек портала и окна лежал гладкий слой строительного раствора.

Судя по следам от строительных лесов и подмостей, уровню оконных проемов, арочных ниш и карнизов, высота вертикальных строительных захваток в Михайловской церкви на Выдубичах была около 1,6—2 м. Можно предположить, что за строительный сезон здание возводили на высоту около 5 м, так как поверх арочных перемычек окон и портала на западном фасаде нартекса раствор был тщательно заглажен и затвердел к тому времени, когда продолжили возведение стены. За второй этап стены нартекса возвели до уровня шиферных карнизов окон, на общую высоту около 9,5 м. Третьим этапом было сооружение сводов нартекса (и, вероятно, сводов и куполов всего храма). Видимо, на возведение Михайловской церкви Выдубицкого монастыря ушло от трех до пяти лет.

Первоначальные своды церкви не сохранились. Полагают, что памятник имел позакомарное завершение фасадов [8, с. 9] и был одноглавым,

так как боковые главы, размещенные в межрукавьях пространственного архитектурного креста, оказались бы непропорционально малы по сравнению с центральной главой [5, с. 106]. Во время исследований памятника в 1970-х годах в юго-западном межрукавье был обнаружен парус. Это позволило высказать предположение, что квадратные в плане помещения на хорах были перекрыты куполами на парусах [9, с. 303]. Однако над парусами могли быть и световые барабаны. Поэтому нами исполнена реконструкция Михайловской церкви на Выдубичах как пятиглавого сооружения. Закомарное же завершение было над нартексом. В верхней части пилястр лестничной башни сохранились уступы. Вероятно, грани башни имели полукруглое завершение, что сохраняло симметрию позакомарного венчания прясел западного фасада (рис. 3). Барабан центральной главы мог иметь арочное завершение; в малых главах было, скорее всего, карнизное завершение барабанов из-за их небольших размеров.

Внутри храм имел П-образные хоры, расположенные на высоте около 7 м. Пол хор несли арочные перемычки, отделяющие во втором ярусе северный и южный нефы от центрального. Под хорами в нефах могли быть либо цилиндрические своды, либо балочные перекрытия.

Согласно приемам пропорционального построения древнерусских памятников [10], высота помещений над хорами соответствовала высоте, на которой располагались хоры. Таким образом, от пола здания до зенита центрального купола Михайловской церкви было около 24 м при ширине центрального нефа 6,2 и боковых — 2,5 м. Вертикальность композиции центрального внутреннего пространства памятника подчеркивалась соотношением плановых и высотных размеров составляющих его компартиментов.

Ширина бокового нефа была недостаточна для устройства лестничной башни, поэтому мастер и выдвинул ее объем за пределы нартекса. Однако в отличие от церкви Спаса на Берестове башня Михайловской церкви выступает не прямоугольным, а двугранным ризалитом с севера. Западная стена башни по ширине равна боковому нефу. Граненый объем лестничной башни, гармонично сочетаясь с массами памятника, придавал ему своеобразие. Это же относится и к решению плоскости южной стены нартекса, в первом ярусе которого с этой стороны была усыпальница. Отличительной чертой памятника является отсутствие меандровых фризов на сохранившихся частях стен.

Михайловская церковь Выдубицкого монастыря представляет собой один из интереснейших памятников Киева XI в. Основной крестово-купольный девятидольный массив храма был увенчан пятью главами, а решение плоскостей стен нартекса и объемов абсид позволило мастеру создать при всем единстве масс памятника столь разнообразные фасады. Стены церкви были покрыты тонким слоем светлой известковоцемяночной затирки, остатки которой еще можно было видеть на южной стене нартекса. Фасады храма украшали плоские уступчатые ниши, в которых, очевидно, были фресковые росписи. Во втором ярусе нартекса изящной линией проходил шиферный карниз в пятах арочных проемов окон и в основании закомар лестничной башни. С севера и юга к церкви примыкали усыпальницы, имевшие, возможно, небольшие главы.

Михайловская церковь на Выдубичах может по праву считаться выдающимся памятником Киевской архитектурно-строительной школы третьей четверти XI в. Ее логичное конструктивное и архитектурно-художественное решение не могло быть случайным и единичным. Вполне возможно, как и предполагал С. Т. Голубев [11, с. 33], подобной Михайловской была церковь Андрея (1086 г.) в монастыре Янки, дочери ктитора Выдубицкого храма Всеволода, так как эти два памятника могли строить одни и те же мастера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Повесть временных лет.— В кн.: Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М.: Худож. лит., 1978.
2. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 2. Л.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.

3. *Брунов Н. И.* Рец. на кн.: М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938–1947 гг). Киев, 1950 г.– Византийский временник, 1953, № 7.
4. *Мовчан И. И.* Древние Выдубичи. Киев: Наук. думка, 1982.
5. *Асеев Ю. С.* Архитектура древнего Киева. Киев: Будівельник, 1982.
6. Памятник архитектуры XI в. Михайловская церковь Выдубицкого монастыря в Киеве. Материалы и исследования (гл. арх. Иваненко В. Д., нач. НИРО-2 Быкова Р. П., ст. арх. Цяук В. Т.). Киев, 1974.– Материалы ин-та «Укрпроектреставрация», арх. № 118.
7. *Логвин Г. Н.* О первоначальном облике храмов Киевской Руси.– В кн.: Архитектура Киева. Сб. статей. Киев, 1982.
8. *Комеч А. И.* Возникновение позакомарного завершения фасадов в храмах Киева второй пол. XI – начала XII в.– В кн.: Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 1. М.: Стройиздат, 1975.
9. *Логвин Г. Н.* Киев. М.: Искусство, 1982.
10. *Афанасьев К. Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
11. *Голубев С. Т.* Киево-Выдубицкий монастырь (домонгольское время). Киев, 1913.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 10 ЛЕТ (1977—1986 гг.) *

	год	№
Советская археология в год 60-летия Великого Октября	1977	4
110-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина	1980	4
Решения XXVI съезда КПСС и задачи советской археологической науки	1981	4
Образование Союза Советских Социалистических Республик — торжество ленинской национальной политики КПСС	1982	4
Некоторые итоги и перспективы развития советской археологической науки в свете решений XXVII съезда КПСС	1986	2

Статьи, публикации, заметки

Абдуллаев К. А., Завьялов В. А. Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии	1985	1
Абрамова З. А. Г. П. Сосновский (1899—1941) и проблемы палеолита Северной Азии	1981	1
Абрамова З. А. К вопросу о возрасте алданского палеолита	1979	4
Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа	1978	1
Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени	1979	2
Абрамова М. П. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа	1982	2
Абызова Е. Н. Каширный сосуд из Старого Орхея	1981	2
Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля	1984	2
Авилова Л. И. К изучению позднетрипольского погребального обряда	1978	3
Авилова Л. И. К изучению социальной структуры и идеологии племен гумельницкой культуры (по данным погребального обряда)	1986	1
Айбабин А. И. Салтовские поясные наборы из Крыма	1977	1
Айбабин А. И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне	1982	3
Айбабин А. И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднескифского периода	1984	1
Айбабин А. И. Погребение хазарского воина	1985	3
Айбабин А. И., Веймарн Е. В. Склеп 406 Скалистинского могильника	1983	4
Акишев А. К., Байпаков К. М. Медальон с изображением борьбы с драконом из Отрара	1981	4
Акишев К. А. Археология Казахстана. Основные направления и итоги	1978	1
Акопян А. М. Связи Армении и Кавказской Албании с Парфией (градостроительство и архитектура)	1979	4
Акопян Г. П. Древняя Армения в торговле Запада с Востоком (первые века нашей эры)	1984	2
Александренков Э. Г., Жилин М. Г. Мезолитическая стоянка в Смоленском Поднепровье	1982	1
Алексеев В. А., Кузнецова Э. Ф. Кенказган — древний медный рудник в Центральном Казахстане	1983	2
Алексеев В. П. Опыт антропологической оценки скульптур Халчаяна и Дальверзина	1982	1
Алексеев Л. В. О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии)	1977	1
Алексеев Л. В. Периферийные центры домонгольской Смоленщины	1979	4
Алексеев Л. В. Берестяная грамота из древнего Мстиславля	1983	1
Алексеева Е. М. Культы Горгиппии	1986	4
Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Пскова X—XVI веков (в связи с проблемой археологического исследования древнерусского города)	1978	2
Алешковский П. М. Языческий амулет-привеска из Новгорода	1980	4
Алешковский П. М., Чернов С. З. Археологический комментарий к берестяным грамотам № 550 и 568	1981	2
Аль-Наджар Мухаммед. Памятники культуры ранней бронзы на территории Иордании (к вопросу о начале бронзового века в Палестине)	1981	2
Альтшуллер Б. Л. Бесстолпные храмы XIV века в Коломне	1977	4

* Указатель за 1957—1966 гг. см. СА, 1966, № 4; за 1967—1976 гг.— СА, 1976, № 4.

	год.	№
Амброз А. К. Приложение к статье А. В. Дмитриева	1979	4
Амброз А. К. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971—1984 гг.)	1985	3
Амброз А. К. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах	1986	3
Амброз А. К. Кинжалы VI—VIII вв. с двумя выступами на ножнах	1986	4
Амирханов Х. А., Аникович М. В., Борзияк И. А. К проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Русской равнины и Кавказа	1980	2
Амирханов Х. А., Аутлев Н. У. Из исследований верхнепалеолитических индустрий Прикубанья (инвентарь слоя 2 Губского навеса № 1)	1977	3
Андреева Е. Г. Остеологические материалы из Гнёздова	1980	1
Андреева Е. Г. Костные остатки из кургана у деревни Романово	1986	3
Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры	1977	1
Андреева М. В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах	1979	1
Андреева М. В. Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени	1984	3
Андреева М. В. Об одной зооантропоморфной фигурке из Ставрополья	1986	2
Андреева М. В., Козенкова В. П. Комплекс начала I тысячелетия до н. э. из урочища Клин-яр (Кисловодская котловина)	1986	1
Аникович М. В. О характере охотничьего вооружения в памятниках костенковско-стрелецкой культуры	1985	4
Аннаев Т. Дж. Раскопки раннесредневековой усадьбы Куёв-курган в Северном Тохаристане	1984	2
Анпилогов А. В. Каменное навершие со стоянки Ловозеро V на Кольском полуострове	1979	2
Анпилогов А. В. Классификация керамики поселений бассейна р. Воронья в центральной части Кольского полуострова	1981	1
Антонова Е. В. О некоторых чертах погребального обряда древних земледельцев Средней Азии и Месопотамии	1980	4
Антонова Е. В. К проблеме функций печатей ранних земледельцев Востока	1984	4
Анфимов Н. В., Шарафутдинова Э. С. Поселение Красногвардейское на Кубани — новый памятник кобяковской культуры	1982	3
Аптекарев А. З. Комплекс вещей V в. до н. э. из станицы Старокорсунской	1986	4
Аптекарев А. З., Козенкова В. П. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной (Краснодарский край)	1986	3
Аразова Р. Б. Об использовании битума в древнем Азербайджане	1981	3
Арефьев В. А. Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I	1984	1
Арсеньева Т. М., Казакова Л. М. Двадцать лет работы музея-заповедника «Танаис»	1982	2
Артеменко И. И. Археологические исследования в Украинской ССР	1977	4
Артеменко И. И., Левченко Б. М. Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области	1983	2
Артемова В. Д. Микролитический инвентарь 2-го слоя Костенок VIII (Тельманская стоянка)	1982	1
Артемьев А. Р. Стратиграфия и хронология Изборской крепости	1985	2
Асеев Ю. С. К вопросу о времени основания Киевского Софийского собора	1980	3
Аскаров А. А., Буряков Ю. Ф. Некоторые итоги и перспективы развития археологии в Узбекистане	1978	2
Астахов С. Н. Голубая I — позднепалеолитическая стоянка на Енисее	1982	4
Астраханский В. С. Неизвестная статья В. Н. Татищева	1983	2
Атавин А. Г. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X—XIV вв.	1984	1
Атавин А. Г. Средневековые погребения из Фанагории	1986	1
Афанасьев Г. Е. Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска	1979	3
Афанасьев Г. Е. Большая семья у алан	1984	3
Афанасьев Г. Е., Козенкова В. П. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска	1981	2
Афанасьев Г. Е., Николаенко А. Г. О салтовском типе сыродутного горна	1982	2
Ахунбабаев Х. Г. Об одной группе согдийских монет	1986	4
Бабаев А. Д. Коропластика Чим-Кургана (Северный Таджикистан)	1982	4
Бабаев П. А. Исследования общественного здания второй половины I в. до н. э.— I в. н. э. на городище Кабала	1977	4
Багаев М. Х. Галайтинский клад VI—VII вв. н. э.	1977	2
Багаутдинов Р. С., Пятых Г. Г. Срубные погребения I Осинковского могильника	1982	1
Бадальянц Ю. С. Родосские амфорные клейма (раскопки 1970—1974 гг.)	1978	4
Бадальянц Ю. С. Новые хронологические соответствия личных имен на родосских амфорах	1980	2
Бадер Н. О. Телль Магзалия — ранненеолитический памятник на Севере Ирака	1979	2

	год.	№
Бадер Н. О., Чумаков И. С. Мустьерское местонахождение Эль-Кдейр в Сирийской пустыне	1977	2
Бадер О. Н. Музеефикация археологических памятников	1978	3
Бадер О. Н., Сериков Ю. Б. Гаринское палеолитическое местонахождение на Сосьве	1981	3
Бадер О. Н., Черников В. Ф. Новый могильник сеймпнского типа на Оке	1978	1
Байпаков К. М. О локализации позднесредневековых городов Казахстана	1977	2
Баранов И. А. Средневековая литейная форма из Старого Крыма	1977	2
Барта Ю. Палеолитические памятники Словакии	1985	2
Барцева Т. Б. О химическом составе бронзового котла из с. Гайдары	1978	2
Барцева Т. Б. О химическом составе металла наверший скифского времени	1980	3
Барцева Т. Б. Химический состав изделий античного импорта, найденных в среднем Поднепровье (по данным спектрального анализа)	1983	4
Батчаев В. М. Гуннский котел из селения Хабаз	1984	1
Батчаев В. М., Керефов Б. М. Оленный камень из Кабардино-Балкарии	1980	3
Башилов В. А., Большаков О. Г., Куза А. В. Древнейшие слои хассунского поселения Ярым-тепе I в Северном Ираке	1980	1
Башилов В. А., Лооне Э. Н. Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии	1986	3
Безуглов С. И. Погребение кочевника VII в. н. э. на Нижнем Дону	1985	2
Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента)	1981	2
Беленицкий А. М., Мешкерис В. А. Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии	1986	3
Беленькая Д. А. Шиферная иконка из Зарядья	1983	2
Белецкий В. Д., Белецкий С. В. Сосуд из могилы псковского князя Всеволода — Гаврпила Мстиславича (1138 г.)	1979	3
Белецкий С. В. О рейнской керамике в Пскове	1978	2
Белецкий С. В. Печати «княжа Олександрова»	1985	1
Белецкий С. В. Курган у деревни Романово под Псковом	1986	3
Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы	1977	2
Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи	1981	3
Белозор В. П., Скорый С. А. Архаический скифский меч из Киева	1985	1
Белоцерковская И. В. Керамика некоторых поселений раннего железного века на верхней Упе	1981	2
Белоцерковская И. В., Сапожников Н. В. О вятичских древностях из Смоленска	1980	2
Белый А. В., Манучарян А. А. Печать-перстень с армянской надписью из Крыма	1982	3
Бердимурадов А. Э. Винодельная мастерская из северо-западной Уструшане	1986	4
Березкин Ю. Е. Хронология среднего и позднего этапов культуры мочика (Перу)	1978	2
Бессонова С. С., Скорый С. А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму	1986	4
Беспалый Е. И. Курган I в. н. э. у г. Азова	1985	4
Бёттгер Б. Амфора с надписями из Танаиса	1981	4
Бибиков С. Н. Мезин. «Праздничный дом» и костяной музыкальный комплекс	1978	3
Бибиков С. Н. Ленинские идеи в археологической науке	1981	4
Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкесия)	1980	3
Бижанов Е. Б. Неолитическое погребение на Устюрте	1985	1
Бишони Р. Неопубликованные находки из Анау, хранящиеся в музее Пибоди (США)	1977	2
Блаватская Т. В. Известия Геродота о будинском граде Гелоне и его обитателях	1986	4
Блаватский В. Д. Дионисий Ольвиапский	1978	3
Блаватский В. Д. Феодосия VI—IV вв. до н. э. и ее название	1981	4
Бобринский А. А., Мельниковская О. Н. Гончарный круг у населения юхновской культуры	1977	2
Бобров В. В. О бронзовой поясной пластине из тагарского кургана	1979	1
Богомольников В. В., Равдина Т. В. О находках монет из Вотпп (Верхний Днепр)	1979	2
Бодунов Е. В., Жилин М. Г., Воробьев В. М. Позднемезолитическая стоянка Староконстантиновская II близ Калинина	1980	2
Бокий Н. М., Горбул Г. П. Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области	1985	4
Боковенко Н. А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе	1977	4
Борисковский П. И. Археология во Вьетнаме в наши дни	1977	4
Борисова В. В. Бронзовая статуэтка коня из Херсонеса	1977	2
Борисова В. В. Склеп I—III вв. н. э. херсонесского некрополя	1985	1

	год.	№
Боровиков П. А. О методах поиска древних затонувших судов (по материалам зарубежной литературы)	1984	4
Бородовский А. П. Об имитации швов кожаной посуды на керамике (по материалам курганной группы Быстровка-I)	1984	2
Братченко С. Н., Швецов М. Л. Средневековый могильник у станицы Багаевской	1984	3
Брашинский И. Б., Марченко К. К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону	1978	2
Брашинский И. Б., Марченко К. К. Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа	1980	1
Буйнов Ю. В. О погребальном обряде племен бондарихинской культуры	1977	4
Булатов Н. М. Иранская ваза с Селитренного городища	1979	2
Булатов Н. М. Золотой браслет с Селитренного городища	1983	3
Булыгина Т. Н. Новые находки египетских изделий в Фергане	1986	2
Буров В. А. Печати при новгородском Наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики Новгорода XIV в.	1977	1
Буров В. А. К вопросу о реконструкции нижних приделов Преображенского собора Соловецкого монастыря XVI в.	1977	4
Буров В. А. Заметки о новгородских берестяных грамотах	1979	1
Буров В. А. Соседи бояр Мишиничей — Онцифоровичей по Холопьей и Кузьмодемьянской улицам (XIV—XV вв.)	1979	3
Буров В. А. Новгородские актовые печати XIV—XV вв. и социальный состав владельцев усадеб	1980	1
Буров В. А. Вечевая площадь Неревского конца древнего Новгорода	1982	3
Буров В. А. Уличанская община древнего Новгорода по археологическим данным	1985	4
Буров В. А. Заметки о новгородских берестяных грамотах XIV—XV вв. (по материалам Неревского раскопа)	1986	2
Буров Г. М. Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и Вис II (I тысячелетие н. э.)	1981	2
Буров Г. М. О нижнем хронологическом пределе лебяжской культуры	1983	2
Буровский А. М. Этапы развития кокоревской культуры (по данным техники расщепления)	1986	1
Буряков Ю. Ф. К датировке и атрибуции некоторых шахматных наборов (в свете находок 1977 г. на Афраспабе)	1980	3
Вагнер Г. К. О восстановлении В. Д. Ермолиным Георгиевского собора в Юрьеве-Польском в 1471 г.	1986	2
Вайткунскене Л. К изучению культа коня в Литве V—VI вв.	1986	2
Варганов А. Д. Еще раз о Суздальском соборе	1977	2
Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре	1979	4
Васильев И. Б., Пряхин А. Д. Бескурганный абашевский могильник у Никифоровского лесничества в Оренбуржье	1979	2
Васильев С. А. Клад каменных орудий из Майнинской палеолитической стоянки	1985	3
Васюткин С. М. Салиховский курганный могильник конца IV—V в. в Башкирии	1986	2
Вдовиченко П. П., Колтухов С. Г. Курган скифского времени в Северном Крыму	1986	2
Вейнарт Е. В., Амброз А. К. Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288)	1980	3
Векслер А. Г., Николаева Т. В. Иконка Дмитрия Солунского из Подмосковья	1980	3
Виленчик Б. Я. Новые доказательства существования русского архаического абака	1984	3
Винников А. З. Керамика донских славян конца I тысячелетия н. э.	1982	3
Винников А. З., Пряхин А. Д. А. Н. Москаленко — ученый и педагог	1986	4
Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., Сулержицкий Л. Д. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов	1977	4
Виноградов В. Б., Дударев С. Л. Клад бронзовых предметов из с. Советское (Чечено-Ингушетия)	1977	1
Виноградов В. Б., Дударев С. Л. Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии	1979	1
Виноградов Н. Б. Кулевичи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья	1984	3
Виноградов Ю. А. Тигель из Илурата	1983	2
Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила. Политическая и династийная история скифов первой половины V в. до н. э.	1980	3
Вихляев В. И. Металлургический горн рубежа I и II тысячелетий н. э. из Мордовии	1983	2
Вихляев В. И. Керамика Новопшеневского городища в Мордовии	1986	1
Вуков С. Ю. Скифские слои городища Чайка (опыт статистической обработки)	1984	2
Вознесенская Г. А. Техника кузнечного производства у славян в VIII—X вв.	1979	2

	год.	№
Вознесенская Г. А. Металлообработка на позднелатенском поселении Галлиш-Ловачка	1984	4
Вознесенская Г. А., Хомутова Л. С. Техника и технология кузнечного производства на городище Марица	1979	4
Войтов В. Е. Древнетюркские памятники на Хануе	1986	4
Волкайте-Куликаускене Р., Лухтан А. Редкие монеты из Восточной Литвы	1981	4
Воробьев В. М. Некоторые вопросы изучения мезолитических рубящих орудий	1979	3
Воробьева Е. В. Рельеф с драконами из Галича	1981	1
Воробьева Е. В., Тиц А. А. Анализ и реставрация Успенского собора XII в. в Галиче	1983	1
Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Древний Смоленск	1979	1
Воронов Ю. Н. К изучению керамического производства Диоскуриады	1977	2
Воронов Ю. Н. Самая высокогорная находка бронзового изделия на Кавказе	1979	3
Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Могильник XIV—XVI вв. в окрестностях Сухуми	1982	2
Воронов Ю. Н., Гунба М. М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии	1978	2
Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия)	1979	1
Высоцкий С. А., Мовчан И. И. Эпиграфическая находка в Ближних пещерах Киево-Печерской Лавры	1984	3
Габуев Т. А. Костяные наконечники стрел с городища Джеты-асар 2	1982	2
Габуев Т. А. Аланские погребения IV в. н. э. в Северной Осетии	1985	2
Гаврилина Л. М. Кочевнические украшения X в.	1985	3
Гаврилов А. В., Шкарбан А. С. Скифский курган у села Крыловка в Крыму	1985	2
Гаврилов С. А. Борисоглебский крест 1467 г.	1985	2
Гаджиев М. С. Глиняные котлы IV—VI вв. из Дербента	1981	2
Гайдуков П. Г., Сергина Т. В. Монетный штемпель первой трети XVI в. из Пскова	1982	1
Гайдученко Л. Л. Неолитическая стоянка Телектес в Павлодарской области	1979	2
Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника)	1985	3
Галибин В. А. Химический состав стекла фрагментов расписных сосудов из Пенджикента	1985	2
Галкин Л. Л. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья	1977	3
Галкин Л. Л. Двусторонняя литейная форма XIV века из Сарайчика	1978	2
Галкин Л. Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное	1984	2
Галкин Л. Л. Некоторые новогодние монеты Золотой Орды	1985	4
Гамзатов Г. Г. Историческая топография позднесредневекового Дербента (XIII—XVII вв.)	1982	1
Гамзатов Г. Г. Памятники позднесредневекового времени на территории Терско-Сулакского междуречья	1982	3
Гаряинов В. А. Гуанское погребение в пещере Южного Приуралья	1980	4
Гвоздовер М. Д. Орнамент на поделках костенковской культуры	1985	1
Гей А. Н. Самсоновское многослойное поселение на Дону	1979	3
Гей О. А. Черняховские памятники Северного Причерноморья (к постановке проблемы)	1980	2
Гей О. А. О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье	1986	1
Генинг В. Ф. Могильник Спиташта и проблема ранних индоиранских племен	1977	4
Генинг В. Ф., Корякова Л. Н. Лихачевские и Черноозерские курганы раннего железного века Западной Сибири	1984	2
Георгиев П. П. К вопросу о древнерусских банях	1981	1
Гершкович Я. П. Фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики	1986	2
Гершкович Я. П., Евдокимов Г. Л. Об одной категории костяных изделий срубной культуры	1982	4
Глинский Е. А., Сергеев Д. А. Две находки с поселения Кивак на Чукотке	1985	4
Гмыря Л. Б. Глиняные котлы Андрейаульского городища I тысячелетия н. э.	1979	3
Гмыря Л. Б. Кухонные горшки Андрейаульского городища	1980	1
Голенцов А. С., Петерс Б. Г. Керамические клейма из раскопок Феодосии 1975—1977 гг.	1981	2
Голованова Л. В. Позднеашельское поселение Средний Хаджох	1985	4
Голубева Л. А. Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII—XI вв.	1981	4
Голубева Л. А. Новые скандинавские находки в Белозерье	1982	3
Голубева Л. А. Женщины-литейщицы (к истории женского ремесленного литья у финно-угров)	1984	4

	год.	№
Голубева Л. А., Варёнов А. Б. Полые коньки-амулеты Древней Руси	1978	2
Гольцева Н. В., Букарский В. Б. Два новых экспоната из собрания Кишиневского музея	1978	2
Гопак В. Д., Дьяченко А. Г. Техника изготовления клинков древнерусских мечей бассейна Северского Донца	1984	4
Гопак В. Д., Заверняев Ф. М. Железные изделия Почепского селища	1981	1
Гопак В. Д., Пачкова С. П. Железные изделия с поселения Круглик на Буковине	1983	2
Гопак В. Д., Шовкопляс А. М. Черный металл зарубинецкого поселения на Оболони в Киеве	1983	4
Горбунов В. С. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы (Башкирия)	1977	1
Горбунов В. С., Обыденнов М. Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии	1980	3
Горбунова Н. Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования)	1977	3
Горбунова Н. Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы)	1979	3
Горбунова Н. Г. Кугайско-карабулакская культура Ферганы	1983	3
Горелик А. Ф. Исследование мезолитических комплексов стоянки Зимовники I в Северо-Восточном Приазовье	1984	2
Горончаровский В. А. Свинцовая гиря из Илурата	1982	1
Горончаровский В. А. Пергамская керамическая мастерская и ее продукция на Боспоре	1983	2
Гошко Т. Ю., Отрощенко В. В. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях	1986	1
Грехова Л. В. Бивень с нарезками из стоянки Елисеевичи	1978	2
Грехова Л. В. Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи II	1985	1
Гречкина Т. Ю. О технике раскалывания кремня (по материалам стоянки Кокорево 1 на Енисее)	1983	3
Григорьева Г. В., Филиппов А. К. Пенская позднепалеолитическая стоянка (Курская область)	1978	4
Гришин Ю. С. О бескерамических неолитических стоянках в Забайкалье	1977	4
Гришин Ю. С. О находках расписных сосудов в гуннских могилах Монголии	1979	3
Гришин Ю. С. О некоторых случайных находках из Забайкалья	1980	1
Гришин Ю. С. Закаменский клад медно-бронзовых изделий из Забайкалья	1981	1
Гришин Ю. С. К вопросу о датировке забайкальско-монгольских писаниц	1982	1
Гришин Ю. С. Дуройская стоянка эпохи раннего металла в юго-восточном Забайкалье	1982	4
Гришин Ю. С. Каменное навершие жезла из г. Канска (Красноярский край)	1984	2
Гришин Ю. С. К вопросу о времени появления железа и его добыче на Верхней Лене (Прибайкалье)	1985	3
Гросу В. И. Сарматский курган у с. Корпач	1979	2
Гросу В. И. Сарматское погребение в Поднестровье	1986	1
Гульмурадов Д. Возникновение и развитие обмена и торговли в Южном Туркменистане	1978	1
Гуляев В. И. Города майя	1977	4
Гупало В. Д. Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни (опыт систематизации)	1985	4
Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю. О ремесленном производстве на киевском Подоле	1980	2
Гуревич Ф. Д. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956—1977 гг.	1980	4
Гуревич Ф. Д. Поливная керамика Новогрудского детинца	1981	4
Гуревич Ф. Д. О формировании городов Черной Руси по данным археологии	1983	3
Гурин М. Ф. Исследования древних железных изделий на микрозонде	1977	3
Гурин М. Ф. Металлографические исследования железных предметов из Абидни (Белоруссия)	1980	4
Гурина Н. Н. О связях древнего населения Кольского полуострова (по материалам погребения в бухте Большой Песконец)	1986	3
Гусенцова Т. М. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки	1981	3
Давудов О. М. Серебряное блюдо из Ирагинской гробницы (Дагестан)	1984	1
Давыдова А. В. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника	1982	1
Данилов С. В. Ритуальные захоронения баранов в Забайкалье	1982	1
Данилова Е. И., Корпусова В. Н. Катакомбное погребение с трепанированным черепом в Крыму	1981	1
Даркевич В. П., Пуцко В. Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970—1978 гг.)	1981	3
Даркевич В. П., Пуцко В. Г. Старорязанские клады (раскопки 1979 г.)	1982	2

	год	№
Даркевич В. П., Стародуб Т. Х. Иранская керамика из раскопок Старой Рязани	1983	2
Дашевская О. Д. Первые исследования Кульчукского некрополя	1978	3
Дашевская О. Д. О скифских курильницах	1980	1
Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника	1983	3
Дегтярь А. К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце	1984	2
Демичева Н. Н. Исследование памятников новгородского зодчества XII — начала XIII в. по данным об эволюции формата кирпича	1984	1
Денисова В. И. Новый эпиграфический документ из Ольвии	1982	1
Деопик Д. В., Дервиз П. Г. Морфологический анализ керамики из погребений срубной культуры Нижнего Подонья	1985	1
Дергачев В. А. Раннескифское погребение на Среднем Пруте	1979	3
Державин В. Л., Тихонов Б. Г. Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье	1981	3
Джафаров А. К. Многослойная Тагларская мустьерская стоянка в Азербайджане	1978	4
Дзаттиаты Р. Г. Раннесредневековый могильник в селении Едыс (Южная Осетия)	1986	2
Дзис-Райко Г. А., Черняков И. Т. Золотая чаша вылчетрыновского типа из Северо-Западного Причерноморья	1981	1
Димитров К. Монеты неизвестных типов из раскопок Севтополя	1980	3
Длужневская Г. В. Некоторые особенности наземных сооружений курганов Саянского каньона р. Енисей (могильник Хадынных II)	1977	3
Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска	1979	4
Долуханов П. М., Щетенко А. Я., Този М. Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазгадепе	1985	4
Домбровска Э. Проблема так называемых «великих городов» у западных славян в раннем средневековье	1980	2
Дрбоглав Д. А. Эпиграфическое значение меча из Московского Кремля (миф о Гицелине)	1978	2
Дрбоглав Д. А., Шилов В. В. Надгробия иноземцев из Серпухова	1979	4
Дремов И. П. Погребение воина с джучидскими монетами	1985	4
Дремов И. И., Кузнецова Л. В. Соленый овраг — первое палеолитическое местонахождение в Саратовском Поволжье	1986	2
Дубовская О. Р. Погребение лучника раннего железного века	1985	2
Дударев С. Л. Деталь конской сбруи из окрестностей Кисловодска	1979	4
Дудорова Л. В. Новые данные о местонахождении древних ворот в древнем городе Владимире	1980	4
Дьяков В. И. Глиняное «зеркало» из Приморья	1985	3
Дьяков В. И., Дьякова О. В. Древнее поселение на мысе Страшном в Приморье	1977	2
Дэвлет М. А. О происхождении демонических масок ламаистской мистерии «Цам»	1979	4
Егорейченко А. А. К истории населения Белоруссии в раннем железном веке	1982	1
Егоров В. Л. География городов Золотой Орды	1977	1
Егоров В. Л. Мавзолеи Водянского городища	1980	1
Егоров В. Л., Юхт А. И. В. Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье	1986	1
Ершевский Б. Д. Древнейшие печати новгородских посадников (1096—1117 гг.)	1978	2
Ждановский А. М. Статуя половецкого воина из станицы Новомалороссийской	1977	1
Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Катакомбные захоронения Уральской области	1978	4
Железчиков Б. Ф., Пятых Г. Г. Среднесарматские погребения I Сорочинского могильника (Оренбургская область)	1981	2
Жилин М. Г. О датировке и культурной принадлежности стоянки Плещево I	1982	3
Жилин М. Г., Фролов А. С. Мезолитическая стоянка Ладыжино III (по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.)	1981	2
Житников В. Г., Марченко К. К. Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону	1984	3
Жуков Ю. Н. Неизвестный документ о деятельности В. А. Городцова	1985	4
Журавлев А. П. К изучению энеолита Карелии	1977	3
Журавлев А. П. Сырьевая база кремневых орудий бассейна Онежского озера	1982	1
Журавлев А. П. Глиняная фигурка водоплавающей птицы на стоянке Илекса I	1982	4
Журавлев А. П. Ранненеолитическое поселение Пегрема IX (Онежское озеро)	1983	1
Журавлев А. П. Датировка поселений мезолита — раннего металла в Унищ-		

	год.	№
кой губе Онежского озера	1984	4
Журавлев А. П. Поселение с керамикой льяловского типа в Заонежье	1986	1
Журавлев А. П., Врублевская Э. Л. Ранний этап металлообработки в Карелии	1978	1
Журавлев А. П., Горлов В. П. Петрографическое изучение сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы (Карелия)	1979	1
Журавлев А. П., Девятова Э. И., Врублевская Э. Л. Медные изделия стоянки Залавруга IV	1981	4
Заверняев Ф. М. Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки	1978	4
Заверняев Ф. М. Гравировка на кости и камне Хотылевской верхнепалеолитической стоянки	1981	4
Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976 гг.	1979	3
Завьялов В. П., Шокарев Ю. В. Ружейный замок XVII в. с острова Серкап (архипелаг Шпицберген)	1986	1
Заднепровский Ю. А. Уникальная находка из Южной Киргизии	1985	3
Заец П. И. Курганный комплекс раннескифского времени у с. Тютьки Винницкой области	1979	1
Зайберт В. Ф. Памятники каменного века Петропавловского Прииртышья	1979	1
Зайберт В. Ф., Плешаков А. А. Результаты исследований памятников энеолита и ранней бронзы на р. Чаглинке	1978	1
Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья	1981	3
Залашко Г. М., Еременко В. Е. Новый зарубинецкий могильник в Полесье	1984	2
Залесская В. Н. Группа свинцовых ампул-эвлогий из Фессалоники	1980	3
Залесская В. Н. Византийские белоглиняные расписные кружки и киликовидные чашки	1984	4
Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса)	1978	1
Засецкая И. П. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве	1980	1
Захарук Ю. Н. О понятии «факт» в археологической науке	1977	4
Захарук Ю. Н. Об одной концепции археологического источниковедения	1983	3
Захарук Ю. Н. Марксизм и некоторые вопросы развития археологии	1983	4
Зданович Г. Б., Зданович С. Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка	1980	3
Зданович Г. Б., Иванов П. В., Хабдулина М. К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане)	1984	4
Зданович Г. Б., Плешаков А. А. Каменная скульптура эпохи бронзы из Притоболья	1981	3
Значко-Яворский П. Л. Исследование строительных растворов церкви 1023 г. в Тмутаракани	1979	1
Золотов Ю. М. Три памятника старомосковской эпиграфики	1984	2
Золотов Ю. М. Изваяния языческих богов на Руси (письменные известия и устные предания)	1985	4
Золотов Ю. М. Памятный крест по стряпчем Пустошкине	1986	1
Золотун В. П., Кухтеева К. М. Палеопочвы и уточнение датировки курганов эпохи энеолита — бронзы в степях Украины	1986	1
Ивакин Г. Ю., Пуцко В. Г. Импостная капитель из киевских находок	1980	1
Иванов В. А. Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища	1977	1
Иванов В. А. Оборонительные сооружения городищ эпохи раннего железа на северо-западе Башкирии	1978	1
Иванов В. А. Городище Петер-тау (Юлдашевское)	1982	3
Иванов В. А., Пшеничнюк А. Х. Городище финальной бронзы на р. Миасс	1978	4
Игнатов В. Н. Бронзовые зеркала из курганов Краснодарского края	1986	3
Иерусалимская А. А. Древняя латунь на торговых путях Кавказа (по материалам Мощевой Балки)	1986	4
Ильинская В. А. Золотая пластина с изображениями скифов из коллекции Романовича	1978	3
Ильюков Л. С. Курган бронзового века на Мпусском полуострове	1979	1
Ильюков Л. С. Металлические «вилки» майкопской культуры	1979	4
Ильюков Л. С. Бронзовый топор из Прикубанья	1981	2
Ильюков Л. С. Погребения литейщиков эпохи средней бронзы из Северо-Восточного Приазовья	1986	2
Ильюков Л. С., Ларенок П. А. Сухо-Чалтырские курганы бронзового века	1982	4
Иоаннисян О. М. Новые исследования одного из памятников галицкого зодчества XII века	1983	1
Исаков А. И. Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии	1986	1
Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Ер-Курган в Южном Узбекистане	1978	3

	год.	№
Исланова И. В. Селище Шурскол II близ Ростова Великого	1982	2
Исланова И. В. Поселения эпохи железа в междуречье Верхней Мсты и Мологи	1985	1
Исмагилов Р. Б. Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии	1978	4
Исмагилов Р. Б. Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного	1980	1
Исхаков М. Х. Средневековые керамические штампы с городища Будрач	1984	2
Итина М. А. Проблемы археологии Хорезма (к 40-летию Хорезмской экспедиции)	1977	4
Кабанов С. К. Раскопки сельского поселения III—V вв. н. э. близ Карши	1978	1
Кабанов С. К. Археологические данные к изучению генезиса феодализма в Средней Азии (по материалам Нахшеба, Хорезма и долины р. Чу)	1984	3
Кавельмахер В. В. О времени построения Пятницкой церкви на Подоле в г. Загорске	1982	2
Кадырбаев М. К. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана	1977	3
Казаков Е. П. Новый ананьинский могильник в низовьях р. Камы	1977	3
Казаков Е. П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии	1978	2
Казаков Е. П. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии	1979	1
Казаков Е. П. Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным	1985	4
Казакявичюс В. К. Погребение с наконечником стрелы из могильника Плинкайгалис	1986	3
Каменецкая Е. В. Керамические клейма XI—XIII вв. из Смоленска	1983	2
Каминская П. В. Фибула эпохи переселения народов	1984	1
Каминская П. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье)	1985	4
Канецян А. Г. Античные черепицы из раскопок Арташата	1984	1
Карагодин М. П. Новые находки бронзового века в Шелаево (р. Оскол)	1977	2
Каргер М. К. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке	1977	2
Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры	1981	2
Кахидзе А. Ю. Древнегреческий могильник Пичвнари (IV в. до н. э.)	1979	1
Качалова Н. К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья	1978	3
Кашкин А. В. О гончарстве в Непале	1981	4
Кикодзе З. К. К методике изучения нижнепалеолитических бифасов	1983	3
Кирпичников А. Н., Овсянников О. В. Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований	1979	3
Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Новгородской земли (некоторые итоги новых исследований)	1982	3
Кирчо Л. Б. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе	1980	1
Кирьянова Н. А. О составе земледельческих культур Древней Руси X—XV вв. (по археологическим материалам)	1979	4
Киняшко А. В., Мамонтов В. И. Погребение катакомбной культуры Березовского курганного могильника	1982	4
Клапчук М. Н. Новые данные о палеолите и мезолите Прикарпатья	1983	4
Клейн Л. С. О предмете археологии (в связи с выходом книги В. Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии»)	1986	3
Кляшторный С. Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки	1979	1
Кобылина М. М. Страницы ранней истории Фанагории	1983	2
Коваленко В. П. Новый вариант печати Великого князя Всеволода Ярославича	1982	4
Коваленко В. П., Шекун А. В. Летописный Листвен (к вопросу о локализации)	1984	4
Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. О соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов (по материалам поселений на берегу Андреевского озера у г. Тюмени)	1984	1
Кожомбердиев П., Кузьмина Е. Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии	1980	4
Козак Д. Н. Поселение пшеворской культуры в с. Подберезцы Львовской области	1985	1
Козенкова В. П. О южной границе восточной группы кобанской культуры	1978	3
Козенкова В. П. О границах западного варианта кобанской культуры	1981	3
Козенкова В. П. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа	1982	3
Козенкова В. П., Ложкин М. Н. Находки из погребений позднекобанской культуры в верховьях Кубани	1981	4
Козенкова В. П., Мишина Т. Н. О сюжетных сценах на керамике кобанской культуры	1984	1
Козенкова В. П., Найденко А. В. Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край)	1980	1
Колесник А. В. Раннепалеолитические находки из Корнеева Яра (Донбасс)	1986	1

	год.	№
Колесникова Л. Г. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса	1977	2
Колосова И. О., Харлашов Б. Н. Дружинное погребение Псковского могильника	1983	2
Колотухин В. А. Поселение кизил-кобинской культуры в Холодной балке у Симферополя	1979	3
Колотухин В. А. Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму	1982	1
Колотухин В. А. Многослойное поселение в юго-восточном Крыму	1983	1
Колотухин В. А. К вопросу о таврах и кизил-кобинской культуре	1985	2
Колтухов С. Г. Кинжал из некрополя Неаполя Скифского	1983	2
Колтухов С. Г. Об оборонительных сооружениях цитадели городища Красное (Кермен-Кыр)	1986	1
Коль Филип Л., Гескель Деннс Л. Археологические памятники равнины Дарре Газ (распространение системы хронологии Намазга на материалы Иранского Хорасана)	1982	4
Кольцов Л. В. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы	1979	4
Кольцов Л. В. О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья)	1985	3
Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Малоокуловский грунтовой могильник волосовской культуры	1980	4
Кондратьева Е. В. Новое о Никольской церкви Николо-Стороженского монастыря	1985	3
Коновалов П. Б. К коллекции хуннских бронз	1980	4
Кононенко Н. А. К вопросу о назначении терочников (по материалам памятников Приморья III—I тысячелетий до н. э.)	1982	2
Копейкина Л. В. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке)	1981	1
Копыл А. Г., Татаринов С. И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце	1979	1
Копылов В. П., Марченко К. К. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону	1980	2
Кореневский С. Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур	1978	2
Кореневский С. Н. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии	1981	1
Кореневский С. Н. Химический состав бронзовых изделий из Тлийского могильника	1981	3
Кореневский С. Н. О металле эпохи средней бронзы в горной зоне Северо-Восточного Кавказа	1986	3
Кореневский С. Н., Петренко В. Г. Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево	1982	2
Кореняко В. А. Погребение савроматского времени на Восточном Маныче	1982	2
Кореняко В. А. К методике изучения погребений со скорченными скелетами	1984	3
Кореняко В. А. Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов)	1985	4
Кореняко В. А., Лукьяшко С. И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона	1982	3
Кореняко В. А., Максименко В. Е. Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона	1978	3
Кореняко В. А., Найденко А. В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край)	1977	3
Корепанов К. И. Фигурка медведя с Верхне-Утчанского городища	1978	4
Корепанов К. И. О находке зеркала на Селитренном городище	1980	1
Коробкова Г. Ф. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трасологического изучения)	1978	4
Коробкова Г. Ф., Гаджиев М. Г. О культурных и хозяйственных особенностях поселения Гинчи (Дагестан)	1983	1
Корпусова В. Н., Белозор В. П. Могила киммерийского воина у Джанкоя, в Крыму	1980	3
Корчинский О. М. Меч из летописного Удеча	1985	1
Коршиков Н. С. Археологические исследования на Дону декабриста В. Д. Сухорукова	1985	1
Корякова Л. Н. Могильник саргатской культуры у с. Красноярка	1979	2
Корякова Л. Н., Стефанов В. И. Городище Инберень IV на Иртыше	1981	2
Косиков В. А., Гриб В. К. Парное кочевническое погребение из кургана у села Каменка в Донецкой области	1985	2
Косменко М. Г., Витенкова И. Ф. Мезолитический слой поселения Муромское VII	1980	4
Костенко В. И. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары	1979	4
Костылева Е. Л. Ранненеолитический верхневолжский комплекс стоянки		

	год.	№
Сахтыш VIII	1986	4
Косяненко В. М. Краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.)	1980	3
Косяненко В. М. Египетский импорт из некрополя Кобякова городища	1986	3
Косяненко В. М., Лукьяшко С. И., Максименко В. Е. Два шлема из фондов Ростовского областного музея краеведения	1978	2
Косяненко В. М., Флёров В. С. Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии)	1978	1
Котигорошко В. Г. Курган первой половины III в. н. э. у с. Братово	1979	2
Котигорошко В. Г. Итоги изучения могильника Иза I в Закарпатье	1980	1
Котигорошко В. Г. Малокопаньское городище рубежа нашей эры в Закарпатье	1984	1
Котович В. Г. Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе	1977	3
Котович В. Г., Давудов О. М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе	1980	4
Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л. О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э.	1979	2
Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении волосовской культуры	1981	2
Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская ранненеолитическая культура	1977	3
Крамаровский М. Г., Полубояринова М. Д. К характеристике городского ювелирного дела Золотой Орды	1982	3
Красильников К. И. Раннепеченежское погребение в с. Горшковке	1978	4
Красильников К. И. Изделия из кости салтовской культуры	1979	2
Красильников К. И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья	1981	4
Красильников К. И. Тандыры в салтовских жилищах Подонья	1986	3
Красильников К. И., Руженко А. А. Погребение хирурга на древнеболгарском могильнике у с. Желтое	1981	2
Краснов Ю. А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы)	1978	4
Краснов Ю. А. Средневековые плуги Восточной Европы	1979	4
Краснов Ю. А. Об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе	1980	3
Краснов Ю. А. Древние и средневековые рала Восточной Европы	1982	3
Краснов Ю. А. Ранняя история сохи	1986	1
Красовский П. С. Реконструкция плана фундаментов Десятинной церкви в Киеве	1984	3
Кривицкий В. В. Бронзовый предмет со скульптурным изображением быка	1980	1
Кригер В. А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область)	1983	3
Кригер В. А., Железчиков Б. Ф. Позднекочевнические погребения у поселка Рубёжка и Алебастрово Уральской обл.	1980	1
Крис Х. И. Предметы звериного стиля из дьяковских городищ	1981	1
Кропоткин А. В. К вопросу о племенных центрах черняховской культуры	1984	3
Кропоткин В. В., Обыденнов М. Ф. Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале	1985	2
Крутских Н. А., Шорин А. Ф. Черкаскульские могильники в Челябинской области	1984	4
Крымина М. М. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья	1977	3
Ксензов В. П. Позднемезолитическое поселение Береговая Слобода на Днепре (по раскопкам 1977 г.)	1979	3
Ксензов В. П. Новые мезолитические памятники юга Белоруссии	1984	2
Ксензов В. П. Поздний мезолит белорусского правобережья Днепра	1986	1
Кубышев А. И., Орлов Р. С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки	1982	1
Кубышев А. И., Полин С. В., Черняков И. Т. Погребение раннежелезного века на Ингульце	1985	4
Кубышев А. И., Черняков И. Т. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры)	1985	1
Кубышев А. И., Черняков И. Т. Грунтовой могильник белозерской культуры у села Чернянка (Херсонская обл.)	1986	3
Кудрявцев А. А. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте	1978	3
Кудрявцев А. А. О новой хронологии древнего Дербента	1982	4
Куза А. В. Печати Евстафия (о некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI в.)	1977	3
Кузнецов А. М. К технике получения микропластин-вкладышей (Приморье)	1983	3
Кузнецов В. А. Помпинальный комплекс VIII в. в окрестностях Кисловодска	1985	3
Кузнецов В. Д. Организация строительных работ в Эпидавре (обработка камня)	1984	1
Кузьменко Ю. К. Надпись-граффити на подвеске со знаком Рюриковичей	1982	1

	год.	№
Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением цариц	1979	1
Кузьминых С. В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии	1977	2
Кузьминых С. В. О химическом составе металла Соколовского могильника	1977	4
Куратов А. А. Соловецкие стоянки II—I тысячелетия до н. э.	1983	4
Куратов А. А., Мартынов А. Я. Пещерные рисунки на р. Пинеге	1979	2
Курбансахатов К. К. Антропоморфные изображения на пряслице энеолитического времени из Южного Туркменистана	1981	2
Курбансахатов К. К. Стратиграфия верхних слоев Северного холма Анау	1983	1
Курлов В. И. О реставрации Соловецкого Преображенского собора XVI века	1981	1
Кутайсов В. А. Четырехапсидный храм Херсонеса	1982	1
Кутайсов В. А. Дом с андроном из раскопок Керкинитиды	1985	3
Кучкин В. А. К изучению текста новгородской берестяной грамоты 138	1977	4
Кушнарева К. Х., Лисицина Г. Н. О возникновении пашенного земледелия в Закавказье (к постановке проблемы)	1979	2
Кушнир И. И. К топографии Неревского конца Новгорода в XVI веке	1982	1
Кызласов И. Л. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время)	1978	1
Кызласов И. Л. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века	1979	3
Кызласов И. Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в.	1980	2
Кызласов И. Л. Орудия таштыкских ювелиров (к истории ремесленного производства в Южной Сибири)	1985	1
Кызласов И. Л., Нащекин Н. В. Изваяние с енисейской надписью с озера Ачик-куль (Хакасия)	1981	3
Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры	1977	2
Кызласов Л. Р. Курганы тюхтятской культуры в Туве (по материалам раскопок 1915—1929 гг.)	1983	3
Кызласов Л. Р. Тагарская ручная мельница и ее значение	1985	3
Лабутина И. К., Волочкова О. К., Лабутин В. П. Новые сфрагистические находки в Пскове	1985	1
Лабутина И. К., Костючук Л. Я. Псковские берестяные грамоты № 3 и 4	1981	1
Ларенок П. А. Левобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону	1983	3
Лебедев Ю. С., Самохина Т. М. Использование трансформируемых сооружений для защиты и экспозиции археологических памятников	1982	3
Левушкина С. В. Средневековый кувшин для нефти с городища Будрач	1982	4
Левушкина С. В., Флициян Е. Химический состав металла кинжала из Вахшувара	1981	1
Леквинадзе В. А. Вислая печать с именем Сергия из Грузии	1980	4
Лелеков Л. А. Вопросы интерпретации среднеазиатской коропластики эллинистического времени	1985	1
Леньков В. Д., Щека С. А. Опыт выявления сырьевой базы чжурчжэньской металлургии по данным физико-химических анализов	1982	1
Леонтьев А. Е. Узменские жернова X века	1979	2
Леонтьев А. Е. Новые данные о костромских курганах	1984	4
Леонтьев А. Е., Пронин Г. Н. Древнерусские памятники района озера Верестово	1978	2
Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса)	1980	2
Либеров П. Д. О хронологии абашевской культуры	1977	2
Лившиц В. А. Парфянские остраки из Коша-депе	1980	4
Лисицын И. П. Раннесарматские погребения в урочище Сазды Гурьевской обл.	1980	1
Лисицын Н. Ф. Палеолитические стоянки в районе Батеневского кряжа на Енисее	1980	3
Лисицын Н. Ф. Озерные стоянки Хакасии (к вопросу о времени освоения степной зоны)	1986	4
Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное III в 1963—1965 гг.	1977	4
Логвин В. Н. Новый памятник каменного века Кустанайской области	1977	4
Логвин В. Н., Калиева С. С. Стоянка Евгеньевка 2 (Северный Казахстан)	1984	1
Логвин Н. Г. Михайловская церковь на Выдубичах в Киеве	1986	4
Логинов В. А. Новые материалы по археологии Диоскуриады	1983	2
Логинов С. Д., Никитин А. Б. Монеты с всадником из Мерва	1986	3
Лоллекова О. Неолитическое поселение Песседжик-депе в Южном Туркменистане	1978	4
Лордкипанидзе О. Д. Археология Грузии. Новейшие открытия, проблемы, перспективы	1977	3
Лоренсо Х. Л. Мексиканская археология и североамериканские археологи	1983	4
Лунина С. Б. Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии	1978	3
Любин В. П. Палеолит Туркмении	1984	1

	год.	№
Любин В. П., Барышников Г. Ф., Черняховский Г. А., Селиванова Н. Б., Левковская Г. М. Пещера Кударо I (опыт комплексного исследования)	1985	3
Ляшко С. Н. Скифское изваяние из района Днепровского Надпорожья	1983	2
Ляшко С. Н. Бронзовый кинжал срубной культуры из фондов Запорожского музея	1986	1
Ляшук П. М. Нож из позднескифского поселения Доброе	1986	3
Мавлеев Е. В. Этрусские зеркала	1984	2
Магомедов М. Г. Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта	1979	3
Макаров Н. А. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей	1981	2
Макаров Н. А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси	1981	4
Макаров Н. А. Раскопки средневекового могильника Погостище в Вологодской области	1983	3
Макаров Н. А. Орнаментика белозерской лепной керамики X—XI вв.	1985	2
Макаров Н. А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X—XIII вв.	1986	3
Макарова Т. И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи	1982	4
Макарова Т. И. Две находки предметов с перегородчатой эмалью из Новгорода и Смоленска	1985	3
Макарова Т. И., Марковин В. И. Золотое украшение с перегородчатой эмалью из Сентинского храма	1981	3
Макарова Т. И., Плетнева С. А. Пояс знатного воина из Саркела	1983	2
Маланин И. Д. Каменный крест из Калининской области	1980	4
Малевская М. В., Фоняков Д. И. Постройки древнего Торопца	1985	4
Малов Н. М. Конструктивные особенности псалия из Краснополья	1983	4
Мамаев Х. М. Литейная форма из Яхлой-Мохка (Юго-Восточная Чечня)	1980	4
Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю. Шлем из селения Ярышмарды (Чечено-Ингушетия)	1982	2
Мамбетуллаев М. Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбуз-Тепе	1977	3
Мамонтов В. И. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье	1980	1
Мамонтов В. П. Погребения эпохи бронзы Глазуновского курганного могильника	1981	1
Мамонтов В. П. О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья	1981	3
Манылов Ю. П. О пути Ибн Фадлана из Хорезма через плато Устюрт	1979	2
Манылов Ю. П., Юсупов Н. Ю. Караван-сараи Центрального Устюрта	1982	1
Марковин В. И. Дольменные постройки в бассейне р. Кяфар	1983	3
Марковин В. П., Глебов А. П. Клад бронзолитейщика из окрестностей станицы Ахметовской	1979	2
Марковин В. П., Ошаев Х. Д. О местоположении ясского города Дедякова	1978	1
Марченко П. Д. О планировке северного района Пантикапея (к проблеме изучения агоры)	1979	2
Марченко К. К. Еще раз к вопросу о каллиппидах	1983	1
Масимов П. С. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба	1979	1
Масимов И. С. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба	1981	2
Масленников А. А. Этнический состав населения боспорских городов в VI—V вв. до н. э.	1978	1
Масленников А. А. О населении прибрежных районов Восточного Крыма в VI—I вв. до н. э.	1980	1
Масленников А. А. К истории населения хоры Европейского Боспора в I в. до н. э.	1980	4
Масленников А. А. Некоторые особенности некрополей городов европейского Боспора первых веков нашей эры	1982	1
Масленников А. А. Еще раз о боспорских валах	1983	3
Масленников А. А. Некрополи городов Азиатского Боспора в первые века н. э.	1985	1
Массон В. М. Алтын-Депе в эпоху энеолита	1977	3
Матбабаев Б. Х. Новые исследования на Чустском поселении (Фергана)	1984	4
Матвеев А. В. Некоторые итоги и проблемы изучения урартской культуры	1986	2
Матвеев Ю. П., Сиюк А. Т. Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону	1977	1
Матвеева Н. П. Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера	1985	2
Матюхин А. Е. Опыты по использованию чопперов и чоппингов в качестве рубящих орудий	1977	1
Матюхин А. Е. Опыты по разделке туш крупных животных орудиями палеолитического облика	1984	4
Матюхин А. Е. О проблемах становления человека и общества	1985	3
Матюхин А. Е. О галечных псевдоорудиях	1986	3

	год.	№
Матюхин А. Е., Григорьева Г. В. Технология изготовления наконечников из позднепалеолитической стоянки Корпач	1981	2
Мацкевой Л. Г. Новые мезолитические и неолитические поселения Краснодарского края	1981	1
Мацкевой Л. Г., Адаменко О. М., Пашкевич Г. А., Татаринов К. А. Природная среда и мезолит Запада Украины	1983	1
Медведев А. П. Сарматское погребение близ Воронежа	1981	4
Медведская И. Н. Могильник Кайтарие — новый памятник раннежелезного века Ирана	1977	1
Медведская И. Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н. э.	1980	4
Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б. Древнерусские строительные растворы	1983	2
Медынцева А. А. Надпись-граффити из псковской церкви Покрова	1981	3
Медынцева А. А. Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси	1984	4
Медынцева А. А. О «досках» русских летописей и юридических актов	1985	4
Мельниковская О. И. Находка греческого веретена в памятниках юхновской культуры	1977	3
Менчинская Т., Кудаев Э. Ш. Наскальные рисунки в Центральных Кызылкумах	1977	4
Мерперт Н. Я. Миграция в эпоху неолита и энеолита	1978	3
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Древнейшая металлургия Месопотамии	1977	3
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Поселение убейдской культуры Ярым-тепе III в Северной Месопотамии	1982	4
Мильчик М. И. Церковь Георгия в Старой Ладоге	1979	2
Минасян Р. С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.)	1978	3
Мирошина Т. В. Об одном типе скифских головных уборов	1977	3
Мирошина Т. В. Скифские калафы	1980	1
Мирошина Т. В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э.	1981	4
Мирошина Т. В. Сарматские погребения, исследованные Ставропольской экспедицией	1986	2
Михайлов Б. Д. Курган эпохи бронзы вблизи Каменной Могилы	1982	4
Михайлов Б. Д. Курганы эпохи бронзы в Северном Приазовье	1985	2
Михайлов С. П., Станюкович А. К. Голосник из собора Ивановского монастыря в Пскове (к вопросу о дате собора)	1983	3
Михайлова Л. А. Русаниха — новый палеолитический памятник вблизи Сунгиря	1985	4
Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша	1982	2
Михеев В. К. Две раннесредневековые находки на Харьковщине	1983	3
Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник	1986	3
Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника	1980	3
Михлин Б. Ю. Раскопки некрополя Керкинитиды в 1975 г.	1981	3
Мкртычев Т. К. К интерпретации терракоты из Сары-тепе II (Южный Согд)	1985	3
Могильников В. А. О западной границе кулайской культуры	1984	3
Могильников В. А., Конников Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье	1983	2
Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г.	1982	2
Могильников В. А., Медникова Э. М. Находки металлических изделий раннего железного века из Новообинки (Алтайский край)	1985	1
Могильников В. А., Суразаков А. С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил	1980	2
Мозолевский Б. Н. К вопросу о скифском Герросе	1986	2
Молчанов А. А. Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича	1982	1
Молчанов А. А. Еще раз о таманском бронзовом «брактеате»	1982	3
Молчанов А. А. Печать древнерусской княгини XIII в. из Житомира	1984	1
Монахов С. Ю. О штампах для клеймения херсонесских амфор	1981	2
Монахов С. Ю. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова	1984	1
Моргунов Ю. Ю. Летописный город Вьяхань	1982	2
Моргунов Ю. Ю. Летописный город Попаш	1985	1
Моргунов Ю. Ю. Круглые городища Левобережья Днепра	1986	2
Морозов В. В. Геральдика на иконе «Благословенно воинство»	1983	2
Морозов Ю. А. Новые сведения о заселении Приуралья срубными племенами	1977	1
Морозов Ю. А. Клад каменных орудий на р. Уршак	1982	4
Моруженко А. А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э.	1985	1
Моруженко А. А., Косиков В. А. Курганы у с. Городное	1977	1
Моруженко А. А., Усачук А. Н. Погребения эпохи поздней бронзы в бассейне Ворсклы	1986	2

	год.	№:
Мошкова М. Г. Комплекс находок с ритоном из Уральской области	1981	4
Мужухоев М. Б. Антропоморфные надгробные стелы мусульманских кладбищ Чечено-Ингушетии	1977	4
Мужухоев М. Б. Храм Алби-Ерды	1979	1
Мужухоев М. Б. Средневековые святилища Центрального Кавказа	1985	3
Мусхелишвили Д. Л. К вопросу о распространении красноглиняной керамики на территории Восточной Грузии в раннеантичную эпоху (по материалам раскопок Ховлегора)	1977	3
Мухамадиев А. Г. Бронзовые слитки — первые металлические деньги Поволжья и Приуралья (I тысячелетие н. э.)	1984	3
Мыськов Е. П. Вторичные погребения срубной культуры в могильнике Ченин	1984	3
Мыськов Е. П. Погребения эпохи бронзы Волгоградского Заволжья	1985	1
Мясникова Н. В. К дендрохронологии Смоленска (по материалам раскопа XI по улице Соболева)	1980	2
Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники Чуди Заволочской	1984	4
Нгуен Кхак Ши. Культура шонви и ее место в каменном веке Юго-Восточной Азии	1982	3
Недошивина Н. Г. Новлянские курганы	1981	1
Недошивина Н. Г. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра	1983	4
Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника	1985	2
Нейдинг В. Л. Фигуративная стадия развития изобразительного искусства верхнего палеолита и его эстетический критерий	1977	2
Немцева Н. Б. К вопросу о методике полевых археологических работ на памятниках зодчества Средней Азии	1981	1
Немцева Н. Б. Новая интерпретация так называемого мавзолея Казы-заде Руми в ансамбле Шахи-Зинда	1981	4
Немцова Н. И. Реконструкция изразцовых печей в доме Сапожникова в Гороховце	1985	4
Нехаев А. А. Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское	1986	1
Нечитайло А. Л. Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры	1978	2
Нечитайло А. Л. О сосудах майкопского типа в степной Украине	1984	4
Низов В. В. Из истории Загородского конца Новгорода	1986	1
Никитенко М. М., Осадчий Е. И., Полегайлов А. Г. Древнерусское жилище в г. Изяслав Хмельницкой области	1985	1
Никитин А. Б. Датированные драхмы Фраата III и хронология сузанских медных эмиссий	1984	4
Никитин А. Л. Неолитическое поселение Плещеево IV	1977	1
Никитин А. Л. Стоянка Теремки на Плещеевом озере	1978	1
Никитин А. Л. Стоянка Плещеево I	1978	4
Никитин В. И., Черняков И. Т. Курлозский клад эпохи поздней бронзы	1981	2
Никитина Г. Ф. Землянка скифского времени у с. Оселивка Черновицкой области	1979	3
Николов В. Ранненеолитические культуры в западной Болгарии	1984	2
Николова А. В., Рассамакин Ю. Я. О позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днепра	1985	3
Никольская Т. Н. К пятисотлетию «стояния на Угре»	1980	4
Новаковская С. М. К вопросу о поздних рельефах в резьбе Дмитриевского собора во Владимире	1978	4
Новаковская С. М. Дмитриевский собор во Владимире. Поздние рельефы второго яруса и барабана	1979	4
Новаковская С. М. Камчетесное дело Владимиро-Суздальской Руси в XII—XIII вв.	1986	3
Новгородова Э. А. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии	1978	4
Новицкий Е. Ю. Деревянная конструкция из ямного погребения у села Холмское	1985	2
Новиченкова Н. Г. О находке нового херсонесского статера	1985	1
Носкова Л. М. Декоративное убранство дворцового комплекса XIV в. в Сарае (Селитренное городище)	1984	4
Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье	1981	1
Обельченко О. В. Мечи и кинжалы из курганов Согда	1978	4
Обломский А. М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры	1983	1
Обломский А. М. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (по материалам Чаплинского могильника)	1985	1
Оболдуева Т. Г. О датировке стен Эйлатана	1981	4

	год.	№
Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Новые данные о культуре средневекового «чудского» населения в бассейне озера Лача	1986	2
Овчинникова Б. Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве	1982	3
Окладникова Е. А. Новые данные по первобытному искусству Аляски	1978	2
Ольговский С. Я. Цветной металл с Березани	1980	4
Ольховский В. С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье	1977	4
Ольховский В. С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным	1978	4
Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов	1981	3
Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время	1982	4
Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий	1986	1
Оманжулов Т. Новые находки эпохи раннего мезолита в районе Нуратинских гор (УзССР)	1982	2
Онайко Н. А. К художественно-технической характеристике золотых оттисков	1979	1
Онайко Н. А. О датировке горгиппийских кирпичей с тамгообразным клеймом	1982	1
Онайко Н. А. О сахновской пластине	1984	3
Островерхов А. С. Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье	1981	4
Отрешко В. М. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья	1981	1
Отрощенко В. В. Костяные детали плеток из погребений срубной культуры	1986	3
Охонько Н. А. Изображения на стенах гробницы с реки Кривой (Прикубанье)	1983	2
Охонько Н. А., Отюцкий И. В. Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска	1982	4
Охотников С. Б. Поселение Надлиманское-VI в Нижнем Поднестровье	1983	1
Ошибкина С. В. Мезолитический могильник «Попово» на р. Кинеме	1982	3
Павлов П. Г. Новые находки каменного века в Южной Киргизии	1983	2
Павлова К. В. Оборонительные сооружения городища Осовик	1981	3
Падин В. А. «Большой курган» Старого Трубчевска	1985	2
Палимпсетова Т. Б. Укрепление и поселение «Ясная Поляна» у г. Ессентуки	1978	2
Панычева Л. Г. Изразцы и изразцовые печи позднесредневекового Полоцка	1981	3
Панова Т. Д. Памятники Московского Кремля в Лицевом своде XVI века	1983	4
Панова Т. Д. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле	1986	1
Паньков С. В. О развитии черной металлургии на территории Украины в конце I тысячелетия до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э.	1982	4
Парович-Пешикан М. Развитие античной археологии в Сербии	1986	1
Патрушев В. С. Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника	1982	4
Патрушев В. С. Шейные гривны эпохи раннего железа из Волго-Камья	1985	2
Патрушев В. С., Розанова Л. С. Технология изготовления железных вещей из Старшего Ахмыловского могильника	1986	1
Пачкова С. П., Орлов Р. С. Борисоглебский энколпион из раскопок древнерусского городища у с. Гричук	1980	3
Переводчикова Е. В. Типология и эволюция скифских наверший	1980	2
Перхавко В. Б. Вопросы раннесредневековой истории Белоруссии (VI—IX вв. н. э.) в польской археологической литературе последних лет (1960—1975 гг.)	1977	4
Перхавко В. Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы	1978	3
Перхавко В. Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана	1979	4
Перхавко В. Б. Проблемы раннесредневековой археологии Польши	1984	3
Пескарева К. М., Рябинин Е. А. Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии)	1984	4
Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы	1982	3
Песонен П. Э. О двух древних поселениях в низовье р. Нива	1977	1
Петренко В. А. Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на Среднем Тереке	1980	1
Петренко В. Г. Погребальные комплексы и находки у с. Пелагиада	1984	2
Петрин В. Т. К вопросу о дате Аракаевской писаницы на р. Уфе	1977	2
Петрин В. Т. Новые наскальные изображения Южного Урала	1984	3
Петрин В. Т. Писаница из окрестностей Свердловска	1985	3
Петрин В. Т., Шорин А. Ф. Антропоморфная скульптура эпохи бронзы с Южного Урала	1980	2
Петрова Н. Ф. Каменный топор из Саратовского музея	1977	1

	год.	№
Петруцкий А. А. Новые материалы по истории Романово-Борисоглебского городища Рязанской области	1979	2
Пилипко В. Н. Женские культовые статуэтки с берегов Средней Амударьи	1977	1
Пилипко В. Н. Парфянский слой поселения Коша-депе у Бабадурмаза	1980	4
Пичикян И. Р. Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии	1980	4
Пичикян И. Р. Александр-Геракл (греко-бактрийский портрет великого полководца)	1983	1
Пицхелаури К. Н. Памятники второй половины I тысячелетия до н. э. на территории Кахетии	1977	3
Плейнерова И. О характере раннеславянских поселений пражского и корчакского типов	1980	2
Плоткин К. М. Письма членов Псковского археологического общества профессору С. Ф. Платонову	1985	2
Погорелов В. И. Шпряевский могильник бронзового века на Среднем Дону	1985	1
Погребова М. Н. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху	1977	2
Полубояринова М. Д. Костяные детали снаряжения средневекового всадника и лучника из Болгара	1986	2
Портнягин И. Г. Памятники эпохи неолита — бронзы бассейна р. Торопы	1984	1
Посредников В. А. Большеларьякское городище	1981	2
Постикэ Г. И. Глиняные котлы на территории Молдавии в раннесредневековый период	1985	3
Потехина И. Д. О носителях культуры Средний Стог II по антропологическим данным	1983	1
Потемкина Т. М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье	1979	2
Потемкина Т. М. Алакульская культура	1983	2
Пронин Г. Н. Некоторые вопросы изучения памятников почепского типа	1979	1
Прохорова Т. А. Погребение предскифского времени из станицы Грушевской	1983	3
Пряхин А. Д., Синюк А. Т., Матвеев Ю. П. Терешковский клад эпохи поздней бронзы в Среднем Подонье	1981	3
Пряхин А. Д., Синюк А. Т. Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский	1983	3
Пугаченкова Г. А. Ишпиханские древности (некоторые итоги исследований 1979 г.)	1983	1
Пузикова А. И. Городище Марица — памятник лесостепных культур скифского времени в Посеймье (по итогам работ 1973—1974 гг.)	1978	3
Пуцко В. Г. Крест-мощевик XIV века	1978	2
Пуцко В. Г. Ростовские каменные львы	1979	2
Пуцко В. Г. Каменный рельеф из киевских находок	1981	2
Пуцко В. Г. Шиферные рельефы в лапидарии Софии Киевской	1984	1
Пушкина Т. А. Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения	1981	3
Пятых Г. Г. Исследования могильника новый Ризадей 1 (Среднее Поволжье)	1983	2
Пятых Г. Г. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья	1984	2
Пятых Г. Г. Некоторые вопросы историографии проблемы происхождения срубной культуры	1985	3
Пятых Г. Г., Фараджев А. А. Малоузенский курган эпохи бронзы	1984	1
Равдина Т. В. Погребения с древнерусскими сребрениками	1979	3
Радзиевская В. Е. Новые находки предметов скифского звериного стиля	1979	4
Радзиевская В. Е. Курганы VI в. до н. э. у пос. Коломак на Харьковщине	1985	1
Радзиевская В. Е., Гопак В. Д. Меч римского типа из поселка Коломак в Харьковской области	1984	3
Радзиевская В. Е., Шрамко Б. А. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище	1980	4
Раев Б. А. Сарматское погребение из кургана у хутора Арпачин	1979	1
Раев Б. А. Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье	1979	4
Раевский Д. С. Куль-обские лучники	1981	3
Раппопорт П. А. «Старая кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского	1977	4
Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII века	1980	3
Раппопорт П. А. Строительные артели Древней Руси и их заказчики	1985	4
Распопова В. И. Стеклянные сосуды с росписью из Пенджикента	1985	2
Рахматуллаев Ш. Жилой квартал древнего городища Пенджикент	1982	1
Риер Я. Г. Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X—XII вв.	1982	4
Розенфельдт И. Г. Детали ритуальных поясов с позднедьяковских городищ	1980	1
Розов В. Н. Боспорские монеты VI—V вв. до н. э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975—1980 гг.)	1983	2
Романовская М. А. Керамический штамп из окрестностей с. Рудь	1980	1
Романчук А. И. Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе	1977	2
Романчук А. И. Граффити на средневековой керамике из Херсонеса	1986	4
Ртвеладзе Э. В. Несколько древнеегипетских предметов из Северной Бактрии	1977	2

	год.	№
Ртвеладзе Э. В. Бронзовый кинжал из Южного Узбекистана (Вахшувар)	1981	1
Ртвеладзе Э. В. Могильник кушанского времени у Ялангтуш-тепе . . .	1983	2
Ртвеладзе Э. В. Средневековый могильник Бит-Тепе в Чаганиане . . .	1986	4
Рубан В. В. Литейная форма с поселения Козырка XV	1979	3
Рубан В. В. Раннеэллинистические лепные кратеры из Нижнего Побужья	1980	1
Рубан В. В. Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея	1983	1
Рузанов В. Д. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры	1980	4
Рунич А. П. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины	1977	1
Рунич А. П. Раннесредневековые склепы Пятигорья	1979	4
Рунич А. П. Железноводский могильник I (I—IV вв.)	1983	4
Русанова И. П., Тимощук Б. А. Збручское святилище (предварительное сообщение)	1986	4
Рыбина Е. А. Товарные пломбы из Турнэ в Новгороде	1981	1
Рыжов С. Г. Дом IV—III вв. до н. э. в Херсонесе	1985	4
Рындина Н. В. Металл в культурах шнуровой керамики украинского Предкарпатья, Подолии и Волыни	1980	3
Рындина Н. В., Дегтярева А. Д., Рузанов В. Д. Результаты химико-технологического исследования находок из Шамшинского клада	1980	4
Рындина Н. В., Конькова Л. В. О происхождении больших усатовских кинжалов	1982	2
Рындина Н. В., Яхонтова Л. К. Древнейшее медное изделие Северной Месопотамии	1985	2
Рябинин Е. А. Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.)	1979	1
Рябинин Е. А. О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне Кокшеньги)	1981	3
Сабиров К. С. Раскопки крепостной стены кушанского городища Зар-тепе	1978	1
Савватеев Ю. А., Девятова Э. И., Лийва А. А. Опыт датировки наскальных изображений Белого моря	1978	4
Савовский И. П. Раннесарматское погребение в Запорожской области	1977	3
Савостина Е. А. Римские имена в ономастике Северного Причерноморья	1977	4
Савостина Е. А. К символике изображения лука на Боспоре	1983	4
Савостина Е. А. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора	1986	2
Савчук С. А. Керамическая печать из Дальверзинтепе с изображением гиппокампа	1984	3
Сагдуллаев А. С. Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6 . .	1980	2
Сагдуллаев А. С. Заметки о раннем железном веке Средней Азии . . .	1982	2
Сагдуллаев А. С. Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи	1984	3
Сагдуллаев А. С. О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии	1985	4
Сазанов А. В. Топография Пантикапея I—IV вв. н. э.	1985	3
Санжаров С. Н. Катакомбное погребение близ г. Северска (Донецк) . .	1983	3
Сапрыкин С. Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма	1978	1
Сапрыкин С. Ю. К типологии двух групп монет Херсонеса	1980	3
Сапрыкин С. Ю. Аспургиане	1985	2
Сарианиди В. И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии . .	1977	1
Сарианиди В. И. Древнейшие топоры Афганистана	1978	2
Сарианиди В. И. Косметические флаконы из Бактрии	1979	2
Сарианиди В. И. Об одной группе культовых изделий Бактрии	1979	3
Сарианиди В. И. Культовый сосуд из Маргианы	1980	2
Сарианиди В. И. Зеркала древней Бактрии	1981	1
Сарианиди В. И. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н. э.	1986	2
Сарианиди В. И., Терехова Н. Н., Черных Е. Н. О ранней металлургии и металлообработке древней Бактрии	1977	2
Седов А. В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на Правобережье Амударьи	1984	3
Седов Вл. В. Церковь Никиты Гусятника XV в. в Пскове	1986	3
Седова М. В. Печать из Суздаля	1979	4
Семенов Вл. А. Памятники афанасьевской культуры в Саянах	1982	4
Семенов Г. Л. Городские стены Пенджикента и история Согда V—VIII вв.	1983	3
Сергин В. Я. О происхождении и развитии палеолитических поселений	1982	2
Сергин В. Я. Применение метода «связей» при археологических исследованиях	1984	1
Сергина Т. В. Поливная посуда из Смоленска	1981	2
Сериков Ю. Б. К вопросу о функциональном назначении так называемых каменных дисков	1977	2
Сериков Ю. Б. К вопросу о технике пиления в неолите и бронзе Лесного Зауралья	1978	1
Сериков Ю. Б. О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV (Зауралье)	1978	4

	год.	№
Сериков Ю. Б. Комплекс каменных изделий из жилища неолитической стоянки Полуденка I	1981	1
Сериков Ю. Б. Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье)	1983	1
Сериков Ю. Б. Новые памятники Горбуновского торфяника	1984	2
Сидоров В. В. Маслово Болото-7 — поселение льяловской культуры	1986	4
Сидоров В. В., Трусов А. В. Луково озеро I — стоянка льяловской культуры	1980	2
Симонова Е. Н. Результаты исследования позднеаварского могильника в Фейсерлак	1978	2
Симонова Е. Н. Средневековое поселение в Залавар-Резеш	1980	2
Симонян А. Е. Два погребения эпохи средней бронзы могильника Верин Навер	1984	3
Синюк А. Т. Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона	1981	4
Синюк А. Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона)	1984	3
Синюк А. Т., Погорелов В. И. Пасековский курганный могильник эпохи бронзы на Среднем Дону	1985	3
Синюк А. Т., Погорелов В. И. Исследования курганов в левобережье Среднего Дона	1986	1
Скакун Н. Н. Экспериментально-трасологические исследования керамических орудий труда эпохи палеометалла (по материалам Алтын-депе и Теккем-депе)	1977	1
Скакун Н. Н. Орудия труда раннетрипольского поселения Александровка (в свете экспериментально-трасологического исследования)	1978	1
Скоробогатова Т. В. Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в.	1983	2
Скорый С. А. Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма	1977	1
Скорый С. А. Меч из собрания Крымского краеведческого музея	1979	3
Скорый С. А. О скифском панцире из Артанда (Венгрия)	1985	3
Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений)	1977	2
Скрипкин А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия	1980	1
Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия во II—IV вв. (некоторые проблемы исследования)	1982	2
Скрипкин А. С., Мамонтов В. И. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов	1977	4
Смирнов А. С. Неолитическая стоянка Лунево II	1978	2
Смирнов А. С. Неолитические стоянки в урочищах Бесец-Белынец	1979	2
Смирнов А. С. Новые неолитические памятники Брянского Подесенья	1982	2
Смирнов А. С. Неолитические стоянки Жеренских озер	1982	3
Смирнов А. С. О раннем неолите Верхнего Поднепровья	1986	1
Смирнов А. С. Белевская культура (проблемы неолита верхней Оки)	1986	4
Смирнов А. С., Сорокин А. Н. Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца	1984	4
Смирнов К. А. Новые данные о почитании топора древними славянами	1977	3
Смирнов К. Ф. «Амазонка» IV века до н. э. на Дону	1982	1
Смирнов С. В. Значение леваллуазской техники в древнекаменном веке	1978	4
Смирнов Ю. А. Погребение с бычьими черепами в Нижнем Подонье	1980	4
Смирнова Г. И. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре)	1977	4
Смирнова Г. И. Могильник типа Поянешты—Лукашевка у с. Долиняны на Буковине (раскопки 1977—1978 гг.)	1981	3
Смирнова Г. И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР	1985	4
Сокольский Н. И. Таманский клад бронзовых орудий	1980	2
Сокульский А. Л. К локализации летописного Олешья	1980	1
Соловьев В. С. К характеристике искусства раннесредневекового Тохаристана (Кафыркала)	1985	1
Соловьев В. С. Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане	1985	2
Соломина В. П. Уникальный памятник северного средневекового шитья	1984	2
Соломоник Э. И. Кубанские керамические плитки	1979	4
Сорокин А. Н. Позднемезолитическая стоянка Микулино (Мещера)	1981	1
Сорокин А. Н. Мезолитическая стоянка Петрушино во Владимирской области (Мещера)	1981	4
Сорокин А. Н. Мезолит Великих Мещерских озер	1984	1
Сорокина И. А. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье	1985	3
Сорокина Н. П., Трейстер М. Ю. Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного Исторического музея	1983	4
Спирина Л. М. Клад монет XVII в. из Загорска	1978	2
Ставиский В. П., Бобровский Т. А. Клейма на голосниках XI—XII вв. из Киева	1986	3

	год.	№
Станко В. Н., Смольянинова С. П. Исследование палеолита и мезолита степного Побужья	1985	4
Станюкович А. К. Об одном редком типе древнерусских украшений (трефовидные привески)	1981	1
Старков В. Ф. Находки шахмат на архипелаге Шпицберген	1984	3
Старостин П. Н. Богородицкий могильник	1983	1
Старостин П. Н., Хомутова Л. С. Железообработка у племен именьковской культуры	1981	3
Стефанов В. П., Днепров С. А., Корочкова О. Н. Курганы федоровского типа могильника Урефты I	1983	1
Стоколос В. С. Существовал ли новокумакский горизонт?	1983	2
Столяр А. Д. Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья (Карелия)	1977	3
Столяр А. Д. Тезис К. Маркса о материальном «производстве идей» в свете археологических источников	1983	4
Субботин А. В. Скифский курган близ Новочеркасска	1980	3
Сулейман А. Цивилизация Эбла и культура сирийских кубков	1982	4
Сулейман А. Раскопки памятников раннего и среднего бронзового века в городе Алеппо (Сирия)	1983	4
Супруненко А. Б. Сосуды срубной культуры из окрестностей села Орлик	1986	4
Суразаков А. С. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области	1979	3
Сымонович Э. А. Стеклянная посуда из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры	1977	1
Сымонович Э. А. О культовых представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период	1978	2
Сымонович Э. А. Ромашковский могильник — первый черняховский памятник Поднепровья	1979	3
Сымонович Э. А. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов	1983	1
Сымонович Э. А. Сюжетные изображения на черняховской керамике	1983	4
Сымонович Э. А. Раннесредневековое поселение Тазово под Курском	1986	4
Сыркина И. А. Клад с городища Лорвож (XII в.)	1983	4
Татаринов С. П. Новое каменное изваяние из Донецкой области	1977	3
Татаринов С. П. О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе	1977	4
Татаринов С. П. Древний медный рудник «Выскривский» в Донецкой области	1978	4
Татаринов С. П. Металлообработка в эпоху поздней бронзы на среднем Донце	1979	4
Татаринов С. П. Железоделательный горн бондарихинской культуры	1980	3
Татаринов С. П. Новые сосуды эпохи бронзы со знаками (Донбасс)	1981	4
Татаринов С. П. Раннескифское погребение из Приазовья	1982	1
Татаринов С. П. Металлургия бронзы у племен срубной культуры Восточной Украины	1983	4
Татаринов С. П., Копыл А. Г. Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец	1981	1
Татаринов С. П., Копыл А. Г., Шамрай А. В. Два праболгарских могильника на Северском Донце	1986	1
Телегин Д. Я. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита Юга Украины	1977	2
Телегин Д. Я. Новые памятники культуры линейно-ленточной керамики на Украине	1979	2
Телегин Д. Я. Палеолитическая стоянка Збраньки на Житомирщине	1980	1
Телегин Д. Я. Старосельский клад поздней бронзы из Черкасской области	1982	1
Телегин Д. Я., Филенко О. С. Могильник среднестоговской культуры в Днепровском Надпорожье	1982	1
Тер-Акопян Н. Б. Развитие взглядов Карла Маркса на первобытное общество	1983	4
Тереножкин А. П. Ягорлыцкий котел	1982	2
Терехова Н. Н. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период	1983	3
Терехова Н. Н. Железообработка в древнемонгольских городах	1985	3
Терский-Шеломенцев В. С. Исследования детинца Звенигорода Галицкого	1978	1
Тешев М. К. Новый памятник поздней бронзы на Западном Кавказе	1983	4
Тимофеев В. П., Филиппов А. К. Три изделия из рога северного оленя, найденные в Юго-Восточной Прибалтике	1981	2
Тимощук Б. А., Русанова И. П. Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута	1983	4
Тимощук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П. Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V—X вв.	1981	2
Титов В. С., Эрдели И. Первые итоги раскопок Венгеро-Советской экспедиции на территории ВНР	1980	1

	год.	№
Тодорова Х., Рындина Н. В., Черных Е. Н. Энеолитический металл из Голямо Делчево (Болгария)	1977	1
Толмачева М. М. Технология кузнечного ремесла Старой Рязани	1983	1
Торма И. Археологическая Топография Венгрии	1977	4
Третьяков В. П. Поселение Бологое II в Калининской области	1977	2
Третьяков В. П. Некоторые стоянки каменного века Посожья и Подесенья	1978	2
Третьяков В. П. Варианты волосовских древностей	1979	1
Третьяков В. П. О классификации неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой	1980	3
Третьяков В. П. Орудия труда верхнеднепровской неолитической культуры	1981	3
Третьяков В. П. К вопросу об «археологической непрерывности» (по материалам орудий труда эпохи мезолита и неолита)	1982	2
Третьяков В. П. О неолите Верхнего Подонья	1982	4
Третьяков В. П. Неолитическая керамика и археологические культуры (по материалам лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР)	1984	1
Третьяков В. П. Неолит Верхнего Подесенья	1985	2
Трефц М. П. Поселение эпохи бронзы Буй I на Вятке	1985	4
Троицкая Т. Н. Курган 1 Быстровского могильника	1984	4
Трусов А. В. Зарайская верхнепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение)	1985	3
Трусов О. А. Белорусская черепица XIV—XVIII вв.	1986	3
Трусов О. А., Чернявский И. М., Кравцевич А. К. Архитектурно-археологические исследования Мирского замка и городского поселка Мир Гродненской области	1986	4
Уманский А. П., Неверов С. В. Находки из погребений IX—X вв. в долине р. Алея на Алтае	1982	2
Уткин А. В. Костяные изделия стоянок Берендеево V и IX	1985	1
Уткин А. В., Костылева Е. Л. Ранненеолитическая верхневолжская культура на стоянке Польцо	1984	3
Фам Ли Хыонг. Состав глины расписной керамики ранних земледельцев Южного Туркменистана	1982	1
Фахрутдинов Р. Г. Новые археологические памятники Волжской Булгарии	1978	1
Фахрутдинов Р. Г. Исследования булгарских городищ в Татарии и Ульяновской области (по разведкам 1967, 1970, 1971 гг.)	1981	1
Фахрутдинов Р. Г. Скифские зеркала бассейна Казанки	1983	1
Фахрутдинов Р. Г. Исследование Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов)	1984	4
Федоров Б. Н. Пьедесталы надгробий с узкими высокими стелами (Херсонес, IV—III вв. до н. э.)	1981	4
Федоров Г. Б., Рошаль М. Г. Погребение IV в. н. э. у с. Сычавка	1979	2
Федоров-Давыдов Г. А. Браслет с надписью с Селитренного городища	1978	2
Федоров-Давыдов Г. А. Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника	1980	2
Федоров-Давыдов Г. А. Из истории русской археологии и нумизматики (Х. М. Френ, 1782—1851)	1982	3
Федоров-Давыдов Г. А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья	1984	3
Федорова Н. В. Два серебряных сосуда из района г. Сургута	1982	1
Фехнер М. В. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси	1977	3
Фехнер М. В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе	1982	2
Фехнер М. В. Наконечник ножен меча из кургана близ Коростеня	1982	4
Фиалко Е. Е., Болтрик Ю. В. Ларец из кургана Огуз	1986	2
Филиппов А. К. Технология изготовления костяных наконечников в верхнем палеолите	1978	2
Флёров В. С., Косяненко В. М. Салтово-маяцкие деревянные сосуды с Нижнего Подонья	1980	4
Фомичев Н. М. Джучидские монеты из Азова	1981	1
Фонякова Н. А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII—IX вв.	1986	3
Формозов А. А. О критике источников в археологии	1977	1
Формозов А. А. О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства	1979	3
Формозов А. А. К истории археологических раскопок в Киеве в начале XIX века	1981	1
Формозов А. А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX века	1981	3
Формозов А. А. Проблема древнейшего человека в русской печати XIX столетия (наука, церковь, цензура)	1982	1
Формозов А. А. К проблеме «очагов первобытного искусства»	1983	3
Формозов А. А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла	1984	4

	год.	№
Формозов А. А. Общее и особенное в сложении археологии как науки в России	1985	1
Формозов А. А. Документ по истории русской археологии начала XIX в.	1985	3
Фролов А. С., Жилин М. Г. Новый памятник мезолита на Верхней Оке	1978	1
Фролов А. С., Сорокин А. Н., Жилин М. Г. Первые памятники мезолита в Мещере	1977	2
Фролов И. К. О домостроительстве первой половины I тысячелетия н. э. на территории Подесенья и Поочья	1979	1
Фролова Н. А. О времени правления Динамии	1978	2
Фролова Н. А. История правления Рискупорида V (242—276 гг. н. э.) по нумизматическим данным	1980	3
Фролова Н. А. Монетное дело Фофорса (285—308 гг. н. э.)	1984	2
Хайкунова Н. А. Нуклеусы верхнепалеолитической стоянки Супонево	1984	4
Халимов Н. Б. Надгробие XIV века из Куня-Ургенча	1981	2
Хлобыстина М. Д. Некоторые вопросы палеосоциологической интерпретации Оленеостровского могильника	1978	3
Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники Нижнего Поднепровья как памятники социальной истории	1979	3
Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Могильник эпохи ранней бронзы Пархай II в Туркмении	1980	1
Хлопина Л. И. Керамические орудия эпохи бронзы Южной Туркмении	1979	1
Хожаниязов Г. История развития фортификации античного Хорезма	1981	2
Хомутова Л. С. Металлообработка на поселениях дьяковской культуры	1978	2
Хомутова Л. С. Кузнечная техника на земле древней веси в X в. (по материалам поселения у дер. Городище)	1984	1
Хотинский Н. А., Фоломеев Б. А., Гуман М. А. Археолого-палеогеографические исследования на Средней Оке	1979	3
Хрушкова Л. Г. Рельефная плита с изображением птиц из Цебельды	1977	1
Хрушкова Л. Г. Плиты алтарной преграды из Цебельды (Абхазия)	1978	1
Цветкова И. К., Кравцов А. Е. Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I	1982	2
Цетлин Ю. Б. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита	1980	4
Циркин А. В. К вопросу о происхождении городецкой культуры в Мордовии	1979	3
Циркин А. В. Древковое оружие мордвы и его хронология	1984	1
Цолль-Адамикова Е. Деревянные конструкции в курганах с трупосожжением у восточных и западных славян	1982	4
Цыбин М. В. Погребения средневековых кочевников X—XIV вв. в Среднем Подонье	1986	3
Чалый В. В. Новые поселения срубной культуры в Нижнем Подонье	1983	1
Чалый В. В., Фомичев Н. М. Древнерусская костяная бляшка из Азова	1985	3
Чариков А. А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья	1979	2
Чариков А. А. Группа скульптур из Джамбула	1980	3
Чариков А. А. Статуя музыканта XII в.	1981	2
Чариков А. А. Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана	1986	1
Чахкиев Д. Ю. Кольчуга из сел. Махкеты (Чечено-Ингушетия)	1979	4
Чемякин Ю. П. Новый могильник в Сургутском Приобье	1980	3
Чернай И. Л. Пектораль из Селецкого городища	1980	4
Чернай И. Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища)	1981	4
Черненко Е. В., Клочко В. И. О подлинности золотой пластины из Сахновки	1979	4
Чернецов А. В. Об одном рисунке Радзивилловской летописи	1977	4
Чернецов А. В. Три резных посоха XV века	1980	2
Чернецов А. В. О декоре купола Большого Сиона 1486 г.	1985	3
Чернов Г. А. Мезолитическая стоянка Сандибейю I	1978	2
Чернов Г. А. Новые мезолитические стоянки на реках Сандибейю и Колве (Большеземельская тундра)	1980	1
Черношицкий М. П. Курган с погребением «жрицы» на Кубани	1985	3
Черносвитов П. Ю. Демографические и экологические процессы как факторы изменения археологических культур	1985	3
Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР	1978	4
Черных Е. Н. О химическом составе металла Таманского клада	1980	2
Черных Е. Н. Клад из Констанцы и вопросы балкано-кавказских связей в эпоху поздней бронзы	1981	1
Черных Е. Н. Проявления рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы)	1982	4

	год.	№
Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Химический состав металла клада у станицы Упорной	1986	3
Черняков И. Т., Ванчугов В. П., Кушнир В. Г. Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья	1986	2
Черняков И. Т., Никитин В. И. Бандуркинский клад бронзового века из Южного Побужья	1984	2
Чижова Л. В. Об одном сюжете культовых пластин Прикамья	1982	1
Чижова Л. В. К вопросу об идеологии средневекового населения Прикамья (по сюжетам культового литья)	1982	3
Чистяков Д. А. Исследование Малой Воронцовской пещеры в Сочинском Причерноморье	1986	3
Членова Н. Л. Нижняя Коя — новый могильник карасукской эпохи в Минусинской котловине	1979	3
Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал)	1983	1
Членова Н. Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах	1984	1
Чореф М. Я. Антропоморфная стела и плита с тамгообразным знаком из фондов Бахчисарайского музея	1985	2
Чубова А. П. Херсонесские саркофаги с гирляндами и поддерживающими фигурами	1986	4
Чурилова Л. Н. Погребение с серебряной маской у села Манвеловки на Днепропетровщине	1986	4
Шарма Дж. Л., Щетенко А. Я. Каменный век Непала	1983	2
Шаровская Т. А. О функциональном назначении каменных орудий из могильника Веселая Роща	1985	2
Шашкина Т. Б., Галибин В. А. Памятники древнерусского колокольного литья (результаты химико-аналитического исследования)	1986	4
Швецов М. Л. Половецкие святилища	1979	1
Швецов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников	1980	2
Швецов М. Л. Стела V—VII вв. из Приазовья	1980	4
Швецов М. Л. Позднекочевническое погребение у с. Смелое на Северском Донце	1984	1
Шевелев В. В. Кремневая скульптура из окрестностей озера Лача	1986	1
Шелов Д. Б. За высокое качество полевых археологических исследований	1981	1
Шелов Д. Б. Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в.	1981	2
Шелов Д. Б. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе	1983	4
Шелов Д. Б. Полевая археология и охрана археологических памятников	1984	1
Шелов Д. Б. К методике полевых археологических исследований (новая инструкция к Открытым листам)	1986	2
Шеляшина Н. С., Панова Т. Д., Авдусина Т. Д. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле	1979	2
Шигин А. Е. Сары-курган — крепость в Фергане	1984	1
Шилов В. В. Надгробные плиты с надписями из Серпухова	1979	3
Шилов В. П. Топор майкопской культуры в Калмыкии	1982	1
Шилов В. П. Запорожский курган (к вопросу о погребениях аорсской знати)	1983	1
Шилов В. П. Курган 6 урочища Бичкин-Булук и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии	1985	2
Шинаков Е. А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец	1980	3
Ширинов Т. Ш. Кремневые изделия эпохи бронзы с поселения Сапаллитепа (типологическо-функциональное исследование)	1979	4
Шитова Т. Б. Ближневосточная керамика IX в. из Старой Ладоги	1980	2
Шишкин К. В. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей	1982	3
Школьникова Н. А. Стеклянные украшения конца I тысячелетия н. э. на территории Поднепровья	1978	1
Шляхова В. И. Серебряный сосуд из с. Юлдус (Курганская область)	1977	4
Шляхова В. И. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городищ)	1980	4
Шнирельман В. А. Современные концепции происхождения производящего хозяйства (проблема механизма)	1978	3
Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии	1986	2
Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период)	1977	1
Шрамко Б. А., Янушевич З. В. Культурные растения Скифии	1985	2
Шумкин В. Я. Мезолит Кольского полуострова	1986	2
Щапова Ю. Л. О химическом составе древнего стекла	1977	3
Щапова Ю. Л. Мастерская по производству стекла у с. Комарово (III—IV вв.)	1978	3

	год.	№
Щапова Ю. Л. Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное	1984	2
Щелинский В. Е., Гагашьян В. М. Ашельское рубило из окрестностей Туапсе	1980	4
Щепинский А. А. Раковинные кучи на энеолитических стоянках Крыма	1977	1
Щербакова Т. П. Палеолитическая стоянка Талицкого (по раскопкам 1942 г.)	1986	3
Щербов С. Г. Неопознанный портал второй половины XII в. из Суздаля	1985	1
Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне	1983	4
Эрдниев У. Э. Курган древнеямной культуры в Калмыкии	1982	1
Юшко А. А. Монетные находки из раскопок Звенигорода Московского	1981	1
Юшко А. А. О пределах Московского княжества Ивана Калиты	1985	2
Юшко А. А., Чернов С. З. Из исторической географии Московской земли (по итогам полевых работ 1976 г.)	1980	2
Яблонский Л. Т. Мусульманский некрополь Водянского городища	1980	1
Якобсон А. Л. К изучению фресок из южного нефа «Базилики 1935 г.» в Херсонесе	1978	2
Янин В. Л. О продолжительности строительства Новгородского кремля конца XV в.	1978	1
Янин В. Л. О принадлежности южных усадеб Неревского раскопа в Новгороде	1979	4
Янин В. Л. К истории так называемого «дома Марфы Посадницы» в Новгороде	1981	3

Критика и библиография

Абрамова З. А. Палеолит Сибири. Новосибирск, 1983	1986	1
Абрамова З. А. P a l e s L. et T a s s i n M. de Saint Péreuse. Les gravures de La Marche. v. II. Paris, 1976	1980	4
Абрамова З. А., Столяр А. Д. К вопросу об истоках искусства (в связи с выходом книги Я. Я. Рогинского «Об истоках возникновения искусства». М., 1982)	1984	4
Авилова Л. И. P a t a y P. Das Kupferzeitliche Gräberfeld von Tiszavalk-Kenderföld. Budapest, 1978	1980	4
Агбунов М. В. Д о в а т у р А. И., К а л л и с т о в Д. П., Ш и ш о в а И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982	1985	2
Алексеев В. П. А р у т ю н о в С. А., С е р г е е в Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М., 1975	1977	2
Алексеев В. П. К о л ь ц о в Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977	1980	4
Алексеев В. П. J a y a s w a l V. Palaeohistory of India (A Study of the Prepared Core Technique). Adam Kala Prakashan, Delhi, 1978	1982	2
Алексеев Л. В. Новые книги по археологии белорусских городов	1980	2
Алексеев Л. В. Три тома альбома-каталога по искусству Белоруссии XII—XIII вв. Минск, 1980—1984	1986	3
Амброз А. К. B i e r b r a u e r V. Die ostgottischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975	1980	1
Амирханов Х. А. Paléorient. Volume 5. Paris, 1979	1984	3
Амирханов Х. А. Paléorient. Volume 9/1—1983. Revue pludisciplinaire de préhistoire et protohistoire de l'Asie Sud-Ouest. Paris, 1983	1985	4
Андреева Ж. В. Ответ Д. Л. Бродянскому	1982	4
Антонова Е. В. П о г о ж е в а А. П. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск, 1983	1985	3
Арутюнов С. А. В а с и л ь е в с к и й Р. С., Г о л у б е в В. А. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). Новосибирск, 1976	1978	4
Арутюнов С. А. Ф е д о с е е в а С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980	1983	4
Балонов Ф. Р., Шер Я. А. D o r a n J. E., H o d s o n F. R. Mathematics and Computers in Archaeology. Edinburgh, 1975	1978	3
Башилов В. А. T r i g g e r B. Time and Traditions. Essays in archaeological interpretation. Edinburgh, 1978	1982	1
Белецкий С. В. Новое в изучении длинных курганов (А у н М. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин, 1980)	1983	2
Белецкий С. В., Лесман Ю. М. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии	1979	1
Белецкий С. В., Лесман Ю. М. Ш т ы х о в Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978	1982	3
Белецкий С. В., Лесман Ю. М. Г у р е в и ч Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад — Окольный город. Л., 1981	1984	4

	год	№
Белецкий С. В., Пронин Г. Н. Проблемы этнической истории Северной Руси	1980	1
Беляев С. А. Fülep F. Roman Cemeteries on the Territory of Pécs (Sopianae). Budapest, 1977	1982	2
Беляева В. И. Early Man News, vol. I Tübingen, 1976	1979	2
Березкин Ю. Е. Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1979	1978	4
Бибиков С. Н. Массон В. М. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). МИА № 180. Л., 1971; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976	1979	1
Борисевич Г. В. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. САИ, вып. Е1-32. Л., 1975	1978	4
Борисковская С. П. Amyx D. A., Lawrence P. Archaic Corinthian Pottery and the Anaploga Well. Corinth, v. VII, p. II. Princeton, New Jersey, 1975	1977	4
Борисковский П. И. Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М., 1982	1985	3
Борисковский П. И., Хлобыстин Л. П. Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977; Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979	1981	1
Борисов С. Б. Lashkari-Bazar. Une résidence royale ghaznevide et ghoride. Paris, 1978	1982	2
Брайчевский М. Ю. Новые археологические открытия в Киеве. (Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ. Наукова думка, 1979)	1983	3
Брашинский И. Б. Wąsowicz A. Olbia et son territoire. L'aménagement de l'espace. (Centre de recherches d'histoire ancienne. Vol. 13. Annales littéraires de l'Université de Besançon, 168). Paris, 1975	1977	3
Бродянский Д. Л. Андреева Ж. В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н. э. — VIII в. н. э.). М., 1977	1981	2
Булкин В. А. Финно-угры и славяне (доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 15—17 ноября 1976 г.). Л., 1979	1983	2
Бутин Ю. М. Чосон Когохак Кэё. (Очерки по археологии Кореи). Пхеньян, 1977	1981	3
Бутузова Г. А., Фрейденберг М. М., Хохлов А. Н. Средневековое оружие на Балканах в работах Д. Петрович	1983	1
Вагнер Г. К. Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников. САИ. Вып. Е1-47. М., 1982	1985	1
Василенко В. М., Даркевич В. П. Хускивадзе Л. З. Грузинские эмали. Тбилиси, 1981	1984	4
Васильев И. Б., Выборнов А. А., Моргунова Н. Л. Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982	1985	2
Васильев С. А. Jochim M. A. Hunter-gatherer Subsistence and Settlement. A Predictive Model. New York, 1976	1981	3
Вздорнов Г. И. Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981	1984	2
Вилинбахов В. Б. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976	1978	3
Виноградов А. В. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976	1979	1
Винокур И. С. Справочники по археологии Украины	1980	4
Вихляев В. И., Мартьянов В. Н. Жиганов М. Ф. Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск, 1976	1978	2
Воронов Ю. Н. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978	1980	3
Воронов Ю. Н. Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980	1984	2
Генинг В. Ф. Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977; Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981	1982	1
Голенцов А. С. Драчук В. С., Кара Я. Б., Челышев Ю. В. Керкинитида — Гёзлёв — Евпатория. (Серия «Археологические памятники Крыма»). Симферополь, 1977	1982	1
Горончаровский В. А. Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979	1983	4
Григорьев Г. П. Gabori M. Les civilisations du Páléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Esquisee historique. Budapest, 1976	1983	3
Гришин Ю. С., Матюшин Г. Н. Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975	1978	1
Громов В. П. Борисковский П. И. Возникновение человеческого общества. Григорьев Г. П. Палеолит Африки. Л., 1977	1979	3
Грязнов М. П. Гурина Н. Н. Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л., 1976	1981	1

	год	№
Гудкова А. В. Баран В. Д. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981	1984	3
Гуревич Ф. Д. Nowakowski A. Górne Pobuże w wiekach VIII—XI. Lodz, 1972	1977	1
Гуревич Ф. Д. О новогрудском стеклоделии (по поводу выхода книги М. М. Яницкой «Истоки стеклоделия Белоруссии». Минск, 1980)	1985	4
Даркевич В. П., Макарова Т. И. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981	1983	4
Дмитриева Т. Н. Mc Burney C. B. M. Early Man in the Soviet Union. London, 1976	1979	2
Егоров В. Л. Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975	1981	4
Ерофеев Ю. Н. О некоторых неточностях в изложении истории исследований Ярополча Залесского (Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978)	1982	4
Зарубежные рецензии на советские археологические издания	1977	1
Зарубежные рецензии на советские археологические издания	1978	3
Захаров В. А. Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979	1983	1
Иванов В. А. Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.) М., 1977	1983	2
Кабанов С. К. Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII в. Фрунзе, 1981	1984	4
Карышковский П. О. Две книги советских нумизматов в английском переводе	1981	3
Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В. Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Bericht über ein Symposium in Reinhausen bei Göttingen in der Zeit vom 18 bis 24 April 1972. T. I, II. Göttingen, 1973, 1974	1978	2
Клейн Л. С. Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975	1977	3
Кобахия Б. С. Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980	1985	2
Ковалевская В. Б. Gardin J.-C. Une archéologie théorique. L'Esprit Critique. Hachette. Paris, 1979	1983	3
Козловская В. И. Hispania Antiqua. Revista de Historia Antiqua. Universidad de Valladolid, 1976	1981	1
Кольцов Л. В. Tarrête J. Le Montmorencien. X-e Supplement á «Gallia Préhistoire». Paris, 1977	1981	2
Кольцов Л. В. Gaussen J. Le Paléolithique supérieur de plein air en Périgord. XIV supplément à Gallia Préhistoire. Paris, 1980	1984	3
Кореневский С. Н. Геворкян А. Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980	1984	2
Косарев М. Ф. Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, вып. 1, 1979; вып. 2, 1980	1983	2
Кошеленко Г. А. Petsas Ph. Pella: Alexander the Greats' Capital. Thessaloniki, 1978	1982	2
Кошеленко Г. А., Сарианиди В. И. The Archaeology of Afghanistan from Earliest Times to the Timurid Period. London — New York — San Francisko, 1978	1982	3
Краснов Ю. А. Работы по археологии в «Трудах Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики» (вып. 48 и 52). Саранск, 1975, 1976	1978	1
Краснов Ю. А. Янушевич З. В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976; **Лисицина Г. Н., Прищепенко Л. В.** Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977	1979	1
Краснов Ю. А. Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры (Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, вып. 63). Саранск, 1979	1982	4
Краснов Ю. А. Коробушкина Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Минск, 1979	1983	2
Краснов Ю. А. Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980	1984	2
Крижевская Л. Я. Письмо в редакцию	1978	1
Куза А. В. Русский город. (Историко-методологический сборник). М., 1976	1978	4
Куза А. В. Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977	1979	4
Куза А. В. Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981	1984	3

	год	№
Куза А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978	1982	2
Кузьмина Е. Е. Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975	1977	2
Кулаков В. И., Пронин Г. Н. Археологическое исследование Новгородской земли. Межвузовский сборник. Л., 1984	1986	2
Кушнарева К. Х., Джапаридзе О. М. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975	1978	1
Кызласов Л. Р. Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984	1986	3
Ларенок П. А. О каталоге археологических коллекций музея истории Донского казачества (письмо в редакцию)	1982	4
Лесков А. М. Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975	1977	3
Литичевский Г. С. Vallet G., Villard F., Auberson P. Mégara Hyblaea. I. Le quartier de l'agora archaique. EFR, Roma, 1976	1981	4
Мажитов Н. А. Chalikowa E. A., Chalikow A. H. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981	1985	2
Макаров Н. А. Kivikoski E. Långgångsbacken. Ett gravfält på Åland.— SMYA, Helsingfors, 1980, № 80	1984	1
Макарова Т. И. Археологи в поисках исторических закономерностей. (О книге Ю. Л. Щаповой «Очерки истории древнего стеклоделия». М., 1983)	1986	1
Максименков Г. А. Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983	1985	2
Малевская М. В. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979	1983	1
Марковин В. И. Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. САИ, вып. В2-5. М., 1977	1980	1
Марковин В. И. Germond G. Inventaire des mégalithes de la France. 6-Denx-Sèvres. Paris, 1980	1984	1
Матюхин А. С. Girard C. Les industries maustériennes de la grotte de l'Hyène à Arcy-sur-Cure. Paris, 1978	1982	3
Матюшин Г. Н. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976	1979	3
Мачинский Д. А., Шаскольский И. П. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978	1982	2
Мелюкова А. И. Actes du IIe Congrès international de thràcologie. I. Bucureşti, 1980	1984	1
Мещеряков В. Ф. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981	1984	3
Митрофанов А. Г. Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск, 1983	1986	1
Могильников В. А. Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979	1983	4
Молчанов А. А. Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983	1985	4
Молчанов А. А. Pohl A. Münzzeichen und Meisterzeichen auf ungarischen Münzen des Mittelalters 1300—1540. Budapest, 1982	1986	1
Мошкова М. Г., Смирнов К. Ф. Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975	1977	2
Николаева Т. В. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980	1982	1
Окладников А. П. «Палеолит Африки» — важный вклад в советскую историческую науку	1979	3
Окладников А. П., Окладникова Е. А. Новое исследование по петроглифам Дагестана	1981	1
Окладников А. П., Худяков Ю. С. Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980	1982	3
Оленковский Н. П. Станко В. Н. Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. Киев, 1982	1986	3
Онайко Н. А. О новый публикациях античной торевтики из скифских курганов Приднепровья	1982	4
Онайко Н. А. Галанина Л. К. Курджинский курган. Л., 1980	1984	1
Паавер К. Л. Bökönyi S. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest, 1974	1978	1
Перхавко В. Б. Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978	1983	3

	год	№
Петренко В. П. Stubavs A. Kentes pilskalns un apmetne. Rīga, 1976	1979	4
Петренко В. П. Urtans V. Senākie depositi Latvijā (lidz 1200 g). Rīga, 1977	1980	1
Петренко В. П. Mugurevičs Ē. Olinkalna un Lokstenes pilsnovodi (3—15 gs. arheologiskie pieminekli). Rīga, 1977	1981	3
Петрухин В. Я. Ellis Davidson H. R. The Viking Road to Byzantium. London, 1976	1978	3
Петрухин В. Я. Wikinger und Slawen. Zur Frühgeschichte des Ostseevölker. Berlin, 1982	1986	2
Плетнева С. А. Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976	1977	4
Плетнева С. А. Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до XI в.). М., 1979	1982	1
Попконстантинов К. Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979	1983	1
Пугаченкова Г. А. Francfort H. P. Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'epoque Kouchane. Paris, 1979	1983	4
Пуцко В. Г. Стародавній Київ, 1975	1977	2
Пуцко В. Г. Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978	1982	3
Резепкин А. Д. Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974	1977	4
Романчук А. И. Джорбенадзе В. А. Археологические памятники Иорского ущелья. Т. IV. Эрцо — Тианети в средние века. Тбилиси, 1982	1985	2
Русанова И. П. Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—XI ст. Київ, 1976	1978	2
Русяева А. С., Зубарь В. М. Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981	1984	4
Рыбина Е. А., Хорошев А. С. Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 2-е изд. М., 1975	1978	1
Сапрыкин С. Ю. Новые книги о древней Колхиде	1982	1
Седов В. В. Dostal B. Břeclav-Pohansko. Velkomoravský velmožský dvorec. Brno, 1975	1978	1
Седов В. В. Warnke D. Wieken an der Südlichen Ostseeküste. Berlin, 1977	1981	3
Седов В. В. Weithmann M. W. Die Slavische Bevölkerung auf der griechischen Halbinsel. München, 1978	1982	2
Семенов А. И. Каталог археологических коллекций. Музей истории Донского казачества. Новочеркасск, 1979	1982	4
Семенов Г. Л., Шкода В. Г. Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977	1980	2
Сергин В. Я. Пидопличко И. Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976	1978	2
Сергин В. Я. Sklenář K. Nejstarší lidská obydeí v Československu. Praha, 1977	1980	3
Сергин В. Я. Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979	1983	4
Сердитых З. В., Кошеленко Г. А. О некоторых новых публикациях по искусству Гандхары	1982	4
Скорый С. А. Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Achmolean Museum. Oxford, 1979	1985	1
Смирнов С. В. Бибиков С. Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев, 1981	1985	1
Смирнов Ю. А. Les sépultures néandertaliennes. Nice, 1976	1979	4
Смирнов Ю. А. Binford S. R. A Structural Comparison of Disposal of the Dead in the Mousterian and Upper Paleolithic.— Southwestern Journal of Anthropology, 1968, v. 24, № 2, p. 139—154; Harrold F. B. A Survey and Formal Analysis of Middle and Upper Paleolithic Burials from Europe and Southwest Asia. The University of Chicago. Chicago, Illinois, 1974. 63 pp.; Harrold F. B. A Comparative Analysis of Eurasian Paleolithic Burials.— World Archaeology, 1980, v. 12, № 2. p. 195—211	1983	3
Соболева Н. А., Кропоткин В. В. Nohejlová-Prátová Em. Základy numismatiky. Praha, 1975	1979	4
Таскаев В. Н. Ежеквартальный журнал ЮНЕСКО «Museum». 1983, т. XXXV, № 1. Музеи и подводная археология	1985	4
Череножкин А. И. Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980	1982	3
Тимофеев В. И. Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979	1983	4

	год.	№
Титов В. С. Kalicz N., Makkay J. Die Linienbandkeramik in der Grossen Ungarischen Tiefebene. Budapest, 1977	1980	2
Тменов В. Х. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977	1979	2
Третьяков В. П. Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев. 1976	1978	3
Трифонов В. А. Gardin J.-C. Archaeological Constructs. An aspect of Theoretical archaeology. Cambridge, 1980	1983	3
Формозов А. А. Новые книги о наскальных изображениях Кавказа и Средней Азии (обзор публикаций 1973—1976 гг.)	1978	3
Формозов А. А. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978	1980	3
Формозов А. А. Новая книга о пещере Ласко (Leroi-Gourhan Arl., Allain J. Lascaux inconnu. XII Suppléments à «Gallia Préhistoire». Paris, 1979)	1982	3
Хазанов А. М., Шкурко А. И. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977	1979	3
Хлебникова Т. А. Исследование Великого города. М., 1976	1978	1
Храпунов И. Н. Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. (По материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев. 1983	1986	1
Чернецов А. В. Kadar Z. Survivals of Greek Zoological Illumination in Byzantine Manuscripts. Budapest, 1978	1980	3
Чернецов А. В. Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981	1984	3
Чернецов А. В. Borsos B. Staghorn Powder-flasks. Budapes, 1982	1985	1
Шамин А. Н. Archaeological Chemistry. III. (Advances in chemistry series — № 205). Washington, 1984	1985	4
Шнирельман В. А. Archaeozoological Studies: papers of the Archaeozoological conference 1974. Amsterdam, 1975	1979	1
Шнирельман В. А. Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М., 1981	1984	4
Шрамко Б. А. Mutz A. Die Kunst des Metalldrehens bei den Römern. Interpretationen antiker Arbeitsverfahren auf Grund von Werkspuren. Basel, 1972	1983	3
Шрамко Б. А. Мозолевский Б. М. Товста Могила. Київ, 1979	1984	1
Штейн Е. Э. Clavel-Leveque M. Marseille grecque. Marseille, 1977	1982	3
Щапова Ю. Л. Dekówna M. Szkło w Europie wczesnośredniowiecznej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1980	1984	3
Щербакова В. С. Popilian Jh. Ceramica Romana din Oltenia. Craiova, 1976	1978	4
Щукин М. Б. Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Band I. Berlin, 1976	1978	4
Яйленко В. П. Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978	1983	4

Хроника

Авдусин Д. А. VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии	1978	3
Алёкшин В. А., Боковенко Н. А. Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» (Ленинград. 1975)	1977	3
Аникович М. В. Совещание по вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита (Ленинград, 1974)	1978	3
Архипов Н. Д. Ленская историко-археологическая экспедиция и создание А. П. Окладниковым древней истории Якутии (1940—1949 гг.)	1985	1
Архипов Н. Д. Археологические исследования Б. Э. Петри в Прибайкалье	1986	2
Бадер О. Н. Доклады археологов на IV Международном конгрессе финноугроведов в Будапеште, 1975 г.	1977	1
Батчаев В. М., Керефов Б. М. VIII Крупновские чтения (Нальчик, 1978)	1980	2
Бестужев Г. Н., Трифонов В. А. Заседание памяти А. А. Иессена в Ленинграде	1986	1
Васильков Я. В., Кирчо Л. Б. Второй советско-индийский симпозиум по археологии Средней Азии и Индии (Ашхабад. 1984)	1986	2
Винокур И. С., Сымонович Э. А. Симпозиум «Позднейшие судьбы черняховской культуры»	1983	3
Владыко Н. Н. Всесоюзный научный семинар «Новые методы исследования, консервации и реставрации археологических находок» (Киев, 1984)	1986	3

	год.	№
Гайдуков П. Г., Завьялов В. И. I Всесоюзная методологическая школа молодых археологов	1982	3
Генинг В. Ф. Проблема происхождения венгров (IV Международный конгресс финноугроведов в Будапеште, 1975 г.)	1977	1
Генинг В. Ф. Симпозиум по проблемам истории кочевничества (Токио, ноябрь 1981 г.)	1983	3
Гиголашвили Е. Всесоюзная научная конференция, посвященная новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V Археологического съезда	1983	1
Головачева Н. В. Всесоюзное совещание «Типология и социальная структура древнего и средневекового города»	1978	1
Голубева Л. А. XVI Всесоюзная конференция финноугроведов	1981	4
Голубева Л. А., Седов В. В. Советско-финляндский симпозиум по археологии в Хельсинки	1979	4
Грандмезон Н. Н. 100 лет «Общему каталогу монет» П. О. Бурачкова	1984	2
Гуляев В. И., Гусаков М. Г. Всесоюзная научная конференция «Причины перехода от доклассовых к раннеклассовым обществам» (Москва, 1984)	1986	1
Давудов О. М. V Крупновские чтения (Махачкала, 1975)	1977	4
Днепровский К. А. Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье»	1983	2
Долуханов П. М. Научное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения С. И. Руденко	1985	4
Доманский Я. В., Щукин М. Б. Научная сессия, посвященная 50-летию Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа (27—30 октября 1981 г.)	1983	4
Дэвлет М. А. К столетию Минусинского музея	1977	1
Завьялов В. И., Ольховский В. С. Конференция «Археологические источники и проблемы их интерпретации» (Москва, 1984)	1985	3
Заднепровский Ю. А., Кирчо Л. Б. Международный симпозиум «Потребляющие и производящие типы хозяйства в период неолита на территории Центральной Азии» (Душанбе, 1982)	1984	2
Заднепровский Ю. А., Овсянников О. В., Матюхин А. Е., Бочкарев В. С. Заключение комиссии по проверке факта нарушения авторских прав со стороны старшего научного сотрудника ЛОИА АН СССР, к. и. н. А. Я. Щетенко	1984	2
Зализняк Л. Л., Шульженко М. А. Археологическая конференция, посвященная 50-летию образования Института археологии Академии наук УССР (Киев, 1984)	1986	2
Квирквелия О. Р., Кулаков В. И., Станюкович А. К., Хамидуллина Н. М. Совещание «Человек и окружающая среда в древности и средневековье» (Москва, 1983)	1984	3
Козенкова В. И. VI Крупновские чтения (Краснодар, 1976)	1978	1
Козенкова В. И. VII Крупновские чтения (Черкесск, 1977)	1980	2
Козенкова В. И. Совещание по хронологии — периодизации памятников Кавказа	1980	4
Козенкова В. И. X Крупновские чтения (Москва, 1980)	1982	4
Козенкова В. И. XI Крупновские чтения (Новороссийск, 1981)	1983	1
Козенкова В. И. XII Крупновские чтения (Геленджик, 1982)	1983	3
Козенкова В. И. Конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова	1984	4
Конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Артемия Владимировича Арциховского	1983	4
Косарев М. Ф., Могильников В. А. VI Уральское археологическое совещание (Нижний Тагил, 1977)	1979	2
Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. 25 лет (1959—1983 гг.) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР	1983	4
Кузнецов А. М. О работе археологического симпозиума XIV Тихоокеанского научного конгресса	1981	3
Кызласов И. Л., Могильников В. А. Конференция «Этногенез и этническая история тюркского населения Сибири и сопредельных территорий»	1982	1
Лабутина И. К. Научный семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли» в 1981—1983 гг.	1986	1
Латышева В. А., Мещеряков В. Ф. Всесоюзная научная конференция «Проблемы античной истории и классической филологии»	1981	3
Левковская Г. М. Вопросы палинологии на советско-французских полевых семинарах	1983	4
Лисицына Г. Н. IV Международный симпозиум по палеоэтноботанике	1978	4
Лисицына Г. Н. V Международный симпозиум по палеоэтноботанике	1982	2
Любин В. П., Борисковский П. И. Археология на Московском конгрессе ИНКВА	1984	2

	год.	№
Масленников А. А. Чтения памяти Владимира Дмитриевича Блаватского	1982	4
Массон В. М. Первый советско-индийский семинар по археологии Средней Азии и Индии	1984	1
Международный коллоквиум по проблемам археологии Ирана и Средней Азии	1977	3
Мелюкова А. И., Смирнова Г. И. Всесоюзный симпозиум «Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры»	1981	1
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Первый советско-американский симпозиум по археологии	1982	3
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Археологическая поездка по Сирии	1984	1
Моруженко А. А. Всесоюзная конференция «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы»	1982	2
Мошкова М. Г., Пичикян И. Р. «Эйрене» — 1976. XIV Международная конференция античников социалистических стран	1977	3
Мунчаев Р. М., Гуляев В. И. Второй советско-американский симпозиум по археологии Ближнего Востока и Средней Азии (Самарканд, 1983)	1985	3
Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Происхождение земледелия и технологии: Западная или Восточная Азия?	1979	3
От отдела полевых исследований	1977	1
От отдела полевых исследований	1979	1
От редакции	1984	2
Письмо в редакцию	1981	4
Пичикян И. Р. Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья (Всесоюзная научная конференция в Тбилиси, 1975)	1977	1
Плетнева С. А. Конференция по археологии «праболгар» (Болгария, г. Шумен)	1977	2
Пьянкова Л. Т., Алёкшин В. А. Советско-французский симпозиум «Археология древнейшей Бактрии»	1984	4
Савельева Т. В. Всесоюзное совещание «Проблемы исследования средневековой археологии Средней Азии и Казахстана (XIII—XVIII вв.)»	1983	2
Седов В. В. Международный симпозиум «Археология и организация окружающей среды» (ГДР, 1975)	1977	2
Седов В. В., Смирнов К. А. V Международный конгресс финно-угроведов	1983	1
Седов В. В., Смирнов К. А. Советско-финляндский симпозиум «Торговля, обмен и культурные связи народов Фенно-Скандинавии и Восточной Европы» (Хельсинки, 1983)	1985	1
Седов В. В., Чернецов А. В., Баран В. Д. Международный конгресс славянской археологии (Киев, 1985)	1986	3
Семенов Г. Л., Шкода В. Г. Всесоюзная конференция в Пенджикенте	1980	4
Синицин А. А. Вопросы методики и техники исследования каменных орудий палеолита	1978	3
Станюкович А. К. Совещание по применению физико-математических методов в археологии (Москва, 1978)	1980	3
Станюкович А. К., Силантьев Г. Л., Лесман Ю. М. Совещание «Физико-математические науки в изучении производительных сил»	1983	2
Старков В. Ф. Отдел археологии в краеведческом музее Баренцбурга на архипелаге Шпицберген	1983	4
Устинова Ю. Б. Научное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения М. И. Максимовой	1985	4
Фодор И., Халиков А. Х. Совещание по проблеме «Взаимосвязи среднеевропейских славян с другими этносами в VI—XX вв.» (с. Нове Возоканы, ЧССР, 1983)	1985	1
Халиков А. Х. Международный симпозиум, посвященный 100-летию Финно-угорского общества Финляндии (Хельсинки, 1983)	1985	2
Халикова Е. А. Еще раз о проблеме происхождения венгров (в связи с дискуссией на IV Международном конгрессе финно-угроведов)	1978	4
Шарафутдинова Э. С. Симпозиум «Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа» (Ереван, 1982)	1984	3
Щукин М. Б. О симпозиуме «Проблемы вельбаркской культуры» в Слупске (Польша)	1981	3
Янушевич З. В., Пашкевич Г. А. Шестой симпозиум Международной рабочей группы по палеоэтноботанике (Нидерланды, 1983)	1986	3
Персоналии		
Бибиков С. Н. Петр Петрович Ефименко (к 100-летию со дня рождения)	1984	4
Горюнов Е. А. К 75-летию со дня рождения Петра Николаевича Третьякова	1984	2

	год.	№
Крайнов Д. А. К 125-летию со дня рождения В. А. Городцова	1985	4
Кызласов Л. Р. К 70-летию академика А. П. Окладникова	1978	4
Раушенбах В. М. К 100-летию со дня рождения А. Я. Брюсова	1985	4
Янин В. Л. К 70-летию академика Б. А. Рыбакова	1978	2
Памяти Анатолия Константиновича **Амброза**	1986	2
Памяти Артемия Владимировича **Арциховского**	1978	3
Памяти Отто Николаевича **Бадера**	1980	2
Памяти Алисы Владимировны **Банк**	1985	3
Памяти Григория Дмитриевича **Белова**	1982	1
Памяти Владимира Дмитриевича **Блаватского**	1981	4
Памяти Станчо **Вакларова (Станчева)**	1979	3
Памяти Евгения Алексеевича **Горюнова**	1982	4
Памяти Валериана Иннокентьевича **Громова**	1979	3
Памяти Михаила Петровича **Грязнова**	1985	4
Памяти Ираиды Борисовны **Зеест**	1982	1
Памяти Варвары Андреевны **Ильинской**	1981	2
Памяти Михаила Константиновича **Каргера**	1977	3
Памяти Татьяны Николаевны **Книпович**	1977	1
Памяти Бориса Александровича **Колчина**	1984	4
Памяти Владимира Герасимовича **Котовича**	1980	4
Памяти Юрия Владимировича **Кухаренко**	1981	2
Памяти Гориславы Николаевны **Лисицыной**	1984	2
Памяти Владимира Григорьевича **Луконина**	1986	1
Памяти Анатолия Максимилиановича **Мандельштама**	1984	4
Памяти Арутюна Арташесовича **Мартиросяна**	1978	2
Памяти Ванды Иосифовны **Мошинской**	1982	1
Памяти Татьяны Васильевны **Николаевой**	1985	2
Памяти Алексея Павловича **Окладникова**	1982	3
Памяти Надежды Анисимовны **Онайко**	1984	4
Памяти Марии Захаровны **Паничкиной**	1979	1
Памяти Александра Николаевича **Рогачева**	1985	2
Памяти Сергея Аристарховича **Семенова**	1979	4
Памяти Константина Федоровича **Смирнова**	1981	3
Памяти Эраста Алексеевича **Сымоновича**	1984	3
Памяти Алексея Ивановича **Тереножкина**	1982	3
Памяти Марии Александровны **Тихановой**	1983	3
Памяти Петра Николаевича **Третьякова**	1977	1
Памяти Елены Александровны **Халиковой**	1978	1
Памяти Марты Хансовны **Шмидехельм**	1982	3
Памяти Павла Николаевича **Шульца**	1984	3
Памяти Игоря Георгиевича **Шургая**	1983	4
Памяти Анатолия Леопольдовича **Якобсона**	1985	3

Указатель составлен *В. Е. Нахапетян*

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 14.07.86 Подписано к печати 19.09.86 Т-13875 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 25,2 Усл. кр.-отт. 92,7 тыс. Уч.-изд. л. 30,9 Бум. л. 9,0
Тираж 3652 экз. Зак. 2768

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6